

Люсинда Райм

В мире продано более 15 млн книг автора

СЕМЬ СЕСТЕР

Их будущее начертано среди звезд

Люсинда Райли

В мире продано более 15 млн книг автора



СЕМЬ СЕСТЕР

Их будущее начертано среди звезд

Annotation

На протяжении десятка лет эксцентричный богач удочеряет в младенческом возрасте шесть девочек из разных уголков земного шара. Каждая из них получила имя в честь звезды, входящей в созвездие Плеяд, или Семи сестер.

Роман начинается с того, что одна из сестер, Майя, узнает о внезапной смерти отца. Она устремляется в дом детства, в Швейцарию, где все собираются, чтобы узнать последнюю волю отца. В доме они видят загадочную сферу, на которой выгравированы имена всех сестер и места их рождения.

Майя становится первой, кто решает узнать о своих корнях. Она летит в Рио-де-Жанейро и, заручившись поддержкой местного писателя Флориано Квинтеласа, окунается в тайны прошлого, которое оказывается тесно переплетено с легендой о семи сестрах и об их таинственном предназначении.

-
- [Люсинда Райли](#)
 -
 -
 - [Действующие лица романа:](#)
 - [Майя](#)
 -
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [Изабелла](#)

-
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

- [Майя](#)

-
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [Изабелла](#)

-
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
 - [45](#)
 - [Майя](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [Алли](#)
 - [51](#)
 - [Примечание автора](#)
 - [Благодарность](#)
-

Люсинда Райли

Семь сестер

Lucinda Riley
THE SEVEN SISTERS

© Красневская З., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящаю своей дочери Изабелле Роуз

«Мы все живем в канаве, но некоторые из нас продолжают смотреть на звезды».

Оскар Уайлд



Действующие лица романа:

Атлантис

Па Солт (Папа-Соль) – приемный отец сестер (умер)

Марина (Ма) – гувернантка сестер

Клавдия – экономка

Георг Гофман – нотариус Па Солта

Кристиан – шкипер, капитан катера

Сестры Деплеси

Плеяды

(Получили свои имена в честь семи звезд, входящих в созвездие Плеяд)

Майя

Алли (Альциона)

Стар (Астеропа)

Сиси (Келено)

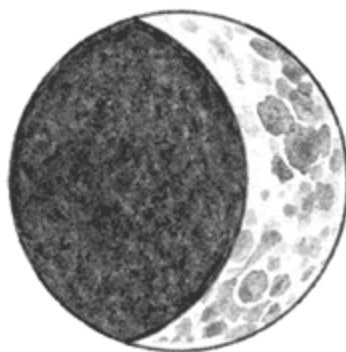
Тигги (Тайгете)

Электра

Меропа (отсутствует)

Майя

Июнь 2007 года



Луна в первой четверти
13; 16; 21

До конца своих дней буду помнить, где находилась и чем занималась в тот самый момент, когда мне сообщили о смерти отца. Я сидела в красивом саду своей старинной, еще со времен школы, подруги в Лондоне. На коленях у меня лежал экземпляр последнего романа Маргарет Этвуд под названием «Пенелопа», который был издан в 2005 году. Раскрыв книгу, я не стала ее читать, предпочитая просто наслаждаться приятным июньским солнышком, ожидая возвращения Дженни, которая отправилась забирать сынишку из детского сада.

Мне было покойно и хорошо. Какая, однако, прекрасная мысль, подумала я, уехать на время из дома. Я принялась разглядывать кусты клематиса, сплошь покрытые бутонами. Совсем скоро они распустятся под лучами живительного солнца и заиграют всем многообразием красок и оттенков. И в эту самую минуту зазвонил мой мобильник. Я глянула на дисплей. На экране высветился номер Марины.

– Привет, Марина. Как там у вас дела? – проговорила я в трубку, надеясь, что мой голос в состоянии передать ей хотя бы часть здешнего тепла.

– Майя, я...

Марина замолчала, и я тотчас же поняла, что что-то случилось. Что-то нехорошее. Но что?

– Майя, мне трудно говорить тебе об этом, но вчера у твоего отца случился сильный сердечный приступ. Уже во второй половине дня, ближе к вечеру. А сегодня на рассвете он... ушел.

Я молчала, миллион самых разных, хаотичных и даже нелепых мыслей вихрем пронеслись в моей голове. И первая – самая нелепая. Потому что в первый момент мне показалось, что Марина, по каким-то непонятным мне причинам, решила разыграть со мной вот такую безвкусную шутку.

– Я звоню тебе первой из сестер, Майя... Ты ведь у нас – старшая. Сама сообщишь своим сестрам? Или предпочитаешь, чтобы это сделала я?

– Я...

Слова застряли в горле. Наконец до меня дошло, что Марина, моя дорогая, любимая Марина, которая всегда была для меня вместо родной матери, ту я, впрочем, и не помнила вовсе, не могла так подло и бессердечно подшутить надо мной. И все, что она мне только что сообщила, *правда*. Да, все так и есть! И в ту же самую минуту весь мой мир сошел со своей оси и рассыпался на части.

– Майя, отзовись! С тобой все в порядке? О боже. Никогда еще мне не приходилось сообщать по телефону столь ужасные вещи, но что мне остается делать? Господи! И как только остальные девочки воспримут это известие?

И тут я впервые расслышала нотки отчаяния в *ее* голосе. Получается, что этот звонок сюда, в Лондон, был для нее не менее важен и не менее сложен, чем для меня самой. Усилием воли я заставила себя включить свой главный психологический ресурс – умение утешать других.

– Конечно, Ма, я сама перезвоню сестрам, если ты не возражаешь. Вопрос в другом. Где они сейчас обитают? Насколько мне известно, Алли готовится к очередной регате.

Какое-то время мы с Мариной обсуждали предполагаемые места нахождения моих младших сестер, будто намеревались собрать их всех на застолье по поводу дня рождения одной из нас, но никак не для того, чтобы оплакать смерть отца. Отчего весь наш разговор приобрел такой немного сюрреалистический оттенок.

– А когда планировать сами похороны? Что думаешь? – поинтересовалась я у Марины. – Электра сейчас в Лос-Анджелесе, Алли торчит где-то на океане. Надо же время, чтобы собрать их всех. Раньше следующей недели никак не получится. Как считаешь?

– Полагаю, – голос Марины звучал как-то неуверенно, – все это мы с тобой обсудим, когда ты уже вернешься домой. Пока особой спешки нет. Более того, Майя. Если ты хочешь провести последние пару дней своих каникул в Лондоне, оставайся. Здесь ты ему уже ничем не поможешь...

Голос Марины сорвался, и она замолчала.

– Ма, что за разговоры! *Конечно же*, ближайшим рейсом я вылетаю в Женеву. Немедленно звоню в аэропорт, а уже потом начну обзванивать всех остальных.

– Мне очень жаль, шерри, – сказала Марина убитым голосом. – Я ведь знаю, как ты обожала своего отца.

– Да, – ответила я и почувствовала, как то странное спокойствие, похожее на затишье перед бурей, которое внезапно снизошло на меня, пока мы обсуждали с Мариной все вопросы, связанные с предстоящими похоронами, вдруг куда-то улечивается прочь. – Я перезвоню тебе попозже, – бросила я в трубку. – Когда буду точно знать, в какое время прилечу домой.

– Пожалуйста, Майя, береги себя. Ты только что пережила страшный удар.

Я молча отключила мобильник и, не дожидаясь того момента, когда грозовая туча переживаний накроет меня уже с головой, побрела наверх, к себе в спальню, чтобы взять документы и начать звонить в аэропорт. Позвонила, автоответчик велел подождать. Я машинально глянула на свою постель. Сегодня утром я проснулась в ней, приготовившись встретить Еще Один Новый День, и только. А получилось вот что. Какое все же счастье, подумала я, что люди не могут предвидеть собственное будущее.

Наконец включилась линия связи с аэропортом. Новости, которые озвучила мне дежурная, были неутешительными. Свободных мест нет, все рейсы переполнены. К тому же мне грозит серьезная денежная неустойка за возврат билета. Потом женщина стала методично расспрашивать о номерах моих кредитных карточек, и я почувствовала, что силы мои на исходе и я вот-вот взорвусь. Но мне как-то удалось вымолить у нее местечко на четырехчасовой рейс до Женевы, что означало следующее. Надо срочно хватать такси и немедленно мчаться в Хитроу, чтобы успеть на самолет. Я оцепенело уселась на кровать и какое-то время молча пялилась на обои, пока их рисунок – молоденькие веточки на светлом фоне – не заплясал у меня перед глазами.

– Ушел, – прошептала я. – Ушел навсегда. И я его больше никогда не увижу.

Я предполагала, что эти слова, произнесенные вслух, вызовут у меня бурный поток слез, но с удивлением обнаружила, что слез нет. Вместо того, чтобы плакать, я, тупо уставившись в стену, лихорадочно прокручивала в голове вопросы исключительно практического характера. Например, о том, как сообщить эту страшную новость

сестрам – их же у меня пятеро. Сама мысль о предстоящих разговорах с сестрами ужасала. Кому же позвонить первой? Я быстро перебрала в своей эмоциональной памяти всех пятерых и остановила свой выбор на Тигги. Предпоследняя из нас, шестерых. Но я всегда чувствовала особую близость именно с ней.

Трясущимися пальцами я перебрала в контактах своего мобильного все номера телефонов, отыскивала нужный номер и набрала его. Послышался механический голос автоответчика. Я даже растерялась в первый момент, но потом, спотыкаясь и запинаясь, промямлила в трубку несколько слов с просьбой перезвонить мне как можно скорее. Наверняка торчит где-нибудь в высокогорье Шотландии. Она там работает в питомнике по уходу за осиротевшими и ранеными дикими оленями.

Что же до других сестер... Их реакция была мне известна заранее, по всей шкале переживаний и чувств. Во всяком случае, внешняя реакция будет колебаться в пределах от нарочитого безразличия до бурного проявления горя.

Чувствуя, что я еще и сама не готова определить, в каком именно месте шкалы находится градус моего собственного горя и на какую волну переживаний мне следует настроиться в разговоре с сестрами, я повела себя как самая последняя трусиха: разослала всем четверым эсэмэски с просьбой незамедлительно связаться со мной. После чего быстро побросала вещи в дорожную сумку, спустилась по узенькой лестнице вниз на кухню и оставила там коротенькую записку для Дженни с объяснениями, почему я в такой спешке покидаю ее дом.

В надежде побыстрее поймать такси я выскочила на улицу, быстрым шагом миновала изгибающийся в форме полумесяца зеленый переулок Челси, старательно делая вид, будто это самый обычный день, будто ничего и не случилось. Помахала рукой, приветствуя кого-то из соседей, выгуливавшего своего пса. И даже выдавила из себя некое подобие улыбки.

Разве кто-то сможет догадаться, что только что произошло в моей жизни, размышляла я, поймав такси на загруженной Кингс-Роуд. Залезла в машину и велела шоферу гнать в Хитроу.

Нет, никто ни о чем не догадается.

Через пять часов, когда солнце уже лениво клонилось за кромку Женевского озера, я стояла на берегу у нашей собственной понтонной переправы в ожидании последнего рывка по направлению к дому.

Кристиан, капитан моторного катера, поджидал меня на борту нашего элегантного плавсредства под названием «Рива». По выражению его лица было понятно, что он в курсе всего случившегося.

– Как долетели, мадемуазель Майя? – участливо поинтересовался у меня Кристиан, помогая вскарабкаться на борт. В его голубых глазах плескалось сочувствие.

– Слава богу... я уже здесь, – ответила я нарочито нейтральным тоном и уселась на мягкое кожаное сиденье дивана изысканного кремового цвета, протянувшегося по всей корме. Обычно я всегда устраивалась впереди, на пассажирском кресле рядом с Кристианом, и в течение двадцати минут, пока длилось наше путешествие домой, с удовольствием наблюдала за тем, как катер стремительно рассекает воды Женевского озера. Но сегодня мне захотелось посидеть в одиночестве. Кристиан включил двигатель на всю мощь. Последние всполохи уходящего солнца отражались в окнах роскошных вилл, разбросанных вдоль кромки озера. Раньше всякий раз, оглядывая окрестности, я думала о том, что вот еще немного, и я попаду совсем в иной, неземной мир, не имеющий ничего общего с действительностью.

То был мир Па Солта.

Впервые у меня защипало в глазах, когда я мысленно назвала отца его домашним прозвищем. Это я его придумала, когда была еще совсем маленькой. Отец всегда любил бороздить моря и океаны, и часто, когда после долгого отсутствия он возвращался в наш дом на берегу озера, от него пахло солоноватым морским воздухом. Пахло морем. Так и приклеилось к нему это прозвище: папа-соль, Па Солт. А потом и мои младшие сестренки тоже стали звать его папой-солью.

Как только катер набрал полную скорость, теплый ветерок засвистел в ушах, растрепав мои волосы. Сколько таких поездок я совершила в Атлантис в прошлом, в наш дом, в тот волшебный замок, который воздвиг Па Солт. С суши дом был абсолютно неприступен. Его построили в частных владениях, на узкой полоске суши, окруженной со всех сторон серповидной горной грядой, плавно

сбегающей к самому берегу. Единственно доступный маршрут – это добираться в Атлантис лодкой или катером напрямик по озеру. Ближайшие соседи – в нескольких десятках миль отсюда. Словом, Атлантис – это настоящее суверенное королевство, существующее отдельно от всего остального мира. И все в этом королевстве казалось волшебным... А все его обитатели, и Па Солт, и мы, его дочери, жили здесь, словно в заколдованном царстве.

Каждая из нас, шести девочек, была удочерена Па Солтом еще в младенчестве. Он отыскал нас в самых разных уголках земли и привез к себе домой, в Атлантис, где мы и возвращались под его надежной защитой и опекой. И каждая из нас, по словам отца, была уникальной, неповторимой, ни на кого не похожей... Ведь мы же были *его девочками*. Он назвал нас в честь звезд из созвездия Плеяд, которое еще известно под названием «Семь сестер». Любимое папино созвездие. Я, Майя, самая первая звезда и самая старшая из сестер. Когда я была маленькой, отец часто брал меня в свою обсерваторию со стеклянным куполом, которая располагалась под самой крышей дома. Он поднимал меня своими большими сильными руками поближе к телескопу, давая возможность полюбоваться ночным небом.

– Вот она! Взгляни, Майя! – восклицал он, фокусируя резкость линз. – Вон та красивая сверкающая звезда, в честь которой ты названа.

И мне тогда казалось, что я действительно *вижу* ее. Потом отец начинал рассказывать мне всякие легенды, связанные с происхождением наших с сестрами имен, но я едва слушала его. Я просто наслаждалась объятиями его рук. Ведь в эти редкие неповторимые мгновения отец всецело принадлежал мне, и только мне.

Я росла, и постепенно до меня стало доходить, что Марина, которую я с раннего детства воспринимала как мать и даже сократила ее имя до привычного «Ма», была великолепной, к тому же весьма известной в педагогических кругах, гувернанткой и одновременно няней, которую отец нанял специально для того, чтобы она присматривала за мной. Ведь он так часто и подолгу отлучался по своим делам. Конечно, Марина была для нас, всех девочек, гораздо большим, чем просто няня или гувернантка. Ведь это она утирала наши детские слезы, учила нас, как следует правильно вести себя за

столом, ласковой, но твердой рукой вела через все сложные перипетии возрастных перемен, которыми сопровождается превращение девочки в девушку.

Она всегда была рядом с нами, и, честное слово, я не смогла бы любить ее сильнее, если бы она и в самом деле была моей родной матерью.

Первые три года жизни мы с Мариной прожили в полном одиночестве в нашем волшебном замке на берегу Женевского озера. А Па Солт в это время бороздил моря и океаны, занимаясь бизнесом. А потом потихоньку, одна за одной, в доме стали появляться и другие сестры.

Отец всегда возвращался домой с подарком для меня. Стоило мне только слышать рев мотора нашего катера, и я тут же кубарем скатывалась по лужайкам вниз, к берегу, мчалась сквозь деревья, не разбирая дороги, чтобы встретить его прямо на пирсе. Как всякому ребенку, мне не терпелось поскорее увидеть, что он там прячет в своих волшебных карманах, какой такой сюрприз приготовил мне на этот раз. В тот раз он подарил мне искусно вырезанный из дерева олений мох, ягель. По его словам, над этой поделкой трудился сам Санта-Клаус на Северном полюсе. Но тут из-за его спины выдвинулась женщина в сестринском одеянии. В руках она держала сверток, завернутый в теплую шаль. В свертке что-то шевелилось.

– На сей раз, Майя, у меня для тебя приготовлен совершенно необычный подарок, – улыбнулся отец, беря меня на руки. – Я привез тебе маленькую сестричку. Больше ты не будешь коротать время в одиночестве, пока меня не будет дома.

И жизнь наша кардинально поменялась. Патронажная сестра, которую отец привез с собой, через несколько недель уехала, и все заботы о малышке взяла на себя Марина. Я же с трудом представляла себе, как это красное, вечно хныкающее создание, от которого порой неприятно пахло и которое постоянно требовало внимания к себе, как это существо можно называть подарком. Но в одно прекрасное утро Альциона – малышку назвали в честь второй по значимости звезды из созвездия Плеяд – вдруг улыбнулась мне за завтраком, сидя на своем высоком стуле.

– Она меня узнает! – воскликнула я удивленно, обращаясь к Марине, которая как раз занималась кормлением девочки.

– Конечно, узнает, Майя! А как же иначе, моя дорогая? Ты же ее старшая сестричка. Ты всегда будешь для нее примером. Ведь именно ты будешь обучать ее всему тому, что знаешь сама и чего она пока не знает.

И действительно, по мере взросления Альциона превратилась в мою тень. Везде следовала за мной буквально по пятам, что в равной степени и забавляло, и раздражало.

– Майя! Подожди меня! – громко кричала она требовательным голосом и быстро семенила ножками у меня за спиной.

Несмотря на то что Алли – это я так назвала сестренку – поначалу показалась мне совершенно ненужным элементом в нашем волшебном замке, со временем до меня дошло: о лучшей подруге для игр, такой милой и такой ласковой, и мечтать не приходится. Не припомню, чтобы Алли когда-нибудь плакала или капризничала, как это обычно свойственно малышам ее возраста. Вьющиеся кольца золотисто-рыжих волос, огромные голубые глаза. Не ребенок, а ангелочек такой. Понятно, что Алли в избытке обладала тем естественным очарованием, которое притягивало к ней всех без исключения. Попал под этот шарм и мой отец. Однажды, вернувшись домой после долгого отсутствия, Па Солт при виде малышки так сверкнул глазами, что я невольно ревниво отметила: на меня папа так никогда не смотрел. Я вообще росла стеснительной девочкой, сторонилась незнакомых людей. А вот Алли, напротив, была душа нараспашку, и эта ее открытость и доброжелательность по отношению ко всем без исключения еще более располагали к ней.

Ей все давалось легко. Удивительный ребенок! Особенно заметные успехи она делала в музыке, а также во всех водных видах спорта. Помню, как отец обучал нас плаванию в нашем огромном бассейне. Я отчаянно боролась с тем, чтобы не уйти под воду и кое-как удержаться на плаву, а моя младшая сестренка мгновенно почувствовала себя в воде словно рыба. Прямо такая маленькая русалка. А я к тому же еще и качку не могла переносить. Стоило мне только ступить на борт судна, и меня тут же одолевала морская болезнь. Это случалось даже на огромной, ослепительно красивой папиной яхте под названием «Титан». Когда отец бывал дома, Алли буквально умоляла его покатать нас по озеру на своем гоночном швертботе «Лазер», который всегда был пришвартован на нашей

частной пристани. Я лежала, скрючившись, припав к неровному днищу лодки, а отец и Алли в это время лихо управлялись с парусом, контролируя скорость движения, с которой яхта мчалась по зеркальной поверхности озера. Обоюдная страсть к парусному спорту сближала их. Мне такая близость с отцом и не снилась.

Хотя Алли получила музыкальное образование в Женевской консерватории, где зарекомендовала себя как очень талантливая и перспективная флейтистка, способная успешно выступать вместе с каким-нибудь профессиональным оркестром, она тем не менее после окончания консерватории предпочла заняться именно парусным спортом, заделаться, так сказать, полноценным яхтсменом. Сейчас она регулярно принимает участие во всевозможных регатах и даже выступает за Швейцарию на некоторых международных соревнованиях.

Когда Алли исполнилось три годика, папа привез домой очередную сестренку, которую назвал Астеропой в честь третьей звезды Плеяд.

– Но звать мы ее станем Стар, Звездочка, – сказал отец, широко улыбаясь и обращаясь к нам троим, Марине, Алли и мне, пока мы разглядывали новое пополнение в нашем семействе, лежавшее в переносной колыбельке.

К моменту появления в нашем доме Стар я уже была почти взрослой девочкой, даже занималась дома с частным преподавателем, а потому появление очередной сестренки не произвело на меня такого ошеломляющего впечатления, как это в свое время случилось с Алли. А затем, спустя всего лишь полгода, в нашем доме появился еще один младенец. Трехмесячную малышку назвали Келено, но Алли тут же переделала ее имя в Сиси. Разница в возрасте между Стар и Сиси составляла всего лишь три месяца, а потому неудивительно, что они с пеленок были неразлучны. Просто самые настоящие близнецы. Они и разговаривали между собой на своем особом детском языке, понятном только им двоим. Кстати, многие словечки из этого языка они до сих пор используют в своей речи, когда общаются друг с другом. Словом, эти двое создали свой собственный мир, закрытый для нас, всех остальных сестер. Ничего не изменилось и теперь, когда обеим уже за двадцать. Верховодит в их компании Сиси, хотя она и младшая. Плотного телосложения, с кожей цвета темного ореха, полный

контраст в сопоставлении с бледнолицей и тоненькой, как тростиночка, Стар.

На следующий год в доме появилась очередная малышка – Тайгете. Я же стала звать ее просто Тигги, частично потому что ее короткие темные волосики торчали в разные стороны, словно у ежика из известной сказки Беатрис Поттер про Кролика Питера.

На тот момент, когда нам привезли Тигги, мне уже исполнилось семь лет, и с самого начала я, что говорится, положила на нее глаз. Она была самой слабенькой из всех нас. В детстве Тигги переболела всеми возможными детскими болезнями, которые обрушивались на нее одна за другой, но все испытания малышка сносила стоически и никогда ничего не требовала. Спустя несколько месяцев папа привез домой еще одну крошку, которую звали Электрой. Марина сбивалась с ног, валясь от усталости, обихаживая такую большую семью. Часто она просила меня посидеть с Тигги, пока та преодолевала очередную простуду или воспаление легких. В конце концов, врачи диагностировали у нее астму, после чего ее лишь изредка вывозили в коляске на прогулку, чтобы – не дай бог! – густые туманы и морозный воздух, характерные для женевских зим, не вызвали у малышки новых осложнений.

Итак, Электра стала самой младшей моей сестрой. Надо сказать, ей удивительно подходит это имя. Она буквально источает это самое электричество, то есть бьет током по любому поводу. К тому времени я уже привыкла к младенцам с их маленькими капризами, но Электра оказалась, пожалуй, самой непредсказуемой и самой капризной из всех моих сестер. Живая, подвижная, как *ртуть*. Одно слово, Электра. С ее появлением в доме не стало ни минуты покоя. Каждый день с утра и до позднего вечера постоянно слышался ее громкий плач, то и дело переходящий в истошный визг. Ее истерические вспышки гнева, всегда сопровождающиеся громким плачем, который до сих пор стоит у меня в ушах, – вот, пожалуй, самое яркое мое детское впечатление тех лет. Но и повзрослев, Электра осталась такой же буйной и непредсказуемой.

У нас троих – Алли, Тигги и меня – имелась для нее специальная кличка: Трики или Каприза. Мы все трое стояли перед нею навытяжку, только бы у сестрички снова не случился резкий перепад настроения. И все же, если честно, то признаюсь, что бывали минуты, когда я

буквально ненавидела ее за тот раздрай, который она учинила уже одним своим появлением в нашем доме.

Но вот что интересно. Стоило только Электре узнать, что у кого-то из нас, сестер, случилась неприятность, и она тут же первой мчалась на помощь, с готовностью подставляя свое плечо. В ней вообще начисто отсутствует эгоизм, а ее щедрость поистине безгранична.

Итак, с появлением Электры все мы, домочадцы, затаились в ожидании седьмой сестрички. Ведь мы, шестеро, получили свои имена в честь любимого созвездия папы – созвездия Плеяд. А его, как известно, зовут еще Семь Сестер. Словом, до полного комплекта не хватает еще одной сестры. Мы даже заранее знали, как ее назовут. Меропа. Вопрос лишь в том, когда и откуда она приедет в наш дом. Но прошел год, потом еще один, и еще. А младенцы в нашем доме больше не появлялись.

Хорошо помню, как однажды я вместе с отцом стояла возле телескопа в его обсерватории. Мне уже исполнилось четырнадцать лет, наступала пора пробуждения во мне юной женщины. Мы с папой приготовились наблюдать за затмением. По словам отца, всякое затмение – это своего рода сперма, оплодотворяющая человечество. Во всяком случае, перемены, сопряженные с этим небесным явлением, всегда неизбежны.

– Папа, – вдруг неожиданно для самой себя обратилась я к отцу. – А ты привезешь когда-нибудь домой седьмую сестричку?

На какое-то мгновение мне показалось, что мощная, сильная фигура отца застыла на месте. У него был такой вид, будто на его плечи вдруг обрушилась вся тяжесть мира. Он не повернулся ко мне, а продолжал возиться с телескопом, настраивая его на оптимальную резкость, но инстинктивно я поняла, что мой вопрос очень сильно расстроил его.

– Нет, Майя, я не привезу седьмую девочку. Никогда. Потому что я так и не нашел ее.

* * *

Впереди показались знакомые заросли густых елей, которые закрывали наш дом от любопытных глаз со стороны озера. Я даже разглядела фигуру Марины, застывшую в ожидании на пирсе. И тут до меня постепенно стала доходить вся ужасная правда того, что случилось. Отца больше нет.

Нет больше того человека, который сотворил для нас, его принцесс, самое настоящее волшебное королевство, и больше некому продолжать творить эту сказку.

Едва я ступила на пирс, как Марина тут же крепко обняла меня за плечи. Не говоря ни слова, мы побрели в сторону дома, петляя между деревьев по широкой, сбегаящей вниз лужайке. В июне наш дом находится на пике своей красоты. Роскошные сады, окружающие его со всех сторон, утопают в цвету, так и маня обитателей дома вглубь, на поиски потаенных тропинок и спрятанных от посторонних глаз гротов среди этого цветущего изобилия.

Сам дом был построен в конце восемнадцатого века в стиле Людовика XV; он и сегодня поражает своим элегантным великолепием. Четырехэтажный дворец со стенами, окрашенными в водостойкую краску бледно-розового цвета, высокие решетчатые окна, островерхая крыша из красной черепицы, увенчанная башенками по всем четырем углам. И внутреннее убранство дома соответствующее. Современная роскошь в ее самом рафинированном виде: на полу повсюду толстые ковры, почти в каждой комнате мягкие, объемные диваны. Словом, все располагает к комфортному и удобному обитанию в этих стенах. Мы, девочки, занимали спальни на самом верхнем этаже, откуда открывается просто потрясающий вид на озеро, не затененный кронами деревьев, растущих внизу. Апартаменты Марины тоже располагались на одном этаже с нами.

Я мельком глянула на нее и подумала, какой же у нее усталый вид. Взгляд ее добрых темно-карих глаз затуманен, под глазами залегли густые тени, губы плотно сжаты, никакого намека на улыбку, обычно порхавшую по ее устам. Марине уже далеко за шестьдесят, но, конечно, этих лет ей ни за что не дашь. Высокая, с точеными чертами лица и орлиным взором, всегда подтянутая и элегантная, она, безусловно, была и по-прежнему остается красивой женщиной. А безупречный вкус и умение одеваться с самым настоящим шиком немедленно выдают в ней французские корни. Когда я была девочкой, Марина носила свои густые темные волосы распущенными, но сейчас она скручивает тяжелые шелковистые пряди в объемный узел на затылке.

В голове у меня крутилось множество вопросов, один из них следовало задать незамедлительно.

– Почему ты не позвонила мне сразу же, как только у папы случился сердечный приступ? – спросила я, входя в дом. Мы вошли в гостиную с высокими потолками, выходящую окнами на каменную террасу, сбегаящую эстакадой вниз. По всему периметру террасы выстроились вазы с ярко-красными и золотистыми настурциями.

– Поверь мне, Майя, я хотела позвонить, умоляла его позволить мне сообщить тебе и всем остальным девочкам, но он очень расстроился, узнав о моем намерении. И я вынуждена была подчиниться его желанию.

Все понятно! Папа попросту запретил Марине связываться с нами, а ослушаться его она не посмела. Ведь он же здесь король, а Марина – всего лишь одна из его верных и преданных придворных дам. Или, вполне возможно, обычная служанка, не смеющая перечить своему грозному хозяину.

– А где он сейчас? – задала я свой следующий вопрос. – У себя в спальне? Можно мне зайти и взглянуть на него?

– Нет, милая. Его там нет. Что скажешь насчет чашечки чая? А я тем временем расскажу тебе и все остальное.

– Если честно, то лучше крепкий джин с тоником, – ответила я, тяжело опускаясь на сиденье одного из огромных диванов.

– Сейчас попрошу Клавдию приготовить. Пожалуй, по такому случаю я и сама не откажусь.

Я молча проследила за тем, как Марина скрылась за дверью гостиной, отправившись на поиски нашей домоправительницы Клавдии, которая жила в этом доме столько же лет, сколько и Марина. Клавдия – немка. Внешне не очень приветливая, но за суровой наружностью прячется поистине золотое сердце. Как и все мы, она обожала своего покойного хозяина. Внезапно я подумала о том, что ждет ее и Марину сейчас, когда отца уже больше нет в живых. Да и какое будущее уготовано всему дому Атлантис после смерти его владельца. Папа ушел...

Впрочем, эти последние слова немного бессмысленны и уж точно никак напрямую не связаны со смертью. Ведь отец всю свою жизнь только то и делал, что куда-то постоянно уходил. Подолгу отсутствовал, где-то странствовал, занимался делами, хотя никто из

членов его семьи или прислуги и понятия не имели, чем именно он зарабатывает на жизнь. Однажды я спросила у него об этом напрямую. Во время летних каникул ко мне приехала погостить школьная подруга Дженни. Ее очень впечатлили то богатство и роскошь, которые нас окружали.

– Наверное, твой отец сказочно богат, – почтительно прошептала она, когда мы спускались по трапу папиного личного самолета, приземлившегося в аэропорту Ла-Моль рядом с Сен-Тропе. Прямо возле ангара нас уже поджидала машина с шофером, который доставил нас в бухту. Там мы поднялись на борт нашей роскошной яхты «Титан», огромное судно аж с десятью каютами, и отправились в ежегодный круиз по Средиземному морю с заходом в те порты и города, которые папа выбирал по собственному усмотрению.

Как известно, в детстве не сильно задумываешься над тем, растешь ты в богатстве или бедности. Вот и для меня образ нашей жизни воспринимался как нечто вполне обычное и само собой разумеющееся. Когда мы с сестрами были маленькими, учителя приезжали к нам домой. Мое домашнее обучение завершилось, когда мне исполнилось тринадцать. После чего меня отправили в закрытую частную школу. И там впервые до меня дошло, как сильно отличается наша жизнь в Атлантиде от того, как живут другие люди.

Но, когда я спросила отца напрямую, чем конкретно он занимается, чтобы содержать всю нашу семью в такой сказочной роскоши, он лишь глянул на меня с заговорщицким видом и весело усмехнулся.

– Да вот, занимаюсь потихоньку всяческими чудесами, – был его ответ.

Который не сообщил мне ровным счетом ничего. Чего, собственно, и добивался отец.

Став постарше, я поняла, что Па Солт – самый настоящий фокусник, можно сказать, иллюзионист высшего класса. У него все вещи оказывались на поверку совсем не такими, какими представлялись вначале.

Когда в гостиную вошла Марина с подносом в руках, на котором стояли два стакана с джином и тоником, я вдруг подумала, что после тридцати трех лет, проведенных в этом доме, я по-прежнему не имею ни малейшего понятия о том, кем же на самом деле был мой отец там,

в мире, за стенами нашего дома Атлантис. Может, пришло время узнавать?

– Ну, вот и я! – промолвила Марина, ставя стакан с джином на столик передо мной. – Светлая память твоему отцу. – Она приподняла свой стакан. – Упокой, Господи, душу его.

– Да, за Па Солта. Пусть покоится с миром.

Марина сделала большой глоток и поставила стакан обратно на столик, а затем взяла мои руки в свои.

– Майя, прежде чем приступить к обсуждению всех наших дел, мне нужно кое-что сообщить тебе.

– Что именно ты хочешь рассказать мне? – поинтересовалась я, вглядываясь в усталое лицо Марины. От напряжения весь лоб у нее собрался в морщины.

– Ты меня спросила, дома ли еще тело твоего отца. Так вот. Его уже похоронили. Такова была его последняя воля: организовать погребение сразу же после его смерти и чтобы никто из вас, девочек, не присутствовал при этом.

Я уставилась на Марину ошарашенным взглядом. Она что, совсем спятила?

– Ма! Но ведь ты же сообщила мне о смерти папы всего лишь несколько часов тому назад. Сказала, что он умер рано утром, на рассвете... Как можно было организовать похороны за столь короткий промежуток времени? *И зачем это надо было делать?*

– Майя, твой отец был непреклонен. Он распорядился, чтобы сразу же после его кончины тело доставили самолетом на яхту. На борту яхты его поместили в свинцовый гроб, который, как я думаю, хранился на «Титане» уже много лет. Ждал, так сказать, своего часа. После чего яхта должна была выйти в открытое море. Не приходится удивляться тому, что твой отец захотел упокоиться на дне океана, ведь он так обожал морскую стихию. А своим дочерям он не захотел доставлять излишних огорчений... Решил оградить их от похоронных мероприятий и не делать свидетелями этой скорбной церемонии.

– О боже! – едва слышно воскликнула я. У меня по спине пробежал холодок, и я невольно содрогнулась при последних словах Марины. – Неужели он не понимал, что все мы захотели бы проститься с ним, как положено, по-людски? Как он мог так обойтись с нами? И что мне после этого сказать сестрам? Я...

– Дорогая моя! Мы с тобой дольше всех живем в этом доме. И обе прекрасно знаем: коль скоро речь заходит о твоём отце, то никаких «почему» и «зачем», – тихо обронила Марина. – Полагаю, он захотел уйти в мир иной так же незаметно, как и жил. Не привлекая к себе излишнего внимания.

– Да, жил незаметно, но все и всегда держал под контролем! – неожиданно вспыхнула я, чувствуя, как во мне вскипает злость. – Порой мне кажется, что он вообще никому не доверял, даже тем, кто его любил и был готов ради него на все.

– Какими бы мотивами он ни руководствовался, озвучивая свою последнюю волю, – возразила Марина, – думаю, со временем вы, девочки, будете помнить лишь одно. Каким любящим и нежным отцом он был для всех вас. Могу утверждать наверняка: вы, дочери, были смыслом всей его жизни.

– Но кто из нас, его дочерей, знал и понимал его? – воскликнула я запальчиво, чувствуя, как на глаза навернулись слезы. – Врач засвидетельствовал его кончину? Он же обязан был выписать свидетельство о смерти. Можно мне взглянуть на него?

– Доктор поинтересовался у меня некоторыми биографическими данными. Место и год рождения, к примеру. Но я сказала, что ничего не могу утверждать с точностью. Я ведь здесь числюсь на правах обслуживающего персонала. А потому я связала его с Георгом Гофманом, семейным нотариусом. Гофман вел дела твоего отца на протяжении многих лет.

– Да, но *почему*, Ма, отец всегда был таким скрытным? Сегодня, пока я летела сюда, я подумала, что даже не припомню, чтобы он когда-нибудь приглашал сюда, в Атлантис, своих друзей. Изредка, когда мы плавали на яхте, на борт поднимались какие-то люди, скорее всего, партнеры по бизнесу, спешившие на деловую встречу с ним. Они тут же уединялись в его кабинете, а потом почти сразу исчезали. Никаких обедов, никаких приемов и прочих светских мероприятий.

– Твой отец хотел, чтобы частная жизнь вашей семьи всегда оставалась сугубо частной. Бизнес бизнесом, а семья – это совсем другое. Возвращаясь домой, он хотел всецело концентрироваться только на своих девочках.

– Которых он собрал со всего света, а потом удочерил. Но зачем, Ма? Почему?

Марина лишь молча посмотрела на меня. В спокойном взгляде ее умных глаз я так и не смогла прочитать главного. Так все же знает она ответ на мой вопрос или нет?

– Я хочу сказать вот что, – продолжила я. – Когда я была маленькой, то воспринимала окружающую жизнь как нечто вполне нормальное и естественное. Но мы-то с тобой понимаем, что ничего естественного на самом деле в нашей жизни не было. Напротив! Она была крайне странной, эта жизнь. Холостяк, мужчина средних лет, удочеряет шесть девочек грудного возраста, привозит сюда, в Швейцарию, чтобы растить и воспитывать их под одной крышей.

– Твой отец *был* весьма необычным человеком, это правда, – согласилась со мной Марина. – Но что плохого в том, что он взял бедных сироток и попытался дать им шанс на лучшую жизнь? – Мне почудилась некая двусмысленность в самом этом вопросе. – Многие богатые люди, не имеющие своих детей, усыновляют приемных.

– Да, но обычно на такое решаются супружеские пары, – резко возразила я. – Ма, ты в курсе, была ли у нашего отца женщина? Любил ли он вообще кого-нибудь? Я знаю его тридцать три года, но ни разу – ни единого разу! – я не видела его в обществе женщин.

– Дорогая моя! Я прекрасно понимаю тебя. Отца больше нет в живых, и тут до тебя вдруг доходит, что столько вопросов, которые тебе хотелось бы задать отцу, остались без ответа и теперь он уже никогда не сможет ответить ни на один из них. Увы! Но я тоже ничем не смогу помочь тебе. Да сейчас, согласись, и не самый подходящий момент ворошить прошлое, – осторожно добавила Марина. – На сегодняшний день мы должны просто почтить память этого человека, вспомнить, сколь многим обязана ему каждая из нас, и сохранить его образ в своем сердце таким, каким мы все знали его здесь, в Атлантике: добрый, любящий и заботливый человек. И потом не забывай, твоему отцу было уже далеко за восемьдесят. Он прожил долгую и насыщенную жизнь.

– Да, но он еще гонял на своем «Лазере» каких-то три недели тому назад. И так лихо управлял парусом, словно ему нет и сорока, – возразила я, припоминая этот недавний эпизод. – Совсем он не был похож тогда на умирающего старика.

– Все так! И слава богу, что твой отец не повторил печальный опыт многих своих сверстников, которые умирали долго и мучительно.

Как здорово, что вы все, его дочери, будете помнить его таким: здоровым, полным жизни, счастливым. Уверена, именно таким он и хотел остаться в вашей памяти, – утешающим тоном заметила Марина.

– Он не очень страдал в самом конце? – напряженно поинтересовалась я у нее, хотя в глубине души прекрасно понимала: даже если отец и мучился в момент смерти, Марина никогда не скажет мне об этом.

– Нет. Он понимал, что умирает, и был готов к этому. Думаю, Майя, он умер в мире и согласии с Господом. Мне даже кажется, что он был счастлив отойти в мир иной.

– Господи! Но как же мне сказать сестрам, что отец умер? – воскликнула я с мольбой в голосе, обращаясь к Марине. – И о том, что они даже не увидят его тела? Не смогут присутствовать при его погребении... Наверняка они испытают тот же взрыв эмоций, что и я. Узнать, что наш отец просто взял и растворился в воздухе.

– Перед смертью ваш отец подумал и об этом. Георг Гофман, его нотариус, сегодня днем звонил мне. Он заверил меня, а я заверяю тебя, что все вы, каждая из вас, получит шанс сказать своему отцу последнее «прости».

– Даже после смерти папа продолжает держать все под контролем. – Я сокрушенно вздохнула. – Я разослала эсэмэски всем сестрам, но пока никто из них не вышел на связь со мною.

– Георг Гофман сказал, что прибудет сюда, как только узнает, что ты уже на месте. Но, Майя, пожалуйста, прошу тебя! Никаких дополнительных вопросов. Я понятия не имею, о чем именно он собирается говорить с тобой. А сейчас пойду, попрошу Клавдию, чтобы она приготовила тебе горячего супчика. У тебя же наверняка с самого утра во рту не было и макового зернышка. Останешься в доме на ночь? Или отправишься к себе, в Павильон?

– Суп похлебаю здесь, а ночевать пойду к себе, если ты не возражаешь. Хочется побыть одной.

– Конечно-конечно, какие разговоры! – Марина подалась ко мне и обняла за плечи. – Я понимаю, какой это ужасный удар для тебя. И мне очень жаль, что снова весь груз ответственности ложится на твои плечи, в том числе и ответственность за всех твоих сестер. Но твой отец попросил, чтобы именно тебе я сообщила первой. Не знаю, но, быть может, хоть это послужит тебе некоторым утешением. А сейчас

пойду к Клавдии и попрошу ее подогреть суп. Думаю, мы обе заслужили право на небольшой перекус.

После ужина я посоветовала Марине немедленно отправляться спать, поцеловала ее на прощание, пожелав доброй ночи. Было видно невооруженным взглядом, что она вымотана сверх всяких сил. Прежде чем уйти к себе, я поднялась по лестнице на четвертый этаж и заглянула, по очереди, в каждую из комнат своих сестер. Все в этих комнатах осталось прежним, таким, как было тогда, когда их обитательницы выросли и выпорхнули за стены Атлантиды, разлетевшись в разные стороны. И по-прежнему каждая комната несла на себе отпечаток индивидуальности своей хозяйки. А когда сестры время от времени заглядывали сюда, в отцовский дом на берегу озера, собираясь вместе, словно голуби у поилки с водой, судя по всему, ни у кого из них не возникало ни малейшего желания что-то поменять в интерьере своей комнаты. Кстати, и у меня тоже.

Я открыла дверь в свою детскую и подошла к полке, где хранились мои самые драгоценные детские сокровища. Сняла с полки старинную фарфоровую куклу, которую папа подарил мне, когда я была совсем маленькой. Как всегда, он сопровождал свой подарок очередной увлекательной сказкой. Якобы когда-то, давным-давно, кукла принадлежала одной маленькой русской аристократке – графине. Но девочка выросла и забыла про свою куклу, а той было очень одиноко и холодно в заснеженном московском дворце. Папа даже сообщил мне имя куклы – Леонора и добавил, что все, что ей нужно, это пара любящих рук своей новой хозяйки.

Я вернула куклу на прежнее место и взяла коробочку, в которой лежал папин подарок по случаю моего шестнадцатилетия. Открыла коробку и извлекла из нее кулон на золотой цепочке.

– Это лунный камень, Майя, – помнится, сказал мне отец, когда я уставилась на камень, отливающий необычным матовым блеском. Но стоило упасть лучу света, и тут же в самой его глубине вдруг вспыхивали голубоватые искорки. Камень был в оправе из крохотных бриллиантиков.

– Этому украшению очень много лет, гораздо больше, чем мне самому, – признался отец. – С ним связана одна весьма интересная история. – Он замолчал, словно прикидывая, продолжить свой рассказ или нет. – Может быть, в один прекрасный день я расскажу тебе эту

историю. Думаю, пока это украшение слишком взрослое для тебя. Но когда-нибудь, со временем, оно очень подойдет тебе.

Отец все рассудил правильно. В свои шестнадцать лет я, как и большинство моих школьных подружек, предпочитала увешивать себя с ног до головы дешевыми серебряными безделушками, а на шее у меня болталась кожаная тесемка с огромным массивным крестом. Я ни разу не примерила папин подарок. Так он и провалялся в коробочке все эти годы. Пылится на полке, забытый всеми.

Но сейчас я надена эту цепочку с кулоном и стану носить папин подарок постоянно.

Я подошла к зеркалу и застегнула у себя на шее миниатюрный замочек на изящной золотой цепочке, потом принялась внимательно разглядывать сам кулон. Вполне возможно, у меня немного разыгралось воображение, но мне показалось, что лунный камень буквально фосфоресцирует на моей коже. Я непроизвольно прикоснулась к нему пальцами и, подойдя к окну, бросила взгляд на Женевское озеро, все в мерцающих огоньках.

– Покойся с миром, мой дорогой Па Солт, – едва слышно прошептала я.

И, пока воспоминания детства не нахлынули на меня с новой силой, поспешила побыстрее покинуть комнату и заторопилась на улицу. Пройшла по узенькой тропинке к своему отдельному жилищу, где я обитала, став взрослой. Совсем рядом, всего лишь в паре сотен метров от Атлантиса.

Входные двери в мой дом под названием Павильон никогда не запирались. Что ж, при такой вооруженной до зубов охране, которая бдительно несла свою службу по всему периметру наших владений, едва ли кто-нибудь рискнул бы проникнуть в мой дом и выкрасть там что-то из моих скромных пожитков.

Я переступила порог дома. В гостиной возилась Клавдия, включала свет. Я тяжело опустилась на диван, чувствуя, что очередная волна отчаяния накрывает меня с головой.

Итак, я та самая старшая сестра, которая никогда не покидала родительский дом.

В два часа ночи зазвонил мой мобильник. Я не спала. Просто лежала на кровати, тупо размышляя о том, почему я никак не могу разразиться слезами, чтобы оплакать кончину отца, как положено. В желудке у меня что-то стиснулось и перевернулось на все сто восемьдесят градусов, когда я увидела, что на дисплее высветился номер Тигги.

– Алло? – проговорила я в трубку.

– Майя, прости, что звоню так поздно, но я только что прослушала твое сообщение. У нас ведь там, в горах, очень слабый сигнал и связь практически отсутствует. По твоему голосу я поняла, что случилось что-то серьезное. С тобой все в порядке?

Голосок Тигги, такой ласковый, такой нежный и родной, подействовал на меня благотворно. Я почувствовала, что вместо мертвого булыжника, в который превратилось мое сердце, внутри меня снова затеплилась жизнь.

– Да, со мной все в порядке, но...

– Па Солт?

– Да. – Я замолчала, хватая ртом воздух, не в силах продолжать от охватившего меня напряжения. – А как ты догадалась?

– Сама не знаю как... То есть знаю... У меня сегодня с самого утра было дурное предчувствие. Я тут отправилась на болота на поиски нашей молодой лани, которую мы окольцевали всего лишь несколько недель тому назад, и обнаружила ее мертвой. И почему-то в ту минуту я вдруг подумала о папе. Но постаралась тут же отогнать от себя нехорошие мысли. Решила, что просто расстроилась из-за лани. Папа что? Он...

– Тигги, мне так жаль огорчать тебя... так жаль... но... Сегодня рано утром папа умер. Точнее, это уже было вчера, – машинально поправила я себя.

– Ах, Майя! Не может быть! Что случилось? Что-то с его парусником? Кстати, при нашей последней встрече я ему говорила, что он должен завязывать со своей порочной практикой – гонять на «Лазере» по озеру в полном одиночестве.

– Нет, никаких происшествий на воде. Папа умер дома. Сердечный приступ.

– Ты была рядом? Он сильно страдал? Я... – Голос Тигги сорвался. – Не могу даже представить, что папа мучился перед смертью.

– Меня, Тигги, к большому сожалению, в этот момент не было дома. Я находилась в Лондоне, гостила у своей подруги Дженни. Между прочим, – неожиданно я поперхнулась, вспомнив кое-какие подробности, – между прочим, именно папа и уговорил меня отправиться в эту поездку. Сказал, что мне нужно проветриться, пожить какое-то время вдали от Атлантиды.

– Ах, Майя, представляю, как тебе сейчас тяжело. Ведь ты же так редко покидаешь дом. И вот надо же такому случиться! И именно в твое отсутствие...

– Да, так уж вышло.

– А ты не думаешь, что он заранее предвидел свой уход и просто хотел оградить тебя от излишних переживаний?

Тигги озвучила предположение, которое мне самой пришлось на ум пару часов тому назад.

– Нет, Тигги, я так не думаю. Просто сработал обыкновенный закон подлости. Но ты за меня не волнуйся. Я больше переживаю сейчас за тебя, за то, какой ужасной новостью я огорошила тебя. С тобой все в порядке? Как бы я сейчас хотела быть рядом с тобой, обнять тебя, утешить...

– Если честно, то я и сама не знаю, что со мной. Пока я просто не могу поверить в то, что это случилось на самом деле. Наверное, и не поверю до тех самых пор, пока не приеду домой. Завтра, точнее, уже сегодня, вылетаю в Швейцарию. Ты уже сообщила всем остальным?

– Разослала им эсэмэски с просьбой немедленно связаться со мной.

– Постараюсь подтянуться в Атлантиду как можно скорее, чтобы помочь тебе, Майя. Представляю, сколько у тебя сейчас забот с организацией похорон.

У меня не хватило духу сообщить сестре, что вообще-то отца уже похоронили.

– Да, хорошо, что ты будешь рядом со мной, Тигги. А сейчас постарайся поспать хоть немного. Заставь себя, если сможешь. А

захочешь поговорить со мной, звони в любое время. Я здесь, на связи.

– Спасибо! – В голосе Тигги послышались всхлипы, значит, она уже на грани слез. – Майя, но ты же понимаешь, папа не умер. Душа ведь бессмертна, разве не так? Она просто переселилась в другой мир.

– Надеюсь, так оно и есть. Спокойной ночи, дорогая моя Тигги.

– Держись, Майя. Завтра увидимся.

Я отключила мобильник и устало откинулась на подушки, подумав при этом, как было бы здорово, если бы я тоже, как и Тигги, свято верила в этот загробный мир и в теорию переселения душ. Но в эту минуту никакие кармические причины не смогли бы объяснить мне толком, почему отец все же взял и ушел из жизни.

Когда-то, давным-давно, мне и правда *верилось* в то, что Бог действительно существует. Ну или какая-то там другая высшая сила, неподвластная разуму человека. Но очень скоро моя вера благополучно улетучилась.

И я даже хорошо помню, когда и как это произошло.

Ах, если бы я снова сумела обрести *веру*, научиться *чувствовать* по-человечески, а не быть биороботом, таким человеком-автоматом, всегда внешне спокойным и невозмутимым. И то обстоятельство, что даже на смерть собственного отца я не могу отреагировать должным образом, лишнее подтверждение тому, насколько серьезны мои психологические проблемы.

Но при всем том, уныло размышляла я, у меня никогда не возникало проблем по части утешения других. Я прекрасно знала, что все мои сестры видят во мне главную опору семьи, такую своего рода палочку-выручалочку, которая будет всегда под рукой и тут же примчится на помощь, стоит возникнуть каким-то трудностям. Как выразилась когда-то Марина, Майя – разумная и в высшей мере практичная особа, что уже по умолчанию означает, что Майя к тому же и сильная.

А на самом деле, страхов во мне гораздо больше, чем у любой из моих сестер. Ведь все они выпорхнули из родительского гнезда и разлетелись в разные стороны, а я вот осталась рядом с отцом, частично оправдывая свой поступок тем, что папа уже стар и нужно, чтобы рядом с ним кто-то был. Нашелся и еще один благовидный предлог: работа, которую я себе выбрала, тоже требует одиночества.

По иронии судьбы, несмотря на полное отсутствие личной жизни, я умудряюсь днями напролет торчать в мире вымышленных грез и любовей. Перевожу дамские романы с русского и португальского на французский, мой родной язык.

Первым мои способности к языкам заметил отец. Я, словно попугай, повторяла за ним все слова на незнакомом языке, на котором он вдруг начинал обращаться ко мне. Будучи и сам весьма талантливым лингвистом, отец любил в разговоре переключаться с одного языка на другой и вскоре заметил, что и я с легкостью могу проделывать то же самое. К двенадцати годам я уже свободно разговаривала на французском, немецком и английском – все три языка широко используются в Швейцарии. Плюс добавила к ним вполне профессиональное владение итальянским, латынью, греческим, а потом еще и русским с португальским.

Языки всегда были для меня настоящей страстью. Ведь в процессе изучения языков нет никаких барьеров для собственного самоусовершенствования. Каковы бы ни были твои успехи в постижении того или иного языка, всегда можно добиться новых успехов, покорить новые вершины в его освоении. Слова зачаровывали меня, мне нравилось постигать весь спектр их значений и смыслов, и то, как следует правильно употреблять то или иное слово. А потому, когда пришла пора поступать в университет, выбор будущей профессии был для меня уже очевиден.

И все же, помнится, я решила посоветоваться с отцом, на каком именно языке мне стоит сфокусировать внимание в первую очередь.

Папа бросил на меня задумчивый взгляд.

– Тебе самой решать, Майя, какой язык тебе ближе. Но я бы порекомендовал тебе выбрать что-то новенькое, а не те языки, которыми ты пользуешься практически ежедневно в повседневной жизни. Три или четыре года университетского обучения помогут тебе не только изучить новый язык, но и отшлифовать в полном объеме свои знания.

– Да, но на чем именно стоит мне сконцентрировать свой выбор? – вздохнула я. – Ты же знаешь, папа, мне нравятся все языки без исключения. Вот я и прошу совета у тебя.

– Что ж, тогда давай порассуждаем логически. В ближайшие тридцать лет мировая экономика, по моему разумению, претерпит

существенный сдвиг. Поскольку ты свободно владеешь тремя основными западными языками, я бы порекомендовал тебе посмотреть немного дальше, заглянуть, так сказать, в будущее.

– Ты имеешь в виду такие страны, как Россия или Китай? – спросила я.

– Да, но не только их. Есть ведь еще Индия, Бразилия. Другие страны, располагающие огромными природными ресурсами и самобытными, яркими культурами.

– Пожалуй, русский язык мне очень нравится... Да и португальский тоже... – помнится, я запнулась в поисках подходящих слов, – тоже очень выразительный язык.

– Вот ты и определилась со своим выбором! – улыбнулся отец. И по его лицу я поняла, что он остался доволен моим ответом. – Так почему бы тебе не заняться в университете изучением сразу двух этих языков? У тебя врожденные способности. Думаю, ты легко справишься. И заверяю тебя, Майя, имея в своем багаже знания португальского и русского, одного или двух, ты с легкостью покоришь весь мир. Да, наш мир меняется, но ты окажешься в самом авангарде этих перемен.

* * *

У меня запершило в горле. Я подхватила с кровати и пошлепала на кухню, чтобы налить себе стакан воды. Я подумала о том, как отец лелеял в своем сердце надежду, что вот я, его старшая дочь, вооружившись своими уникальными способностями и знаниями, уверенно встречу зарю нового дня со всеми его переменами, в неизбежности которых отец был уверен. Оглядываясь в прошлое, я понимала, что тогда мой жизненный путь казался предрешенным. Да мне и самой больше всего на свете хотелось, чтобы отец гордился мной.

Но как это часто бывает, жизнь преподнесла свой сюрприз, круто поменяв траекторию моего полета. И вместо того, чтобы вступить с открытым забралом в эпоху перемен и сдвигов, я, со всеми своими способностями и задатками, уединилась в доме, в котором выросла, предпочла отгородиться от всех и вся.

Когда сестры изредка осчастливливали нас своим появлением, возникая на пороге родительского дома, куда они слетались из самых разных уголков земного шара, они, бывало, подначивали меня, подшучивали над той жизнью затворницы, которую я вела. И даже запугивали, говорили, что совсем скоро я останусь в старых девах. Ибо где же мне познакомиться с кем-то из представителей мужского пола, если я наотрез отказываюсь высунуть свой нос из Атлантиды?

– Ты такая красавица, Майя. Все, кто тебя видел, говорят то же самое. А ты торчишь здесь в полном одиночестве и попусту растрачиваешь свои драгоценные годы, – укоряла меня Алли, когда мы виделись с ней в последний раз.

Наверное, в чем-то она была права. Я действительно выделялась своими внешними данными в нашей сестринской толпе. У каждой из нас, шестерых, был свой опознавательный знак, своя метка, так сказать.

Майя – красавица; Алли – лидер; Стар – миротворец; Сиси – прагматик; Тигги – кормилица; Электра – шаровая молния.

Вопрос лишь в том, смогли ли все эти качества, которыми обладала каждая из нас, обеспечить нам жизненный успех и сделать нас счастливыми.

Некоторые мои сестры еще слишком молоды, чтобы понять, чего им ждать от своей жизни. Да и не мне судить их. Что же касается меня самой, то скажу так. Именно красота поспособствовала тому, что в моей жизни случилась очень горькая и очень болезненная история. И все потому, что в те годы я была слишком наивна, чтобы понимать, какую страшную силу имеет красота. И вот я сокрыла свою красоту от посторонних глаз, отгородилась от окружающего мира, спряталась в своей конуре.

Когда папа приходил ко мне в Павильон, он изредка спрашивал меня, счастлива ли я, устраивает ли меня та жизнь, которую я веду.

Мой ответ всегда был утвердительным.

– Конечно, папа, я всем довольна, – отвечала я. И действительно, никаких внешних причин для *недовольства* не было. Я жила в полном комфорте, а рядом со мной, можно сказать, на расстоянии вытянутой руки, находились еще две пары любящих рук. То есть по всему выходило, что весь мир и правда *лежал* у моих ног. Никаких обязательств ни перед кем, никакой ответственности ни за что...

Между тем как в глубине души я страстно мечтала иметь и обязательства, и ответственность.

Я невольно улыбнулась, вспомнив, как отец всего лишь пару недель тому назад уговаривал меня поехать в Лондон, погостить у своей школьной подруги. Наверное, если бы не папа, которому мне очень хотелось угодить, поскольку всю свою взрослую жизнь я прожила с ощущением, что сильно разочаровала его, я бы никуда и не поехала. Пусть думает, решила я тогда, что его дочь вполне нормальный человек, такая, как все, хотя на самом деле это было далеко не так.

И вот я отправилась в Лондон... для того, чтобы вернуться и узнать, что отца больше нет. Что он ушел... Навсегда.

На часах было четыре утра. Я снова улеглась в кровать и постаралась заснуть. Но сон не шел. Сердце стало отчаянно колотиться в груди при одной только мысли о том, что со смертью отца я уже больше не смогу воспользоваться им, как предлогом, для того, чтобы и дальше продолжать прятаться от жизни в Атлантиде. К тому же весьма возможно, что и дом, и само поместье придется продать. Кстати, папа никогда не заводил со мной речь о том, что будет с нашим именем после его смерти. Насколько мне известно, и с остальными сестрами он таких разговоров тоже не вел.

Надо же! Всего лишь каких-то несколько часов тому назад отец еще был полон жизненных сил, вездесущ и всемогущ. Такая незыблемая природная глыба, державшая всю семью на плаву.

Отец часто называл нас своими золотыми яблочками. Такие румяные, созревшие плоды, которые уже пора снимать с дерева. Но вот ствол сильно тряхнуло, и яблоки сами собой посыпались на землю. И больше нет рядом крепкой руки, которая могла бы подхватить нас прямо на лету.

* * *

Я услышала, как кто-то громко стучит в мою дверь. С трудом поднялась с кровати и поковыляла к дверям, чтобы открыть их. Уже на рассвете я, устав мучиться без сна, отыскала снотворное, которое когда-то прописал мне доктор, и приняла таблетку. Глянув на часы в

холле, я обнаружила, что уже половина двенадцатого, и тут же пожалела, что поддалась соблазну и приняла злосчастную пилюлю.

Я открыла дверь и столкнулась нос к носу с Мариной.

– Доброе утро, Майя. Я все утро тщетно пыталась дозвониться тебе и по домашнему телефону, и по мобильнику. Поскольку ты не отвечала, я и пришла проверить, все ли с тобой в порядке.

– Прости, Марина, но я приняла таблетку снотворного и отключилась. Проходи! – пригласила я ее, испытывая неловкость от того, что заставила Марину волноваться.

– Нет, не стану мешать тебе просыпаться окончательно. Принимай душ и все такое, а потом, когда оденешься, приходи к нам. Мне позвонила Тигги, сказала, что часам к пяти будет уже здесь. Она уже связалась со Стар, Сиси и Электрой. Все они тоже на пути домой. А от Алли есть какие-то новости?

– Сейчас проверю свой мобильник. И если нет, то снова перезвоню ей.

– С тобой все в порядке, Майя? Выглядишь ты неважно.

– Все в порядке, Ма. Правда. Я зайду к вам чуть попозже.

Я закрыла парадную дверь и направилась в ванную. Плеснула себе в лицо немного холодной воды, чтобы окончательно проснуться. Глянув на себя в зеркало, я поняла, почему Марину так встревожил мой внешний вид. Огромные темные круги залегли под глазами, а в уголках обозначились лучики морщин. Обычно блестящие и шелковистые волосы теперь висели неопрятными жирными патлами. А кожа на лице, всегда безупречно смуглая и гладкая, что позволяло мне обходиться безо всякой косметики, была бледной, да и само лицо показалось немного одутловатым.

– Да, сегодня утром с такой незавидной физиономией ты едва ли сможешь претендовать на звание красавицы номер один в своей семье, – пробормотала я, обращаясь к собственному отражению в зеркале, и принялась искать среди постельного белья мобильник. Наконец телефон отыскался, под одеялом. Глянув на экран, я увидела восемь пропущенных звонков. Включила автоответчик и прослушала все голосовые сообщения от своих сестер. Спектр эмоций широчайший, от нежелания поверить до полного потрясения. Единственная из сестер, которая не откликнулась на мой SOS-сигнал,

была Алли. Я снова связалась с ее автоответчиком и еще раз попросила срочно перезвонить мне.

После чего направилась в Атлантис. Марина и Клавдия хлопотали наверху: меняли постельное белье в комнатах сестер. Было видно, что, несмотря на горе, Марина была искренне рада тому, что ее цыплятки снова возвращаются в свой родной курятник. Ведь повзрослев, мы крайне редко собирались все вместе под одной крышей. Последний раз виделись одиннадцать месяцев тому назад на папиной яхте во время круиза по греческим островам. Только четверо из нас встречали минувшее Рождество в Атлантисе. Стар и Сиси в это время путешествовали по Дальнему Востоку.

– Я отправила Кристиана забрать катером тот набор продуктов, который заказала, – сообщила мне Марина, когда мы обе стали спускаться по лестнице. – Твои сестры все такие привереды, особенно Тигги с ее вегетарианскими вкусами. Да еще большой такой вопрос, на какой очередной причудливой диете сидит Электра, – ворчливо добавила она. Но было ясно без слов, что вся эта домашняя суэта была ей очень по душе, ибо напоминала, я в этом уверена, о тех днях, когда все мы, шестеро девочек, были здесь под ее крылом. – Клавдия уже с рассвета трудится на кухне. Но сегодня, думаю, мы обойдемся обычным ужином – паста и салат.

– А когда приезжает Электра? – спросила я, входя на кухню вслед за Мариной. И тут же слюнки потекли от вкуснейших ароматов сдобы, витавших в воздухе. Сразу на память пришли детские воспоминания: выпечка Клавдии всегда была бесподобной.

– Не раньше завтрашнего утра, я думаю. Она летит из Лос-Анджелеса в Париж, а оттуда уже будет добираться до Женевы.

– Как она разговаривала по телефону?

– Плакала. Плакала навзрыд.

– А Стар и Сиси?

– Как обычно, все организационные хлопоты взяла на себя Сиси. Она, бедняжка, в полном шоке.словно шарик, из которого вдруг спустили воздух. Со Стар я даже не разговаривала. Они лишь десять дней тому назад вернулись из Вьетнама. Скушай свежего хлебушка, Майя. Ты же еще даже не завтракала.

Марина положила передо мной кусок хлеба, щедро сдобренный сливочным маслом и повидлом.

– Боюсь даже думать, что с ними будет, когда они все узнают, – едва слышно пробормотала я, откусывая хлеб.

– То и будет, что всегда. Каждая из девочек отреагирует по-своему, – ответила Марина с присущей ей мудростью.

– Но они же все уверены, что едут на похороны отца, – снова вздохнула я. – Несмотря на то что уже само по себе мероприятие грустное, оно, во всяком случае, хотя бы укладывается в существующие традиции. К тому же все мы получили бы возможность воздать должное заслугам отца, упокоить его с миром и уже затем двинуться дальше, каждая своей дорогой. А так что? Они приедут, и им сообщат, что отца уже похоронили.

– Понимаю, Майя, все это будет непросто. Но что сделано, то сделано, – печально ответила Марина.

– Остались ли у отца хоть какие-то партнеры по бизнесу, его друзья, которым нужно сообщить эту новость?

– Георг Гофман сказал, что он сам уладит все эти вопросы. Утром он снова звонил мне, узнавал, приехала ли ты. Он готов встретиться с тобой прямо сейчас, не откладывая. Я пообещала перезвонить ему после того, как свяжемся наконец с Алли. Может, Гофман и прольет немного света на все эти таинственные придумки твоего отца, касающиеся его погребения.

– Думаю, что человек, способный пролить свет на все эти непонятные папины желания, все же где-то есть. И он обязательно отыщется в свое время, – уныло откликнулась я.

– Не возражаешь, если я попрошу тебя позавтракать в одиночестве? У меня куча дел, которые нужно успеть переделать до приезда твоих сестер.

– Конечно, не возражаю. Спасибо, Ма. Что бы мы все без тебя делали! – воскликнула я с благодарностью в голосе.

– А что бы я делала без тебя, Майя? – Марина ласково погладила меня по плечу и вышла из кухни.

Всю вторую половину дня я бесцельно прошлялась по нашим садам, потом даже взялась за перевод, пытаюсь переключить свои мысли об отце на что-то другое. Но вот уже в шестом часу вечера я наконец услышала нарастающий гул мотора. Катер приближался к берегу. Обрадовавшись, что Тигги наконец приехала и мне больше не надо будет терзаться своими невеселыми мыслями в полном одиночестве, я распахнула настежь входную дверь в своем домике и опрометью ринулась напрямик, через лужайку, к пристани, чтобы поприветствовать сестру.

Стоя на пирсе, я молча наблюдала за тем, с какой грацией она соскочила с палубы катера на причал. Отец, когда Тигги была еще маленькой, часто предлагал ей брать уроки в балетном классе. Она ведь не ходила, наша Тигги, как все простые смертные. Она у нас парила в воздухе, порхала словно пушинка. Ее гибкое, стройное тельце почти не касалось земли. Что-то в ней было ангелоподобное: широко распахнутые, огромные и прозрачные глаза, обрамленные густыми черными ресницами, маленькое личико, похожее по форме на сердечко. Глядя на нее сейчас, я вдруг подумала, что Тигги и сама похожа на одного из ее питомцев, хрупкого молодого олененка, за которыми она так ревностно ухаживает где-то высоко в горах Шотландии.

– Моя дорогая Майя! – воскликнула сестра, простирая руки мне навстречу.

На какое-то время мы обе замерли, слившись в молчаливом объятии. Когда она оторвалась от меня, я увидела, что глаза ее полны слез.

– Ну, как ты? – спросила она у меня.

– В полнейшей прострации... Убита... А ты?

– То же самое. До сих пор не могу поверить, – ответила Тигги, когда мы, обняв друг друга за плечи, стали взбираться вверх по склону, направляясь к дому.

На террасе Тигги вдруг резко остановилась и повернулась ко мне лицом.

– Папа еще?.. – Она бросила быстрый взгляд на дверь. – Если он пока еще... Мне нужно немного времени, чтобы подготовиться.

– Нет, Тигги, дома его больше нет.

– Ах вот как! Я так и предполагала, что его заберут на...

Тигги замолчала, не в силах закончить начатую фразу.

– Пошли в дом. Выпьем по чашечке чая, и я тебе все объясню.

– Знаешь, а я ведь все время пытаюсь почувствовать его... Я имею в виду его дух. – Тигги тяжело вздохнула. – Но ничего не чувствую. Сплошная дыра и только.

– Может быть, еще слишком рано искать встречи с его духом, – осторожно предположила я. К странным идеям сестры я давно привыкла, и мне не хотелось сию же минуту начинать крушить их своим трезвым прагматизмом. – Я тоже пока ничего не чувствую. Не могу, – добавила я, когда мы вместе вошли на кухню.

Клавдия возилась с посудой у раковины. Она тотчас же повернулась навстречу Тигги. Подозреваю, та всегда числилась в ее любимицах. Глаза Клавдии были полны сочувствия.

– Какое горе, да? – воскликнула Тигги, обнимая домоправительницу. Пожалуй, она единственная из всех нас шестерых, кто осмеливался на подобные нежности с этой внешне суровой женщиной.

– Да, ужасное горе, – согласилась с ней Клавдия. – Ступайте обе в гостиную. Чай я принесу вам туда.

– А где Ма? – поинтересовалась у меня Тигги, пока мы шли в гостиную.

– Наверху. Хлопочет, наводя идеальный порядок в ваших комнатах. Наверное, решила, что какое-то время нам с тобой надо побыть наедине, – добавила я, усаживаясь на диван.

– Она была здесь? То есть, я хочу сказать, она присутствовала при кончине папы?

– Да.

– Но почему же она сразу не связалась с нами? – задала Тигги вопрос, который ранее я сама задала Марине.

Следующие полчаса ушли на то, чтобы ответить на все вопросы, которые волновали сестру не меньше, чем меня саму. Ведь еще вчера я бомбардировала ими бедняжку Ма. Разумеется, я сообщила Тигги, что тело отца в свинцовом гробу покоится в данную минуту где-то на

морском дне. По правде говоря, я ожидала от нее такого же взрыва чувств, который случился у меня самой. Но Тигги лишь понимающе пожала плечами.

– Он просто захотел вернуться в ту стихию, которую любил больше всего на свете. Пожелал упокоиться на дне океана. В какой-то мере, Майя, я даже рада, что не видела его... то есть *его тела*. Зато я всегда буду помнить его живым.

Я бросила на сестру удивленный взгляд. Несмотря на то что Тигги была самой чувствительной из нас, новость о смерти отца, казалось, не сильно подействовала на нее, во всяком случае, внешне. А я ведь так боялась за Тигги. И вот вам, пожалуйста! Ее густые каштановые кудри блестящей пеленой обрамляли миленькое личико, огромные карие глаза безмятежно смотрели на меня. Лишь легкая тень удивления мелькала где-то в самой их глубине, а в целом сверкающий взгляд был позитивным, и ни капли испуга. Поразительное самообладание Тигги вселило в меня надежду, что и остальные сестры постараются продемонстрировать, хотя бы внешне, подобное хладнокровие и выдержку. В отличие от меня...

– Несмотря ни на что, выглядишь замечательно, Тигги, – похвалила я сестру от чистого сердца. – Судя по всему, здоровый свежий воздух шотландского высокогорья тебе только на пользу.

– Это точно, – согласилась она со мной. – Все детство я промучилась со своими болезнями в четырех стенах, без глотка свежего воздуха. И вот наконец-то вырвалась на волю. Я просто без ума от своей работы, хотя сама по себе работа очень тяжелая. Да и условия проживания... В домике лишь минимальный набор удобств. Достаточно сказать, что туалет у нас на улице.

– Вау! – невольно воскликнула я, восхитившись, с какой самоотверженностью Тигги отринула от себя самый обыкновенный человеческий комфорт, и все во имя своей непреодолимой страсти к животным. – То есть твоя нынешняя работа приносит тебе больше удовольствия, чем тогда, когда ты торчала в лаборатории при женевском зоопарке Сервион?

– О господи! Конечно! – Тигги удивленно вскинула брови. – В лаборатории, если честно, тоже было интересно, но все равно сама работа мне не нравилась. Ведь там я практически не соприкасалась с животными, просто сидела в кабинете и анализировала имеющийся в

нашем распоряжении генофонд. Быть может, тебе кажется, что я совсем спятила. Бросила перспективную работу, карьеру ученого и подалась куда-то в горы, где приходится вкалывать сутками напролет за мизерную зарплату. Но лично мне такой расклад больше по душе.

Она подняла глаза и улыбнулась Клавдии, которая появилась на пороге гостиной с подносом в руках. Его она поставила на низенький столик рядом с диваном и тотчас же покинула комнату.

– Ничего ты не спятила, Тигги! – возразила я. – Лично я тебя очень хорошо понимаю.

– Честно, до нашего с тобой разговора вчера ночью я чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

– Потому что ты нашла себя. Уверена в этом, – улыбнулась я в ответ.

– Да... нашла... и не только себя, – согласилась Тигги и слегка покраснела. – Но об этом потом. А остальные девочки уже дома?

– Сиси и Стар должны приехать к семи вечера. А прибытия Электры ждем где-то ближе к утру, – сказала я, разливая чай по чашкам.

– Как отреагировала Электра, когда ты разговаривала с ней? – поинтересовалась у меня Тигги. – Хотя можешь не отвечать. Догадываюсь.

– Вообще-то с ней разговаривала Ма. Говорит, рыдала навзрыд прямо в трубку.

– Могу себе представить! – Тигги сделала глоток из своей чашки и тяжело вздохнула. Свет внезапно померк в ее глазах. – Знаешь, у меня такое странное чувство... Будто папа сейчас войдет в эту комнату. А он уже никуда и никогда не войдет.

– Это точно! – печально подтвердила я.

– Какие-то дела у нас сейчас есть? – Тигги пружинисто поднялась с дивана и подошла к окну, уставившись куда-то вдаль. – Нам надо срочно заняться... *хоть чем-то*.

– Когда приедут все остальные, в Атлантис пожелует папин нотариус. Он должен многое объяснить нам. А пока, – я сокрушенно пожалала плечами, – все, что нам остается, это запастись терпением и дожидаться приезда остальных сестер.

– Ты права.

Тигги прижалась лбом к оконному стеклу.

– А ведь никто из нас не знал его по-настоящему. Правда ведь? – тихо спросила она.

– Не знал, – коротко согласилась я с ней.

– Майя, можно я задам тебе еще один вопрос?

– Можно.

– Тебя никогда не интересовало, откуда мы все взялись? Как сюда попали? То есть, я хочу сказать, тебе не интересно узнать, кто твои настоящие родители?

– Иногда подобные вопросы приходили мне в голову. Но, Тигги, отец для меня был всем. Его я считаю своим *родным отцом*. А другие мне и не нужны. Даже думать о них не хочу.

– Считаешь, это будет нечестно по отношению к папе – попытаться выяснить свое настоящее происхождение?

– Может, и так. В любом случае отцовской любви мне всегда хватало с лихвой. Ведь трудно представить себе более любящего и более заботливого отца.

– Понимаю. Вас с отцом действительно связывали особые узы. Наверное, потому что ты старшая. Так всегда в семьях и бывает.

– А по-моему, у каждой из нас были с ним свои особые узы. Ведь он любил нас всех.

– Да, я знаю, как он любил меня, – едва слышно согласилась со мной Тигги. – Но все равно не перестаю думать о том, кто же я есть на самом деле. Мне часто хотелось расспросить отца, но я боялась спрашивать, не хотела расстраивать его. Так и не рискнула. А сейчас уже поздно. – Тигги подавила зевок. – Не возражаешь, если я пойду к себе и прилягу на часок? Что-то на меня вдруг навалилась страшная усталость. То ли пережитый шок начал действовать, то ли тот факт, что последние несколько недель я работала без выходных. Но просто сил нет никаких...

– Конечно, ступай. Приляг, переведи дыхание.

Я молча проследила за тем, как Тигги направилась к дверям.

– Увидимся позже, ладно? – бросила она напоследок.

– Постарайся поспать хоть немного, – посоветовала я.

Дверь за сестрой закрылась, и я снова осталась в комнате одна. И меня вдруг охватило *странное раздражение*. Неужели дело во мне? Нет. Внезапно до меня дошло очевидное. Врожденная отчужденность от всего на свете у этого воздушного, неземного создания по имени

Тигги с годами проступала все резче, все отчетливее, она стала даже бросаться в глаза. В конце концов, чего же я от нее хочу сейчас? Не я ли сама страх как боялась чрезмерно эмоциональной реакции сестер на известие о смерти отца? Так что надо только радоваться тому, насколько уравновешенно восприняла эту страшную новость Тигги.

Впрочем, вполне возможно, причина кроется в другом. Просто все мои сестры уже давно живут каждая своей жизнью, далеко за пределами дома Па Солта и всего того, что связано с их детскими годами, проведенными под крышей Атлантиса. А лично для меня и сам отец, и Атлантис по-прежнему составляют суть и смысл всей моей жизни.

* * *

Стар и Сиси прибыли уже после семи вечера. И снова я встречала их на пирсе. Обычно не любящая всяческие нежности, Сиси на сей раз даже позволила мне слегка обнять ее за плечи и тут же отстранилась.

– Ужасно, Майя! Просто ужасно, – воскликнула она. – Стар очень расстроена.

– Могу себе представить, – ответила я. Стар действительно выглядела бледнее обычного.

– Ну, как ты, моя родная? – Я протянула руки к ней, намереваясь заключить ее в объятия.

– Полностью раздавлена, – прошептала в ответ Стар и положила свою головку, обрамленную серебристо-белыми кудряшками, мне на плечо.

– Но, слава богу, мы все вместе, – сказала я, наблюдая за тем, как Стар оторвалась от моего плеча и снова вернулась к Сиси, которая тут же обхватила ее своею крепкой рукой за талию.

– Что нужно делать? – спросила меня Сиси, пока мы все трое шли домой.

И я снова, как и в случае с Тигги, проводила сестер в гостиную и усадила на диван. А потом коротко повторила все подробности, связанные с кончиной отца и его последней волей, согласно которой он не захотел, чтобы кто-то из нас присутствовал при его погребении.

– Так кто тогда доставил его тело на борт яхты? – спросила у меня Сиси, как всегда самая дотошная и логически мыслящая из всех нас, ее сестер. Я поняла, что она вовсе не хотела показаться такой уж бесчувственной особой. Ей, как всегда, нужны были факты, и только факты.

– Если честно, я даже не спрашивала. Но мы это легко выясним. Наверное, кто-то из членов команды «Титана».

– И где именно опустили гроб с его телом в воду? Вблизи Сен-Тропе? Ведь именно там яхта стояла на приколе. Или они все же вышли в открытое море? Наверняка вышли, – задумчиво бросила Сиси.

Нас обеих, и меня, и Стар, невольно передернуло от этого неумолимого желания сестры узнать как можно больше подробностей.

– Ма сказала мне, что его похоронили в свинцовом гробу, который уже давно находился на борту яхты. Но конкретно, где и как опустили гроб в воду, я не знаю, – ответила я, надеясь, что на этом дальнейшие расспросы со стороны Сиси прекратятся.

– Вполне возможно, нотариус ознакомит нас с его завещанием. Огласит нам его, так сказать, последнюю волю, – не успокаивалась Сиси.

– Очень даже возможно.

– Итак, отныне для всех, кто нас знает, мы – сестры, оставшиеся без средств к существованию, – слегка пожалала плечами Сиси. – Ты же помнишь, отец всегда повторял нам, что надо научиться зарабатывать себе на жизнь. Впрочем, вполне возможно, какой-то кусок он и кинул нам в качестве благотворительного дара, – добавила она.

И хотя я понимала, что за врожденным цинизмом Сиси, который особенно заметно проступил в ее последней реплике, наверняка скрывалось желание хоть как-то совладать с той болью и горечью потери, которые она испытывала в глубине души, но, честно, я немного разозлилась. Намеренно оставив ее замечание без комментариев, я повернулась к Стар. Та молча застыла на диване рядом с сестрой.

– Ну, как ты? – мягко поинтересовалась я у нее.

– Я...

– Она в шоке, как и все мы, – тут же сказала, как отрубилась, Сиси, не дав сестре даже раскрыть рот. – Но вместе мы как-то с этим

справимся, верно?

Она протянула свою сильную смуглую руку к Стар и сжала в своей ладони ее тоненькие белые пальчики.

– Какая жалость! А у меня была припасена для папы такая хорошая новость.

– И что за новость? – осторожно поинтересовалась я.

– Мне предложили годичный курс со стипендией в Королевском колледже искусств в Лондоне. Занятия начнутся в сентябре.

– Действительно, очень хорошая новость, – сказала я, хотя, по правде говоря, никогда не понимала довольно странных «инсталляций» Сиси, как она сама называла свои творения. Даже в современном искусстве я предпочитала более традиционные направления. Но я знала, что для Сиси ее эксперименты и самовыражение значили очень и очень многое, а потому искренне обрадовалась за сестру.

– Здорово! – воскликнула я. – Мы все за тебя очень рады. Правда, Стар?

– Да, – послушно согласилась со мной Стар, хотя никакой особой радости я на ее лице не прочитала. Я даже заметила, как у нее слегка задрожала нижняя губка.

– Мы поселимся в Лондоне, – оповестила нас Сиси. – Если, конечно, средства позволят. Но это мы узнаем после встречи с папиным нотариусом.

– Если честно, Сиси, – не выдержала я наконец, – то я думаю, что сейчас совсем не время думать о подобных вещах.

– Прости, Майя. Я, как всегда, на своей волне. Но ты же знаешь, как сильно я любила папу. Он был изумительным человеком и всегда так горячо поддерживал меня в моей работе.

На какую-то долю секунды на лице Сиси отразилась растерянность, а в ее светло-коричневых глазах в крапинку мелькнул испуг.

– Все так, – коротко подтвердила я.

– Тогда мы со Стар пойдем к себе наверх и распакуем наши вещи. Пошли, Стар! – скомандовала Сиси. – А во сколько ужин, Майя? Мы можем помочь что-то приготовить. Вообще-то уже кушать хочется.

– Пойду, скажу Клавдии, чтобы она поскорее накрывала на стол. Больше ждать некого. Электра ведь появится здесь только под утро. А

от Алли у меня вообще пока нет никаких известий.

– Хорошо. Тогда до встречи за ужином, – проговорила Сиси, поднимаясь с дивана. Стар мгновенно подхватила следом. – Если я чем-то могу помочь, только скажи, и я буду тут как тут. – Грустная улыбка тронула губы сестры при этих последних словах. Какой бы черствой она ни казалась чисто внешне, я знала, что она не кривит душой.

После того как обе покинули гостиную, я еще некоторое время сидела, раздумывая о том, что за странная связь существует между этими двумя моими сестрами. Мы с Мариной не раз обсуждали эту тему еще тогда, когда они были маленькими, и потом, когда стали взрослеть, и пришли к выводу, что Стар просто прячется в тени своей сестры, а Сиси, как более сильная личность, целиком подавляет ее своей волей.

– Такое впечатление, что у Стар и мнения-то своего нет, – не раз раздраженно повторяла я. – Вот я, к примеру, понятия не имею, о чем она думает на самом деле. Ну разве это нормально?

Марина всегда соглашалась со мной. Но, когда я однажды поделилась своими соображениями с отцом, тот лишь улыбнулся в ответ своей неуловимой и немного таинственной улыбкой и посоветовал мне не волноваться понапрасну.

– Вот увидишь: в один прекрасный день наша Стар расправит крылышки и взлетит высоко в небо, воспарит, словно ангел в небесах. Впрочем, она и есть ангел. Так что подожди немного и сама убедишься в том, что я был прав.

Помнится, в тот момент слова отца не очень успокоили меня. Потому что я видела, что не только Стар прикипела к Сиси, но и сама Сиси, несмотря на всю свою внешнюю самостоятельность, точно так же намертво приклеилась к сестре. А значит, если в один прекрасный день Стар *расправит свои крылышки* и взлетит в небо, как в том был уверен отец, то Сиси тут же почувствует себя брошенной. И страшно одинокой...

* * *

За столом у всех было подавленное настроение. Сестры заново привыкали к родительскому дому, где буквально каждая вещь напоминала нам о том, сколь велика наша потеря. Марина изо всех сил старалась расшевелить девочек, хоть чуть-чуть поднять настроение, но, видно, она и сама плохо представляла себе, с какой стороны к нам лучше подступиться. Она беспрестанно сыпала вопросами, интересовалась в мельчайших подробностях тем, чем сегодня живут ее дорогие девочки, но тень отца незримо витала в комнате, а случайные воспоминания о том или ином эпизоде, связанном с ним, моментально вызывали слезы на наших глазах. В результате все разговоры увяли сами собой, и за столом воцарилось тяжелое молчание.

– Я буду только рада, если Алли наконец-таки объявится и мы сможем услышать из уст нотариуса, что именно Па Солт хотел сказать нам. – Тигги издала протяжный вздох. – Простите меня, но я отправляюсь спать.

Она поцеловала всех нас по очереди и ушла. Через пару минут ее примеру последовали Сиси и Стар.

– Ах, боже мой! – тяжело вздохнула Марина, когда мы с ней остались за столом вдвоем. – Девочки полностью сломлены... Убиты горем. Я согласна с Тигги. Чем быстрее мы отыщем Алли и она приедет домой, тем скорее все мы сможем двигаться дальше.

– По всему получается, что Алли сейчас находится в таких местах, где отсутствует мобильная связь, то есть вне зоны связи, – предположила я. – Ма, у тебя страшно усталый вид. Ступай тоже в постель. А я останусь и буду дожидаться Электру.

– А у самой сил хватит, милая?

– Хватит-хватит, – заверила я Ма. – Не беспокойся за меня.

Я прекрасно знала, как непросто в прошлом складывались отношения Марины с моей младшей сестрой, а потому сознательно решила пощадить ее на сей раз.

– Спасибо тебе, Майя, – прочувствованно поблагодарила меня Марина, не сильно сопротивляясь. Она поднялась из-за стола, ласково поцеловала меня в макушку и вышла из кухни.

Следующие полчаса ушли на мытье посуды. Я сама настояла на том, чтобы помочь Клавдии убрать со стола. Все какая-то работа, помогающая скоротать время в ожидании Электры. Зная обычную неразговорчивость нашей домоправительницы, сегодня я даже была

благодарна ей за то, что она продолжала хранить упорное молчание. Тишина действовала на меня успокаивающе.

– Запирать парадную дверь, мисс Майя? – спросила она у меня.

– Пока не надо. У вас, Клавдия, тоже сегодня выдался очень трудный день. Ступайте спать, а дверь я запру сама.

– Как пожелаете. *Gut nacht!* – пожелала она мне доброй ночи по-немецки и тоже покинула кухню.

Я неспешно прошлась по дому, зная, что в запасе у меня как минимум два часа до того момента, как приедет Электра. Спать не хотелось совершенно. Наверное, все же успела выспаться. Утром ведь проспала полдня, что для меня абсолютно нетипично. Но вот и папин кабинет. Внезапно мне захотелось хоть как-то почувствовать его присутствие рядом. Я дернула дверную ручку, чтобы зайти в комнату, но дверь оказалась заперта.

Странно, подумала я, и мне почему-то сделалось не по себе. Когда папа бывал дома и занимался делами у себя в кабинете, двери всегда были широко распахнуты. Полный и беспрепятственный доступ к нему всех девочек. Как бы он ни был занят, он всегда улучал минутку, чтобы встретить меня дружелюбной улыбкой, когда я тихонько царапалась в дверь. А мне страшно нравилось просто сидеть в папином кабинете. Здесь он был самим собой, и все предметы вокруг отражали его истинную суть. Ряд мониторов на письменном столе с самой свежей банковской информацией. Большой видеоэкран на стене, всегда готовый включиться в режим интерактивной связи через спутниковые ретрансляторы с деловыми партнерами, разбросанными по всему земному шару. С особым интересом я разглядывала папины любимые и дорогие его сердцу сокровища, которые в беспорядке теснились на полках за его спиной.

Впрочем, ничего из ряда вон. Он сам как-то сказал мне, что собирал эти свои сокровища, странствуя по всему миру. Среди прочего на полке хранился образ Богородицы в изящной позолоченной рамочке. Образок был такой миниатюрный, что с легкостью помещался на ладони. А рядом – старинная скрипка, потрепанный кожаный кошелек и разорванная книженция со стихами совершенно не известного мне английского поэта.

Словом, никаких раритетов, ничего ценного. Вещи, которые дороги исключительно отцу как память о чем-то.

Надо сказать, что в нашем доме вообще было мало по-настоящему ценных и дорогих вещей, хотя я не сомневалась ни на секунду: при желании папа мог бы с легкостью забить весь дом под самую крышу дорожными предметами антиквариата и произведениями искусства. Но ничего подобного у нас не было, разве что пару живописных полотен и еще несколько каких-то артефактов. Мне даже казалось, что отец испытывал некую изначальную неприязнь к самому коллекционированию произведений искусства. Так, он откровенно надсмехался над своими богатыми друзьями, тратившими баснословные суммы на приобретение известных произведений искусства. Не раз он говорил мне, что в итоге все их покупки обретут свое место в какой-нибудь бронированной комнате, похожей на сейф, и все ради того, чтобы их – не дай бог! – не украли.

– Произведение искусства должно быть доступно любому, – часто повторял отец. – Ведь в каждую картину художник вкладывает свою душу. Полотно, которое спрятано от людских глаз, превращается в пустышку. Оно ничего не стоит.

А когда я осторожно возражала ему, говорила, что вот он, дескать, тоже имеет в своем распоряжении и огромную роскошную яхту, и целый самолет, он лишь удивленно вскидывал брови в ответ.

– Ну как ты не понимаешь, Майя! – кипятился Па Солт. – Это всего лишь транспортные средства. Они имеют практическую ценность, и только. Сгори они завтра ясным пламенем, и я ни капельки не расстроюсь. С легкостью заменю их на новые. Что же до произведений искусства, то с меня вполне хватит и шестерых моих дочурок. Вот они действительно настоящие произведения искусства, мое самое главное богатство и сокровище. И все они незаменимы для меня. Потому что те, кого мы любим, эти люди поистине *незаменимы*. Запомни мои слова, Майя, ладно?

И я действительно запомнила навсегда отцовские слова, сказанные много-много лет тому назад. Лишь один-единственный раз память меня подвела... О, как же я изнывала всеми фибрами своей души о том, что в тот момент, когда должна была вспомнить эти папины слова, я ничего не вспомнила.

Немного опустошенная нахлынувшими на меня воспоминаниями, я тихонько отошла от кабинета Па Солта и направилась в гостиную, продолжая недоумевать по дороге, кто и зачем запер отцовский

кабинет на ключ. Надо будет завтра расспросить об этом Марину, рассеянно подумала я, усаживаясь в кресло возле журнального столика. Машинально взяла в руки фотографию в рамочке, стоявшую на столе. Снимок был сделан на «Титане» несколько лет тому назад: отец в окружении нас, шестерых сестер. Сгруппировались прямо возле поручней на борту яхты. Отец широко улыбается, красивые черты его лица разглажены, роскошную шевелюру седых волос растрепал морской бриз, загорелое мускулистое тело, крепкое, никаких следов старческой дряблости.

– Так кто же ты, папа, *есть на самом деле?* – спросила я его, слегка нахмурившись.

Чтобы чем-то заняться, я включила телевизор и стала переключать каналы, пока не отыскала новостную программу. Как всегда, пугающая информация: войны, страдания, разрушения. Я уже приготовилась выключить телевизор, но тут диктор объявил, что найдено тело Крига Эсзу, известного магната и воротилы бизнеса, владельца множества международных компаний, занимающихся вопросами коммуникации и связи. Тело вынесло волной на берег небольшой бухты на одном из греческих островов.

Я подалась к экрану, забыв о том, что держу в руках пульт дистанционного управления. Между тем диктор сообщил, что, согласно информации, полученной от семьи покойного, у Крига сравнительно недавно диагностировали рак в последней стадии. Вывод из сказанного напрашивался сам собой. Дескать, человек, узнав свой страшный диагноз, не стал дожидаться мучительного конца, а решил сам свести счеты с жизнью.

Я почувствовала, как глухо заколотилось сердце в моей груди. И не только потому, что мой отец тоже предпочел встретить вечность на дне океана. Просто вся эта история имеет самое прямое отношение ко *мне самой...*

Далее диктор сказал, что сын покойного, Зед, который все последние годы трудился вместе с отцом и под его началом, незамедлительно возложил на себя обязанности исполнительного директора компании «Артениан Голдингс». На экране мелькнуло лицо Зеда, и я тут же инстинктивно закрыла глаза.

– О боже! – Из моей груди вырвался стон. Ну почему судьба выбрала именно этот момент, чтобы напомнить мне о человеке,

которого я старалась забыть все последние четырнадцать лет?

И вот она, ирония судьбы. По всему выходит, что за какие-то несколько часов мы с ним потеряли своих отцов. И оба они упокоились в морской пучине.

Я поднялась с кресла и стала нервно расхаживать по комнате, пытаясь изгнать из своей памяти лицо Зеда, только что мелькнувшее передо мной на экране. А он за минувшие годы стал еще красивее, невольно отметила я про себя. Гораздо красивее, чем был тогда.

«Подумай, Майя, о том, сколько горя он тебе причинил, – попыталась я привести себя в чувства. – Все кончено, все закончилось много лет тому назад. Не смей возвращаться в прошлое. Ни под каким предлогом».

Я вздохнула и почти рухнула без сил на диван. Как себя ни уговаривай, но в глубине души я хорошо понимала, что такое никогда не закончится. Никогда!

Пару часов спустя я услышала негромкое жужжание моторки, причаливавшей к пирсу. Приехала Электра. Я сделала глубокий вдох, пытаюсь привести себя в норму. Потом вышла из дома и направилась через сад, залитый ярким лунным светом, навстречу сестре. Предрасветная роса приятно холодила мои босые ноги. Я увидела, как Электра спешит ко мне, быстрым шагом пересекая лужайку. Ее красивая кожа цвета слоновой кости светилась, облитая сверху лунным сиянием. А длиннющие ноги, которые, казалось, никогда не закончатся, проворно делали свою работу, сокращая расстояние между нами.

Рядом с высоченной, почти в два метра ростом, Электрой я всегда чувствовала себя мелкой и незначительной. Величавая стать, безупречная элегантность. Есть на что посмотреть. Но вот она подбежала ближе и сама заключила меня в крепкие объятия, прижав мою голову к себе с такой силой, что она буквально вдавилась в ее грудь.

– Ах, Майя! – воскликнула она с надрывом в голосе. – Ну скажи же мне, что это неправда. Папа не мог просто так вот взять и уйти от нас. Не мог, и все тут! Я...

Электра громко разрыдалась. Я решила, что не стоит беспокоить остальных сестер и будить их ее истошным ревом. Возьму-ка я ее лучше к себе, в Павильон. Я осторожно повела сестру по дорожке к своему дому. Всю дорогу Электра жалобно всхлипывала. Мы вошли в дом, я закрыла за собой дверь, и мы направились в гостиную. Я бережно усадила сестру на диван.

– Майя, что мы все будем делать без него? – спросила она, устремив на меня требовательный взгляд своих светлых янтарных глаз. То есть ответ был нужен незамедлительно.

– Папин уход невозможно восполнить ничем. Боль от его утраты всегда будет с нами. Но я надеюсь, что горе еще больше сблизит всех нас и вместе мы как-то справимся. – Я торопливо сняла с полки коробочку с бумажными носовыми платками и положила ее на диван рядом с сестрой. Электра взяла платок и промокнула глаза.

– Все время плачу, не могу остановиться, – пожаловалась она. – С тех самых пор, как мне позвонила Ма. Я не в силах это слышать! Просто не могу, Майя.

– Никто из нас не может, – согласилась я с сестрой. Глядя на рыдающую Электру, я невольно задалась вопросом: как может в этом красивом, физически сильном теле уживаться душа маленькой девочки, почти совсем ребенка? Ее фотографии постоянно мелькают в глянцевых журналах. То она под руку с какой-нибудь кинозвездой, то в обнимку с очередным богатым плейбоем. На всех снимках выглядит потрясающе: уверенный взгляд, полное самообладание. И всякий раз, разглядывая ее фотографии, я спрашиваю себя: неужели эта неприступная, холодная светская красавица и есть моя плаксивая и эмоционально ранимая сестра? Постепенно я пришла к выводу, что Электре нужна постоянная подпитка любовью и вниманием, и тогда все те детские страхи, которые кроются где-то в глубине ее души, отступят и она почувствует себя в полной безопасности.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – поинтересовалась я у нее, улучив момент между ее всхлипами. – Может, бренди? Он поможет тебе немного успокоиться.

– Нет. Я уже несколько месяцев как не прикасаюсь к спиртному. Митч тоже в завязке.

Митч – это нынешний бойфренд моей младшей сестры. Впрочем, всему остальному свету он известен как Митчелл Дагган, всемирно знаменитый американский певец, который как раз сейчас совершает свой гастрольный тур по всем странам и континентам, собирая огромные стадионы зрителей. Все трибуны забиты до отказа ревущими от восторга фанатами.

– А где он, кстати, сейчас? – сделала я попытку переключить внимание Электры на что-то другое.

– В Чикаго. А на следующей неделе будет выступать в Мэдисон-сквер-гарден. Майя, расскажи мне, как умер Па Солт? Я хочу знать.

– Уверена, что хочешь? Ты сейчас очень расстроена. К тому же такой долгий перелет. Думаю, тебе сейчас лучше поспать, и тогда тебе полегчает.

– Нет, Майя, нет! – энергично затрясла головой Электра и сделала видимое усилие, чтобы совладать со своими слезами. – Пожалуйста, расскажи мне все прямо сейчас.

И вот, уже в третий раз, я принялась повторять все то, что мне, в свою очередь, сообщила Марина, по мере сил смягчая подробности. Электра слушала меня молча, буквально впитывая в себя каждое слово.

– А что насчет самих похорон? Митч пообещал, что сможет вырваться и побыть рядом со мной во время церемонии, если только похороны пройдут на следующей неделе.

В первый раз я подумала, что отец все же поступил правильно, пожелав упокоиться в отсутствие семьи и прочих знакомых и друзей. Представляю, что бы это было за зрелище. Звездный кавалер Электры в окружении толпы репортеров и прочих папарацци. Они бы уж точно превратили похороны в цирковое представление. От одной только этой мысли я невольно содрогнулась.

– Электра, мы сейчас обе страшно устали. Давай...

– Что такое? В чем дело? – Сестра мгновенно уловила нерешительные нотки в моем голосе. – Нет уж! Говори мне все как есть... сейчас. Пожалуйста...

– Хорошо! Так и быть, скажу. Но я тебя прошу не расстраиваться, ладно?

– Постараюсь. Обещаю.

Итак, мне пришлось снова сообщить очередной сестре о весьма необычных похоронах, которые уже состоялись. Надо отдать должное Электре. Я видела, как сжались у нее кулачки, как побелели костяшки пальцев, но она не заплакала.

– Ну зачем он так поступил? – недоуменно спросила она меня. – Ведь это жестоко – лишать нас возможности сказать ему последнее «прости». Разве не так? – В янтарно-золотистых глазах Электры вспыхнули искорки гнева. – Впрочем, это так на него похоже. Эгоист! Вот он кто! И поступил как самый последний эгоист.

– Не согласна! Думаю, папа просто хотел оградить всех нас, шестерых, от лишних волнений и переживаний, связанных с процедурой прощания.

– Но как иначе мне понять, как прочувствовать всем сердцем, что отца больше нет? Как всем нам принять это? В Америке церемонию прощания с усопшим недаром называют «завершением» и постоянно твердят о том, насколько она важна. А какое завершение получили мы?

– Если честно, Электра, то не очень я верю во все эти высокие слова... Завершение, заключение, занавес опускается и прочее. О каких благостных настроениях может идти речь, когда ты теряешь близкого человека?

– Может, ты в чем-то и права. И все же похороны нужны! – Электра сверкнула на меня глазами. – Ты же знаешь, мы с Па Солтом никогда и ни в чем не сходились взглядами. То есть я хочу сказать, что отец категорически не одобрял способ, которым я зарабатываю себе на жизнь. Кстати, по-моему, он был единственным человеком на свете, кто считал, что у меня есть мозги. Ты же помнишь, в каком он был бешенстве, когда я благополучно завалила все школьные экзамены.

Кто-кто, а я-то уж *прекрасно помню*, какие вопли доносились из папиного кабинета и какие скандалы сотрясали воздух всякий раз, когда папа получал очередной отчет об успеваемости дочери. Да и многое другое в жизни Электры, по мере ее взросления, его категорически не устраивало. Для нее все правила и нормы жизни – это лишь весомый повод для того, чтобы их нарушить. И она единственная в нашей семье осмеливалась перечить отцу и всегда настаивала на своем. Но при этом я видела, с каким восхищением смотрел отец во время этих жарких споров на свою строптивую дочь.

– Вот в ком есть настоящая сила духа, – не раз повторял он мне. – И это качество всегда будет выделять нашу Электру из толпы.

– Электра, отец обожал тебя, – постаралась я хоть как-то утешить сестру. – Да, конечно, ему хотелось, чтобы твои мозги работали в правильном направлении и приносили тебе пользу. А какой отец не хочет того же для своего дитяти? Но в любом случае ты стала самой успешной и знаменитой из всех нас. Только сравни свою жизнь с той, что веду я. Ведь у тебя есть все.

– Нет, не все. – Внезапно из груди Электры вырвался тяжелый вздох. – Это все, знаешь ли, одна мишура, внешний блеск, за которым нет ничего стоящего. Но так уж сложилось... Я устала, Майя. Можно я посплю сегодня здесь вместе с тобой?

– Разумеется, можно. Я уже постелила тебе постель. Спи, сколько тебе захочется. У нас все равно задержка из-за Алли. Пока она не объявится, нам остается только ждать.

– Спасибо. И прости, что я тут перед тобой распустила нюни. Митч недавно свел меня с каким-то психоаналитиком, который

пытается помочь мне избавиться от резких перепадов настроения, – неожиданно призналась Электра и добавила, поднимаясь с дивана: – Можно я тебя обниму?

– Сколько угодно.

На сей раз в свои объятия ее заключила я и крепко прижала к себе. После чего она достала из чемодана футляр с принадлежностями для сна и направилась к двери, замешкавшись у порога.

– У меня страшно болит голова. Может, у тебя случайно завалялась таблеточка кодеина?

– К сожалению, нет. Но есть парацетамол.

– Нет, спасибо, не надо. Не беспокойся. – Электра слабо улыбнулась. – Тогда до завтра.

Я выключила свет в гостиной и пошла к себе в спальню. Вот так дела. Меня поразила более чем прохладная реакция Тигги на смерть отца. Но реакция Электры тоже подкинула материал для размышлений. Есть в ней что-то такое, что безошибочно выдает, до какой степени она несчастна. Во всяком случае, так мне показалось сегодня.

Когда я улеглась в кровать, которую Клавдия уже успела перестелить заново после вчерашней бессонной ночи, я вдруг подумала, что смерть отца может стать неким поворотным моментом для всех нас, его дочерей.

* * *

Когда на следующее утро я пришла к Марине, чтобы узнать, есть ли новости от Алли, то все остальные сестры еще крепко спали.

– Никаких новостей, – ответила мне Марина с отчаянием в голосе.

– Папа, тот бы знал, что делать. Он всегда ее находил.

– Это правда, – согласилась со мной Ма. – Ну, как там Электра?

– Убита, огорошена и очень-очень зла из-за того, что не может по-человечески проститься с отцом. Однако ей удалось удержать свои чувства под контролем. Это уже кое-что.

– Хорошо. Мне недавно звонил Георг Гофман, интересовался, сумели ли мы отыскать Алли. Я вынуждена была признаться, что пока нет. И что будем делать, Майя?

– Ничего. Просто запасемся терпением. Между прочим, Ма, – заметила я, наливая себе в кружку чай, – вчера мне захотелось заглянуть в папин кабинет, но я обнаружила, что он заперт. Интересно, почему?

– Так попросил меня твой отец незадолго до своей кончины. И даже потребовал, чтобы я сию же минуту отдала ключ ему. Понятия не имею, куда он его положил потом. Если честно, такая сумятица воцарилась в доме, что стало уже не до ключей. Ничего не помню... Все начисто выветрилось из моей памяти.

– Но ключи нужно отыскать во что бы то ни стало. Уверена, Георг обязательно захочет попасть в кабинет. Ведь там папа хранил все свои бумаги.

– Конечно-конечно. А сейчас, пока все твои сестры еще спят, несмотря на то что время близится к полудню, пойду, попрошу Клавдию, чтобы она приготовила нам нечто среднее между завтраком и ланчем.

– Отличная мысль. А я тем временем вернусь к себе в Павильон. Посмотрю, не проснулась ли Электра.

– Хорошо, милая, – понимающе улыбнулась Марина. – Думаю, в любом случае наше ожидание скоро закончится.

– И я на это надеюсь.

Я вышла из дома и направилась к себе, но тут среди деревьев различила одинокую фигуру, сидевшую на пирсе. Это была Стар. Она отрешенно глядела куда-то вдаль, за кромку озера. Я подошла к ней и осторожно тронула за плечо, чтобы не напугать.

– Стар, с тобой все в порядке?

– Все в порядке, – ответила она, слегка поежившись.

– Можно мне присесть рядом?

Стар едва заметно кивнула в ответ. Я уселась рядом на краю пирса и стала слегка размахивать ногами. Глянула на Стар сбоку и увидела, что ее лицо залито слезами.

– А где Сиси? – спросила я.

– Еще спит. Она всегда, когда чем-то расстроена, лечит себя сном. А я всю минувшую ночь не сомкнула глаз.

– И я тоже плохо спала, – призналась я.

– Майя, я просто не могу поверить в то, что папа ушел от нас.

Я молча придвинулась к ней поближе, боясь спугнуть такое редкое у Стар настроение поделиться своими переживаниями с кем-то еще, кроме Сиси. Решила ничего не говорить, чтобы не помешать выговориться ей самой.

– Я чувствую себя... – начала она после долгой паузы, – такой потерянной. Ведь я всегда знала, что папа – единственный человек на свете, который меня понимает полностью. Именно так: *полностью*.

Она повернулась ко мне: черты ее ангелоподобного лица исказила гримаса отчаяния.

– Ты понимаешь меня, Майя? Да?

– Да, – медленно обронила я. – Думаю, что я тебя понимаю. И, пожалуйста, Стар, помни, если тебе вдруг захочется с кем-то поговорить по душам, я всегда рядом. Договорились?

– Да.

– А, вот вы где!

Мы обе инстинктивно подпрыгнули и отвернулись. Навстречу нам торопилась Сиси. Может быть, я и ошибаюсь, но мне показалось, что в этот миг в прозрачно-голубых глазах Стар промелькнула легкая тень раздражения.

– Вот решила подышать свежим воздухом, пока ты спишь, – сказала Стар, поднимаясь с деревянного настила.

– Однако я уже проснулась. И Тигги тоже. А Электра приехала? Я заглянула к ней в комнату. Кровать не тронута. Такое впечатление, что в ней никто не спал.

– Электра спала у меня в Павильоне. Пойду, посмотрю, может, она уже тоже встала.

Я поднялась с настила и последовала за сестрами вверх по лужайке, к дому.

– Представляю, какая у тебя выдалась ужасная ночь, Майя, – посочувствовала мне Сиси. – Электра, как обычно, закатывала свои истерики, да?

– Представь себе, Электра на сей раз вела себя относительно спокойно, – дипломатично ответила я, зная, что Сиси и Электра откровенно недолгобливают друг друга. Да и по жизни они полная противоположность друг другу: практичная Сиси, не любящая выставлять свои чувства на показ, и несдержанная, взрывная, почти буйная Электра.

– Думаю, надолго ее не хватит, – презрительно фыркнула Сиси. – До скорого!

Я направилась к себе в Павильон, размышляя по дороге над тем, что так могло расстроить Стар. Хотя она ни словом не обмолвилась о своих взаимоотношениях с Сиси, но интуитивно я догадалась, что проблемы есть. Видно, Стар стало уже тяготить постоянное доминирование сестры. Войдя в дом, я услышала, что на кухне что-то происходит.

Электра, ослепительно прекрасная в своем изумрудно-зеленом пеньюаре, возилась у плиты с чайником.

– Как спалось? – спросила я у нее.

– Спала как убитая. У меня всегда крепкий сон, ты же знаешь. Чай будешь?

Я подозрительно оглядела пачку с чаем.

– Что за чай?

– Зеленый. «Вирджиния». В Калифорнии его все пьют. Митч говорит, он очень полезный.

– Ты же знаешь, я предпочитаю старый добрый английский чай, тот, который называется «Чай для завтрака». А потому я – пас.

– У всех имеются свои предпочтения, Майя. На твоем месте я бы не стала так уж заикливаться на чае. Есть новости от Алли?

Я слово в слово пересказала ей все то, что недавно сообщила мне Марина.

– Я хорошо знаю, что терпение не входит в число моих добродетелей, о чем мне постоянно напоминает и мой психотерапевт. Но с другой стороны... Мы что, все обязаны околачиваться здесь до тех пор, пока не объявится Алли? А если у нее регата? Если она сейчас где-нибудь в открытом море? Тогда наше ожидание затянется на недели.

– Надеюсь, что нет, – постаралась я ободрить сестру, невольно любуясь тем, с какой грациозностью она порхает по кухне. Хотя меня всегда считали первой красавицей среди всех сестер, в глубине души я думала, что сей титул по праву принадлежит нашей Электре. Вот, казалось бы, только встала с постели, а шелковистые кудри рассыпались по плечам в строгом порядке, завиток к завитку, и косметика ей никакая не нужна, чтобы подчеркнуть свои красивые скулы и пухлые губки. Атлетически сложенная, но при этом с очень

женственной фигурой, Электра всегда напоминала мне царицу амазонок.

– Ну, и что у нас тут имеется? – спросила она, открывая холодильник и приступая к изучению его содержимого. – Есть что-то с минимальным содержанием добавок?

– Прости, дорогая. Но простые смертные, наподобие меня, не занимаются изучением всех этих ярких этикеток, – попыталась пошутить я. Но, кажется, шутка проскочила мимо.

– Давай посмотрим правде в глаза, Майя. Когда ты торчишь днями напролет одна-одинешенька, то какая тебе разница, как ты выглядишь? Так?

– Так. Разницы нет никакой, – покорно согласилась я. В конце концов, Электра ведь сказала чистую правду.

Наконец она остановила свой выбор на банане. Почистила его и откусила с несчастным видом.

– У меня через три дня большая фотосессия для «Вог». Надеюсь, мне не придется аннулировать этот контракт.

– И я тоже очень надеюсь. Но бог знает, когда отыщется наша Алли. Вчера ночью я гуглила в Интернете, смотрела расписание регат, проходящих в данный момент. Не нашла ничего. То есть мы даже не можем отправить сообщение организаторам регаты, чтобы те уже связались непосредственно с ней. Но как бы то ни было, а все уже встали. Так что одевайся, и пойдем, присоединимся к остальным.

– Ну, если так нужно, – равнодушно бросила в ответ Электра.

– Хорошо. Тогда загляну попозже, – сказала я, поднимаясь из-за стола. Я знала, что в таком настроении, в каком сейчас пребывает Электра, ее лучше оставить одну. Я направилась в комнату, служившую мне кабинетом, села за стол и включила компьютер. В электронной почте меня поджидало довольно милое письмо от бразильского писателя Флориано Квинтеласа. Несколько месяцев тому назад я закончила перевод с португальского его очень красивого романа под названием «Молчаливый водопад». В процессе перевода я часто консультировалась с ним, когда билась над той или иной трудной фразой. Мне хотелось максимально сохранить в переводе авторский язык, особый, поэтически выпретенный стиль писателя. С тех пор мы стали периодически обмениваться электронными посланиями.

Вот и на сей раз Флориано написал мне, что в связи с изданием его книги во Франции он собирается прилететь в Париж в июле месяце и приглашает меня на прием, устраиваемый по случаю презентации книги. Он также прикрепил к письму несколько начальных глав своей новой книги и попросил почитать, если выпадет свободная минутка.

Письмо Флориано согрело мне душу. Ведь порой начинаешь думать, что переводческая работа – это такой неблагодарный труд. А потому я всегда дорожу теми редкими возможностями, когда автор предпочитает напрямую связаться со мной. Тогда я тоже чувствую непосредственную связь с человеком, работу которого я перевожу.

Но тут мое внимание от компьютера отвлекла знакомая фигура, стремительно удалявшаяся от пристани по направлению к дому.

Я даже подпрыгнула на месте от неожиданности и пулей выскочила из-за стола.

– Алли! – крикнула я. – Электра! Алли приехала! – Я опрометью выбежала из дома, чтобы поздороваться с сестрой.

Судя по всему, остальные девочки тоже увидели Алли. Потому что к тому моменту, как я подбежала к террасе Атлантика, вокруг нее уже сгрудились Сиси, Стар и Тигги.

– Майя! – воскликнула Алли, увидев меня. – Какое горе! Какое горе!

– Да, ужасно. Но как ты узнала? Мы безуспешно пытались связаться с тобой на протяжении двух дней.

– Пошли в дом, – предложила она, обращаясь ко всем. – Там и объясню.

Я поплелась сзади, а остальные сестры облепили Алли со всех сторон. Хотя я была старшей, и в случае чего все они бежали со своими проблемами ко мне, но безусловным лидером в семье была именно Алли. Она всегда брала на себя командирские функции, а я и не возражала. Не стала возражать и сейчас.

Марина встретила нас уже на нижних ступенях лестницы, поджидая сестру с распростертыми объятиями. Как только они с Алли обнялись, Ма тут же приказала всем идти на кухню.

– Отличное предложение! – похвалила ее Алли. – Я просто умираю, хочу кофе. Добиралась домой целую вечность.

Клавдия подала на стол большой кофейник, и в эту самую минуту в комнату неторопливо вплыла Электра. Все дружно приветствовали

ее, разве что Сиси ограничилась простым кивком головы.

– Итак, сейчас я вам поведаю о том, что со мной случилось, хотя, если честно, я еще и сама не разобралась во всем до конца, – начала свой рассказ Алли, как только все мы расселись за столом. – Ты тоже послушай, Ма, – обратилась она к Марине, которая продолжала хлопотать вокруг нас. – Может, у тебя найдется какое разумное объяснение?

Марина тут же присела к столу.

– Ну вот! Я была в Эгейском море, готовилась к регате, которая должна состояться на следующей неделе на островах Киклады. А там один мой приятель, тоже из яхтсменов, уговорил меня отправиться на небольшую морскую прогулку на пару дней на его моторной яхте. Погода была – фантастика. Так почему бы и не расслабиться, не сменить хоть на время обстановку ради разнообразия? – заключила Алли и невесело улыбнулась.

– А чья это была яхта? – не преминула поинтересоваться Электра.

– Я же говорю, одного моего приятеля, – довольно резкоотреагировала Алли на вопрос сестры. Мы все лишь удивленно вскинули брови.

– А дальше вот что. Пару дней тому назад приятель сообщил мне, что еще один его друг, тоже бывший на тот момент в море, сообщил ему по радиации, что видел нашу яхту «Титан». Якобы она бросила якорь неподалеку от острова Делос. Мой приятель знает, что яхта принадлежит отцу. Вот мы и решили устроить ему такой небольшой сюрприз – нагрянуть с неожиданным визитом. Ходу до острова было не более часа. Мы тут же подняли якорь и отправились в путь.

Прежде чем продолжить свой рассказ, Алли отхлебнула немного кофе.

– Я уже видела «Титан» в бинокль, мы подошли еще ближе и просигналили Гансу, шкиперу яхты, чтобы он сообщил отцу, что мы уже на подходе. Но, – Алли тяжело вздохнула, – по каким-то совершенно непонятным мне на тот момент причинам, ответа не последовало. Более того, мы увидели, что яхта стала стремительно удаляться от нас. Вначале мы попытались догнать лодку. Но куда там... Вы же знаете, папина лодка, если захочет, может летать по воздуху.

Все сестры буквально впились взглядами в Алли, ожидая продолжения ее интригующего рассказа.

– Сигнал на мой мобильник поступал слабый, и я только вчера сумела прочитать все ваши эсэмэски с просьбой незамедлительно перезвонить. И твою эсэмэску, Сиси, я тоже прочитала, в ней ты открытым текстом сообщила мне, что случилось.

– Прости, Алли. – Сиси слегка потупила глаза из-за возникшей неловкости. – Но я решила не ходить вокруг да около. К тому же нужно было, чтобы ты как можно скорее вернулась домой.

– И вот я дома. А теперь объясните мне, пожалуйста, – взмолилась Алли, обращаясь к нам, – хоть кто-то из вас... Что происходит? И что делала папина лодка в Греции, когда его самого... уже нет в живых?

Все глаза устремились на меня. Алли тоже повернулась ко мне. Пришлось мне опять – уже в который раз! – объяснять ей, что случилось. Причем время от времени я даже обращалась за помощью к Марине, чтобы та подтвердила достоверность моего рассказа. Лицо Алли сделалось белым как мел, когда я сообщила ей, где и как захотел упокоиться навеки наш отец.

– О боже! – прошептала она с чувством. – Получается, что я стала невольным свидетелем его тайных похорон. Теперь я понимаю, почему «Титан» на такой скорости умчался от нас прочь. Я...

Алли в отчаянии обхватила голову руками, остальные сестры повставали со своих мест и сгрудились вокруг нее. Мы же с Мариной лишь обменялись сочувственными взглядами с противоположных концов стола. Наконец к Алли вернулось ее самообладание. Она извинилась перед присутствующими за свой непреднамеренный взрыв чувств.

– Представляю, какой для тебя шок – узнать, что там происходило на самом деле, – сказала Тигги. – Мы все тебе очень сочувствуем, Алли.

– Спасибо, – кивнула в ответ Алли. – Но я сейчас думаю о случившемся и вспоминаю, что однажды отец, когда мы гоняли с ним вместе на паруснике, сказал, что его заветное желание – быть похороненным в море. Так что все получилось, как он того хотел.

– За исключением того, что никого из нас не пригласили поучаствовать в церемонии прощания с ним, – немедленно вспыхнула Электра.

– Не пригласили, – согласилась с ней Алли, тяжело вздохнув. – Но вот, по странному стечению обстоятельств, там в это время оказалась я. Послушайте, вы не будете возражать, если на какое-то время я оставлю вас? Хочу немного побыть одна.

Все мы дружно согласились, что, конечно, ей нужно немножко побыть в одиночестве, попутно всячески подбадривая и утешая сестру. Алли вышла из кухни.

– Ей сейчас очень тяжело, – сказала Марина.

– Зато сейчас нам хотя бы приблизительно известно место, где решил упокоиться Па Солт, – подала голос Сиси.

– Господи боже мой! Ты можешь думать, Сиси, о чем-нибудь другом? – негодуяюще воскликнула Электра.

– Простите, – тут же повинулась Сиси с самым невозмутимым видом. – Но вы же знаете, какая я. Практицизм на первом месте.

– А я тоже рада тому, что сейчас мы точно *знаем*, где покоится наш отец, – возразила Тигги. – Все мы прекрасно осведомлены о том, как он обожал Греческие острова, и, в частности, Киклады. Возможно, летом нам стоит взять папину яхту и отправиться на ней к тому месту, где Алли с помощью радара засекала наш «Титан». Опустим там в воду прощальный венок.

– Правильно! – поддержала сестру Стар. – Очень хорошая мысль, Тигги.

– Девочки, кто хочет полноценно подкрепиться за ланчем? – подала голос Марина.

– Я – нет, – тут же поспешила отрапортовать Электра. – Могу обойтись и одним салатом, если только в этом доме имеются свежие овощи и зелень.

– Не сомневаюсь, кое-что для тебя мы обязательно отыщем, – терпеливо пообещала ей Марина и дала знак Клавдии, чтобы та приступила к готовке. – А сейчас, поскольку Алли уже с нами, я звоню Георгу Гофману. Попрошу его приехать сюда как можно скорее.

– Верно! – обрадовалась Сиси прежде, чем я успела открыть рот. – Нужно поскорее услышать от него все то, что хотел сообщить нам Па Солт.

– Как думаешь, Алли выдержит? – спросила Марина, обращаясь уже непосредственно ко мне. – Для нее все, что она узнала сегодня, стало настоящим шоком.

– Думаю, она, как и все мы, захочет побыстрее разделаться со всем этим, – ответила я. – А потому, Ма, смело звони Георгу.

За ланчем Алли так и не появилась. Мы не стали ее беспокоить. Понимали, ей надо побыть одной, обдумать все случившееся.

Клавдия уже убирала со стола посуду, когда в кухню снова зашла Марина.

– Я только что поговорила с Георгом, – объявила она прямо с порога. – Он пообещал приехать уже сегодня, успеть до захода солнца. Как видим, ваш отец дал четкие указания и касательно времени.

– Отлично! Тогда я пойду, немного прогуляюсь на свежем воздухе после такого плотного ланча, – сказала Сиси. – А может, покатаемся все по озеру? Такая короткая прогулка на катере.

Все сестры немедленно согласились с предложением Сиси, частично, подозреваю, и потому, что никому не хотелось нагнетать обстановку еще более.

– Если не возражаете, без меня, – сказала я. – Надо же кому-то остаться рядом с Алли.

Когда все четверо в сопровождении Кристиана отправились на пристань, где стоял на приколе наш моторный катер, я сказала Марине, что пойду к себе в Павильон и что, если я понадоблюсь Алли, пусть ищет меня там. Я свернулась калачиком на диване, придвинула к себе поближе ноутбук и приступила к чтению тех глав, которые прислал мне для ознакомления Флориано. Как и его первая книга, проза меня очень впечатлила. Богатый, изысканный язык и именно тот стиль повествования, который мне особенно нравится. События в романе происходят более сотни лет тому назад, место действия – окрестности водопада Игуасу, трогательная история о том, как юный африканец освобождается от оков рабства. Поглощенная чтением, я, видно, настолько расслабилась, что незаметно для себя задремала. Проснувшись я от того, что мой ноутбук соскользнул на пол и кто-то громко звал меня по имени.

Я даже вздрогнула от неожиданности. Это оказалась Алли.

– Прости, Майя. Кажется, я тебя разбудила, да?

– Ничего страшного. Немного вздремнула, – ответила я и почему-то вдруг почувствовала себя виноватой.

– Ма сказала, что девочки отправились на прогулку по озеру. Вот я и решила заглянуть к тебе, чтобы поговорить. Не возражаешь?

– Ничуть, – ответила я, пытаюсь полностью прийти в себя после незапланированного послеобеденного сна.

– Давай я сделаю нам по чашечке чая, – предложила мне Алли.

– Спасибо, не откажусь. Мне, пожалуйста, обычный «Английский чай для завтрака».

– Помню-помню! – широко улыбнулась Алли, шутливо вскинув брови, и вышла из гостиной. Через какое-то время она вернулась с двумя чашками чая, над которыми еще стоял пар, села на диван рядом со мной. Когда она поднесла свою чашку ко рту, я заметила, как у нее дрожат руки.

– Майя, мне надо кое-что тебе рассказать.

– Что именно?

Резким движением она поставила свою чашку на блюдце.

– Бог с ним, с чаем. А покрепче у тебя ничего не найдется?

– По-моему, в холодильнике есть немного белого вина.

Я пошла на кухню и достала из холодильника бутылку белого вина, взяла фужер. Зная, что Алли по жизни абсолютно равнодушна к спиртному, я поняла, что она собирается сообщить мне действительно нечто очень серьезное.

– Спасибо! – коротко поблагодарила она меня, когда я протянула ей фужер с вином. – Может, это и ерунда, ничего не значащая мелочь, но, когда мы прибыли на то место, где стояла яхта папы, и увидели, как она на полном ходу устремляется прочь от нас, мы заметили еще одну яхту, стоявшую на якоре.

– Ничего необычного, – совсем не удивилась я. – Конец июня... В это время все Средиземноморье забито отдыхающими под завязку.

– Да, но мы с приятелем сразу же опознали ее. Это был «Олимп».

При этих словах чашка с чаем застыла у меня в руке на полпути ко рту. Я со стуком поставила ее назад, на блюдце.

– Ты же, я думаю, уже наверняка знаешь, что стряслось на «Олимпе». Я прочитала обо всем этом в газете, пока летела сюда.

Алли замолчала, кусая губы.

– Да, я тоже увидела по телевизору, в одной из новостных программ.

– Тебе не кажется странным, что папа выбрал именно это место для своего упокоения? И, вероятно, почти одновременно с его погребением Криг Эсзу решил свести свои счета с жизнью.

Действительно, подумала я про себя, совершенно невероятное, какое-то поистине роковое совпадение. Но у меня были веские причины, чтобы не заводить с Алли разговор на эту тему. Мало ли что там было? Совпадение? Стечение обстоятельств? Или ничего такого?

– Да, странно, – подтвердила я вслух, стараясь изо всех сил ничем не выдать охватившего меня волнения. – Но, думаю, это простое совпадение, и никакой особой связи между этими двумя событиями нет. Ведь они даже не были знакомы друг с другом, не так ли?

– Насколько мне известно, не были, – подтвердила Алли. – А с другой стороны, что мы вообще знали о жизни нашего отца за пределами этого дома и его яхты? Мы встречались лишь с парой его друзей и партнеров по бизнесу. Может, кто знает, они и пересекались друг с другом когда-то, в прошлом. Ведь они оба были богатыми людьми, успешными бизнесменами.

– Нет, Алли. Думаю, это все же простое совпадение. Ведь ваша яхта тоже совершенно случайно оказалась в акватории Делоса. Это такой красивый остров. Неудивительно, что туда устремляется множество прогулочных яхт.

– Знаю-знаю... Но вот никак не могу отделаться от мысли, что папа покоится там сейчас на дне морском в полном одиночестве. А в тот момент я и вообще понятия не имела, что его больше нет в живых. Как подумаю, что он сейчас лежит где-то на дне, а сверху невероятно синее-синее море. Я...

Я поднялась со своего места, подошла к сестре и обняла ее.

– Алли! Выбрось ты из головы эту вторую яхту. Она тут ни при чем. А вот то обстоятельство, что ты волей случая оказалась в тех местах, которые отец выбрал для собственного захоронения, вот это меня сильно утешает. Тигги права. Летом нужно будет обязательно побывать там и опустить в море венки.

– Самое ужасное... – Алли неожиданно расплакалась. – Самое ужасное... Я чувствую себя такой виноватой!

– Но почему?

– Потому... потому что те несколько дней, что я провела на яхте в обществе своего приятеля, они были такими потрясающими. Такими

прекрасными! Я была счастлива, счастлива, как никогда в жизни. Я даже не хотела ни о ком слышать. Просто взяла и отключила свой мобильник. А папа в это время умирал! Получается, что, когда он больше всего нуждался во мне, меня рядом с ним не оказалось.

– Алли, дорогая моя Алли. – Я осторожно отбросила прядь волос с ее лица и принялась легонько покачивать сестру в своих объятиях. – Перестань себя накручивать. Рядом с папой в его последний час не было никого из нас. Мне даже кажется, что именно этого папа и хотел. Вспомни сама. Я безвылазно торчу здесь, но, когда это случилось, меня тоже не было дома. Со слов Ма, мы мало чем могли бы помочь ему. Ничего невозможно было сделать. И нам остается лишь принять ее слова как данность.

– Да, я все понимаю... умом. Но мне еще о стольком хотелось расспросить его, самой рассказать ему многое. А теперь его нет. Он ушел...

– Все мы испытываем сходные чувства, – печально проронила я. – Но, по крайней мере, у нас есть мы.

– Это так. Спасибо тебе, Майя, – прочувствованно поблагодарила меня Алли и снова тяжело вздохнула. – Вот ведь как бывает. Вся твоя жизнь может перевернуться вверх тормашками за считанные пару часов. Не поразительно ли это?

– Поразительно, – с готовностью согласилась я с ней. – А позволь поинтересоваться, – намеренно перевела я разговор на другое, – кто или что сделали тебя такой счастливой?

– Об этом я расскажу тебе как-нибудь в другой раз, ладно? Обещаю. А как ты сама, Майя? – неожиданно спросила она меня, намеренно уходя от разговора о себе.

– Все нормально. – Я слегка пожалала плечами. – Если не считать того, что я, как и все остальные, пребываю сейчас в шоке.

– Само собой. Да и непросто было тебе сообщать эту ужасную новость сестрам. Мне жаль, что в эту минуту меня не было с тобой рядом, чтобы помочь и поддержать.

– Но, слава богу, ты здесь, а это означает, что мы можем встретиться с Георгом Гофманом и начинать двигаться дальше.

– Совершенно верно. Кстати, совсем забыла. Ма велела предупредить, чтобы через час мы все были дома. Нотариус должен появиться в Атлантике с минуты на минуту. Правда, вначале он хочет

переговорить с Мариной. Но в любом случае... Майя, можно мне выпить еще один бокал вина?

* * *

В семь часов вечера мы с Алли вернулись в дом. Все остальные сестры уже собрались на террасе, расселись вокруг стола и лениво грелись в лучах заходящего солнца.

– Георг Гофман уже приехал? – поинтересовалась я, тоже присаживаясь к столу.

– Да, – резко ответила Электра. – Но нам было велено подождать его здесь. Они вместе с Мариной куда-то исчезли. Узнаю Па Солта. До последнего любил напускать на все туман.

Все мы, шестеро, замерли в напряженном ожидании того момента, когда на террасу к нам выйдут Георг и Марина.

– Простите, девочки, что заставил вас ждать так долго, но надо было решить кое-какие организационные вопросы, – сухо обронил Гофман и принялся обходить вокруг стола, пожимая каждой из нас руку. Такой чисто швейцарский деловой стиль. – Примите мои самые искренние соболезнования. Позвольте присесть?

– Конечно, – сказала я, указывая на стул рядом с собой и исподтишка разглядывая нотариуса. Безупречный костюм темного цвета, загорелое лицо испещрено морщинами, серебристо-седая шевелюра. Георгу явно уже за шестьдесят.

– Я буду у себя, если кому понадобится, – сказала Марина и, попрощавшись со всеми коротким кивком головы, удалилась в дом.

– Начну с того, девочки, – слегка откашлялся Гофман, – что я очень сожалею о том, что лично познакомился с вами при столь трагических обстоятельствах. Однако у меня такое чувство, что всех вас я хорошо знаю, и все благодаря вашему отцу. И первое, что я хочу сообщить вам, – это то, что всех вас он безмерно любил. И не просто любил. Он страшно гордился вашими успехами и достижениями. Мы беседовали с ним незадолго до его... кончины, и он попросил меня особо подчеркнуть в разговоре с вами, что он всегда любил и гордился своими дочерьми.

Я с удивлением заметила, как в глазах нотариуса блеснули слезы. Надо же! Обычно люди его профессии весьма сдержанны в проявлении своих чувств.

– Первое, что нам предстоит сделать, это урегулировать все финансовые вопросы. Могу заверить, что каждая из вас получит приличное содержание до конца своих дней, правда, без каких-либо излишеств. Тут ваш отец был неумолим. Он категорически не желал, чтобы вы жили жизнью великосветских бездельниц. Итак, каждая из вас будет иметь доход, который обеспечит вам безбедное существование, но купаться в роскоши вы не будете. Главное, как особо подчеркнул в разговоре со мной ваш отец, чтобы все вы зарабатывали себе на жизнь, как это всегда делал он сам. Однако все состояние вашего отца никуда не исчезает. Оно поступает в трастовый фонд для вас же. Ваш отец оказал мне высокую честь: впредь распоряжаться этим трастовым фондом буду я. Он также позволил мне решать по своему усмотрению вопросы оказания материальной помощи в случае, если у кого-то из вас возникнут какие-то финансовые проблемы.

Все мы молчали, внимательно слушая каждое слово нотариуса.

– Дом Атлантис тоже поступает в распоряжение трастового фонда. Но и Клавдия, и Марина изъявили желание и дальше продолжать жить в этом доме и присматривать за ним. В один прекрасный день, когда уйдет из жизни последняя из сестер, фонд автоматически прекратит свое существование, Атлантис тоже будет продан, а все вырученные средства плюс средства самого фонда будут поделены между вашими детьми. Если же ни у кого из вас не будет прямых наследников, то тогда все деньги пойдут на благотворительность, в полном соответствии с завещанием вашего отца. Лично мне кажется, – позволил себе Гофман небольшой комментарий от себя, – что ваш отец поступил очень разумно: дом остается в целостности и сохранности для всех вас и до конца ваших дней. То есть каждая из вас будет жить, зная, что в случае чего у вас всегда есть надежный кров, отчий дом, куда вы можете вернуться в любой момент. Хотя, конечно, самое заветное желание вашего отца – чтобы все вы, расправив крылья, поскорее вылетели из этого гнездышка и пошли по жизни каждая своим путем.

Я заметила, как сестры обменялись многозначительными взглядами. Не уверена, что они пришли в полный восторг от решения отца. Что же до меня самой, то практически ничего в моей жизни кардинально не меняется, в том числе и финансово. У меня остается мой Павильон, за который я выплачивала отцу номинальную ренту. А моя работа позволяет мне безболезненно удовлетворять все остальные нужды.

– Но есть еще кое-что, что оставил вам ваш отец. Пожалуйста, ступайте за мной. Сюда!

Георг Гофман поднялся из-за стола, но пошел не к парадным дверям, а лишь обогнул их и зашагал дальше, по направлению к саду. Мы послушно плелись за ним, словно стадо ягнят за своим пастухом. Наконец мы пришли во внутренний садик, притаившийся за стеной из плотно подогнанных друг к другу стволов тиса. Садик выходил прямо к озеру. Ничто не мешало любоваться великолепным солнечным закатом и величественной панорамой гор на противоположном берегу.

Посреди садика возвышалась небольшая терраса, с которой ступеньки вели вниз к небольшой, покрытой галькой бухте. Детьми мы часто плескались здесь в чистых прозрачных водах озера. Я знала, что папа больше всего из всех наших садов любит именно это место. Если его невозможно было отыскать в доме, значит, надо искать его здесь. Он обычно сидел под цветущими кустами лаванды, вдыхая в себя ее свежий запах. Вот и сейчас в воздухе витал слегка сладковатый аромат роз, радующих глаз своим пышным цветом на ухоженных клумбах.

– Ну, вот мы и пришли, – объявил Гофман. – Итак, вот что я хочу показать вам.

Он жестом указал на террасу, и все мы безмолвно уставились на довольно странное, но красивое скульптурное изваяние, возвышающееся по центру террасы.

Мы сгрудились вокруг скульптуры и принялись с любопытством разглядывать ее. На каменном постаменте высотой не больше метра лежало что-то круглое, но весьма необычной формы. Я пригляделась повнимательнее и увидела, что предмет состоит из ряда замысловатых тонких полосок, похожих на ленты. Полоски накладывались одна на одну, а внутри этой довольно сложной конструкции был установлен небольшой золотистый шар. При близком рассмотрении оказалось, что шар – это глобус. На его поверхности были аккуратно выгравированы

все континенты. К одной макушке глобуса привинчен изящный металлический стержень со стрелкой. По периметру глобуса тянулась еще одна лента, на которой были изображены все двенадцать астрологических знаков Зодиака.

– И что это такое? – в полном недоумении спросила юриста Сиси, выступив от имени всех остальных.

– Это – армиллярная сфера, – ответил Гофман.

Видя, что все равно мы ровным счетом ничего не поняли, он пустился в объяснения.

– Армиллярная сфера – это такой прибор, который существует уже многие тысячи лет. С его помощью древние греки определяли положение звезд и время суток. Вот эти вот полоски, – он указал на золотистые ленты, окружающие глобус, – соответствуют земным меридианам, параллелям и линии экватора. Линия меридиана, которая простирается с севера на юг и охватывает собой все остальные линии, несет на себе двенадцать знаков Зодиака. Центральный металлический стержень указывает прямо на Полярную звезду.

– Как красиво! – едва слышно выдохнула Стар, склонившись над скульптурой.

– Красиво, да. Но какое отношение это имеет к нам? – удивилась Электра.

– В мои функции не входит объяснение всех обстоятельств и подробностей, – ответил ей Гофман. – Но если вы повнимательнее приглядитесь к сфере, то увидите, что на этих полосках, про которые я только что рассказывал вам, указаны ваши имена.

Мы склонились над армиллярной сферой и увидели, что нотариус был прав.

– Вот ты, Майя. – Алли ткнула пальцем в одну из полосок. – Там еще какие-то цифры имеются. Похоже на систему координат. – Она отыскала свою полоску и принялась изучать цифры уже на ней. – Ну так и есть. Это координаты. Мы пользуемся такими же, когда прокладываем себе маршрут в открытом море.

– Тут еще и какие-то надписи имеются, – вставила словечко Электра. – Но они на непонятном языке.

– Это греческий, – сказала я, узнав буквы знакомого алфавита.

– А что там написано? – спросила Тигги.

– Мне нужны бумага и ручка, чтобы я могла переписать текст, а потом подумать и перевести его, – ответила я, пристально вглядываясь в надпись, сделанную подле моего имени.

– Хорошо! Скульптура очень мила и стоит на нужном месте, прямо в центре террасы. Ну а дальше что? Что все это значит? – нетерпеливо спросила всех нас Сиси.

– Снова повторяю. Я не уполномочен разьяснять вам детали, – ответил Гофман. – А сейчас вот что! Марина подаст на большую террасу шампанское, в полном соответствии с указаниями отца. Он хотел, чтобы все вы подняли за его уход бокал с шампанским. После чего я вручу каждой из вас конверт с письмом, адресованным лично вам. Полагаю, это персональное обращение отца объяснит вам много больше, чем это в состоянии сделать я.

И снова мы потянулись гуськом за нотариусом к выходу из сада. Все шли в полном молчании, ошарашенные увиденным. На террасе нас уже поджидали две бутылки охлажденного шампанского – «Арман де Бриньяк». Рядом стоял поднос с хрустальными фужерами. Когда мы все расселись, Марина обошла стол и каждому налила в бокал шампанское.

Гофман поднял свой.

– Позвольте мне поднять этот бокал за прекрасную жизнь вашего отца. Именно о таких похоронах он и мечтал, заверяю вас. Все его дочери собрались вместе в Атлантиде, в доме, который был так ему дорог и в котором он много лет прожил вместе с вами под одной крышей.

Мы, словно автоматы, тоже вскинули свои бокалы.

– За Па Солта, – сказала я.

– За Па Солта, – хором откликнулись мои сестры.

Неловко сделали по глотку. Я взглянула на небо, потом перевела глаза на озеро и горы и мысленно обратилась к отцу, сказала, что люблю его.

– Так когда вы вручите нам эти письма? – спросила у Гофмана Алли.

– Сейчас принесу. – Он поднялся из-за стола и скрылся в доме.

– Более эксцентричных поминок я еще в жизни своей не видела, – сказала Сиси.

– Абсолютно в духе Па Солта, – с едва заметной усмешкой заметила Электра.

– Можно мне еще немного шампанского? – попросила Алли.

Марина, увидев, что мы уже опустошили свои бокалы, налила всем по новой.

– Ты что-нибудь понимаешь, Ма? – поинтересовалась у нее Стар, заметно нервничая.

– Не более твоего, милая, – сдержанно ответила Марина, по своему обыкновению, ничем не выдавая собственных чувств.

– Как бы я хотела, чтобы папа сейчас оказался среди нас, здесь! – воскликнула Тигги, и ее глаза моментально наполнились слезами. – Пусть бы лично все нам объяснил.

– Но папы больше нет, – тихо напомнила ей Алли. – И знаете, странным образом я нахожу это правильным. Он максимально облегчил для каждой из нас самое ужасное событие из всех, которые случаются в жизни каждого человека. А сейчас для того, чтобы жить дальше, мы должны черпать силы друг в друге.

– Ты права, – согласилась с ней Электра.

Я бросила уважительный взгляд на Алли. Всегда-то у нее найдется нужное слово, чтобы утешить сестер. Не то что у меня.

К моменту возвращения Гофмана все мы немного расслабились под воздействием выпитого шампанского. Он снова уселся за стол и положил перед собой шесть толстых пергаментных конвертов кремового цвета.

– Эти письма были переданы мне на хранение шесть недель тому назад, – начал он. – В случае смерти вашего отца я должен был вручить письма каждой из вас.

Мы все смотрели на конверты и с интересом, и с волнением.

– Могу я попросить еще немного шампанского? – обратился Гофман к Марине, в его голосе чувствовалось плохо скрываемое напряжение.

Я поняла, насколько трудной была возложенная на него миссия. Шесть горюющих об утрате отца дочерей, а тут он со своим рассказом о весьма необычном наследстве, которое отец оставил им. Такая ситуация заставит потерять самообладание даже самого закоренелого прагматика.

– Одну минутку, Георг, – откликнулась Марина и налила ему шампанского.

– Предполагается, что мы вскроем конверты прямо сейчас? – спросила у него Алли. – Или это можно будет сделать попозже? Когда каждая из нас останется одна...

– Никаких конкретных указаний на сей счет ваш отец не оставил, – ответил Гофман. – Единственное, что он сказал: вы вольны прочитать письмо, адресованное вам, в любое время, когда будете готовы к такому шагу и когда вам самим захочется вскрыть конверт.

Я принялась разглядывать свой конверт. Мое имя было выведено на лицевой стороне красивым почерком, в котором я безошибочно опознала почерк отца. При виде знакомых букв мне захотелось заплакать.

Мы все, сестры, переглянулись друг с другом, словно проверяя, что чувствуют в эту минуту остальные.

– Лично я предпочитаю прочитать свое письмо, когда останусь одна, – сказала Алли.

Послышались слова поддержки. Все дружно закивали головами в знак согласия. Как всегда, Алли интуитивно озвучила наше общее мнение.

– Тогда свою работу я выполнил. – Гофман осушил до дна бокал с шампанским, после чего достал из кармана шесть своих визиток и разложил их веером на столе. – Пожалуйста, обращайтесь ко мне в любое время, если вам понадобится моя помощь. В любое время дня и ночи. Но, хорошо зная вашего отца, я уверен в том, что он все предусмотрел и все обдумал, позаботившись о том, что вам нужно. А сейчас мне пора возвращаться к себе. Прошу вас, девочки, еще раз примите мои самые искренние соболезнования в связи с вашей утратой.

– Большое вам спасибо, Георг, – поблагодарила я его на правах старшей сестры. – Все мы высоко ценим вашу помощь.

– Всего доброго. – Нотариус поднялся из-за стола и кивком головы попрощался со всеми присутствующими. – Вы знаете, где меня найти в случае надобности. Я всегда на месте.

Мы молча проводили его взглядами. Марина тоже встала из-за стола.

– По-моему, пора уже перекусить. Попрошу Клавдию, чтобы она накрыла ужин прямо здесь.

Марина скрылась в доме.

– Если честно, то я боюсь вскрывать его, – промолвила Тигги, ткнув пальцем в свой конверт. – Понятия не имею, что там может быть.

– Майя, а ты переведешь нам те надписи, которые имеются на армиллярной сфере? – спросила меня Алли.

– Конечно, переведу, – ответила я, заметив краем глаза, что Марина и Клавдия уже несут нам тарелки с едой. – Сразу же после ужина и займусь переводом.

– Простите меня, девчонки, но лично я не голодна. Не возражаете, если я пойду к себе? – сказала Электра, поднимаясь со стула. – Увидимся позже.

В эту минуту я подумала, что, пожалуй, все мы хотели бы последовать ее примеру. Каждой надо было побыть в одиночестве.

– А ты, Стар, хочешь есть? – спросила у сестры Сиси.

– Думаю, поужинать все же стоит, – едва слышно ответила Стар, нервно сжимая в руке конверт с письмом отца.

– Ладно! – уступила Сиси.

Все мы через силу попытались затолкать в себя немного еды, любовно приготовленной для нас Клавдией. А потом сестры стали молча вставать из-за стола одна за одной, пока не остались только мы с Алли.

– Не возражаешь, Майя, если я тоже пойду к себе? Я совсем без сил.

– Конечно, не возражаю. Тебе ведь пришлось последней узнать эту страшную новость. Само собой, ты все еще пребываешь в стрессе.

– Полагаю, ты права, – согласилась со мной Алли, поднимаясь из-за стола. – Спокойной ночи, дорогая моя Майя.

– Спокойной ночи.

Как только Алли покинула террасу, пальцы мои сами собой впились в пергаментный конверт, пролежавший весь последний час рядом с моей тарелкой. Наконец я тоже встала и направилась к себе в Павильон. В спальне я положила конверт на кровать, под подушку. Затем направилась в кабинет, взяла бумагу и ручку.

Вооружившись фонариком, я снова пошла в сад, чтобы повнимательнее разглядеть армиллярную сферу. Быстро темнело, в небе уже зажглись первые звезды. Отец много раз показывал мне созвездие Плеяд, когда мы бывали с ним в его обсерватории, особенно когда Семь Звезд, как еще зовут это созвездие, повисали непосредственно над Женевским озером, что случалось обычно с ноября по апрель.

– Я очень горюю о тебе, папа, – сказала я, обращаясь к небесам. – Надеюсь, в один прекрасный день я пойму все.

Затем я переключила свое внимание на позолоченные стрелки, перемещающиеся по всему глобусу. Нашла надпись, адресованную мне, и постаралась как можно точнее скопировать греческие буквы, учитывая, что левая рука у меня в этот момент была занята – держала фонарик. Придется завтра снова прийти сюда, подумала я, чтобы проверить, правильно ли я все скопировала. Потом я принялась переписывать другие надписи.

Всего их оказалось шесть.

Оставалась еще одна, последняя, седьмая полоска. Я посветила туда фонариком, рассчитывая и там тоже найти надпись. Но полоска была пуста, никакой надписи. Разве что стояло имя. Меропа.

Все предрассветные часы я потратила на расшифровку текста, переписанного мною накануне с армиллярной сферы. Что касается надписей, адресованных моим сестрам, то я просто перевела слова, не особо вдаваясь в их глубинный смысл. Не мое это дело объяснять послания, адресованные другим. За свою надпись я принялась в последнюю очередь, почти со страхом, в ожидании того, что она мне скажет. Но вот я закончила переводить, сделала глубокий вдох и прочитала.

Никогда не позволяй страху распоряжаться своей судьбой

Что ж, точнее, чем это сделал отец всего лишь в семи словах, и не обрисуешь мой характер и мою внутреннюю суть.

* * *

Когда наступило утро, я, приготовив традиционную чашку чая, вернулась к себе в спальню, осторожно достала конверт из-под подушки и направилась вместе с ним в гостиную. Какое-то время я разглядывала конверт со всех сторон, потягивая из кружки горячий чай.

Потом сделала несколько глубоких вдохов и решительным движением вскрыла конверт. Внутри лежало письмо, но не только. Я достала твердый на ощупь предмет, который оказался под моими пальцами неожиданно мягким. Треугольник кремового цвета, подсвечивающий изнутри зеленоватым светом. Я перевернула камень и увидела на обратной стороне почти неразличимую надпись.

Не в силах разобрать, что именно там написано, я дрожащими руками развернула папино письмо и погрузилась в чтение.

*Атлантис
Женевское озеро*

Швейцария

Моя дорогая Майя!

Уверен, прочитав мое послание к тебе, ты почувствуешь себя несчастной и даже немного растерянной. Моя любимая старшая дочь, должен сказать тебе, что ты всегда была для меня огромной радостью. И я любил тебя всем сердцем и душой. И хотя я тебе не родной отец, но, верь мне, я любил тебя с той же силой чувств, как если бы был тебе родным. Должен сказать, что именно ты и натолкнула меня на идею удочерить и твоих красавиц-сестер, а все вы вместе принесли мне невыразимое счастье, доставили самые прекрасные минуты в моей жизни.

Ты никогда не спрашивала меня о своем истинном происхождении, о том, где и как я нашел тебя и что за обстоятельства привели к тому, что я удочерил тебя. Смею тебя заверить, что, если бы такой вопрос был тобой задан, я бы на него ответил, как несколько лет тому назад ответил одной из твоих сестер. Но сейчас я ухожу в мир иной, а потому, думаю, будет правильно предоставить тебе полную свободу выбора. Если захочешь, то в обозримом будущем ты все узнаешь сама.

Все вы попали в мой дом без каких-либо метрик, удостоверяющих факт вашего появления на свет. Все вы с самого начала были зарегистрированы как мои дочери. И этого у вас никто не отнимет. Никогда. Однако самую малость я помогу тебе: укажу нужное направление поисков. А в остальном тебе самой решать, когда предпринять путешествие в собственное прошлое, если тебе только захочется этого.

На армиллярной сфере, которую ты уже видела, точно указаны координаты того места на земном шаре, где началась твоя жизненная история. В конверт я вложил еще одну подсказку, которая поможет тебе в твоих поисках.

Не могу сказать тебе, Майя, что именно ты обнаружишь, если захочешь вернуться к себе на родину,

туда, где ты родилась. Скажу лишь одно. История твоей настоящей семьи сильно повлияла когда-то и на мою жизнь.

Жаль, что у меня в запасе больше нет времени, чтобы рассказать тебе историю своей жизни. Наверное, тебе не раз и не два приходила в голову мысль, что я предпочитаю не распространяться о себе и о своем прошлом. Но делал я это исключительно с одной целью: для того, чтобы защитить вас всех. Однако мы, люди, и мужчины, и женщины, живем в этом мире не изолированно друг от друга. И вот вы выросли, я должен был отпустить вас всех в свободное плавание.

У каждого из нас есть свои тайны, но поверь мне на слово: в любом случае семья – это все. А уж родительская любовь – это самая мощная сила на свете.

Оглядываясь в собственное прошлое, Майя, я жалею о многом из того, что сделал. Разумеется, любому человеку свойственно ошибаться. Как говорится, на собственных ошибках мы учимся и взрослеем. Мое самое заветное желание – поделиться со своими дочками хотя бы частицей того драгоценного опыта, который я приобрел за свою жизнь.

У меня сложилось впечатление, что в силу пережитых когда-то жизненных передраг ты частично утратила веру в человека как такового. Моя дорогая Майя, поверь, и мне пришлось пережить в своей жизни нечто подобное. Превратности судьбы не обошли меня стороной. Много раз они отравляли мое существование. Но со временем я в полной мере осознал простую истину: на одно червивое яблоко всегда приходится великое множество здоровых плодов. Вокруг нас полно добрых людей, чьи сердца открыты нам навстречу. Вот и ты должна поверить в то доброе, что есть в каждом из нас. И только тогда, обретя эту веру, ты сумеешь начать жить заново и любить по-настоящему.

Прощаюсь с тобой, моя дорогая Майя. Уверен, мои послания заставят тебя и твоих сестер о многом поразмыслить.

А я буду следить за всеми вами с небес.

Твой любящий отец

Па Солт

Я сидела, не выпуская письмо из рук, и видела, как дрожат мои руки. Само собой, письмо следует перечитать еще раз, а может быть, и не раз. Одна фраза из письма поразила меня.

Неужели отец знал?

Я набрала по мобильнику номер телефона Марины и попросила ее прийти ко мне в Павильон. Через пять минут она уже была здесь и сразу же заметила, какое у меня расстроенное лицо.

Мы вместе прошли в гостиную. Раскрытое письмо по-прежнему лежало на журнальном столике.

– Ах, Майя! – воскликнула Марина, простирая ко мне руки. – Представляю, как ты расстроилась. Еще бы! Это все равно, что услышать голос отца с того света.

Но я не поспешила в ее объятия.

– Ма, ответь мне, пожалуйста, на один вопрос. Ты рассказала Па Солту о... нашем секрете?

– Конечно, нет! Поверь мне, Майя! Ни за что на свете я бы не предала тебя. Как ты могла подумать такое?

Добрые глаза Марины наполнились обидой.

– Так он ничего не знал?

– Конечно же, нет. Откуда ему было знать?

– Но в письме есть строки, которые заставляют меня думать, что папа что-то знал...

– Покажи!

– Пожалуйста. Вот здесь. – Я взяла со стола письмо и вручила его Марине. Она погрузилась в чтение, а я стала внимательно наблюдать за ее лицом.

Наконец она оторвалась от письма и посмотрела на меня. Выражение ее лица стало спокойнее. Она понимающе кивнула.

– Понимаю, почему ты так нервно отреагировала на эти строки, но, честно говоря, мое мнение такое: отец просто делится с тобой своим *собственным* опытом.

Я со всего размаха плюхнулась на диван и обхватила голову обеими руками.

– Послушай меня, Майя. – Марина невесело покачала головой и вздохнула. – Отец прав. Все мы совершаем ошибки. Поступаем, как нам на тот момент кажется правильным. А для тебя, единственной из всех сестер, чувства других людей, их переживания всегда были на первом месте. Особенно если это касалось твоего отца.

– Да, ты права. Больше всего на свете я боялась подвести папу.

– Знаю, милая, знаю... Как знаю и то, что твой отец больше всего на свете желал, чтобы вы все, девочки, были счастливы и любимы. И чтобы жили в полной безопасности и в согласии с самими собою. Самое время вспомнить об этом и не забывать впредь... В такой-то день. А еще я думаю вот что. После смерти отца пора тебе подумать о себе и о том, чего ты хочешь. – Марина резко повернулась и поднялась с дивана.

– Электра объявила, что уезжает прямо сейчас. И Тигги тоже. А Сиси с самого утра позвонила Гофману и вместе со Стар отправилась к нему в женевский офис. Алли сидит на кухне за своим ноутбуком.

– Ты в курсе, они уже прочитали папины письма? Хотя бы кто-то из них? – спросила я, собираясь с чувствами.

– Если и прочитали, то мне они на этот счет ничего не сообщили, – ответила Марина. – Может, хочешь присоединиться к нам за обедом? Пока не уехали Электра и Тигги.

– Приду, обязательно. Прости меня, Ма, за то, что я усомнилась в твоей преданности.

– Прочитав письмо, я понимаю, что у тебя были все основания для такого сомнения. Пока побудь одна, успокойся, а потом приходи. Обед в час дня. Там и увидимся.

– Спасибо, – прошептала я в ответ, глядя, как Марина выходит из комнаты. Возле входных дверей она остановилась и развернулась ко мне лицом:

– Майя, мне бы очень хотелось иметь такую дочь, как ты. И люблю я тебя точно так же, как тебя любил твой отец.

* * *

Когда Марина ушла, я снова села на диван и дала волю слезам. Казалось, все то, что копилось в моей душе долгие годы, вдруг

прорвалось наружу и обернулось потоками слез. К своему стыду, я полностью утратила контроль над собой и своими эмоциями: меня затопила волна жалости к самой себе.

Я точно знала, что плачу, потому что *жалею себя*. Не отца оплакиваю, не его неожиданный уход из жизни, не те страдания, которые он, быть может, испытал в предсмертные мгновения. Нет, я плачу, потому что мне больно, что папы больше нет, и ко мне вдруг пришло страшное осознание того, насколько я недостойна быть его дочерью. Я ведь даже не смогла довериться ему и рассказать всю правду.

Каким же негодным человеком я была! Что я натворила!

И почему именно сейчас я заново переживаю все то, что случилось когда-то и что, казалось, не имеет прямого отношения к папиной смерти?

Я веду себя сейчас еще хуже Электры, попыталась я взять себя в руки. Но собственные увещевания не помогли. И слезы продолжали катиться градом. Я совсем забыла о времени, а когда наконец в глазах у меня немного прояснилось, то я увидела перед собой Тигги. Лицо у нее было озабоченным.

– Ой, Майя! А я зашла к тебе, чтобы сказать, что мы с Электрой скоро отбываем. Хотим попрощаться с тобой. Но я не могу уехать и оставить тебя в таком состоянии...

– Нет-нет, все в порядке, – шмыгнула я носом в ответ. – Прости, просто...

– За что ты просишь у меня прощения? – Тигги присела рядом со мной и взяла меня за руки. – Ты же тоже живой человек, как и все мы. Мне кажется, ты порой забываешь об этом.

Она мельком глянула на письмо, которое все еще лежало на журнальном столике. И я тут же инстинктивно схватила его.

– Сильно расстроилась, да? – участливо поинтересовалась она у меня.

– Да... то есть нет...

Мне было трудно, точнее, невозможно, объяснить сестре все те чувства, которые обуревали меня сейчас. А ведь Тигги из всех сестер всегда была мне самой близкой и родной. Я возилась с ней с самого раннего детства, как маленькая мать со своей дочерью. Да и она

привыкла всегда и во всем полагаться на меня, зная, что, в случае чего, я буду рядом.

– Ланч ты, между прочим, уже пропустила, – сказала она.

– Какая жалость! Прости...

– Пожалуйста, перестань извиняться. Мы все прекрасно понимаем, и мы все тебя любим. Мы знаем, что значит для тебя смерть папы.

– Нет, ты только посмотри на меня! Куда девалось мое пресловутое трезвомыслие? Ведь я же была тем человеком в семье, который всегда разруливал проблемы других. А теперь сама расклеилась по полной. Ты уже прочитала папино письмо?

– Пока еще нет. Мне хочется, во всяком случае, я *так чувствую*, забрать его с собой в Шотландию. Уединиться где-нибудь среди тамошних бескрайних лугов и болот и прочитать.

– А я вот решила прочитать здесь. Ведь это же мой дом. Я здесь выросла. Ах, Тигги! Я чувствую себя такой виноватой, такой виноватой... – неожиданно призналась я.

– Почему?

– Потому что я плакала не из-за папы, а из-за себя самой. Я *себя оплакивала*, понимаешь?

– Моя дорогая Майя! – тяжело вздохнула в ответ Тигги. – Неужели ты полагаешь, что есть еще какие-то причины, по которым люди плачут, горюя о смерти любимого человека?

– Конечно! Сколько угодно. Люди плачут, потому что жизнь дорогого им человека оборвалась так внезапно и была такой короткой, люди плачут, потому что сопереживают страданиям, выпавшим на долю умирающего человека перед его смертью. Да мало ли что еще...

– Скажу тебе так. – Тигги коротко усмехнулась. – Знаю, ты едва ли разделяешь мои взгляды. Но лично я верю, что жизнь продолжает существовать и после смерти... И что души наши бессмертны и тоже продолжают жить. Я могу легко представить себе папу где-нибудь во вселенной, сбросившим с себя оковы несовершенного человеческого тела. Сейчас он по-настоящему свободен, быть может, впервые в своей жизни. Ведь я так часто видела в его глазах боль, когда он был жив. Он, должно быть, много перестрадал за свою жизнь. И вот еще что... Когда умирает кто-то из моих питомцев, оленей, когда страдания отпускают его и он уходит в мир иной, я тоже всегда плачу, оплакиваю

потерю, жалею себя, потому что в эту минуту жалею и об утрате животного. Пойми же ты, Майя! Даже если ты отказываешься верить в то, что жизнь существует не только на земле, постарайся понять, что печаль и горечь утраты – это то небольшое, что оставляют нам близкие люди, уходя в мир иной. Они оставляют это *нам и для нас*.

Я бросила на сестру уважительный взгляд, внутренне поразившись ее спокойному принятию вещей такими, какими они есть на самом деле. А еще, мне пришлось признаться самой себе, что ту часть своего «я», которую Тигги именуется «душой», я вполне осознанно похоронила в себе много лет тому назад.

– Спасибо тебе, Тигги. И мне действительно жаль, что я пропустила обед.

– Да небольшое ты и потеряла. К концу трапезы за столом остались только мы с Алли. Электра ушла собирать вещи, сказала, что она и так переела, а Сиси и Стар еще не вернулись из Женевы. Они рано утром уехали на встречу с Георгом Гофманом.

– Ма сказала мне. Наверняка Сиси поехала утрясать вопрос с деньгами.

– Полагаю, да. Ты же в курсе, ей дали место в Академии искусств в Лондоне. Само собой, она горит желанием поучиться на этом курсе. Но обучение не из дешевых, да и жить где-то надо. Тоже деньги нужны.

– Все так.

– Знаю, что папина смерть затронула тебя сильнее, чем всех нас, остальных. Мы же понимали, что ты жила здесь только потому, чтобы ему не было скучно одному... И чтобы присматривать за ним.

– Боюсь, Тигги, на самом деле это не так. Я жила здесь потому, что мне больше некуда было податься. Вот и вся моя правда, – сказала я, как отрубила.

– Как всегда, ты к себе несправедлива. Вне всякого сомнения, здесь ты осталась *в том числе и* из-за папы. Но папы больше нет, и отныне весь мир лежит у твоих ног. Разве не так? У тебя есть работа, которой ты можешь заниматься где угодно. Ты можешь поехать куда угодно. – Тигги мельком взглянула на свои часики. – О, мне тоже надо поторопиться и собрать вещи. До свидания, милая Майя. – Она порывисто обняла меня за плечи. – Береги себя, пожалуйста. И помни, я всегда на связи, если что. А почему бы тебе не приехать ко мне в

Шотландию? Высокогорье – такая красивая местность, природа, дух захватывает... А воздух... Чистый и прозрачный. И общая атмосфера действует успокаивающе...

– Спасибо за приглашение, Тигги. Может быть, в один прекрасный день я и решусь на такое путешествие.

Тигги ушла, а я тоже собралась пойти и попрощаться с Электрой. Но не успела я дойти до пристани, младшая сестра сама возникла прямо передо мною.

– Я уезжаю, – начала она с места в карьер. – Мой агент сообщил мне, что они разорвут со мной контракт, если я не появлюсь на съемках завтра утром.

– Понятно, надо поспешить.

– Эй! – Электра склонила голову набок и бросила на меня подозрительный взгляд. – С тобой все в порядке?

– Все нормально.

– Послушай, Майя. Папы больше нет. Так чего тебе тут торчать безвылазно? Может, нагрянешь к нам в Ла-Ла-Лэнд? Погостишь у нас с Митчем? У нас в саду имеется хороший гостевой домик. Можешь заселяться туда в любое время.

– Спасибо, Электра. Будь на связи, ладно?

– Конечно, буду. Ну что? До скорой встречи? – воскликнула Электра, когда мы подошли к пристани. Я увидела, как Сиси и Стар спускаются с катера на пирс.

– Привет, девчонки! – бросила нам Сиси и широко улыбнулась. Из чего безошибочно следовало, что поездка в Женеву удалась.

– Уезжаешь, Электра? – спросила у сестры Стар.

– Да. Мне надо срочно вернуться в Лос-Анджелес. Некоторым ведь приходится зарабатывать на жизнь самостоятельно, как ты знаешь, – не преминула она отпустить колкость, явно адресованную Сиси.

– Зато некоторые используют в этой жизни свои мозги, а не тело, – не оставила без ответа выпад сестры Сиси. Но в этот момент на пристани появились Алли и Тигги.

– Что ж, девочки, пора прощаться, – сказала Алли. – До свидания, Электра. – Она подошла к сестре и расцеловала ее в обе щеки. – Давайте постараемся вскоре снова собраться вместе.

– Конечно, встретимся, – согласилась с ней Электра и поцеловала Стар, намеренно проигнорировав Сиси.

– Обязательно! – подтвердила слова сестры Тигги и обняла всех по очереди. К Стар она подошла последней, обняла ее и что-то тихо прошептала на ухо, и Стар ответила тоже шепотом.

– Все! Поехали! – приказала Электра капитану катера. – Иначе я рискую опоздать на свой самолет.

Тигги и Электра проворно взошли на катер, мотор взревел, а мы, все четверо, оставшиеся на берегу, принялись махать им вслед. А потом всей гурьбой пошли в дом.

– Думаю, нам со Стар тоже нужно трогаться в путь, но чуть позже, – сказала Сиси.

– Зачем? Разве мы не можем задержаться немного дольше? – возразила Стар немного грустным тоном.

– А что нам тут делать? Папы больше нет, с юристом мы все вопросы обговорили. Нужно незамедлительно отправляться в Лондон и заниматься там поисками подходящего жилья.

– Ты права, – покорно согласилась с ней Стар.

– А чем ты, Стар, будешь заниматься в Лондоне, пока Сиси будет учиться в своей Академии искусств? – поинтересовалась у нее Алли.

– Пока еще не знаю, – честно призналась Стар.

– Ты же собиралась записаться в лондонскую кулинарную школу Кордон блю. Забыла уже? – напомнила ей Сиси. – Она у нас такой замечательный повар, – добавила она, обращаясь уже непосредственно ко мне. – Все, я побежала, посмотрю расписание на ближайшие рейсы. Если мне не изменяет память, есть рейс из Женевы в Хитроу на восемь часов вечера. Вот он-то нам подходит идеально.

Сиси и Стар скрылись в доме. Мы с Алли молча смотрели им вслед.

– Ничего не говори, – вздохнула я. – Сама знаю.

– Раньше я всегда думала, что такая тесная связь между ними только на пользу. То есть когда они были еще детьми... Ведь они же у нас обе средненькие, – задумчиво бросила Алли.

– А я помню, как отец намеренно хотел отправить их учиться в разные школы, но Стар тогда закатила самую настоящую истерику, просила отца не разлучать ее с Сиси, – ответила я, вспомнив эпизод из давнего прошлого.

– Беда в том, что ни у кого из нас нет прямого доступа к Стар. С ней же даже невозможно поговорить наедине. С ней все в порядке? Выглядит она ужасно, в сравнении с тем, как я ее видела в последний раз.

– Понятия не имею, Алли, что с ней и как она, – честно призналась я. – Порой мне вообще кажется, что я совершенно не знаю Стар.

– Что ж, если Сиси с головой уйдет в свою учебу в Академии, а Стар тоже подыщет себе какое-нибудь подходящее занятие, то, будем надеяться, жизнь постепенно начнет разводить их в разные стороны. Давай посидим немножко на террасе. Я пойду, попрошу Клавдию, чтобы она принесла тебе пару сэндвичей. Ты очень бледненькая, Майя, и обед пропустила. Мне хочется кое-что обсудить с тобой. Не возражаешь?

Я молча согласилась и уселась на солнышке. Его тепло приятно грело мое лицо, и я немного расслабилась. Алли вернулась из дома и уселась рядом со мной.

– Сейчас Клавдия принесет тебе перекусить. Майя, не хочу показаться любопытной, но все же... Ты вчера прочитала папино письмо?

– Прочитала, но только сегодня утром, – честно призналась я.

– И оно тебя расстроило, да?

– Поначалу – да, но теперь со мной все в порядке. Честно, Алли. – Мне не хотелось обсуждать с сестрой эту тему. Одно дело – ненавязчивое сочувствие Тигги, которое и согрело меня, и успокоило. Но я хорошо знаю характер Алли. Ее повышенное внимание к моей персоне может закончиться тем, что она вознамерится взять меня под свой неусыпный контроль. – А ты сама прочитала?

– Да, я тоже прочитала. Папа написал мне красивое письмо, я даже расплакалась, читая. Но одновременно оно подняло мой дух. Все утро я просидела в Интернете, разыскивала свои координаты. И ваши тоже. Сейчас я точно знаю, где каждая из нас появилась на свет. Между прочим, вас подстерегает несколько сюрпризов, – добавила она, но в этот момент на террасе появилась Клавдия. Она принесла тарелку с сэндвичами, которую поставила передо мной.

– Итак, тебе известно, где все мы родились, – уточнила я на всякий случай. – Ну и где же, к примеру, *родилась я*? Знаешь?

– Да. Или, во всяком случае, знаю ключ к разгадке того, где папа нашел всех нас. Хочешь знать, Майя? Могу сказать... А могу предоставить тебе возможность заняться самостоятельными поисками.

– Я... сама не знаю, – ответила я, почувствовав в желудке неприятную пустоту.

– Одно могу сказать! Папа изрядно поколесил по свету.

Я взглянула на Алли и невольно позавидовала ей. Хотелось бы и мне сохранять такую же невозмутимость в сложившихся обстоятельствах: смерть отца и все то необычное, что с ней связано, откровения по поводу нашего рождения.

– Так тебе известно, где именно ты появилась на свет? – спросила я у нее.

– Да, хотя пока получается какая-то бессмыслица.

– А остальные девчонки? Им ты рассказала, где они родились?

– Нет. Но я им объяснила, как следует искать координаты с помощью программы «Земля Гугл». Хочешь, и тебе объясню? А могу сразу назвать место твоего рождения. – Красивые голубые глаза Алли буквально впились в меня.

– Пока я не уверена, что сильно хочу этого.

– Что ж, думаю, ты и без посторонней помощи с легкостью отыщешь сама. Там все просто.

– Наверное, я так и сделаю, когда буду внутренне готова к такому шагу, – ответила я как можно тверже, невольно чувствуя, что я снова, как всегда, плетусь в хвосте у Алли.

– Я тебе подробно распишу всю процедуру, как точно определить положение координат. На тот случай, если ты все же захочешь узнать тайну своего рождения. Кстати, ты перевела с греческого те надписи, которые выгравированы на армиллярном шаре?

– Да, все перевела.

– Интересно, какое напутствие папа заготовил для меня? – нетерпеливо воскликнула Алли. – Скажи, что там написано. Пожалуйста!

– Точно не помню. Сейчас схожу к себе и перепишу перевод для тебя.

– Спасибо! – прочувствованно поблагодарила меня Алли.

Я надкусила один из сэндвичей, которые Клавдия приготовила для меня, и снова мысленно, уже, наверное, в тысячный раз, пожалела о

том, что я не такая боевая, как Алли. У той все легко, все делается быстро и одним махом. Ее никогда не пугали никакие неприятные сюрпризы, которые может преподнести жизнь. И занятие она себе выбрала опасное, сопряженное с постоянным риском, а часто и с одиночеством. Противостоять морским волнам, которые могут за одну секунду перевернуть вверх дном то утлое суденышко, которым она управляет. В этом постоянном противоборстве со стихией весь характер Алли и, пожалуй, самая точная метафора того, кто она есть на самом деле. Думаю, она единственная из всех сестер, кто умудряется жить в ладу с собой. Она изначально не настроена на негатив. Любые превратности судьбы она воспринимает всегда позитивно. Что-то пошло не так? Ничего страшного. Просто жизнь преподала еще один урок. Надо его хорошенько усвоить и двигаться дальше.

– Получается, что мы с тобой владеем информацией, которой можем поделиться и с другими сестрами. Если они, конечно, сами захотят покопаться в собственном прошлом, – задумчиво бросила Алли.

– Можем, – согласилась я с ней. – Но, мне кажется, еще слишком рано браться за разгадки тех тайн, которые оставил нам отец.

– Может, ты и права, – вздохнула Алли. – Кстати, регата в Кикладах уже на носу. Мне нужно уезжать, и поскорее, чтобы присоединиться к другим членам нашей команды. Если честно, Майя, то, что я увидела пару дней тому назад вблизи Делоса, по-прежнему не выходит у меня из головы. Чувствую, мне сейчас будет чертовски трудно плыть под парусом в открытое море.

– Понимаю тебя, – сказала я, а сама удивилась. Я всегда считала Алли такой мужественной и сильной, но, оказывается, и ей знакомо чувство неуверенности и даже страха. Неожиданное открытие. – Все будет хорошо, Алли. Я в этом уверена.

– Надеюсь. Впервые я испытываю такой мандраж перед соревнованиями.

– Господи, Алли! Да для тебя морские гонки – привычное дело. Ты столько лет занимаешься парусным спортом. Не позволяй себе распускаться.

– Ты права. Постараюсь выложиться по полной для нашей общей командной победы. И в память об отце тоже. Спасибо тебе, Майя. Знаешь, раньше я часто задумывалась над тем, как так получилось, что

спорт стал главным в моей жизни. Помнишь, как в юности я мечтала стать профессиональной флейтисткой? Но уже к моменту окончания музыкальной школы гонки на яхтах вытеснили из моей жизни все остальное.

– Конечно, я все хорошо помню, – улыбнулась я в ответ. – В тебе столько талантов, Алли. Но, признаюсь, порой мне не хватает твоей игры на флейте.

– Представь себе, и мне тоже. Смешно, да? Ну а что ты? Не заскучаешь здесь в полном одиночестве?

– Не заскучаю, не волнуйся. Рядом же Ма... и потом моя работа... Обещаю, со мной все будет в полном порядке.

– Что, если через месяц-другой ты приедешь ко мне? Совершим небольшой круиз. Поплывем, куда захочешь. Например, вокруг побережья Амальфи. Там очень красивые места, одни из моих самых любимых. А я прихвачу с собой флейту и буду играть тебе на ней по вечерам, – грустно улыбнулась Алли.

– Прекрасная идея... поживем – увидим, как все будет складываться. В данный момент я страшно занята. У меня перевод в работе.

– Нам удалось заказать два билета до Лондона, – радостно прокричала Сиси, появившись на террасе позади нас. – Через час Кристиан доставит нас прямо в аэропорт.

– Пойду и я пошарю в интернете. Вдруг найдется лишний билетик на один из ближайших рейсов до Ниццы. Тогда я поеду вместе с вами, – подхватила со своего места Алли. – Майя, не забудь про надпись для меня, ладно? – Она поспешно скрылась в доме.

– Встреча с Георгом прошла удачно? – поинтересовалась я у Сиси.

– Все отлично, – кивнула та в ответ. – Как я понимаю, ты уже перевела все наши надписи? – Она придвинула к себе стул и уселась на него.

– Да.

– А Алли сказала мне, что она уже определила все наши координаты.

– Ты уже прочитала папино письмо? – спросила я у Сиси.

– Пока нет. Мы со Стар решили так. Подберем момент, когда останемся вдвоем и никто нам не будет мешать. Тогда и прочитаем. Кстати, твой перевод нам тоже очень поможет. Напиши, пожалуйста,

текст этих высказываний для меня и для Стар и не забудь отдать нам конверт с переводом, пока мы не уехали. Я попрошу Алли сделать то же самое и с нашими координатами.

– Перевод надписи, адресованной непосредственно тебе, я вручу тебе, Сиси. Что же до Стар, то папа в письме ко мне предупредил, чтобы я отдала перевод каждой из сестер по отдельности, лично в руки. Так я и поступлю, – ответила я, сама удивившись тому, как легко далась мне эта ложь.

– Ладно! – недовольно пожала плечами Сиси. – Все равно же мы поделимся друг с другом. – Внезапно Сиси бросила на меня сочувственный взгляд. – А что ты? Не затоскуешь здесь одна, без папы? Что будешь делать?

– У меня же есть работа. Она не оставляет мне времени на посторонние мысли, – снова повторила я, как заведенная, свой главный аргумент.

– Понятное дело. Но мы же все понимаем, ты жила здесь только ради папы. В любом случае имей в виду, мы со Стар будем счастливы, если ты наведишь нас в Лондоне. Как только мы подыщем себе подходящую квартиру, сразу же и приезжай. Кстати, я уже начала переговоры с некоторыми риелторскими агентствами, занимающимися сдачей квартир внаем. Словом, ждем в гости.

– Спасибо за приглашение, Сиси. Очень мило с твоей стороны. Обязательно дам тебе знать, когда надумаю выбраться в Лондон.

– Вот и отлично! Майя, можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, Сиси.

– Как думаешь, папа... любил меня?

– Что за странный вопрос! Конечно, любил. Он нас всех любил одинаково.

– Да, но вот только...

Я увидела, как пальцы Сиси нервно пробежались по поверхности стола, словно по клавишам рояля.

– Что «только»? – спросила я напрямик.

– Хорошо! По правде говоря, я боюсь открывать папино письмо. Ты же знаешь, я не самый чувствительный человек на свете. Да и вообще, я всегда понимала, что мои отношения с отцом не были особенно близкими. Не дура же я! Знаю, что люди говорят за моей спиной. Дескать, я слишком прямолинейная, чересчур напористая,

ужасно практичная. Все так считают. За исключением Стар, конечно. Но что же поделать? Так уж я устроена. Все свои чувства я *переживаю* внутри себя. Понимаешь?

Неожиданное признание Сиси поразило меня. Я невольно ласково коснулась рукой ее руки.

– Я тебя хорошо понимаю, Сиси. Но и ты послушай меня. Помню, когда тебя младенцем привезли сюда и Ма была в полной растерянности, потому что ты появилась в доме почти сразу же после Стар, я тогда спросила у папы, зачем он так скоро привез к нам очередную сестричку. На что он ответил так. Ты была таким неповторимым, таким не похожим ни на кого младенцем, что он просто вынужден был забрать тебя с собой. Чистая правда!

– Так он сказал?

– *Так он сказал.*

Впервые за все годы, что я знаю Сиси, мне показалось, что она готова расплакаться.

– Спасибо тебе, Майя. Большое спасибо! – растроганно поблагодарила она меня. – А сейчас мне пора. Нужно еще найти Стар и предупредить ее о том, что мы уезжаем через час.

Наблюдая за тем, как Сиси направилась к дверям и скрылась в доме, я вдруг подумала, что смерть отца сильно изменила всех нас, его дочерей.

* * *

Часом позже я вручила каждой из сестер перевод надписи, адресованной конкретно ей. И снова я стояла у причала, провожая девочек. Долго следила за тем, как катер стремительно уносит всех троих – Алли, Сиси и Стар по водам Женевского озера прочь от нас. Все они уже на пути к своей привычной жизни. Вернувшись к себе, я налила стакан вина и принялась размышлять над тем, как все сестры по очереди предложили мне стать частью их жизни. Прими я все приглашения от девочек и приведи их в исполнение, то тогда, пожалуй, за весь следующий год мне пришлось бы исколесить буквально весь земной шар, чтобы приобщиться к тем мирам, в которых они сейчас обитают.

Но вместо заманчивых путешествий я по-прежнему безвылазно сижу в отчем доме. А ведь было же и у меня нечто другое, была жизнь за стенами этого дома. Просто я ее не помню и ничего не хочу о ней знать.

Я решительным шагом направилась к себе в кабинет, включила компьютер. Наверное, наступил момент получить ответ на свой главный вопрос: кто *я есть*. Откуда пришла в этот мир? Где мои настоящие корни?

У меня слегка дрожали руки, пока я получала доступ в программу «Земля Гугл». Я аккуратно набрала в поисковике свои координаты, как объяснила мне Алли, и, затаив дыхание, стала ждать, какой ответ выдаст ноутбук касательно моей родословной. Но вот небольшой шар на экране, имитирующий глобус, слегка повернулся вокруг своей оси, и стали проясняться детали. Итак, место моего рождения установлено.

Как ни странно, но ночь я проспала беспробудным сном и безо всяких сновидений. Проснулась отдохнувшей и даже поздоровевшей. Какое-то время лежала неподвижно, отрешенно пялясь в потолок и пытаюсь свести воедино всю ту информацию, которую узнала вчера.

Самое интересное, что эта информация вовсе не сразила меня наповал. Такое впечатление, что мне она была давно и хорошо известна, растворена, так сказать, в моей крови или упрятана в молекулах ДНК. Фактически, вполне возможно, по чистому совпадению, все эти сведения даже стали частью моей теперешней жизни. Конечно, трудно поверить, что младенцем я могла запомнить тот дом, в котором предположительно появилась на свет. Судя по картинке – вид сверху (скорее всего, аэросъемка), которую мне предложила программа «Земля Гугл», дом огромный. Настоящий величественный дворец. И зачем отец выдернул меня маленькой крошкой из этого великолепия, мысленно недоумевала я.

Я поднялась с кровати, и в эту минуту зазвонил мой мобильник. Взяла телефон, чтобы ответить на звонок, но на экране высветился незнакомый номер. Решила оставить звонок без ответа: наверняка кто-то просто ошибся номером. Отложила мобильник в сторону и пошла на кухню взбодрить себя чашечкой своего любимого английского чая.

Попивая из кружки, я размышляла о том, что, при желании, несмотря на всю нелепость самой идеи, я хоть завтра могу сесть в самолет и через каких-то двадцать четыре часа, в буквальном смысле этого слова, постучать в двери собственного прошлого.

A Casa das Orquideas, Laranjeiras, Rio de Janeiro, Brazil.

Я попыталась вспомнить подробности давнего разговора с отцом, когда мы обсуждали с ним, какую именно специализацию мне избрать для учебы в университете. Вне всякого сомнения, именно отец убедил меня тогда взять португальский язык в качестве одного из обязательных языков обучения. А еще я вспомнила, как легко мне давался этот язык, словно он был моим родным, как французский. Я пошла в гостиную, чтобы еще раз взглянуть на тот маленький, треугольной формы камешек, который Па Солт вложил в конверт

вместе с письмом ко мне. Я извлекла камешек из конверта и принялась разглядывать едва заметную надпись на обратной стороне.

Кое-что стало проясняться. Во-первых, сама надпись сделана на португальском языке. Правда, различимы лишь некоторые буквы и дата – 1929. Остальной текст практически не читаем.

Внезапно меня охватило радостное возбуждение, но я немедленно поборола в себе эту эйфорию. Трудно вообразить себе более дурацкий поступок: взять и отправиться в Бразилию.

А с другой стороны, что здесь такого дурацкого?

За второй чашкой чая я принялась обдумывать свои намерения. Немного успокоившись и посмотрев на все трезвым взглядом, я сказала себе: да, вполне возможно, когда-нибудь в будущем я и вправду посету Бразилию. Тем более у меня есть веские основания для подобного путешествия. Я перевожу на французский романы бразильских писателей. Могу наладить через Флориано Квинтеласа, того самого писателя, который сам недавно звонил мне, контакты с некоторыми бразильскими издательствами. Вдруг они порекомендуют мне и других своих авторов, тех, кто нуждается в переводческих услугах на другие языки.

Снова зазвонил мобильник. Пришлось вернуться в спальню и взять его с прикроватной тумбочки. Автоответчик сообщил, что на мой номер поступило голосовое сообщение. Я нажала на кнопку и, приложив трубку к уху, направилась на кухню. В трубке раздался до боли знакомый голос.

«Майя, это я, Зед. Надеюсь, ты меня еще помнишь. – Короткий смешок в его обычной манере. – Послушай, я не знаю, в курсе ли ты тех ужасных новостей, что связаны с трагической смертью моего отца. По правде говоря, мы сами еще никак не можем оправиться от этого удара. Я бы не стал тебя беспокоить, но тут вчера мой приятель, тоже яхтсмен, сообщил мне о твоём отце. Сказал, что он тоже ушел из жизни. На днях я буду в Женеве, по делам, на несколько дней. Было бы здорово увидеться с тобой. Поплакались бы друг другу в жилетку. Жизнь – такая непредсказуемая штука, правда ведь? Я понятия не имею, по-прежнему ли ты обитаешь в Женеве, но где-то у меня хранится номер твоего домашнего телефона. Приеду, обязательно позвоню или даже попытаю счастья и лично наведаюсь в ваш знаменитый дом Атлантис, если ты никак не откликнешься на это мое

послание. Прими мои соблезнования в связи с кончиной твоего отца. Береги себя».

Раздался звуковой сигнал, уведомляющий о том, что сообщение закончено, а я продолжала стоять как вкопанная на прежнем месте, не в силах пошелохнуться. Знакомый голос, услышанный после долгого перерыва, впервые за четырнадцать лет, вогнал меня в ступор.

– О боже! – выдохнула я в смятении, представив, как через пару дней на пороге моего дома появится Зед. Я почувствовала себя зверушкой, загнанной в силки. У меня даже возникла чисто детская фантазия – немедленно залезть под кровать и спрятаться там ото всех. Вдруг он уже в Женеве и может возникнуть здесь в любую минуту?

А может случится так, что телефонную трубку в доме поднимут Марина или Клавдия и, по незнанию своему, чистосердечно сообщат Зеду, что я действительно обитаю в Атлантиде. Сама мысль о таком развитии событий привела меня в полнейшую протрацию. Нужно немедленно бежать к ним и предупредить, чтобы они на все звонки отвечали одинаково. Меня нет дома. Меня нет дома *ни для кого*.

Но что, если Зед просто возьмет и приедет сюда безо всяких звонков? Он ведь прекрасно знает, где именно находится Атлантида. Я сама однажды во всех подробностях расписала ему местонахождение дома.

– Надо немедленно бежать прочь, – прошептала я и, почувствовав, что ноги снова стали слушаться меня, побрела в гостиную. Там я принялась бесцельно слоняться по комнате, прикидывая, каким из приглашений, полученных от сестер, я могу воспользоваться, причем незамедлительно.

Но как-то ни один из предлагаемых маршрутов особо не впечатлял. У меня даже мелькнула мысль снова вернуться в Лондон, к Дженни, и затаиться у подруги до поры до времени. Там-то я точно буду в полной безопасности.

Но как долго я смогу прятаться у Дженни? Вполне возможно, пребывание Зеда в Женеве затянется на неопределенно долгий срок. Да тут и к гадалке не ходи. Ясно же, как божий день, что все свои несметные богатства отец Зеда хранил в подвалах швейцарских банков.

– Но почему именно сейчас? – возопила я, обращаясь к небесам. Ведь мне же нужно время, в том числе и для того, чтобы успокоиться,

все взвесить и еще раз хорошенько обдумать. Но нет! Я точно знала, надо срочно выметаться из Атлантиды. Встреча с Зедом окончательно сломит меня, особенно учитывая мое нынешнее состояние, и душевное, и физическое.

Я машинально глянула на журнальный столик, и пальцы сами собой схватили треугольный камешек. Я снова уставилась на него, и в ту же минуту мое сознание пронзила дикая мысль. И я тут же принялась лихорадочно обдумывать ее.

Итак, если я хочу удалиться от Зеда на максимально возможное расстояние и при этом никто не должен знать, куда именно я направилась, то Бразилия подходит мне идеально по всем параметрам. А работать я могу где угодно. Прихвачу с собой свой ноутбук и продолжу трудиться над текущим переводом. В чем проблема? Так почему бы не Бразилия?

– И верно, Майя! Почему бы не Бразилия? – повторила я свой вопрос уже вслух.

* * *

Через час с небольшим я переступила порог кухни и заинтересовалась у Клавдии, где Марина.

– Поехала по каким-то своим делам в Женеву, – ответила Клавдия. – Ей что-нибудь передать, когда она вернется?

– Да, – ответила я, собираясь с духом, чтобы сказать все остальное. – Передайте ей, что я уезжаю сегодня вечером недели на две по меньшей мере. И вот еще что, Клавдия. Если мне будут звонить или кто-то явится сюда лично, отвечать так: меня нет дома, я в отъезде, буду отсутствовать какое-то время, и на этом все.

На обычно невозмутимом лице Клавдии отразилось удивление.

– А куда вы собрались, Майя?

– Мне нужно отъехать по делам, – уклончиво ответила я.

– Хорошо, – сказала домохозяйка, принимая мой немногословный ответ как должное.

В первый момент мне показалось, что она собирается добавить что-то еще, но продолжения не последовало.

– Сейчас иду к себе в Павильон собирать вещи. Когда Кристиан вернется, предупредите его, что около трех часов дня мне нужно попасть в Женеву.

– Приготовить вам ланч?

– Нет, спасибо, не надо, – отказалась я. Мой желудок и без того уже взбунтовался от переизбытка эмоций. – Перед отъездом я загляну попрощаться. И запомните, Клавдия. Меня ни для кого нет дома.

– Я все поняла, Майя. Вы это уже говорили.

Двумя часами позже, наскоро побросав в чемодан вещи и забронировав себе билет на самолет и номер в отеле, я покинула Атлантис. Пока катер на полном ходу рассекал воды Женевского озера, унося меня прочь от родного дома, я впервые задумалась над тем, почему бегу. Убегаю прочь от собственного прошлого? Или, напротив, стремлюсь к нему навстречу?

С учетом пятичасовой разницы во времени я вступила на землю Бразилии ровно в шесть утра следующего дня. И сразу же испытала первое разочарование: вместо сверкающего южноамериканского солнца меня встретило хмурое облачное небо. Разумеется, я помнила, что у них сейчас зима, хотя температура была вполне комфортной и без той изнуряющей тропической жары, которой я опасалась более всего.

– *Ola, eu sou Senhorita D’Apliese. Como voce esta?* – спросила я у водителя такси на португальском, подойдя к нему поближе, и немножко развеселилась про себя, увидев изумление на его лице.

Он помог мне сесть в машину, и мы покатали из аэропорта по направлению к Рио. Я с нескрываемым интересом разглядывала в окно окрестности. Вот он, город, в котором я, скорее всего, появилась на свет. На втором курсе университета мне уже довелось побывать в Бразилии. Правда, тогда программа по обмену студентами базировалась на университете в Сан-Пауло. В тот свой приезд мне еще удалось побывать в древней столице Сальвадора. Что же до Рио-де-Жанейро, то от поездки туда я отказалась сознательно. Молоденькая одинокая девушка, а тут леденящие душу истории о кошмарной преступности и нищете, царящей в Рио, и о его безумной ночной жизни. Все это как-то отпугивало. Другое дело сейчас. Если информация, которую оставил для меня Па Солт, верная, то я плоть от плоти этого города, а его ДНК полностью совпадает с моим.

Водитель такси, видимо, донельзя довольный тем, что в качестве пассажира ему попала редкая иностранка, владеющая португальским языком, немедленно поинтересовался у меня, откуда я родом.

– Отсюда, – ответила я. – Я родилась здесь.

Он внимательно обозрел меня в зеркало заднего вида.

– В самом деле! Вижу! Вы действительно похожи на бразильянку. Но ваша фамилия... Деплеси... смахивает на французскую. Приехали навестить родственников?

– Да, именно так, – коротко бросила я в ответ. Слова звонким эхом отдались в моем сознании. А ведь это же чистая правда, подумала я.

– Взгляните! – Шофер взмахнул рукой, показывая на высокую гору, на вершине которой возвышался величественный монумент из белого камня. Иисус широко распротер руки, словно обнимая весь город, раскинувшийся внизу. – Это наш *Cristo Redentor*. Наш Христос Искупитель. Помню, когда я увидел Его впервые, то сразу же почувствовал: я дома.

Какое-то время я молча созерцала прекрасное белоснежное изваяние, которое словно парило над городом среди облаков, придававших ему ангелоподобный облик. Разумеется, я, как и все современные люди, десятки раз видела эту знаменитую статую во всяких средствах массовой информации. Но в действительности дух захватывает от такой красоты. И одновременно испытываешь что-то такое, что трогает до слез.

– Вы поднимались туда наверх? – спросил у меня шофер.

– Нет, никогда.

– Ну, тогда вы действительно истинная уроженка Рио. Настоящая *carioca*! – широко улыбнулся он. – Хотя наш Христос Искупитель считается одним из семи чудес современного света, мы, жители Рио, воспринимаем монумент как нечто привычное, что-то такое, что всегда с нами. В основном на гору устремляются туристы.

– Я тоже постараюсь подняться на вершину, – пообещала я своему собеседнику. Машина нырнула в тоннель, и статуя Спасителя исчезла из виду.

Минут через сорок мы подкатили к центральному входу в отель «Цезарь-Парк». Прямо через дорогу тянулась узкая полоса знаменитого пляжа Ипанема. В этот ранний час он еще был безлюден, но все равно поражал воображение своей бескрайностью и величием.

– Вот моя визитка, сеньорита Деплеси. Меня зовут Педро. Звоните в любое время. Буду рад показать вам наш город.

– *Obrigada*, – сердечно поблагодарила я таксиста, присовокупив несколько реалов в качестве чаевых к общей оплате за проезд. После чего проследовала вслед за портье в вестибюль отеля отметить у стойки дежурного.

И буквально через несколько минут меня заселили в просторный номер с просто шикарным видом на пляж Ипанема, который открывался из огромного окна. Номер стоил фантастически дорого, но, к сожалению, свободных номеров подешевле у них в наличии не

оказалось. Я ведь бронировала не загодя, а буквально накануне. Впрочем, с учетом того, что я крайне редко трачу заработанные деньги, никаких угрызений совести по поводу собственного транжирства я не почувствовала. А в ближайшие пару дней, в зависимости от того, как станут развиваться дальнейшие события, присмотрю себе подходящую квартирку и сниму ее на какое-то время.

Да, но что такого *должно случиться* в ближайшие несколько дней?

Последние двадцать четыре часа обернулись для меня сплошным кошмаром. После звонка Зеда меня охватила самая настоящая паника, я чувствовала и понимала лишь одно: нужно как можно быстрее бежать из Швейцарии. Я даже не задумывалась над тем, что делаю, пока не оказалась на месте. Ночь в самолете я провела практически без сна. К долгому перелету добавились еще и те переживания, которыми были наполнены все последние дни после смерти папы. Я чувствовала себя вымотанной сверх всяких сил. Повесив на двери табличку «Не беспокоить», я с удовольствием улеглась между прохладными, ароматно пахнущими простынями и почти мгновенно отключилась.

* * *

Я проспала несколько часов. Проснулась и сразу же почувствовала, что голодна. Но и город посмотреть тоже не терпелось. Я покатила на лифте на верхний этаж, где располагался ресторан. Устроившись на небольшой террасе, откуда можно было одновременно любоваться и морем, и горным пейзажем, я заказала себе салат «Цезарь» и бокал белого вина. Облака, закрывавшие небо рано утром, растаяли бесследно, будто их и не было никогда. На пляже уже толпилась тьма народу, щеголяя друг перед другом своими загорелыми бронзовыми телами.

Утолив голод, я почувствовала, что в голове у меня немного прояснилось. Во всяком случае, заработали мозги, подсказывая, что делать дальше. Я еще раз изучила адрес, обозначенный координатами на армиллярной сфер, – все данные я предусмотрительно забила в свой мобильник, – и задумалась. Нет никакой гарантии, что в этом доме по-прежнему живет моя семья. Фамилия мне неизвестна, как вообще

неизвестно ничего об этих людях. Я невольно издала нервный смешок, представив себе, каково это будет. Вдруг, ни с того ни с сего, на пороге дома объявится какая-то незнакомка и заявит, что ищет родных, утраченных давным-давно.

Но тут я вовремя вспомнила напутствие Па Солта, которое он выгравировал для меня на армиллярной сфере: не давать страху властвовать над собою. Ну и что такого, если я вдруг возьму и возникну перед ними, неожиданно, можно сказать, как гром среди ясного неба? Худшее, что может случиться: они просто захлопнут у меня под носом дверь. Наверное, это бокал выпитого вина так подействовал на меня, и я ощутила не типичный для себя прилив храбрости. Да и длительный перелет тоже сыграл свою роль. Словом, я вернулась к себе в номер и, пока не передумала, тут же позвонила вниз на ресепшен и попросила их переговорить с Педро, водителем такси, который забирал меня из аэропорта, чтобы он свозил меня в город по одному адресу.

– Нет проблем, – ответил дежурный консьерж. – Машина нужна вам прямо сейчас?

– Да.

Не прошло и десяти минут, как я уже сидела на заднем сиденье машины Педро, которая на медленной скорости направилась к центру города.

– Эта вилла? Каса дас Оркуидеас? Думаю, я знаю ее, – коротко прокомментировал Петро, когда я продиктовала ему адрес.

– Зато я не знаю, – честно призналась я.

– Если это та вилла, о которой я подумал, то это очень интересный дом. И старинный к тому же. Когда-то в нем обитала семья богатых португальцев, – пустился в рассказы Педро, когда мы застряли в очередной пробке, которые в этот час дня, по его словам, дело самое обычное.

– Вполне возможно, сейчас в доме живут совсем другие люди.

– Все может быть. – Педро внимательно обозрел меня в зеркало заднего вида. Явно, от него не укрылось то, что я заметно нервничаю. – Пытаетесь найти кого-нибудь из родных?

– Да, – не стала я кривить душой. И в эту минуту перед нами в отдалении возникла фигура Иисуса Искупителя. Он словно парил надо мною. Я никогда не отличалась особой религиозностью, но тут вдруг

почувствовала некое благостное умиротворение, будто Его распростертые руки обнимали не только весь город, но и меня тоже.

– Скоро будем на месте, – объявил Педро минут через пятнадцать. – Сомневаюсь, что вы сумеете многое увидеть с дороги. Вилла обнесена высоким забором, что гарантирует неприкосновенность жилища. Когда-то тут селились исключительно богатеи, но теперь, к сожалению, город со всех сторон обступил и этот район.

И действительно, по обе стороны дороги теснились промышленные и офисные здания, сменяющиеся кварталами многоэтажных жилых домов.

– Вот ваш дом, сеньорита.

Я проследила взглядом за указательным пальцем Педро и увидела высокую живую изгородь: давно не подстригаемые кусты, сквозь густую листву которых проглядывали соцветия диких растений, красивые, но отнюдь не декоративные. Я вспомнила, какой безупречный порядок всегда поддерживается в нашем женевском саду. Такое впечатление, что к этому саду уже давно не прикасалась рука заботливого садовника.

Все, что можно было разглядеть поверх живой изгороди, это несколько старинных печных труб из красного кирпича, давно уже утративших свою первоизданную яркость под толстым слоем черной сажи.

– Скорее всего, в доме никто не живет, – предположил Педро. Он тоже обратил внимание на неухоженный вид дома со стороны улицы.

– Наверное, вы правы, – согласилась я с ним.

– Я могу припарковаться вот здесь, – сказал он и остановил машину прямо на дороге, проехав на несколько метров вперед.

– Да, вот здесь будет хорошо. Спасибо.

Педро отключил двигатель и повернулся ко мне:

– Буду ждать вас на этом месте. Удачи вам, сеньорита Деллеси.

– Спасибо.

Я выбралась из машины, хлопнув дверцей гораздо сильнее, чем это было нужно, и попыталась мысленно приготовиться к тому, что ждет меня впереди. Шагая по тротуару по направлению к вилле, я отчаянно убеждала себя: что бы ни произошло в ближайшие несколько минут, все это ровным счетом не имеет никакого значения для моей

дальнейшей жизни. У меня был любящий отец, а фактически есть и мать в лице Марины, и у меня пять сестер. А здесь я оказалась исключительно потому, что мне потребовалось срочно где-то укрыться, спрятаться за этими густыми зарослями живой изгороди от всего того, от чего я инстинктивно бежала прочь.

Такие рассуждения вселили в меня некую долю уверенности, которой мне не хватало. Я прошла через массивные ворота из кованого чугуна, которые оказались открытыми, и вступила на подъездную дорожку к дому. Впервые перед моим взором предстал дом, в котором, судя по координатам, началась история моей жизни.

Элегантный особняк, старинный, скорее всего, восемнадцатого столетия, выдержанный в традиционном архитектурном стиле того времени: прямоугольной формы дом, оштукатуренные стены, выкрашенные в белый цвет, с карнизами, украшенными изысканной лепниной и барельефами. Прекрасное напоминание о колониальном прошлом Бразилии. Однако, подойдя ближе, я увидела, что штукатурка на стенах потрескалась, а местами и вовсе обвалилась, краска на высоких оконных переплетах, крашенных-перекрашенных, видимо, множество раз, тоже облупилась и облезла, являя взору голое дерево.

Собрав в кулак всю свою волю и остатки храбрости, я двинулась дальше, миновала фонтан, отделанный резным мрамором, в котором когда-то весело плескались струи воды. Большинство окон в доме были плотно закрыты ставнями. Наверное, Педро все же прав. В доме действительно никто не живет.

Я медленно поднялась по широким ступенькам крыльца к парадной двери и нажала на допотопного вида дверной звонок. Но звонок не издал никакого звука. Тогда я попробовала еще и еще раз, а затем принялась стучать в дверь, достаточно настойчиво и громко, изо всех сил, которые у меня еще оставались. Подождала немного. Никакой реакции, никакого шума шагов, приближающихся к двери. Решила постучать еще громче.

И снова прождала безрезультатно несколько минут, переминаясь с ноги на ногу перед закрытой дверью. Получается, все мои усилия напрасны. В этом доме больше никто не живет. Я еще раз задрала голову вверх и обзрела ряд окон на втором этаже с наглухо закрытыми ставнями. Да, у дома явно нежилой вид.

Я спустилась с крыльца, раздумывая над тем, что делать дальше. Вернуться назад в машину Педро или все же обойти дом со всех сторон? Вдруг удастся заглянуть в какую-нибудь щелочку, обнаруженную в одной из ставень? После некоторых раздумий я склонилась в пользу второго варианта и двинулась вдоль боковой стены дома.

Оказалось, что боковая стена дома гораздо шире, чем фасад, и упирается прямо в сад, который наверняка в былые времена был очень красивым. Я прошла вдоль стены и, к своему великому огорчению, не обнаружила ни единого отверстия, через которое можно было бы заглянуть внутрь. Дойдя до конца стены, я увидела, что она плавно переходит в террасу, покрытую сверху толстым слоем мха.

Мой взгляд немедленно выхватил каменное изваяние молодой женщины, установленное в дальнем углу террасы. Вокруг статуи небрежно валялись разбитые керамические горшки из-под цветов. Женщина была запечатлена сидя, взгляд ее был устремлен куда-то вдаль. Я приблизилась к статуе поближе и увидела, что нос у нее отколот. Однако, несмотря на это увечье, чистые, простые линии лица и тела подчеркивали необычную, просто поразительную красоту модели.

Я уже приготовилась обогнуть дом с тыльной стороны, когда увидела фигуру человека, одиноко сидящего под деревом неподалеку от террасы.

Сердце мое бешено заколотилось в груди, и я тотчас же спряталась за угол дома и принялась исподтишка разглядывать фигуру. На таком расстоянии трудно было разглядеть внешность женщины, а это была именно женщина. Но, судя по тому, как она сидела в кресле, женщина была в очень преклонных годах.

Сотни мыслей вихрем пронеслись в моей голове. Вообще-то я всегда была нерешительным человеком. Вечно запаздывала с принятием решения. Вот и теперь вся буквально съежилась, разглядывая одним глазом старую женщину и одновременно прикидывая, может ли она приходиться мне родней.

Я задрала голову вверх и посмотрела на небо. Вот папа, тот не стал бы прятать голову в песок, уклоняться от всяких непростых ситуаций, таких, как эта. Впервые в своей взрослой жизни я тоже вознамерилась идти до конца.

Я вышла из своего укрытия так, чтобы старуха увидела меня во весь рост, и направилась прямо к ней. Подошла поближе, но она даже не повернула головы в мою сторону. И лишь когда я подошла к ней уже почти вплотную, я увидела, что глаза у женщины закрыты и она, скорее всего, спит.

Что позволило мне рассмотреть ее лицо во всех подробностях. Интересно, подумала я, есть ли между нами хоть какое-то родственное сходство? Впрочем, женщина может быть совершенно посторонним мне человеком. Мало ли кто обитал в этом доме в течение тех тридцати трех лет, что меня здесь не было?

– *Desculpe?* Что вам угодно, сеньорита?

Я едва не подпрыгнула от неожиданности, услышав у себя за спиной негромкий голос. Отвернулась и увидела худую, словно жердь, пожилую негритянку с жесткой гривой тронутых сединой волос. На ней была униформа прислуги очень старомодного образца. Женщина взирала на меня с откровенным подозрением.

– Простите меня за непрошеное вторжение, – торопливо начала я. – Просто никто не отозвался, когда я стучала в парадную дверь.

Женщина приложила палец к губам:

– Тише! Она спит. Что вам надо?

– Я... здесь... потому...

Ну, как можно объяснить старой служанке истинную причину моего появления здесь? Да еще шепотом, да еще в нескольких словах...

– Мне рассказали, что я как-то связана с этим домом. Вот я и решила лично поговорить с хозяевами.

Я почувствовала на себе внимательный взгляд. Что-то непонятное промелькнуло в глазах женщины, но она тут же устремила свой взгляд куда-то в пустоту поверх моей головы.

– Сеньора Карвальо никого не принимает. Она очень больна и сильно страдает.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, передайте ей, что я заходила. – Я торопливо открыла свою сумочку, поискала там визитку, нашла и вручила ее служанке. – Я остановилась в отеле «Цезарь-Парк». Передайте, пожалуйста, своей хозяйке, что я бы очень хотела поговорить с нею.

– Передать могу, но проку от этого будет мало, – довольно резко возразила мне служанка.

– Могу я поинтересоваться у вас, а как долго эта дама в кресле живет в этом доме?

– Она прожила здесь всю свою жизнь. А сейчас я попрошу вас удалиться.

От строгого тона, которым были произнесены последние слова, у меня по спине пробежал холодок. Я бросила еще один, прощальный, взгляд на спящую старуху. Если Па Солт ничего не перепутал и его координаты верны, то это *значит*, что женщина, сидящая в кресле, приходится мне родней. Я повернулась, чтобы уйти, и в сопровождении служанки пересекла террасу. Мы уже приготовились завернуть за угол дома, когда слабый голос окликнул служанку.

– Кто эта сеньора?

Мы обе остановились и повернулись. Я заметила, как в глазах служанки мелькнул испуг.

– Простите, сеньора Карвальо. Не хотела вас тревожить, – тут же начала она оправдываться.

– А ты и не потревожила. Я наблюдаю за вами обеими уже добрых минут пять. Подведи сеньориту ко мне. Нельзя же разговаривать друг с другом на таком большом расстоянии.

Служанка безропотно повиновалась и неохотно сопровождала меня через террасу по ступенькам вниз, в сад. Она подвела меня почти вплотную к старухе, потом поднесла к глазам мою визитку и зачитала ее вслух:

– Сеньорита Майя Деплеси, переводчик.

Оказавшись лицом к лицу со старой дамой, я увидела, до какой же степени она истощена. Посеревшая кожа на лице, смертельная бледность во всем облике. Такое ощущение, что жизнь медленно, но неуклонно, капля за каплей, вытекает из ее тела. Но вот ее глаза, словно два буравчика, впились в меня. Кажется, на нее нахлынули какие-то смутные воспоминания, во взгляде отразилось явное потрясение. Значит, с умственными способностями у дамы все в порядке.

– Как вы оказались здесь? – спросила она меня.

– О, это очень длинная история.

– Чего вы хотите?

– Ничего. Я...

– Сеньорита Делеси сказала мне, что ее кое-что связывает с этим домом, – услужливо подала голос служанка. Мне даже показалось, что она захотела приободрить свою хозяйку.

– В самом деле? И что же именно вас связывает с моим домом?

– Мне рассказали, что в этом доме я появилась на свет, – ответила я.

– Вынуждена вас разочаровать, сеньорита. Последний младенец в этом доме появился более пятидесяти пяти лет тому назад, и это был мой ребенок. Не так ли, Яра? – обратилась она к служанке.

– *Si*, сеньора, – с готовностью подтвердила та.

– Интересно, кто же сообщил вам такую информацию? Наверное, кто-то из тех, кто имеет виды на мой дом, не иначе? Хотят доказать свое родство со мной, чтобы после моей смерти унаследовать его?

– Уверяю вас, сеньора, это не так. Деньги тут ни при чем. Я приехала к вам совсем по иной причине, – твердо ответила я.

– Тогда извольте объясниться. Что это за *причина такая*?

– Видите ли... Дело в том, что меня удочерили еще в младенчестве. Мой приемный отец на прошлой неделе скончался. Он оставил мне прощальное письмо, в котором написал, что в этом доме когда-то жила моя родная семья.

Я посмотрела женщине прямо в глаза, надеясь, что она оценит мою прямоту и поверит в искренность моих слов.

– Понятно. – Старуха окинула меня долгим, изучающим взглядом, словно прикидывая с ответом. – К сожалению, ваш приемный отец ошибся. Произошла ужасная ошибка! Так что напрасно вы сюда приехали. Мне жаль, но более я ничем не могу быть вам полезна. Всего доброго.

Когда служанка снова повела меня на выход, я уже почти не сомневалась. Более того, я точно знала, старуха лжет.

В гостиницу я вернулась где-то около восьми часов вечера. Но во всем теле чувствовалась такая страшная усталость, словно время уже перевалило далеко за полночь. Соблазн завалиться спать прямо сейчас был слишком велик. Ему я и поддалась. Напрасно! Правда, сон был глубоким и безо всяких сновидений, зато на следующее утро я проснулась ровно в пять утра.

Какое-то время я продолжала лежать в постели, размышляя о том, что мне удалось увидеть и узнать за вчерашний день. Хотя старуха яростно сопротивлялась, пытаюсь всеми правдами и неправдами откреститься от меня, внутренний голос подсказывал, что Па Солт был прав. Ну и что мне дальше делать с его правотой, уныло подумала я. Пока даже не представляю себе, с какой стороны можно приступить к дальнейшим поискам. Ясно одно: старуха и ее служанка что-то знают. Но ясно и другое. Своими знаниями делиться со мной они никак не собираются.

Я извлекла из сумочки треугольный камешек и снова стала разбирать надпись на его оборотной стороне. И снова безуспешно. Да и зачем стараться? Что мне толку от нескольких едва различимых слов и даты? Тем не менее какое-то время я прилежно изучала полустертый текст.

Чтобы отвлечься, включила ноутбук и стала просматривать свою почту. И тут же обнаружила сообщение от одного бразильского издательства, с которым я сотрудничаю. Воспользовавшись трехчасовым ожиданием своего рейса в аэропорту Шарля де Голля в Париже, я написала им коротенькое письмецо. И вот получила ответ.

Дорогая сеньора Деплеси!

Рады узнать, что Вы решили посетить Бразилию. Наш главный офис находится в Сан-Пауло. Возможно, у Вас не получится приехать к нам лично. Но, если удастся, будем счастливы приветствовать Вас у себя. Между тем, мы уже сообщили о Вашем приезде Флориано Квинтеласу, автору, которого Вы переводили. Ведь он живет в Рио. Уверены, он будет искренне рад

познакомиться с Вами и окажет Вам всемерное содействие и помощь на протяжении всего Вашего пребывания в нашей прекрасной стране. Пожалуйста, без колебаний обращайтесь к нам, если Вам вдруг что-то понадобится.

Искренне Ваш,

Лючиано Барачинни

Дружелюбный тон письма и та теплота, которую буквально источало каждое слово, невольно вызвали у меня улыбку. Я и по прошлой своей поездке в Бразилию уже успела понять и даже прочувствовать на себе, насколько разнится здешняя культура общения от формального стиля, принятого в Швейцарии. У меня не возникло и тени сомнения в том, что, случись со мной какие-то неприятности, все эти люди незамедлительно придут мне на помощь и действительно окажут всемерное содействие во всем.

Я снова откинулась на подушки и принялась наблюдать в окно за тем, как солнце медленно поднимается над морем и над широкой дорогой, стелющейся прямо под моими окнами. До меня уже начали долетать звуки проезжающего мимо утреннего транспорта. Город постепенно просыпается.

Итак, после всего того, что было вчера, вопрос остается открытым. Стоит ли мне продолжать копать и дальше, чтобы разведать все те тайны, которые скрывает от меня Рио?

Впрочем, альтернатива у меня лишь одна: вернуться в Женеву. Что в ближайшее время невозможно уже по определению. Так почему бы не задержаться в Рио еще на пару дней и не вообразить себя настоящим туристом? Даже если мне не удастся ничего нарыть о своей родословной, у меня есть прекрасная возможность хорошенько познакомиться с городом, в котором, быть может, я когда-то появилась на свет.

Я оделась, спустилась на лифте в вестибюль и вышла на улицу. Пересекла дорогу и очутилась прямо на пляже Ипанема. Время было еще раннее, а потому на пляже было безлюдно. Я подошла к самой кромке воды. Волны набегали одна за одной на мягкий песок у меня под ногами. Я отвернулась от моря и взглянула на Рио.

Огромное скопление зданий самой различной формы и высоты сгрудились на узкой полосе суши, протянувшейся вдоль моря. Дальше, у самой кромки горизонта, уже виднелись вершины гор. Справа от меня – песчаная бухта, обрамленная скалистыми берегами, слева – потрясающий по своей красоте вид на знаменитую гору «Два Брата», Морро Доис Ирмаос.

Стоя на пляже в полном одиночестве и любуясь открывшейся панорамой, я вдруг почувствовала небывалый прилив энергии. Мне стало необычайно легко и покойно.

Все вокруг – часть меня, а я – часть этого города...

Неожиданно я сорвалась с места и побежала вдоль пляжа, широко раскинув руки от переизбытка охвативших меня чувств. Пришлось упираться носками в скользкий песок, чтобы сохранить равновесие и не упасть. Остановилась, запыхавшись, слегка отдышалась и с веселым смехом побежала дальше, сама удивляясь своему крайне несерьезному поведению.

Покинув пляж, я пересекла проезжую часть дороги и углубилась в городские кварталы. Причудливая смесь архитектурных стилей – здания, выстроенные в колониальном стиле, перемежались с небоскребами в стиле модерн, соседствуя друг с другом и являя глазу доказательства того, как меняется архитектурная мода. На одной из улиц я свернула за угол и очутилась на небольшой рыночной площади. Продавцы уже раскладывали свой утренний товар: свежие овощи и фрукты. Остановившись возле одного из прилавков, я взяла персик, и молодой мужчина-продавец приветливо улыбнулся мне.

– Угощайтесь, сеньорита.

– *Obrigada*, – поблагодарила я, с наслаждением впиваясь зубами в нежную, сочную мякоть фрукта. И вдруг ноги мои сами собой замерли на месте. Я увидела, как белоснежная фигура Христа снова парит надо мною высоко в небе.

– Вот куда я отправлюсь прямо сегодня же, – приказала я себе.

Внезапно до меня дошло, что я понятия не имею, как далеко ушла от своего отеля. Но, ориентируясь на шум морского прибоя, я, подобно тому почтовому голубю, верно сориентировалась и безошибочно нашла обратный путь.

Позавтракала в ресторане наверху, на открытой террасе, впервые после смерти папы я поела с аппетитом. Вернувшись к себе в номер,

обнаружила кучу сообщений на своем мобильнике, но решила проигнорировать их все. Не желаю знать ни о чем из моей реальной жизни. Не хочу разрушать то настроение радостного возбуждения, в котором пребывала с раннего утра. Однако в почтовом ящике мое внимание привлекло одно письмо. Оно пришло от Флориано Квинтеласа.

Дорогая сеньорита Деплеси!

Мой издатель сообщил мне приятную новость. Оказывается, Вы сейчас находитесь в Рио. Буду счастлив познакомиться с Вами лично. С удовольствием приглашаю Вас на обед или на ужин в один из наших ресторанов. Хочу еще раз поблагодарить Вас за перевод моей книги. Французские издатели возлагают большие надежды на этот роман, прогнозируя на него высокий спрос. А может, Вам просто захочется поближе познакомиться с нашим красивым городом в обществе его коренного жителя, взглянуть на Рио, так сказать, глазами *кариока*. Номер моего мобильника в конце письма. Скажу честно: я очень обижусь, если Вы не позвоните мне, пока находитесь здесь.

**Всецело в Вашем распоряжении,
С самыми искренними пожеланиями,**

Флориано Квинтелас

Письмо невольно заставило меня улыбнуться. С учетом того, что почти весь последний год, пока у меня в переводе был роман «Молчаливый водопад», я довольно тесно общалась с Флориано, некоторые особенности его характера я уже успела понять: слов на ветер он не бросает. Действительно ведь может обидеться.

Впрочем, легко можно представить себя на его месте. *Окажись Флориано в Женеве, а я предложу познакомиться его с городом.*

И что? Я бы не обиделась, если бы он ответил мне отказом?

Само собой, обиделась бы.

Звонить не стала, решила написать ответ, максимально теплый, но выдержанный в нейтральных тонах. Промучилась довольно долго,

тщательно подбирая каждое слово. Потом отредактировала текст, потом переписала его еще раз, но в конце концов осталась довольна результатом и нажала кнопку отправки.

Письмо тотчас же улетело адресату, а я перечитала его еще раз.

Дорогой Флориано, я очень рада оказаться в Рио. Действительно, было бы хорошо пересечься в какой-нибудь точке города. (Слово «замечательно» я, по зрелом размышлении, удалила, заменив на более нейтральное «хорошо».) Сейчас я собираюсь в Корковадо, буду разыгрывать из себя заправского туриста. Но Вы можете связаться со мной вот по этому номеру. С наилучшими пожеланиями, Майя Деплеси.

Довольная тем, что мне удалось сохранить теплоту общения и одновременно соблюсти положенную дистанцию, – в конце концов, я ведь тоже писатель в некотором роде! – я отправилась вниз, на консультацию с консьержем. Чтобы тот объяснил мне, как удобнее всего добраться из отеля к статуе Христа Искупителя.

– Сеньорита, мы можем предложить вам два варианта: роскошный и тот, который сопряжен с получением настоящего личного опыта. Лично я посоветовал бы последний вариант, – сказал мне консьерж. – Берете такси до Косме Вело, говорите шоферу, что вам надо подняться к статуе Христа, и тот отвозит вас на место. А там садитесь в поезд и поднимаетесь на вершину горы Корковадо.

– Спасибо.

– Был рад услужить.

Десятью минутами позже я уже сидела в машине, которая везла меня в Косме Вело на встречу со Спасителем. В сумочке зазвонил мобильник. Взяла телефон и увидела на экране номер Флориано Квинтеласа.

– Слушаю вас.

– Сеньорита Деплеси?

– Да.

– Это Флориано. Где вы сейчас?

– В такси, на пути к статуе Христа.

– Можно мне присоединиться к вам?

Я замялась с ответом, и он мгновенно почувствовал мою нерешительность.

– Но если вы предпочитаете совершить туда паломничество в одиночестве, то я не возражаю.

– Нет-нет, напротив. Я буду очень рада собственному гиду из местных.

– Тогда поднимайтесь на поезде на вершину горы, а я буду ждать на самом верху возле лестницы.

– Хорошо, – согласилась я. – Но как вы меня узнаете? Там же наверняка толпы народа.

– Узнаю обязательно, сеньорита Деплеси. Не волнуйтесь. Я же видел вашу фотографию в Интернете. *Адью.*

Я расплатилась с таксистом и очутилась у подножия горы Корковадо, рядом с крохотным железнодорожным вокзалом. Интересно, а как выглядит сам Флориано Квинтелас, мелькнуло у меня. Его я еще ни разу не видела, что не помешало мне влюбиться в него как в писателя.

Купив билет на поезд, я зашла в вагон. Весь состав состоял всего лишь из двух вагонов. Все очень сильно напоминало наши железнодорожные трассы в горных районах Швейцарии. Правда, когда я уселась, то сразу же услышала вокруг себя настоящую какофонию звуков на самых разных иностранных языках. Судя по всему, никто из пассажиров вагона не разговаривал на португальском. Следовательно, местных здесь нет. Но вот поезд начал медленно, но неуклонно подниматься вверх. Я глянула вниз. Под нами простирались сплошные джунгли, в которых утопали все горные склоны. Поразительное зрелище! Невозможно представить себе подобное буйство дикой природы рядом с огромным городом. В Женеве такого соседства никогда бы не потерпели.

По мере того как мы поднимались все выше и выше, голова моя сама собой стала закидываться назад. На какие чудеса творчества только ни способен человек. Вот вам, пожалуйста. Сконструировал такую машину, которая способна поднять меня и всех остальных пассажиров по почти вертикальному склону горы. Чем выше мы поднимались, тем все прекраснее и красочнее были пейзажи, расстилающиеся внизу. Наконец состав замер возле еще одной крохотной станции, и все покинули вагоны.

Я глянула вверх и увидела перед собой стопы Христа Искупителя. Он стоял на высоком постаменте. Сама же скульптура оказалась вблизи такой высоченной, что глаз с трудом мог охватить ее всю целиком. Наблюдая за тем, как пассажиры устремились к лестнице и стали карабкаться по ее ступеням, я стала прикидывать, где именно назначил мне встречу Флориано: в самом начале лестницы или уже наверху. Но чтобы не тратить время попусту, я тоже заторопилась вслед за остальными и стала медленно подниматься по ступеням. Ступенька за ступенькой. Больше двухсот, как оказалось. От непривычки я на последних ступеньках стала задыхаться, жадно заглатывая ртом теплый воздух.

– *Ola*, сеньорита Деплеси. Рад наконец познакомиться с вами лично.

Добрые карие глаза заглянули прямо в мои. Человек улыбался во весь рот, явно забавляясь моему удивлению.

– Вы Флориано Квинтелас?

– Я, собственной персоной! А вы разве не узнали меня по фотографии с обложки книги?

Я скользнула взглядом по красивому загорелому лицу. Полные губы растянуты в добродушной улыбке, обнажая два ряда ослепительно-белых и ровных зубов.

– Да, теперь узнаю, но... – Я махнула рукой вниз, на бесконечные ступени лестницы. – Но как вы оказались наверху раньше меня? Бегом бежали, что ли?

– А я, сеньорита, вас уже давно поджидаю тут наверху. – Флориано снова весело улыбнулся.

– Как? Почему? – совсем растерялась я.

– Судя по всему, вы не очень детально изучили мою писательскую биографию. В противном случае вы бы знали, что я по профессии историк. И что время от времени выступаю и в качестве гида-экскурсовода, особенно если нужно провести экскурсию для всяких уважаемых людей, желающих приобщиться к моим высочайшим познаниям в том, что касается Рио.

– Понятно.

– Правда жизни такова, что писательский труд – увы! – пока еще не приносит мне тех доходов, на которые можно безбедно существовать. Вот я и подрабатываю подобным образом, – честно

признался Флориано. – Но мне это совсем не в тягость, поверьте. Показывать свой любимый город туристам, рассказывать им обо всех его красотах – это же одно сплошное удовольствие. Вот сегодня, к примеру, с самого утра у меня была группа богатых американцев. Захотели подняться на гору пораньше, пока не начался основной наплыв туристов. Как видите, сейчас здесь уже не протолкнуться.

– Вижу.

– Итак, сеньорита Делеси, я всецело в вашем распоряжении. – Флориано отвесил шуточный полупоклон.

– Спасибо, – поблагодарила я, все еще немного сбита с толку его внезапным появлением и неожиданно привлекательной наружностью.

– Так вы готовы услышать историю появления бразильской достопримечательности номер один? Обещаю, для вас экскурсия будет совершенно бесплатной, – снова пошутил Флориано и, взяв меня под руку, повел сквозь толпу зевак к террасе, расположенной прямо перед монументом. – Вот отсюда открывается самый лучший вид на Спасителя. Не правда ли, Он великолепен?

Я стала пожирать глазами удивительно доброе, ласковое лицо Христа, а мой спутник в это время рассказывал мне историю создания памятника. Но поскольку я всецело была занята созерцанием статуи, то многие детали из его рассказа тут же ускользнули от меня.

– Представляете, какое чудо! Никто, ни один человек не погиб, пока сооружали монумент... И вот еще интересная подробность. Автор проекта, еврей по национальности, начал работу над памятником как правоверный иудей, а закончил возведение статуи уже будучи христианином, принял нашу веру. Сеньор Леви переписал имена всех своих родных и вложил этот список в самое сердце Христа прежде, чем саму статую закрепили на постаменте и залили основание бетоном.

– Какая трогательная история.

– Таких историй, связанных с сооружением монумента, превеликое множество. Вот, например. – Флориано поманил меня за собой, и мы почти вплотную приблизились к статуе. – Внутри фигура Христа представляет собой мозаику из треугольных кусочков стеатита. Его еще называют «мыльным камнем». Наши женщины-волонтеры, помогавшие в работе над памятником, потратили не один месяц на то, чтобы собрать воедино эту мозаику. Они наклеивали отдельные

кусочки мыльного камня на большее полотнище, такая специальная сетка с отверстиями. По мнению автора проекта, этот внутренний слой должен был стать своеобразной защитой статуи, убережет ее от образования трещин уже снаружи. Одна старая дама, участвовавшая в этих работах, поведала мне интересную историю. Оказывается, многие женщины писали на обратной стороне камней имена своих близких, любимых, дорогих сердцу людей плюс коротенькую молитву. Получается, что все их обращения навеки впаяны в тело Христа.

Мое сердце вдруг сорвалось и замерло. Я в немом изумлении взглянула на Флориано.

– Сеньорита Майя, с вами все в порядке? Я что-то не то сказал?

– О нет. Здесь совсем другое. Впрочем, это длинная история, – выдавила я из себя, с трудом обретя голос.

– Больше всего на свете я люблю именно длинные истории, – сказал Флориано, задорно улыбнувшись, и принялся искать на моем лице ответную улыбку. Не обнаружив, тут же посерьезнел. – Вы очень побледнели, сеньорита Майя. Наверное, здесь, на высоте, слишком много солнца. Давайте я вас сейчас сфотографирую на память, и мы спустимся вниз, в кафе. Вам надо выпить воды. Фотографию, конечно же, сделаем в традиционной манере. Вы встанете перед статуей Христа и широко раскинете руки, как бы повторяя позу памятника.

Я послушно повиновалась, хотя чувствовала себя немного глуповато. Но пришлось уподобиться сотням тысячам других туристов. Я тоже широко развела руки в разные стороны, как велел мне Флориано, и даже попыталась изобразить некое подобие улыбки на своем лице.

Покончив с фотографированием, Флориано повел меня вниз по лестнице, в небольшое прохладное кафе, усадил за столик, а сам побежал за водой. Вернулся с бутылкой воды в руке и разлил ее по стаканам, после чего уселся на стул напротив меня.

– Итак, что же у вас за история? Расскажите.

– Флориано, все очень сложно, – вздохнула я. Добавить что-то еще у меня просто не было сил.

– Понятно-понятно. Я для вас человек чужой. С какой стати вам делиться со мной своими историями? – флегматично кивнул он головой. – Пожалуй, я бы тоже не стал этого делать. Но можно два вопроса?

– Конечно.

– Ваша «сложная история» и есть та причина, по которой вы оказались в Рио?

– Да.

– И второй вопрос. Что такого я сказал там, наверху, что так сильно потрясло вас?

Какое-то время я обдумывала свой ответ, молча потягивая воду из стакана. Вся проблема в том, что если я начну рассказывать, то мне придется идти до конца и рассказать ему все. С другой стороны, тот крохотный треугольный камешек с едва заметной, полустертой надписью на обороте, он явно предназначался в свое время для статуи Христа. А следовательно, Флориано – это один из немногих, кто может подтвердить мою догадку наверняка. Вот и получается, что выбора у меня нет.

– Я хочу вам кое-что показать, – проронила я наконец.

– Так покажите! – тут же насел он на меня.

– Эта вещица осталась в отеле. Я положила ее в сейф.

– Что-то ценное? – Флориано удивленно вскинул брови.

– Нет, дело здесь не в финансах. Просто для меня это очень ценная вещь.

– Что ж, с учетом того, что я уже провел долгих три часа у подножия Христа, имею законное право на перерыв. Я отвезу вас сейчас в отель, и вы покажете мне то, что хотите показать. Идет?

– Право же, Флориано, мне совсем не хочется злоупотреблять вашим временем.

– Сеньорита Майя, мне не меньше вашего хочется спуститься с горы, – сказал Флориано, поднимаясь со стула. – Уверяю вас! И прошу составить мне компанию в этом спуске. Идемте же!

– Хорошо. И заранее спасибо.

К моему удивлению, Флориано не повел меня снова на поезд, а направился к небольшой стоянке микроавтобусов рядом с кафе. Зашел в один из них, дружески похлопал по спине водителя. В салоне автобуса уже сидело несколько пассажиров. Через пару минут и мы присоединились к ним, уселись на свои места, и автобус тронулся вниз по петляющей дороге, окруженной с обеих сторон непроходимыми джунглями. А еще через пару минут мы с Флориано были уже на

стоянке автомобилей. Флориано подошел к небольшому красному «Фиату» и открыл дверцу.

– Иногда мои клиенты не изъявляют желания подниматься наверх поездом, несмотря на всю красочность такого подъема. И тогда я прямиком доставляю их сюда, – пояснил мне Флориано. – Итак, сеньорита Майя, куда держим путь? – поинтересовался он у меня, усаживаясь в водительское кресло.

– Отель «Цезарь-Парк» в Ипанеме.

– Отличное место! И мой любимый ресторан расположен прямо за углом. А желудок уже посылает мне недвусмысленные сигналы о том, что самое время что-нибудь перекусить. Да я вообще люблю покушать, – заключил он с коротким смешком. Мы быстро вырулили на следующий отрезок дороги, плавно петляющей сквозь джунгли. – Скажу честно, вы меня очень заинтриговали. Мне уже не терпится увидеть то, что вы собираетесь показать мне. – Наконец мы выехали из лесной чащобы и влились в нескончаемый поток машин, пронесшихся по Космо Вело в центр города.

– Вполне возможно, ничего интересного, – не очень уверенно ответила я.

– Ну, тогда вы вообще ничего не теряете, если покажете эту вещь мне, – спокойно отреагировал Флориано на мои слова.

Всю дорогу я украдкой разглядывала своего спутника. Для меня всегда было непросто знакомиться лично с тем человеком, с которым ранее я общалась лишь заочно. Сразу же возникал какой-то момент неловкости. Хотя если говорить конкретно о Флориано, то он оказался точь-в-точь таким, как я и представляла его себе по переписке и по его романам.

Конечно, он очень хорош собой, гораздо красивее, чем на фотографиях. Частично из-за шарма, из-за той притягательной раскованности, с которой он общается с людьми, и из-за той положительной энергии, которую буквально источает вся его стать. Все в этом человеке, густые темные волосы, загорелая смуглая кожа, сильное мускулистое тело, выдает несомненные южноамериканские корни в его родословной.

К большому сожалению, такие мужчины – не мой тип. Я больше тяготею к бледнолицым сынам Запада: светлые волосы, светлая кожа.

Что ж, учитывая свою собственную смуглолицесть, можно предположить, что *противоположное* тянется к противоположному.

– Вот мы и приехали, – объявил Флориано, тормозя возле центрального входа в отель. – Поднимайтесь к себе, забирайте то, что собираетесь показать, а я пока подожду вас здесь.

Поднявшись к себе в номер, я причесалась, слегка подправила помаду на губах, затем достала из сейфа треугольный камешек и положила его к себе в сумочку.

– А сейчас отправляемся на обед, – объявил Флориано, когда я снова уселась к нему в машину, и мы тут же тронулись с места. – Здесь недалеко, всего один квартал. Проблема лишь в том, где мне там припарковаться. – И действительно, через пару минут он указал мне на белоснежное здание в колониальном стиле с летней террасой, на которой были расставлены столики. – Вот наш ресторан. Ступайте, зарезервируйте нам столик. А я управлюсь с машиной и сразу же присоединюсь к вам.

Я послушно направилась в сторону ресторана, официант любезно подыскал для меня столик в тени. Я стала лениво разглядывать посетителей ресторана, а потом, воспользовавшись свободным моментом, решила проверить свой мобильник, прочитать эсэмэски, если таковые имеются. И снова у меня душа ушла в пятки, когда я включила голосовое сообщение и услышала голос Зеда. Он сказал, что наведалься в Атлантис, но домоправительница сообщила ему, что я отсутствую, нахожусь где-то за рубежом. Ему было жаль, что мы разминулись, тем более что завтра он уже отбывает в Цюрих.

Следовательно, опасность миновала, и я могу спокойно возвращаться домой...

– *Meu Deus!* Я оставил вас одну всего лишь на несколько минут, и вы снова переменились в лице, – воскликнул Флориано, подходя к столику. Он бросил на меня озадаченный взгляд, усаживаясь напротив. – Что случилось на сей раз?

Я поразила его острым взглядом. Надо же! Дважды он тут же заметил мое внутреннее напряжение. Да, от такого человека трудно будет что-то утаить. Пожалуй, его врожденную интуицию можно сравнить с лучом лазера, способного проникнуть в любые глубины сознания.

– Ничего такого, – поспешила я его успокоить, пряча мобильник в сумочку. – Скорее, мне сейчас даже полегчало.

– Отлично. Тогда я заказываю себе богемское пиво. Хотите присоединиться?

– Вообще-то, если честно, я не большой любитель пива.

– Но Майя! Мы же с вами в Рио! Или вы уже успели забыть об этом? Вы обязательно должны отведать местного пива. Или, на худой конец, наш самый популярный коктейль «Кайпиринья». Правда, он гораздо крепче пива, – не забыл предупредить меня на всякий случай Флориано.

Я согласилась на пиво, а когда к нашему столику подошел официант, мы оба заказали сэндвич со стейком, опять же по рекомендации Флориано.

– Говядина – аргентинская. Мы хоть и недолюбливаем этих аргентинцев за то, что они слишком часто обыгрывают нас в футбол, но вот против их коров ничего не имеем, – пошутил Флориано и тут же рассмеялся собственной шутке. – А теперь показывайте! Боюсь, мое нетерпение уже достигло своего апогея. Что там у вас за ценность такая?

– Ладно! – Я извлекла из сумочки камень и положила его на шероховатую деревянную поверхность стола прямо между нами.

– Можно? – спросил он, протягивая руку, чтобы взять камень.

– Конечно.

Он осторожно взял камень и принялся внимательно разглядывать его со всех сторон. Потом стал изучать едва различимые слова на обороте.

– Понятно! – выдохнул он наконец, и я услышала удивление в его голосе. – Теперь я понимаю, что вас так потрясло наверху, возле статуи Христа. И, упреждая ваш вопрос, скажу так: у меня такое впечатление, что этот камешек изначально предназначался для украшения статуи Христа. Так-так-так, – машинально повторил он и погрузился в длительное молчание. Наконец он заговорил: – Можете рассказать мне, как этот камешек попал к вам?

В этот момент нам подали пиво и тут же принесли сэндвичи со стейком. Я начала излагать свою историю. Флориано слушал молча, лишь изредка перебивая меня, если ему требовалось прояснить какие-

то детали. К концу моего повествования тарелка Флориано была уже пуста, а я лишь едва притронулась к своей.

– Итак, меняемся ролями. Сейчас вы кушайте, а я буду говорить. – Флориано жестом указал на мою тарелку, и я послушно приступила к еде. – В чем-то я точно смогу помочь вам. Я имею в виду то семейство, которое когда-то обитало на вилле Каса дас Оркуидеас. Это – Айрис Кабрал, хорошо известная фамилия в Рио. Аристократическое семейство. Ведут свою родословную от старинного португальского рода, имеющего королевские корни. Правда, теперь это уже не имеет особого значения. Многие представители семейства Кабралов славно отметились в более чем двухвековой истории нашего города.

– Но у меня нет никаких доказательств, которые я могла бы предъявить этой старой даме, что имею отношение к ее семье, – напомнила я ему.

– Не будем пока столь категоричными. Нужно провести полноценное расследование и только после этого братья что-то утверждать, – возразил Флориано. – К примеру, лично я могу наведаться в архив и порыться в старых метрических книгах, в которых фиксируются не только даты рождения и смерти, но и даты вступления в брак. А уж если речь идет о такой почтенной католической семье, то не сомневаюсь: все данные о ее членах скрупулезно хранятся до сего дня. Потом нам надо постараться во что бы то ни стало разобрать имена на оборотной стороне вашего камешка. Тогда мы сможем сравнить эти имена с теми, которые носили в то время члены семейства Айрис Кабрал.

Меня начало слегка подташнивать, и голова закружилась. Видно, подействовало пиво. Да и встала я сегодня ни свет ни заря.

– И что нам это даст? – поинтересовалась я у своего собеседника. – Предположим, имена совпадут. Все равно старуха не признает меня ни под каким видом.

– Не будем торопиться с выводами, Майя. Предлагаю двигаться шаг за шагом. И пожалуйста, никаких упаднических настроений. Вы ведь специально прилетели в Рио, чтобы на месте узнать историю своей семьи, а через день уже готовы сдать. Так нельзя. Предлагаю следующий план, если вы не возражаете. Вы сейчас вернетесь к себе в отель и немного поспите, а я в это время поиграю в детектива.

– Право же, Флориано, мне неловко, что я доставляю вам столько хлопот.

– Хлопот? Какие хлопоты? Для меня как для историка такое расследование – самый настоящий подарок судьбы. Однако заранее предупреждаю. Возможно, некоторыми коллизиями наших с вами поисков я воспользуюсь в одном из своих следующих романов, – улыбнулся в ответ Флориано, а потом кивнул на камешек. – Так это я забираю с собой, да? Поеду прямо сейчас в наш Национальный музей, пообщаюсь с приятелями. Надеюсь, с их помощью в лаборатории музея, оснащенной самой современной оптикой и всевозможными ультрафиолетовыми приборами, нам удастся разобрать текст на обороте камня.

– Конечно, забирайте, – сказала я, а про себя подумала, что с моей стороны было бы верхом невоспитанности ответить на его просьбу отказом. Внезапно за спиной Флориано замаячили две молоденькие девушки, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

– Простите, сеньор, вы Флориано Квинтелас? – спросила у него одна из девушек, подходя поближе к столику.

– Да, это я.

– Мы просто хотим сказать, что нам очень понравилась ваша последняя книга. Вы не могли бы дать мне автограф? – Девушка протянула Флориано небольшую записную книжку и ручку.

– С удовольствием, – расплылся он в добродушной улыбке, ставя свой автограф. Потом еще несколько минут мило поболтал с девушками, после чего те удалились, покрасневшие от волнения, но ужасно довольные состоявшейся встречей.

– А вы, как я посмотрю, самая настоящая знаменитость, так сказать, селебрити, – слегка подначила я его.

– В Рио – да, – беззаботно откликнулся он. – Моя книга стала тут бестселлером, но только потому, что я сам приплачиваю людям, чтобы они ее читали, – пошутил он. – Правда, многие страны уже приобрели права на перевод романа. Обещают издать в следующем году. Так что подождем и посмотрим, смогу ли я в обозримом будущем завязать с профессией гида-экскурсовода и всецело сосредоточиться на литературном труде.

– Ваш роман действительно очень хорош. Трогательная, хватающая за душу история. Не сомневаюсь, книга будет иметь

повсеместный успех.

– Спасибо за добрые слова, Майя. Что ж, ваш отель тут рядом, всего в двух шагах, прогуляйтесь немного. – Флориано махнул рукой, указывая мне правильное направление. – А я, пожалуй, помчусь в музей. Надо успеть до закрытия, пока у них в отделах не закончился рабочий день. Давайте договоримся встретиться ровно в семь часов вечера в вестибюле гостиницы, ладно? Очень даже может быть, что к тому времени у меня уже появятся ответы на некоторые ваши вопросы.

– Хорошо. Но только если вы не заняты и у вас есть свободное время.

– Есть. А пока – *чао*.

Он помахал рукой на прощание и заторопился на выход. Я тоже вышла на улицу и двинулась в противоположном направлении, размышляя по дороге о своем новом знакомом. Историк, писатель, местная знаменитость, подрабатывающая время от времени экскурсоводом. Надо признаться, Флориано действительно самый настоящий человек-сюрприз.

– Итак...

По лицу Флориано, появившегося в холле отеля несколько часов спустя, было видно, что он просто сгорает от нетерпения, жаждет поделиться со мной свежайшими новостями. На лифте мы поднялись на самый верхний этаж и вышли на открытую террасу.

– У меня для вас кое-что есть, – начал он с места в карьер. – Хорошие новости. Думаю, за них вы можете выпить свой первый в жизни коктейль «Кайпиринья».

– Хорошо, – согласилась я. Мы сели за столик у края террасы, и я невольно залюбовалась солнечным закатом. Солнце медленно садилось, постепенно прячась за горной вершиной «Два Брата». Стало смеркаться.

– Вот! Взгляните на это! – Он протянул мне листок бумаги, который извлек из своего пластикового портмоне. – Здесь список всех членов семьи Айрис Кабрал начиная с 1850 года, с указанием дат их рождения, вступления в брак и смерти.

Я молча глянула на листок, все еще не в силах поверить в то, что все эти люди имеют какое-то отношение ко мне.

– Как вы видите, Густаво Айрис Кабрал женился на Изабелле Бонифацио в январе 1929 года. В апреле 1930 года у них родилась дочь Беатрис Луиза. Поскольку дата смерти возле ее имени отсутствует, то можно предположить, что это та самая старая дама, которую вы вчера встретили на вилле.

– А дети у нее были? – живо поинтересовалась я.

– Да, были. В 1951 году она вышла замуж за Эвандро Карвальо, и у них тоже родилась дочь Кристина Изабелла. Это случилось в 1956 году.

– Карвальо? Но это же фамилия старой дамы. Я сама слышала, как служанка, обращаясь к ней, именно так ее и назвала. А Кристина? Что случилось с ней?

– Вот здесь ниточка обрывается. Во всяком случае, в метрических книгах Рио нет никаких упоминаний о ее смерти или рождении у нее детей. Естественно, нет никаких сведений и об отце потенциального

ребенка, если он был. Мы даже не знаем, была ли Кристина замужем. К сожалению, архив уже закрывался, и у меня не хватило времени на то, чтобы провести перекрестную сверку.

– Итак, если я принадлежу к членам семьи Айрис Кабрал, что еще само по себе большой такой вопрос, то Кристина вполне подходит на роль моей матери, – задумчиво бросила я. Нам подали напитки. – За ваше здоровье! – Я подняла бокал и сделала большой глоток. И с непривычки чуть не задохнулась. Горьковатая крепкая жидкость обожгла мне горло.

Флориано весело рассмеялся, наблюдая за моей реакцией на «Кайпиринью».

– Я же предупреждал вас: коктейль крепкий, – заметил он и отхлебнул из своего стакана с таким невозмутимым видом, будто пил воду. – Я успел побывать и в Национальном музее, попросил своего друга сделать быстрый осмотр камня с помощью специальной установки с ультрафиолетовыми лучами. Единственное, что удалось ему разобрать наверняка, это первое имя – Изабелла. Судя по тем записям, которые я сделал, она вполне может быть вашей прабабушкой.

– А второе имя?

– С ним дела обстоят похуже. Буквы совсем стерлись. Приятелю потребуются дополнительные исследования. Правда, первые три буквы он разобрал.

– Инициалы моего предполагаемого прадедушки? Густаво Айрис Кабрал?

– Нет. Вот что удалось прочитать моему другу. – Флориано протянул мне еще один листок бумаги.

Я посмотрела на буквы. Потом бросила вопросительный взгляд на Флориано.

– *L a u...*?

– Дайте моему Стефано еще двадцать четыре часа, и, я уверен, он прочитает всю надпись до конца. Он один из лучших специалистов в этой области, если не самый лучший. Еще хотите? – Флориано кивнул на мой бокал с коктейлем.

– Нет, пожалуй, лучше бокал белого вина.

Флориано повторил заказ на выпивку, после чего уперся в меня напряженным взглядом.

– Что не так? – спросила я у него.

– У меня еще кое-что для вас припасено, Майя. И если вы сочтете это недостаточным доказательством того, что вы связаны родственными узами с семейством Кабрал, то тогда я не знаю, что еще можно предложить. Готовы взглянуть?

– Надеюсь, ничего ужасного? – подозрительно спросила я.

– Напротив. Все очень красиво. Вот!

Еще один листок проследовал ко мне. На сей раз на нем была копия старинной фотографии. На фото было женское лицо.

– Кто это?

– Изабелла Айрис Кабрал. Ее имя указано первым на обороте вашего камешка. Судя по всему, это ваша прабабушка. Вы же не станете, Майя, отрицать очевидного сходства между вами.

Я вгляделась в лицо женщины. Пожалуй, Флориано прав. На меня, словно из зеркала, смотрело собственное лицо.

– Все может быть, – неохотно процедила я.

– Майя! Никаких «может быть»! – возмутился Флориано. – Скажу больше. Эта фотография – лишь одна из немногих, что хранятся в архиве, в том числе и на страницах старых газет. Все это я скопировал в Национальной библиотеке себе на флешку. Изабелла, как я уже говорил, в январе 1929 года вышла замуж за Густаво Айриса Кабрала. Венчание состоялось в кафедральном соборе Рио-де-Жанейро. Судя по газетным публикациям тех лет, то была, безусловно, свадьба года в высшем обществе Рио.

– Все так, но наше сходство может быть и чистой случайностью, – продолжала упорствовать я, испытывая определенную неловкость от того, что Флориано настойчиво сравнивает меня с какой-то великосветской красавицей былых времен. – Хотя... – вдруг вспомнила я.

– Что «хотя»? – немедленно вцепился в меня Флориано.

– Хотя на вилле я успела заметить скульптуру в дальнем углу террасы. Она меня поразила своей формой. Обычно такие статуи не устанавливают в саду. Фигура женщины, сидящей в кресле. И лицо ее очень похоже на лицо с фотографии. Скорее всего, это одна и та же женщина. А еще помню, когда я посмотрела на ее лицо, оно показалось мне странно знакомым.

– Еще бы! Вы ведь с ней похожи как две капли воды! – воскликнул он, глядя на то, как официантка снимает с подноса свежие порции выпивки и ставит бокалы перед нами на стол. – Как бы то ни было, а у нас наметился явный прогресс. Успехи, так сказать, налицо.

– Я вам крайне признательна, Флориано. Правда... Однако не думаю, что вчерашняя старуха захочет мне что-либо рассказать или тем более признать свое родство со мною. Да и с какой стати она должна это делать? Разве вы, оказавшись на ее месте, повели бы себя иначе? – задала я провокационный вопрос.

– Пожалуй, вы правы, – после некоторого раздумья согласился со мной Флориано. – Если бы в моем саду вдруг очутился совершенно незнакомый человек и если бы эта незнакомка была бы сильно похожа на мою мать и при этом еще заявила, что она приходится мне родственницей, то я бы тоже усомнился в ее словах и отнесся бы к ее появлению с крайним подозрением.

– И куда нам двигаться дальше?

– Обратю к ней, к этой старой даме. На сей раз я тоже пойду вместе с вами в качестве сопровождающего. Думаю, услышав мою фамилию, она отнесется к вам с большим вниманием.

Я не смогла сдержать едва заметной улыбки. Святая вера Флориано в то, что старуха в курсе того, кто он такой, немного забавляла. Впрочем, все они в Южной Америке такие. Без тени смущения готовы раструбить на весь белый свет о своих талантах и достижениях.

– И потом, я тоже хочу своими глазами, Майя, увидеть ту скульптуру, о которой вы только что рассказали мне. Словом, вы не против, если мы отправимся на виллу вместе?

– Очень даже не против. Ваша помощь в моих поисках просто неоценима.

– Уверяю вас, для меня большое удовольствие заняться подобными изысканиями. Как не помочь женщине, прямому отпрыску и точной копии одной из самых известных бразильских красавиц недалекого прошлого?

Я слегка покраснела, почувствовав себя неловко от столь преувеличенного комплимента. Мой циничный ум немедленно стал прикидывать, что именно ожидает от меня Флориано за свою помощь.

Случайный секс? Сегодня ведь это считается в порядке вещей. Но только не для меня.

– Простите! – промолвил он, услышав звонок своего мобильного, и оживленно затараторил в трубку на португальском с кем-то, кого он назвал *querida* (*дорогуша моя*). – Нет проблем. Буду минут через пятнадцать. – Флориано взглянул на меня и тяжело вздохнул. – К сожалению, вынужден вас покинуть, – сказал он, осушая свой стакан до дна. – Петра, девушка, которая живет у меня, умудрилась снова потерять ключи от нашей квартиры. – Он с деланным возмущением округлил глаза и взмахом руки подозвал к себе официантку, чтобы рассчитаться.

– Нет! – тут же возразила я. – На сей раз плачу я. И еще раз большое спасибо за помощь.

– И вам спасибо! – Он отвесил учтивый поклон. – В какое время за вами заехать завтра?

– Как вам будет удобно. У меня нет никаких конкретных планов на завтрашний день.

– Тогда предлагаю в половине одиннадцатого. Успеем до ленча, и сеньора Беатрис Карвальо, я надеюсь, еще не погрузится в свой послеобеденный сон. Не вставайте, – сказал он, поднимаясь со своего стула. – Продолжайте наслаждаться вином. Итак, до завтра, Майя. *Чао!*

Он отошел от столика, кивком головы попрощался с официанткой, которая, судя по тому, как она ела Флориано глазами, тоже узнала известного писателя. Я отхлебнула еще немного вина и подумала про себя: «Какая дура! Это же надо вообразить себе такое... Будто этот мужчина захочет переспать со мной».

Флориано, как и большинство других людей вокруг меня, живет своей полнокровной жизнью. Я снова поднесла к губам бокал вина. А вдруг я тоже сейчас стою на пороге своей новой жизни? Тогда мои поиски вполне оправданны.

На следующее утро точно в условленное время Флориано уже поджидал меня в фойе. Мы снова уселись в его «Фиат», и Флориано поехал, лихо лавируя в сплошном потоке городского транспорта. Иногда у меня занималось дыхание от страха, ибо столкновение с другой машиной казалось почти неизбежным.

– Кто ваши предки? – спросила я, чтобы отвлечь свое внимание от его рискованной, если не сказать наводящей ужас, манеры вождения. – Вы коренной бразилец?

– А что вы вкладываете в это понятие – «коренной бразилец»? – ответил Флориано вопросом на вопрос. – В Бразилии не существует такого термина. Мы, можно сказать, нация полукровок. В крови бразильцев перемешаны десятки национальностей, разные религии и верования, разный цвет кожи... К коренным бразильцам можно разве что отнести те народы, которые заселяли этот континент на тот момент, когда сюда пятьсот лет назад пришли португальцы и предъявили свои права на все богатства здешних территорий. Началось массовое истребление аборигенов. Те же, кто избежал насильственной смерти, умерли позднее от страшных болезней, которые привезли с собой завоеватели. А что касается конкретно моей семейной истории, то она такова: мама у меня португалка, отец – итальянец. Так что о чистоте крови в Бразилии рассуждать не приходится.

Как же быстро приобретаются знания о стране, которая, вполне возможно, является моей родиной, подумала я про себя.

– А что скажете о семействе Айрис Кабрал?

– Представьте себе, в их родословной тоже есть любопытные подробности. До тех пор, пока в семью не влилась Изабелла, ваша потенциальная прабабушка, в их роду были исключительно одни португальцы. Отец Изабеллы, Антонио Бонифацио, был очень богатым человеком, из итальянцев. Он, как и многие его современники, сколотил свое состояние на кофе. Яснее ясного, что семейство Кабрал переживало тогда далеко не самые лучшие времена. Впрочем, как и большинство аристократических семейств со своими ленивыми и ни к

чему не приспособленными чадами. А Изабелла была очень хороша собой, к тому же богата. Словом, такая удачная сделка с обеих сторон.

– Но все это скорее домыслы, чем неопровержимые факты, – возразила я.

– Разумеется, это сугубо мое личное предположение. На все сто процентов. Но в любом историческом исследовании, как вам известно, догадка играет огромную роль. Помимо, конечно, фактических документов, таких, как старые письма, дневники, фотографии и прочее, – пояснил мне Флориано. – Ничего нельзя утверждать наверняка. Ибо свидетели тех событий, которые могли бы подтвердить нам, так это было на самом деле или нет, уже давно ушли в мир иной. А потому историк должен уметь складывать свои пазлы и составлять единую целостную картину того или иного события из разрозненных и случайных фрагментов.

– Пожалуй, вы правы, – согласилась я, понимая, что именно он имел в виду.

– В эпоху Интернета, когда все и везде фиксируется, записывается и сохраняется в памяти, исторические изыскания со временем приобретут иной характер. Да и сама история станет другой. Мы вступаем в такое время, когда стремительно уменьшается количество всяких тайн, секретов, мистических событий, которые все еще ждут своего объяснения. Слава богу, я к тому же и писатель. А вот мою исходную профессию историка уже узурпировали мистер Википедия и его приятели. Так что, когда я стану стариком, все мои воспоминания не будут иметь никакой ценности. Все это можно будет легко найти на любом сайте.

Я задумалась над последними словами Флориано, даже не заметив, что тот, не спрашивая меня о дороге, в нужном месте свернул с проезжей части и покатыл по подъездной дорожке, ведущей к вилле.

– А откуда вам известен этот адрес? – удивилась я, когда он уверенно остановил машину прямо перед домом.

– Моя дорогая Майя, ваши потенциальные родственники, которых вы потеряли в раннем детстве, очень известная семья в Рио. Можно сказать, такой чудом сохранившийся великолепный осколок былых времен. Итак, – Флориано заглушил двигатель и повернулся ко мне: – Готовы?

– Да.

Флориано пошел первым. Мы подошли к крыльцу и поднялись по ступеням к парадной двери.

– Звонок не работает, – тут же предупредила я его.

– Тогда я постучу.

И он постучал, да так, что и мертвые бы услышали. Но никакой реакции на этот громогласный стук не последовало. Тогда Флориано забарабанил в дверь с удвоенной силой. Откуда-то из самых глубин дома послышался шум приближающихся шагов. Потом отодвинули засов, повернулся ключ в дверном замке. Наконец распахнулась и сама дверь, и я увидела на пороге седовласую чернокожую служанку, с которой встречалась вчера. Кажется, она тоже узнала меня. На ее лице отразилась явная паника.

– Прошу прощения, сеньора, за то, что побеспокоил вас, – учтиво начал Флориано. – Меня зовут Флориано Квинтелас. Я друг сеньориты Деспеси. Уверяю вас, мы вовсе не хотим потревожить вашу хозяйку. Однако у нас есть кое-какая информация, которая, как мы считаем, может показаться интересной и ей. Я – довольно известный историк и писатель.

– Я знаю, кто вы, сеньор Квинтелас, – ответила ему служанка, не сводя глаз с меня. – Сеньора Карвальо пьет кофе в утренней гостиной. Я уже предупреждала вашу спутницу: сеньора очень больна.

Слушая вежливую речь служанки, я вдруг почувствовала непреодолимое желание хихикнуть. Такое впечатление, будто она сейчас на сцене, разыгрывает перед нами некую второсортную мелодраму в викторианском стиле.

– А не могли бы вы проводить нас к сеньоре Карвальо, чтобы мы сами объяснили ей цель нашего прихода? – предложил служанке Флориано. – И, если она откажется беседовать с нами, обещаю, мы немедленно покинем ваш дом.

Флориано уже предусмотрительно поставил одну ногу на порог. Служанка, растерявшись, слегка попятилась, и мы с Флориано вошли вслед за ней в огромный величественный вестибюль с мозаичным полом. Резная лестница плавно поднималась на верхние этажи дома. По центру помещения стоял массивный стол-тумба из красного дерева. Возле одной из стен возвышались красивые напольные часы-куранты. Из-под лестницы виднелся длинный коридор, ведущий во внутренние покои дома.

– Пожалуйста, проводите нас к хозяйке, – обратился Флориано к служанке, уже успевшей оправиться от столь неожиданного вторжения.

На какую-то долю секунды она замялась в нерешительности, словно прикидывая, что ей делать. Потом молча кивнула в знак согласия и повела по коридору. Мы послушно шли следом. Уже в самом дальнем конце полутемного коридора служанка вдруг остановилась возле одной из дверей и повернулась к нам. По ее лицу было видно, что она преисполнена решимости не пустить нас в комнату, пока сама не переговорит с хозяйкой.

– Подождите здесь, – строго сказала она, постучала и исчезла за дверью, захлопнув ее прямо перед нами. Я взглянула на Флориано.

– Вообще-то это старая больная женщина. Имеем ли мы право беспокоить ее?

– Конечно, не имеем, – согласился со мной Флориано. – А она имеет моральное право скрывать от вас, Майя, историю вашего рождения? Имена ваших настоящих родителей? Эта женщина за дверью не просто женщина. Она, скорее всего, ваша бабушка. А ее дочь была вашей матерью. Так, может быть, не стоит уж так сильно переживать из-за того, что мы нарушим устоявшийся распорядок ее утреннего бдения и отнимем у нее пару минут драгоценного времени?

Служанка вышла из комнаты.

– В вашем распоряжении пять минут и ни минутой больше.

И снова я почувствовала на себе пристальный взгляд старой служанки. Мы вошли вслед за ней в темную комнату, в которой пахло затхлостью и сыростью. Судя по всему, в этой комнате десятилетиями ничего не менялось. Постепенно глаза мои привыкли к полумраку. Я разглядела прохудившийся восточный ковер на полу и выцветшие мятые шторы из дамасского шелка на окнах. Однако откровенную убогость помещения с лихвой компенсировала красивая антикварная мебель из розового дерева с инкрустацией под орех и великолепная хрустальная люстра, свисающая с потолка.

Сеньора Карвальо сидела в просторном кресле с высокой спинкой, обтянутом бархатом. Колени ее были прикрыты пледом. На небольшом приставном столике рядом с креслом стоял кувшин с водой и громоздилась целая батарея разнообразных бутылочек со снадобьями.

– Это снова вы, – промолвила она, увидев меня.

– Пожалуйста, простите сеньориту Деплеси за то, что она решилась еще раз потревожить вас, – подал голос Флориано. – Но, как вы понимаете, для нее крайне важно отыскать родных, и она не намерена прекращать свои поиски.

– Сеньор Квинтелас, – тяжело вздохнула старуха. – Я уже вчера сказала вашей приятельнице, я ничем не могу помочь ей.

– Вы в этом уверены, сеньора Карвальо? Достаточно лишь взглянуть вот на этот портрет, который висит на стене прямо над камином, чтобы убедиться в том, что это не так. И потом, сеньорита Майя пришла к вам вовсе не из коростных побуждений. Ей не нужны ваши деньги. Она хочет лишь установить свою родословную, отыскать родных. И что в этом плохого? Разве можно винить человека за такое вполне естественное желание?

Я глянула на стену, куда показал Флориано, и увидела женский портрет маслом. И сразу же узнала Изабеллу Айрис Кабрал. На сей раз у меня не возникло и тени сомнения насчет нашего сходства. Я действительно похожа на нее как две капли воды.

– Изабелла Айрис Кабрал была вашей матерью, – продолжал между тем вещать Флориано. – А еще у вас была дочь Кристина. Она родилась в 1956 году.

Старая дама выпрямилась в кресле и молча поджала губы.

– То есть вы с ходу отмечаете любую возможность того, что сеньорита может быть вашей внучкой? Должен сообщить вам, сеньора, что в настоящий момент мой хороший друг, работающий в Национальном музее Бразилии, как раз занимается исследованием вещественного доказательства происхождения сеньориты Деплеси. Так что мы еще обязательно вернемся к вам, – пообещал Флориано.

Старуха продолжала хранить молчание, упорно избегая взгляда Флориано. Внезапно она слабо охнула от боли.

– Пожалуйста, оставьте меня, – попросила она, и я увидела агонию в ее глазах.

– Достаточно! – умоляюще прошептала я, обращаясь к Флориано. – Она больна, нельзя подвергать ее дополнительным мучениям.

Флориано уступил. Отвесив легкий поклон, он проронил:

– *Адью*, сеньора Карвальо. Желаю вам хорошего дня.

– Простите нас, сеньора Карвальо, – сказала я. – Обещаю, больше мы вас не побеспокоим.

Флориано круто развернулся и вышел из комнаты. Я, в расстроенных чувствах и почти на грани слез, поплелась за ним.

В вестибюле нас поджидала служанка. Мы направились прямо к ней.

– Спасибо, что провели нас к сеньоре, – поблагодарил ее Флориано, пока она провожала нас к входным дверям.

– Поговорите с ней о чем-нибудь, – шепотом попросил он меня. – Займите ее хотя бы на пару минут. Я тут хочу кое на что взглянуть.

Флориано метнулся куда-то в сторону, я повернула свое расстроенное лицо к служанке.

– Мне очень жаль, что мы побеспокоили сеньору Карвальо, нарушили ее покой. Обещаю, больше мы никогда не появимся в вашем доме без ее позволения.

– Сеньора Карвальо очень больна, сеньорита. Она при смерти. Ей осталось совсем немного, понимаете меня?

Она замешкалась на пороге рядом со мной, и я поняла, что ей страшно хочется добавить что-то еще.

– Я вот тут хотела спросить, – начала я, махнув рукой в сторону неработающего фонтана перед домом. – Вы работали здесь в то время, когда вилла блистала своим былым величием?

– Да, я тут работала. Ведь я родилась в этом доме.

Женщина о чем-то печально задумалась, глянув на бездействующее сооружение. Затем она снова повернулась ко мне. Краешком глаза я заметила, как Флориано исчез за углом дома.

– Сеньорита, – прошептала служанка, – у меня для вас кое-что есть.

– Простите, что вы сказали? – Засмотревшись на маневры Флориано, я пропустила последнюю реплику служанки.

– У меня для вас кое-что есть, – повторила она снова. – Но, пожалуйста, поклянитесь мне, что, если я отдам вам это, вы никогда не скажете сеньоре Карвальо. Она ни за что не простит мне подобного предательства.

– Конечно, обещаю, – ответила я. – Я все прекрасно понимаю.

Служанка достала из кармана своего белоснежного фартука тощий пакет из упаковочной бумаги и протянула его мне.

– Прошу вас. Никому ни слова о том, что я дала вам, – с волнением промолвила она еще раз. – Эти бумаги достались мне от моей покойной матери. Она отдала их мне перед своей кончиной, велела беречь как зеницу ока. Сказала, что они – часть истории семейства Айрис Кабрал.

Я смотрела на служанку в немом изумлении.

– Спасибо! – выдохнула я, обрадовавшись тому, что Флориано снова появился и уже стоял рядом со своей машиной. – Но почему вы решили отдать эти бумаги именно мне?

Длинным костлявым пальцем женщина ткнула в лунный камень, висевший у меня на шее на тоненькой золотой цепочке.

– Я знаю, кто вы. *Адью*.

С этими словами она развернулась и исчезла в доме, закрыв за собой парадную дверь.

Ошарашенная произошедшим, я положила пакет к себе в сумочку и заторопилась по ступенькам вниз, к машине Флориано.

Флориано уже сидел в кабине, двигатель был включен. Едва я уселась рядом, как машина на полной скорости рванула вперед.

– Видели скульптуру? – поинтересовалась я у него.

– Да, – ответил он, отъехав от дома и вырвав на шоссе. – Мне жаль, что сеньора Карвальо категорически отказывается признавать вас, Майя, но мой дотошный ум занят сейчас тем, как свести воедино все разрозненные части этой головоломки. И, если мне удастся это сделать, тогда, возможно, станет понятна и несговорчивость старой дамы. Сейчас я подброшу вас до отеля, а сам после этого поеду в Национальный музей и в библиотеку. Если у меня появятся какие-то дополнительные новости, я вам перезвоню. Договорились?

– Да, пожалуйста, – ответила я, выбираясь из машины.

Взмахнув на прощание рукой, Флориано укатил прочь, а я вошла в гостиничный холл и поехала на лифте к себе в номер. Закрыв за собой дверь, предварительно повесив на нее табличку «Не беспокоить», я подошла к кровати и достала из сумочки пакет. Раскрыла и увидела, что внутри лежит стопка писем, туго перевязанных тесемкой. Положила пачку на кровать, развязала тесемку и взяла в руки первый конверт с письмом. Увидела, что кто-то вскрыл его с помощью специального ножа для бумаг. Прочитала надпись на конверте,

просмотрела другие конверты и поняла, что все письма были адресованы некой сеньорите Лоен Фагундес.

Осторожно извлекла первое письмо из конверта, почувствовав пальцами всю хрупкость старой тисненой бумаги. Развернула лист. Вверху адрес – Париж и дата – март 1928 года. Пробежав глазами несколько писем, я поняла, что ни о какой хронологии не может быть и речи. Все письма были просто собраны в одну кучу, безо всякого порядка. Некоторые письма, датированные 1927 годом, тоже были отправлены в Бразилию и тоже Лоен Фагундес. На других письмах внизу стояла подпись «Изабелла». То есть отправитель писем – та самая женщина, которая предположительно является моей прабабушкой... Я снова вспомнила слова, которые обронила служанка, прощаясь со мной.

«Я знаю, кто вы...»

Мои пальцы непроизвольно потрогали лунный камень на цепочке. А вдруг это мой камень-оберег, подумала я, который достался мне от матери. Вполне возможно, Па Солт не случайно забрал его с собой, когда удочерил меня и увез отсюда грудным младенцем. Помнится, когда отец подарил мне этот кулон, он сказал, что за ним стоит очень интересная история. Наверное, отец так ненавязчиво дал мне понять, что в один прекрасный день я захочу спросить его о том, что за историю скрывает мой лунный камень. А на тот момент он посчитал, что еще слишком рано начинать разговор о моем прошлом и что не стоит расстраивать меня раньше времени.

Весь следующий час я потратила на то, чтобы рассортировать все письма, их оказалось больше тридцати, и разложить их в хронологическом порядке.

Я уже сгорала от нетерпения, мечтая поскорее приступить к чтению. Меня завораживал безукоризненно правильный, красивый почерк, которым были написаны все письма. Но тут зазвонил мой мобильник, и я услышала на другом конце линии возбужденный голос Флориано.

– Майя, у меня для вас новости. Я могу подъехать к вам прямо сейчас?

– А вы не против, если мы перенесем нашу встречу на завтра? Что-то у меня живот разыгрался, – виновато попросила я его, твердо решив, что всю оставшуюся часть дня я посвящу чтению писем.

– Тогда завтра, в десять часов утра, ладно?
– Хорошо. Надеюсь, к тому времени я уже приду в норму.
– Если вам что-то понадобится, Майя, пожалуйста, звоните мне без промедления.

– Обязательно. Спасибо вам.

– Не стоит благодарностей. Выздоровливайте.

Я отключила мобильник, потом перезвонила дежурному по этажу и попросила принести мне в номер две бутылки воды и двухслойный бутерброд. Как только принесли мой заказ, я тут же впилась в бутерброд зубами. Съела, запила водой, взяла дрожащими пальцами первое сверху письмо и приступила к чтению.

Изабелла

Рио-де-Жанейро
Ноябрь 1927 года

Изабелла Роза Бонифацио проснулась от звука слегка шаркающих шагов чьих-то маленьких ножек по мозаичному полу. Она села на постели и глянула вниз. На полу сидела небольшая обезьянка и смотрела на нее в упор. В своих крохотных лапках, покрытых шерстью, обезьянка держала расческу. Изабелла не удержалась от смеха при виде этой картины, а обезьянка продолжала тарачиться на нее своими прозрачными черными глазками, умоляя не забирать новую игрушку.

– Что, тоже решила навести красоту и причесаться? – спросила Изабелла у зверька, переворачиваясь на живот и сдвигаясь к краю кровати. – Но, пожалуйста, отдай расческу мне! – Изабелла протянула руку к обезьянке. – Это моя расческа. Мама будет недовольна, если узнает, что ты ее у меня украла.

Обезьянка слегка склонила голову набок, словно прикидывая возможные пути к отступлению. И не успела Изабелла своими длинными тонкими пальцами впиться в шерстку зверька на спине и схватить его за шиворот, чтобы вернуть себе расческу, как обезьянка пулей перепрыгнула на подоконник и тут же исчезла из виду.

Изабелла вздохнула и снова откинулась на подушки. Наверняка ей снова достанется от родителей за то, что она, ложась спать, забывает закрывать на ночь ставни в комнате. И вот результат. Расческа в перламутровой оправе была подарена ей на Рождество бабушкой. И, если Изабелла расскажет маме о проказливой мартышке, та явно не очень обрадуется. Изабелла поерзала головой по подушке и вздохнула. У нее еще теплилась слабая надежда, что мартышка обронила расческу где-то в саду, когда убегала прочь, к себе в джунгли, которые начинались сразу же за домом. Все склоны гор утопали в густой зелени.

Слабый ветерок слегка пошевелил густые темные волосы Изабеллы, и одна прядь тут же упала на лоб. Комната наполнилась приятными ароматами гуавы и лимона. Эти деревья росли прямо под окном спальни. Хотя часы на прикроватной тумбочке показывали, что еще только половина седьмого утра, но жара наступающего дня уже

давала о себе знать. Изабелла глянула в окно. Ни единого облачка на стремительно светлеющем небе.

Служанка Лоен появится в комнате только через час. Придет, чтобы помочь ей одеться. А что, если воспользоваться моментом, пока все в доме еще спят, и побежать окунуться в прохладных водах великолепного бассейна, выложенного голубой керамической плиткой? Отец недавно соорудил бассейн прямо в саду возле дома.

Бассейн стал последним приобретением Антонио, и он страшно гордился им. Еще бы! Один из первых бассейнов в частных домах Рио. Месяц тому назад отец собрал у себя дома всех влиятельных друзей, чтобы похвастаться перед ними своей новой игрушкой. Гости послушно сгрудились на террасе и с восхищением разглядывали диковинное сооружение. Мужчины в дорогих вечерних костюмах и фраках, дамы в изысканных туалетах, последних новинках парижской моды, приобретенных на центральной улице города – Авенида-Рио-Бранко.

Изабелла еще тогда подумала, как смешно, что никто из этих людей не додумался прихватить с собой обыкновенный купальный костюм, что было бы вполне уместно для приема, на котором гвоздем всей программы является демонстрация бассейна. Да и сама она стояла, облаченная в какое-то парадное платье, буквально изнывая от духоты. О, как же ей хотелось в тот момент сбросить с себя свой роскошный наряд и с головой нырнуть в прохладные чистые воды, плескавшиеся внизу. Вообще-то бассейном как таковым у них в доме так никто пока и не воспользовался. Однажды Изабелла спросила у отца, можно ли ей просто окунуться в бассейн, а потом немного поплавать. На что Антонио лишь отрицательно покачал головой.

– Нет, милая. Нельзя, чтобы слуги видели тебя в купальнике. Можешь плавать лишь тогда, когда никого из слуг нет рядом.

Хорошенькое условие, ничего не скажешь. Ведь слуги в их доме присутствуют *везде и всегда*. До Изабеллы быстро дошло, что бассейн для отца – это всего лишь еще одна дорогостоящая безделушка, с помощью которой он может пустить пыль в глаза своим приятелям. Еще одна ступенька на пути вверх, в то самое высшее общество, в которое Антонио стремился попасть всю свою жизнь.

Однажды Изабелла спросила у мамы, почему отец никогда не испытывает полного удовлетворения от того, что уже имеет. Ведь они

же обитают в одном из самых красивых домов Рио, часто обедают в ресторане самого шикарного отеля города под названием «Дворец Копакабана», у них самая последняя модель автомобиля «Форд». На что мать лишь слегка пожала плечами и миролюбиво сказала:

– Видишь ли, милая, как бы твой отец ни старался, сколько бы он ни приобретал себе новых машин, сколько бы ни имел ферм, одного он не может: поменять свое имя.

К семнадцати годам Изабелла уже кое-что знала о родословной своего отца. Антонио был сыном простых итальянских иммигрантов, которые приехали в Бразилию, чтобы трудиться на плодородных землях многочисленных кофейных плантаций, раскинувшихся вокруг Сан-Пауло. Отец Антонио был не только трудолюбивым человеком, он еще и обладал незаурядным умом. Был бережлив и сумел собрать кое-какие деньги для того, чтобы купить себе собственный надел земли и начать уже свое дело.

К тому времени, как Антонио повзрослел и взял бразды правления в собственные руки, их кофейная плантация превратилась в процветающий бизнес, а потом Антонио прикупил еще три плантации. Кофе приносил хороший доход, и семья богатела из года в год. Когда Изабелле исполнилось восемь лет, отец купил красивую старинную фазенду всего лишь в пяти часах езды от Рио. Изабелла и по сей день считает фазенду своим родным домом. Затерянная высоко в горах, огромная фазенда представлялась ей благословенным уголком, манящим к себе уютом и красотой. Все самые лучшие детские воспоминания Изабеллы были связаны именно с домом на фазенде. Ничто не стесняло там ее свободы. Она могла днями резвиться на природе, ездить верхом по раздольным угольям, раскинувшимся вокруг. Их частное владение занимало площадь более двухсот гектаров. Воистину, у нее было счастливое, беззаботное детство.

Однако для Антонио, все деловые интересы которого были сосредоточены в самом Рио, такая удаленность фазенды от города создавала массу неудобств. Изабелла вспомнила, как однажды за ужином отец стал объяснять маме, почему им все же лучше переехать в город.

– Рио – столица, вся верховная власть Бразилии сосредоточена там, все влиятельные люди тоже там. И мы обязательно должны стать частью этого сообщества.

Бизнес Антонио успешно развивался, а вместе с ним росло и его богатство. Три года спустя отец приехал на фазенду и объявил домашним, что купил дом в Космо Вело, одном из самых рафинированных районов Рио.

– Отныне все эти португальские аристократишки уже не смогут игнорировать меня. Ведь сейчас все они стали моими соседями! – воскликнул отец и громко стукнул кулаком по столу.

А Изабелла с мамой только обменялись испуганными взглядами, со страхом представив, что вскоре им придется покинуть любимый дом в горах и переехать жить в большой город. Однако обычно послушная мать на сей раз проявила твердость характера и настояла на том, чтобы фазенду Святой Терезы не продавали. По крайней мере, на будущее у них сохранится место, где можно спокойно пересидеть невыносимую жару летних месяцев в Рио.

– Но зачем, мама, зачем он это делает? – расплакалась Изабелла, когда вечером мама зашла к ней в комнату, чтобы поцеловать перед сном. – Мне так хорошо здесь. Я никуда не хочу уезжать с фазенды.

– Папа стремится в Рио, потому что одного богатства ему мало. Ему недостаточно того, что по своему состоянию он уже сравнялся с самыми знатными португальскими фамилиями. Теперь он хочет быть принятым в их обществе на равных. Чтобы они уважали его как своего.

– Ах, мама! Даже я понимаю, что для всех этих надутых столичных снобов мы навсегда останемся упрямыми италяшками из Сан-Пауло. Никогда ему не добиться равного с ними положения.

– Кто знает, кто знает, – устало бросила в ответ мать. – До сих пор твоему отцу удавалось добиться всего, чего он хотел.

– Мы даже не знаем, мамочка, как там себя вести, в этом высшем обществе, – воскликнула Изабелла. – Я почти всю жизнь прожила в горах. Боюсь, мы не сможем оправдать папиных ожиданий.

– Твой отец уже ведет переговоры с сеньорой Натальей Сантос. Она происходит из аристократической португальской семьи. Семейство в наши дни переживает далеко не лучшие времена. Вот она и зарабатывает себе на жизнь тем, что дает уроки этикета, обучает таких, как мы, правильно себя вести в высшем свете Рио. Кстати, она же может и ввести нас в круг своих аристократических знакомых.

– Словом, из нас хотят сделать кукол. Нарядить в роскошные платья, чтобы мы научились правильно говорить и правильно пользоваться вилок и ножом, да? Уж лучше умереть, чем превратиться в жалкую марионетку!

Изабелла презрительно фыркнула, демонстрируя всю степень своего возмущения.

– Частично ты права, – издала короткий смешок Карла, откровенно забавляясь негодованием дочери. В ее живых карих глазах вспыхнули веселые искорки. – Но не забывай, Изабелла. Ты не только единственная и любимая дочь своего отца. Ты еще и та курица, которая может снести ему золотое яйцо. Ты же у нас настоящая красавица. И твой отец не сомневается, что когда ты расцветешь в полную силу, то с такой внешностью наверняка сумеешь заполучить себе выгодную партию.

Изабелла в ужасе глянула на мать.

– Ты хочешь сказать, что папа вознамерился использовать меня как обычную разменную монету для достижения своих целей? Я ни за что не соглашусь на это! – Изабелла перевернулась на живот и стала ожесточенно лупить по подушке кулачками.

Карла подошла к постели и, пристроив свою дородную фигуру на краешке кровати, осторожно погладила дочь по спине.

– Все не так страшно, как тебе кажется, милая. Поверь мне, – успокоила она ее.

– Но мне же еще только пятнадцать лет. И я хочу выйти замуж по любви, а не по расчету. А эти португальцы, они все такие бледнолицые, тощие... К тому же лентяи. Итальянцы мне нравятся больше.

– Нельзя так говорить, Изабелла. В каждом народе есть и хорошие, и плохие люди. Уверена, твой отец подыщет тебе такую партию, которая придется тебе по душе. Рио ведь огромный город.

– Я все равно не пойду замуж за португальца!

Карла наклонилась к дочери и поцеловала ее в шелковистые темные волосы.

– Одно могу сказать, доченька! Характером ты пошла в своего отца. Спокойной ночи, милая.

И вот минуло три года. Но ничего во взглядах Изабеллы с тех пор, как состоялся тот давний разговор с матерью, не поменялось. Да и в семье все осталось прежним. Отец, снедаемый безмерным честолюбием, мама, как всегда нежная и покорная. Высшее общество Рио, все такое же чопорное и неприступное, как и двести лет тому назад. И португальские мужчины, все как один, такие же сухопарые, поджарые и малопривлекательные.

Однако их новый дом в Космо Вело напоминал картинку с выставки. Гладкие оштукатуренные стены цвета охры, высокие подъемные окна, удобная планировка, просторные, красивые комнаты, обставленные в полном соответствии с пожеланиями и вкусами отца. Он же настоял и на том, чтобы в доме появились все самые новейшие бытовые удобства: телефон, ванные комнаты наверху. А сад, окружающий дом снаружи, своим великолепием мог вполне посоперничать со знаменитым столичным ботаническим садом.

Вилла носила имя «Дворец принцессы», в честь принцессы Изабеллы, которая якобы однажды останавливалась в этих краях, чтобы напиться воды из источника на реке Кариока, которая как раз протекала по территории имения. Этому источнику приписывались в народе всякие чудодейственные и целебные свойства.

Несмотря на всю роскошь окружающей обстановки, Изабелла все время ощущала на себе гнетущее воздействие горы Корковадо. Она взметнулась ввысь прямо за их домом и буквально подавляла собой все вокруг. Изабелла задыхалась в этой атмосфере, ей не хватало чистого свежего воздуха, как у них на фазенде, широких пространств, свободных просторов.

Как только семья Бонифацио переселилась в Рио, сеньора Сантос стала ежедневной наставницей Изабеллы и принялась рьяно обучать ее всем тонкостям великосветского этикета. У нее Изабелла научилась, как надо правильно входить в помещение – спинка прямая, головка высоко вскинута вверх, словом, не входить, а *вливать*, грациозно и с достоинством. Она выучила назубок все генеалогические древа наиболее известных аристократических семейств Рио. Плюс уроки французского, игра на пианино, занятия по истории искусств и европейской литературе. И чем глубже погружалась Изабелла в изучение культуры Старого Света, тем сильнее он манил ее к себе.

Однако самым трудным стало для Изабеллы требование сеньоры Сантос напрочь забыть родной итальянский язык, на котором мать учила ее разговаривать с самой колыбели. Изабелле и сейчас с трудом удавалось разговаривать на португальском без итальянского акцента.

Иногда она разглядывала себя в зеркало и с трудом сдерживала смех. Несмотря на все титанические усилия Натальи Сантос стереть из памяти все, что было связано с ее происхождением, истинная итальянская кровь проступала уже в самих чертах ее лица. Безукоризненный цвет лица, нежная кожа, покрытая ровным, слегка смуглым загаром под лучами высокогорного солнца, хотя сеньора Сантос постоянно напоминала держаться подальше от солнечного света, словом, прекрасное лицо в обрамлении густых темных кудрей, волной рассыпавшихся по плечам. А уж огромные карие глаза красноречивее всяких слов свидетельствовали о тех пленительных, исполненных страстью ночах в горах Тосканы, где и была ее настоящая родина.

Пухлые губы выдавали в Изабелле чувствительную натуру, а пышная грудь отчаянно сопротивлялась, когда ее зашнуровывали в жесткий корсет на косточках. Каждое утро Лоем, пыхтя от усилий, пыталась загнать цветущую плоть своей юной хозяйки в тугие объятия корсета, и всякий раз Изабелла невольно думала при этом, что и вся ее жизнь похожа на этот корсет. Ее буквально силой загоняют в какие-то узкие рамки условностей, совсем ей не свойственных. Подобно дикому зверю, неукротимому и страстному, Изабелла чувствовала себя попавшей в клетку.

Она проследила взглядом, как крохотная ящерица геккон молнией мелькнула по потолку из одного угла в другой. А ведь эта маленькая проказница, подумала Изабелла, тоже может ретироваться через открытое окно, как недавно удрала от нее обезьянка. Итак, впереди новый день, еще один день, в течение которого ее, как того цыпленка, перед тем как сунуть его в духовку, станут натирать всякими разными специями, перевязывать крылышки и прочее. Впрочем, высший свет Рио, он будет пострашнее любой духовки. Вот наставники и стараются изо всех сил, пытаясь заставить Изабеллу забыть о своей врожденной доброте и сердечности. Зато они сделают из нее настоящую светскую даму, как о том мечтает отец.

На следующей неделе планы отца касательно ее будущего вступят в, так сказать, решающую фазу их реализации. Изабелле исполняется восемнадцать лет, и все готово к тому, чтобы она с помпой дебютировала в высшем свете Рио. По такому случаю устраивается шикарный прием в самом красивом отеле города под названием «Дворец Копакабана».

А потом, и Изабелла хорошо понимала это, ее заставят выйти замуж за того, кого выберет ей отец, если посчитает, что это лучшая партия из всех возможных. А уж после замужества у нее будут отняты и те малые крохи свободы, которые есть сейчас, причем безвозвратно и навсегда.

Часом позже в дверь спальни раздался негромкий стук. Пришла служанка Лоен.

– Доброе утро, сеньорита Изабелла. Сегодня оно просто чудесное! – пропела Лоен, входя в комнату.

– Разве? – раздраженно бросила в ответ Изабелла.

– Вставайте же! Пора одеваться. У вас сегодня очень напряженный день.

– Правда? – притворилась несведущей Изабелла, хотя не хуже Лоен помнила и знала почти наизусть весь распорядок грядущего дня.

– Знаете что, моя голубушка-хозяюшка, перестаньте меня разыгрывать, – строго предупредила ее Лоен, назвав Изабеллу «голубушкой». Этим именем, которая она дала Изабелле, еще когда они обе были детьми, Лоен пользовалась исключительно в тех случаях, когда они с молодой хозяйкой оставались наедине. – Вы не хуже меня знаете, что в десять у вас урок игры на фортепьяно, потом приходит учитель французского. А после обеда приедет мадам Дюшан. Последняя примерка вашего бального платья.

Изабелла закрыла глаза и сделала вид, что не слышит.

Но Лоен это ни капельки не смутило. Она подошла к кровати и слегка потрясла Изабеллу за плечо.

– Что с вами? Уже через неделю вам исполняется восемнадцать лет. Ваш отец устраивает по этому поводу великолепный бал. Весь Рио будет там! А вы совсем не рады?

Изабелла не ответила.

– Какой наряд предпочтете на сегодня? Кремовый или голубой? – продолжала тараторить Лоен.

– Все равно!

Лоен спокойно направилась к комоду и шифоньеру и так же молча повесила на спинку кровати все вещи, отобранные по собственному вкусу.

Изабелла нехотя оторвалась от подушек и села на постели.

– Прости меня, Лоен. У меня сегодня с самого утра дурное настроение. А все потому, что рано утром в спальню прокралась обезьянка и утащила мою расческу, подарок бабушки. Наверняка мама рассердится, когда узнает, что я снова забыла закрыть окна на ночь.

– Какой ужас! – испуганно округлила глаза Лоен. – Обезьяна утащила в джунгли вашу красивую расческу в перламутровой оправе? И сколько раз вам твердили, что на ночь надо закрывать не только окна, но и ставни!

– Да твердили, твердили, сто раз, наверное, – миролюбиво согласилась с ней Изабелла.

– Попрошу наших садовников поискать в саду под вашими окнами. Вдруг расческа еще там?

– Спасибо тебе, Лоен, – обрадовалась Изабелла, послушно вскидывая руки вверх, а служанка принялась стягивать с нее ночную сорочку.

* * *

За завтраком Антонио Бонифацио скрупулезно изучал список гостей, приглашенных на прием по случаю восемнадцатилетия дочери во «Дворце Копакабана».

– Молодец сеньора Сантос! Действительно постаралась, – одобрительно хмыкнул он, пробежав еще раз глазами весь список. – Собрала лучшее из лучшего, что имеется в Рио на сегодняшний день. Кстати, большинство, кому были разосланы приглашения, приняли их. Разве что семья Карвальо Гомес будет отсутствовать. И Рибейрос Барселлос тоже. Извиняются, ссылаются на свою чрезмерную занятость. – Антонио картинно вскинул брови, давая понять жене и дочери, что уж кого-кого, а его не проведешь подобными отговорками.

– Они сами пока не ведают, что теряют. – Карла ласково погладила мужа по плечу. В глубине души она прекрасно понимала, что отказом

ответили Антонио две самые знатные семьи Рио-де-Жанейро. – В городе только и разговоров будет, что про прием и бал. Наверняка слухи дойдут и до них.

– Очень на это надеюсь, – недовольно буркнул Антонио. – Столько денег уже вбухал в это мероприятие. Зато ты, моя принцесса, будешь в центре всеобщего внимания.

– Да, папа. Большое тебе спасибо.

– Изабелла, не называй меня «папой». Ты же знаешь, надо говорить по-португальски, «*паи*», – не преминул поправить он дочь.

– Прости, паи. Но так трудно отвыкнуть от старых привычек, усвоенных еще с детства.

– Ну, я пошел. – Антонио аккуратно свернул газету и поднялся из-за стола. Кивком головы попрощался с женой и дочерью. – Буду у себя в конторе. Надо же кому-то зарабатывать деньги, чтобы платить за все увеселения.

Изабелла проследила глазами за фигурой отца, скрывшейся за дверью. Какой он все еще красивый, подумала она. Высокий, элегантный, с густой шевелюрой темных волос, едва тронутых на висках сединой.

– Паи очень переживает, – вздохнула она, обращаясь к матери. – Неужели он так волнуется из-за этого дурацкого приема? Как думаешь, мама?

– Твой отец, Изабелла, постоянно пребывает в состоянии волнения. И у него для этого всегда находится веский повод. Прием в твою честь, урожай кофе на наших плантациях, еще что-нибудь... Уж такой он у нас беспокойный человек. – Карла тоже вздохнула. – Мне пора. У нас с сеньорой Сантос назначена встреча на утро. Хотим еще раз обсудить все детали предстоящего праздника во «Дворце Копакабана». Сеньора Сантос хочет, чтобы ты тоже присоединилась к нам после уроков музыки и французского. Пройдемся еще раз вместе по всему списку приглашенных.

– Но мама! – издала недовольный стон Изабелла. – Я и так помню весь этот список наизусть, от первой до последней фамилии.

– Знаю, милая, знаю. Однако лишний раз проверить себя не помешает.

Карла уже приготовилась уйти, но тут, что-то вспомнив, снова повернулась к дочери:

– Совсем забыла тебе сказать. Моя дорогая кузина София приходит в себя после очень серьезной болезни. Я пригласила Софию вместе с ее тремя детишками погостить у нас на фазенде. Пусть поживет там, пока окончательно не окрепнет. А как ты знаешь, в доме там из слуг остались только Фабина и ее муж. Придется отправить им в помощь Лоен. Надо же кому-то присматривать за детьми, пока София будет набираться сил. Скорее всего, уже к концу этой недели Лоен уедет на фазенду.

– Как так, мама? – искренне возмутилась Изабелла. – Она уедет буквально накануне бала. И что я стану делать без нее?

– Мне жаль, Изабелла, что все так получается. Однако другого выхода я не вижу. Но здесь остается Габриела. Думаю, она вполне справится и поможет тебе во всем, что будет нужно. А сейчас мне пора, иначе опоздаю на встречу. – Карла ласково потрепала дочь по плечу и тоже покинула столовую.

Изабелла откинулась на спинку стула и принялась мысленно переваривать ту неприятную новость, которую только что сообщила ей мать. Конечно, остаться без своей верной подружки и союзницы, да еще накануне такого важного события, можно сказать, самого важного в ее жизни, это ужасно. И как тут прикажешь не расстраиваться?

Лоен родилась у них на фазенде. Ее африканские предки трудились рабами на тамошних кофейных плантациях. Когда в 1888 году в Бразилии отменили рабство, многие бывшие рабы тут же бросили свои орудия труда и, оставив своих бывших хозяев, подались на вольные хлеба. Но родители Лоен решили остаться на фазенде и продолжали трудиться на прежних хозяев. Это была богатая португальская семья. Однако с ликвидацией рабского труда дела на плантации пошли не столь блестяще, как бывало раньше. И в конце концов семейство вынуждено было продать свою фазенду. Отец Лоен воспользовался удобным моментом и тоже решил податься в бега, исчезнуть из семьи в неизвестном направлении. Он ушел из дома ночью, бросив на произвол судьбы жену Габриелу и их девятилетнюю дочь.

Спустя несколько месяцев имение купил Антонио. Карла пожалела бедную женщину и уговорила мужа оставить их с дочерью на фазенде в качестве домашней прислуги. А спустя три года Лоен вместе с матерью переехала вслед за своими новыми хозяевами в Рио.

Несмотря на то что Лоен была всего лишь служанкой, детские годы на затерянной в глуши фазенде Изабелла провела вместе с ней. Поскольку других детей одного с ними возраста на фазенде было совсем мало, девочки быстро сдружились и крепко привязались друг к другу. Лоен была лишь немного старше Изабеллы, но умна и сообразительна не по годам. Она стала самой верной советчицей и преданной наперсницей для своей юной хозяйки. А Изабелла, в свою очередь, желая как-то наградить и поощрить подружку за преданность, взялась обучать Лоен грамоте. Долгими, душевными летними вечерами они занимались на фазенде чтением и письмом.

Что ж, со вздохом подумала Изабелла и отхлебнула из своей чашки кофе, будет хоть кому писать письма.

– Вы уже позавтракали, сеньорита? – спросила у нее Габриела, появившись в столовой и отвлекая Изабеллу от невеселых мыслей. Она бросила на молодую хозяйку сочувственный взгляд, из чего следовало, что Габриела была уже в курсе ближайших планов Карлы.

Изабелла глянула на низкий сервант у стены, заставленный вазами со свежими плодами манго, фиги, абрикоса, корзинкой, наполненной свежайшим хлебом. Всей этой провизией, мелькнуло у Изабеллы, можно при желании накормить целую улицу. А здесь всего лишь три человека.

– Да, можешь убирать со стола. Мне жаль, Габриела, что у тебя прибавится работы после отъезда Лоен, – добавила она.

Габриела лишь пожала плечами со стоическим выражением лица.

– Знаю, моя дочь тоже расстроится, что не сможет в день вашего рождения быть рядом с вами и помочь со всеми приготовлениями. Но мы как-нибудь управимся и без нее.

Габриела стала собирать посуду, а Изабелла взяла в руки газету, лежавшую на столе, и раскрыла ее. На первой полосе красовалась большая фотография Берты Лутц, яркой феминистки и защитницы прав женщин. Она вместе со своими сторонниками пикетировала здание городской ратуши. Сеньора Лутц начала свою борьбу за равноправие женщин в Бразилии шесть лет тому назад. Ее главное требование – предоставить равные избирательные права как мужчинам, так и женщинам. Изабелла с живым интересом наблюдала за ее усилиями. Ей даже стало казаться, что для бразильских женщин очень скоро наступят новые времена. Что же до нее самой, то она по-прежнему

оставалась дочерью своего отца, человека, напрочь увязнувшего в прошлом и свято верящего в то, что главное для женщины – это удачно выйти замуж и тем самым упрочить свой социальный статус, а потом, в положенный срок, произвести на свет здоровое потомство.

После переезда в Рио Антонио и вовсе сделал из своей драгоценной доченьки настоящую пленницу. Ей даже не позволялось выйти за пределы дома без сопровождения компаньонки в лице взрослой женщины. Отец, кажется, даже не понимал того, что другие девушки ее возраста, с которыми у нее была возможность познакомиться на всяких официальных чайных церемониях и которые, поскольку они числились в подругах у сеньоры Сантос, считались вполне благонадежными и из приличных семей, вели себя в духе времени, а не вопреки ему. Они, как и их родные, шагали в ногу со всеми нововведениями двадцатого века.

Взять, к примеру, ее подругу Марию Элизу да Силва Коста. Происходит из старинного аристократического португальского рода. Однако ее родные вовсе не порхают, как наивно полагает отец, по великосветским гостиным Рио, перемещаясь с одной вечеринки или раута на другое светское мероприятие. Пышный королевский двор со всеми его условностями, куда всеми фибрами души рвался Антонио, мечтая стать его частью, уже давно канул в Лету. А сама старая португальская аристократия выбивается из последних сил, чтобы не раствориться и не исчезнуть окончательно в стремительно меняющемся мире.

Мария Элиза – одна из немногих девушек, с которой у Изабеллы есть что-то общее. Между прочим, отец Марии, Эйтор, зарабатывает на жизнь как признанный и востребованный в обществе архитектор. Именно он стал победителем конкурса и выиграл право на сооружение монумента Христа Искупителя, который планируют воздвигнуть на горе Корковадо, той самой, что взметнулась ввысь прямо за их домом. Семейство да Силва обитает в Ботафого, и, когда глава семейства посещает Корковадо для того, чтобы провести наверху нужные обмеры для будущего памятника, дочь всегда сопровождает его до Космо Вело, пользуясь возможностью навестить Изабеллу, а дальше отец отправляется трамваем на горный склон. Вот и сегодня подруга должна наведаться во второй половине дня.

– Сеньорита, вам еще что-нибудь подать? – спросила Габриела, уже стоя в дверях с тяжелым подносом в руках.

– Нет, спасибо, Габриела. Ничего не надо. Можешь быть свободна.

Служанка ушла, а через пару минут Изабелла тоже поднялась из-за стола и вышла из столовой.

* * *

– Ты, наверное, очень волнуешься накануне своего торжества? – спросила у нее Мария Элиза, когда они уселись вдвоем в тени густой тропической растительности, которая так и норовила проникнуть в их ухоженный сад извне. Наступление интервентов сдерживали крепкие руки небольшой армии садовников, следящих за цветниками и розариями вокруг дома. Здесь все содержалось в образцовом порядке. Но уже прямо за оградой по всему периметру участка начинались самые настоящие джунгли, которые сплошным массивом поднимались все выше и выше до самой вершины Корковадо.

– Если честно, то жду не дождусь, когда все это закончится, – призналась подруге Изабелла.

– А я вот, напротив, жду этот вечер с нетерпением, – улыбнулась в ответ Мария Элиза. – Среди гостей должен быть и Алехандро Медейрос, я от него просто без ума. Буду на седьмом небе от счастья, если он вдруг пригласит меня на танец. – Она отхлебнула из стакана со свежесожатым соком апельсина. – А тебе уже кто-нибудь приглянулся из молодых людей? – Мария Элиза бросила на Изабеллу выжидательный взгляд.

– Нет. К тому же я точно знаю, что папа захочет выдать меня замуж за того, кого он выберет сам.

– О боже! Какой же он ретроград! Знаешь, мне просто повезло с отцом. Он ведь придерживается самых современных взглядов, хотя и витает все время в облаках со своим Христом. Что я тебе сейчас скажу! – Мария Элиза понизила голос и перешла на шепот: – Вообще-то мой папа – атеист. И вот представь себе, занимается сейчас возведением самой большой статуи Христа Искупителя во всем мире.

– Может, под влиянием этого проекта его взгляды изменятся? – предположила Изабелла.

– Вчера вечером я случайно подслушала их разговор с мамой. Отец сказал, что собирается в Европу, чтобы поискать там скульптора, которому можно будет сделать заказ на саму статую. Предполагается, что поездка будет долгой, и поэтому папа намеревается взять с собой в это путешествие всех нас. Представляешь, Изабелла? Мы своими глазами увидим все выдающиеся памятники Флоренции, Рима и, само собой, Парижа. Правда здорово?

Мария Элиза весело наморщила свой носик, покрытый веснушками, в предвкушении всего того, что ждет ее в Европе.

– Ах, Европа! – воскликнула Изабелла, поворачиваясь лицом к подруге. – Знаешь, я почти готова возненавидеть тебя за это. Ведь увидеть Старый Свет – это мечта всей моей жизни. Особенно Флоренцию, откуда моя семья родом.

– А почему бы тебе не отправиться вместе с нами, если такая поездка состоится? Хотя бы на какое-то время... И мне будет веселее. А так для общения только два младших брата рядом. Что скажешь?

Глаза Марии Элизы вспыхнули от радостного возбуждения.

– Скажу, что идея просто замечательная. Но папа наверняка ответит мне отказом, – ответила подруге Изабелла. – Если он не позволяет мне даже по улице ходить одной, то как же он пустит меня одну в Европу, через океан? К тому же я нужна ему здесь, в Рио. Он хочет как можно быстрее выдать меня замуж.

Изабелла машинально раздавила туфелькой муравья, случайно заползшего под подошву.

На подъездной дороге к дому послышался шум подъезжающей машины. Отец Марии Элизы приехал, чтобы забрать дочь.

Мария Элиза быстро подхватила с места и горячо обняла подругу.

– До встречи на твоём балу, Изабелла. До четверга!

– До встречи.

– Адью, моя дорогая! – пропела Мария Элиза, быстро удаляясь по садовой дорожке в сторону машины. – И не беспокойся! Я обязательно что-нибудь придумаю, вот увидишь!

Мария Элиза убежала, а Изабелла осталась сидеть на лавочке, размышляя о том, как было бы здорово увидеть собственными глазами

Дуомо, главный кафедральный собор Флоренции, и знаменитый фонтан Нептуна. Больше всего из тех уроков, которые организовала для нее сеньора Сантос, она любила занятия по истории искусства. Для обучения основам живописи был даже специально приглашен профессиональный художник. Он научил Изабеллу рисованию, умению обращаться с красками. Те часы, которые она проводила в его просторной, наполненной воздухом студии при Национальной академии живописи, пожалуй, были самым счастливым ее времяпрепровождением с тех самых пор, как они переехали в Рио.

Художник занимался также и лепкой, был скульптором. Он позволил и Изабелле поработать руками, разминая ком красной глины. Она до сих пор ощущает на своих пальцах слегка влажную мягкость и эластичность этого материала, податливость, с которой глина готова принять любую форму.

– Да у вас самый настоящий талант, – одобрительно кивнул головой наставник, когда она показала ему весьма далекую от оригинала фигурку Венеры Милосской. Насколько искренними были его слова, Изабелла не задумывалась. Ей просто нравилась сама атмосфера, царящая в студии, и, когда в конце концов уроки по живописи подошли к концу, она очень скучала по этим своим еженедельным посещениям мастерской художника.

С террасы ее окликнула Лоен. Сообщила, что приехала мадам Дюшан, чтобы провести последнюю примерку бального платья.

Пришлось отложить на время мечты о Европе и обо всех тех культурных богатствах, которые там имеются. Пусть пока эти мечты уносятся в джунгли. Изабелла поднялась со скамейки и направилась к дому.

Проснувшись поутру в день своего восемнадцатилетия, Изабелла увидела, глянув в окно, что все небо затянуто тяжелыми свинцовыми тучами, а где-то вдали даже слышались первые раскаты грома. Все предвещало грозу, и не просто грозу, но сильнейшую непогоду. Небо то и дело озарялось молниями, пронзающими своими стрелами весь небосвод от края и до края. Значит, ждать ливня осталось совсем недолго. Он хлынет, как всегда, неожиданно на головы горожан и промочит насквозь тех несчастных, кого застигнет врасплох прямо на улице.

Габриела вошла в комнату, держа в руках расписание дня для Изабеллы. Служанка подошла к окну и глянула на небо.

– Дай бог, чтобы небеса разверзлись и пролились дождем еще до того, как начнется прием. Иначе гостям придется трудно. Да и вам тоже. Какая будет жалость, если вы ненароком испачкаете грязью свое красивое бальное платье, когда станете выходить из машины, направляясь в отель. Пойду сейчас в церковь, помолюсь, попрошу Мадонну, чтобы она подсобила нам. Пусть гроза поскорее заканчивается, а солнышко до вечера успеет высушить все лужи вокруг. А сейчас, сеньора Изабелла, поднимайтесь с постели. Ваши родители уже ждут вас в утренней столовой. Ваш батюшка хочет увидеться с вами до того, как отправится к себе в контору. Сегодня для всех нас – особый праздник.

Изабелла очень любила Габриелу, но все равно, наверное, уже в сотый раз пожалела о том, что сегодня, в этот действительно особый для нее день, рядом нет Лоен. Уж та быстро смогла бы успокоить ее расхолодившиеся нервы.

Минут через десять Изабелла переступила порог столовой. При виде дочери Антонио поднялся из-за стола и протянул навстречу ей обе руки.

– Моя дорогая доченька! Сегодня ты наконец стала совсем взрослой. Как же я горжусь тобой! Иди ко мне, обними своего отца.

Изабелла подошла к отцу, и он заключил ее своими сильными руками в объятия. Самая надежная защита на свете, подумала она. От

отца приятно пахло его любимым одеколоном и бриолином для волос.

– А сейчас ступай, поцелуй свою мать, а мы покажем тебе наши подарки, которые приготовили по случаю твоего дня рождения.

– *Пикколина*, – обратилась к ней по-итальянски Карла, забыв на мгновение о хороших манерах. Так она когда-то обращалась к дочери, когда та была совсем еще маленькой. – Крошка моя ненаглядная! – Она тоже поднялась из-за стола и, подойдя к Изабелле, горячо расцеловала ее, потом отступила на шаг назад и, распахнув широко руки, воскликнула: – Ты только взгляни на нее! Какая же она у нас красавица!

– Вся в свою мамочку, – сказал Антонио, бросив нежный взгляд на любимую супругу.

Изабелла увидела, как в его глазах блеснули слезы. Последнее время отец крайне редко выставлял свои чувства напоказ, стараясь держать все эмоции под контролем. Изабелла невольно вздохнула про себя, подумав, какие это были, в сущности, замечательные времена, когда они жили как самая обычная простая итальянская семья. А потом отец разбогател, и жизнь семьи круто поменялась. От невеселых мыслей у нее даже комок к горлу подступил.

– Ну, взгляни же, что мы тебе купили. – Антонио жестом указал на стул, а сам извлек из кармана две обтянутые бархатом коробочки. – Вот! – Он нетерпеливо открыл крышку одной из коробок, той, что побольше, чтобы все увидели ее содержимое. – И вот это тоже! – Он открыл коробочку поменьше.

Изабелла издала восхищенный возглас, увидев изумрудное кольцо и серьги в комплекте к нему.

– *Пау! Мой бог!* Они великолепны!

Изабелла склонилась над коробочкой и, увидев, что отец кивком головой позволил, осторожно взяла с атласной подушечки изумрудное кольцо. Оно было в золотой оправе, а все камни подобраны строго по размеру, начиная от самого крупного сверкающего изумруда посередине, как раз по центру декольте, и кончая самыми маленькими в конце.

– Примерь, – предложил ей отец и снова кивком головы попросил жену помочь дочери справиться с застежкой на шее.

Карла застегнула замок, и Изабелла бережно прошлась пальчиками по холодным гладким камням.

– Идет мне? – спросила она, обращаясь к родителям.

– Подожди минутку! – воскликнул Антонио. – Прежде чем смотреться в зеркало, надень еще и серьги.

И снова Карла помогла дочери, вдев ей в уши красивые серьги с изумрудами в форме капель.

– Вот теперь полюбуйся! – Антонио подвел Изабеллу прямо к зеркалу, висевшему над низким сервантом. – Прекрасно смотрятся! – констатировал он, разглядывая дочь в зеркале. Изумруды сверкали и переливались, красиво оттеняя смуглую кожу на ее точеной шее.

– *Пау!* Они же, наверное, стоят целое состояние!

– Эти изумруды из наших рудников в Минас Гераис. Я лично осматривал все необработанные камни, чтобы выбрать лучшие из лучших.

– И, конечно, милая, твое бальное платье нежного кремового цвета, расшитое вышивкой в изумрудных тонах, было специально выбрано именно для того, чтобы ты имела возможность продемонстрировать гостям наш подарок, – добавила Карла.

– Сегодня вечером, – сказал Антонио в радостном предвкушении триумфа дочери, – ты будешь самой прекрасной из всех дам, присутствующих на балу. И никто из них не сможет похвастаться такими дорогими и изысканными украшениями. Даже если им захочется водрузить себе на голову корону бывших португальских королей!

Внезапно Изабелла почувствовала, как вся по-детски непосредственная радость от родительского подарка, такого великолепного и щедрого, улетучивается куда-то прочь. Она уставилась на собственное отражение в зеркале. До нее вдруг дошло, что все эти драгоценности Антонио приобрел совсем не для того, чтобы угодить любимой дочери, порадовать ее на день рождения. Для него это всего лишь еще один подходящий случай произвести должное впечатление на всех важных господ, которые будут сегодня вечером присутствовать на приеме в ее честь.

Изабелла еще раз глянула на себя в зеркало. Блеск и игра зеленых камней вдруг показались ей вульгарными и даже вызывающе неуместными. А она сама кто? Всего лишь обрамление, подходящий фон для демонстрации богатства своего отца. Глаза ее наполнились слезами.

– Ну, перестань же, милая. Не плачь. – Карла торопливо подошла к дочери. – Я понимаю, что тебя переполняют эмоции, но ты не должна расстраивать себя в такой знаменательный день.

Изабелла инстинктивно припала к груди матери, пристроив головку у нее на плече. Ее переполнял ужас перед неизвестным грядущим.

* * *

Оглядываясь назад, Изабелла с полным основанием могла утверждать: весь вечер и тот торжественный прием, устроенный в честь ее восемнадцатилетия во «Дворце Копакабана», который отец затеял исключительно для того, чтобы с помпой ввести свою дочь в высший свет Рио, запомнился ей как серия бессвязных, хотя и ярких, фотографий. Такие мелькающие кадры, наподобие какой-нибудь старой кинохроники.

Габриела постаралась на славу: Мадонна услышала ее молитвы. И хотя небо стало проясняться лишь часам к четырем, Изабелла как раз в это время принимала ванну, а потом приехал стилист, чтобы уложить ее густые блестящие волосы в замысловатую прическу, но главное – дождь прекратился. В ее шиньон были вплетены длинные нити бусинок из крохотных изумрудиков – еще один подарок от отца. Бальное платье, сшитое из дорогого атласа «сатин-дюшес», специально присланного из Парижа и скроенного опытной рукой мадам Дюшан, сидело превосходно, облекая точеную фигурку, подчеркивая нежную девичью грудь, плоский живот и тонкую талию. Надев платье, Изабелла даже не почувствовала его на себе.

Прибыв в отель к началу приема, они застали у входа целую толпу репортеров. Отец специально заплатил им за должное освещение мероприятия. При виде Изабеллы, выходящей из машины под руку с Антонио, вся эта разноликая толпа моментально пришла в движение. Защелкали фотокамеры, многократные вспышки ослепили глаза.

Шампанское лилось рекой весь вечер, в фойе был даже установлен специальный фонтан из шампанского. Бутерброды с редкой белужьей икрой, специально привезенной из России, раздавали

гостям с такой легкостью, будто это дешевые пирожки, которыми торгуют уличные лотошники.

За изысканным ужином гостей потчевали не менее изысканным блюдом под названием «омар термидор» – мясо омаров под соусом бешамель и тертым сыром. Само собой, к столу подавались лучшие французские вина. На террасе играл самый модный танцевальный оркестр Рио. Огромный бассейн внизу был закрыт специальным настилом, чтобы гости могли танцевать прямо под открытым звездным небом.

Антонио категорически запретил музыкантам исполнять мелодии самбы. Несмотря на то что самба бешено набирала популярность, она все еще считалась музыкой для бедняков. Впрочем, сеньора Сантос все же убедила Антонио позволить включить в репертуар музыкантов несколько бравурных танцев с быстрым ритмом, типа «матчиш», который еще называют «бразильским танго» и который, по ее словам, сейчас находится на пике популярности в самых фешенебельных ночных клубах Парижа и Нью-Йорка.

Изабелла смутно припоминала, что ее постоянно сопровождали на танцпол какие-то все новые и новые партнеры. Однако даже легкие прикосновения мужских рук к обнаженным плечам воспринимались ею как укусы moskitov, и ей немедленно хотелось высвободиться из чужих объятий и убежать прочь.

Но вот отец лично подвел к ней очередного партнера и представил молодого человека.

– Изабелла, хочу познакомить тебя с Густаво Айрис Кабралом. Он весь вечер восхищается тобой издали. Не откажи ему в удовольствии потанцевать с тобой хотя бы один танец.

Уже одно имя будущего партнера, невзрачного на вид молодого человека с худосочным бескровным лицом, немедленно сообщило Изабелле, что перед ней стоит представитель одной из наиболее аристократичных фамилий Бразилии.

– Конечно, – ответила она, скромно потупив очи. – Для меня это большая честь, сеньор Густаво.

Сразу же бросилось в глаза, что Густаво невысок ростом. Во всяком случае, их глаза находились на одном уровне. А когда он наклонился, чтобы поцеловать ей руку, Изабелла успела разглядеть на самой макушке едва наметившуюся лысину.

– Сеньорита, где же вы скрывались все это время? – восторженно пробормотал он, сопровождая ее на танцпол. – Вне всякого сомнения, вы самая красивая девушка Рио.

Во время танца Изабелла старалась не смотреть на отца. Она и так знала, что он неотступно наблюдает за ними и на его губах в этот момент играет самодовольная улыбка.

Потом подали многоярусный именинный торт (целых десять ярусов). Торт разрезали на порции, а всем гостям налили еще по бокалу шампанского прямо из фонтана. Послышались здравницы в честь виновницы торжества, но тут всех оглушил внезапный взрыв. У Изабеллы даже уши заложило от неожиданности. Она вместе со всеми присутствующими повернулась в сторону шума и увидела сотни рвущихся в небе петард, огненных колес и разноцветных звезд. Ночное небо над Рио осветил красочный фейерверк. Послышались восхищенные восклицания гостей. Густаво не отставал от Изабеллы ни на шаг. Вот и сейчас он пристроился у нее за плечом, а именинница с трудом выдавила из себя благодарную улыбку за еще один, такой неожиданный, подарок.

* * *

На следующее утро Изабелла проснулась в одиннадцать часов дня и сразу же принялась строчить письмо Лоен. Та ведь тоже сгорает от нетерпения, сидя на фазенде, жаждет поскорее узнать все подробности прошедшего праздника. Написав письмо, Изабелла поднялась с постели и спустилась вниз. Семейство Бонифацио вернулось домой лишь в пятом часу утра, и сейчас родители сидели в столовой за поздним завтраком, невыспавшиеся, с воспаленными от усталости глазами.

– О, кто к нам пожаловал! – весело воскликнул Антонио при виде дочери. – Сама коронованная принцесса Рио собственной персоной!

– Доброе утро, *паи*. Доброе утро, мама, – поздоровалась с родителями Изабелла, садясь за стол. Габриела тотчас же кинулась обслуживать ее. – Нет, спасибо, Габриела. Только кофе, пожалуйста, – проговорила Изабелла, обращаясь к служанке и легким взмахом руки отказываясь от всего остального.

– Ну, как сегодня чувствуешь себя, доченька? – поинтересовался у нее Антонио.

– Какая-то слабость во всем теле, – призналась Изабелла.

– Может, выпила вчера слишком много шампанского? – шутливо предположил отец. – Лично я так точно перебрал с выпивкой.

– Да нет, что ты, паи. За весь вечер я выпила лишь один бокал. Просто устала. А ты сегодня не торопишься к себе в контору?

– Нет. Я тут подумал и решил, что изредка могу позволить себе роскошь и немного задержаться. Ты только взгляни! – Антонио махнул рукой на серебряный поднос, стоявший на столе. На нем возвышалась огромная груда конвертов. – Многие уже прислали своих слуг, чтобы вручить тебе с самого утра благодарственные письма за прошедший вечер. Там и приглашений много. Приглашают тебя, кто на ленч, кто на ужин. А есть одно письмо частного характера. Оно адресовано тебе лично. Само собой, я не стал его читать, но, взглянув на печать, сразу же понял, от кого оно. Прочитай его, Изабелла, прямо сейчас и расскажи нам с матерью, что в нем.

Антонио передал письмо дочери. Изабелла взглянула на конверт и увидела на обороте восковую печать Айрис Кабрала. Она вскрыла конверт, извлекла из него листок красивой тисненой бумаги, прочитала несколько первых строк.

– Ну? – выжидательно глянул на нее Антонио.

– Это пишет Густаво Айрис Кабрал, благодарит меня за вчерашний вечер и выражает надежду на скорую встречу.

Антонио громко хлопнул в ладоши, не сдержав своей радости.

– Изабелла! Какая же ты у меня умница! Ведь Густаво ведет свое происхождение от самого последнего императора Португалии. Его родословная – одна из лучших в Рио.

– Только подумать, что такой человек пишет нашей дочери! – воскликнула Карла, прижимая руки к груди и тоже не в силах скрыть своего радостного волнения.

Изабелла глянула на оживленные лица родителей и вздохнула:

– Паи, Густаво всего лишь прислал мне благодарственную записку, выразил благодарность за минувший вечер. Он не делает мне предложение.

– Пока не делает, милая. Но в один прекрасный день обязательно сделает. – Отец весело подмигнул. – Я же видел, как он пожирал тебя

глазами. Да он и сам признался мне, что буквально сражен твоей красотой. А чему тут удивляться? – Антонио взял в руки утренний выпуск газеты «Новости Бразилии», на первой полосе которой красовалась фотография ослепительной Изабеллы, прибывшей на прием в свою честь. – О тебе сегодня весь город шумит, моя принцесса. Да, отныне и твоя, и наша жизнь круто изменятся.

* * *

И действительно, все следующие несколько недель, по мере приближения Рождества и по мере того как очередной великосветский сезон в Рио набирал силу, Изабелла практически не бывала дома. Снова была приглашена мадам Дюшан, и ей был сделан заказ на очередную порцию нарядов для Изабеллы: платья для танцев, вечерние туалеты для посещения оперы, несколько платьев для частных ужинов и обедов, на которые она получила приглашения. Уроки сеньоры Сантос не прошли бесследно. На всех светских мероприятиях Изабелла держала себя с достоинством и была выше всяких похвал.

Густаво Айрис Кабрал, которого Мария Элиза обзывала в разговорах с подругой «хорьком» из-за действительно явного сходства с этим зверьком и его постоянного обхаживания и обнюхивания Изабеллы, как правило, тоже присутствовал на большинстве этих великосветских мероприятий.

На премьере оперы Моцарта «Дон Жуан» в Муниципальном театре Рио Густаво, заметив Изабеллу еще в фойе перед началом спектакля, подошел и пригласил ее в антракте посетить ложу своих родителей, чтобы познакомить ее с ними.

– О, тебе оказана большая честь! – иронично вскинула брови Мария Элиза, когда Густаво отошел от них и смешался с толпой зрителей, многие из которых с удовольствием наслаждались шампанским в ожидании того момента, когда поднимется занавес. – Во всяком случае, – не сдержала она ироничного смеха, – эти люди ведут себя так, как будто знакомство с ними действительно большая честь для всех остальных.

Но, как бы то ни было, а Изабелла, зайдя в ложу родителей Густаво, тут же непроизвольно опустилась перед ними в низком реверансе, будто и в самом деле предстала перед императорской четой. Мать Густаво, Луиза Айрис Кабрал, надменная дама, обвешанная с ног до головы бриллиантами, окинула девушку холодным взглядом, слегка прищурив при этом глаза.

– Сеньорита Бонифацио, а вы действительно очень хороши собой, как все о том твердят, – милостиво заметила она.

– Благодарю вас, – робко ответила Изабелла.

– А ваши родители, они тоже здесь? Не припоминаю, чтобы мы имели удовольствие познакомиться с ними ранее.

– Нет, сегодня моих родителей в театре нет.

– Насколько я в курсе, ваш отец владеет целым рядом кофейных плантаций в районе Сан-Пауло, – подал голос отец Густаво по имени Маурицио, точная копия своего сына, только изрядно постаревшая.

– Да, сеньор, это так.

– И, разумеется, на кофе он и разбогател, – едко заметила Луиза. – В этом регионе полно новых денег.

– Да, сеньора, – послушно согласилась с ней Изабелла, вполне уразумев весь подтекст этого своеобразного щелчка по носу.

– Что ж, – снова вступил в разговор Маурицио, бросив выразительный взгляд на супругу, – думаю, пора нам познакомиться с вашими родителями поближе. Пошлем им приглашение отобедать у нас.

– Разумеется. – Сеньора Айрис Кабрал величественно кивнула Изабелле головой и тут же переключила свое внимание на даму, сидевшую рядом с ней.

– Думаю, вы им понравились, – заметил Густаво, выходя из родительской ложи, чтобы сопроводить Изабеллу в ее ложу.

– Неужели? – У самой Изабеллы сложилось прямо противоположное мнение.

– Да. Они ведь задавали вопросы, с интересом выслушивали ваши ответы. Это хороший знак. Я им обязательно напомню о том, что они обещали пригласить ваших родителей к нам в дом.

Рассказывая Марии Элизе о том, как прошла аудиенция у родителей Густаво, Изабелла вполне искренне понадеялась на то, что Густаво забудет о своем обещании что-то там напоминать им.

* * *

Однако в положенный срок семейство Бонифацио получило приглашение на обед в дом Айрис Кабрал. Приглашали всех троих. Карла днями напролет металась по дому в полнейшей прострации по поводу того, что надеть и в чем идти в гости к таким уважаемым людям, попутно перемерив все платья в своем гардеробе.

– Мамочка, зачем так волноваться? Ведь это всего лишь обед, – уговаривала ее Изабелла. – Уверена, этим Кабралам все равно, в чем ты явишься.

– О, если бы так! – тут же возразила ей Карла. – Разве ты не понимаешь, что нас там будут изучать, словно под микроскопом? И имей в виду. Достаточно одному отрицательному слову сорваться с уст Луизы Айрис Кабрал, и все двери домов Рио, которые с такой легкостью открылись перед тобой, тут же закроются. Ими хлопнут прямо перед нашими лицами.

Изабелла подавила вздох и молча вышла из гардеробной матери. Ей хотелось крикнуть во весь голос, что ей ровным счетом все равно, что думает эта надменная семейка о ее родителях и о ней самой. В конце концов, она не вещь, которую можно продать *любому*.

* * *

– Так ты пойдешь за него замуж, если он сделает тебе предложение? – спросила у подруги Мария Элиза, когда после обеда приехала навестить Изабеллу и та рассказала ей о приглашении.

– Господи, с чего ты взяла? Да я же его совсем не знаю! К тому же не сомневаюсь, его родители подыскивают для него невесту не иначе как королевских кровей. Зачем им дочь итальянских иммигрантов?

– Может, в глубине души они и мечтают о какой-нибудь португальской принцессе, все так. Только вот мой отец как-то раз обронил в разговоре, что Кабралы переживают далеко не самые лучшие времена. Дела у них идут из рук вон плохо. Как и вся наша старая аристократия, они в свое время привыкли качать деньги из золотых приисков в Минас Гераис. Но то когда было... Двести лет тому назад. А потом с отменой рабства пришли в упадок и их

кофейные плантации. Папа говорит, что никто из них практически ничего не сделал для того, чтобы выправить ситуацию. Словом, промотали состояние и остались на бобах.

– Но разве можно назвать этих людей бедняками? У Кабралов один из лучших домов в Рио, а мать Густаво увешана бриллиантами с головы до ног, сверкает словно рождественская елка, – возразила подруге Изабелла.

– Что касается драгоценностей, то они фамильные, достались сеньоре Кабрал по наследству. А уж их дом... Да его, пожалуй, не красили лет пятьдесят, если не больше... Однажды папа осматривал их дом. Он отчаянно нуждается в капитальном ремонте. Во всех помещениях царит сырость, стены в ванной комнате покрыты слоем плесени. Но когда папа, оценив стоимость предполагаемых ремонтных работ, показал смету сеньору Айрис Кабрал, тот в ужасе замахал руками и немедленно разорвал соглашение о проведении каких бы то ни было работ в доме. – Мария Элиза равнодушно пожалала плечами: – Говорю же тебе, у них только имя громкое, но денег ни шиша. А твой отец, напротив, очень богат. – Она обозрела Изабеллу внимательным взглядом. – Неужели ты сама не понимаешь, к чему все движется?

– Даже если он сделает мне предложение, родители не заставят меня выйти за него. Ни за что! Особенно если будут знать, что это сделает меня несчастной.

– Ну, не все сразу. Конечно же, отец постарается переубедить тебя. Для него видеть собственную дочь замужем за самим Айрис Кабралом, перспектива иметь внуков с такой родословной, это, можно сказать, мечта всей его жизни. Идеальный брак во всех отношениях. Это тебе любой подтвердит. С твоей стороны – красота и богатство, а Густаво предложит взамен свое имя и благородное происхождение.

Хотя Изабелла намеренно избегала даже мыслей о том, что такое развитие событий вполне возможно, прямолинейность подруги сделала свое дело. Слова Марии Элизы попали в цель.

– Боже! Помоги мне! – в отчаянии взмолилась Изабелла. – Что же мне делать? – обратилась она к подруге.

– Ума не приложу, Изабелла. Честно, не знаю!

Тогда Изабелла сознательно перевела разговор на другое, пытаясь унять охватившее ее отчаяние. Она вдруг озвучила вслух идею,

которая не давала ей покоя с тех самых пор, как Мария Элиза впервые упомянула о предполагаемой поездке в Европу.

– А когда вы отправляетесь в Европу? – спросила Изабелла у подруги.

– Через полтора месяца. Ой, я просто не могу дождаться! Сгораю от нетерпения. Папа уже заказал для нас каюты на пароходе, который доставит нас напрямиком во Францию.

– Послушай, Мария Элиза... – Изабелла схватила подругу за руку. – Прошу тебя, умоляю... поговори с отцом. А он пусть переговорит с моим, попросит, чтобы мне разрешили отправиться вместе с вами во Францию. Уж он наверняка сумеет убедить моего отца, что такое путешествие по Старому Свету поможет мне должным образом завершить свое образование, что особенно важно, если я хочу удачно выйти замуж. Мне действительно нужно срочно что-то предпринять. Иначе, ты права, в ближайшие же несколько месяцев родители заставят меня выйти замуж за Густаво. Мне нужно как-то избежать этого. *Ну, пожалуйста!*

– Хорошо! – Мария Элиза пристально взглянула на подругу своими умными карими глазами. – Я поговорю с папой. Посмотрим, что он сможет для тебя сделать. Но, возможно, мы уже опоздали. Раз Айрис Кабралы пригласили тебя и твоих родителей к себе в дом, то, значит, предложение вот-вот будет сделано.

– Но мне всего лишь восемнадцать лет! Рано ведь еще замуж. Вспомни! Берта Лутц неустанно призывает всех нас бороться за собственную независимость, самим зарабатывать себе на жизнь. Она говорит, что не нужно продавать себя мужчинам даже за самую высокую цену. И многие женщины поддерживают ее требования о равных правах с мужчинами. Разве не так?

– Все так, Изабелла, поддерживают. Но ты, Изабелла, не из *тех женщин*, понимаешь меня? – Мария Луиза ласково погладила руку подруги. – Обещаю, я обязательно переговорю с папой, и мы вместе подумаем, что нам сделать, чтобы увезти тебя из Рио хотя бы на несколько месяцев.

– А может, я там и останусь... навсегда, – прошептала про себя Изабелла.

На следующий день Изабелла уселась вместе с родителями в машину, и они направились на виллу Каса дас Оркуидеас, фамильный особняк семейства Айрис Кабрал. Карла сидела рядом с дочерью, и Изабелла видела, как нервничает мать.

– Мамочка, но ведь это всего лишь обед, – попыталась она успокоить мать.

– Знаю-знаю, милая, – отрешенно ответила Карла, глядя куда-то вдаль. Но вот шофер въехал через высокие кованые ворота во двор и остановил машину перед величественным белым зданием.

– А дом действительно впечатляет, – констатировал Антонио, выходя из машины. Затем все трое проследовали к парадным дверям под высоким портиком.

Однако, несмотря на внушительные размеры красивой виллы, выстроенной в строгом соответствии с требованиями классической архитектуры, Изабелла невольно вспомнила все то, что говорила ей Мария Элиза, рассказывая об этом доме. Бросились в глаза общая неухоженность сада, особенно в сопоставлении с их собственным, и облезлая краска на стенах дома.

Их встретила горничная и проводила в парадную гостиную, заставленную антикварной мебелью. Изабелла потянула носом. В этом строгом, аскетичном на вид помещении сильно пахло сыростью. Несмотря на жаркий день, Изабелла зябко повела плечами.

– Я немедленно доложу сеньоре Айрис Кабрал о вашем приезде, – проговорила горничная, приглашая их садиться.

Они расселись и застыли в ожидании, которое продлилось непозволительно долго. Все трое безмолвствовали. Наконец в комнате появился Густаво. Он обменялся рукопожатием с Антонио, поцеловал руку Карле, затем взял руку Изабеллы.

– Как вы прекрасны сегодня, Изабелла! – восхищенно воскликнул он. – Могу я предложить вам что-то освежающее, пока мои родители не присоединились к нам?

Минут десять длился общий разговор ни о чем. Наконец сеньора и сеньор Айрис Кабрал вошли в гостиную.

– Прошу простить нас за некоторую задержку. Дела семейные, знаете ли, никуда от них не деться. Но вот мы здесь! – проговорил сеньор Кабрал, обращаясь к гостям. – Не пора ли нам приступить к обеду?

Столовая поражала своим величием. Изабелла даже прикинула, что за овальным парадным столом из красного дерева безо всякого труда можно разместить гостей сорок, если не больше. Но стоило ей задрать голову вверх, и она тут же заметила, что расписной потолок весь испещрен большими трещинами.

– Вам удобно, сеньорита Изабелла? – поинтересовался у нее Густаво, усаживаясь рядом.

– Да, все прекрасно.

– Тогда хорошо.

Изабелла лихорадочно перебирала в уме, о чем можно поговорить с Густаво в течение обеда. Ведь они до сих пор практически не общались, разве что обменялись парой-тройкой дежурных фраз на всяких светских мероприятиях.

– А сколько лет ваша семья живет в этом доме? – нашлась она наконец.

– Более двухсот. Должен заметить, что с тех пор здесь мало что изменилось, – с легкой улыбкой добавил Густаво. – Порой у меня такое чувство, будто я живу в музее, хотя и очень красивом.

– Действительно все очень красиво, – согласилась с ним Изабелла.

– Как и вы, – не преминул заметить Густаво с чисто светской любезностью.

В течение всего обеда Густаво не сводил с Изабеллы глаз. Стоило ей повернуть голову в его сторону, и она тут же ловила его взгляд, исполненный самого неподдельного восхищения. В отличие от его родителей, которые держались чопорно и надменно. Вежливый разговор, который они вели с четой Бонифацио, смахивал скорее на допрос. Карла, сидевшая напротив Изабеллы, по другую сторону стола, была бледна и напряжена до крайности, пытаясь поддерживать некое подобие беседы с сеньорой Айрис Кабрал. Изабелла бросила на мать сочувственный взгляд.

Но мало-помалу вино развязало языки, и общее напряжение за столом стало спадать. Так, Густаво и вовсе разговорился с Изабеллой, чего раньше себе никогда не позволял. Он стал рассказывать ей о своем увлечении литературой, о том, как он любит классическую музыку, о том, что занимается изучением греческой философии и истории Португалии. Не проработав за всю свою жизнь ни одного дня, Густаво заполнял время постижением мировой культуры и в своих

рассуждениях об искусстве впервые предстал перед Изабеллой вполне нормальным, живым человеком. У нее даже возникла к нему некоторая симпатия. Ведь она и сама обожала искусство. Словом, все оставшееся обеденное время пролетело в самых приятных и непринужденных разговорах.

– Да вы самый настоящий ученый, – улыбнулась Изабелла, когда все поднялись из-за стола и снова перешли в гостиную, куда им подали кофе.

– Право же, вы очень добры ко мне, Изабелла. Хотя любой комплимент из ваших уст для меня в тысячи раз дороже, чем похвалы других людей. К тому же вы и сами превосходно разбираетесь в искусстве.

– А я всю жизнь мечтаю совершить путешествие в Европу, собственными глазами увидеть все шедевры мировой живописи, – со вздохом призналась Изабелла.

Где-то через полчаса семейство Бонифацио откланялось.

Уже сидя в машине, Антонио вдруг повернул голову и с улыбкой триумфатора оглядел жену и дочь, сидевших сзади.

– Лучшего и быть не могло! Все прошло просто превосходно.

– Да, дорогой, – согласилась с мужем Карла, как всегда, верно угадав ход мыслей своего мужа. – Обед прошел хорошо.

– Но дом! Господи ты боже мой! Проще сровнять его с землей и отстроить заново. Чтобы его отреставрировать, надо будет вложить целое состояние, предварительно заработав его на кофе. – Антонио самодовольно улыбнулся. – А уж чем они нас кормили! Да я в придорожных забегаловках, бывало, обедал лучше! Когда на следующей неделе мы пригласим их на ужин, ты, Карла, должна постараться и не ударить в грязь лицом. Покажем им, что такое настоящий ужин в приличном доме. Скажи повару, самая лучшая рыба, самое отборное мясо, и пусть не жалеет денег на продукты.

– Да, Антонио.

Сразу же по приезде домой Антонио, высадив женщин, заторопился на работу. Изабелла с матерью пошли пешком через сад к дому.

– А Густаво очень милый молодой человек, ты не находишь? – вдруг сказала Карла.

– Да, мама, – согласилась с ней Изабелла.

– Мне кажется, доченька, он от тебя без ума. Я права? – снова осторожно предположила Карла.

– Конечно же, нет! С чего ты взяла, мама? Мы с ним только сегодня впервые поговорили как следует.

– Да я просто видела, какими глазами он смотрел на тебя во время обеда. Говорю же, он влюблен в тебя по уши. – Карла издала протяжный вздох. – Хоть это утешает меня и делает немножко счастливее.

– Так ты поговорила со своим отцом насчет меня? – сразу же набросилась Изабелла на подругу, когда та через пару дней снова заглянула к ней. Она даже расслышала явственные нотки отчаяния в своем голосе.

– Поговорила, поговорила, – поспешила успокоить ее Мария Элиза, пока они устраивались на своей любимой скамейке в самом дальнем уголке сада. – Папе твоя идея пришла даже очень по душе, он сказал, что было бы совсем неплохо, если бы в эту поездку ты отправилась вместе с нами. При условии, конечно, что твой отец не станет возражать. Папа обещал обязательно переговорить с ним сегодня.

– Господи боже мой! – выдохнула Изабелла. – Мне остается лишь молиться и надеяться, что твой отец сумеет убедить моего в целесообразности такой затеи и тот даст разрешение на поездку.

– Но меня, Изабелла, беспокоит другое. Из того, что ты мне только что рассказала, следует, что предложение Густаво может сделать в любой ближайший день. И даже если твой отец и согласится отпустить тебя в Европу, то как на это посмотрит твой потенциальный жених? Думаю, он не захочет отпускать тебя одну, да еще так далеко.

Мария Элиза сделала короткую паузу, увидев смятение на лице Изабеллы.

– В конце концов, а что такого ужасного в том, чтобы выйти замуж за Густаво? Ты ведь сама только что рассказывала мне, что он показался тебе умным, образованным, интеллигентным человеком. К тому же добрым. Станешь жить в одном из самых прекрасных дворцов в Рио. А уж твой отец, не сомневайся, будет только счастлив привести дом в надлежащий порядок и отреставрировать его уже в соответствии с твоими вкусами. С таким именем плюс с твоей красотой ты, несомненно, станешь королевой высшего света Рио-де-Жанейро. Да многие девушки только мечтали бы о таком будущем для себя, – особо подчеркнула Мария Элиза в конце.

– Что ты такое говоришь? – сверкнула карими глазами Изабелла, повернувшись к подруге. – А я-то думала, что ты на моей стороне.

– Я и есть на твоей стороне. Но ты же меня знаешь, Изабелла. Я – прагматик. Прислушиваюсь больше к разуму, а не к сердцу. Я хочу лишь, чтобы ты поняла. Своими необдуманными действиями ты можешь только все испортить.

– Но Мария Элиза! – Изабелла в отчаянии всплеснула руками. – Я его не люблю! Как же ты не понимаешь? Ведь это же самое главное в браке, разве не так?

– В идеальном мире – да, это главное. Но мы-то обе прекрасно понимаем, что тот мир, в котором мы живем, далеко не идеален.

– Ты рассуждаешь словно старуха какая-то. Будто ты сама, Мария Элиза, не мечтаешь в кого-нибудь влюбиться.

– Может, и мечтаю, – согласилась подруга. – Но при этом я хорошо понимаю, что любовь – это лишь одна из многих составляющих, которые учитываются при вступлении в брак. Я просто предупреждаю тебя, Изабелла. Будь осмотрительна. Потому что если ты ответишь отказом на предложение Густаво, то его семья воспримет твой поступок как самое страшное оскорбление. Да, они больше не богаты, но здесь, в Рио, эта семья по-прежнему очень влиятельна. И им вполне по силам осложнить жизнь и тебе, и твоим родителям.

– То есть, по-твоему, другого выхода у меня нет? И если Густаво сделает мне предложение, я должна буду принять его, да? Да лучше я взберусь на вершину горы Корковадо и брошусь оттуда вниз головой.

– Что ты несешь? – укоризненно покачала головой Мария Элиза. – Успокойся! Возьми себя в руки. Я уверена, что всегда можно найти выход. Но для этого ты и сама должна быть готова к компромиссам. Надо всего лишь немного поступиться *своими желаниями* в угоду желаниям других людей.

Изабелла окинула Марию Элизу внимательным взглядом. Они по-прежнему сидели на скамейке в густой заросли деревьев. Вокруг весело щебетали птички. Выражение лица подруги было прозрачно-чистым и спокойным. Словно такая ровная, зеркальная гладь воды без следов малейшей ряби на ней. Иное дело Изабелла! Стремительный, бурлящий и ревущий водопад, срывающийся вниз откуда-то с гор и крушащий все на своем пути.

– Как жаль, что я не похожа на тебя, Мария Элиза. Ты такая разумная, все понимаешь правильно...

– Скорее, я все принимаю таким, как оно есть. Да, Изабелла, я другая. Не такая страстная натура, как ты. И у меня нет твоей красоты.

– Не говори глупостей. Ты одна из самых красивых девушек в нашем городе. Да и не только в нем. – Внезапно Изабелла придвинулась к подруге и обняла ее. – Спасибо тебе, Мария Элиза. За совет, за участие... Ты – настоящая подруга.

* * *

Где-то через час перед парадной дверью виллы Бонифацио появился Эйтор да Силва Коста, отец Марии Элизы. Открыла Габриела. Девушки, притаившись за дверями утренней гостиной, замерли в ожидании того, что будет дальше. Сеньор да Силва Коста поинтересовался у служанки, дома ли хозяин.

Сама Изабелла до сей поры не обменялась с отцом подруги и десятком фраз, таких ничего не значащих любезностей, когда встречалась с ним на разных светских мероприятиях. Но все равно, этот человек ей очень нравился. Красивый мужчина с правильными чертами лица и бледно-голубыми глазами, которые, как ей казалось, очень часто блуждали совсем в иных мирах, нежели в тех, в которых ему приходилось вращаться. Вполне возможно, размышляла она, в такие минуты мысли сеньора да Силва Коста заняты исключительно монументальной фигурой Христа, над которой он сейчас работает, или горой Корковадо, на вершине которой предполагается воздвигнуть памятник.

Изабелла облегченно перевела дух, когда услышала шаги отца. Тот, несколько удивленный появлением неожиданного гостя, лично вышел из кабинета, чтобы поздороваться с ним. В ее сердце тотчас же затеплилась слабая надежда. Она знала, Антонио уважает сеньора да Силва Коста, и не только потому, что тот происходит из родовитой португальской семьи. Главным образом за его труд над проектом памятника Христу. Вообще, эта работа сделала да Силву Коста самой настоящей знаменитостью в Рио.

Девушки прислушались к тому, как оба их отца пересекли холл и скрылись в гостиной, плотно прикрыв за собой дверь.

– Я не вынесу этих мучительных минут ожидания! – воскликнула Изабелла и рухнула на стул. – Все мое будущее зависит от их разговора.

– Пожалуйста, не драматизируй ситуацию, Изабелла, – улыбнулась в ответ Мария Элиза. – Уверена, все устроится наилучшим образом.

Прошло минут двадцать, в течение которых Изабелла буквально сгорала от нетерпения. Но вот дверь гостиной снова отворилась, и мужчины вышли в холл, разговаривая на ходу о статуе Христа.

– Дайте мне знать, когда захотите подняться на гору и лично увидеть все то, что я там напланировал, и я обязательно устрою для вас специальную экскурсию, – промолвил Эйтор, обращаясь к Антонио. – А сейчас я забираю дочь и везу ее домой.

– Конечно-конечно! – Антонио велел Габриеле, чтобы та позвала Марию Элизу. – Рад был встретиться с вами, сеньор да Силва. И еще раз благодарю вас за ваше любезное предложение.

– Не стоит. Сущие пустяки. А вот и ты, Мария Элиза. Поторопись, дочка. У меня на пять часов назначена встреча в городе. Надо спешить. Адью, сеньор Бонифацио.

Отец с дочерью заторопились к дверям. Мария Элиза бросила на Изабеллу прощальный взгляд, полный неопределенности, и исчезла вслед за отцом на улице. Изабелла в нерешительности мялась в дальнем углу вестибюля.

Отец какое-то время постоял молча, затем развернулся, чтобы снова уединиться у себя в кабинете, но тут заметил дочь. Увидев ее напряженное лицо, он слегка покачал головой и тяжело вздохнул.

– Насколько можно судить по твоему лицу, ты в курсе.

– Это была идея Марии Элизы, – начала торопливо оправдываться Изабелла. – Она попросила меня составить ей компанию на время их путешествия в Европу. Ты же знаешь, у нее лишь два младших брата и...

– Я уже сказал сеньору да Силва Коста, а сейчас повторяю это и тебе, Изабелла. Вопрос даже не подлежит обсуждению.

– Но почему, паи? Разве ты не понимаешь, что такая поездка по Европе самым наилучшим образом поспособствует моему образованию?

– Твоего образования, Изабелла, с тебя вполне достаточно. Я истратил на твое обучение тысячи реалов, но все эти траты, к счастью, окупились с лихвой. Тебе уже удалось поймать в свои сети большую рыбку. Мы с тобой оба отлично понимаем, что сеньор Густаво может сделать тебе предложение буквально в любой день. Так объясни мне, ради всех святых, с какой стати я должен отпускать тебя в Старый Свет, когда ты вот-вот станешь королевой Нового Света?

– Папочка! Пожалуйста! Я...

– Все! Точка! Больше не желаю ничего слышать об этом. Тема закрыта. Увидимся за ужином.

Изабелла громко всхлипнула и, с трудом сдерживая рыдания, отвернулась от отца. Она помчалась через кухню к черному ходу, перепугав своим внезапным появлением и своим зареванным видом весь кухонный персонал, трудившийся над приготовлением ужина. Подбежала к дверям, рванула их на себя и выбежала в сад. Она бежала, не разбирая дороги, не заботясь о том, что может порвать платье, потом полезла в гору, хватаясь за ветки кустарников и стволы деревьев как за опору при восхождении.

Минут через десять она вскарабкалась достаточно высоко. Во всяком случае, здесь ее точно никто не услышит, подумала она и, упав на теплую землю, взвыла словно дикий зверь. Нарыдавшись и излив в слезах всю свою горечь, обиду, негодование, она перевернулась на спину и отряхнула землю со своего муслинового платья. Потом уселась, обхватив колени руками и придвинув их к самому подбородку. Она окинула взором открывшуюся ее глазу панораму Рио. Этот необыкновенно живописный и красивый вид стал понемногу успокаивать ее. Глянула вниз, туда, где среди деревьев белела их вилла в Космо Вело. Задрала голову вверх, над ней нависла гора Корковадо, ее вершина терялась среди густых облаков.

В противоположном направлении, по другую сторону горы, вдали виднелась фавела, убогое скопище лачуг и сараев, в которых ютятся бедняки, сооружающие себе дома из того, что им попадает под руку. Изабелла прислушалась. С порывами ветра до нее долетали звуки приглушенной барабанной дробы. Это жители фавелы развлекают себя днями и ночами игрой на барабанах, танцуя самбу, эту музыку полей и дикой природы, под которую они пытаются хоть на время забыть о своей тяжелой и безрадостной жизни. При мысли обо всех этих

несчастливых и обездоленных людях в голове у Изабеллы стало проясняться.

«Да я просто богатая, испорченная эгоистка, – попеняла она самой себе. – Как я могу вести себя столь непозволительным образом, когда у меня есть все? Когда у этих людей нет ничего».

Изабелла опустилась на колени и начала молиться.

– Помоги мне, Пресвятая Мадонна, очисти мое сердце от страстей и дурных мыслей. Сделай меня такой же трезвомыслящей и разумной, как Мария Элиза. И прости меня за все. – Она молилась горячо и неистово. – Я знаю, что веду себя плохо и недостойно. Обещаю Тебе, что отныне я буду благодарной и послушной дочерью и никогда и ни в чем не стану перечить своему отцу.

* * *

Через какое-то время Изабелла спустилась вниз и вернулась в дом через кухню, грязная, растрепанная, но с высоко поднятой головой. Она быстро поднялась к себе, велела Габриеле приготовить ванну, а потом, лежа в воде, стала размышлять о том, какой примерной и послушной она будет дочерью... и женой.

За ужином никаких разговоров о Европе и об отказе отца пустить ее туда. Лежа ночью в кровати, Изабелла точно знала, что эта тема более никогда не возникнет в их семейных разговорах.

Ровно через три недели семейство Айрис Кабрал в полном составе прибыло на виллу «Принцесса» в Космо Вело. Антонио старался продемонстрировать своим гостям, сколь успешно развивается его кофейный бизнес. Тем более что спрос на чудодейственный бразильский кофе действительно возрастал в Америке с каждым месяцем.

– Когда-то наша семья тоже владела несколькими кофейными плантациями, – заметил отец Густаво. – Но с отменой рабства они быстро пришли в упадок и стали нерентабельными.

– О да, – согласился с ним Антонио. – Мне еще повезло, что все мои кофейные плантации сосредоточены вокруг Сан-Пауло. В том регионе мы никогда не полагались исключительно на труд рабов. К тому же и земли у нас там будут получше, чем в здешних местах, более плодородные. Я почти уверен, что на данный момент мой кофе – один из лучших в Бразилии. Сами убедитесь в этом после ужина.

– Думаю, вы абсолютно правы, и у вашего бизнеса действительно очень хорошие перспективы. По моему мнению, Бразилии вполне по силам завоевать все рынки Нового Света, – сухо прокомментировал Маурицио слова Антонио.

– Но при этом не стоит забывать и о традициях и ценностях Старого Света, – заострила проблему мать Густаво.

За ужином Изабелла исподтишка наблюдала за Луизой Айрис Кабрал. Она почти не улыбалась. Наверняка в молодости эта женщина была очень хороша собой. Необычайно светлые голубые глаза, тонкая кость, правильные черты лица. Но такое впечатление, будто невзгоды прожитых лет начисто уничтожили все ее очарование и буквально съели изнутри. Изабелла тут же дала себе слово, что, как бы ни сложилась в дальнейшем ее жизнь, она постарается избежать подобной участи.

– Вы знакомы с Марией Элизой, дочерью Эйтора да Силва Коста? – тихо поинтересовался у нее сидевший рядом Густаво. – Вы ведь даже дружны, верно?

– Да, она моя хорошая подруга. А что?

– На следующей неделе я сопровождаю отца на встречу с сеньором да Силва Коста. Они встречаются на горе Корковадо. Там прямо на месте архитектор подробно расскажет нам о своих дальнейших планах и внесет необходимые уточнения, если потребуется. Мой отец ведь является членом Католического общества, которое впервые выдвинуло идею установить памятник Христу именно на горе Корковадо. Слышал, что сеньор да Силва Коста постоянно меняет концепцию своего будущего детища, что-то дорабатывает, от чего-то отказывается. Впрочем, ему не позавидуешь. Тяжелую ношу он взвалил на себя. И впереди еще много проблем. Ведь высота горы более семисот метров.

– А я вот ни разу не была на вершине Корковадо, хотя мы и живем совсем рядом, – призналась Изабелла.

– Так, может, ваш отец позволит мне свозить вас туда?

– Я была бы рада, спасибо, – вежливо ответила Изабелла на предложение Густаво.

– Вот и договорились! А я чуть позже переговорю с вашим отцом.

Изабелла снова повернулась к тарелке, чтобы приступить к десерту – подали нежнейший заварной крем из сгущенного молока, политый карамелью, но она чувствовала, что Густаво по-прежнему не сводит с нее глаз.

Через два часа, когда служанка закрыла за гостями парадную дверь, Антонио с сияющим лицом обратился к жене и дочери:

– Полагаю, мы произвели на них должное впечатление. А ты, моя принцесса, – он ласково потрепал Изабеллу по подбородку, – совсем скоро узнаешь от Густаво очень важную для себя новость. Прощаясь, он попросил у меня разрешения свозить тебя на следующей неделе на гору Корковадо. Что ж, лучшего места для того, чтобы сделать предложение девушке, и не придумаешь. Я прав?

Изабелла уже открыла рот, чтобы возразить отцу, но тут же вспомнила, что совсем недавно дала клятву Мадонне быть всегда и во всем послушной дочерью.

– Да, паи, – покорно пробормотала она, опустив глаза в пол.

Позже, уже лежа в постели и в который раз вздохнув, что рядом с ней нет верной Лоен, с которой можно было бы поделиться всеми своими переживаниями, Изабелла вдруг услышала негромкий стук в дверь.

– Входите, – проговорила она.

В дверях показалось лицо матери.

– Я тебя не разбудила, милая? – робко поинтересовалась Карла.

– Нет, мамочка. Пожалуйста, проходи, садись.

Изабелла разгладила рукой матрас, приглашая мать усесться рядом. Карла села на краешек кровати и взяла дочь за обе руки.

– Доченька, ты же знаешь, как сильно я тебя люблю. И я слишком хорошо знаю тебя, а потому обязана спросить у тебя кое о чем напрямую. Судя по всему, очень скоро Густаво сделает тебе предложение. Ты этого хочешь?

Изабелла снова вспомнила о своей клятве и, прежде чем ответить матери, старательно обдумала каждое слово.

– Мама, я не люблю Густаво, это правда. И его родители мне совсем не нравятся. Мы-то ведь с тобой понимаем, что они относятся к нам с высокомерной снисходительностью истинных снобов. Конечно, для своего единственного сына они бы предпочли совсем другую невесту – из хорошей португальской семьи. Но Густаво – милый и добрый. Мне вообще кажется, что он очень хороший человек. Я знаю, как вы с папой будете счастливы, особенно папа, конечно. А потому... – Изабелле не удалось подавить легкий вздох при последних словах. – А потому, если Густаво сделает мне предложение, я с радостью приму его.

Карла посмотрела на дочь в упор.

– Ты уверена в этом, Изабелла? Какие бы там планы ни строил на твой счет отец, я, как любящая мать, хочу знать. Это твой добровольный выбор? С нашей стороны будет ужасным грехом, если мы обречем тебя на жизнь с нелюбимым человеком. А я прежде всего хочу, чтобы ты была счастлива.

– Спасибо тебе, мамочка. Обещаю, я буду счастлива.

– Что ж, – негромко проронила Карла после короткой паузы. – Лично я считаю, что с годами между мужчиной и женщиной возникает не только взаимная приязнь, но и любовь. Можешь мне поверить, доченька. Уж я-то знаю, о чем говорю. Когда я выходила замуж за твоего отца, – Карла слегка закашлялась, видно, от смущения, – у меня тоже поначалу были большие сомнения. Зато сегодня, несмотря на все недостатки Антонио, я бы не променяла его ни на кого другого. Ни за

что на свете! И потом, запомни. Для семейной жизни всегда лучше, если муж любит жену сильнее, чем она его.

– Почему, мама?

– Видишь ли, доченька, женщины существа ветреные и сердца у них непостоянные. Они могут влюбляться по многу раз. А вот мужчины, несмотря на всю их внешнюю суровость и даже бесчувственность, они уж если полюбят, то полюбят навсегда. Густаво, как мне кажется, любит тебя по-настоящему. Это значит, что твой муж будет всегда рядом с тобой, не предаст тебя и не изменит. – Карла нежно поцеловала дочь. – Спокойной ночи, милая. Сладких тебе снов.

Карла ушла к себе, а Изабелла еще долго лежала без сна, обдумывая слова матери. Ей хотелось верить, что мама права.

* * *

– Готова?

– Да. – Изабелла терпеливо ждала в гостиной, пока родители въедливо осматривали ее со всех сторон.

– Превосходно выглядишь, моя принцесса, – констатировал наконец Антонио, не скрывая своего восхищения. – И какой мужчина сможет устоять перед твоими чарами?

– Нервничаешь, милая? – спросила у нее Карла.

– Мама, я всего лишь отправляюсь на экскурсию на гору Корковадо вместе с Густаво, и на этом все, – ответила Изабелла, старательно пряча нарастающее внутри раздражение.

– Что ж, посмотрим, что это будет за экскурсия, – многозначительно обронил Антонио. – В любом случае он уже здесь.

– Удачи тебе, доченька. И да благослови тебя Господь! – воскликнула Карла, целуя дочь в обе щеки.

– Ждем новостей, – напутствовал ее отец.

Изабелла вышла из гостиной. Густаво уже дожидался ее на улице. Терпеливо стоял, пока Изабелла закалывала шпильками новую атласную шляпку «клош», купленную специально для такого случая.

Густаво в светлом льняном костюме, красиво облежавшем его худую костлявую фигуру, смотрелся даже щеголевато. На голове у него красовалась элегантная соломенная шляпа.

– Сеньорита Изабелла! Как же вы прекрасны сегодня! Водитель уже ждет нас. Идем?

Они подошли к машине и оба уселись сзади. И тут только до Изабеллы дошло, что Густаво нервничает гораздо сильнее, чем она сама. Через минуты три машина остановилась возле небольшой железнодорожной станции, откуда поезда доставляют пассажиров на вершину горы Корковадо. Всю дорогу Густаво молчал. Помог Изабелле выйти из машины, а потом подняться в вагон. Такой миниатюрный состав, состоящий всего лишь из двух небольших вагонов и такого же крохотного паровозика.

– Надеюсь, вам понравится панорама, открывающаяся при подъеме поезда. Хотя могут быть и неприятные моменты. Начнет кружиться голова от высоты, – коротко прокомментировал их предстоящее путешествие Густаво.

Состав тронулся и начал подниматься вверх. Подъем был такой крутой, что Изабелла с трудом удерживала свою голову в вертикальном положении, изо всех сил стараясь держаться прямо. Внезапно состав наклонился в сторону, и Изабелла инстинктивно ухватилась за плечо Густаво, а он тут же обнял ее за талию, чтобы удержать на месте.

Пожалуй, они впервые вступили друг с другом в такой близкий, почти интимный, контакт. И хотя никакого волнения в душе Изабеллы не возникло, когда Густаво обвил рукою ее талию, но и отвращения она тоже не почувствовала. Такое ощущение, словно это рука старшего брата. Паровоз тархтел так громко, что никакие разговоры были просто невозможны. Мало-помалу Изабелла даже расслабилась и стала получать удовольствие от самой поездки. Их крохотный состав между тем упорно продолжал свой путь в гору, пробираясь сквозь густые джунгли по обе стороны колеи, те самые джунгли, которые начинались прямо за забором их дома и норовили пробиться своими корнями в их ухоженный сад.

Изабелла даже испытала некоторое разочарование, когда путешествие подошло к концу. Поезд прибыл на конечную станцию, расположенную на вершине горы, и все пассажиры покинули вагоны.

– Здесь есть смотровая площадка. С нее открывается просто фантастический вид на Рио. А можем подняться по ступенькам еще выше, на самую вершину. Своими глазами посмотрим, как

продвигаются строительные работы. Они сейчас там роют фундамент для статуи Спасителя, – предложил Густаво.

– Конечно, пойдем на самый верх, – улыбнулась в ответ Изабелла и увидела, что Густаво бросил на нее одобрителный взгляд. Они присоединились к другим, таким же смелым и решительным туристам, и начали взбираться по крутым ступеням к самой вершине. Солнце пекло нещадно, испытывая всех на прочность, и очень скоро они оба стали просто задыхаться в своих парадных нарядах.

«Главное – не потеть», – твердила про себя Изабелла, чувствуя, что белье уже прилипло к телу. Но наконец они вскарабкались на плато на самой макушке горы. Прямо перед собой они увидели еще одну смотровую площадку. Чуть дальше, уже по склону горы, виднелись механические землечерпалки и экскаваторы, которые своими гигантскими клешнями вонзались в скалистую породу. Густаво взял Изабеллу за руку и отвел под тент, который был натянут над смотровой площадкой.

– Сеньор да Силва Коста объяснял, что копать придется на многие-многие метры вглубь. Фундамент должен быть особо прочным, чтобы статуя, в случае чего, не опрокинулась, – пояснил ей Густаво. – А сейчас, – он осторожно взял Изабеллу за плечи и развернул в противоположную сторону, а потом подвел к самому краю смотровой площадки, – взгляните вон туда!

Изабелла проследила за движением его указательного пальца и увидела элегантное здание под сверкающей красной крышей.

– Это что? Парк Энрике Лаге? – спросила она.

– Да. А рядом ботанический сад. Правда просто потрясающее зрелище? А историю этого дома вы знаете?

– Нет.

– Она достаточно занимательная, да и произошла сравнительно недавно. Один наш соотечественник страстно влюбился в итальянскую оперную диву. Он очень хотел, чтобы она стала его женой и переехала вместе с ним в Рио. Но примадонна привыкла к Италии и никуда не хотела уезжать. Тогда он спросил у нее, что он должен сделать такого, чтобы ей захотелось покинуть свой любимый Рим. Она ответила, что хочет жить в таком же роскошном палаццо, как те, которые есть в Италии и которые ей так нравятся. И представьте себе, влюбленный обожатель выстроил для своей возлюбленной такой дворец. – Густаво

слегка улыбнулся. – После чего она вышла за него замуж и переехала-таки в Рио. Эта женщина и по сей день продолжает жить в стенах своего прекрасного палатца, который стал таким своеобразным кусочком ее далекой родины.

– Какая романтическая история, – едва слышно обронила Изабелла и вдруг, поддавшись неожиданному порыву, перегнулась через перила и бросила взгляд вниз, на красоты, открывшиеся взору. И в то же мгновение рука снова крепко обхватила ее за талию.

– Осторожнее! Не хочу потом оправдываться перед вашими родителями и объяснять им, как и почему вы свалились с вершины горы Корковадо, – промолвил Густаво, улыбаясь. – Знаете, Изабелла, если бы я мог, я бы тоже выстроил для вас такой же прекрасный дворец, как тот, которым вы сейчас любуетесь.

Изабелла все еще стояла, перегнувшись через перила, а потому Густаво не видел выражение ее лица.

– Как это мило с вашей стороны, Густаво, – откликнулась она после короткой паузы.

– И это – чистая правда, Изабелла. – Он осторожно развернул ее к себе лицом. – Вы должны знать, что я намереваюсь просить вас...

– Я...

И в ту же минуту он приложил палец к ее губам.

– Пожалуйста, прошу вас, ничего не говорите сейчас. Иначе у меня просто не хватит смелости продолжать. – Густаво нервно откашлялся. – Я ведь прекрасно понимаю, что при вашей красоте вы заслуживаете себе совсем другого мужа. Не такого, как я... Мы оба знаем, вы можете заполучить себе в мужья любого, кого захотите. Все мужчины Рио в плену вашего очарования и красоты. И я всего лишь один из них. Но хочу сказать, что я ценю в вас не только вашу ослепительную внешность.

Густаво снова замолчал, и Изабелла почувствовала, что должна что-то ответить. Но едва она раскрыла рот, как он снова приложил палец к ее губам, заставляя замолчать.

– Пожалуйста, позвольте мне закончить. С самой первой минуты, как я увидел вас на торжественном приеме по случаю вашего восемнадцатилетия, я сразу же понял, что больше всего на свете хочу быть рядом с вами. Я попросил вашего отца представить меня вам. – Густаво смущенно повел плечами. – Ну а остальное вы знаете сами.

Конечно, мы с вами должны реально смотреть на вещи, принять как данность, что союз между нами – это своего рода договор, по которому обе стороны получают что-то для себя. У вашей семьи есть деньги, моя семья родовита и знатна. Но что касается меня, Изабелла, то хочу с самого начала со всей искренностью заявить вам, что отнюдь не этими приоритетами я буду руководствоваться, создавая нашу семью. И не это для меня главное. Потому что... – Густаво опустил голову, но потом снова поднял глаза и посмотрел прямо в лицо Изабелле: – Потому что я люблю вас.

Изабелла тоже взглянула на него и увидела его открытый и честный взгляд. И хотя она заранее знала, что Густаво обязательно сделает ей сегодня предложение, но его речь, трогательные и хватающие за душу слова, которые он нашел для такого случая, произвели на нее гораздо большее впечатление, чем она предполагала. И она уже с полным основанием поверила всему тому, что говорила ей мама. Странно, но в этот судьбоносный для себя момент Изабелла почувствовала не только волну симпатии к Густаво. Ее вдруг охватило чувство вины за то, что она не может вот так же искренне разделить с ним его чувства. Но, может быть, это случится в один прекрасный день, и тогда все отдельные фрагменты непростой головоломки станут на свои места.

– Густаво, я...

– Изабелла, прошу вас! – снова взмолился он. – Я уже почти закончил. Понимаю, такая девушка, как вы, не станет испытывать ко мне подобные чувства. Но я верю, что смогу дать вам многое из того, что вам понадобится для счастливой и полной жизни. А еще я надеюсь, что со временем вы даже полюбите меня... хотя бы самую малость...

Изабелла оторвала взгляд от Густаво и увидела, что вся публика уже покинула смотровую площадку и они остались вдвоем.

– И вот еще что, если это поможет, – продолжал Густаво. – Несколько дней тому назад я встречался с сеньором да Силва Коста, и он рассказал мне о том, как вы мечтали отправиться в Европу вместе с его семьей. Так вот, Изабелла, я тоже хочу, чтобы вы совершили это путешествие. Если вы примете мое предложение и согласитесь немедленно объявить о нашей помолвке, а по возвращении из Европы выйдете за меня замуж, то обещаю, я поговорю с вашим отцом и

постараюсь убедить его, что такой культурно-познавательный тур по Старому Свету наилучшим образом подойдет для моей будущей жены.

Изабелла ошарашенно уставилась на него, отказываясь верить своим ушам.

– Вы ведь еще так молоды, дорогая моя. Не забывайте, я старше вас почти на десять лет. – Густаво с нежностью коснулся ее щеки. – Вам еще нужно учиться, расширять свой кругозор, как это делал я, когда был в вашем возрасте. Так что скажете?

Изабелла понимала, отвечать надо быстро. То, что предлагал ей Густаво, – это же все ее мечты, но только уже наяву. Одно его слово способно дать ей ту свободу, о которой она так страстно мечтала. Свободу путешествовать по миру, вырваться за тесные пределы Рио. Правда, за эту свободу придется заплатить дорогую цену. Но она ведь и так была готова согласиться стать женой Густаво.

– Густаво, это очень благородно с вашей стороны – предложить мне такую возможность.

– Конечно, не могу сказать, Изабелла, что я страшно рад отпускать вас так далеко. Я буду скучать, страшно скучать... Но я вполне отдаю себе отчет: нельзя держать красивую птичку в клетке. Если ты любишь ее по-настоящему, выпусти ее на волю, пусть себе летает. – Густаво взял Изабеллу за руки. – Само собой, я бы предпочел лично познакомить вас со всеми красотами Европы. Более того, я даже рассматривал возможность того, чтобы провести там наш медовый месяц. Но буду честен. На сегодняшний день у меня просто нет денег на такое дорогостоящее предприятие. К тому же я обязан быть рядом с родителями. Они во многом зависят от меня. Так что скажете? – Густаво бросил на нее выжидательный взгляд.

– Густаво, но как отнесутся ваши родители, все великосветское общество Рио к вашему столь неожиданному предложению? Одобряют ли они мой отъезд? Вам не кажется, что, став вашей невестой, я обязана быть рядом с вами до самого момента нашей свадьбы?

– В Старом Свете, откуда родом мои родители, подобные образовательные путешествия для молодых девушек перед тем, как они вступают в брак, вполне распространенная практика. А потому мои родители все поймут правильно. Итак, дорогая Изабелла, не томите меня более и дайте свой ответ. Я уже сгораю от нетерпения.

– Я думаю. – Изабелла сделала глубокий вдох. – Я думаю, что скажу вам «да».

– Бог мой! Хвала Всевышнему! – Густаво облегченно вздохнул. – Тогда позвольте преподнести вам вот это.

Густаво сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда потрепанную кожаную коробочку.

– Это кольцо – фамильная драгоценность нашей семьи. Согласно семейным преданиям, его носила кузина императора дона Педру. Ей кольцо тоже преподнесли в день помолвки.

Изабелла с восхищением глянула на безупречно чистый бриллиант в обрамлении двух сапфиров.

– Какая красота! – не сдержала она своих эмоций.

– Центральный бриллиант – очень старинный. Его добыли в рудниках Тижуки, а золото – из Ору-Прету. Можно мне надеть его на ваш палец? Посмотреть, подходит ли кольцо по размеру, – торопливо добавил он. – Я ведь должен сделать еще официальное предложение, попросить вашей руки у вашего отца. Что я и намереваюсь сделать после того, как отвезу вас домой.

– Конечно.

Густаво надел кольцо на безымянный палец правой руки.

– Ну вот! Немного великовато. Надо слегка уменьшить размер, чтобы оно точно село на ваш тоненький пальчик, но смотрится очень хорошо. – Густаво взял руку Изабеллы и поцеловал кольцо. – Признаюсь вам, дорогая Изабелла, первое, что мне бросилось в глаза, когда я увидел вас, это именно ваши руки. Они, – он принялся целовать каждый ее пальчик, – совершенны.

– Большое спасибо.

Густаво осторожно снял кольцо с пальца и снова спрятал его в коробочку.

– А сейчас нам стоит поторопиться вниз. Иначе мы можем не успеть на последний поезд и застрянем здесь на ночь. Не думаю, что это сильно обрадует вашего отца, – добавил он, слегка скривившись.

– Совсем не обрадует, – согласилась с ним Изабелла. Густаво бережно взял ее за руку и повел со смотровой площадки вниз по лестнице, по направлению к небольшой железнодорожной станции. В глубине души Изабелла прекрасно понимала, что после того, как она заполучила в свои сети «принца», отца обрадует все, что угодно.

Когда они вернулись домой, Изабелла тотчас же исчезла в своей комнате, а Густаво пошел разговаривать с Антонио. Она уселась на краешке кровати и затаилась в ожидании. Отослала прочь Габриелу, когда та вошла и спросила ее, не желает ли барышня переодеться. Приподнятое настроение в ее душе боролось с неуверенностью и страхом.

Изабелла попыталась разобраться в тех причинах, которые побудили Густаво сделать ей столь неожиданное предложение – отправиться в путешествие по Европе. Вдруг он тоже втайне от всех ищет предлог для того, чтобы отсрочить их бракосочетание? Наверное, считает себя не вполне готовым к такому скоропалительному браку. А что, если на бедного Густаво его родители оказывали точно такое же давление, какое оказывал на нее отец? С другой стороны, Густаво смотрел на нее такими влюбленными глазами, когда делал предложение... Вряд ли такую искренность можно симитировать.

Ход ее мыслей нарушило вторичное появление Габриелы. Служанка вошла в комнату, широко улыбаясь.

– Сеньор Антонио просит вас спуститься вниз, сеньорита. А меня он попросил принести в гостиную лучшее шампанское. Мои поздравления, сеньорита. От души желаю вам счастья. Пусть святая Мадонна благословит вас и подарит вам много деток.

– Спасибо, Габриела, – улыбнулась в ответ Изабелла и вышла из спальни. Легко сбежав по лестнице, она направилась на звук голосов в гостиную.

– А вот и она, наша будущая невеста! Ступай же, поцелуй своего отца, моя принцесса. И знай, что я только что дал свое благословение на ваш союз.

– Спасибо, паи, – смущенно ответила Изабелла, а Антонио с жаром расцеловал дочь в обе щеки.

– Дорогая моя Изабелла! Знай, что сегодня ты сделала своего отца самым счастливым человеком на свете.

– А меня – самым счастливым мужчиной в Рио, – просиял Густаво.

– А вот и наша мама, готовая разделить вместе с нами нашу общую радость, – добавил Антонио, увидев жену, входящую в

гостиную.

Снова последовала череда взаимных поздравлений. Подали шампанское. И все четверо выпили за здоровье Изабеллы и Густаво и за их будущее семейное счастье.

– Но, признаюсь, я изрядно озадачен, сеньор Густаво, вашим желанием отправить свою невесту за тысячи миль от себя накануне свадьбы, – заметил Антонио, слегка нахмурившись, и бросил на Густаво вопросительный взгляд.

– Как я уже пояснил, Изабелла еще очень молода. Полагаю, путешествие в Европу поможет ей повзрослеть, обрести большую уверенность в себе. А когда мы состаримся, то у нас будет о чем поговорить и что вспомнить и нам не будет скучно вместе, – сказал Густаво с улыбкой, а исподтишка незаметно подмигнул Изабелле.

– Ну, не знаю, не знаю! – неохотно уступил ему Антонио. – Пока вижу лишь один небольшой плюс. Оказавшись в Париже, Изабелла сможет лично посетить всех самых известных французских кутюрье и выбрать подходящий фасон для свадебного платья.

– И это тоже. Хотя я не сомневаюсь, Изабелла будет смотреться превосходно в любом наряде. А сейчас, – Густаво осушил свой бокал до дна, – я должен поспешить к себе. Хочу сообщить своим родителям счастливую новость. Впрочем, она не станет для них большим сюрпризом, – добавил он, улыбаясь.

– Конечно-конечно. Но, прежде чем ваша невеста отбудет в Европу, мы должны организовать прием по случаю вашей помолвки. Думаю, «Дворец Копакабана» вполне подойдет для этой цели. Ведь именно там вы впервые увидели свою будущую жену. – Антонио с трудом сдерживал желание улыбнуться во весь рот. – А еще нужно обязательно дать объявления в колонки светской хроники всех ведущих газет, – напомнил он Густаво, провожая его к парадной двери.

– С удовольствием передоверяю это вам, – ответил Густаво, целуя на прощание руку Изабеллы. – Доброго вам вечера, Изабелла. Спасибо за то, что сделали меня самым счастливым человеком на свете.

Антонио подождал, пока машина Густаво отъедет от дома, а потом в неудержимом порыве радости схватил Изабеллу своими сильными руками и закружил по комнате, как он это любил делать, когда она была еще совсем маленькой.

– Моя принцесса! Ты сделала это! Мы сделали это. – Он поставил дочь на пол, подошел к жене и обнял ее. – Ты счастлива, Карла?

– Конечно. Если Изабелла счастлива, то и я тоже счастлива за нее. Прекрасная новость.

Несколько секунд Антонио внимательно изучал лицо жены, потом нахмурился.

– С тобой все в порядке, дорогая? Ты очень бледна.

– Все в порядке. Просто голова болит немного. – Карла сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться мужу. – Пойду на кухню, распоряжусь, чтобы сегодня на ужин приготовили что-нибудь особенное.

Изабелла поспешно ретировалась вслед за матерью. Ей хотелось поскорее отделаться от той почти планетарной эйфории, в которой сейчас пребывал отец. Вместе с матерью они пошли по коридору, направляясь на кухню.

– Мама, ты действительно *счастлива* за меня?

– Конечно, доченька.

– Ты хорошо себя чувствуешь? Точно?

– Да, милая, вполне. А сейчас ступай к себе и переоденься к ужину. Надень что-нибудь красивое. Ведь у нас сегодня праздничный ужин.

Великосветское общество Рио встретило известие о помолвке Изабеллы и Густаво с воодушевлением. В последующие несколько недель это событие стало главной темой для обсуждения. Всем захотелось приобщиться к красивой рождественской сказке и лично засвидетельствовать свое почтение наследному принцу и его красавице-невесте.

На Антонио буквально обрушился поток приглашений на всевозможные суаре и ужины в тех домах, где раньше их с Карлой не принимали. Зато сейчас перед семейством Бонифацио широко распахнулись все двери.

У Изабеллы не было ни минуты свободного времени, чтобы подумать о предстоящем путешествии в Европу, хотя билет на пароход был уже забронирован. И мадам Дюшан снова пригласили на виллу, попросили обшить Изабеллу и обновить ее гардероб таким образом, чтобы не стыдно было показаться в главной столице моды Старого Света.

С фазенды наконец вернулась Лоен. Изабелле не терпелось узнать, что думает о Густаво ее верная подруга.

– Из того, что я успела заметить, сеньорита Изабелла, – честно призналась та как-то раз, помогая своей хозяйке переодеваться к ужину, – он мне показался порядочным человеком. Сеньор Густаво будет вам хорошим мужем. Да и носить такое имя – это тоже сулит немало преимуществ. Однако... – Служанка тут же прикусила язык и сконфуженно покачала головой. – Нет, не моего ума это дело.

– Говори же, Лоен! Договаривай, что хотела сказать. Ты же знаешь меня с детства. И ты – единственный человек на свете, кому я доверяю полностью.

– Тогда простите, моя голубка, если я напомню вам о том, о чем вы сами писали мне в своих письмах, – сказала Лоен, а выражение ее лица вдруг стало мягким и задумчивым. – Помнится, вы выражали сомнения по поводу этой помолвки. А когда я увидела вас вместе... Одно могу сказать. Вы его не любите. Вас это не тревожит?

– Мама считает, что со временем я смогу полюбить его. И потом, разве у меня был выбор? – воскликнула Изабелла, а в ее глазах отразилась мольба. Ей нужна была поддержка Лоен.

– Наверное, ваша мама права, сеньорита Изабелла, но только я...

Лоен явно колебалась, стоит ли ей продолжать.

– Что ты?

– Я просто хочу вам кое в чем признаться. Пока я была на фазенде, я там стала встречаться с одним человеком. С мужчиной, я имею в виду.

– Вот так дела, Лоен! Ты меня удивила! – воскликнула пораженная Изабелла. – Почему же ты мне раньше ничего об этом не рассказывала?

– Стеснялась, сеньорита. И потом, вы сейчас настолько заняты своей помолвкой, что и момента подходящего для того, чтобы поговорить по душам, не было.

– И кто же он, этот мужчина? – с любопытством спросила Изабелла.

– Бруно Кантерино, сын Фабианы и Сандро, – призналась служанка.

Изабелла моментально вспомнила красивого молодого человека, который работал на фазенде вместе со своими родителями. Она с улыбкой глянула на Лоен.

– Очень красивый парень. И, по-моему, вы друг другу подходите.

– Я ведь знаю его с детства. Раньше мы с ним просто дружили. Но на этот раз все у нас как-то неожиданно завертелось уже по-другому, – призналась Лоен.

– Ты его любишь?

– Да. И очень скучаю в разлуке с ним. А сейчас, сеньорита, нам надо поторопиться с вашим переодеванием, иначе вы можете опоздать.

Изабелла стояла молча, пока Лоен помогала ей управиться с платьем. Она прекрасно понимала, почему подруга детства так разоткровенничалась с ней о своей любви. Однако механизм уже запущен, и все колесики и винтики пришли в движение. Ее свадьба с Густаво неизбежна при любом раскладе, и тут уж ничего не поделаешь.

Немного утешало лишь то, что чем больше времени Изабелла проводила вместе с Густаво, тем сильнее возрастала ее симпатия к нему. Он был сама предусмотрительность, угадывал ее малейшее желание и жадно внимал каждому слову, срывающемуся с ее уст. Согласие Изабеллы сделало его совсем другим. Он буквально светился от счастья.

– Он больше не похож на хорька, скорее уж на щенка, – со смехом констатировала Мария Элиза, когда подруги пересеклись на очередном благотворительном вечере, который устроили в Ботаническом саду. – И по-моему, ты уже больше не испытываешь к нему неприязни.

– Не испытываю, – согласилась с ней Изабелла. – Напротив, он мне очень даже нравится.

Ей хотелось добавить, что это не меняет ситуацию в целом. Ведь она же мечтала о *любви*.

– До сих пор не могу поверить, что он дал согласие на твою поездку в Европу вместе с нами. Другие на его месте всячески бы воспрепятствовали такому намерению.

– По-моему, Густаво желает мне только добра, – тут же вступилась в его защиту Изабелла.

– Наверное, ты права. Одно скажу: повезло тебе! Но ведь ты же к нему вернешься, не так ли? – Мария Элиза внимательно обозрела подругу. – Помолвка, надеюсь, не стала для тебя удобным предлогом, чтобы улизнуть от будущего мужа подальше. Или как?

– За кого ты меня принимаешь? – вспыхнула Изабелла. – Само собой, я вернусь! И еще раз повторяю тебе, с каждым днем Густаво нравится мне все больше и больше.

– Вот и отлично! – откликнулась Мария Элиза с некоторым вызовом. – Потому что мне совсем не улыбается по возвращении домой рассказывать твоему жениху, что его невеста сбежала от него с каким-то итальянским художником.

– Ай, перестань, прошу тебя. Как будто такое вообще возможно, в принципе, – рассмеялась в ответ Изабелла, делано округлив глаза от ужаса.

Накануне отплытия во Францию вместе с семейством да Силва Коста к Изабелле домой приехал попрощаться Густаво. Впервые ее родители сознательно оставили молодую пару в гостинной наедине друг с другом.

– Итак, это наша последняя встреча перед долгой разлукой, которая продлится много месяцев, – грустно улыбнулся Густаво. – Я буду сильно скучать по тебе, Изабелла.

– Я тоже буду скучать, Густаво. У меня нет слов, чтобы еще раз поблагодарить тебя за то, что ты разрешил мне совершить это путешествие.

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива, только и всего. А сейчас хочу показать тебе кое-что. – Густаво запустил руку в карман и извлек из него кожаный мешочек. Раскрыл его, и Изабелла увидела кулон на цепочке. – Это тебе, – сказал он, вручая ей подарок. – Лунный камень. Считается, что это надежный оберег для всех путешественников, особенно для тех, кто путешествует морем и находится в разлуке со своими любимыми.

Изабелла взглянула на изящный голубовато-белый камень в обрамлении крохотных бриллиантиков и воскликнула с неподдельной искренностью:

– Какая красота! Мне очень нравится. Спасибо, Густаво.

– Я выбрал это украшение специально для тебя, – обрадовался Густаво. Его растрогала реакция невесты на подарок. – Вещица не такая уж и дорогая. Но я рад, что она пришлась тебе по душе.

– Очень! – еще раз подтвердила Изабелла, растроганная вниманием и заботой Густаво. – Застегни, пожалуйста, – попросила она, подставляя ему шею.

Густаво защелкнул замок цепочки и нежно поцеловал Изабеллу в шею.

– Моя ненаглядная Изабелла! – восхищенно прошептал он. – Этот камень так идет тебе!

– Обещаю, я буду постоянно носить его.

– А писать будешь часто?

– Да.

– Изабелла, я...

Внезапно Густаво взял кончиками пальцев ее подбородок, притянул к себе поближе и впервые поцеловал невесту в губы.

Изабелла еще ни разу в жизни не целовалась с мужчинами. Ей давно хотелось прочувствовать, что же это такое. В тех романах, которые ей довелось читать в свое время, у женщины, когда ее целуют, обычно всегда слабели ноги. Что ж, подумала она, анализируя собственное состояние, пока Густаво, раздвинув языком ее губы, осторожно проник ей в рот, пока никакой слабости в ногах не ощущается. Когда же он наконец оторвался от ее губ, то в общем и целом, решила она, это было совсем не отвратительно. Просто это было... Да ничего особенного! Ничегошеньки вообще...

* * *

– До свидания, милая Лоен. Береги себя, – сказала Изабелла, прощаясь у себя в спальне со своей верной служанкой и наперсницей, прежде чем спуститься вниз. Родители уже поджидали ее в холле, чтобы проводить в порт.

– Вы тоже, сеньорита, берегите себя. И как вы там одна, без меня, будете плыть по этому морю. Пишите мне, не забываете, ладно?

– Буду писать, – пообещала Изабелла. – Ведь с тобой я могу поговорить обо всем, о чем никогда не осмелюсь говорить со своими родителями. – И добавила, хитровато улыбнувшись: – А потому держи мои письма, пожалуйста, в секрете. Но и ты мне тоже пиши, подробно рассказывай обо всем, что происходит здесь у вас. Еще раз прошу, береги себя, Лоен. – Изабелла расцеловалась со служанкой и вышла из комнаты.

Уже садясь в машину, Изабелла вдруг подумала о том, как странно устроена жизнь. Вот ведь как. Даже ее служанке повезло с любовью. Лоен уже испытала то единственное чувство, которого, и Изабелла знала это наверняка, никогда не доведется испытать ей самой.

* * *

И отец, и мать поднялись на палубу парохода, стоявшего на Пирсе Мауа, главном причале Рио-де-Жанейро. Карла с изумлением разглядывала комфортабельную каюту.

– Прямо как самая настоящая комната в жилом доме! – восхищенно воскликнула мать и, подойдя к кровати, уселась на нее, чтобы проверить качество матраса. – Везде электричество. И занавески на окнах такие миленькие.

– Уж не думала ли ты, дорогая, что мы отправим нашу дочь в столь дальнее путешествие в каком-нибудь трюме, в котором она бы болталась в гамаке и при свечах? – пошутил Антонио. – Заверяю тебя, на этом судне имеются все новейшие, все мыслимые и немыслимые удобства. За такую цену-то!

Уже, наверное, в стотысячный раз Изабелла сокрушенно подумала о том, когда же наконец отец перестанет взвешивать все вокруг себя исключительно с точки зрения того, во что ему это обходится. Но вот прозвучал корабельный колокол, прося всех провожающих немедленно покинуть палубу парохода. Изабелла крепко обняла мать.

– Береги себя, мамочка, ладно? Жди, и я скоро вернусь. Мне кажется, что в последнее время ты стала какая-то не такая, как всегда.

– Не выдумывай, доченька. Старею потихоньку, и в этом все дело, – улыбнулась в ответ Карла. – Ты тоже береги себя, родная. Ждем твоего благополучного возвращения домой.

Карла разжала свои объятия, и Изабелла заметила, как в ее глазах блеснули слезы.

Затем Антонио обнял дочь.

– В добрый путь, моя принцесса. Надеюсь, что все красоты Старого Света, которые тебе предстоит увидеть в Европе, не остудят твоего желания поскорее вернуться домой, на родину, где тебя будут ждать твои любящие родители и жених.

Изабелла поднялась вместе с родителями на палубу, а потом долго махала им вслед, пока они спускались по трапу на пристань. Но очень скоро с высоты ее обозрения Антонио и Карла превратились в едва различимые точки, и тут впервые Изабеллу объяли страх и тревога. Что ждет ее впереди? Ведь она отправляется на другой конец света в обществе людей, с которыми едва знакома. Но тут раздался прощальный гудок парохода, такой громкий, что у нее моментально заложило уши, и пароход стал стремительно удаляться от берега. Все шире и шире становилась полоска воды между пристанью и судном, а Изабелла продолжала фанатично махать рукой своим родным.

– Адью, моя дорогая мамочка, папа. Берегите себя, и да благослови вас обоих Господь.

* * *

Изабелла получала огромное удовольствие от морского путешествия. По сути, оно превратилось в один нескончаемый поток всевозможных развлечений и увеселений, которые могут позволить себе состоятельные пассажиры, путешествующие на комфортабельном судне. Они часами плавали вместе с Марией Элизой в бассейне. Последнее развлечение Изабелле было особенно по сердцу. Ведь в Рио ей категорически запрещали даже приближаться к бассейну. Еще они играли в крокет на корте с искусственным покрытием, оборудованном на самой верхней палубе. Девушки обменивались веселыми смешками, когда, входя вечером в столовую, ловили на себе восхищенные взгляды молодых людей.

Большое обручальное кольцо, красовавшееся на пальце Изабеллы, хоть в какой-то степени защищало ее от чрезмерно назойливых ухаживаний кавалеров, разгоряченных от выпитого за ужином вина, когда по окончании трапезы они с подругой отправлялись на танцпол, где каждый вечер играл судовой оркестр. Зато Мария Элиза флиртowała направо и налево. Изабелла же, со своей стороны, только поощряла все невинные романы своей подруги. Пусть веселится за двоих, справедливо рассуждала она.

За время путешествия она получила возможность лучше познакомиться с семейством да Силва Коста. Отрезанные от всех и вся океаном, они много времени проводили вместе, чего никогда не было в Рио. Младшим братьям Марии Элизы, Карлосу и Пауло, было соответственно четырнадцать и шестнадцать лет. Такой сложный переходный период между детством и юностью. У мальчишек уже даже появилась первая растительность на лице. Однако с чисто подростковой стеснительностью они не осмеливались лишней раз заговорить с Изабеллой. Мать подруги, Мария Джорджина – умная, интеллигентная женщина с острым, все подмечающим взглядом. Впрочем, совсем скоро Изабелла поняла, что Марию Джорджину легко выводит из себя любая мелочь. Днями напролет она просиживала за

игрой в бридж в элегантном салоне, специально оборудованном для карточных игр. А что касается ее мужа, то отец Марии Элизы вообще редко высовывал нос из своей каюты.

– Чем там твой отец занимается целыми днями? – поинтересовалась как-то вечером Изабелла у Марии Элизы, когда их судно уже приближалось к островам Зеленого Мыса неподалеку от побережья Африки. Там планировалось сделать короткую остановку, чтобы пополнить запасы воды и провианта.

– Трудится над своим Христом, чем же еще? – ответила ей Мария Элиза. – Мама говорит, что ради Него он даже разлюбил свою жену. И это наш папа, который так часто повторял нам, что не верит в Бога. Вот она, ирония судьбы, правда?

Однажды днем Изабелла постучала в дверь каюты, полагая, что стучится к Марии Элизе. Ответа не последовало. Тогда она слегка приоткрыла дверь и окликнула ее. И сразу же поняла свою оплошность, ибо на нее уставился удивленный Эйтор да Силва Коста. Он оторвался от письменного стола, заваленного грудями бумаг со сложными техническими расчетами и архитектурными эскизами. Впрочем, бумаги были не только на письменном столе. Ими была устлана и вся кровать, а некоторые листы ватмана даже валялись на полу.

– Добрый день, сеньорита Изабелла. Чем могу быть полезен?

– Ой, простите, сеньор Эйтор, что побеспокоила вас. Я ищу Марию Элизу и случайно перепутала ваши каюты.

– Ничего страшного. Я и сам не раз оказывался в подобной ситуации, возвращаясь к себе. Здесь же все двери одинаковые, – по-доброму улыбнулся отец подруги. – Каюта моей дочери рядом, но, мне кажется, сейчас Марии Элизы нет. Гуляет где-то на палубе. Честно говоря, не слежу за ее перемещениями по судну. Других дел по горло.

– Можно мне... можно мне взглянуть на ваши эскизы?

– Вам это интересно? – Взгляд светло-голубых глаз Эйлора потеплел.

– Еще как интересно! Ведь все в Рио в один голос утверждают, что это будет самое настоящее чудо света.

– И все эти люди абсолютно правы. Но, поскольку Спаситель не может выполнить все эти работы самостоятельно, приходится помогать Ему по мере сил. – Эйтор слегка усмехнулся. – Вот,

взгляните! – Он жестом пригласил Изабеллу подойти ближе. – Так я представляю себе, как все это будет.

Она придвинула стул к столу, и весь следующий час сеньор да Силва Коста во всех подробностях объяснял ей, как именно он собирается соорудить конструкцию с таким высоким запасом прочности, что ее с лихвой хватит для того, чтобы обеспечить надежную опору для статуи Христа.

– Будут задействованы все самые передовые европейские технологии, специальные стальные балки для перекрытий, так называемый армированный бетон высшего качества, которым заполнят всю внутреннюю часть статуи. Впрочем, Христос не будет статуей в привычном смысле этого слова. По сути, это будет целое здание, которому придадут человеческий облик. Его устойчивость должна быть абсолютной. Ведь Ему придется выдерживать сильные ветра, бушующие наверху, проливные дожди, которые обрушатся на Его голову. Не говоря уже о молниях, которые Его Отец посылает с небес на нас, смертных, лишней раз напоминая всем о Своем всемогуществе.

Изабелла завороченно слушала. Эйтор рассуждал о своем проекте с вдохновением истинного поэта, но при этом не забывая о деталях и оставаясь рационально мыслящим инженером, принимающим во внимание любую мелочь. Она чувствовала себя польщенной, что такой серьезный человек поделился с ней своими замыслами.

– Как только окажусь в Европе, сразу же займусь поисками подходящего скульптора, который сможет вдохнуть жизнь в мое детище. Ведь для широкой публики все мои инженерные решения и находки не имеют большого значения. Люди будут лицезреть фигуру, станут разглядывать внешний облик Спасителя. – Эйтор бросил на Изабеллу задумчивый взгляд. – Впрочем, сеньорита Изабелла, а разве в обычной жизни бывает по-другому? Все мы видим только внешнюю сторону, не так ли?

– Вы правы, – не очень уверенно согласилась с ним Изабелла. Раньше она просто не задумывалась о таких сложных вещах.

– Вот взять, к примеру, вас, – продолжил свои рассуждения сеньор да Силва Коста. – Красивая молодая девушка, но это снаружи. А разве я знаю, что сокрыто в вашей душе, что питает ее тем живительным огнем, который освещает вас изнутри? Ответ однозначен. Нет, не знаю.

Вот мне и нужно найти такого скульптора, который бы выполнил вместо меня эту сложнейшую работу. Я должен привезти в Рио фигуру такого Христа с таким телом, руками, выражением лица, которого люди жаждут увидеть.

* * *

Вечером Изабелла улеглась в постель, чувствуя себя по-особенному взбудораженной. Конечно, сеньор да Силва Коста годится ей в отцы, тут и говорить нечего. Но в глубине души она была вынуждена признаться самой себе, что она, можно сказать, очарована этим человеком. А точнее, просто влюбилась в него.

Спустя шесть недель после своего отплытия из Рио пароход благополучно пришвартовался в порту Гавра. Все семейство да Силва Коста, а также Изабелла, сели на ближайший поезд до Парижа, а там на вокзале их уже поджидала машина, чтобы доставить в фешенебельный отель на Авеню де Мариньи рядом с Елисейскими Полями. План был прост: разместить семью, по возможности, рядом с конторой сеньора да Силва Коста, которую он уже арендовал неподалеку. Именно там он станет работать, встречаться с экспертами и консультантами, отшлифовывая в процессе таких деловых контактов все детали, относящиеся к сооружению памятника Христу.

У архитектора также были намечены отдельные поездки в Италию и Германию, чтобы на месте встретиться с двумя наиболее известными европейскими скульпторами того времени. В этих поездках, как было решено заранее, близкие сеньора да Силва Коста тоже будут сопровождать его.

Однако всю следующую неделю Изабелла могла наслаждаться своим пребыванием в Париже, впитывая в себя все его красоты. В первый же вечер, вернувшись после ужина в номер, который они делили с Марией Элизой, она подошла к высокому окну и, приподняв раму вверх, выглянула на улицу. Вдохнула в себя полной грудью непривычный, чужой воздух и зябко повела плечами от вечерней прохлады. Была еще ранняя весна, но в Рио температура в такое время уже зашкаливала. Однако здесь, в Париже, было еще непривычно холодно.

По красивому бульвару, раскинувшемуся внизу, неспешно фланировали парижанки, многие под руку со своими кавалерами. Все элегантно одеты, по самой последней моде, которую продиктовал дом Шанель, пропагандирующий в последнее время такой мальчиковый стиль: максимальная простота кроя, юбки до колена, никаких излишеств в аксессуарах. Как же далека была эта мода от тех нарядов с обязательным жестким корсетом, к которым Изабелла была приучена у себя в Рио.

Она вздохнула и распустила свои роскошные волосы, собранные в тяжелый узел на затылке. А что, если она тоже сделает себе модную короткую стрижку под мальчика, вдруг мелькнуло в голове. Отец наверняка тут же откажется от нее. Ведь он постоянно твердил, что прекрасные волосы – это то, что венчает ее красоту. Но она же здесь, за тысячи миль от родного дома, впервые в жизни вырвалась на волю из его железных рук.

По спине пробежал холодок радостного возбуждения, Изабелла повернула голову влево, туда, где искрилась в огнях Сена, главная водная магистраль Парижа. А чуть дальше возвышался знаменитый Левый берег, на улочках которого, главным образом вокруг Монпарнаса и Монмартра, селилась богема: начинающие художники, артисты, писатели, модели, позирующие Пикассо полностью обнаженными. Или тот же поэт Жан Кокто, известный своей разгульной жизнью. Сплетни о том, что он наркоман и постоянно злоупотребляет опиумом, докатились даже до светских колонок Рио.

Из уроков по истории живописи Изабелла знала, что на Левом берегу нашли себе прибежище такие художники прошлого, как Моне, Дега, Сезанн. Но время импрессионистов уже ушло, сейчас в мире искусства правят бал гораздо более смелые и решительные молодые люди, именующие себя сюрреалистами. В здешнем фешенебельном ресторане «Клозери де Лиля» отметились многие известные писатели. Сам Скотт Фицджеральд со своей красавицей женой Зельдой был его завсегдатаем. Их, потягивающими абсент в компании своих знаменитых богемных приятелей, даже запечатлели досужие фоторепортеры. Словом, все эти люди, по разумению Изабеллы, прожигали жизнь напропалую, целыми днями пили, а ночами танцевали до утра.

– Ложись в кровать, Изабелла. Я устала с дороги, – оторвала ее от мыслей о Париже Мария Элиза, входя в спальню. – И, пожалуйста, закрой окно. Здесь и так зверская холодина.

– Сейчас-сейчас! – Изабелла торопливо опустила оконную раму вниз и направилась в ванную, чтобы переодеться в ночную сорочку.

Через десять минут она улеглась в свою кровать: две одинаковые односпальные кровати, сдвинутые вместе.

– Боже, как же в этом Париже холодно! – снова пожаловалась Мария Элиза, натягивая одеяло до самого подбородка. Судя по всему,

ее сотрясал озноб. – Ты так не считаешь? – обратилась она к лежащей рядом Изабелле.

– А по-моему, нормально, – откликнулась та и потянулась к прикроватной тумбочке, чтобы отключить ночник. – Спокойной ночи, Мария Элиза. Сладких тебе снов.

Лежа в темноте, Изабелла снова предалась мечтам о Париже. Радостное предвкушение от будущей встречи с этим прекрасным городом не покидало ее. Толпы нарядных людей на улицах, весь стиль здешней жизни, так не похожий на ее собственную жизнь, мысли обо всем этом не только будоражили, но и странным образом согревали. Ей действительно было очень тепло.

* * *

На следующее утро Изабелла проснулась рано. Тут же поднялась с постели и оделась. К восьми часам она уже была вполне готова к тому, чтобы покинуть отель и самостоятельно прогуляться по близлежащим парижским улицам. Ей не терпелось вдохнуть в себя удивительную атмосферу этого города. Из всей семьи да Силва Коста за завтраком в столовой она обнаружила лишь одного сеньора да Силва Коста.

– Доброе утро, Изабелла, – поздоровался он с ней, не выпуская из руки авторучки. Он отхлебнул кофе из чашки. – Как здоровье? Как настроение?

– Все прекрасно. Я вас не потревожила?

– Совсем нет. Я даже рад, что у меня появилась компания. Ведь я приготовился завтракать в полном одиночестве. Жена пожаловалась, что всю ночь не сомкнула глаз от холода.

– К сожалению, и ваша дочь тоже, – сказала Изабелла. – Она даже попросила горничную, чтобы завтрак ей подали в постель. Говорит, что она уже успела подцепить простуду.

– Что ж, рад заметить, что, глядя на вас, можно смело утверждать, что сия беда вас миновала, – отозвался сеньор да Силва Коста.

– Я бы все равно сегодня утром поднялась с постели, даже если бы у меня случилась пневмония, – ответила Изабелла, пока служанка наливала ей кофе. – Да и вообще, как можно болеть в Париже? –

добавила Изабелла и взяла из корзинки с хлебом, стоявшей по центру стола, свежую выпечку в необычной форме рогалика.

– Это – круассан, – пояснил сеньор да Силва Коста, заметив, что Изабелла принялась внимательно разглядывать булочку. – Теплые, они просто восхитительны на вкус. Внутри начинка из фруктового конфитюра. Я тоже очень люблю этот город. Но, к сожалению, на сей раз у меня практически не будет свободного времени, чтобы просто прогуляться по Парижу. Слишком много деловых встреч запланировано на ближайшие дни.

– В том числе, и со скульпторами?

– Да, и с ними тоже. Я изрядно волнуюсь в преддверье этих встреч. А еще мне предстоит отдельное совещание со специалистом по армированному бетону. Звучит не очень романтично, но для меня этот современный строительный материал – ключ к успеху всего нашего мероприятия.

– А вы бывали на Монпарнасе? – спросила у него Изабелла, откусив кусочек круассана и мгновенно почувствовав его приятный вкус.

– Да, но давным-давно. Я посещал Монпарнас еще совсем молодым человеком, когда совершал свое образовательное путешествие по Европе. А вас, как я посмотрю, тоже манит к себе Левый берег... с его весьма необычными обитателями, не так ли?

В глазах архитектора заплясали веселые смешинки.

– Да. То есть я хочу сказать, – тут же поправила себя Изабелла, – что там родились и живут многие величайшие художники нашего времени. Например, я очень люблю Пикассо.

– Так вы поклонница кубизма?

– Нет. Я даже не знаток этого направления. Мне просто нравится разглядывать великие произведения искусства, – честно призналась Изабелла. – В Рио я брала уроки по истории искусства и с тех пор интересуюсь не только самими картинами, но и творчеством художников, которые эти картины создавали.

– Теперь понятно, почему вас так тянет в квартал, где издавна селится богема. Но заранее предупреждаю, сеньорита Изабелла, дух декаданса там очень силен, особенно в сопоставлении с Рио.

– Думаю, что не только в сопоставлении с Рио. Такого больше нигде в мире не увидишь, – согласилась с ним Изабелла. – Все эти

люди живут совсем иначе, чем мы. Выдвигают какие-то новые идеи... Словом, толкают мир вперед...

– Все так. А с другой стороны, если бы я решил подпитаться художественными идеями Пикассо, работая над памятником Христу, то, боюсь, у меня бы возникли серьезные проблемы. – Архитектор издал короткий смешок. – К сожалению, мои поиски идеала не приведут меня на Монпарнас. Не хочу показаться грубым, но – увы! – вынужден вас покинуть. Мне уже пора уходить. Через полчаса у меня запланирована первая встреча.

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Я не заскучаю и в одиночестве, – ответила Изабелла, наблюдая за тем, как сеньор да Силва Коста, поднявшись из-за стола, стал торопливо собирать свои бумаги и записную книжку.

– Спасибо, что составили мне компанию за завтраком. Было приятно пообщаться.

– И мне тоже, – стеснительно сказала Изабелла. Архитектор кивком головы попрощался с ней и вышел из столовой.

* * *

К обеду у Марии Элизы поднялась температура. Пригласили доктора. Состояние матери Марии Элизы было немного лучше, но все равно обеим прописали аспирин и постельный режим до тех пор, пока не спадет жар. Париж манил к себе, а нужно было торчать в отеле. Изабелла металась по комнате, словно дикий зверь по клетке. В таком взвинченном состоянии она даже не могла проявить должного сочувствия к заболевшей Марии Элизе, за что сильно корила себя.

«Я ужасно эгоистичная особа», – мысленно обличала она себя, сидя у окна и жадно разглядывая Париж, который продолжал жить своей обычной жизнью.

Чтобы хоть как-то убить время, она даже согласилась сыграть в карты с младшими братьями подруги, а драгоценные часы и минуты ее первого дня в Париже, между тем, бесследно утекали прочь.

* * *

Выздоровление матери и дочери затягивалось. Терпение Изабеллы было уже на исходе. Близилась к концу первая неделя их пребывания в Париже, а она еще ни единого раза даже не вышла из отеля. Собравшись наконец с духом, она спросила у Марии Джорджины, можно ли ей просто прогуляться по улице, подышать немного свежим воздухом. Как и ожидалось, ответом было категорическое «нет».

– Разумеется, нельзя, Изабелла. Одной, без сопровождения. А мы с Марией Элизой еще слишком слабы, чтобы составить тебе компанию. У нас еще будет достаточно времени на знакомство со всеми достопримечательностями Парижа, когда мы вернемся из Флоренции, – сказала, как отрубилась, Джорджина.

Изабелла тихонечко вышла из комнаты сеньоры да Силва Коста, моля лишь об одном. Чтобы у нее хватило сил вынести эту пытку безвылазного сидения в четырех стенах до тех пор, пока они не отправятся во Флоренцию. Она чувствовала себя самой настоящей пленницей, таким умирающим от голода узником, который разглядывает сквозь решетку на окне коробку с шоколадными конфетами. Они такие соблазнительные и всего лишь в нескольких миллиметрах от окна. Казалось, высунь руку, и они твои.

Но в один прекрасный день спасение пришло от самого сеньора да Силва Коста. Всю минувшую неделю они регулярно встречались за завтраком, и, несмотря на всю свою страшную занятость, архитектор успел заметить, как томится своим одиночеством Изабелла.

– Сеньорита Изабелла, у меня сегодня запланирована встреча со скульптором Полем Ландовски. Его мастерская находится в западном пригороде Парижа под названием Булонь-Бийанкур. До сего дня мы общались с ним только по телефону и в письмах. И вот сегодня я наконец побываю в его ателье и увижу все сделанные им наработки, связанные с нашим проектом. А заодно посмотрю, как и где он трудится. Не скрою, на данный момент он – мой главный фаворит на получение заказа. Хотя мне еще предстоит встретиться с другими скульпторами в Италии и Германии. Хотите, поедem туда вместе?

– Я... – растерялась в первую секунду Изабелла. – Для меня это такая честь, сеньор Эйтор. Но вдруг я вам там помешаю?

– Уверен, что нет. Вижу, вам уже чертовски надоело торчать целыми днями у себя в номере. Пока я буду беседовать с профессором

Ландовски, кто-нибудь из его помощников с удовольствием проведет для вас экскурсию по его мастерской.

– Господи! Да я даже мечтать о таком счастье не смела! – горячо воскликнула Изабелла.

– Не беспокойтесь. С моей стороны это совсем не одолжение, сеньорита Изабелла, – тут же успокоил ее архитектор. – Не забывайте, ваш будущий свекор является членом Католического комитета, который и выдвинул идею сооружения монумента на вершине горы Корковадо. Они же учредили фонд по сбору средств на этот памятник. Будет крайне неловко, если по возвращении в Рио вы расскажете ему, что я никак не приобщал вас к культурным богатствам Старого Света. – Он с добродушной улыбкой посмотрел на Изабеллу. – Итак, выезжаем ровно в одиннадцать.

* * *

Они миновали станцию метро «Пон-де-л’Альма» и въехали на Западный берег Сены. Изабелла тотчас же прильнула к окну машины, словно рассчитывая увидеть самого Пикассо, сидящего за столиком одного из уличных кафе.

– Мастерская профессора находится дальше, – пояснил сеньор да Силва Коста своей спутнице. – Полагаю, что вместо того, чтобы предаваться пьянству на улочках Монпарнаса в обществе друзей-приятелей, профессор Ландовски предпочитает заниматься творчеством. К тому же он человек женатый, у него семья, довольно редкое явление здесь, на Западном берегу.

– Какая-то у него фамилия совсем не французская, – заметила Изабелла, а про себя разочарованно вздохнула. Оказывается, скульптор не принадлежит к тому кругу богемы, с которой она так жаждала познакомиться.

– Верно. У Ландовски польские корни. Хотя, если мне не изменяет память, его семья проживает во Франции уже более семидесяти пяти лет. По правде говоря, его художественный темперамент имеет мало общих точек соприкосновения со всеми этими новейшими причудами в области искусства, которыми балуются некоторые из его современников, что не помешало профессору Ландовски завоевать

европейскую известность. Впрочем, ему не чужды и некоторые современные веяния, например, стиль ар-деко, приобретающий все большую популярность в Европе. Для моего Христа это тоже может оказаться очень полезным.

– Ар-деко? – переспросила его Изабелла. – А что это за стиль? Я о нем ничего не знаю.

– Хм! Объяснить художественный стиль всегда непросто, – пробормотал сеньор да Силва Коста, скорее обращаясь к самому себе. – Но если в двух словах, то это все, что вы видите вокруг себя. Мир повседневных вещей и предметов: столы, платья и даже сами люди, с которых художники срывают все лишнее, обнажая их истинную суть. Этот стиль не несет в себе романтизм и поэзию, присущую классической манере, в которой работали многие выдающиеся художники и скульпторы прошлого. На первый взгляд он кажется простоватым и даже... грубым. Но мне почему-то думается, что Сам Христос захотел бы, чтобы Его изваяли именно в стиле ар-деко.

Чем дальше они удалялись в пригороды Парижа, тем все более деревенскими становились окружающие их пейзажи. На смену сплошным городским кварталам замелькали лишь редкие домики по обе стороны дороги. Надо же, подумала про себя Изабелла, впервые за столько дней вырвалась в город, а ее снова увозят прочь от Парижа с его напряженной, пульсирующей жизнью, к которой ей так не терпелось приобщиться.

Несколько раз повернув не туда, водитель наконец разобрался, куда именно им надо, свернул налево и остановился у входа в большой, хаотичного вида, дом.

– Ну вот и приехали наконец! – Эйтор торопливо вылез из машины, с выжидательным любопытством разглядывая дом. Изабелла молча последовала за ним через сад по направлению к дому. И в этот момент увидела жилистую фигуру мужчины с непокорной гривой седых волос на голове, вынырнувшую откуда-то из-за угла дома. На мужчине был рабочий халат, весь заляпанный глиной. Изабелла с интересом наблюдала, как гость и хозяин обменялись крепкими рукопожатиями и тут же стали увлеченно беседовать о чем-то. Она остановилась на некотором расстоянии от них, боясь помешать

увлеченному разговору. И действительно, сеньор да Силва Коста вспомнил о ее присутствии лишь спустя несколько минут.

– Прошу простить меня, сеньорита Изабелла! – воскликнул он, оборачиваясь к ней. – Но это всегда такой волнующий и радостный момент, когда впервые встречаешь человека, с которым до сих пор был знаком исключительно по переписке. Позвольте представить вам профессора Поля Ландовски. Профессор, это – сеньорита Изабелла Бонифацио.

Ландовски протянул руку и поднес пальчики Изабеллы к своим губам.

– Очарован! – воскликнул он по-французски и принялся внимательно разглядывать ее руку, а потом, к немалому удивлению Изабеллы, осторожно очертил контуры руки кончиками своих пальцев. – Мадемуазель! У вас такие прекрасные пальцы! Согласны со мной, месье? – обратился он к сеньору де Силва Коста.

– К сожалению, я никогда раньше не обращал на них особого внимания. Но да, вы абсолютно правы, сеньор Ландовски.

– А сейчас, месье да Силва Коста, к делу. – Ландовски отпустил руку Изабеллы. – Я покажу вам свою мастерскую, а потом мы с вами подробно обсудим, как именно вы представляете себе фигуру Христа.

Изабелла проследовала за двумя мужчинами в глубь сада. Хотя на деревьях уже зазеленела первая листва, но пока никаких цветов вокруг. А вот у нее на родине цветы цветут круглый год, украшая собой окружающий ландшафт и радуя взор буйными красками.

Ландовски ввел их в высокое здание, похожее по форме на амбар, которое примостилось в самом дальнем углу сада. Стеклянные стены открывали максимальный доступ свету. В углу сидел, согнувшись, какой-то молодой человек. Он работал над глиняным бюстом. Молодой человек был настолько поглощен своей работой, что даже не взглянул на вошедших.

– Я сейчас тружусь над черновым вариантом скульптуры Сунь Ятсена, пытаюсь придать больше выразительности его глазам. Глаза у него, как у всякого восточного человека, не такие, как у нас, на Западе. Мой помощник вызвался попробовать вылепить то, что нам надо.

– Профессор, вы с каким материалом обычно имеете дело? Глина? Камень? – поинтересовался у Ландовски гость.

– Все зависит от желания клиента. А вы уже решили для себя, какой материал будете использовать для своей статуи?

– Вначале я думал, что это будет бронза. Но потом меня, конечно, отпугнул зеленый налет, который со временем неизбежно появится на скульптуре. Ветер и дожди обязательно сделают свое дело. К тому же мне хочется, чтобы все жители Рио, которые будут каждый день созерцать статую Христа, видели Его не в темной мантии, а в светлых одеждах.

– Понимаю, – согласился с архитектором Ландовски. – Но если речь идет о статуе высотой тридцать метров, то, как мне кажется, каменное изваяние такого размера просто невозможно будет втащить на гору. Не говоря уже о том, с какими трудностями будет сопряжен сам процесс установки памятника на вершине.

– Согласен целиком и полностью, – ответил сеньор да Силва Коста. – Вот именно все эти архитектурные моменты я и хотел бы прояснить до конца, пока нахожусь здесь, в Европе. По моему разумению, фигура Христа должна быть полой, состоять из отдельных фрагментов, отлитых в специальных формах. А потом все отдельные куски будут собраны воедино прямо на месте, в Рио.

– Хорошо. Коль скоро вы уже осмотрелись здесь, то пройдем в дом. У себя в кабинете я покажу вам эскизы, которые подготовил для вас. Мадемуазель, – Ландовски снова повернулся к Изабелле, – не заскучаете здесь, в мастерской, пока мы займемся своими профессиональными разговорами? Или вам будет удобнее проследовать вместе с нами в гостиную и поболтать немного с моей женой?

– Спасибо, месье Ландовски. Буду счастлива провести еще какое-то время в вашей мастерской. Для меня большая честь увидеть ваши работы непосредственно там, где они создаются.

– Тогда обращайтесь к моему помощнику. Уверен, если вы его хорошенько попросите, он с готовностью оторвется от глаз Сунь Ятсена и принесет вам чего-нибудь освежиться.

Ландовски выразительно кивнул в сторону молодого человека и вышел из мастерской вместе с сеньором да Силва Коста.

Однако помощник по-прежнему оставался безучастным к присутствию Изабеллы. Она тихонько прошла по мастерской. Ей очень хотелось подойти к скульптору поближе, посмотреть, что он

делает, но беспокоить его она не рискнула. В дальнем углу мастерской стояла огромная печь, используемая, судя по всему, для обжига глины. Слева две, разделенные перегородкой, комнаты: в одной разместилась довольно примитивная ванная с большой раковиной. Возле всех стен теснились мешки с глиной. В другой, маленьком помещении без окон, была устроена кухня. Изабелла снова вернулась в мастерскую и, подойдя к окну, глянула на улицу. Прямо под окнами мастерской лежали огромные каменные глыбы самых разнообразных форм и размеров. Наверное, заготовки для будущих скульптур профессора Ландовски, подумала Изабелла.

Исчерпав всю свою фантазию в поисках, чем еще можно занять себя в этой мастерской, Изабелла в своих хождениях по комнате наткнулась на какой-то старый, расшатанный стул и, усевшись на него, стала наблюдать за тем, как работает помощник скульптора. Его голова была по-прежнему опущена вниз, полнейшая концентрация внимания на бюсте. Но вот часы пробили полдень, молодой человек вытер руки о свою рабочую спецовку и неожиданно посмотрел в сторону гостьи.

– Обед! – громогласно объявил он, обращаясь к Изабелле, и улыбнулся: – Бонжур, мадемуазель!

Поскольку все время молодой человек трудился с опущенной головой, то до сего мгновения Изабелла не видела его лица. Но сейчас, когда он улыбнулся, она вдруг почувствовала какое-то странное, сладостное волнение в груди.

– Бонжур, – ответила она со смущенной улыбкой.

Молодой человек поднялся со своего места и направился к Изабелле. Она тоже поднялась со стула.

– Простите, мадемуазель, что не уделил вам внимания, – обратился он к ней по-французски. – Но я был всецело поглощен зрочками своего героя. Очень сложная работа, доложу я вам. – Молодой человек остановился где-то в метре от Изабеллы и принялся внимательно разглядывать ее. – Мы с вами уже встречались? Ваше лицо мне кажется очень знакомым.

– Едва ли такое возможно. Я совсем недавно приехала сюда из Рио-де-Жанейро.

– Значит, я ошибся, – задумчиво кивнул он. – Не стану пожимать вам руку, так как мои руки все в глине. Прошу прощения, отлучусь на пару минут, чтобы смыть с себя всю эту грязь.

– Конечно, – сказала Изабелла сдавленным голосом, похожим, скорее, на шепот. Легко подхватившись со стула при приближении к ней молодого человека, она тут же снова плюхнулась на сиденье, как только он скрылся в комнате с водопроводным краном. Голова у нее кружилась, даже дышать стало трудно. Уж не подхватила ли она простуду от своей подруги и ее матери, мелькнуло у нее в голове.

Но вот молодой человек снова появился в мастерской. Он даже успел переодеться: сбросил с себя спецовку и сейчас предстал перед гостьей в чистой рубашке. Ее пальцы невольно дернулись вперед, по направлению к нему. У Изабеллы вдруг возникло спонтанное желание взъерошить его длинные вьющиеся кудри красивого каштанового цвета, а потом осторожно пройтись рукой по его лицу, ощупать бледную кожу на щеках, потрогать безупречной формы нос с небольшой горбинкой, коснуться полных румяных губ, за которыми скрываются два ряда ровных белоснежных зубов. Отрешенный взгляд зеленых глаз, свидетельствовавший о том, что мысли его в это время витают где-то совсем в другом месте, живо напомнил Изабелле Эйтора да Силва Косту.

Внезапно до Изабеллы дошло, что его губы шевелятся и из них даже вырываются какие-то звуки. Она поняла, что молодой человек спрашивает ее о чем-то. Пораженная столь неожиданной реакцией на его физическую близость к ней, она с трудом оторвалась от своих фантазий, стараясь привести себя в чувство и ответить ему на хорошем французском.

– Мадемуазель, с вами все в порядке? У вас такой вид, будто вы только что увидели перед собой привидение.

– Прошу простить меня. Я действительно немного отвлеклась... задумалась... о своем. Меня зовут Изабелла. Изабелла Бонифацио.

– О, как испанскую королеву-мать, – не преминул уточнить помощник Ландовски.

– Как покойную бразильскую принцессу, – тут же возразила Изабелла.

– К сожалению, я плохо знаю вашу страну и, уж точно, совсем не знаю вашей истории. Разве что в курсе того, что вы пытаетесь на равных соперничать с нами по части кофе. Бразильцы ведь полагают, что лучшая чашка кофе в мире принадлежит им.

– Во всяком случае, лучший кофе в зернах – это наш, точно, – вступила Изабелла за свою страну. – Зато я знаю о Франции очень много, – поспешно добавила она и подумала про себя: интересно, как он воспримет ее слова? С такой же легкостью, какую она ощущает сейчас во всем своем теле?

– Понятное дело. Французская культура и искусство уже давно завоевали мир, и на протяжении многих столетий мы диктуем свои вкусы всем остальным народам. Бразильская же культура еще только переживает этап своего становления. Но я не сомневаюсь, ее тоже ждет великое будущее. – Молодой человек немного помолчал. – У меня такое впечатление, что профессор Ландовски и ваш друг архитектор начисто забыли о вашем существовании. А потому осмелюсь предложить вам отобедать вместе со мной. Заодно расскажете мне побольше о Бразилии.

– Я... – Изабелла растерянно глянула в окно, заметно нервничая от того, что положение складывается весьма пикантное. Она ведь впервые видит этого мужчину, к тому же сейчас находится с ним наедине. Можно лишь представить себе, как отреагировали бы ее отец или жених на подобную вольность.

Молодой человек, заметив нерешительность Изабеллы, легким взмахом руки отмел прочь все ее сомнения.

– Уверяю вас, они настолько увлеклись своими профессиональными разговорами, что им сейчас не до вас. Вполне возможно, обсуждение всех волнующих их вопросов затянется на несколько часов. А потому, если не хотите умереть с голоду, присаживайтесь вон к тому столу, а я пока приготовлю нам что-нибудь поесть.

Молодой человек отвернулся от нее и зашагал к комнатенке, в которой, как Изабелла успела заметить, осматривая мастерскую, находилась кухня.

– Прошу простить, месье, но как вас зовут?

Он остановился посреди комнаты и снова повернулся к ней лицом.

– Это вы меня простите! Совсем забыл представиться. Какая невоспитанность! Меня зовут Лорен Бройли.

Изабелла уселась на грубую деревянную скамью, примостившуюся в небольшой нише в углу комнаты. И усмехнулась

про себя, оценивая все происходящее. Одна, наедине с молодым человеком, который к тому же занят сейчас приготовлением обеда для них двоих. Ни разу в жизни она не видела, чтобы отец заходил дома на кухню. А уж представить Антонио за приготовлением еды было и вообще невыносимо.

Спустя несколько минут Лорен вынырнул из кухни с подносом в руках, на котором лежали два багета аппетитного французского хлеба свежайшей выпечки, который так нравился Изабелле, два больших ломтя сыра с сильным острым запахом, глиняный кувшин и два стакана.

Он поставил поднос на стол, потом задернул какую-то старенькую шторку, болтавшуюся на карнизе, приколоченном гвоздями к потолку.

– Это чтобы пыль из мастерской не оседала на нашей еде, – пояснил Лорен Изабелле и стал выкладывать прямо на деревянную столешницу всю свою нехитрую снедь. Потом щедрой рукой разлил золотистого цвета жидкость по стаканам и один стакан придвинул к гостю.

– Вы закусываете вино только хлебом и сыром? – совершенно искренне удивилась Изабелла.

– Мадемуазель, мы, французы, закусываем вино чем угодно и когда угодно, в *любое* время суток, – улыбнулся он в ответ и поднял свой стакан, приготовившись чокнуться. – Ваше здоровье, мадемуазель.

Лорен отхлебнул из своего стакана изрядную порцию, Изабелла едва пригубила свой. Потом стала наблюдать за тем, как он рвет свой багет на куски, разворачивает пальцами каждый кусок и вкладывает туда кусочки сыра. Она поняла, что тарелок ждать не приходится, а потому последовала его примеру.

Никогда она еще не вкушала столь простую пищу с таким наслаждением и аппетитом. Конечно, она не заталкивала себе в рот такие большие порции, как это делал Лорен. Все же нельзя забывать, она – дама. Своими тонюсенькими пальчиками Изабелла аккуратно отщипывала от багета небольшие кусочки, клала внутрь такие же крохотные кусочки сыра, а потом все вместе опускала себе в рот. Всю совместную трапезу Лорен не сводил с нее глаз.

– Почему вы все время смотрите на меня? – не выдержала наконец Изабелла, чувствуя себя крайне неуютно под этим

пристальным взглядом.

– Любуюсь вами, – ответил Лорен, осушая свой стакан до дна, и тут же наполнил его по новой.

– Почему? – задала она свой следующий вопрос.

Лорен отправил в рот очередную порцию снеди и как-то неопределенно пожал плечами с тем чисто галльским своеобразием, которое присуще всем жителям этого города, как Изабелла уже успела заметить, наблюдая за парижанами из окна своего гостиничного номера.

– Потому что вы прекрасны, мадемуазель Изабелла, и на вас просто приятно смотреть.

Ответ, конечно, не совсем подходящий, но все равно Изабелла почувствовала непонятную пустоту в желудке, и снова что-то екнуло у нее в груди.

– Пожалуйста, не делайте такое испуганное лицо, мадемуазель. Уверен, вы уже тысячи раз слышали подобные комплименты в свой адрес. Полагаю, должны были привыкнуть к тому, что люди буквально столбенеют от вашей красоты и немедленно начинают на вас пялиться.

Про себя Изабелла подумала – да, Лорен, скорее всего, прав. Ей действительно не привыкать к восхищенным взглядам, обращенным на нее. Но никто раньше не смотрел на нее с таким *откровенным* восхищением, как он.

– Вас когда-нибудь рисовали? Или лепили бюст? – поинтересовался у нее Лорен.

– Всего лишь раз... Когда я была еще совсем маленькой девочкой. Папа заказал мой портрет.

– Крайне удивлен. У нас на Монпарнасе к вам выстроилась бы целая очередь из художников, жаждущих запечатлеть такую красоту на своих холстах.

– Я в Париже всего лишь несколько дней, недели нет. А потому еще нигде практически не была. И на Монпарнасе тоже.

– Ну-с, поскольку мне принадлежит честь первому из парижан открыть вашу красоту, то я преисполнен решимости и впредь наслаждаться ею один. Постараюсь и близко не подпустить к вам никого из этих бродяг и бузотеров. – Лорен улыбнулся широко, во весь рот.

– Мне бы очень хотелось побывать на Монпарнасе, – со вздохом призналась Изабелла. – Но, боюсь, этого мне никогда не разрешат.

– Конечно, не разрешат! – с готовностью поддержал он ее. – Все родители, чьи дочери оказываются в Париже, скорее предпочтут, чтобы их утопили в Сене, чем лишили чистоты и невинности на ее Левом берегу. А где вы остановились, кстати?

– В отеле на Авеню де Мариньи, рядом с Елисейскими Полями. Я здесь на правах гостя семейства да Силва Коста. Они выступают в качестве моих опекунов.

– А их самих разве не привлекает возможность познакомиться с Парижем во всех его проявлениях?

– Нет, совсем не привлекает, – ответила Изабелла, думая, что Лорен говорит серьезно, и только потом заметила веселых чертиков в его глазах.

– Что ж, скажу вам то, что вам скажет любой истинный художник. Нет таких правил, которые нельзя было бы нарушить, и нет таких барьеров, которые нельзя преодолеть. Жизнь дается нам всего лишь раз, мадемуазель, а потому мы должны прожить ее так, как нам этого хочется.

Изабелла промолчала. Однако осознание того, что наконец-то она встретила человека, который думает точно так же, как она сама, было настолько непереносимо острым, что у нее на глазах невольно выступили слезы. И это не прошло незамеченным.

– Отчего вы плачете? – тут же спросил у нее Лорен.

– У нас в Бразилии все живут совершенно иначе. Мы привыкли подчиняться правилам.

– Отлично понимаю вас, мадемуазель, – почти ласково ответил Лорен. – Вижу, одному из этих правил вы уже успели подчиниться. – Он знаком указал на обручальное кольцо на ее пальце. – Свадьба скоро?

– Да. Сразу же по моему возвращению из Европы.

– Вы счастливы?

Изабелла невольно поразилась столь прямолинейному вопросу. Этот мужчина – совершенно чужой ей человек. Он не знает о ней ничего, но тем не менее вот они сидят за одним столом, пьют вместе вино, закусывают хлебом и сыром, и при этом она испытывает к нему такую *близость*, словно они знают друг друга всю свою жизнь.

Наверное, это такой богемный стиль общения, подумала она, раскованный, свободный... Тот самый стиль, который она стремилась познать и прочувствовать всеми фибрами своей души.

– Мой жених Густаво будет верным и заботливым мужем, – начала Изабелла, осторожно подбирая слова. – И потом, я считаю, что брак – это не столько и не только любовь, – тут же солгала она.

Какое-то время Лорен молча смотрел на нее, потом со вздохом покачал головой.

– Мадемуазель, жизнь без любви – это все равно что француз без вина или любой другой человек, лишенный кислорода. Впрочем, – он снова вздохнул, – возможно, вы и правы. Некоторые отсутствие любви предпочитают компенсировать другими средствами. Гоняются за богатством, за статусом в обществе. Для меня все это звучит дико. – Лорен энергично потрянул головой. – Я никогда не принесу себя в жертву голому материализму. Если мне суждено прожить жизнь в союзе с кем-то, то я хочу каждое утро просыпаться и заглядывать в глаза своей любимой. Удивлен, что вы готовы довольствоваться меньшим. Ведь я уже успел понять, какое горячее и страстное сердце бьется в вашей груди.

– Пожалуйста, месье, прошу вас...

– Простите меня, мадемуазель. Я действительно зашел слишком далеко. А потому все, точка! Но мне бы очень хотелось иметь честь вылепить ваш скульптурный портрет. Вы не будете возражать, если я обращусь к месье да Силва Коста с такой просьбой? Попрошу его позволить мне использовать вас в качестве модели.

– Попросить его вы можете, но я не смогу...

Изабелла покраснела от смущения, немного растерявшись от того, что не знает, как закончить фразу.

– Конечно же, нет, мадемуазель! – моментально прочитал Лорен ход ее мыслей. – Заверяю вас, ни при каких обстоятельствах я не попрошу вас позировать мне голой. Во всяком случае, пока, – добавил он с улыбкой.

Итак, ей вполне недвусмысленно дали понять, что подобное развитие событий не исключено. И это пугало, но в равной степени и волновало.

– Где вы живете? – спросила она, отчаянно пытаясь сменить тему разговора.

– Как всякий истинный художник, обитаю на Монпарнасе. Снимаю там мансарду вместе с еще шестью своими приятелями.

– Вы работаете на профессора Ландовски?

– Пожалуй, я бы не стал так утверждать. Ведь он же мне не платит, – уточнил Лорен. – Разве что снабжает хлебом и вином. А если иногда в мансарду, которую я делю с другими художниками, набивается куча народа, то профессор позволяет мне заночевать у него, прямо здесь, на каком-нибудь поддоне. Я пока в процессе постижения своего ремесла, а лучшего учителя, чем Ландовски, не сыскать. Подобно сюрреалистам, которые экспериментируют в живописи, Ландовски делает то же самое в скульптуре, используя принципы ар-деко. Он прокладывает новые пути в нашем деле, оставляя в прошлом чересчур аляповатые, чересчур зарегламентированные и перегруженные излишними подробностями скульптуры. Он был моим преподавателем в Национальной высшей школе изящных искусств. Само собой, я был крайне польщен, когда из всех он выбрал меня и предложил стать его помощником. Я тут же согласился.

– А откуда вы родом? Где ваша семья? – поинтересовалась у него Изабелла.

– Вы полагаете, что это столь важно? – Лорен издал короткий смешок. – Наверняка потом вы спросите, к какому сословию я принадлежу. Видите ли, мадемуазель Изабелла, мы все, художники, живущие в Париже, предпочитаем быть теми, кто *мы есть*. Мы отбрасываем прочь наше прошлое и живем исключительно настоящим. Талант – вот что для нас главное, а вовсе не происхождение. Но, коль скоро вам интересно мое прошлое, отвечаю. – Лорен отхлебнул немного вина. – Моя семья принадлежит к очень родовитому дворянству. У нас даже имеется свой фамильный замок неподалеку от Версаля. Если бы я сознательно не порвал со своей семьей, не ушел из дома, отказавшись вести ту жизнь, которую предназначали мне как старшему сыну мои родители, то сегодня я был бы графом Квибидо Бройли. Но, поскольку отец объявил, что исключит меня из своего завещания после того, как я сказал ему, что собираюсь стать скульптором, то сегодня я – это просто я сам, и ничего более. Мое имя пока не приносит мне и сантима. А потому все, что я смогу заработать в будущем, я заработаю вот этими руками, и ничем больше.

Лорен обозрел Изабеллу внимательным взглядом, но она молчала. Да и что она могла сказать, если вся ее нынешняя жизнь базировалась на тех самых ценностях, которые только что высмеял этот молодой человек?

– Удивлены, да? Но уверяю вас, таких, как я, со схожей судьбой, в Париже много. Во всяком случае, моему отцу еще повезло. Я не опозорил его славное имя грехом гомосексуализма, как это сделали некоторые мои приятели.

Изабелла уставилась на него в ужасе. Разве можно говорить о таком вслух?

– Но ведь это же запрещено законом! – воскликнула она, не в силах сдержать своих чувств.

Лорен склонил голову набок и снова принялся изучать ее лицо.

– Если какие-то склонные к слепому фанатизму режимы считают такие отношения противозаконными, то это вовсе не значит, что так оно и есть на самом деле. Вы так не считаете?

– Я... я не знаю, – растерянно пробормотала Изабелла и сконфуженно умолкла, пытаясь обрести душевное равновесие.

– Простите меня, мадемуазель. Кажется, я поверг вас в самый настоящий шок.

Снова веселые искорки запрыгали в его глазах, и Изабелла поняла, что ему доставляет удовольствие провоцировать ее.

Еще один глоток вина придал ей смелости.

– Месье Бройли, как вы сами сказали, все материальное вас мало заботит. В том числе и деньги. Вы счастливы жить вот так? Терпеть лишения и нужду? Питаться одним воздухом, да?

– Представьте себе, да. Во всяком случае, сегодня, пока я молод, полон сил и живу в самом центре мирового искусства – в Париже. Но, наверное, с возрастом, когда я стану старым и немощным, а мои скульптуры по-прежнему не будут приносить мне никакого дохода, я, вполне возможно, пожалею о том выборе, который сделал в молодости. У многих моих друзей из мира искусства есть богатые покровители, которые поддерживают их, пока они борются за свое место под солнцем, помогают им материально. Увы, но это не мой путь. Ведь среди этих добродетелей много старых безобразных вдов, которые полагают, что за свои благодеяния они могут потребовать от

молодых художников совсем другого расчета. И чем это лучше самой обычной проституции? Нет, я в такие игры играть отказываюсь.

И снова Изабелла была потрясена той откровенностью, с которой Лорен произносил вслух такие страшные слова. Разумеется, у себя дома она была наслышана о тех борделях, которые расположены в центральном районе Рио под названием Лапа. Их посещают мужчины, жаждущие утолить свои физические потребности. Но тема проституции никогда не обсуждалась открыто в светских гостиных. И уж тем более ни один мужчина не осмелился бы заговорить об этом с дамой.

– Думаю, я снова *напугал* вас до потери пульса, – пошутил Лорен и сочувственно улыбнулся ей.

– А я подумала, что мне еще так много предстоит узнать о Париже, – ответила она.

– И вы абсолютно правы. Тогда рассматривайте меня как свою ударную силу в постижении Парижа. С удовольствием стану вашим наставником по части всего авангардного. А, вот и наши два сидельца возвращаются, – заметил Лорен, глянув в окно. – Профессор улыбается. Хороший знак!

Мужчины вошли в мастерскую, продолжая начатый разговор. Лорен стал собирать на поднос остатки трапезы. Изабелла тоже торопливо поставила туда свой стакан, чтобы – не дай бог! – сеньор да Силва Коста не заметил, что она пила вино.

– Сеньорита Изабелла, прошу простить меня за то, что заставил вас так долго ждать, – повинился он перед нею. – Но нам с профессором Ландовски нужно было столько всего обсудить.

– Ничего страшного, – тут же поспешила успокоить его Изабелла. – Месье Бройли тут знакомил меня с искусством скульптуры.

– Хорошо, хорошо, – рассеянно отреагировал Эйтор и снова переключился на разговор с Ландовски: – Итак, на следующей неделе я отправляюсь во Флоренцию. Потом поеду в Мюнхен. Двадцать пятого числа снова вернусь в Париж. И тогда немедленно свяжусь с вами.

– Отлично! – отвечал Ландовски. – Понимаю, многие мои идеи, да и сам стиль, не вполне соответствуют тому, что вам нужно. Но, независимо от вашего окончательного решения, позвольте уже сейчас

выразить вам свое искреннее восхищение. Я восхищаюсь вашим мужеством и вашей решимостью довести до успешного завершения такой чертовски сложный проект. Разумеется, я буду польщен, если ваш выбор падет на меня и я тоже смогу стать участником этой грандиозной работы.

Мужчины обменялись прощальным рукопожатием, и сеньор да Силва Коста повернулся к дверям, чтобы покинуть мастерскую. Изабелла заторопилась следом.

– Месье да Силва Коста, прежде чем вы уйдете, могу ли я попросить вас об одном одолжении? – внезапно подал голос Лорен из своего угла.

– О чем именно вы намереваетесь просить меня? – повернулся к нему архитектор.

– Я бы хотел изваять вашу подопечную, мадемуазель Изабеллу. У нее безукоризненно правильные черты лица. Хочу убедиться в том, что мне по силам запечатлеть их в скульптурном изображении.

Сеньор да Силва Коста замялся в нерешительности.

– Даже не знаю, что вам ответить. Конечно, получить такое предложение – это высокая честь, не правда ли, Изабелла? И если бы вы были моей родной дочерью, то мой ответ, скорее всего, был бы утвердительным. Но...

– О, значит, вы тоже слышаны обо всех этих развратных парижских художниках и о том, как они обращаются со своими моделями, – понимающе улыбнулся профессор Ландовски. – Но за Бройли я могу поручиться, уверяю вас, месье да Силва Коста. Он не только талантливый скульптор, у которого есть все возможности для того, чтобы со временем стать великим мастером. Он еще и живет под моей крышей. А потому я могу лично гарантировать полную безопасность мадемуазель.

– Благодарю вас, профессор. Я посоветуюсь со своей женой и сообщу вам наше окончательное решение по возвращении из Мюнхена.

– С нетерпением буду ждать вашего ответа, месье, – сказал Лорен. – Оревуар, мадемуазель.

Всю дорогу домой сеньор да Силва Коста и Изабелла молчали, каждый погруженный в свои мысли. Когда машина проезжала мимо Монпарнаса, Изабелла буквально физически почувствовала, как

забурлила кровь в ее венах. Несмотря на то, что столь неожиданно случившийся обед наедине с Лореном Бройли вывел ее из равновесия, впервые в жизни она почувствовала себя живым человеком, который живет интересной, полноценной жизнью.

Перед отплытием в Европу Изабеллу больше всего волновала и даже приводила в восторг мысль о том, что наконец-то она сможет посетить Италию, собственными глазами увидеть родину своих предков. Однако, когда на следующий день после посещения мастерской Ландовски она готовилась к отъезду во Флоренцию, никакого радостного возбуждения она более не испытывала. Напротив, ей вообще никуда не хотелось уезжать из Парижа.

И даже когда они приехали во Флоренцию, город, который она в свое время так мечтала посетить, когда она увидела из окон своего гостиничного номера прекрасный собор с величественным куполом, вдохнула в себя пряные запахи свежих трав и молодого чеснока, которые волнами наплывали из живописных ресторанчиков, расположенных вдоль всей улицы, никакого учащенного сердцебиения, как она представляла себе это раньше, у нее не случилось.

И потом, когда спустя несколько дней они поехали поездом в Рим и когда они с Марией Элизой бросили свои монетки на счастье в знаменитый фонтан Треви, после чего посетили Колизей, на огромной арене которого гладиаторы сражались когда-то не на жизнь, а на смерть, Изабелла вдруг поймала себя на мысли о том, что испытывает лишь легкое разочарование от всего увиденного.

Потому что сердце ее осталось в Париже.

В воскресенье она вместе с тысячами других паломников отправилась на площадь перед собором Святого Петра, чтобы поприсутствовать на воскресной мессе, которую служил сам папа римский. Опустившись на колени и закрыв лицо черной кружевной мантильей, Изабелла изо всех сил вглядывалась в тщедушную фигуру понтифика, облаченную во все белое. Потом принялась разглядывать изваяния святых, застывших на своих пьедесталах по всему периметру площади. И после, выстроившись в длинную очередь с сотнями других верующих с их непрерывными молитвами на устах в ожидании того момента, когда они смогут приобщиться к телу Христову и получить облатку, Изабелла тоже молила Господа, прося

Его благословить близких и друзей. Она неистово молилась и своими словами, прося уже за себя.

«Боже! Боже! Сделай, пожалуйста, так, чтобы сеньор Эйтор не забыл о разговоре с Лореном Бройли. Пожалуйста, сделай так, чтобы я смогла увидеть его еще раз...»

* * *

Из Рима сеньор да Силва Коста отправился напрямиком в Мюнхен. Ему не терпелось своими глазами взглянуть на знаменитые произведения искусства, находящиеся в экспозициях тамошних музеев. Но главной его целью было поближе познакомиться с грандиозным монументом «Бавария». Статуя была отлита в бронзе и, в соответствии с новомодными тенденциями и самыми передовыми технологиями, была не цельной, а состояла из четырех огромных металлических фрагментов, которые потом методом сварки собрали воедино.

– Хочу подпитаться идеями для нашего будущего проекта. Тем более что, насколько мне известно, они в процессе сооружения памятника столкнулись со многими аналогичными проблемами, которые стоят и передо мной с моим проектом Христа, – объяснял он свои намерения Изабелле, когда она в один из вечеров стала задавать ему вопросы за ужином.

По непонятным причинам, в которые Изабелла предпочла не вникать, Эйтор решил отправиться в свое долгое путешествие в Мюнхен один, без семьи. Что же до них, то они возвращаются в Париж, тем более что младших отпрысков да Силва Коста уже ждет преподаватель, готовый незамедлительно приступить к занятиям с мальчиками.

Когда они поднялись в свой спальный вагон ночного поезда, отбывающего в Париж от центрального железнодорожного вокзала Рима, Изабелла облегченно вздохнула.

– Вижу, у тебя сегодня настроение получше, – заметила проницательная Мария Элиза, устраиваясь на своей полке, обтянутой алым бархатом, в их отдельном купе люкс. – В Италии тебя было и не

видно, и не слышно. Такое впечатление, что ты в это время была где-то совсем в другом месте.

– Просто хотела побыстрее вернуться в Париж, – коротко ответила Изабелла, предпочитая не вдаваться в тему.

Но стоило ей улечься на свою полку, как сверху тотчас же свесилась голова Марии Элизы.

– Вот я и говорю, что все эти дни ты была какая-то не такая, как всегда. Сама на себя не похожа.

– Правда? По-моему, такая, как всегда. А что во мне было «не такого»?

– Ты была... Не знаю, как сказать... – Мария Элиза вздохнула. – Такое впечатление, будто ты о чем-то грезила наяву. Но в любом случае мне тоже не терпится побыстрее снова оказаться в Париже. Уж на сей раз ничто не помешает нам познакомиться с городом как следует. Погуляем от души, правда?

Мария Элиза протянула подруге руку, и Изабелла слегка пожала ее.

– Да. Обязательно погуляем и повеселимся.

* * *

*Номер 4
48, Авеню Мариньи
Париж
Франция*

9 апреля 1928 года

Дорогие мамочка и паи,

И вот мы снова в Париже после нашей поездки в Италию. (Надеюсь, вы уже получили письмо, которое я послала вам оттуда.) Мария Элиза и ее мать уже почти оправились от своей болезни. А потому последние несколько дней мы все вместе знакомимся с достопримечательностями Парижа. Побывали в Лувре, любовались Моной Лизой, посетили базилику Святого

Сердца, расположенную на Монмартре. Это такой район в Париже, где жили и работали Моне, Сезанн и многие другие выдающиеся художники. А еще совершили прогулку по красивейшему саду Тюильри и даже поднялись на Триумфальную арку. Но впереди еще столько интересного. В этом городе есть на что посмотреть и где побывать. Например, подняться на Эйфелеву башню. Словом, в Париже не заскучаешь.

Даже просто бродить по улицам этого города – одно сплошное удовольствие. А уж магазины... Мамочка, ты бы пришла от них в полный восторг. На улицах по соседству с нашим отелем полно домов мод ведущих французских кутюрье. В одном из них, том, что порекомендовала мне сеньора Айрис Кабрал, на днях должна состояться первая примерка моего свадебного платья. Это дом моды Жанны Ланвин, расположенный на улице Фобур-Сент-Оноре.

Всех парижанок отличает особый шик, и, даже если у них хватает средств лишь на то, чтобы одеваться в обычном универмаге, таком, как, к примеру, Ле-Бон-Марше, они все равно подбирают себе такую стильную одежду, что смотрятся в ней как богатые женщины. Что же до французской кухни... Паи, должна признаться, что твоя дочка уже отведала улиток в чесночном соусе, приготовленных в сливочном масле и с пряными травами. Мясо улиток извлекают из раковин с помощью специальных миниатюрных вилочек. Восхитительный вкус! А вот лягушачьи лапки мне совсем не понравились.

По ночам Париж тоже не спит. Из отеля на другой стороне улицы доносятся звуки джазового оркестра. Джазовую музыку можно услышать в Париже повсюду. Сеньор да Силва Коста пообещал, что в один из вечеров обязательно сводит нас в какое-нибудь приличное заведение, где мы сможем послушать джаз.

Со мной все в полном порядке. Я счастлива и стараюсь максимально воспользоваться всеми возможностями, которыми одарила меня эта поездка. Не трачу понапрасну ни единой секунды своего времени. Сеньор да Силва Коста

очень добр ко мне. Правда, последние десять дней его рядом с нами нет. Уехал в Германию. Но сегодня вечером должен вернуться.

Я тут познакомилась с одной молодой бразильянской. Она тоже из Рио. Они вместе с матерью приходили к нам пару дней тому назад на чашечку чая. Ее зовут Маргарита Лопес де Алмейда. Несложно догадаться, что ее мать, Джулия Лопес де Алмейда, и есть та самая знаменитая писательница, книги которой так широко популярны у нас в Бразилии. Национальная высшая школа изящных искусств в Париже выделила Маргарите грант для учебы здесь. В настоящее время она изучает скульптуру, постигает основы скульптурного мастерства. Она рассказала мне, что при Школе действует огромное множество самых разнообразных краткосрочных курсов по всем направлениям искусства. Я вот думаю, не записаться ли мне самой на какой-нибудь курс, чтобы попробовать себя в деле. Благодаря тесному общению с сеньором да Силва Коста и в немалой степени именно под его влиянием меня особенно привлекает в последнее время скульптура.

На следующей неделе снова напишу вам, а пока прощаюсь и посылаю вам через океан всю свою любовь. Целую и обнимаю.

Ваша любящая дочь

Изабелла

Изабелла положила ручку на письменный стол, потянулась и глянула в окно. За минувшие несколько дней все деревья внизу покрылись пышным цветом, наполняя воздух тончайшим ароматом нежных розовых цветков, которые при малейшем дуновении ветра падают на асфальт, словно капли дождя, устилая тротуар сплошным слоем из розовых лепестков.

Изабелла глянула на часы, стоявшие на столе. Половина пятого. Она уже написала подробное письмо Лоен, в котором обстоятельно рассказала своей подруге о путешествии в Италию. Но до ужина еще есть время написать и третье письмо, адресованное Густаво. А потом

уже можно будет заняться переодеванием. Однако братья за письмо не хотелось. Изабелле было трудно ответить жениху в таком же сердечном тоне, изобилующем самыми горячими любовными чувствами, в каком были выдержаны все письма Густаво, которые регулярно, с интервалом всего в несколько дней, приходили от него.

Решено. Густаву она напишет позже. Изабелла поднялась из-за стола, подошла к журнальному столику и рассеянно положила в рот конфету, а потом принялась жевать ее. В комнате было тихо, хотя из-за двери доносились голоса мальчишек. Это младшие братья Марии Элизы занимались уроками в столовой. Сама же Мария Элиза, как и ее мать Мария Джорджина, погрузилась в послеобеденный сон.

Глава семейства должен вернуться вечером и успеть как раз к ужину. Изабелла была очень рада его возвращению. Она понимала, ни в коем случае нельзя выказывать свое нетерпение и лишней раз напоминать сеньору да Силва Коста о предложении Лорена изваять ее скульптурный образ. Ожидание скрашивало появление в ее жизни Маргариды Лопес. Пока сеньора де Силва Коста мило беседовала о чем-то с ее матерью, девушки тоже разговорились, но уже о своем. И очень скоро Изабелла почувствовала в Маргариде родственную душу.

– Вы уже бывали на Монпарнасе? – тихонько поинтересовалась у нее Изабелла, пока они пили чай.

– О да! И много раз, – так же шепотом ответила ей Маргариды. – Но вы, пожалуйста, никому об этом не говорите. Мы же обе понимаем, Монпарнас – это не то место, где можно появляться благовоспитанным девушкам из хорошего общества.

Маргариды пообещала в ближайшее время заглянуть к Изабелле еще раз, а заодно и рассказать более подробно о своих занятиях скульптурой в Школе изящных искусств.

– Думаю, сеньор да Силва Коста наверняка одобрительно отнесется к вашему желанию посещать эти занятия. Ведь у нас преподает сам профессор Ландовски, – добавила Маргариды, прощаясь. – До скорого, Изабелла.

* * *

Сеньор да Силва Коста приехал поздно вечером. Вид у него был усталый. Длительная поездка изрядно вымотала его. Изабелла с огромным вниманием слушала его восхищенные отзывы о статуе «Бавария», которую он лично лицезрел, посещая Германию. Попутно он поделился с домашними зловещими новостями о том, как среди немцев стремительно набирает популярность национал-социалистическая рабочая партия, во главе которой стоит некий человек по фамилии Гитлер.

– Вы уже приняли для себя решение, кому поручите лепить образ Христа? – спросила у Эйтора Изабелла, пока служанка раскладывала по их тарелкам щедрые порции французского яблочного пирога под названием «Тарт Татен».

– Всю обратную дорогу я только об этом и размышлял, – ответил ей Эйтор. – И чем больше я думаю, тем все сильнее склоняюсь в пользу профессора Ландовски. Во всех его работах присутствует то, что называется безукоризненной художественной мерой и чувством вкуса. Они современны, в них есть элементы модерна, но вместе с тем они просты в высшем смысле этого слова и находятся как бы вне времени. Все эти качества, вместе взятые, особенно важны для нашего проекта.

– Я очень рада вашему выбору, – осмелилась Изабелла высказать свою точку зрения. – Мне очень понравился реалистический подход профессора Ландовски к своим произведениям, у меня была возможность познакомиться с ними в его мастерской.

– Трудно судить о человеке, которого никогда не видел в глаза, – раздраженно бросила Мария Джорджина, восседавшая за столом рядом с мужем. – Быть может, ты сочтешь нужным познакомить и меня с этим скульптором, который займется оформлением внешнего образа твоего драгоценного Христа?

– Непременно, дорогая, – послушно ответил сеньор да Силва Коста. – Но только после того, как я приму окончательное решение.

– Мне кажется, его помощник тоже весьма способный скульптор, – снова вступила в разговор Изабелла, отчаянно пытаясь напомнить сеньору да Силва Коста о существовании Лорена.

– Да, – снова охотно согласился с ней Эйтор. – А сейчас прошу простить меня, но я удаляюсь к себе. Страшно устал с дороги. Да и вообще, все эти поездки измотали меня донельзя.

Изабелла разочарованно посмотрела ему вслед, попутно перехватив недовольное выражение на лице Марии Джорджины.

– И вот так каждый вечер! Судя по всему, и сегодня ваш отец предпочтет общество Христа общению с близкими, – бросила она в сердцах, обращаясь к детям. – Ну и пусть себе! – Она снова взяла в руки вилку, чтобы доесть пирог. – А мы с вами после ужина займемся игрой в карты.

Ночью, лежа без сна в своей кровати, Изабелла принялась размышлять о супружеской жизни четы да Силва Коста. Потом переключилась на своих родителей. Через каких-то несколько месяцев она тоже станет замужней женщиной, как и мама. Как и сеньора да Силва Коста. И все отчетливее она начинала понимать сущность брака. Терпимость и еще раз терпимость, а также умение приспособливаться к недостаткам своей второй половины. Не приходилось сомневаться в том, что сеньор да Силва Коста откровенно пренебрегает своей женой, отдавая всего себя без остатка работе над проектом статуи Христа. Именно в него он вкладывал и всю свою энергию, и все свое внимание. Но взять мать Изабеллы. Та же картина. Вопреки всем желаниям Карлы, отец почти силой выдернул ее с любимой фазенды и перевез в Рио, все только для того, чтобы удовлетворить свою ненасытную тягу к высшему обществу, в котором ему так хочется застолбить свое присутствие.

Изабелла беспокойно ворочалась на подушках, гадая о том, что ждет впереди ее саму. И если ей уготовано точно такое же будущее, что ж, тем больше у нее оснований желать новой встречи с Лореном Бройли, и как можно скорее.

* * *

Проснувшись на следующее утро, Изабелла обнаружила, что сеньор да Силва Коста уже уехал на какую-то очередную деловую встречу. Пришлось лишь подавить тяжелый вздох. Упустила такую отличную возможность напомнить ему о просьбе Лорена.

Ее нарастающее напряжение по поводу складывающейся ситуации не осталось незамеченным подругой. Они вместе с Марией Джорджиной отобедали в ресторане отеля «Ритц», потом прогулялись

по Елисейским Полям, после чего отправились в элегантный салон Жанны Ланвин на примерку свадебного платья.

– Что с тобой творится, Изабелла? Ты мечешься, словно тигр, попавший в западню, – обратилась к ней Мария Элиза. – Ты не проявила ни малейшего интереса ни к эскизам предлагаемого фасона, ни к ткани, из которой тебе собираются шить свадебное платье. Да другие девушки были бы на седьмом небе от счастья, окажись они на твоём месте. Ещё бы! Сама мадам Ланвин лично придумывает фасон для твоего подвенечного наряда. Разве тебе не нравится в Париже?

– Нравится, очень нравится, но...

– Что «но»? – тут же переспросила у нее Мария Элиза.

– У меня такое чувство... – Изабелла подошла к окну в гостиной и выглянула на улицу, подыскивая слова, которыми можно было бы объяснить подруге свое состояние. – У меня такое чувство, что там, за окном, огромный мир, а мы его совсем не видим. И не знаем...

– Побойся Бога, Изабелла. Да мы уже осмотрели в Париже все, что надо было увидеть. Чего еще тебе хочется?

Изабелла с трудом сдержала себя, чтобы не вспылить в ответ. О чем вообще можно говорить с человеком, который тебя не понимает? Она вздохнула и отвернулась от окна.

– Ты права. В Париже мы уже увидели все, что только можно увидеть. И вы все очень добры ко мне, и ты, и твои родители. Прости. Наверное, я просто скучаю по дому, – солгала она, выбрав самый удобный предлог для объяснения своего плохого настроения.

– Понимаю! Конечно! – В порыве великодушия Мария Элиза бросилась к подруге. – Какая же я эгоистка, право! Совсем не подумала об этом. Рядом со мной все мои близкие, а твоя семья сейчас за тысячи миль отсюда. И Густаво тоже далеко от тебя.

Мария Элиза горячо обняла Изабеллу, и та не стала уклоняться от объятий.

– Представляю, как тебе не терпится поскорее вернуться домой, – сказала подруга с сочувствием в голосе.

Изабелла положила голову на ее плечо, обтянутое кружевной тканью.

– Спасибо тебе за участие, дорогая Мария Элиза. Ты все понимаешь правильно. Постараюсь к завтрашнему дню прогнать прочь дурные мысли. Все будет хорошо.

– А знаешь, мама предложила нанять мне учителя французского языка. Каждое утро он будет давать мне уроки, пока мальчишки будут заниматься своими занятиями. С французским у меня пока неважно, а папа тут недавно обронил, что, скорее всего, в следующем году нам снова придется посетить Францию. Вот я и хочу усовершенствовать по максимуму свой язык. Ты, конечно, владеешь французским гораздо лучше меня. Но все равно... Хочешь, будем заниматься вместе? Все будет развлечение от скуки.

О чем она говорит, подумала про себя Изабелла. Разве в Париже можно скучать? Придумывать себе какие-то дурацкие занятия, и все только для того, чтобы убить время? Но вслух она не рискнула озвучить свои мысли.

– Спасибо, Мария Элиза. Я подумаю над твоим предложением.

* * *

Еще одну ночь Изабелла провела без сна, уныло размышляя о том, что никаких перемен в ее парижской жизни в ближайшее время не предвидится. Нет, никогда не познать ей все те радости бытия, которыми может щедро одарить каждого человека этот необыкновенный город. Однако на следующий день случилось нечто такое, после чего надежда затеплилась в ней с новой силой.

Маргарита Лопес де Алмейда вместе с матерью снова пришли к ним на чай. Маргарита с увлечением рассказывала собравшимся за столом о своих занятиях лепкой, а попутно сообщила, что уже успела поинтересоваться, может ли Изабелла посещать эти занятия вместе с нею.

– Сами понимаете, присутствие рядом соотечественницы всегда приятно. Это придаст мне больше уверенности в себе, – пояснила Маргарита, обращаясь уже непосредственно к Марии Джорджине, а сама между тем незаметно пнула под столом ногу Изабеллы.

– Не знала, что ты, Изабелла, интересуешься скульптурой, – не скрывает своего удивления Мария Джорджина. – Я думала, ты просто любишь разглядывать статуи в качестве обычного зрителя.

– О нет! – живо откликнулась Изабелла. – Мне действительно нравится сам процесс лепки. В Рио я немного занималась с

профессиональным скульптором. Брала у него уроки. – Изабелла перехватила одобрительный взгляд Маргариды. – Была бы просто счастлива, если бы мне удалось взять еще несколько уроков и здесь, в Париже. Ведь занятия в Высшей школе изящных искусств ведут лучшие скульпторы мира.

– Мамочка, Изабелла говорит чистую правду! – перебила подругу Мария Элиза. – Помню, в Рио она буквально сводила меня с ума бесконечными разговорами о своих занятиях искусством. А поскольку французский у Изабеллы гораздо лучше моего, то дополнительные занятия языком ей совсем ни к чему. Пусть лучше позанимается своей любимой лепкой вместе с Маргаридой, пока я тут буду издеваться над французским языком.

Изабелла готова была расцеловать подругу за своевременную поддержку.

– Для тебя, мамочка, тоже есть одно удобство. – Маргарида глянула уже на свою мать. – Тебе больше не придется сопровождать меня на занятия, а потом забирать домой. Рядом со мной будет Изабелла, и наш шофер будет отвозить нас в Школу, а потом привозить домой. Словом, у тебя, мамочка, высвободится свободное время, которое можно будет посвятить работе над новой книгой, – добавила Маргарида, не забыв перечислить все возможные плюсы такого решения. – Мы ведь и сами можем позаботиться друг о друге. Согласна со мной, Изабелла? – Маргарида развернулась к Изабелле.

– Конечно, согласна! – поспешила с ответом та.

– Что ж, если сеньора да Силва Коста ничего не имеет против, то сама идея представляется мне весьма разумной, – согласилась с дочерью писательница.

И что оставалось делать Марии Джорджине? Испытывая величайшее почтение к столь знаменитой романистке, она лишь кивнула головой в знак согласия и добавила:

– Если вы находите это разумным, сеньора де Алмейда, то я всецело полагаюсь на вас.

– Итак, – подвела черту Маргарида, уже на выходе из их апартаментов и попрощавшись с Изабеллой по-французски, то есть расцеловав ее в обе щеки, – я заезжаю за тобой в следующий понедельник, и мы отправляемся на занятия в Высшую школу изящных искусств.

– Большое тебе спасибо, – прошептала Изабелла, когда мать с дочерью уже стояли в дверях.

– Уверю тебя, Изабелла, мне такой расклад тоже очень подходит, – ответила та, тоже шепотом. – *Чао, шерри!* – попрощалась она, мешая в одной коротенькой фразе французские и португальские слова. Что, по мнению Изабеллы, придало ей лишь дополнительный шарм.

А вечером сеньор да Силва Коста явился домой с сияющим лицом и видом самого настоящего триумфатора.

– Я попросил горничную принести нам в номер шампанское. У меня для вас просто грандиозная новость. Думаю, ее стоит отметить всей семьей.

Когда шампанское разлили по бокалам, Эйтор встал, держа свой бокал в руке.

– После того как я провел переговоры с сеньором Леви, сеньором Освальдом и сеньором Како, я встретился сегодня с профессором Ландовски и сделал ему официальное предложение приступить к работе над скульптурой Христа. Полагаю, что уже на следующей неделе мы подпишем с ним контракт, в котором оговорим все условия нашего заказа.

– Какая замечательная новость, папа! – воскликнула Мария Элиза. – Я счастлива, что ты наконец сделал окончательный выбор.

– Я тоже счастлив, дочка. Потому что в глубине души не сомневаюсь, что сделал правильный выбор. Дорогая! – Эйтор повернулся к жене: – Мы должны обязательно пригласить профессора и его очаровательную жену к нам на ужин, причем не откладывая дело в долгий ящик. Хочу, чтобы ты лично познакомилась с этим человеком. Ведь в ближайшие месяцы я буду очень тесно сотрудничать с ним.

– Мои поздравления, сеньор да Силва Коста, – сказала Изабелла и добавила, желая выразить ему полную поддержку: – По-моему, ваш выбор выше всяких похвал.

– Я рад, что вы так считаете, – приветливо улыбнулся в ответ Эйтор.

В понедельник Изабелла, уже в пальто, уже готовая к выходу, больше часа томилась в ожидании подруги, стоя у окна в гостиной. И вот ровно в десять утра сверкающий автомобиль марки «делаж» остановился перед центральным входом в отель.

– Приехала сеньорита Маргариды, – тотчас же радостно объявила Изабелла Марии Джорджине и мальчикам, которые тоже торчали в гостиной.

– Изабелла! Ровно в четыре ты должна быть дома, – крикнула ей уже в спину сеньора да Силва Коста, поскольку сама Изабелла пулей выскочила из комнаты. Ей не терпелось побыстрее вырваться на улицу.

– Хорошо! Буду ровно в четыре, – крикнула в ответ Изабелла и опрометью бросилась в холл, где ее уже поджидала Маргариды.

– Хорошего тебе дня, и смотри, береги себя, – последовало последнее наставление от сеньоры да Силва Коста.

– Спасибо. Не беспокойтесь, ведь рядом со мною будет Маргариды.

– Вот-вот, и я о том же! – прокомментировала последние слова подруги появившаяся в комнате Мария Элиза и проницательно добавила, выразительно вскинув брови: – Выпустили на волю двух голодных львов. Что ж, гуляй в свое удовольствие, моя дорогая Изабелла!

* * *

Изабелла спустилась на лифте на первый этаж. Маргариды поджидала ее, стоя в вестибюле.

– Поторопись! Мы уже опаздываем. Завтра надо будет выехать пораньше. Профессор Паке отчитает нас, не стесняясь в выражениях, если мы появимся в аудитории после него, – предупредила подругу Маргариды, они быстрым шагом проследовали к машине и уселись вдвоем на заднем сиденье.

Машина тотчас же рванула с места, а Изабелла взглянула на Маргариду. Простая темно-синяя юбка и такая же простенькая блузка из поплина. Сама же Изабелла была разодета так, словно собралась на чашечку чая в отель «Ритц».

– Прости! Совсем забыла предупредить тебя, – сокрушенно вздохнула Маргариды, тоже успевшая обзреть внешний вид Изабеллы. – В Школе изящных искусств полно бедных молодых художников, которые, можно сказать, умирают с голоду. А потому к богатым девчонкам, таким, как мы, они относятся безо всякого пиетета, если не сказать хуже. Хотя именно малочисленные состоятельные студенты и покрывают в конечном счете все расходы на зарплаты преподавателей, – добавила Маргариды с улыбкой, небрежно заложив прядь блестящих каштановых кудрей за ухо. Короткая мальчишеская стрижка очень шла ей.

– Понятно! – тоже вздохнула в ответ Изабелла. – А с другой стороны, мне важно выходить из дома в приличном виде. Иначе у сеньоры да Силва Коста может сложиться превратное впечатление об этой школе. Она же полагает, что там на занятиях присутствуют исключительно хорошо воспитанные барышни.

Маргариды откинула голову назад и весело рассмеялась.

– Вынуждена тебя напугать, Изабелла. Мы с тобой единственные девушки в группе. Если не считать, конечно, какую-то древнюю старую деву и еще одно... *существо*. Вроде бы и женщина, но стрижка короткая, как у мужчины. И мне кажется, что она даже усатая.

– И твоя мать не возражает против такой компании? Полагаю, она в курсе, с кем ты общаешься на занятиях...

– Не думаю, что она *полностью* в курсе, – честно призналась Маргариды. – К тому же мама – ревностный сторонник женского равноправия. Она считает, что мне будет полезно научиться бороться за свое место под солнцем в среде, где правят бал исключительно мужчины. К тому же не забывай! – Она слегка пожала плечами. – Я здесь потому, что стипендию мне выплачивает само правительство Бразилии. Само собой, за эти деньги я должна учиться в самом лучшем учебном заведении Парижа, в котором готовят будущих скульпторов.

Машина свернула на Авеню Монтень и покатила по направлению к мосту Альма. Маргариды снова бросила внимательный взгляд на

Изабеллу.

– Мама сказала мне, что ты помолвлена с Густаво Айрис Кабралом. Поражаюсь, как это он только отпустил тебя одну в Париж.

– Да, я помолвлена с Густаво, и он захотел, чтобы я познакомилась с Европой еще до того, как стану его женой. Он и сам совершил подобное путешествие восемь лет тому назад.

– Тогда мы должны извлечь максимум возможного из того короткого отрезка времени, который у нас с тобой имеется в запасе. Будем развлекаться на полную катушку. А сейчас, Изабелла, я сообщу тебе одну вещь. Но обещаю тебе, что ты никогда и ни при каких обстоятельствах не расскажешь об этом никому. И все то, что ты увидишь и услышишь сегодня, тоже не должен знать никто. Мама полагает, что я занимаюсь в Школе до четырех часов дня. Но это... не совсем так.

– Понятно. И чем же ты занимаешься в остальное время? – полюбопытствовала Изабелла.

– Направляюсь на Монпарнас, встречаюсь там со своими друзьями, обедаю с ними. Но поклянись, что никому не проболтаешься об этом.

– Клянусь! – твердо пообещала подруге Изабелла, взволнованная донельзя ее неожиданным признанием.

– Видишь ли, все эти люди, с которыми я общаюсь, – Маргариды подавила вздох, – они по большей части очень необычны, во всем придерживаются, так сказать, крайностей. Ты будешь шокирована, когда познакомишься с ними сама.

– Меня уже предупреждал об этом один человек, – ответила Изабелла, задумчиво глядя в окно, пока машина ехала по мосту, пересекая Сену.

– Надеюсь, это не сеньор да Силва Коста?

Девушки почти одновременно издали понимающий смешок.

– Нет, не сеньор да Силва Коста. Один молодой скульптор, с которым я познакомилась в мастерской профессора Ландовски. Я туда ездила вместе с сеньором да Силва Коста.

– И как зовут этого молодого скульптора?

– Лорен Бройли.

– Вот как? – удивленно вскинула брови Маргариды. – Я тоже знаю Лорена Бройли. Во всяком случае, сталкивалась с ним пару раз на

Монпарнасе. Он иногда ведет у нас занятия в Школе, замещает профессора Ландовски, когда тот занят другими делами. А он красив, этот Бройли.

Изабелла сделала глубокий вдох.

– Лорен предложил мне стать его моделью для скульптуры, – призналась она подруге, обрадовавшись тому, что наконец-то нашелся человек, которому она может доверить свою тайну, будоражившую ее все последние недели.

– Даже так? Что ж, ты должна чувствовать себя польщенной. Это большая честь. Насколько я наслышана, месье Бройли очень разборчив в том, что касается его моделей. Он ведь, когда учился в Высшей школе изящных искусств, был там самой настоящей звездой. Ему все прочат очень большое будущее. – Маргарита бросила на подругу восхищенный взгляд. – А ты у нас, оказывается, настоящая темная лошадка. Как говорится, в тихом омуте... Ну вот и приехали наконец, – заметила она, когда машина остановилась в каком-то малоприметном переулке.

– А где же Школа? – спросила Изабелла, оглядываясь по сторонам.

– Через две улицы отсюда. Не хочу, чтобы другие студенты видели, как я подъезжаю к Школе на такой шикарной машине, – пояснила Маргарита. – Ведь многие из них добираются на занятия пешком, проходят по несколько километров, чтобы попасть сюда, причем, вполне возможно, и без завтрака, на голодный желудок. Ну что? Пошли?

На входе в Высшую школу изящных искусств возвышались два бюста: знаменитого французского скульптора Пьера Пюже и не менее прославленного художника Николя Пуссена. Девушки миновали красивые кованые ворота, пересекли симметричный дворик и оказались перед изящным строением из светлого камня. Высокие сводчатые окна на первом этаже, крытые аркады и галереи навевали сходство с монастырскими постройками. Впрочем, как утверждают историки, на этом месте когда-то действительно располагался монастырь.

Они открыли тяжеленную парадную дверь и оказались в необъятных размеров вестибюле. В огромном помещении гулким эхом

отдавались все шаги и разговоры студентов. Мимо них проскользнула стройная молоденькая девушка.

– Маргариди! Взгляни! Она в брюках! – воскликнула Изабелла, не в силах скрыть своего изумления.

– О, здесь многие студентки щеголяют в брюках, – спокойно отреагировала на ее возгласы Маргариди. – А теперь представь нас с тобой в брюках, входящих в ресторан «Дворец Копакабана», чтобы выпить там по чашечке чая. Можешь себе вообразить подобную картину? Но, к счастью, сегодня мы не в Рио, а здесь, в Париже.

Девушки вошли в просторную аудиторию с большими окнами. Солнечные блики, проникающие с улицы, скользили по рядам деревянных скамеек. Почти все они были уже заполнены слушателями. Кто-то устраивался на своих местах, другие доставали конспекты и ручки.

– А где же мы будем заниматься лепкой? – немного растерялась Изабелла. – И почему никто из присутствующих не в рабочих халатах?

– Потому что это не занятие по скульптуре. Это... – Маргариди открыла свою рабочую тетрадь и заглянула в расписание занятий. – Сейчас будет лекция по обработке камня. Иными словами, сегодня у нас теория. А уже в другой раз мы сможем опробовать наши теоретические знания на практике.

Но вот на кафедре вскарабкался мужчина средних лет. Вид у него был такой, будто он только что поднялся с кровати и прямоком явился в аудиторию, особенно если судить по взлохмаченной гриве, по обросшему густой щетиной лицу и покрасневшим, невыспавшимся глазам.

– Доброе утро, дамы и господа, – начал он неожиданно бодро. – Сегодня я познакомлю вас с инструментами, которые использует скульптор в процессе своей работы с камнем. Итак! – Преподаватель открыл деревянный ящик и начал извлекать оттуда инструменты, раскладывая их на столе. Изабелле они показались скорее орудиями для пыток, чем инструментами для занятий скульптурой. – Вот, предлагаю вашему вниманию рыхлительное долото. С его помощью производится грубая обработка камня на начальном этапе работы, когда нужно откалывать от огромной глыбы большие куски камня. Но как только вы придали своей скульптуре самые общие очертания, в ход идет уже вот это. Этот инструмент для обработки камня называется

зубчатое долото. У него есть и второе название: пазовка. Как видите, на внутренней поверхности инструмента имеются специальные зарубки или зубцы, с помощью которых можно вырезать углубления и канавки. Это делается для того, чтобы придать камню больше выразительности, раскрыть, так сказать, все его внутренние качества...

Преподаватель последовательно перебирал все инструменты, лежавшие перед ним, подробно характеризуя каждый и описывая все рабочие свойства того или иного приспособления. Изабелла слушала его с напряженным вниманием. Хотя ее французский был выше всяких похвал, но в силу того, что лектор говорил очень быстро, ей было трудно уследить за его речью. К тому же лекция изобиловала огромным числом технических терминов, которые Изабелла услышала впервые. А потому она понимала профессора с большим трудом или не понимала вовсе.

В конце концов Изабелла сдалась и перестала слушать преподавателя, принявшись разглядывать присутствующих в аудитории. Довольно разношерстная на вид публика. Многие молодые люди одеты весьма экстравагантно. Во всяком случае, раньше ей такого видеть не доводилось. У некоторых – длиннющие усы и бороды, у большинства – вклученные волосы на голове. По всей видимости, именно такой облик художника ассоциируется у студентов Высшей школы изящных искусств с последним пискм моды в богемной среде. Изабелла исподтишка глянула на своего соседа. Пожалуй, если снять с его лица густую растительность, то окажется, что он ненамного старше нее. В помещении витал кислотоватый запах немывтых тел и несвежей одежды. Изабелла сидела как на иголках. Разодетая в пух и прах, она явно выделялась в этой толпе и даже наверняка вызывала подозрение у всех остальных.

Мысли ее снова переключались на родной город. Какая ирония... В Рио она сама воспринимала себя как бунтарку, страстно поддерживая в глубине души всех тех, кто борется за права женщин. Дома ее мало интересовало богатство и все, что к нему прилагается. Она испытывала острую неприязнь к тому, что называется «охотой за богатым мужем». Что, в общем-то, не помешало ей в итоге заарканить себе надлежашего мужа.

Но здесь, в Париже... Такое впечатление, будто она с луны свалилась. Нарядная принцесса из сказки, точнее, из далекого

прошлого. И вот волей судьбы принцесса оказалась заброшенной в настоящее. Но мир вокруг нее уже давным-давно стал иным, отбросив в сторону все те правила и условности, по которым люди жили раньше. Достаточно окинуть взглядом аудиторию, чтобы понять очевидное. Да всем этим студентам наплевать на дурацкие нормы этикета минувших эпох. Наверняка они посчитают своим долгом бороться с ними, причем не на жизнь, а на смерть.

Но вот лекция закончилась. Студенты поспешно собрали свои конспекты и потянулись к выходу. Изабелла почувствовала, что еще немного, и она свалится в обморок.

– Ты какая-то бледненькая. – Маргарита посмотрела на нее озабоченно. – С тобой все в порядке?

– Все в порядке. Просто здесь очень душно, – солгала Изабелла, выходя вслед за Маргаритой из аудитории.

– И потом сильно воняет, да? – хихикнула в ответ Маргарита. – Ничего. Скоро привыкнешь. Жаль, что твое знакомство со Школой началось именно с теоретической лекции. Практические занятия гораздо интереснее. Ну а сейчас пойдём, поищем подходящее местечко, где можно пообедать.

Изабелла страшно обрадовалась возможности прогуляться пешком и подышать немного свежим воздухом. Они двинулись по улице Бонапарта в сторону Монпарнаса. Изабелла рассеянно вслушивалась в то, что рассказывала ей Маргарита о своем пребывании в Европе.

– Я в Париже всего лишь полгода, но уже чувствую себя тут как рыба в воде. А до этого я три года провела в Италии. Во Франции тоже задержусь года на два. Думаю, мне будет не просто вернуться на родину, в Бразилию, после пяти лет, проведенных в Европе.

– Пожалуй, ты права, – согласилась с ней Изабелла, глаза по сторонам. Улочки становились все уже. Множество небольших кафе, кишущих народом. Посетители сидят за небольшими деревянными столиками, выставленными прямо на тротуар. От полуденного солнца завсегдатаев спасают разноцветные зонтики, натянутые над каждым столиком. В воздухе витают запахи кофе, табака, спиртного.

– Что это за жидкость в таких небольших стаканчиках, которую все пьют? – поинтересовалась Изабелла у Маргариты.

– О, это абсент. Весьма популярен в богемной среде. Стоит дешево, но очень крепкий. Лично мне он показался просто отвратительным на вкус.

Некоторые мужчины бросали в их сторону оценивающие взгляды. Но никакого неодобрения или тем более осуждения на лицах по поводу того, что, вот, дескать, две молодые девушки появились на улице одни, без сопровождения старшей особы. *Да никому до этого и дела нет*, подумала про себя Изабелла, чувствуя легкое головокружение от одной только мысли, что она впервые в жизни очутилась на Монпарнасе.

– Идем в кафе «Клозери де Лиля», – объявила Маргарита. – Если повезет, то встретим там много знакомых лиц.

Маргарита указала на кафе, которое внешне ничем не отличалось от остальных заведений, расположенных рядом. Или тех, что они миновали, пока шли сюда. Протиснувшись мимо многочисленных столиков, разбросанных в беспорядке на широком тротуаре, они подошли к входным дверям и вошли в кафе. Маргарита обратилась к официанту на французском, и тот тут же усадил девушек за столик в переднем углу, прямо возле окна.

– Отличное место! – похвалила Маргарита, когда они обе уселись на обтянутые кожей банкетки. – И отличный наблюдательный пункт. Отсюда нам будет хорошо видно всех обитателей Монпарнаса, торопящихся по своим делам. Интересно, сколько уйдет времени, прежде чем они заметят тебя? – бросила она вскользь.

– Почему это меня? – удивилась Изабелла.

– Потому что, *шерри*, ты ослепительно прекрасна. А на Монпарнасе женская красота ценится очень высоко. Можно сказать, здесь это самая стабильная валюта. Готова поспорить, что уже через десять минут посетители кафе облепят наш столик со всех сторон, пытаясь разузнать, кто ты.

– И ты знаешь многих из них? – уважительно спросила у нее Изабелла.

– Знаю. На самом деле завсегдаев не так уж и много. Такая небольшая коммуна, где все знают всех.

Внимание девушек привлек седовласый мужчина с зачесанными назад волосами. Вот он направился к роялю, сопровождаемый громкими аплодисментами и одобрительными возгласами тех, кто

сидел за одним столиком с ним. Мужчина уселся за инструмент и начал играть. В кафе мгновенно установилась мертвая тишина. Изабелла слушала его как зачарованная. Что за дивная музыка, думала она, мелодия развивается медленно, словно дразня слушателя, постепенно нарастая до крещендо. Наконец в воздухе растаял последний звук. Раздался гром аплодисментов, восторженные восклицания со всех сторон. Мужчина чинно поклонился и вернулся за свой столик.

– Никогда не слышала ничего подобного! – воскликнула Изабелла. У нее даже не нашлось подходящих слов для выражения своего восторга. – Кто этот пианист? Такое вдохновенное исполнение.

– *Голуба моя*, – обратилась к ней на португальском Маргарита. – Да это же сам Равель. И он только что исполнял свое последнее произведение под названием «Болеро». Официальной премьеры этого произведения еще не было. Так что, считай, нам очень повезло. Нам оказана высокая честь оказаться в числе первых слушателей «Болеро». Итак, что закажем на обед?

Маргарита оказалась права. Долго скучать в одиночестве им не пришлось. Очень скоро к столику вереницей потянулись посетители мужского пола самых разных возрастов, начиная от очень молодых, почти юных, и кончая совсем уже дряхлыми старцами. Все они сердечно приветствовали Маргариту и тут же начинали расспрашивать, кто ее прекрасная спутница.

– О, еще одна темноглазая красавица с горячей кровью в жилах из вашей далекой экзотической страны, – прокомментировал присутствие Изабеллы какой-то господин. Изабелла, к своему ужасу, даже успела заметить, что у него накрашены губы.

Другие мужчины просто останавливались возле столика и молча пялились на нее до тех пор, пока она не заливалась краской, делаясь похожей на редис в мясном салате, который все еще стоял перед ней нетронутым. Изабелла была слишком возбуждена всем происходящим, чтобы приступить к трапезе.

– Да, вас я могу нарисовать, – лениво заметил какой-то художник. – Запечатлеть, так сказать, для вечности вашу неземную красоту. Маргарита знает, где находится моя студия.

С этими словами художник отвесил легкий поклон и удалился восвояси. Каждые пару минут официант подходил к их столику с

очередным бокалом, заполненным жидкостью какого-то странного цвета, и громогласно объявлял: «С наилучшими пожеланиями и за здоровье дам от господина за столиком номер шесть...»

– Разумеется, ты не будешь позировать никому из них, – прагматично заметила ей Маргариды. – Они же все тут сюрреалисты. Чего от них ждать? Будут пытаться перенести на полотно твою *внутреннюю сущность*. А до всего внешнего им и дела нет. Могу себе представить, во что может вылиться такой портрет. Огненно-красные языки пламени, якобы олицетворяющие страсть. Грудь в одном углу, а глаз – в другом. Тот еще видок! – Маргариды весело хихикнула. – Вот этот бокал можешь попробовать. Это коктейль «гренадин». Основной компонент в нем – гранатовый сок. Мне он нравится. – Она придвинула поближе к Изабелле бокал, до краев наполненный ярко-алой жидкостью, однако внезапно ее внимание переключилось на другое. – Ой, Изабелла! Скорее! Взгляни на дверь.

Изабелла оторвала свой взгляд от созерцания коктейля, все еще решая для себя непростую проблему, а стоит ли его пробовать вообще, и повернула голову в указанном направлении.

– Ты знаешь этого человека? – спросила у нее Маргариды.

– Да, – едва слышно ответила Изабелла, разглядывая худощавого, темноволосого мужчину, на которого указала ей подруга. – Это Жан Кокто.

– Именно так! Король авангарда. Какой привлекательный мужчина, однако. Ты не находишь? Правда, немного чувственный.

– Ты и его *знаешь*? – снова удивилась Изабелла.

– Совсем немного, – слегка пожала плечами Маргариды. – Иногда, когда мы встречаемся здесь, он просит меня поиграть на рояле.

Занятая разглядыванием Жана Кокто, Изабелла не заметила, как из глубин кафе возникла фигура молодого человека и тотчас же направилась к их столику.

– Давненько я вас тут не видывал, мадемуазель Маргариды. Уже даже успел соскучиться. А вот и мадемуазель Изабелла собственной персоной, не так ли?

Изабелла оторвала свой взгляд от столика, за который уселся Кокто, и, подняв глаза, увидела прямо перед собой Лорена Бройли. И сразу же почувствовала, как забилося сердце в груди.

– Прошу прощения, месье Бройли. Не заметила вас сразу. Мысли мои витали далеко отсюда.

– Не лукавьте, мадемуазель Изабелла. Вы сейчас, в прямом смысле этого слова, пожирали глазами гораздо более интересного субъекта, чем ваш покорный слуга, – улыбнулся в ответ Бройли. – Никак не мог предположить, что вы, дамы, знакомы друг с другом.

– Мы познакомились совсем недавно, – пояснила Маргариде. – Вот приобщаю Изабеллу ко всем прелестям Монпарнаса.

– О, не сомневаюсь, она сумеет оценить их по достоинству.

Лорен бросил на Изабеллу многозначительный взгляд, и она мгновенно поняла, что он не забыл ни единого слова из их разговора в мастерской Ландовски.

– Представляете, тут уже куча художников умоляли ее позировать для портрета, – продолжила Маргариде. – Разумеется, я посоветовала Изабелле держаться начеку.

– Вот за это, Маргариде, вам моя отдельная благодарность. Поскольку, и мадемуазель Изабелле это хорошо известно, мне она обещала первому. А потому я счастлив, что вы смогли сберечь ее художественную девственность для меня, – снова улыбнулся Лорен.

То ли под действием выпитого алкоголя, то ли от того состояния эйфории, в котором пребывала Изабелла, почувствовав себя частью совершенного нового, неизведанного для нее мира, но от этих слов Лорена сладостная истома разлилась по всему ее телу.

Вместе с Лореном к столику подошел еще один смуглолицый молодой человек. Сейчас он выступил вперед и обратился с просьбой к Маргариде.

– Мадемуазель Маргариде, мы все за столиком месье Кокто просим вас порадовать нас своей чудесной игрой на рояле. Месье Кокто просит сыграть его любимое. Вам знакома эта вещь?

– Да, – не совсем охотно призналась Маргариде, бросив быстрый взгляд на часы, висевшие на стене над стойкой центрального бара. – Для меня большая честь сыграть для месье Кокто. Хотя сразу же предупреждаю, до исполнительского мастерства месье Равеля мне очень далеко. – Маргариде поднялась из-за стола и слегка склонила голову, повернувшись к столику Равеля.

Потом с легкостью проскользнула через толпу народа, сгрудившегося в проходах, подошла к роялю и уселась на стул, на

котором еще совсем недавно восседал сам маэстро Равель. Со всех концов зала слышались одобрительные возгласы.

– Могу я присесть рядом, чтобы тоже получить наслаждение от игры вашей подруги? – спросил Лорен у Изабеллы.

– Конечно, – ответила она, и молодой человек немедленно пристроился на узенькой банкетке рядом с ней, упершись своим бедром в ее бедро. И снова, уже в который раз, Изабелла поразила той непосредственностью, с которой ведут себя парижане. Судя по всему, он воспринимает столь тесную физическую близость между мужчиной и женщиной как нечто само собой разумеющееся.

Послышались первые громогласные аккорды знаменитой «Голубой рапсодии» Гершвина, и музыка мгновенно заполнила собой все пространство зала. В кафе стало тихо. Изабелла перехватила взгляд Лорена, которым тот внимательно обзирал бокалы с выпивкой, выставленные на столе в качестве подношений от посетителей кафе. Почти все они стояли нетронутыми. Но вот, кажется, он нашел то, что нужно, и обвил своими тонкими сильными пальцами бокал. Вторая рука Лорена, та, которая под столом, небрежно легла на бедро. Вполне обычный жест для любого мужчины. Текли минуты, и постепенно его рука сместилась в узенькую щель между их бедрами и будто бы невзначай коснулась ее бедра. Изабелла затаила дыхание. Она была почти уверена, что это прикосновение было не случайным. Легкие прикосновения его руки, которыми он гладил платье, обтягивающее бедро, прожигали ее насквозь.

Все ее тело начало вибрировать, будто кровь стремительно понеслась по жилам в такт музыке. Звуки все нарастали и нарастали, достигая своего апогея.

– Правда, мадемуазель Маргарита очень талантлива? – Изабелла почувствовала теплое дыхание возле своего уха и лишь молча кивнула в знак согласия.

– Я и не подозревала, что она такая талантливая пианистка, – сказала она, когда зал снова взорвался бурными аплодисментами. – Действительно, Маргарита разносторонне талантлива. – Собственный голос показался Изабелле каким-то чужим, приглушенным, как будто доносился откуда-то из-под воды.

– А я вот уверен, когда человек рождается на свет с творческими задатками, – отозвался Лорен, – его душа словно парит высоко в

небесах между звезд, которые целят в него свои стрелы. И рано или поздно земля повернется к тебе под таким углом, что какая-нибудь из муз обязательно покорит твое воображение и поможет раскрыться творческим способностям, если они у тебя есть. Вот взгляните на всех этих людей, сидящих в зале. Многие из них могут ведь не только рисовать или лепить, они еще пишут стихи, играют на разных инструментах, покоряют зрителя своим актерским мастерством и заставляют слушателя плакать, когда начинают петь, разливаясь, словно те соловушки по ночам. Ах, мадемуазель! – Лорен подскочил с банкетки при виде приближающейся к ним Маргариды и отвесил ей восхищенный поклон. – Вы самый настоящий виртуоз!

– Вы очень снисходительны ко мне, месье Лорен, – скромно ответила та, присаживаясь к столику.

– Полагаю, что в обозримом будущем наши пути снова пересекутся в мастерской профессора Ландовски. Он сказал мне, что в ближайшие несколько недель вам предстоят практические занятия в его ателье. Нечто вроде такой интернатуры.

– Да, такое предложение он мне сделал, но я пока никому ничего не говорила. Боюсь спугнуть удачу, пока все не станет явью, – ответила Маргариды, веля официанту подать счет. – Для меня огромная честь попрактиковаться непосредственно в его мастерской.

– Он считает вас очень талантливой. Разумеется, талантливой женщиной, – добавил Лорен, слегка поддразнивая Маргариду.

– Что ж, воспринимаю ваши слова как комплимент, – улыбнулась в ответ Маргариды. Подали счет, и она положила на него сверху несколько банкнот.

– А я вот что подумал. Если вы начнете работать в нашей студии, то сможете попутно выполнять обязанности опекуниши, пока я буду лепить мадемуазель Изабеллу? Как смотрите? – спросил у нее Лорен.

– Такой вариант не исключен, но надо посмотреть, как будут развиваться события.

Маргариды метнула быстрый взгляд на Лорена, потом перевела глаза на Изабеллу и наконец снова на часы над баром.

– Нам пора. *До скорого, месье Бройли,* – добавила она по-французски, расцеловывая его в обе щеки. Изабелла тоже поднялась со своего места.

– Ах, мадемуазель Изабелла! По-моему, сама судьба толкает нас навстречу друг другу, – обронил Лорен, целуя ей руку, и метнул в присущей ему манере многозначительный взгляд из-под опущенных ресниц. При всей своей наивности Изабелла мгновенно расшифровала все то, что хотел сообщить ей Лорен.

* * *

К счастью для Изабеллы, по возвращении в отель она обнаружила, что сеньора да Силва Коста предается послеобеденному сну. Зато бодрствовала Мария Элиза. Изабелла застала ее в гостиной с книжкой в руках.

– Ну, как твои занятия? – задала подруга свой первый вопрос, едва Изабелла переступила порог комнаты.

– Замечательно! – воскликнула Изабелла и рухнула в кресло. Все те нервные потрясения, которые ей пришлось только что пережить, основательно вымотали ее. Она чувствовала себя уставшей, но ликующее настроение от встречи с Лореном не покидало ее.

– Рада за тебя. И чему там тебя учили?

– А, всему понемногу. Главным образом рассказывали про инструменты, которыми должен пользоваться скульптор, работая с камнем, – рассеянно бросила Изабелла в ответ, чувствуя, что губы не очень-то ее слушаются. Звуки получаются совсем не такими, как обычно. Видно, выпитое дает о себе знать.

– Целых шесть часов тебя мучили рассказами о том, какими инструментами надо обрабатывать камень? – недоверчиво переспросила Мария Элиза.

– Да, а что такого? А потом мы с Маргаридой отправились на обед и... – Изабелла неожиданно резко поднялась с кресла. – Ох, устала до чертиков. Пожалуй, пойду к себе и тоже прилягу на часок перед ужином.

– Изабелла!

– Слушаю тебя.

– Ты пила?

– Конечно, нет... Если не считать бокала вина за обедом. Но, в конце концов, все парижане пьют за обедом вино.

Изабелла направилась к дверям, а про себя поклялась, что никогда и никому не проболтается о том, чем ее сегодня угощали в кафе «Клозери де Ли́ла» и какие напитки выставлялись на их грубо, в крестьянской манере, сколоченный столик.

*Номер 4
48, Авеню де Мариньи
Париж
Франция*

27 июня 1928 года

Дорогие паи и мамочка!

Не могу поверить, что вот уже целых четыре месяца я нахожусь вдали от Рио. Время летит так быстро. Я все еще посещаю курсы в Высшей школе изящных искусств. Хожу туда вместе с Маргаридой де Лопес Алмейда. И хотя я отлично понимаю, что никогда мне не стать хорошим художником или скульптором, в отличие от моих однокурсников, многим из которых уготовано большое будущее, но занятия в Школе помогают мне глубже постигать живопись и скульптуру. Что, несомненно, пригодится мне впоследствии, когда я стану женой Густаво.

Сейчас в Париже наконец-то воцарилось лето, и город стал еще более оживленным. А я, между тем, уже начинаю себя чувствовать самой настоящей парижанкой!

Очень надеюсь, что в один прекрасный день вы тоже сможете насладиться всем великолепием этого волшебного города, которым я не перестаяю восхищаться каждый божий день.

С огромной любовью к вам обоим,

Изабелла

Изабелла аккуратно свернула листок бумаги и положила его в конверт, приготовив письмо к отправке. Затем, откинувшись на спинку стула, предалась размышлениям о том, как бы ей хотелось поделиться с родителями своими истинными чувствами к Парижу, городу, в

который с каждым днем она влюбляется все больше и больше, рассказать им о тех новых возможностях, которые у нее здесь появились, о людях, с которыми она познакомилась. Но она прекрасно понимала, родители ее ни за что не поймут. Более того, они даже испугаются, подумают, что напрасно разрешили ей отправиться в столь дальнее путешествие.

Единственным человеком на свете, с которым Изабелла могла поговорить без утайки, оставалась ее верная служанка Лоен. А потому она взяла еще один листок бумаги и быстро настрочила еще одно письмо, в котором излила всю свою душу, рассказала Лоен о Монпарнасе и, конечно, о Лорене Бройли, молодом помощнике профессора Ландовски, который изъявил желание извять ее бюст...

* * *

Каждое утро Изабелла просыпалась в состоянии радостного предвкушения нового дня, и все благодаря Маргариде. Лекции, которые они посещали, действительно оказались очень содержательными. А после занятий девушки отправлялись обедать в «Клозери де Лиля», и каждый раз Изабелла не могла дождаться того момента, пока снова окажется в знаменитом кафе.

Каждый день их встречала новая публика, в основном богема. За столиками сидели художники, писатели, музыканты, царил вечная атмосфера праздника и веселья. Не говоря уже о возможности лично лицезреть великих и знаменитых. Так, только на прошлой неделе Изабелла увидела прославленного ирландского писателя Джеймса Джойса, скромно сидевшего за одним из столиков прямо на улице. Он в полном одиночестве потягивал вино и просматривал толстенную стопку страниц машинописного текста.

– Я заглянул ему через плечо, – не скрывая волнения, похвастался перед девушками Арно, приятель Маргариды и начинающий художник. – Рукопись озаглавлена так: «Поминки по Финнегану». Говорят, он работает над этим романом уже более шести лет.

Хотя Изабелла понимала, что должна быть счастлива уже только потому, что может видеть всех этих знаменитостей, соприкасаться с ними, дышать с ними одним воздухом, они вместе с Маргаридой во

время своих пеших прогулок на Монпарнас не переставали строить несбыточные планы о том, как бы попасть сюда вечером. Ведь именно с наступлением темноты на Левом берегу Сены и начинается настоящая жизнь.

– Конечно, такое просто невозможно, в принципе. Но мечтать мне никто не запретит, – как-то раз уныло заметила Изабелла.

– Остается лишь благодарить Всевышнего за то, что он даровал нам чуточку свободы хотя бы днем, – вздохнула в ответ Маргариды.

* * *

Изабелла глянула на свои часики. Машина Маргариды должна приехать за ней с минуты на минуту. На Изабелле было темно-синее габардиновое платье в форме матроски, в котором она появлялась на занятиях все последнее время, поскольку это был самый простой и непритязательный наряд в ее гардеробе. Она быстро причесала волосы, слегка прошла помадой по губам и, прокричав всем домашним «до свидания», скрылась за дверьми.

– С тобой все в порядке? – поинтересовалась Маргариды, когда Изабелла уселась в машине рядом с нею.

– Да, все просто чудесно. Спасибо. А что?

– Боюсь, мне придется тебя огорчить, Изабелла. Плохие новости. Профессор Ландовски подтвердил свое приглашение поработать у него в мастерской в Булонь-Бийанкуре. Так что я временно перестаю посещать лекции в Школе изящных искусств.

– Мои поздравления. Представляю, как ты сейчас взволнованна. – Изабелла постаралась изобразить на лице радужную улыбку.

– Да, конечно. Я очень рада, – призналась Маргариды. – Но одновременно понимаю, что сильно подвела тебя. Не уверена, что сеньора да Силва Коста позволит тебе посещать занятия в одиночку.

– Конечно, не позволит! Это же ясно как божий день.

Непроизвольно на глаза Изабеллы навернулись слезы.

– Не будем пока отчаиваться, ладно? – Маргариды участливо погладила подругу по руке. – Обещаю, мы обязательно что-нибудь придумаем.

По счастливому совпадению, первой лекцией в сегодняшнем расписании стояла лекция профессора Ландовски. Он не часто появлялся перед студентами, но каждая его лекция становилась настоящим событием. Изабелла просто замирала от восторга, слушая его. Он излагал теоретический материал просто и доступно, а все технические сложности профессии, возникающие на пути к достижению совершенства, разжевывал студентам словно маленьким детям. Однако сегодня Изабелла почти не слушала профессора.

Ее беспокоило и другое. Прошло уже больше месяца с тех пор, как она впервые посетила кафе «Клозери де Ли́ла», и все это время она ни разу более не встречала там Лорена Бройли. Изредка Изабелла, как будто бы вскользь, интересовалась о нем у Маргариды, и подруга отвечала, что он сейчас страшно занят в мастерской Ландовски. Помогает профессору ваять первый вариант скульптуры Христа.

– Скорее всего, ме́сье Бройли днюет и ночует в его мастерской. Ведь сеньор да Силва Коста хочет как можно скорее получить в свое распоряжение хоть какой-то исходный материал для того, чтобы приступить к математическим расчетам всей композиции в целом.

После лекции Ландовски поманил к себе Маргариду.

– Итак, мадемуазель, вы готовы уже со следующей недели приступить к работе в моей мастерской?

– Да, профессор. Для меня это огромная честь.

– Сегодня вы снова пришли на лекцию вместе со своей подругой и соотечественницей. У этой девушки необыкновенно красивые руки, – заметил Ландовски, кивком головы поприветствовав Изабеллу. – Между прочим, Бройли все еще надеется вылепить ваш бюст. Сам говорил мне о своем желании. К концу этой недели, когда первый вариант моего Христа отправится к вашему опекуну, пожалуй, вы можете приехать ко мне в мастерскую вместе с мадемуазель де Лопес Алмейда. И тогда Бройли наконец получит шанс осуществить свою мечту. Как смотрите? Сделайте ему такой небольшой подарок за те три каторжные недели, которые он провел в моей мастерской, можно сказать, сутками напролет работая над статуей Христа. И для здоровья ему будет полезно переключиться наконец на созерцание женских форм. Не все же ему глазеть на нашего Спасителя.

– О, Изабелла будет просто счастлива, – поспешила ответить Маргариды, не дав подруге даже раскрыть рот.

Ландовски еще раз кивнул головой, прощаясь с ними обеими, после чего покинул аудиторию.

– Ну вот видишь, Изабелла? – воскликнула Маргариды, когда, выйдя из Школы, они, по своему обыкновению, зашагали в сторону Монпарнаса. – По-моему, даже сам Христос на твоей стороне!

– Пожалуй, – согласилась Изабелла. В ее сердце вновь затеплилась надежда. – Кажется, Спаситель действительно решил помочь мне.

* * *

– Изабелла, хочу с тобой посоветоваться, – неожиданно обратилась к ней Мария Элиза вечером того же дня, когда обе уже готовились ко сну. – Мне важно знать твое мнение.

– Конечно, – мгновенно отреагировала Изабелла, усаживаясь на своей кровати и приготовившись превратиться в примерную слушательницу. В последние несколько недель она проводила с подругой гораздо меньше времени, чем раньше. Ее даже начали мучить угрызения совести. – Что случилось?

– Я решила пойти учиться на медсестру.

– Как здорово! Какая ты молодец! – расплылась в доброжелательной улыбке Изабелла.

– Ты так считаешь? А я вот боюсь, что мама не разрешит. Ведь в нашей семье никто из женщин никогда не работал. Но я уже давно обдумываю этот шаг, вот только у меня пока не хватает храбрости поговорить с мамой. – Мария Элиза больно прикусила нижнюю губу. – Как думаешь, что она скажет?

– Надеюсь, она скажет, что гордится тем, что у нее выросла такая замечательная дочь, которая хочет приносить пользу людям. И уже совсем не сомневаюсь, что твой отец будет счастлив, очень счастлив, и одобрително отнесется к твоему решению.

– Дай-то бог, чтобы ты оказалась права, – взволнованно откликнулась Мария Элиза. – Я вот еще что подумала. Пока я нахожусь в Париже и бесцельно растрачиваю время на всякую ерунду,

может, мне попытаться устроиться волонтером в какую-нибудь больницу? Тут есть одна больница, всего лишь в пяти минутах ходьбы от нашего отеля.

Изабелла взяла обе руки Марии Элизы в свои и крепко сжала их.

– Какой ты все же замечательный человек, Мария Элиза! Всегда в первую очередь думаешь о других. Мне кажется, что у тебя есть все данные для того, чтобы стать хорошей медсестрой. Мир стремительно меняется, в том числе и для нас, женщин. Не вижу причин для того, чтобы отказываться менять свою жизнь в лучшую сторону.

– Вот именно! Тем более что пока я не думаю о замужестве. Так почему бы не попробовать себя в новом качестве? Конечно, в твоей жизни, Изабелла, все иначе. Через полтора месяца ты отправишься домой, выйдешь замуж за Густаво, станешь хозяйкой его дома, матерью его детей. Тут все понятно. А вот лично мне хочется чего-то другого в жизни. Спасибо тебе за моральную поддержку. Завтра же обязательно поговорю с мамой.

Обе улеглись на кровати, Мария Элиза отключила ночник на своей прикроватной тумбочке, но Изабелла еще долго лежала без сна.

Итак, в ее распоряжении полтора месяца. Всего лишь шесть недель. А потом ей придется покинуть Париж. Ведь впереди ее ждет жизнь, которую только что так точно обрисовала ей подруга.

Изабелла изо всех сил пыталась зацепиться за что-то позитивное в собственном будущем, но так ничего и не смогла придумать.

* * *

Маргарита пообещала связаться с Изабеллой после того, как проведет в мастерской профессора Ландовски хотя бы несколько дней. И тогда она обязательно сообщит подруге, когда, по мнению профессора, Изабелла тоже может присоединиться к ней. Но пока от Маргариды не поступало никаких известий.

И снова Изабелла была вынуждена торчать целыми днями в полном одиночестве у себя в номере, так как теперь уже Мария Элиза каждое утро ровно в девять убегала в больницу по соседству, она начала трудиться волонтером. Ее мать с явной неохотой дала согласие на то, чтобы дочь поработала медсестрой. Сама же Мария Джорджина

каждое утро занималась домашними делами или усаживалась писать письма родственникам и подругам.

– В следующем месяце у моей мамы день рождения, – как-то раз за завтраком обратилась к ней Изабелла. – Хочу купить ей что-нибудь на память о Париже и успеть отправить подарок по почте. Вы не будете возражать, сеньора Мария Джорджина, если я прогуляюсь немного по близлежащим магазинам? – робко спросила она.

– Конечно, Изабелла, я буду возражать. Уверена, твои родители никогда бы не одобрили нас с тобой, узнай они, что их дочь разгуливает по Парижу одна, без сопровождения старших. А у меня сегодня полно своих дел.

Эйтор, прислушавшись к их разговору, тоже подал голос:

– Раз так, почему бы Изабелле не отправиться прямо сейчас вместе со мной? Будет сопровождать меня, а я пройду пешком по Елисейским Полям до своей конторы. Думаю, там полно всевозможных магазинов и галерей, где можно будет выбрать подходящий подарок. А уж назад, дорогая, она вполне в состоянии вернуться и самостоятельно, без какого бы то ни было сопровождения.

– Как скажешь! – коротко ответила жена и издала раздраженный вздох из-за того, что последнее слово на сей раз осталось не за ней.

* * *

– Наконец-то в Париже установилась погода, которую даже у себя в Бразилии мы бы назвали теплой, – заметил сеньор да Силва Коста, когда минут двадцать спустя они вдвоем вышли из отеля и двинулись в направлении Елисейских Полей. – Ну, как вам в Париже? Все еще нравится? – поинтересовался он у своей спутницы.

– О да! Я люблю Париж! – прочувствованно ответила ему Изабелла.

– Насколько я наслышан, вы даже занялись изучением особых мест, скажем так, наиболее любимых парижской богемой. Я прав?

Изабелла бросила виноватый взгляд на сеньора да Силва Косту.

– Я только...

– Я вчера виделся с вашей подругой Маргаридой в мастерской Ландовски и невольно подслушал, о чем она мило болтала с молодым

помощником профессора. Рассказывала ему о том, что вы часто вдвоем с ней обедаете в кафе «Клозери де Лила».

У Изабеллы моментально душа ушла в пятки. Сеньор да Силва Коста увидел ее испуганное выражение лица и ласково погладил по руке.

– Не бойтесь. Ваш секрет умрет вместе со мною. К тому же я считаю, что Маргарита разумная и очень рассудительная молодая женщина. Она хорошо ориентируется в Париже и знает, чего можно ждать от этого города. Кстати, она попросила меня сообщить вам, что завтра ровно в десять утра она заедет за вами по пути в мастерскую, и вы отправитесь туда вместе. Как вы, наверное, в курсе, месье Бройли все еще горит желанием изваять ваш скульптурный портрет. Во всяком случае, сеансы в мастерской Ландовски уберегут вас от других соблазнов. Да и мы всегда будем точно знать, где именно вы обретаетесь.

Эйтор слегка нахмурил лоб, но Изабелла сразу же поняла, что сеньор да Силва Коста просто подшучивает над ней.

– Спасибо, что сообщили мне эту новость, – сдержанно ответила она, не желая выказывать охватившую ее радость от такого долгожданного известия. И тут же быстро сменила тему разговора: – Вы довольны тем, как продвигается работа профессора Ландовски над статуей Христа?

– Пока да. Во всяком случае, сейчас я абсолютно уверен в том, что сделал правильный выбор. Художественная концепция Ландовски очень близка моим собственным представлениям о том, каким должен быть памятник. Впрочем, впереди еще очень долгий и тернистый путь. Не скоро мы выйдем на финишную прямую, когда я наконец смогу сказать: «Да, вот это и есть окончательный вариант статуи». В данный момент я занимаюсь тем, что пытаюсь решить все сопутствующие технические проблемы, которых тоже очень много. И самая первая и главная из них: из какого материала мы будем делать внешнюю и внутреннюю облицовку статуи. Я уже перебрал огромное множество самых разных вариантов. Что-то не подходит по чисто практическим соображениям, что-то не укладывается в эстетические требования, предъявляемые к будущему монументу. А сейчас предлагаю вам заглянуть вот в этот пассаж. Наверняка вы подберете здесь что-то стоящее для подарка матери. Я сам купил недавно в одном из бутиков,

расположенных в галерее, красивый шелковый шарф для Марии Джорджины.

Они вошли под своды элегантной галереи, и сеньор да Силва Коста жестом указал на бутик, в котором совершил покупку.

– Я подожду вас снаружи, договорились?

Изабелла вошла в магазин. Она остановила свой выбор на шарфе нежного персикового цвета, прикупив к нему еще и комплект носовых платков в тон шарфу. Тот самый цвет, который как нельзя лучше подойдет к лицу мамы. Расплатившись за покупки, Изабелла заторопилась на выход и обнаружила Эйтора возле небольшого фонтанчика в центре галереи. Облокотившись на поручни, сеньор да Силва Коста что-то внимательно разглядывал внизу.

Изабелла подошла и тихонько встала рядом. Почувствовав ее присутствие, архитектор показал на мозаичный пол: днище фонтана было выложено разноцветными керамическими плитками.

– Как вам это? – спросил он у нее.

– Простите, сеньор да Силва Коста, но я вас не совсем понимаю.

– Как вы считаете, мы можем обложить изнутри фигуру Христа вот такой же мозаикой? Тогда на внешней поверхности статуи не будут образовываться трещины. Ведь каждый кусочек мозаики будет иметь свой размер, и ни один из них не повторит друг друга. Надо только хорошенько подумать над тем, какой материал подойдет для этой цели лучше всего... Что-то пористое, прочное и одновременно практичное... Да, что-то такое... Например, мыльный камень, залежи которого недавно обнаружили в Минас Гераис. Почему бы и нет? Камень светлый, легко поддается обработке. Я должен немедленно привести сюда сеньора Леви и показать ему этот фонтан. Завтра он уезжает в Рио. Решать все надо очень быстро.

Изабелла взглянула на взволнованное лицо сеньора да Силва Коста, которого, судя по всему, только что посетило самое настоящее озарение. Он тотчас же заторопился на улицу.

– Изабелла, не возражаете, если домой вы вернетесь одна?

– Конечно не возражаю, – ответила Изабелла, понимая, что ему уже не до нее.

Сеньор да Силва Коста коротко кивнул ей на прощание и быстрым шагом удалился прочь.

– Добро пожаловать, мадемуазель Изабелла! – Стоило Изабелле переступить вместе с Маргаридой порог мастерской профессора Ландовски, как Лорен тут же подошел к ней и по-дружески расцеловал в обе щеки. – Давайте вначале выпьем по чашечке кофе. Все трое, включая мадемуазель Маргариду. – Молодой человек кивком головы указал на Маргариду, которая быстро прошла мимо них и тут же принялась натягивать на себя рабочий халат. – Между прочим, мадемуазель Маргариды, профессор сказал, что над левым локтем вашей скульптуры еще следует поработать, но в целом очень удачная попытка.

– Спасибо! – коротко поблагодарила его Маргариды. – В устах профессора это звучит как самый настоящий комплимент.

– Что ж, Изабелла, – снова переключил свое внимание Лорен. – Идемте со мной, покажите мне, как у вас в Бразилии заваривают кофе. Полагаю, вы предпочитаете крепкий и без молока. – Он взял Изабеллу за руку и почти потащил в крохотную кухоньку. Снял с полки бумажный пакет, открыл его и понюхал содержимое. – Кофе бразильский, смолот сегодня утром. Купил в одном магазинчике на Монпарнасе, который мне хорошо знаком. И все специально для того, чтобы вы расслабились как следует. Думаю, кофе обязательно напомнит вам о доме, не так ли?

Изабелла с наслаждением вдохнула в себя дивный аромат свежемолотого кофе и тут же перенеслась мыслями к себе домой, за пять тысяч миль от Парижа.

– Так все же, продемонстрируйте мне весь процесс. Как вы это там у себя делаете? – Лорен протянул Изабелле чайную ложку и встал у нее за спиной, чтобы наблюдать весь процесс приготовления.

Изабелла подождала, пока закипит вода, которую Лорен поставил на небольшую конфорку. Ей не хотелось признаваться в том, что еще ни разу в своей жизни она не сварила себе чашечки кофе. В их доме такую работу всегда выполняли слуги.

– Чашки у вас есть? – поинтересовалась она у него.

– А как же! – Лорен метнулся к кухонному буфету и извлек оттуда две эмалированные кружки. – Конечно, не китайский фарфор, – добавил он извиняющимся тоном. – Но, думаю, на вкусе самого напитка это не скажется.

– Пожалуй, – согласилась с ним Изабелла, раскладывая молотый кофе по кружкам.

– Вообще-то мадемуазель Изабелла, – заметил Лорен, слегка улыбнувшись, – для заварки кофе мы используем вот это. – Он снял с полки небольшую серебряную турку.

Изабелла покрылась краской от допущенной ошибки и принялась молча наблюдать за тем, как он ссыпает кофе из кружек в турку, а потом заливает смесь горячей водой.

– Ну вот! Пусть себе заваривается. А мы потом усядемся и немного поболтаем.

Через пару минут они снова вернулись в студию. Маргарита, сидя на скамье, с головой ушла в работу над скульптурой. Подхватив по дороге свой альбом для эскизов, Лорен подвел Изабеллу к грубо сколоченному столу на козлах с деревянными скамьями вокруг. Тот самый стол, за которым они обедали месяц с небольшим тому назад. И тут же задернул шторы за собой.

– Присаживайтесь! Вот сюда, пожалуйста. – Он показал Изабелле на скамью прямо напротив себя. – Итак, – сказал он, беря в руку кружку с кофе, – расскажите мне о своей жизни в Бразилии.

Изабелла удивленно посмотрела на него.

– Но почему именно в Бразилии?

– Потому, мадемуазель, что вы сейчас сидите передо мной, словно деревянный чурбан, такая, знаете ли, изношенная балка, которая уже больше сотни лет подпирает крышу старого дома. У вас напряжен каждый мускул, каждая клеточка тела, а я хочу, чтобы вы расслабились, чтобы разгладились черты вашего лица, чтобы губы снова стали мягкими, а в глазах вспыхнул свет. Понимаете меня?

– Я... думаю, да.

– Голос звучит не очень уверенно. Что ж, постараюсь объяснить еще раз. Многие ведь думают, что скульптура – это только внешний образ модели, так сказать, ее внешняя оболочка. В какой-то мере, эти люди правы. Во всяком случае, в том, что касается техники исполнения. Но любой большой мастер тотчас же скажет вам, что

искусство ваяния, умение добиться чисто физического сходства с моделью, в первую очередь, зависит от того, насколько глубоко скульптур сумел заглянуть в душу своей модели, насколько он понял истинную суть этого человека.

Изабелла робко глянула на Лорена.

– Понятно.

– И вот вам простой пример, – увлеченно продолжил он свои рассуждения. – Если я леплю бюст молодой девушки и по ее глазам вижу, какое у нее доброе сердце, как оно обливается кровью, как болит за всех, кому тяжело, то, вполне возможно, я изображу ее с каким-нибудь животным. К примеру, помещу ей в руки голубя. А если модель производит на меня впечатление скупой и алчной женщины, то тогда я надену ей на запястье тяжеленный белоснежный браслет или массивный перстень на палец. Что ж, – Лорен открыл свой альбом для эскизов. Его карандаш завис в воздухе. – Начинайте рассказывать мне, а я в это время буду делать наброски. Расскажите мне, где вы выросли.

– Большую часть детства я провела на ферме в горах, – ответила Изабелла, и мгновенно перед ее глазами предстала любимая фазенда. Легкая улыбка скользнула по ее губам. – У нас там были свои лошади. По утрам я каталась верхом, забираясь высоко в горы, или купалась в озере.

– Прямо сплошная идиллия, – хмыкнул Лорен, и его карандаш быстро заскользил по бумаге.

– Так оно и было, – согласилась Изабелла. – А потом мы переехали в Рио. Наш дом расположен у подножия горы Корковадо. В один прекрасный день на ее вершине установят статую Христа. Вид, конечно, красивый, и дом наш намного больше и роскошнее, чем фазенда. Разве что гора подавляет все вокруг своим величием. И от этого в доме мало света. Иногда у меня вообще возникает такое чувство, – Изабелла замолчала, пытаясь подобрать нужное слово, – будто я начинаю задыхаться и мне не хватает воздуха.

– А здесь, в Париже, как вы себя чувствуете? Париж ведь тоже большой город. Задыхаетесь, как и в Рио?

– О нет! – качнула головой Изабелла. Лицо ее мгновенно просияло. – Я очень люблю Париж, особенно живописные улочки Монпарнаса.

– Хм! Что же тогда получается? Выходит, на вас влияет не столько место жительства, сколько состояние собственного ума. Ведь и в Париже, уверяю вас, можно тоже легко задохнуться от клаустрофобии. А вам, по вашим словам, здесь очень нравится.

– Конечно, вы правы, – согласилась она с Лореном. – Все дело в той жизни, какой я живу в Рио. А сам город тут совсем ни при чем.

Лорен продолжал набрасывать эскиз, постоянно следя за выражением лица Изабеллы.

– А что не так с этой вашей жизнью в Рио?

– Ничего... То есть я хочу сказать... – Она неопределенно пожала плечами, стараясь пояснее выразить свою мысль словами. – Мне вообще необыкновенно повезло. Я веду самую привилегированную жизнь. В следующем году выйду замуж. Стану жить в красивом доме. В моем распоряжении будет все, о чем только может мечтать любая женщина.

– Так почему же у вас сейчас такие грустные глаза, когда вы рассуждаете о собственном блестящем будущем? Как я понимаю, впрочем, вы сами намекнули на это при нашей первой встрече, ваш брак – это, скорее всего, такая сделка, в которой участвует не столько сердце, сколько голова. Я прав?

– Месье Бройли, вам многого не понять, – после короткой паузы ответила Изабелла. – У нас в Рио все по-другому. Это отец захотел, чтобы я сделала хорошую партию. Мой жених родовит. Его семья – одна из самых знатных во всей Бразилии. К тому же, – она сокрушенно вздохнула, – у меня нет никаких талантов, как, скажем, у вас, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Я всецело завишу от своего отца. А вскоре буду зависеть от мужа. Он будет обеспечивать меня всем, что мне нужно.

– Понимаю, мадемуазель. И глубоко сочувствую вашей доле. К сожалению, – Лорен тоже вздохнул, – единственный человек, который может изменить вашу судьбу, это вы сами.

Он отложил карандаш в сторону и несколько минут молча изучал свои наброски, а Изабелла в это время сидела, боясь пошевелиться. Разговор явно вывел ее из душевного равновесия.

Наконец Лорен снова поднял на нее глаза.

– Глядя на свои наброски, заверяю вас, что вы смогли бы совсем неплохо зарабатывать себе на жизнь в качестве модели для наших

художников на Монпарнасе. У вас ведь не только прекрасное лицо. Наверняка под этим платьем скрывается и не менее восхитительное тело, настоящее воплощение красоты и женственности.

Лорен окинул ее оценивающим взглядом, и от этого взгляда ей стало жарко и кровь ударила в лицо.

– Ну, почему вы так смущаетесь? – укоризненно заметил Лорен. – Здесь, в Париже, мы славим и чтим красоту женского тела. В конце концов, все мы приходим в этот мир голыми. И только общество потом навязывает нам, как и во что одеваться. Впрочем, зима в Париже тоже немаловажный фактор. – Лорен издал короткий смешок и глянул на часы. – Не волнуйтесь. – Он снова окинул ее пристальным взглядом. – Я буду лепить вас в том наряде, в каком вы пришли сегодня. Это платье вам удивительно идет.

Изабелла молча кивнула головой, испытывая в душе невероятное облегчение.

– Но пока вы мне тут изливали душу, часы пробили полдень. Пора обедать. Пойду, принесу хлеб, сыр и немного вина, в качестве награды вам.

Лорен забрал со стола кружки и снова двинулся в направлении кухни. Задержался на минуту возле Маргариды и спросил, не присоединится ли она к совместной трапезе.

– Спасибо, с удовольствием, – ответила Маргариды и, поднявшись со своего рабочего места, направилась в ванную, чтобы помыть руки.

Изабелла осталась в мастерской одна. Она глянула в окно на клумбы с цветущей лавандой. Все внутри у нее дрожало и трепетало. Непонятно как, но Лорен без каких-либо видимых усилий заставил ее поделиться с ним всеми своими сокровенными переживаниями о собственном будущем.

– С тобой все в порядке, Изабелла? – спросила у нее подошедшая Маргариды, усаживаясь рядом, и с озабоченным видом положила ей руку на плечо. – До меня долетали кое-какие обрывки ваших разговоров. Надеюсь, месье Бройли не переусердствовал в своем желании сделать максимально достоверный портрет? Более того, как мне кажется, – Маргариды слегка понизила голос, – им движут отнюдь не только профессиональные интересы.

– Что ты имеешь в виду?

Но Маргарита не успела ответить. В студии появился Лорен с подносом.

Во время трапезы Изабелла сидела молча, слушала непринужденную болтовню Маргариты и Лорена, обсуждающих своих общих знакомых или вспоминаяющих самые последние скандальные выходки разношерстной богемной публики.

– Говорят, Кокто оборудовал себе тайную комнату в одном из домов на Рю де Шатодан, – промолвил Лорен, отхлебнув из своего стакана. – Собирает там дружков-приятелей и потчует их коктейлями собственного приготовления. Он и имена этим напиткам придумывает в свою честь. Слышал, бьют эти коктейли наповал. Впрочем, говорят, что в последнее время Кокто увлекся спиритическими сеансами.

– А что это за сеансы? – с любопытством спросила у него Изабелла.

– Это когда человек пытается вступить в контакт с мертвыми, – пояснила ей Маргарита. – Вся эта чертовщина мне категорически не нравится, – добавила она, зябко поежившись.

– Он еще практикует у себя групповые занятия гипнозом, хочет лично убедиться в том, что можно проникнуть в подсознание другого человека, – продолжил свой рассказ Лорен. – Вот это меня интересует гораздо в большей степени. Вообще, душа человека, его внутренний мир, мне гораздо интереснее его внешнего облика. – Лорен метнул взгляд на Изабеллу. – В чем лично могла сегодня утром убедиться мадемуазель Изабелла. Что ж, пора за работу. Пока я буду переставлять стул из одного угла мастерской в другой в поисках наилучшего освещения, советую вам, мадемуазель, немного прогуляться по саду. Ибо, как только мы приступим к работе, я заставлю вас окаменеть и сидеть неподвижно все время, пока будет длиться сеанс.

– Отличная мысль, месье Бройли, – одобрительно сказала Маргарита. – Пожалуй, я составлю компанию Изабелле и тоже прогуляюсь вместе с ней. Хочу подышать немного свежим воздухом. Пошли, Изабелла.

Девушки поднялись из-за стола и, выйдя из мастерской в сад, остановились возле цветущей лаванды, наполняющей своим благоуханием все вокруг.

– Какая тишина вокруг! – мечтательно воскликнула Маргарита, беря подругу под руку. – Только пчелы жужжат, собирая свой нектар.

Изабелла, с тобой правда все в порядке?

– Чистая правда, – подтвердила Изабелла. Выпитое за обедом вино немного успокоило ее и почти помогло обрести прежнее душевное равновесие.

– Тогда пообещай мне, что впредь ты не позволишь Лорену ставить себя в неловкое положение.

– Обещаю! – клятвенно заверила подругу Изабелла. – Но как странно, – вдруг воскликнула она, когда они двинулись дальше в глубь сада, огороженного со всех сторон аккуратно подстриженной зеленой изгородью из молодых кипарисов. – Тебе так не кажется? Ведь Бразилия не менее прекрасна, чем Франция. И то же богатство флоры и фауны. Но вот сама атмосфера здесь совсем другая. Дома я редко предаюсь размышлениям и почти никогда не чувствую себя умиротворенной. А вот здесь, в Париже, даже в самом сердце Монмартра, могу расслабиться, подумать о себе самой. Более того, я даже стала отчетливее понимать, что я есть на самом деле. Странно, – снова задумчиво повторила она.

Но Маргарита лишь молча пожала плечами, явно не желая углубляться в разговор на столь философскую тему.

– Пора в мастерскую. Наверняка месье Бройли уже не терпится снова приступить к своему будущему шедевру.

* * *

Тремя часами позже, когда они с Маргаритой уже сидели в машине, отвозившей их домой, Изабелла почувствовала, как на нее внезапно навалилась безмерная усталость. Ей показалось, что она целую вечность неподвижно просидела на стуле, застыв в неудобной позе: руки на коленях, пальцы строго в том положении, в каком их установил Лорен.

Никакого эстетического удовольствия при этом она не испытывала. А себе самой казалась почтенной тетушкой, этакой старой девой, запечатленной на давних семейных фотографиях, раскрашенных сепией. Зато сейчас страшно ныла спина от непривычно долгого сидения. И шею не повернуть. И пальцы онемели... Если во время сеанса она все же осмеливалась слегка

пошевелить ими, то даже это малейшее движение не ускользало от зоркого глаза Лорена. Он тут же подхватывался со своего рабочего места, на какое-то время оставив в покое каменную глыбу, над которой только что колдовал, бежал к ней и снова укладывал пальцы так, как они лежали изначально.

– Изабелла, голубушка моя! Просыпайся. Мы уже приехали. Вот он, твой отель.

Изабелла вздрогнула от неожиданного возгласа Маргариды. Ей стало неловко оттого, что она задремала по дороге.

– Прости, – повинулась Изабелла перед подругой, выбираясь из машины. Шофер предусмотрительно открыл ей дверцу. – Не думала, что позирование окажется таким тяжелым занятием.

– Да, действительно, сегодня у тебя был очень трудный день. Все было новым, все тебе в диковинку. Неудивительно, что ты очень устала. Завтра поедешь в мастерскую?

– Конечно, поеду, – стоически ответила Изабелла, закрывая за собой дверцу. – Доброй ночи, Маргарида. Завтра ровно в десять жду тебя.

Вечером после ужина Изабелла, сославшись на усталость, не осталась играть в карты вместе с остальными членами семейства да Силва Коста. Карточными играми у них, по обыкновению, заканчивались все вечера. Вернувшись к себе в комнату, Изабелла почти сразу же улеглась в постель и с наслаждением вытянулась на подушках. А затем стала размышлять над шутливым предложением Лорена попробовать зарабатывать себе на хлеб, позируя художникам. Однако не такой уж это простой заработок, подумала она. Во всяком случае, все гораздо труднее, чем это представляется.

Последующие три недели Изабелла исправно сопровождала Маргариду в художественную мастерскую профессора Ландовски в Булонь-Бийанкуре. Несколько раз к ним присоединялся и сеньор да Силва Коста, обуреваемый все новыми и новыми идеями касательно своего детища. Пользуясь оказией, привозил профессору очередную порцию эскизов и чертежей будущей статуи Христа.

– Сейчас Ландовски занят тем, что изготавливает для меня еще одну модель статуи. Мы оба пытаемся усовершенствовать окончательный вариант и доработать все, даже самые мельчайшие детали, – поделился Эйтор с девушками своими последними новостями. Но стоило машине остановиться, как он тотчас же вприпрыжку помчался к мастерской, стораю от нетерпения увидеть то, что успел сделать для него Ландовски.

Сам же профессор, вооружившись полным списком всех изменений, по большей части весьма несущественных, которые ему нужно было внести в свою работу, чтобы подготовить еще одну модель статуи, в это время сидел за рабочим станком, недовольно бормоча себе под нос:

– Этот полоумный бразилец! Совсем уже рехнулся! И зачем я только связался с ним? Согласился принять участие в его безумном предприятии? Мечта, которой никогда не будет дано осуществиться наяву...

Но чувствовалось, что Ландовски хоть и рычит, но ругается любя, не скрывая восхищения перед грандиозностью проекта, над которым они сейчас вместе трудятся.

Постепенно наметился прогресс и в работе Лорена над скульптурным портретом Изабеллы. Под его умелыми и ловкими пальцами стали проступать контуры будущего изваяния. Сама же Изабелла уже почти привыкла к неподвижному сидению на стуле. И как только начинался очередной сеанс, она тотчас же уносилась мыслями прочь. Впрочем, почти все ее мысли, так или иначе, крутились вокруг Лорена. Тихонько сидя в своем уголке, она не сводила с него глаз, замороженно наблюдая за тем, как он, не замечая

никого и ничего вокруг, сосредоточенно орудует напильником и специальным молотком с расщепом.

Но вот в один из жарких июльских дней рука профессора легла на плечо молодого помощника, как всегда всецело поглощенного своей работой.

– Я только что вернулся из Парижа. Встречался с месье да Силва Коста в его конторе и передал ему свой последний вариант Христа, – прорычал он по своему обыкновению. – И этот сумасшедший бразилец велел мне изваять четырехметровую модель статуи. Причем требует, чтобы я приступил к работе немедленно. Мне нужна ваша помощь, Бройли. А потому никаких больше игр со скульптурным изображением прекрасной дамы. Даю вам еще один день, чтобы закончить работу над портретом.

– Конечно, профессор. Понимаю, – ответил Лорен, бросив на Изабеллу взгляд, исполненный откровенного недовольства.

Изабелла же постаралась после слов профессора ничем не выдать охватившего ее разочарования. Но вот Ландовски приблизился к ней, и она почувствовала на себе его оценивающий взгляд.

– Предлагаю вам, – обратился он к Бройли после короткой паузы, – сделать слепки с красивых и таких длинных пальцев мадемуазель. Эта заготовка может мне понадобится, когда я начну работать над руками Христа. Они должны быть такими же прекрасными и изящными, как и руки мадемуазель Изабеллы. Ведь этими руками Спаситель будет готов обнять всех нас, Его чад, живущих на земле. Невозможно себе представить мозолистые, огрубевшие мужские длани.

– Да, профессор, – послушно согласился с ним Лорен.

Ландовски взял Изабеллу за руку, подняв со стула, подвел к станку и положил руку с распростертыми пальцами на поверхность станка так, чтобы мизинец упирался в стол. Потом он снова сдвинул все пальцы воедино, придвинув большой палец к краю ладони.

– Пожалуйста, Бройли, подготовьте мне слепки с руки мадемуазель в этих двух позициях. Вы знаете, как выглядит модель статуи, а потому постарайтесь, чтобы слепки максимально близко совпали с ее внешними контурами. А заодно сделайте слепки и с рук мадемуазель Маргариды. У нее тоже очень изящные и тонкие пальцы. Я потом сравню и выберу, что лучше подойдет для нашего Христа.

– Хорошо, – ответил Лорен. – Но можно мы займемся этим завтра с самого утра? Боюсь, мадемуазель Изабелла уже утомилась после столь длительного позирования мне.

– Если у мадемуазель еще остались хоть какие-то силы, то я хотел бы, чтобы это было сделано сегодня, прямо сейчас. До завтрашнего утра слепки уже успеют высохнуть, и у меня будет с чем работать. Надеюсь, вы не станете возражать, мадемуазель? – Ландовски бросил на девушку рассеянный взгляд, явно не очень интересуясь ее ответной реакцией.

Изабелла лишь слегка кивнула головой.

– Для меня это большая честь, профессор, – едва слышно проронила она.

* * *

– А сейчас, – сказал Лорен, покрывая ее руки слоем белого гипса, – поклянитесь мне, что вы не шелохнете даже мизинцем, пока гипс не схватится. Иначе всю процедуру придется повторить с самого начала.

Изабелла замерла, стараясь не обращать внимания на раздражающий зуд в левой ладони и сосредоточившись на том, как Лорен проделывает аналогичные манипуляции уже с рукой Маргариды. Но вот он закончил, взглянул на часы и осторожно постучал по слепку на руке Изабеллы.

– Еще минут пятнадцать придется подождать, – проронил он и, взглянув на девушек, вдруг издал короткий смешок. – Какая жалость, что у меня нет с собой фотоаппарата. Дивный бы получился снимок. Вы, двое, сидите тут с руками, обмазанными белым гипсом. Довольно нелепое зрелище, ей-богу! А теперь прошу простить меня, но я пока удалюсь, чтобы сделать пару глотков воды. Не волнуйтесь, дамы! Я обязательно вернусь. Во всяком случае, до наступления ночи точно...

Лорен весело подмигнул девушкам и скрылся на кухне.

Девушки молча переглянулись. Их тоже душил смех от понимания всей нелепости той ситуации, в которой они оказались. Но страх все испортить одним неловким движением губ, зная о том, что любое движение может сразу же передаться и на руки, удержал.

– Быть может, в один прекрасный день, когда мы будем смотреть на вершину Корковадо и любоваться статуей Христа, мы вспомним и этот день, – задумчиво бросила Маргариды и улыбнулась.

– Я-то точно вспомню, – грустно вздохнула Изабелла.

Потом еще несколько минут ушло на очень ответственную и, как потом решила про себя Изабелла, весьма опасную операцию: аккуратно снять слепок с руки и ничего при этом не повредить. Острым ножом Лорен осторожно приподнимал края гипса, постепенно высвобождая руку и пальцы, предварительно смазанные толстым слоем специального крема. Но вот наконец все закончено. Лорен удовлетворенно хмыкнул, разглядывая слепки, лежащие перед ним на столе.

– Идеально, – констатировал он. – Профессор будет очень доволен. Сейчас посмотрим, как выглядят в гипсе ваши руки, – обратился он к Маргариде, приступая повторно к той же операции, но уже с ее руками.

– А мне кажется, что эти слепки совсем не похожи на мои руки, – сказала Изабелла, внимательно разглядывая гипсовые формы. – Сейчас я уже могу помыть руки?

– Конечно, – откликнулся Лорен. – Мыло, щетка, мочалка – все в ванной, рядом с раковиной.

Когда Изабелла вернулась из ванной, чувствуя явное облегчение от того, что смыла с рук всю грязь, она застала следующую картину. Лорен нахмуренно разглядывал отколовшийся от слепка гипсовый палец Маргариды. Беда случилась, когда Лорен снимал с нее гипс.

– Ладно, дело поправимое, – вздохнул он наконец. – Приклею, останется только тонюсенькая трещинка на сломе. Но это не страшно. Все сойдет.

Маргариды побежала в ванную приводить в порядок руки, а Лорен занялся уборкой помещения.

– Жаль, что профессору срочно понадобилась моя помощь, – обратился он к Изабелле. – Мне еще предстоит много работы над вашей скульптурой. Хорошо, что сейчас у меня есть хотя бы слепки с ваших рук, это уже неплохо, – суховато заметил он.

– Нам пора, причем срочно, – объявила Маргариды, выходя из дома. – Шофер ждет нас уже несколько часов. Да и сеньора да Силва

Коста тоже, поди, вся извелась, теряясь в догадках, куда могла запропасться мадемуазель Изабелла.

– А вы ей скажите, что я похитил ее подопечную и не собираюсь возвращать ее до тех пор, пока не закончу работу над скульптурой, – пошутил Лорен, наблюдая за тем, как девушки надевают на головы шляпки и направляются к дверям. – Минуточку, Изабелла. Вы, по моему, кое-что забыли, – окликнул он Изабеллу, когда та уже переступила порог мастерской, приготовившись выйти на улицу. – Пожалуй, нам надо вернуть эту вещицу на законное место. Иначе другие могут заподозрить, что вы намеренно избавились от нее. – Изабелла повернулась и шагнула ему навстречу. – Позвольте, я надену. – Лорен взял ее за руку и надел на палец обручальное кольцо, заглянув при этом ей прямо в глаза. – Ну вот! Все в порядке! Вы снова обручены. Всего доброго, мадемуазель Изабелла. Не беспокойтесь, я обязательно что-нибудь придумаю для того, чтобы продолжить нашу совместную работу над скульптурой.

Выйдя наконец из мастерской Ландовски, девушки уселись в поджидавшую их машину, и машина направилась к центру Парижа. Изабелла с несчастным видом молча таращилась в окно.

– Изабелла! – окликнула ее Маргарита.

Изабелла повернулась и увидела, что подруга внимательно разглядывает ее.

– Изабелла, можно я спрошу тебя кое о чем личном?

– Пожалуй, можно, – осторожно согласилась Изабелла.

– Собственно, мой вопрос состоит из двух частей. Ты помнишь, я говорила тебе, что невольно услышала, о чем вы беседуете с Лореном, пока он тебя рисовал. И ты тогда поделилась с ним своими страхами по поводу предстоящего возвращения в Рио, где тебя ждет жених и скорая свадьба. Ты на самом деле это чувствуешь?

– Да. Но, пожалуйста, Маргарита, об этом никому ни слова. Никто не должен знать, только ты и Лорен, – умоляюще попросила ее Изабелла, перепуганная до смерти перспективой того, что случайно сказанное ею слово, превратившись в слух, быстро долетит и до Бразилии.

– Я прекрасно понимаю тебя, понимаю, что ты хотела сказать... Но вот в чем вопрос. Мне кажется, что твое нежелание выходить замуж сильно возросло за последние несколько недель. Я права?

Изабелла с отсутствующим выражением лица принялась разглядывать обручальное кольцо на своем пальце, обдумывая, что ответить Маргариде.

– Когда я уезжала из Рио, – заговорила наконец Изабелла, – я была очень признательна Густаво за то, что он позволил мне отправиться в Европу вместе с семейством да Силва Коста. Я и подумать не могла, что он решится на такой шаг и сделает мне такой шикарный подарок. Но вот подарок заканчивается. Менее чем через три недели я должна буду вернуться домой. А если честно, то сейчас мои чувства к Густаво стали совсем другими. Да, Париж изменил многие мои взгляды на жизнь. – Изабелла тяжело вздохнула.

– Понимаю. Тебе нравится та свобода, которую ты обрела, живя в Париже. Мне она тоже нравится.

– Все так! – горячо воскликнула Изабелла. – Но самое ужасное, Маргариде, я тут приобщилась совсем к иному образу жизни. И потому я так мрачно смотрю теперь на собственное будущее. Где-то в глубине души я даже жалею, что приехала сюда, увидела, испытала на себе все то, что могло бы быть в моей жизни, живи я здесь. А сейчас все заканчивается и уже больше никогда не повторится.

– Что ж, тогда я плавно перехожу ко второй части своего вопроса, – почти ласково проговорила Маргариде. – Я наблюдала за тобой и Лореном, пока он работал над твоим портретом. Признаюсь, поначалу я думала, что все его комплименты, которые он расточал тебе, все его ухаживания и обхаживания – это такой обычный стиль при общении с красивой молодой женщиной, которую он выбрал в качестве модели. Но за последние несколько дней я в корне изменила свое мнение. Я вижу, какие взгляды он бросает на тебя порой, как нежно касается рукой камня в процессе своей работы... Наверное, в этот момент ему кажется, что он ласкает не камень, а твое тело. Словом, все это... Прости меня, Изабелла. – Маргариде слегка покачала головой. – Ты меня знаешь. Я – человек рассудительный и довольно прагматично отношусь ко всему тому, что связано с любовью. Особенно здесь, в Париже. И тем не менее я обязана предупредить тебя. Несомненно, Лорен испытывает к тебе страсть. А поскольку время вашего общения стремительно подходит к концу, он может забыться, а главное, забыть о том, что ты уже не свободна.

– О чем я, в случае чего, ему незамедлительно напомню, – с достоинством ответила Изабелла.

– Ты это сделаешь? Ну-ну! – задумчиво бросила Маргариды. – Ведь я замечаю не только то, что чувствует Лорен по отношению к тебе. Твои чувства к нему тоже не укрылись от моих глаз. Собственно, я это заметила с самой первой минуты, когда он подошел к нашему столику в кафе «Клозери де Лила», когда мы впервые обедали на Монпарнасе. И если честно, это напугало меня уже тогда. Я решила, что он, видя твою наивность и неопытность, затеял с тобой такую хитроумную игру. В богемной среде ведь полно не очень разборчивых в средствах мужчин. Для них любовь – это всего лишь мимолетное развлечение, а сердце женщины – сиюминутная игрушка для забавы. Они не скупятся на медоточивые речи, соблазняя свою жертву, а когда она готова уступить и пасть к их ногам, с удовольствием получают от нее все то, чего так страстно желали. Ну а уже потом, когда цель достигнута, а сама игра тут же утрачивает свою новизну, они идут дальше, отправляются на поиски новой жертвы.

Изабелла увидела, как страдальчески исказилось лицо Маргариды, а глаза заблестели от слез, когда она произносила этот монолог.

– Да, Изабелла. – Она перехватила ее взгляд. – Ты абсолютно права. Когда я была в Италии, то тоже влюбилась там в одного человека, мужчину такого типа, который я только что тебе описала. И, разумеется, вырвавшись на свободу из-под опеки, которой меня душили в Рио, я на тот момент была такой же неопытной, как и ты сейчас. И да, в конце концов, он соблазнил меня. Во *всех смыслах* этого слова. Но с тех самых пор, как я уехала в Париж, больше я о нем ничего не слышала.

Шокированная услышанным, Изабелла попыталась быстро проанализировать все то, что только что рассказала ей подруга.

– Ну вот! Я поделилась с тобой своей самой страшной тайной, – тихо обронила Маргариды. – И все только потому, что я искренне надеюсь, из всех моих страданий, из той пучины отчаяния, в которую я тогда погрузилась, можно извлечь и кое-какой положительный опыт... уже для тебя. Не забывай, я ведь немного старше тебя, а после всего того, что мне довелось пережить, еще и мудрее. Не могу без содрогания наблюдать за тобой сейчас, ибо тотчас же вижу себя саму

такой, какой я была когда-то: юная девушка, влюбившаяся первый раз в жизни.

Изабелла уже была готова к ответному признанию. До сих пор она изливала все свои чувства лишь в письмах к своей верной Лорен. И вот она готова поделиться самым заветным и с Маргаридой.

– Да, я люблю его, – призналась она. – Люблю всем сердцем и всей душой. Не могу представить, как я буду жить всю оставшуюся жизнь без него.

После этих слов Изабелла расплакалась, чувствуя при этом невыразимое облегчение от того, что, преодолев собственный страх и стыд, нашла в себе силы поделиться с Маргаридой своими истинными чувствами.

– Прости меня, Изабелла. Я не хотела расстраивать тебя. Послушай! – Маргарида глянула в окно. – Мы уже почти подъезжаем к твоему отелю. Нельзя, чтобы ты заявила домой в таком виде. Поехали, посидим где-нибудь спокойно. Мы и так уже припозднились дальше некуда. Несколько лишних минут дела не спасут.

Маргарида о чем-то негромко попросила шофера, продиктовав ему нужный адрес. И буквально через пару минут он затормозил машину на Авеню Мариньи возле небольшого скверика, огороженного со всех сторон чугунной оградой.

Они вышли из машины и направились к скверу. Маргарида усадила подругу на одну из скамеек. Изабелла огляделась вокруг. Солнце медленно садилось за кроны платанов. Их так много в Париже. И здесь, в этом маленьком скверике, и на всех парижских бульварах, которые они украшают своей статую.

– Пожалуйста, Изабелла! Прости меня, что я говорила с тобой так резко, ничего не утаивая, – снова повинулась перед ней Маргарида. – Само собой, твои сердечные дела меня не касаются. Но видя, как вы, двое, пылаете взаимной страстью, я поняла, что не могу молчать, оставаясь в стороне, что я должна хоть как-то предупредить тебя.

– Но ведь мои обстоятельства несколько отличаются от твоих, разве не так? – робко поинтересовалась у нее Изабелла. – Ты же сама сказала, что, по твоему мнению, у Лорена ко мне чувства. Вполне возможно, он даже любит меня.

– Знаешь, когда-то там, в Италии, я тоже была уверена в том, что Марчелло меня *любит*. Или, во всяком случае, мне хотелось в это

верить. Что бы там ни стал говорить тебе Лорен, как бы он ни старался убедить тебя, пожалуйста, помни вот о чем. Совместного будущего у вас с ним нет, что бы ты там ни напридумывала себе на сей счет. Лорену нечего предложить тебе. У него нет дома, нет средств к существованию, нет ничего. И поверь мне на слово, меньше всего на свете он мечтает связать себя узами брака с какой-нибудь женщиной и наплодить вместе с ней кучу ребятишек. Все эти творческие личности, они просто привыкли влюбляться и ничего более. В принципе, им нравится сама идея быть в кого-то влюбленным. Такие отношения – это путь в никуда. Тупиковый маршрут, одним словом, независимо от того, каких высот и какого накала может достигнуть ваша взаимная страсть. Ты понимаешь меня, Изабелла?

Изабелла тупо уставилась на няню, прогуливающуюся по дорожкам сквера с двумя малолетними ребятишками. Собственно, других посетителей в сквере не было.

– Да, я все понимаю, Маргарита. Беда лишь в том, что умом я понимаю все, о чем ты мне говоришь, а вот сердцу приказать не могу.

– Конечно, сердцу так просто не прикажешь, – согласилась с ней Маргарита. – И все же, прошу тебя, Изабелла! Пожалуйста! Подумай над моими словами еще раз. Мне даже страшно представить, как легко ты можешь сломать всю свою жизнь, если хотя бы на несколько минут потеряешь голову, поддавшись велению сердца. Ведь если твой жених, который сам, по доброй воле, отпустил тебя сюда, узнает обо всем, то такого предательства с твоей стороны он никогда не простит.

– Знаю. – Изабелла больно прикусила нижнюю губу. – Спасибо тебе, Маргарита. Спасибо за участие и добрый совет. Но теперь нам действительно пора. Иначе впредь Мария Джорджина ни под каким предлогом не выпустит меня из поля своего зрения.

* * *

К счастью, Маргарита добровольно вызвалась проводить Изабеллу до номеров семейства да Силва Коста и самой объяснить Марии Джорджине, встретившей девушек с каменным лицом, что именно задержало их обеих в мастерской профессора Ландовски. Дело в том, что его помощник в срочном порядке делал слепки с их рук.

– Вы даже не представляете, что я тут передумала, ожидая вас. Вокруг творится столько всего ужасного. И где гарантия, что такое не может случиться и с вами? Пожалуйста, чтобы впредь это не повторилось.

– Обещаю! – клятвенно заверила Марию Джорджину Изабелла и заторопилась проводить Маргариду до дверей в вестибюле отеля. На прощание обе сплелись в сердечном объятии.

– Спокойной ночи, Изабелла. До завтра.

Улегшись в кровать, Изабелла не стала предаваться мрачным мыслям о том, какая страшная участь ее ждет, если она уступит ухаживаниям Лорена. Напротив! Она испытывала лишь сладостное волнение, понимая, что нравится ему.

«Маргариде думает, что он меня любит... Лорен любит меня...»

Она почти сразу же заснула и всю ночь проспала глубоким, ровным сном. Лишь блаженная улыбка блуждала по ее расслабленному лицу.

– Я переговорил с профессором, – прямо с порога сообщил девушкам Лорен, когда на следующее утро они снова появились в мастерской. – Сказал, что у меня никак не получится завершить начатую работу за один день. И мы с ним договорились вот о чем. Впредь вы, мадемуазель Изабелла, станете приезжать сюда по вечерам, уже после того, как мы закончим работать над статуей Христа. Если нужно, я сам переговорю с сеньором да Силва Коста и объясню ему все сложившиеся обстоятельства.

Изабелла приехала в студию в состоянии, близком к нервному срыву. Слова Лорена моментально внушали ей некоторую надежду на возможность отсрочки расставания с ним. А потому она лишь энергично закивала головой в знак согласия. Но тут вмешалась Маргарида.

– Месье Бройли, – начала она, слегка нахмурившись, – вечерами я не смогу быть здесь рядом с Изабеллой. Каждый день в шесть часов вечера я ужинаю вместе с мамой. Это святое.

– Конечно, мадемуазель Маргарида. Я вас отлично понимаю, но при этом не вижу никаких осложнений, – тут же возразил Лорен. – Здесь будет постоянно находиться сам профессор, а его жена и дети – в двух шагах от мастерской, у себя дома.

Изабелла бросила умоляющий взгляд на Маргариду, и та сдалась.

– Что ж, пусть будет по-вашему, – отрывисто сказала она. – А сейчас прошу простить, но мне нужно переодеться.

– Ну а нам пора приниматься за работу, – улыбнулся Лорен и глянул на Изабеллу с видом триумфатора.

* * *

За ужином Эйтор, сидя за общим столом, сообщил своим домашним, что ему в контору звонил Лорен Бройли. Объяснил, почему именно Изабелла будет теперь вынуждена вечерами позировать ему в мастерской Ландовски.

– С учетом того, что сеньору Бройли пришлось отложить работу над портретом, чтобы всецело сосредоточиться на моем проекте, я посчитал его просьбу вполне обоснованной и разумной, – сказал в заключение сеньор да Силва Коста. – Изабелла, мой водитель будет каждый день в пять часов вечера отвозить вас в мастерскую Ландовски и привозить обратно домой к девяти.

– Но ведь я могу добираться туда и общественным транспортом, например, автобусом, – предложила Изабелла. – Не хочу вас лишней раз затруднять, сеньор да Силва Коста.

– Автобусом? – в ужасе воскликнула Мария Джорджина. – Не думаю, что твои родители, Изабелла, пришли бы в восторг, узнай они, что их дочь разъезжает в вечернее время по Парижу на общественном транспорте. Конечно же тебя будут отвозить туда и привозить обратно.

– Спасибо. Я заплачу за все издержки, – тихо обронила Изабелла, стараясь ничем не выдать охватившую ее радость от полученного разрешения.

– К слову, Изабелла, – вдруг снова подал голос Эйтор, взглянув на нее с доброжелательной улыбкой, – это даже очень кстати, что вы в эти дни будете находиться непосредственно в мастерской Ландовски. Хочу, чтобы вы стали моим лазутчиком в их стане. Постарайтесь все разглядеть собственными глазами, а потом расскажете мне, как продвигается работа над четырехметровой статуей Христа.

* * *

– Я тоже как-нибудь в один из вечеров проеду с тобой в мастерскую профессора, посмотрю, как они там лепят твой бюст, – сказала Мария Элиза, когда уже после ужина они вернулись к себе и улеглись на своих кроватях.

– Спрошу у месье Бройли, не будет ли он возражать, – пообещала Изабелла. – А как тебе работается в больнице? – тут же сменила она тему разговора, надеясь в глубине души, что Мария Элиза вскоре забудет о своей идее.

– О, мне очень нравится. Знаешь, на днях я поговорила с родителями, сказала им, что в будущем хотела бы стать медсестрой. Само собой, мама особого восторга не выказала, а вот папа поддержал

меня полностью и даже упрекнул маму, что у нее очень старомодный взгляд на жизнь. – Мария Элиза улыбнулась и тут же бросилась защищать мать. Добрая душа, всегда готовая простить всем и все. – Но мама ведь не виновата. Просто она росла и воспитывалась совсем в другое время. А я так сгораю от нетерпения, чтобы поскорее вернуться в Рио и приступить к осуществлению своей мечты уже на практике. Но, к большому сожалению, папа говорит, что ему придется задержаться в Париже еще как минимум на год, пока все работы здесь не будут окончательно завершены. Как я тебе завидую, Изабелла! Через две недели ты уже отправишься домой. Счастливица! Спокойной тебе ночи и сладких снов.

– И тебе тоже, – откликнулась в ответ Изабелла.

Она лежала на постели, размышляя о последних словах Марии Элизы. *«О, как бы я хотела поменяться с ней местами»*, – подумала она, уже засыпая. Пожалуй, она, не задумываясь, продала бы душу дьяволу только за то, чтобы оказаться на месте подруги и провести еще один год в Париже.

* * *

Двумя днями позже Изабелла сидела в мастерской на привычном месте, любуясь закатом солнца.

Краем глаза она принялась разглядывать высоченную скульптуру Христа, которая, кажется, заняла все свободное пространство студии. Маргарита уже уехала к себе после рабочего дня в мастерской, а с появлением Изабеллы Ландовски тоже удалился к себе домой, чтобы отужинать в кругу семьи. В мастерской вдруг стало непривычно тихо: ни голосов, ни стука молотка или других инструментов.

– О чем задумались? – неожиданно спросил Лорен, выводя Изабеллу из состояния задумчивости, в которую она погрузилась, наслаждаясь внезапным наступлением тишины.

Изабелла видела, что его руки трудятся уже над верхней частью скульптуры, пытаясь воспроизвести нежную округлость ее груди, проступающей сквозь муслиновую блузку с высоким воротом, которая была на ней сейчас.

– О том, что вечерами мастерская совсем не такая, как днем.

– Согласен. Вообще я должен сказать, что есть особое умиротворение в те минуты, когда садится солнце. Я часто работаю здесь вечерами в полном одиночестве и тоже наслаждаюсь тишиной и покоем. Ландовски обычно возвращается к себе домой, говорит, что надо уделить хоть немного внимания жене и детям. А потом он как-то признался, что не может работать с наступлением сумерек. Ему нужен свет.

– А вам?

– А я могу. Скажу вам больше, Изабелла. Даже если бы вы мне сейчас не позировали, не сидели бы передо мной вот на этом стуле, я бы все равно был в состоянии работать над скульптурой. Ведь за то время, пока длятся наши сеансы, я уже успел досконально изучить вашу внешность. Все формы, все изгибы вашего тела, можно сказать, навечно запечатлелись в моей памяти.

– То есть получается, что я вам и не особо нужна здесь, да?

– Пожалуй, вы правы. – Лорен хитровато улыбнулся. – Но, согласитесь, лучшего предлога и не придумаешь для того, чтобы вы по-прежнему продолжали составлять мне компанию. Разве не так?

Впервые Лорен открыто упомянул о том, что желает видеть ее рядом с собой не только и не столько по творческим мотивам.

Изабелла опустила глаза и тихо проронила в ответ:

– Так.

Лорен тоже не сказал более ни слова. Весь следующий час он работал молча. Но вот он потянулся на своей скамье, потом выпрямился и предложил сделать небольшой перерыв.

Сам он тотчас же направился на кухню, а Изабелла, поднявшись со стула, стала прохаживаться по мастерской, чтобы хоть немного размять онемевшую спину. Мельком она глянула на еще незавершенную скульптуру и невольно восхитилась простотой линий.

– Ну что? Узнаете себя? – поинтересовался у нее Лорен, снова возникнув в мастерской с кувшином вина и миской маслин. Изабелла проследовала за ним к столу, за которым они обычно трапезничали.

– Не совсем, – честно призналась она, пока Лорен разливал вино по стаканам. – Наверное, когда вы закончите работать над моим лицом, то сходства будет больше. Слишком уж я юная, словно маленькая девочка. Но, видно, это потому, что вы выбрали для меня такую позу.

– Замечательно, вы все поняли! – восхищенно воскликнул Лорен. – Я действительно держал в уме образ такого нежного розового бутона, запечатленного в тот самый момент, когда он только-только начинает распускаться, превращаясь в прекрасный цветок. Это действительно момент, когда девочка-подросток превращается в женщину. И вот на пороге этой взрослой жизни юное создание размышляет о том, какие радости уготованы ей в будущем в этом новом для нее качестве – в качестве женщины.

– Но я уже не ребенок и даже не девочка-подросток, – воинственно возразила Изабелла. Ей не понравился покровительственный тон Лорена.

– Но вы еще и не женщина. – Лорен пристально обозрел ее и поднес к губам стакан с вином.

Изабелла растерялась, не зная, что ответить. Она молча отхлебнула из своего стакана, чувствуя, как учащенно забилося сердце.

– Итак, за работу! – отрывисто бросил Лорен. – Надо еще кое-что успеть, пока не стемнеет окончательно.

* * *

Через два часа сеанс был завершен. Изабелла поднялась со своего места, собираясь уходить. Лорен проводил ее до дверей.

– Счастливого пути, Изабелла. И простите меня за ту невольную дерзость, которую я себе позволил. Вы ведь потом почти весь сеанс промолчали.

– Я...

– Не надо, прошу вас! – Лорен с нежностью приложил палец к ее губам. – Я все прекрасно понимаю. Мне понятны все ваши обстоятельства, но я не могу перестать желать, чтобы эти обстоятельства стали иными. Доброй ночи, моя прекрасная Изабелла.

Всю дорогу домой Изабелла мысленно прокручивала в голове последние слова Лорена. Ведь только что он по-своему дал ей понять, что если бы она была свободна, то он бы непременно захотел быть рядом с ней. Но, понимая всю сложность ее положения и при этом будучи истинным джентльменом, он, конечно же, никогда не позволит себе выйти за рамки приличия.

– Хотя он этого и желает всей душой, – пробормотала она под нос от переизбытка охвативших ее чувств.

* * *

Все последующие вечерние бдения в мастерской обошлись без дальнейших поползновений со стороны Лорена. Никаких косвенных намеков, никакой двусмысленности в речах. Если он и говорил что-то, то лишь по делу, либо рассказывал всяческие истории о Монпарнасе и его обитателях. Однако чем более нейтральным становился тон его разговоров, тем сильнее возрастала нервозность Изабеллы и ее общее физическое напряжение. А в результате она *первой* стала заводить разговоры о том, что не относится непосредственно к работе. Например, тут же отметила, что Лорен появился в новой рубашке, и сказала, что она ему очень идет. Или вдруг ни с того ни с сего начинала восхищаться его талантом скульптора.

С каждым прошедшим днем в ней нарастало общее чувство разочарования и безысходности. Поскольку Лорен, судя по всему, прекратил все свои ухаживания, то она и сама не знала, что ей делать дальше и куда кинуться. Именно последний вопрос она задавала себе самой снова и снова. Чего она хочет? Куда *хочет кинуться*?

Но, сколько бы она ни спрашивала себя об этом, как ни пыталась подключить разум и убедить себя, что чем скорее она ступит на борт судна, которое увезет ее в Бразилию, тем будет лучше для всех, ничего не помогало. Часами просиживая на его сеансах, она испытывала самую настоящую пытку, пусть и сладостную. Ведь Лорен был совсем рядом с ней и одновременно так далеко.

В один из вечеров Изабелла, торопливо распрощавшись с Лореном, вышла во двор и немного задержалась в саду, пытаясь привести себя в норму и немного успокоиться, прежде чем садиться в машину, которая повезет ее домой. И тут она заметила какую-то охалку тряпья, лежавшую у зеленой изгороди под одним из кипарисов. У нее не возникло и тени сомнения в том, что, когда она прогуливалась по саду чуть ранее, во время их обычного перерыва, никакого тряпья на этом месте не было и в помине. Тогда она осторожно подошла ближе и

пошевела лохмотья носком туфли. Охапка сдвинулась с места, и Изабелла, испугавшись, тотчас же отпрянула назад.

Она замерла на некотором расстоянии и принялась наблюдать. Вот из-под тряпок показалась маленькая ножка, а с другого края на свет высунулась головка со включенными волосами. Наконец обозначилась вся фигура целиком, и Изабелла увидела перед собой ребенка. Маленький мальчик лет семи или восьми. Какое-то время на нее смотрели уставшие воспаленные глазенки, а потом они закрылись сами собой, и ребенок снова погрузился в сон.

– Боже мой! – прошептала она, с трудом сдерживая слезы, так растрогал ее вид ребенка. Какое-то время она решала, что делать дальше. Потом тихонько приблизилась к мальчику и опустилась на корточки рядом, боясь потревожить его сон. Она едва коснулась ребенка рукой, и в ту же минуту он проснулся, сел испуганный, готовый сию же минуту сорваться с места и бежать прочь.

– Пожалуйста, не бойся меня. Я не причиню тебе зла. Ты говоришь по-французски?

На худеньком личике ребенка отразился ужас. Чахлые ручонки инстинктивно взмыли ввысь и прикрыли грудь, а сам малыш попятился от Изабеллы и забился под самый кипарис.

– Откуда ты? – снова спросила она его, на сей раз уже на английском. Но мальчик лишь таращился на нее испуганными глазенками и был в эту минуту очень похож на дикое животное, случайно попавшее в капкан. На подбородке у ребенка виднелась глубокая рана с засохшей по краям кровью. Мальчик смотрел на нее затравленным взглядом, согнувшись в три погибели под кипарисом, и при виде этого несчастного ребенка слезы у Изабеллы полились сами собой. Она снова протянула руку и осторожно коснулась его щеки, приветливо улыбнувшись при этом. Главное – не напугать ребенка, думала она, надо постараться завоевать его доверие. Когда она обхватила пальцами личико, то почувствовала, что мальчуган немного расслабился.

– Что с тобой случилось, детка? – тихо пробормотала она, заглядывая ему в глаза. – Ты еще так мал, а уже испытал такую боль.

Внезапно головка ребенка упала ей на ладонь, но через пару секунд дернулась и снова поднялась, чтобы убедиться в том, что ему ничего не грозит. А когда до мальчугана дошло, что эта незнакомка

просто гладит его, пытаясь приласкать, он тут же отключился и снова заснул.

Стараясь не шевелить рукой, чтобы лишний раз не потревожить малыша, Изабелла кое-как подползла поближе к нему и стала шепотом повторять всякие ласковые слова на всех трех языках, которые она знала, а второй рукой обвила его худенькое тельце. Мальчонка захныкал, но, судя по всему, бояться ее перестал. Только дернулся от боли, когда она, стараясь уложить ребенка на колени, чуть передвинула его правую ножку, на которой зияла еще одна страшная рана.

Очувившись на коленях у Изабеллы, мальчик издал протяжный вздох и сразу припал головкой к ее груди. Изабелла с трудом подавила приступ тошноты: мальчик источал просто отвратительный запах. Она уселась на землю, прижимая мальчика к себе и слегка покачивая, словно убаюкивая.

– Изабелла! – окликнул ее голос сзади. – Что вы здесь делаете? Почему сидите на траве?

– Тише! – шикнула она на Лорена и погладила спящего ребенка по лицу, чтобы успокоить. – Вы его разбудите.

– Где вы его нашли? – Лорен тоже перешел на шепот.

– Под зеленой изгородью. Ему лет семь-восемь, не больше. Но такой худой, болтается, словно тряпичная кукла. Что нам с ним делать? – Изабелла с мольбой посмотрела на Лорена. – Нельзя оставлять его здесь. У него серьезная рана на ноге. Нужно немедленно обработать ее антисептиком, иначе может начаться общее заражение крови.

Лорен посмотрел сверху вниз на Изабеллу и чумазого малыша.

– Изабелла, поймите! На улицах Франции полно таких оборвышей. Многие попадают сюда нелегально, из Польши или из России.

– Все так! – сверкнула она глазами в ответ. – В Бразилии тоже хватает бездомных детей. Но этот ребенок сейчас с нами. *Я нашла* его, понимаете? Как же я могу его бросить? Оставить умирать на обочине дороги прямо у дома Ландовски? Этот грех останется на моей совести до конца жизни.

Лорен увидел, как по щекам Изабеллы покатались слезы, в глазах ее было столько боли и сострадания. Он присел рядом и тоже осторожно погладил сбившиеся волосы мальчика.

– Простите меня, – прошептал Лорен. – Наверное, все то, что я вижу каждый день на парижских улицах, сделало меня черствым, невосприимчивым к чужому страданию. Сам Господь привел этого ребенка к вам, и, конечно, вы должны сделать все от вас зависящее, чтобы помочь ему. Но сейчас уже слишком поздно. Не хочу беспокоить профессора. На сегодняшнюю ночь я уложу его на кухне, постелю на полу. У меня и ключ есть от кухонной двери, запиру его на ключ подальше от драгоценной скульптуры Ландовски. Кто его знает, что у этих бродяжек на уме. Я тоже переночую сегодня в мастерской. Постерегу его. Можете отнести его туда?

– Да! – благодарно воскликнула Изабелла. – Большое вам спасибо, Лорен.

– Пойду, предупрежу вашего шофера, что вы еще задержитесь на какое-то время.

Лорен помог ей подняться с земли. Изабелла встала на ноги, не выпуская спящего ребенка из рук.

– Легкий как пушинка, – прошептала она, разглядывая невинное личико мальчика, доверчиво прильнувшего к ее груди. Да, он доверился ей, подумала она, но разве у него был иной выбор?

Лорен молча наблюдал за тем, как Изабелла осторожно, стараясь не потревожить сон малыша, внесла его в мастерскую. Но стоило ему отлучиться к шоферу, как ее глаза снова наполнились слезами.

Изабелла уселась на стул, сидя на котором, позировала Лорену каждый день, и стала ждать его возвращения, продолжая держать ребенка на руках.

– Поставлю поддон на кухне и постелю ему там, – сказал Лорен, а про себя подумал: еще неизвестно как отреагирует завтра утром Ландовски на появление маленького уличного бродяжки в своей мастерской. Ну, будь что будет, решил Лорен. Ему тоже хотелось помочь этому несчастному.

Через пару минут все было готово. Изабелла вошла на кухню и бережно положила ребенка на импровизированную постель.

– Пожалуй, я слегка оботру ему лицо и обработаю рану, если получится. У вас есть чистые тряпки и антисептик?

– Где-то должны быть. – Лорен принялся шарить по полкам буфета, нашел антисептик. Потом, исчезнув на какое-то время из кухни, вернулся назад с куском белой хлопчатобумажной сетки.

Обычно такие сетки использовались в мастерской для обертывания гипсовых фигур. Но Изабелла вполне могла воспользоваться тканью в качестве марли, чтобы промыть рану на ноге мальчика.

– А бинты у вас есть? – снова поинтересовалась Изабелла, и когда Лорен после вторичных поисков в буфете сказал, что бинтов он не нашел, принялась аккуратно перебинтовывать рану той тканью, которую он ей принес. Лорен внимательно наблюдал за тем, как ловко у нее все получается. Мальчик слегка шевелился, пока она перебинтовывала ему ногу, но продолжал спать.

– Ночь, в общем-то, теплая, но он весь дрожит. Нужно одеяло, – снова приказала Изабелла, и Лорен послушно принес ей одеяло, судя по всему, то, под которым собирался спать сам.

– Я еще посижу немножко рядом с ним, сделаю холодный компресс, чтобы сбить лихорадку. Надо убедиться, что с ним будет все в порядке, – пояснила она свои дальнейшие действия Лорену, который продолжал маячить у нее за спиной, занимая почти все свободное место в тесном пространстве кухоньки. Он молча кивнул в ответ и пошел устраивать свой ночлег в самой мастерской.

– Милый мой малыш, – прошептала Изабелла, прикладывая смоченную в холодной воде тряпку к его разгоряченному лбу. Потом прошла рукой по его волосам. – Когда ты завтра утром проснешься, меня не будет рядом с тобой. Но ты ничего не бойся. Я твердо обещаю, что вернусь и позабочусь о том, чтобы с тобой все было в порядке. А сейчас мне пора уезжать. Спокойной ночи.

Но, едва Изабелла приподнялась с пола, из-под одеяла высунулась детская ручонка и цепко ухватила ее за подол юбки. Мальчишка широко распахнул глаза и уставился на нее немигающим взглядом.

А потом на чистейшем французском сказал:

– Я никогда не забуду, мадемуазель, того, что вы для меня сделали сегодня вечером.

Потом он издал удовлетворенный вздох, перевернулся на другой бок и снова закрыл глаза.

– Мне пора, – сказала Изабелла, выходя из кухни и обращаясь к Лорену. – Ну, где ваш ключ? Можно запереть тюремную камеру, – добавила она не без сарказма в голосе.

– Изабелла, пожалуйста, поймите меня правильно. Я делаю это только ради профессора. Должен же я хоть как-то защитить его семью

и дом. Ведь мастерская – это тоже часть его дома, а сейчас тут находится его величайшее творение. – Лорен кивнул на незаконченную скульптуру Христа.

– Понимаю, – согласилась с ним Изабелла. – Но, прошу вас, завтра, когда ребенок проснется, скажите ему, что здесь он в полной безопасности. Обещаете? Я сама переговорю с профессором, объясню ему, что это по моей вине у него возникли некоторые проблемы. А сейчас мне надо срочно ехать домой. Одному богу известно, какой скандал может мне закатить сеньора да Силва Коста завтра утром.

– Изабелла... Белла... – Лорен схватил ее за руку, когда она уже направлялась к дверям. Рывком притянул к себе и заключил в объятия. – Вы действительно прекрасны, и не только внешне. Ваша душа прекрасна не менее, чем ваше лицо. Не могу больше притворяться, делать вид, что между нами ничего нет. Скажите только слово, и я тотчас же отпущу вас, если вам это неприятно. Господи, помоги мне! Наблюдая за тем, с каким состраданием вы возились с этим ребенком... – он слегка покачал головой. – Словом, я хочу поцеловать вас, хочу почувствовать вкус ваших губ на своих губах.

Изабелла безмолвно уставилась на него. Она понимала, что перед ней разверзлась пропасть и что она, не раздумывая, готова шагнуть в нее.

– Я вся твоя, – тихо прошептала она в ответ, и в ту же минуту он закрыл ей рот своими губами.

А за закрытыми дверями кухни мирно спал мальчик. Быть может, впервые за много месяцев он не боялся, что кто-то потревожит его сон.

На следующий день, переступая порог мастерской в шестом часу вечера, Изабелла трепетала от страха. Ее беспокоила не только судьба мальчика. Не меньше волновало и другое. А не есть ли столь бурный взрыв чувств со стороны Лорена, увенчавшийся поцелуем, обычной реакцией человека на чрезмерную эмоциональность всего того, что случилось вчера вечером?

– А! Вот и наша Святая Изабелла пожаловала собственной персоной! – шутливо приветствовал ее профессор Ландовски, приводя себя в порядок после рабочего дня.

– Как мальчик, профессор? – немедленно поинтересовалась Изабелла, слегка покраснев от столь неожиданного комплимента скульптора.

– На данный момент ваш драгоценный найденыш преспокойно ужинает вместе с моими детьми. Когда жена увидела его сегодня утром, валяющимся на полу, словно дохлый мышонок, – я специально позвал ее, чтобы она взглянула на найденыша, так вот, она немедленно преисполнилась, как и вы, жалостью к ребенку. Когда мальчишка наконец проснулся, она повела его в сад и там вымыла всего с ног до головы. Вдруг у него вши? Словом, отмыла хозяйственным мылом и карболкой всю грязь, после чего завернула в одеяло и уложила в кровать уже в нашем доме.

– Огромное вам спасибо, профессор. И простите меня за то, что я доставила лишние хлопоты вам и вашей жене.

– Ну, меня-то особо благодарить не за что. Будь моя воля, я бы в два счета выставил маленького бродягу на улицу, где он, впрочем, и привык обитать. Но вы, женщины, вы все такие мягкотелые, такие сердобольные. Добрые у вас сердца, одним словом. За что мы, мужчины, должны быть только благодарны вам, – неожиданно растроганно закончил Ландовски свой монолог.

– Он вам сказал, откуда он? – спросила Изабелла у профессора.

– Нет, он вообще не проронил ни слова с тех самых пор, как моя жена взяла над ним шефство. Она решила, что ребенок глухонемой.

– Нет, месье Ландовски, он не глухонемой. Он разговаривал со мной вчера вечером, когда я уже собралась уезжать.

– Правда? Как интересно! – Ландовски задумчиво покачал головой. – Выходит, что своим даром речи он больше не захотел поделиться ни с кем другим. У него еще на теле болтается какой-то кожаный мешочек. Жена обнаружила, когда стала срывать с него лохмотья. Но когда она попыталась снять и мешочек, мальчишка зарычал, словно бешеный пес, и не позволил ей даже прикоснуться к этой вещице. Что ж, поживем – увидим, как станут развиваться события в ближайшие дни. По моим прикидкам, мальчишка, скорее всего, из Польши. Узнаю, так сказать, родную кровь, – добавил он мрачно. – Всего доброго, мадемуазель.

Когда Ландовски покинул мастерскую, Изабелла повернулась к Лорену. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на нее с улыбкой.

– Скажи, ты счастлива, что о твоём маленьком найденыше позаботились должным образом?

– Да, очень. Я должна поблагодарить и тебя. Ведь ты тоже принимал участие, помог мальчику.

– Как ты сегодня, моя Изабелла?

– Со мной все в порядке, – прошептала она в ответ, стараясь не встречаться взглядом с Лореном.

– Не жалеешь о том, что произошло между нами вчера вечером? – Лорен протянул ей обе руки, и она робко взяла их в свои.

– Нет, не жалею. Ни единой секунды не жалею.

– Слава богу! – перевел он облегченный вздох и тут же увлек Изабеллу за собой на кухню, где никто не мог их увидеть через окна. А там принялся снова страстно целовать ее.

* * *

Так началась их любовная история, в сущности, совсем невинная, одни поцелуи, и только. Оба понимали, на какой риск идут. Ведь Ландовски в любую минуту мог застигнуть их врасплох. Порой он заходит в мастерскую и в неурочное время, чтобы еще немного, по своему обыкновению, поразмышлять над работой, сидя возле незаконченной статуи Христа. Лорен работал споро. Его руки

буквально порхали по скульптурному изваянию Изабеллы. Он торопился побыстрее закончить ее лицо, чтобы урвать для них обоих еще пару драгоценных мгновений пребывания наедине друг с другом.

– Бог мой, Изабелла! Как же мало времени у нас с тобой осталось. Еще одна неделя, и ты навсегда исчезнешь из моей жизни, – с горечью проронил Лорен в один из вечеров, держа Изабеллу в своих объятиях. – Как я только смогу пережить разлуку с тобой?

– А я? – эхом отозвалась Изабелла.

– Когда я увидел тебя впервые, то, конечно, пришел в восторг от твоей красоты и даже решил немного пофлиртовать с тобой. – Лорен взял ее за подбородок и развернул лицом к себе, чтобы видеть глаза. – Но вот ты стала позировать, сидела тут день за днем, и я постепенно начал открывать для себя и твою душу. А потом поймал себя на мысли, что продолжаю думать о тебе и после того, как ты покидаешь мастерскую. А уж в тот вечер, когда я увидел, с каким состраданием ты отнеслась к несчастному оборвышу, я окончательно понял, что люблю тебя. – Лорен тяжело вздохнул и сокрушенно качнул головой. – Такого со мной еще никогда не было. Я вообще не верил в то, что смогу когда-нибудь полюбить. Но я полюбил, а коварная судьба распорядилась так, что я влюбился в женщину, которая принадлежит другому и которую я совсем скоро потеряю навсегда. Трагическая ситуация. Многие мои друзья-приятели из числа писателей и поэтов охотно пишут на такую тему, воспевают несчастную любовь в своих романах и стихах. А лично для меня это, к величайшему сожалению, вполне реальная история, в которой нет и грана вымысла.

– Все так! – согласилась с ним Изабелла и тоже сокрушенно вздохнула.

– Что ж, моя ненаглядная, тогда мы должны в полной мере воспользоваться тем коротким промежутком времени, который у нас с тобой еще остался.

* * *

Всю последнюю неделю своего пребывания в Париже Изабелла провела как во сне, не в силах даже думать о предстоящем отъезде. С отрешенным видом она наблюдала за тем, как горничная принесла в

комнату чемодан и стала укладывать ее вещи. Изабелле казалось, что это совсем не ее вещи, что они принадлежат какой-то другой женщине, только не ей. Точно так же ее мало занимало все то, что было связано с обратной дорогой домой. Совсем не трогали страхи Марии Джорджины по поводу того, что – какой ужас! – она возвращается в Бразилию одна, безо всякого сопровождения.

– К огромному сожалению, тут уж ничего не поделаешь, – трагически вещала сеньора да Силва Коста. – Тебе пора ехать, чтобы успеть должным образом подготовиться к свадьбе. Но ты должна пообещать мне, что не станешь сходить на берег нигде, ни в одном из тех портов, где пароход будет делать остановки. Особенно в Африке.

– Обещаю! – ответила ей Изабелла с отсутствующим видом. – Не беспокойтесь, все со мной будет в полном порядке.

– Я уже беседовала с руководством судоходной компании, которой принадлежит пароход. Они пообещали, что начальник хозяйственной службы лично займется поиском среди пассажиров подходящей пожилой дамы, которая станет опекать тебя на протяжении всего вояжа.

– Спасибо за заботу, сеньора Мария, – так же бездумно поблагодарила Изабелла Марию Джорджину, надевая шляпку, уже готовая мчаться на всех парах в мастерскую профессора Ландовски. В эту минуту все ее мысли были заняты исключительно одним Лореном.

– Эйтор сказал мне, что этот скульптор почти завершил работу над твоим изваянием. Тогда твой сегодняшний сеанс в мастерской – последний. Завтра мы устраиваем прощальный ужин в твою честь. – Сеньора да Силва Коста улыбнулась.

Изабелла бросила на нее исполненный ужаса взгляд, но тут же спохватилась. Нельзя быть такой неблагодарной.

– Спасибо вам, сеньора Мария. Вы очень добры.

Но, уже сидя в машине, по пути в мастерскую профессора, она в полной мере поняла весь трагизм ситуации. Осознание того, что предстоящий сеанс, вполне возможно, станет ее последней встречей с Лореном, привел Изабеллу в состояние ступора.

Она застала Лорена в самом приподнятом настроении.

– После твоего отъезда вчера вечером я работал как проклятый почти до самого утра. Торопился закончить. И вот что у меня

получилось, – добавил он с гордостью, указывая на скульптуру, завешанную от посторонних глаз полотном. – Хочешь взглянуть?

– О да! Очень хочу, – едва слышно проронила Изабелла. Ей не хотелось огорчать Лорена, огорошивать его неприятной новостью и омрачать собственными переживаниями этот столь радостный для него вечер. Он с ликующим видом стянул со статуи покрывало, являя ей и миру свое творение.

Изабелла безмолвно уставилась на собственное изображение. В первый момент ей была непонятна собственная реакция на увиденное. Впрочем, так всегда бывает, когда созерцаешь какое-то произведение искусства. Ее внешний облик, все формы и черты лица переданы исключительно точно, можно сказать, совершенно. На Изабеллу смотрело собственное лицо. Но что поразило ее больше всего, так это ощущение тишины и покоя, которое разливается вокруг, когда смотришь на статую. Лорен изобразил девушку, погруженную в глубокие раздумья.

– Я выгляжу... такой одинокой. И такой грустной... – Изабелла немного помолчала. – Она такая строгая, эта статуя. И лаконичная... Никаких излишеств.

– Ты абсолютно права. Но такова творческая манера профессора Ландовски. Так он нас учит. Именно поэтому я и тружусь под его началом в этой мастерской. Кстати, он видел скульптуру. Я показал ему сегодня вечером, прежде чем он ушел к себе. Ландовски сказал, что на сегодняшний день – это моя лучшая работа.

– Я очень рада за тебя, Лорен.

– Быть может, в один прекрасный день ты увидишь свой скульптурный портрет на какой-нибудь выставке моих работ и сразу же узнаешь себя. А мне, в свою очередь, эта скульптура будет постоянно напоминать о тебе и о тех прекрасных мгновениях, которые мы провели вместе в Париже... Когда-то, много-много лет тому назад...

– Пожалуйста, прошу тебя! Не надо! – взмолилась Изабелла, из ее груди вырвался стон, и она закрыла лицо руками. – Я не вынесу расставания!

– Изабелла, не плачь! Прошу тебя. – Лорен поспешно приблизился к Изабелле и обнял ее за плечи, пытаясь успокоить. –

Если бы я мог что-то изменить, я бы так и сделал. Но не забывай. Я волен любить тебя, а вот ты не вольна в своих чувствах.

– Знаю! – вздохнула она с самым несчастным видом. – Сегодня я позирую тебе в последний раз. Перед тем как отпустить меня сюда, Мария Джорджина предупредила, что завтра семейство да Силва Коста устраивает прощальный ужин в мою честь. А уже послезавтра я сяду на пароход, который поплывет к берегам Бразилии, в Рио. К тому же ты уже все закончил, и я тебе больше не нужна. – Изабелла кивком головы указала на статую.

– О, не волнуйся! Работы еще более чем предостаточно!

Она положила голову ему на плечо.

– Что нам делать? И что вообще можно сделать в нашей ситуации?

Лорен долго собирался с мыслями, прежде чем сказать.

– Что сделать? Не возвращайся в Бразилию, Изабелла. Оставайся со мною в Париже.

Изабелла затаила дыхание, отказываясь верить своим ушам.

– Послушай! – Лорен схватил ее за руку и резким движением усадил на скамью, потом сел рядом. – Ты не хуже меня знаешь, что сейчас я не в состоянии дать тебе всего того, что может предложить твой жених. У меня на сегодняшний день лишь скромная мансарда на Монпарнасе, в которой зимой царит зверский холод, а летом стоит невыносимая духота. Условия своей жизни я могу изменить только с помощью вот этих рук. Но зато я люблю тебя, Изабелла! Клянусь всем святым, еще никто и никогда не любил так, как люблю тебя я.

Изабелла, устроившись на груди Лорена, внимала каждому его слову. Слова, словно капли живительной влаги, падали сквозь ее полураскрытые губы прямо в душу. Ах, как приятно, нежась в объятиях любимого, рисовать радужные картинки их совместного будущего. Она впервые задумалась о возможности такой перспективы, и все звучало так соблазнительно и так прекрасно, но... Но она вполне отдавала себе отчет, что, несмотря на все уговоры Лорена, она должна выбросить эти крамольные мысли из головы.

– Лорен, ты же понимаешь, я не могу принять твое предложение. Такой поступок убьет родителей. Мой брак с Густаво – это предел мечтаний для моего отца, венец всех его желаний. Всю свою жизнь он

стремился к этой цели. Как же я могу так вероломно обойтись с ним? Или с моей дорогой и любимой мамой?

– Все я понимаю, Изабелла. Просто хочу, чтобы ты еще раз прочувствовала перед тем, как уехать навсегда, как сильно я желаю тебя.

– Я не такая, как ты, Лорен, – покачала головой Изабелла. – Просто мы с тобой до нашей встречи вращались в совершенно разных мирах. А может, все дело в том, что ты мужчина, а я женщина. Но как бы то ни было, а у меня на родине семья – это все. Это святое...

– Я уважаю авторитет семьи, – согласился с ней Лорен. – Но мне кажется, что в жизни каждого человека наступает момент, когда следует в первую очередь подумать о себе, а потом уже о других. Знаешь, жертва, которую ты собираешься принести на алтарь дочерней любви, слишком велика даже для самой любящей и преданной дочери. Выйти замуж без любви, прожить жизнь с нелюбимым, с человеком, который тебе не мил, лишиться обычного женского счастья, по сути, обречь себя на страдания до самой смерти, разве это справедливо?

– Но иного выбора у меня нет, – с отчаянием промолвила Изабелла.

– Я понимаю, почему ты так считаешь. Но, поверь мне, каждый человек наделен свободой воли. Именно этим мы и отличаемся от животных. И потом... – Лорен снова погрузился в молчание, тщательно обдумывая то, что он собирался сказать. – А что твой жених? Ты говорила, что он влюблен в тебя без памяти?

– Да, мне кажется, он любит меня.

– Тогда представь себе, каково будет бедолаге жить рядом с женщиной, которая никогда не сможет ответить на его чувства. Твое безразличие, осознание того, что ты вышла за него замуж исключительно из чувства долга, разве всего этого не достаточно, чтобы разрушить его душу и сделать несчастнейшим из смертных?

– Мама говорит, что со временем я сумею полюбить своего мужа. Я обязана ей верить.

– Что ж, раз так... – В ту же секунду рука Лорена соскользнула с ее плеча. – В таком случае я должен пожелать тебе долгой и счастливой семейной жизни. И на этом ставим точку. – Резким движением он поднялся со скамьи и отошел от нее, направившись к центру мастерской.

– Пожалуйста, Лорен, не надо так. В нашем распоряжении всего лишь пара часов, которые мы еще можем провести вместе, – умоляюще обратилась к нему Изабелла.

– Изабелла, я сказал все, что мог. Я признался в любви, сказал, что готов преданно служить тебе. Более того, я попросил тебя остаться в Париже со мною, не возвращаться домой. – Лорен обреченно опустил плечи. – Больше мне сказать нечего. Прости, но мне не очень приятно выслушивать от тебя речи о том, что когда-нибудь, в один прекрасный день, ты сумеешь полюбить собственного мужа.

В голове Изабеллы начался настоящий сумбур. На ум приходили самые противоречивые мысли. Сердце колотилось так, что вот-вот выскочит из груди, ноги сделались ватными. Она молча наблюдала за тем, как Лорен снова набросил покрывало на скульптуру, пряча ее от чужих глаз, словно это был какой-то близкий ему человек, только-только отошедший в мир иной. И было в этом, как показалось Изабелле, нечто символическое, нечто большее, чем чисто практическое желание защитить созданное им произведение от пыли и грязи. Она с трудом оторвалась от скамьи и направилась к Лорену.

– Лорен, прошу тебя! Дай мне время подумать... Я не могу вот так вот сразу взять и все решить. Мне надо время, чтобы обдумать...

Изабелла залилась слезами, прижимая обе руки к вискам.

Какое-то время Лорен молчал, словно что-то обдумывал сам. Но вот наконец он заговорил:

– Я знаю, что больше ты не появишься в мастерской. Но прошу тебя, умоляю, давай встретимся завтра днем где-нибудь в городе.

– Ты полагаешь, что эта встреча может что-то изменить?

– Это последнее, о чем я тебя прошу. Умоляю, назови только, где и когда.

Изабелла посмотрела ему в глаза и поняла, что не сможет отказать.

– Хорошо. У южного входа в сквер на углу Авеню Мариньи и Авеню Габриэль. Жди меня там ровно в три.

Лорен кивнул головой:

– Буду ждать. Спокойной ночи, моя ненаглядная Изабелла.

Изабелла молча покинула мастерскую. Ей нечего было больше сказать Лорену. Когда Изабелла пересекала сад, торопясь к машине, она снова наткнулась на мальчугана, которого подобрала в саду

несколько дней тому назад. Ребенок стоял, задрал голову вверх, и разглядывал звезды. Она подошла ближе. Мальчик заметил ее и тотчас же улыбнулся.

– Привет! – поздоровалась она с ним. – Сегодня ты выглядишь гораздо лучше. Как самочувствие?

Мальчик лишь кивнул в ответ, но по выражению его лица Изабелла увидела, что он понял то, о чем она его спросила.

– Завтра я покидаю Францию. Возвращаюсь к себе домой, в Бразилию. – Изабелла достала из сумочки небольшую записную книжку и карандаш. Вырвала листок и что-то написала на нем. – Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, пожалуйста, свяжись со мной, ладно? Здесь мое имя и адрес моих родителей. – Она протянула листок мальчику. Тот стал внимательно читать написанное, беззвучно произнося каждое слово. Покопавшись в сумочке еще раз, Изабелла извлекла оттуда банкноту в двадцать пять франков. Она сунула деньги в руку мальчика, потом наклонилась и поцеловала его в макушку.

– До свидания, милый. И удачи тебе.

* * *

Позднее, оглядываясь в прошлое и вспоминая о том времени, которое она провела в Париже, Изабелла пришла к выводу, что больше всего ей запомнились длинные бессонные ночи, которые она коротала в комнате, деля ее с Марией Элизой. Подруга мирно посапывала на своей кровати, а Изабелла, пристроившись у окна, слегка раздвигала ночные шторы и наблюдала за тем, что происходит на улице внизу. Ночная жизнь Парижа манила к себе, обещая самые невероятные удовольствия и развлечения.

Но самой тяжелой и самой длинной стала, пожалуй, ее предпоследняя ночь в Париже. Прижимаясь разгоряченным лбом к прохладному стеклу, Изабелла снова и снова задавала себе одни и те же вопросы, могущие решительно изменить ее будущее.

Но и эта ночь в конце концов подошла к своему концу. Над городом уже занимался унылый рассвет, когда наконец было принято окончательное решение. Изабелла тихонько вскарабкалась на постель

и с несчастным видом уставилась на узенькую полоску серого неба, проступившего сквозь щель в ночных шторах.

* * *

– Я пришла, чтобы сказать тебе «прощай», – сказала она и увидела, как погасла надежда в глазах Лорена, как помрачнело его лицо, словно его вдруг присыпали тонким слоем пыли.

Он молча уставился на свои ноги. Потом с усилием выдавил из себя:

– Понимаю.

– А сейчас мне пора. Спасибо, что пришел. Я желаю тебе всего самого доброго и светлого, чем может одарить человека жизнь. Не сомневаюсь, я еще услышу и о тебе, и о твоём творчестве. Уверена, люди будут с восторгом разглядывать твои скульптуры и восхищаться тем, что ты делаешь.

Изабелла поднялась со скамьи, чувствуя, как напряжен каждый мускул ее тела. Но надо держать свои чувства в узде. Она запечатлела легкий поцелуй на щеке Лорена.

– Прощай, Лорен. Да благословит тебя Бог.

Потом повернулась и стала стремительно удаляться от него.

Но буквально через пару секунд почувствовала руку на своем плече.

– Изабелла... если ты все же передумаешь когда-нибудь, знай, я буду ждать тебя. *Оревуар*, моя любовь.

Лорен отошел от нее и зашагал напрямик по газону в противоположном направлении.

Как-то ей удалось пережить последние сутки перед отъездом на родину, включая торжественный ужин, который семейство да Силва Коста специально устроило в ее честь.

– К сожалению, мы не сможем присутствовать на ваших свадебных торжествах, – сказал Эйтор, поднимая тост за ее здоровье. – Но мы все уже сегодня желаем вам и вашему будущему мужу огромного и безмерного счастья.

После ужина ей вручили подарок: красивый кофейный сервиз из лиможского фарфора, который станет напоминанием о тех днях, что она провела во Франции. Когда все поднялись из-за стола, сеньор да Силва Коста спросил у нее, добродушно улыбаясь:

– Рады тому, что возвращаетесь домой, Изабелла?

– Да, с нетерпением жду встречи с родителями... И с женихом, конечно, – добавила она поспешно. – Но и по Парижу я тоже буду очень скучать.

– Возможно, в один прекрасный день, любуясь статуей Христа на вершине горы Корковадо, вы будете рассказывать своим детям о том, что лично присутствовали при ее создании.

– О да! Для меня это просто невиданная честь, – согласилась с архитектором Изабелла. – А как вообще продвигается работа над проектом?

– Как вы знаете, профессор Ландовски уже почти закончил четырехметровую модель статуи. Сейчас мне нужно найти подходящее помещение, в котором мои конструкторы и чертежники смогут увеличить масштаб статуи до тридцати метров. Ландовски уже на следующей неделе приступит к работе над полномасштабной моделью головы и рук. Когда мы с ним встречались в последний раз, он сказал мне, что попросил сеньора Бройли сделать слепки ваших рук и рук сеньориты де Лопес Алмейда. Говорит, хочет воспользоваться этими слепками в качестве возможных прототипов. И кто знает, – снова улыбнулся сеньор да Силва Коста, – быть может, именно вашими прекрасными пальцами Христос, стоя на вершине Корковадо, будет благословлять наш любимый Рио-де-Жанейро.

Мария Джорджина настояла на том, что они с дочерью проводят Изабеллу и лично посадят ее на борт парохода, на котором она отправится на родину. К счастью, как только Изабелла зашла к себе в каюту, сеньора да Силва Коста тут же отправилась на поиски администратора, чтобы утрясти с ним все вопросы, касающиеся сопровождения ее подопечной. На какие-то несколько минут девушки остались в каюте одни.

– Будь счастлива, дорогая моя Изабелла, – искренне пожелала подруге Мария Элиза, целуя ее на прощание.

– Постараюсь, – ответила Изабелла, перехватив внимательный взгляд Марии Элизы, устремленный на нее.

– С тобой все в порядке? – спросила та.

– Все в порядке, – заверила ее Изабелла. – Немного нервничаю из-за предстоящей свадьбы, только и всего.

– Пиши мне, не забывай. И обязательно опиши всю свою свадьбу. Увидимся, когда я тоже вернусь в Рио. Изабелла, я...

– Что?

Прозвучал гонг, оповещающий всех, что до отплытия осталось ровно тридцать минут.

– Не забывай о том времени, что ты провела в Париже. Но, пожалуйста, Изабелла, помни и о том, какое будущее тебя ждет уже вместе с Густаво.

Изабелла молча уставилась на подругу. Она мгновенно поняла, о чем именно хотела предупредить ее Мария Элиза.

– Постараюсь. Обещаю.

В каюту снова зашла Мария Джорджина.

– Администратор сейчас всецело поглощен размещением пассажиров, которые осаждают его со всех сторон. А потому мне не удалось толком переговорить с ним. Пожалуйста, Изабелла, не забудь обязательно представиться ему. Он уже в курсе того, что ты путешествуешь одна. Уверена, он обязательно подыщет тебе какую-нибудь подходящую особу в качестве компаньонки.

– Хорошо. Я так и сделаю. До свидания, сеньора да Силва Коста. Спасибо вам за ту доброту и заботу, которую вы проявили ко мне.

– А ты должна пообещать мне еще раз ни под каким предлогом нигде не спускаться на берег, пока пароход наконец не встанет у причала Пирс Мауа в Рио. Слышишь меня, Изабелла? И дай нам телеграмму сразу же по прибытии.

– Обязательно. Обещаю, телеграмму я отправлю тотчас же по возвращении домой.

Изабелла проводила мать и дочь на палубу и еще раз попрощалась с ними. Когда они ушли, Изабелла подошла к бортику и, опершись на перила, принялась разглядывать порт Гавра. Как-никак, а это ее последние впечатления о Франции.

Где-то южнее Гавра находится Париж, а где-то в Париже живет Лорен. Но вот пароход тронулся с места и начал плавное движение вперед. А Изабелла все стояла и смотрела, как стремительно удаляется береговая линия, пока она наконец не слилась с горизонтом.

– Прощай, моя любовь. Прощай навсегда, – прошептала она с горечью и, раздавленная собственными переживаниями, уныло поплелась в свою каюту.

* * *

Вечером Изабелла ужинала у себя в каюте. Ей невыносимо было лицезреть атмосферу всеобщего веселья, обычно царящую по вечерам в столовой. Видеть вокруг себя счастливые лица пассажиров, отправившихся в увлекательный вояж, было выше ее сил. Она лежала на кровати, чувствуя всем телом легкую качку судна. С наступлением ночи в иллюминаторе зависла крошечная тьма. Такая же тьма лежала и на сердце.

Когда Изабелла, в последний раз ступая по земле Франции, поднималась на борт парохода, который должен был доставить ее домой, она надеялась, что вот теперь ноющая боль в ее сердце ослабнет, а то и вовсе утихнет. Ведь впереди ее ждет встреча с любимой мамочкой, с отцом, возвращение к той знакомой, привычной жизни, которой она прежде жила у себя на родине.

Там ведь уже всюду готовятся к свадьбе. Антонио, захлебываясь от переизбытка чувств, сообщил в письме, что венчание состоится в

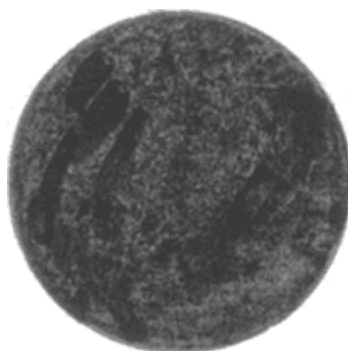
прекрасном храме, главном кафедральном соборе Рио. Невиданная честь, оказываемая лишь самым-самым избранным.

Однако чем дальше удалялось судно от берегов Франции и от Лорена, тем тяжелее становилось на душе у Изабеллы. Как ни старалась, она ничего не могла поделать с собой. Ей даже стало казаться, что сердце превратилось в тяжеленный камень, наподобие тех, что лежали сваленными в кучу в углу мастерской профессора Ландовски.

– Пресвятая Дева Мария! – молилась она, заливаясь слезами в подушку. – Дай мне силы жить без него. Потому что сейчас я даже не представляю, как смогу вынести разлуку с ним.

Майя

Июнь 2007 года



Полнолуние
13; 49; 44

Было уже далеко за полночь, когда я закончила читать последнее письмо. Изабелла Бонифацио на борту парохода направлялась домой, в Бразилию, где ее ждала встреча с женихом, которого она не любит. А позади остался мужчина всей ее жизни, Лорен Бройли. Минуточку-минуточку!

Lau...

Кровь заструилась по моим жилам с удвоенной скоростью, ибо меня вдруг осенила догадка. Теперь я наверняка знаю, что означают первые три буквы на оборотной стороне мыльного камня. Конечно же, это имя Лорен. Ведь именно так звали тайную любовь Изабеллы. И та скульптура женщины, сидящей на стуле, что стоит в саду виллы Каса, – это та самая скульптура, позируя для которой Изабелла провела столько головокружительных часов в парижской мастерской мастера. Так или не так? Вопрос в другом. Каким образом эта скульптура оказалась в Бразилии? Вот над этим еще придется поломать голову.

Завтра я снова перечитаю все письма. Ведь когда я читала их в первый раз, то мне не терпелось поскорее узнать историю Изабеллы целиком, а потому я не придавала особого значения всяким мелким подробностям. А еще, я обязательно поищу в Интернете информацию о Лорене Бройли. Наверняка его имя известно в мире искусства. Но на сегодня хватит. Чувствуя безмерную усталость, я стащила с себя одежду, залезла в кровать, укуталась простыней и почти мгновенно уснула, положив руку на пачку с письмами, с которых началась и моя собственная история. Утром я проснулась от каких-то непонятных резких звуков. Спустя пару секунд сообразила, что это трезвонит телефон, стоящий на прикроватной тумбочке. Сняла трубку, приложила ее к уху и сонным голосом выдохнула:

– Алло.

– Майя, это я, Флориано. Как вы себя чувствуете?

– Я... Мне гораздо лучше. Спасибо.

Я мгновенно почувствовала угрызения совести за то, что вчера вечером сказала Флориано неправду.

– Отлично. Так мы сегодня встречаемся? У меня для вас куча информации. Есть что рассказать.

И мне тоже, подумала я про себя, но вслух сказала:

– Конечно, встречаемся.

– Погода сегодня прекрасная. Давайте для начала просто прогуляемся по пляжу. Я буду ждать вас ровно в одиннадцать в вестибюле внизу. Идет?

– Идет. Но только... Флориано, пожалуйста, если у вас есть какие-то неотложные дела, то я...

– Майя, не забывайте, я ведь романист. А для любого писателя найти подходящий предлог для того, чтобы уже с самого утра не садиться за рабочий стол, это всегда большая удача. Итак, через час встречаемся.

Я заказала завтрак в номер. Попутно перечитала заново несколько писем, чтобы освежить в своей памяти их содержание. Потом, глянув на часы, приняла на скорую руку душ и помчалась вниз. Ровно в одиннадцать я была в холле гостиницы, как и договаривались.

Флориано уже подждал меня. Он сидел, погруженный в чтение какой-то бумаги, которую, судя по всему, извлек из пухлой пластиковой папки, лежавшей у него на коленях.

– Доброе утро, – поприветствовала я его.

– Доброе утро, – ответил он, поднимая на меня глаза. – Отлично выглядите.

– Да, со мной все в порядке. – Я уселась рядом с ним, горя желанием немедленно повиниться за вчерашнее. – Флориано, у меня не было никаких проблем с желудком. Я осталась у себя в номере совсем по другой причине. Яра, старая служанка сеньоры Карвальо, вручила мне сверток перед тем, как я с ней попрощалась, но она попросила никому ничего не говорить об этом. И я пообещала.

– Понятно. – Флориано удивленно вскинул брови, выслушав мою новость. – И что интересного было в этом пакете?

– Там были письма, которые в свое время Изабелла Бонифацио писала своей служанке. Ее звали Лоен Фагундес. Это мать Яры.

– Очень хорошо.

– Простите, что вчера я ничего вам не сказала. Но мне захотелось вначале прочитать письма самой. И прошу вас, пообещайте никому о

них не рассказывать. Яра ужасно боится своей хозяйки. Вдруг сеньора Карвальо как-то прознает, что она отдала мне эти письма?

– Конечно, я буду молчать. Какие проблемы? – Он понимающе кивнул в знак согласия. – В конце концов, это же ваша история, не моя. А вы, как мне кажется, вообще относитесь к тем людям, которые с большим трудом доверяют другим. Уверен, у вас и других тайн, помимо писем, полным-полно. Так вы все же хотите поделиться со мной содержанием этих писем или нет? Решайте сами. Меня устроит любой вариант, и я не обижусь на вас, если вы ответите отказом.

– Конечно, хочу. Более того, я буду рада познакомить вас с письмами, – ответила я, несколько раздосадованная тем, насколько точно он определил суть моего характера. Но разве не то же самое написал мне отец в своем прощальном письме?

– Тогда отправляемся на прогулку. А по пути будем вести наши разговоры.

Мы с Флориано вышли из отеля, пересекли проезжую часть дороги и двинулись вдоль побережья по широкому тротуару, предназначенному для пешеходных прогулок. В многочисленных киосках и палатках шла оживленная торговля: продавали свежую кокосовую воду, пиво, всевозможные легкие закуски для отдыхающих. И вокруг каждой торговой точки уже толпился народ.

– Прогуляемся до Копакабаны. Я покажу вам, где именно состоялась роскошная свадьба вашей прабабушки.

– И где она отметила свое восемнадцатилетие, – напомнила я.

– Точно. У меня, кстати, есть несколько снимков из старых газет, которые я нарыл в библиотеке, и об этом событии тоже. Итак, Майя, для начала поделитесь со мной тем, что уже накопили вы.

Мы шли вдоль пляжа Ипанема, и я рассказывала Флориано, максимально точно воспроизводя содержание прочитанных писем и все подробности того, что мне удалось запомнить.

Так, незаметно для самих себя, мы оказались на пляже Копакабана и даже почти вплотную подошли к отелю «Дворец Копакабана». Недавно отреставрированный, он сразу же бросался в глаза, сверкая на солнце своей белизной. Несомненно, одна из главных жемчужин в архитектурном облике Рио.

– Действительно впечатляет, – коротко обронила я, разглядывая фасад. – Понятно, почему именно здесь решили устроить

торжественный обед по случаю бракосочетания Густаво и Изабеллы. Я словно воочию вижу невесту, вижу, как она стоит на ступеньках возле парадного входа в своем великолепном свадебном наряде, а вокруг все сливки Рио восторженно приветствуют молодых.

Солнце уже припекало вовсю, а потому мы устроились под тентом за столиком возле одного из киосков. Флориано заказал себе пиво, а мне – кокосовую воду.

– Первое, что я хочу сообщить вам, – начал Флориано, – так это то, что мой приятель из Исторического музея сумел расшифровать с помощью ультрафиолетового оборудования имена, написанные на обороте мыльного камня. Правда, дату он пока еще не разобрал, как и текст посвящения. Но два имени – это Изабелла Айрис Кабрал и Лорен Бройли. Благодаря вашим письмам мы теперь безошибочно знаем, что этот тот самый молодой человек, в которого без памяти влюбилась Изабелла во время своего пребывания в Париже. Кстати, он стал очень знаменитым скульптором там, у себя во Франции. Вот! – Флориано извлек из своей папки несколько страниц и вручил их мне. – Здесь некоторые из его работ.

Я глянула на перепечатанные из газет фотографии скульптур Лорена Бройли. Та же, знакомая мне по статуе в саду виллы Каса де Оркуидеас, простота льющихся линий, с помощью которых скульптор мастерски передавал внешнее сходство своих моделей. Очень много скульптурных портретов военных, облаченных в формы еще старого образца.

– Он сделал себе имя во время Второй мировой войны. Причем не только как скульптор, но и как участник Сопротивления, – пояснил Флориано. – На его страничке в Википедии сообщается, что он имеет боевые награды за проявленную храбрость. Вне всякого сомнения, очень интересный человек. А вот и его фотография. Как вы можете судить сами, далеко не безобразен.

Я принялась разглядывать красивое лицо Лорена. Выразительные черты лица, точеный подбородок, четко обозначенные скулы. Чисто галльская внешность.

– А вот фотография Густаво и Изабеллы в день их свадьбы.

Я взяла фотографию и сразу же посмотрела не на невесту, а на Густаво. Разительный контраст с предыдущей фотографией. Тщедушное тело, мелкие, заостренные черты лица. Теперь мне

понятно, почему Мария Элиза обнаружила в Густаво сходство с хорьком. Однако вот глаза... глаза у него добрые.

Потом я взглянула на Изабеллу. Точная копия меня самой. Я уже приготовилась отложить фотографию в сторону, но тут заметила украшение у нее на шее.

– О мой бог! – невольно вырвалось у меня.

– Что такое?

– Взгляните! – Я показала на кулон, а мои пальцы инстинктивно сжали лунный камень на шее.

Флориано внимательно изучил фотографию, потом перевел взгляд на меня.

– Вы правы, Майя. По-моему, это одна и та же вещь.

– Наверное, именно поэтому Яра и отдала мне письма. Она сказала, что сразу же узнала кулон.

– Словом, вы наконец поверили в то, что связаны родственными узами с семейством Айрис Кабрал, да? – Флориано посмотрел на меня с обнадеживающей улыбкой.

– Теперь да, – впервые подтвердила я свое родство вслух. – Столь вещественным доказательством невозможно пренебречь.

– Рады?

– Рада, но...

Я отложила фотографии в сторону и тяжело вздохнула. Флориано закурил сигарету и молча стал разглядывать меня.

– Что «но»? – спросил он после некоторой паузы.

– Она бросила в Париже человека, которого любила всем сердцем и душой, вернулась к себе на родину и вышла замуж за мужчину, которого совсем не любила. Все это очень печально.

– О, да вы, как я погляжу, романтик в душе, Майя.

– Никакой я не романтик. Но трудно оставаться безучастной, когда читаешь письма Изабеллы к Лоен, в которых она делится с верной подружкой детства своими чувствами к Лорену Бройли. Вы это скоро сами прочувствуете.

– Надеюсь, вы не заставите меня ждать слишком долго.

– Конечно, не заставлю. Хотя, кто знает... Может, со стороны Изабеллы это была всего лишь мимолетная страсть, такое временное помрачение рассудка и ничего более.

– И такой вариант тоже не исключен, – согласился со мной Флориано. – Но если бы это было так, то тогда почему ваш отец отдал вам этот кусочек мыльного камня в качестве путеводной нити на тот случай, если вы захотите распутать свою историю до самого конца? Ведь было бы гораздо проще просто приложить фотографию Изабеллы и ее мужа.

– Сама не знаю, почему он так сделал, – вздохнула я. – И боюсь, эту загадку мне уже никогда не разгадать. Ведь после октября 1928 года, то есть с тех самых пор, как Изабелла покинула Париж и вернулась к себе в Рио, писем больше не было. По всему получается, что она вышла замуж за Густаво и на этом успокоилась.

– В отличие от вас, я думаю, что наша история на этом *не заканчивается*. – Флориано протянул мне еще одну фотокопию. – Этот снимок сделан в январе 1929 года. А рядом текст, из которого следует, что на фотографии изображен гипсовый слепок головы Христа, который доставили в Бразилию из Франции. А вот этот диковинный предмет рядом с головой – это гигантских размеров ладонь руки Спасителя. Заметьте, на фотографии двое мужчин. В одном я узнал Эйтора Леви, руководителя строительных работ по воздвижению памятника Христу. А теперь повнимательнее приглядитесь ко второму мужчине.

Для большей наглядности Флориано ткнул пальцем в крохотную фигурку человека.

Я стала вглядываться в черты его лица. Мужчина стоял, небрежно прислонившись к руке Христа.

– Боже мой! Так ведь это же Лорен Бройли.

– Именно он. Собственной персоной, так сказать.

– Значит, он был здесь, в Рио?

– Выходит, что да. Полагаю, цель его поездки, во всяком случае, официальная – сопровождать груз из Франции.

– Вполне возможно, он даже встречался с Изабеллой. Как думаете?

– Как историк, я бы не стал торопиться с окончательными выводами. Ведь пока нам наверняка известно лишь о чувствах Изабеллы к Лорену, – напомнил мне Флориано. – А вот что касается чувств уже самого Лорена к ней, то мы лишь можем догадываться на сей счет.

– Вы правы. Но в своих письмах к Лоен Изабелла много рассказывает, как часами позировала в художественной мастерской Поля Ландовски для той скульптуры, которая сегодня украшает сад виллы Каса дас Оркуидеас. А еще она пишет о том, что Лорен умолял ее остаться вместе с ним во Франции, не возвращаться назад, на родину. Вдруг он специально приехал в Бразилию ради нее? Но как нам узнать, *встречались* ли они здесь, в Рио?

– А мы зададим этот вопрос вашей приятельнице, служанке Яре, – с самым невозмутимым видом ответил Флориано. – Коль скоро она отдала вам эти письма, то, следовательно, по каким-то, только ей известным причинам она хочет, чтобы вы в конце концов докопались до всей правды.

– Но она же до смерти боится своей хозяйки. Отдать письма – это одно дело, но начинать вести разговоры о том, что еще ей известно о моих родственниках, – это совсем другое.

– Майя, к черту ваши упаднические настроения! – снова обрушился на меня Флориано. – Эта женщина доверяет вам настолько, что решилась расстаться с письмами, которые оставила ей на память ее мать. Разве этого мало? А сейчас, с вашего позволения, вернемся к вам в отель, и я приступлю к чтению этих писем.

– Ладно, – согласилась я.

* * *

Пока Флориано сидел в моем номере и читал письма Изабеллы, я снова отправилась на пляж Ипанема и с удовольствием искупалась в бурных волнах Атлантического океана. Обсыхая на солнце после купания, я размышляла о том, что Флориано, скорее всего, прав. Я не должна отступать. Надо довести свое расследование до конца. Иначе зачем было тащиться на другой конец света? Должна же я наконец узнать всю правду о своей настоящей семье. Но вдруг меня стали одолевать непонятные страхи.

Нежась на теплом песке, я пыталась понять, откуда они взялись. Вполне возможно, мое нежелание продолжать копаться во всей этой истории связано с тем, что чем дальше мы продвигаемся в наших расследованиях, тем ближе финал, когда мне станут наконец известны

имена моих настоящих родителей. Понятия не имею, живы они или нет. Как не имею ни малейшего понятия и о том, почему Па Солт сознательно подсказал мне, в каком направлении стоит двигаться в процессе поисков. А в результате я окунулась в прошлое гораздо глубже, чем мне это, по логике вещей, было необходимо.

И почему сеньора Карвальо настроена так воинственно? Почему наотрез отказывается признать, что у ее дочери *был* ребенок? Ведь та молодая женщина вполне могла быть моей матерью...

И снова я вспомнила слова, выгравированные отцом на армиллярной сфере.

Нет, я не могу поддаться страхам и не должна бежать прочь.

* * *

– Согласны снова прокатиться со мной на виллу Каса дас Оркуидеас, чтобы встретиться с Ярой и попытаться разговорить ее? – спросила я Флориано по возвращении с пляжа.

– Буду счастлив, – ответил он, не отрываясь от чтения очередного письма. – Скоро закончу. Мне тут осталась всего лишь пара писем.

– Тогда я пока пойду, приму душ.

– Хорошо.

Я скрылась за дверью ванной комнаты, разделась и вошла в душевую кабинку, но острое чувство неловкости от того, что Флориано сидит за дверью в соседней комнате, не покидало меня. В конце концов, еще каких-то два дня тому назад он был для меня совершенно чужим человеком. Однако его раскованность, свободная манера общения и обходительность сделали свое дело. Мне стало казаться, что этого человека я знаю целую вечность.

Но я же, в конце концов, перевела его роман, сложное произведение, полное философских рассуждений, хватающее за душу трогательностью сюжета, изобилующее описаниями человеческих страданий и боли. Впрочем, судя по книге, я ожидала увидеть перед собой гораздо более солидного, более серьезно относящегося к самому себе мужчину, совсем не похожего на того, кто сидит сейчас у меня в номере, в паре метров от ванной комнаты. Выйдя из ванной, я увидела,

что Флориано уже сложил все письма в аккуратную стопочку и задумчиво уставился в окно на открывающуюся панораму пляжа.

– Хотите положить письма в сейф? – спросил он у меня.

– Да.

Он протянул мне стопку, я направилась к сейфу.

– Благодарю вас, Майя, – неожиданно сказал он.

– За что? – спросила я, сосредоточенно набирая код.

– За возможность прикоснуться к чужой жизни, за то, что позволили мне прочитать эти глубоко личные письма. Уверен, многие мои коллеги-писатели отдали бы все на свете, чтобы получить такую возможность. В этих письмах просто тьма самой поразительной информации. Подумать только! Ваша прабабушка присутствовала при создании макета памятника Христу, жила под одной крышей вместе с семьей Эйтора да Силва Коста, долгие часы провела в художественной мастерской профессора Ландовски, имела возможность наблюдать за тем, как он изготавливает слепки отдельных фрагментов статуи. Нет, это все поистине уникальная информация. И для меня большая честь получить к ней доступ, правда. – Флориано отвесил полушутливый поклон.

– Это я вас должна благодарить. Да еще как! Ведь вы так помогли мне. Только благодаря вам у меня стала складываться воедино эта головоломка.

– Что ж, тогда поехали на виллу Каса. Поищем там недостающие фрагменты вашей головоломки.

– Но только вам придется подождать меня в машине. Я ведь обещала Яре никому не говорить о письмах. Не хочу подрывать ее доверие ко мне.

– С удовольствием сыграю роль водителя для сеньориты, – отреагировал на мои слова Флориано, широко улыбаясь. – Так мы едем?

Мы вышли из номера и направились к лифту. Флориано нажал на кнопку вызова. Отворились створки, и мы зашли в кабинку. И тут я заметила, что Флориано внимательно разглядывает мое отражение в зеркальных стенках кабинки.

– А вы уже успели загореть. И это вам идет. А сейчас, – озабоченно добавил он, выходя из лифта и направляясь к дверям, – вперед и выше, к новым свершениям.

Через двадцать минут мы уже были на месте, припарковались на противоположной стороне дороги напротив виллы Каса дас Оркуидеас. Для начала медленно проехали вдоль ржавых чугунных ворот и увидели, что они заперты на массивный висячий замок. Такого в прошлый раз не было.

– Интересно, что бы это значило? – сказала я, выбираясь из машины. – Может, сеньора Карвальо испугалась, что мы снова неожиданно нагрянем к ней в гости?

– И у меня та же мысль мелькнула, – ответил Флориано, направляясь вдоль давно нестриженной зеленой изгороди. – Пойду, посмотрю, есть ли тут еще какие-нибудь способы проникновения на территорию виллы, как законные, так и противоправные.

Я же принялась разглядывать дом сквозь решетку ворот, чувствуя, как внутри меня нарастает беспокойство. Вполне возможно, это чистое совпадение, стала я прикидывать всевозможные варианты. И замок повесили не от нас, а просто потому, что старая дама и ее служанка отлучились куда-то из дома. Например, поехали навестить родственников. И именно сейчас я вдруг остро почувствовала, как же мне не терпится поскорее узнать всю правду о прошлом, частью которого, в чем я более не сомневалась, была и я сама.

Но вот Флориано снова вернулся ко мне.

– Этот дом похож на самую настоящую крепость. Я обошел по периметру всю зеленую изгородь, нигде ни единой щели. Сквозь нее прорубить себе дорогу можно только с помощью бензопилы. Между прочим, все ставни на окнах с той стороны дома закрыты наглухо. Это я кое-как сумел разглядеть. Такое впечатление, что в доме никто не живет.

– А что, если они больше не вернуться сюда? – испуганно спросила я у Флориано.

– Утверждать наверняка мы такое не можем, Майя. Будем считать, что сегодня нам просто не повезло. Взгляните! Вон почтовый ящик для корреспонденции, приходящей на виллу. Почему бы вам не оставить там коротенькую записку для Яры с указанием названия отеля, в котором вы остановились, и номером телефона?

– А если эту записку обнаружит старуха?

– Вот тут я могу гарантировать: такое исключено полностью. Не станет старуха сама тащиться к почтовому ящику и лично копаться в его содержимом. Она ведь дитя своего времени, когда такого рода работа выполнялась только слугами. Ей, скорее всего, почту подают на серебряном подносе, – добавил Флориано и широко улыбнулся.

– Хорошо, я напишу, – неохотно согласилась я. Извлекла из сумочки записную книжку и ручку, а затем черкнула пару строк Яре, указав в записке всю информацию, по совету Флориано.

Всю дорогу назад я обреченно молчала. После радостного возбуждения, охватившего меня после прочтения писем Изабеллы, и желания узнать обо всей этой истории как можно больше наступил спад.

– Надеюсь, у вас не возникло сейчас желания завязать с нашими поисками? – прозорливо заметил Флориано, словно прочитав мои мысли, пока мы ехали по широкой автостраде вдоль пляжа Ипанема.

– Конечно, нет, – ответила я. – Просто на данный момент ума не приложу, куда двигаться дальше.

– Терпение, Майя, и еще раз терпение. Подождем, пока Яра откликнется на вашу записку. Также установим слежку за виллой, чтобы не прозевать тот момент, когда ее обитатели снова вернутся домой. Думаю, причина их исчезновения имеет свои вполне разумные объяснения. Никакой особой мистики вокруг этого события я не вижу. А нам с вами следует подумать над удобоваримым объяснением случившегося.

– Что, если они отправились навестить кого-то из родственников? – озвучила я версию, уже крутившуюся в моей голове.

– Возможно. Хотя, учитывая, каким ветхим созданием предстала перед нами старая дама, не думаю, что она решилась бы на длительную отлучку из дома. Да и ко всякой неприятной светской болтовне она тоже, как мне кажется, мало расположена.

– А вдруг они уехали потому, что боятся нашего возвращения?

– И снова повторяю: возможно, но маловероятно. Сеньора Карвальо прожила в этом доме всю свою жизнь. И хотя она не изъявила особого желания вступать с нами в какие-то разговоры по поводу ваших с ней потенциальных родственных связей, мы-то, как она успела заметить, явились к ней безоружными, не размахивали у нее под носом пистолетами или ножами. Впрочем, – продолжил

Флориано свои размышления, не отрывая глаз от дороги, – то, что ни хозяйки, ни ее служанки нет дома, это факт. И тому я вижу лишь одно рациональное объяснение.

– Какое?

– Скорее всего, сеньора Карвальо попала в больницу. Обзвоню-ка я все местные больницы и поинтересуюсь у них, не поступила ли к ним на лечение в течение последних суток моя драгоценная прабабушка.

Я бросила на Флориано восхищенный взгляд.

– А ведь вы наверняка правы.

– Сейчас зарулим ко мне, и я поищу по справочнику телефоны всех больниц, расположенных рядом с виллой.

Неожиданно Флориано свернул с Авенида Виейра Суто в сторону, противоположную той, где находился мой отель и куда мы направлялись изначально.

– Флориано, пожалуйста. Не хочу доставлять вам дополнительные хлопоты. Сама поищу номера телефонов в Интернете.

– Майя, если можно, помолчите. Знаете ли вы, что те письма, которые я прочитал сегодня утром, относятся к числу самых интересных документов, которые когда-либо попадали в мои руки? В них есть еще кое-что, о чем я пока не упомянул в разговоре с вами. И это «кое-что» поистине бесценно. Быть может, именно эти письма помогут нам разгадать и понять многое из тех тайн, которыми окутана история создания статуи Христа. Получается, что мы помогаем друг другу, только и всего. Но заранее предупреждаю, мой дом мало похож на «Дворец Копакабана», – шутливо добавил он, а машина тем временем удалялась все дальше и дальше от Ипанемы.

И вот Флориано сделал еще один крутой поворот вправо и затормозил машину, въехав на небольшую бетонную площадку напротив многоквартирного жилого дома, весьма ветхого на вид, с облупившейся краской и осыпающейся со стен штукатуркой. Наверное, отсюда до моего отеля не больше десяти минут езды, но впечатление такое, будто я попала в совершенно иной мир.

– Ну, вот мы и приехали, – сказал Флориано, когда мы вышли из машины и стали подниматься по ступенькам крыльца к входной двери. – Добро пожаловать в *мои апартаменты*. – Последние слова он

произнес почему-то на французском. – К сожалению, лифта у нас в доме нет.

Он открыл дверь, ведущую в подъезд, и стал проворно подниматься по узкой лестнице, перешагивая сразу через две ступеньки.

Я тоже карабкалась за ним, один пролет, другой, потом еще и еще. Наконец мы остановились на небольшой лестничной площадке, и Флориано отомкнул дверь своей квартиры.

– Я, конечно, не самый большой любитель домашнего уюта, но это мой дом, – пояснил он, переступая порог квартиры. – Проходите, пожалуйста.

Я немного замешкалась, снова испытал неприятное чувство страха. Как-никак, а я захожу в квартиру, в которой живет одинокий мужчина, и при всем том, что он уже сделал для меня, при всем благородстве его побуждений и помыслов, этот мужчина мне по-прежнему чужой человек. Впрочем, я тут же отбросила все свои страхи в сторону, вспомнив его разговор по телефону в самый первый вечер нашего знакомства. Тогда он был вынужден срочно откланяться, чтобы вернуться домой и впустить в квартиру девушку, с которой живет. После чего я смело проследовала за хозяином в гостиную.

В гостиной, как заранее предупредил меня Флориано, действительно царил самый настоящий кавардак. Вокруг сваленные в кучу предметы и вещи, которыми попользовались, но потом забыли вернуть на прежнее место. Изрядно потрепанный кожаный диван и кресло – места, где можно посидеть, рядом журнальный столик, заваленный бумагами, книгами, пустыми контейнерами от еды, пепельница, полная окурков.

– Сейчас я отведу вас наверх. Там гораздо приятнее, честное слово, – обронил Флориано, шагая по коридору.

Преодолели еще один пролет ступенек и снова оказались на небольшой лестничной площадке, откуда вело двое дверей. Флориано открыл одну из них, и я увидела террасу, почти полностью защищенную свисающей сверху крышей. Возле стены примостился диван, стол и пара стульев. В дальнем углу – рабочий стол с компьютером. Прямо над ним – навесная книжная полка, заставленная книгами. Передняя часть террасы, слегка выступающая из-под крыши и открытая, как говорится, всем ветрам и непогодам, уставлена

горшками с цветами, радующими глаз многообразием красок и оттенков. Растения слегка колышутся, словно вибрируют, на открытом воздухе.

– Вот здесь я живу и работаю, – пояснил Флориано, направляясь к компьютеру. – Устраивайтесь поудобнее.

Он уселся за стол и включил компьютер.

Я подошла к краю террасы, и меня сразу же обдало жаром палящего солнца. Опершись локтями о перила, я глянула вверх. Всего лишь в каких-то нескольких сотнях метрах отсюда виднелось скопление лачуг самых причудливых форм и размеров. Крошечные домики буквально облепили весь склон горы. На крышах ребятишки запускают воздушных змеев. Они вздымаются ввысь и парят в небе, подгоняемые легким ветерком. Откуда-то доносится приглушенный шум, похожий на барабанную дробь.

После безликости моего гостиничного номера я, кажется, впервые прикоснулась к реальной жизни Рио, почувствовала настоящий пульс этого города.

– Как красиво! – восхищенно выдохнула я. – Это что, фавела? – Я махнула рукой в сторону трущоб.

– Да. И до недавнего времени фавела с очень дурной репутацией. Наркотики, убийства – вполне привычное дело в тамошней среде. И хотя фавела почти вплотную примыкает к Ипанеме, одному из самых фешенебельных районов Рио, селиться по соседству рискуют немногие. Правда, сейчас правительство наконец взялось за наведение порядка. Вроде даже стали выплачивать какие-то пособия обитателям фавелы. Хотя некоторые горожане полагают, что гораздо разумнее было бы направить выделяемые средства на организацию хотя бы элементарной медицинской помощи для всех этих людей. Но, как бы то ни было, а хоть какой-то шаг сделан в нужном направлении, что уже само по себе неплохо.

– Сегодня ведь Бразилия развивается очень успешно, не так ли?

– Так, – согласился со мной Флориано. – Но как это обычно бывает во всех быстро растущих экономиках, пропасть между сравнительно небольшим процентом населения, выигравшим от всех экономических реформ последних лет и разбогатевшим на этих переменах, и остальной частью народа, по-прежнему прозябающей в нищете, просто колоссальная. Впрочем, подобная картина в наши дни

наблюдается и в некоторых других странах. Например, в Индии или в России. Однако, – Флориано вздохнул, – не станем и далее вдаваться в рассуждения о социальном неравенстве, царящем в Бразилии, хотя сама я на досуге люблю потолковать на эту тему. Но сегодня у нас на повестке дня другие проблемы. – Он снова повернулся к компьютеру. – Полагаю, что сеньора Карвальо – одна из тех немногих счастливец, которой пока еще по карману не обращаться за помощью к бесплатным муниципальным больницам, функционирующим в Рио. Условия там просто ужасные. Сейчас я постараюсь найти список частных больниц, выпишу их телефоны, а потом мы станем поочередно обзванивать их. А вот и он! – Я подошла к компьютеру и пристроилась у Флориано за спиной. – Не больше десяти медицинских учреждений частного типа. Сейчас распечатаю номера их телефонов.

– Давайте каждый возьмет себе по половине номеров.

– Не возражаю, – согласился Флориано. – Только не забудьте. Когда свяжетесь с регистратурой, нужно обязательно представляться родственницей пациентки, которую вы разыскиваете. Скажем, ее внучкой. – Он бросил на меня ироничный взгляд. – В противном случае они даже не станут разговаривать с вами.

Последующие пятнадцать минут у нас ушли на телефонные звонки. Флориано спустился к себе вниз, чтобы не мешать мне, а я осталась на террасе, достала мобильник и стала методично обзванивать свою половину номеров. Увы, все мои звонки оказались безрезультатными. В каждом очередном учреждении мне сообщали, что за последние двадцать четыре часа сеньора Карвальо к ним в больницу не поступала. Но вот на террасе наконец снова возник Флориано, на сей раз с подносом в руках. По его лицу я поняла, что и ему похвастаться особо нечем.

– Выше голову, Майя. Не стоит так расстраиваться, – поспешил он успокоить меня, выставляя на стол блюдо с различными сортами сыра, салями и свежим багетом. – Давайте пока перекусим, а потом станем думать, что нам делать дальше.

Я с жадностью набросилась на еду, сообразив, что уже седьмой час вечера, а я с утра ничего не ела.

– Что такого интересного вы откопали в письмах Изабеллы, такое, что, по вашим словам, может даже помочь в разгадке некоторых тайн,

связанных со скульптурой Христа? – спросила я, когда Флориано, покончив с едой, подошел к краю террасы и закурил сигарету.

– Дело в том, – начал он, слегка перевесившись через балконные перила и глядя куда-то вдаль, в сгущающиеся сумерки, – что в своих письмах Изабелла не раз упоминает имя Маргариды де Лопес Алмейда. Долгие годы считалось, что именно эта молодая дама стала для профессора Ландовски той моделью, с которой он скопировал руки своего Христа. И вот Изабелла подтверждает: да, действительно Маргариды стажировалась какое-то время в мастерской Ландовски. К тому же, по словам Изабеллы, ее подруга была весьма одаренной пианисткой. И потом, на протяжении всей своей жизни Маргариды никогда не отрицала упорно циркулирующие слухи о том, что именно ее руки вдохновили скульптора в процессе работы над статуей. И только незадолго до своей смерти, а она умерла всего лишь несколько лет тому назад, Маргариды наконец призналась, что Ландовски воспользовался слепками отнюдь не с ее рук.

Флориано бросил на меня внимательный взгляд, словно желая удостовериться в том, что я следую за ходом его мыслей.

– Все правильно, – сказала я. – Ведь в одном из своих писем Изабелла пишет, что слепок с ее рук был сделан одновременно со слепками рук Маргариды.

– Именно! Разумеется, вполне возможно, что на заключительных этапах работы Ландовски отказался воспользоваться как одними слепками, так и другими. Но, уж во всяком случае, Маргариды точно знала, что на сей счет существуют большие сомнения. Кто знает? Быть может, именно руки Изабеллы и послужили прототипом для рук Христа. Ведь она же присутствовала в мастерской Ландовски в то же самое время, когда там находилась и Маргариды.

– Боже мой! – Я даже задохнулась от грандиозности всего того, что подразумевал Флориано. Выходит, именно руками моей прабабки Христос, широко разведя ладони в разные стороны, с такой любовью и состраданием объемлет мир, лежащий перед ним внизу.

– По правде говоря, сомневаюсь, что нам удастся когда-нибудь докопаться до истины. Но теперь вам хотя бы понятно, почему эти письма так взволновали меня, – сказал Флориано. – И взволнуют еще многих других, если только Яра позволит вам предать их огласке, сделать доступными для всех желающих. Ведь речь уже идет не только

об изысканиях, связанных с установлением вашей родословной, Майя. Здесь уже напрямую задействована история Бразилии. Вот почему мы должны постараться узнать как можно больше.

– Согласна, должны. Но сейчас-то мы с вами находимся в полном тупике.

– Значит, надо искать новые пути и подходы к решению нашей проблемы.

– Знаете, я вот о чем подумала.

– О чем? – спросил Флориано.

– Яра ясно дала нам понять, что ее хозяйка серьезно больна. Более того, сеньора Карвальо умирает. Поначалу я решила, что слова Яры – это просто удобный предлог для того, чтобы побыстрее отвязаться от нас. Однако внешний вид сеньоры Карвальо действительно свидетельствует о том, что она очень слаба. Помните этот столик рядом с ней, заставленный бутылочками со снадобьями? У нас в Швейцарии в тех случаях, когда умирающий человек испытывает сильные физические страдания, больных помещают в хоспис. У вас в Бразилии существует нечто подобное?

– Для богатых – да. Кстати, один такой хоспис расположен в окрестностях Рио. Там трудятся монахини. Что ж, вполне возможно, ваша догадка, Майя, это именно то, что нам сейчас нужно. Ведь семейство Айрис Кабрал на протяжении долгих лет были ревностными католиками.

Флориано уже приготовился снова вернуться к своему компьютеру, но в этот момент дверь широко распахнулась. В комнату стремительно ворвалась невысокого роста темноглазая девчушка в розовых шортах и в футболке с изображением кошачьей морды на груди. Она тут же бросилась в объятия Флориано.

– Папочка! – радостно крикнула девочка.

– Здравствуй, моя милая. Ну, как прошел день? – спросил у нее Флориано, широко улыбаясь.

– Очень хорошо. Только я по тебе сильно соскучилась.

Я посмотрела в сторону двери. На пороге стояла молодая стройная женщина. Она скользнула глазами по мне, поздоровалась с улыбкой на устах, потом повернулась к дочери:

– Пошли, Валентина. Видишь, папа сейчас занят. А тебе надо принять душ. Мы после школы ходили купаться на пляж. На улице

такая жара, – добавила она, не обращаясь ни к кому конкретно.

– Папочка, можно я немного побуду с тобой? – взмолилась Валентина, когда отец снова поставил ее на пол.

– Пока ступай, прими душ, а когда надо будет укладываться спать, то ты принесешь мне свою книгу, и я прочитаю тебе на сон грядущий еще одну главу из нее. – Флориано нежно поцеловал девочку в темные кудряшки и слегка подтолкнул в сторону матери. – Увидимся позже, голубка моя.

– Мне тоже пора, – сказала я, поднимаясь со своего места после того, как за ними закрылась дверь. – Я и так отняла у вас сегодня столько времени.

– Подождите. Все же нам стоит связаться с тем хосписом, про который я вам говорил, – откликнулся Флориано, снова садясь за компьютер.

– У вас красивая дочь. И на вас очень похожа, – обронила я. – Сколько ей?

– Шесть лет, – ответил Флориано, проворно перебирая пальцами по клавиатуре. – Вот, я вошел на их сайт. А вот и номер их телефона, кстати. Правда, едва ли мы застанем кого-нибудь в регистратуре в такое позднее время. Но хотя бы попытаемся.

Флориано поспешно загнал цифры номера в свой мобильник и приложил трубку к уху. Прошло несколько секунд, после чего он слегка отстранил трубку.

– У них есть еще телефон ночной скорой помощи, но, по-моему, если мы начнем трезвонить туда, да еще в такое неурочное время, то это может показаться подозрительным. Не будем испытывать судьбу. Одно дело – звонок от обеспокоенных родственников, когда они не могут точно установить, где именно находится в данную минуту близкий им человек, и совсем другое, когда член семьи не в курсе того, что их бабушку или прабабушку поместили в хоспис. Знаете что? Предлагаю завтра с самого утра прокатиться туда на машине и прямо на месте узнать, что, где и как.

– Но такая поездка может ничего не дать. Еще один тупик.

– Очень даже может быть. Но инстинкт почему-то подсказывает мне, что сейчас мы на верном пути. Молодец, Майя, – похвалил он меня за своевременно подброшенную идею и одобрительно

улыбнулся. – Вскоре я из вас сделаю самого заправского детектива-историка.

– Тогда до завтра. А сейчас я ухожу и оставляю вас на какое-то время в покое.

– Я подвезу вас в отель. – Флориано тоже поднялся из-за стола.

– Не надо! – твердо отказалась я. – Я с удовольствием прогуляюсь пешком.

– Хорошо. Тогда завтра ровно в двенадцать заезжаю за вами. У меня на половину десятого назначена встреча с учительницей Валентины. В школе считают, что у ребенка нет абсолютно никаких способностей к чтению, – неожиданно признался Флориано и тяжело вздохнул.

– Не расстраивайтесь, Флориано, – поспешила я успокоить его. – Все возможно, конечно, но вот, к примеру, одна из моих сестер – ее зовут Электра, – у нее тоже были проблемы с чтением. А между тем она – милейшее создание на свете, пожалуй, лучше нее человека и не сыскать. Доброй вам ночи, Флориано.

Проснувшись поутру, я снова извлекла из сейфа письма Яры и стала заново перечитывать те из них, которые Изабелла писала Лоен из Парижа. На сей раз я читала их не столько как заинтересованное лицо, в надежде найти подходящую зацепку для подтверждения своего родства, сколько как историк. Как это, к примеру, делал Флориано. И мне стало понятно, почему письма так взволновали его. Я отложила бумаги в сторону и откинулась на подушки. Мысли мои сами собой завертелись вокруг Флориано, его красавицы-дочери и ее маме, которой, судя по моим прикидкам, едва-едва за двадцать.

Признаться, меня немного удивил выбор Флориано. Избрать себе в спутницы жизни столь юную особу. С другой стороны, я почувствовала легкий укол зависти и даже ревности, когда увидела мать и дочь на пороге квартиры Флориано. Порой мне кажется, что все люди на белом свете живут в любви и согласии друг с другом, все, кроме меня, горемычной.

Я приняла душ, оделась и спустилась вниз. Впервые Флориано не оказалось на месте. Тогда я присела в уголке вестибюля и стала ждать. Флориано появился лишь через пятнадцать минут, он выглядел уставшим и крайне расстроенным.

– Прошу простить меня, Майя. Но моя встреча с педагогами затянулась дольше, чем я предполагал.

– Все в порядке, Флориано. Нет проблем, – заверила я его, садясь в машину. – А как сама встреча? Надеюсь, прошла хорошо?

– Ну, когда тебе сообщают, что у твоего ненаглядного дитяти есть проблема, которую едва ли удастся решить в обозримом будущем, если вообще удастся, то я бы не говорил, что встреча прошла хорошо. – Флориано вздохнул. – Немного утешает лишь то, что дислексия у дочери выявлена на самой ранней стадии. Надеюсь, что Валентина сможет получить всю необходимую профессиональную помощь и поддержку. Вот она, ирония судьбы! Я – профессиональный писатель, а мой ребенок обречен на то, чтобы всю жизнь бороться с неподдающимися ему словами.

– Да, это очень больно. Мне искренне жаль, – промямлила я, не зная, что еще можно сказать в подобной ситуации.

– Она такая славная девочка, да и жизнь у нее совсем даже не простая.

– К счастью, если судить по тому, что я увидела вчера, у нее, по крайней мере, есть любящие отец и мать.

– *Только* любящий отец, – возразил Флориано. – Увы-увы, но моя жена умерла, когда Валентина была еще совсем маленькой. Легла в больницу, чтобы сделать пустяшную операцию, через два дня вернулась домой, но рана стала гноиться. Разумеется, мы тут же обратились за помощью, однако врачи нас успокоили, заверили, что все образуется и рана заживет. А через две недели Андреа умерла от заражения крови. Теперь вы понимаете, почему система бразильского здравоохранения вызывает у меня лишь самые негативные эмоции.

– Все это просто ужасно, Флориано. А я вчера подумала...

– Что Петра – мать Валентины? – Флориано улыбнулся, и на какое-то мгновение черты его лица разгладились. – Майя, этой девушке нет еще и двадцати, но я польщен тем, что вы подумали, будто такой старик, как я, может привлечь к себе внимание юной и красивой девушки.

– Простите меня. – Я вспыхнула от собственной неловкости.

– Петра – студентка, учится в нашем университете и живет у меня на правах квартирантки, а заодно помогает, присматривает за Валентиной, что крайне важно, особенно когда у дочери начинаются каникулы в школе. К счастью, родители моей покойной жены, бабушка и бабушка Валентины, живут неподалеку и часто забирают ее к себе, главным образом когда я работаю над очередной книгой. Они вообще хотели забрать внучку к себе, но я отказался. Конечно, одному растить ребенка намного сложнее, но пока мы как-то справляемся. К тому же Валентина – очень хорошая девочка, никаких капризов.

Я бросила на Флориано уважительный взгляд. Снова он предстал предо мной в совершенно новом свете. Определенно, этот человек не перестает удивлять меня. А еще я подумала, какой же уныло пустой выглядит моя собственная жизнь в сопоставлении с его жизнью, в которой полно всевозможных проблем и трудностей.

– А у вас есть дети, Майя? – спросил он меня.

– Нет, – коротко бросила я в ответ.

– Не планируете обзавестись ими в обозримом будущем?

– Едва ли я могу строить подобные планы. Ведь рядом со мной нет никого, кто помог бы мне в их реализации.

– А вы вообще, Майя, влюблялись когда-нибудь?

– Да, один раз. Но ничего хорошего из этой любви не вышло.

– Уверен, кто-нибудь обязательно появится на вашем горизонте. Одной жить трудно. Вот я, к примеру, хоть у меня и есть Валентина, а все равно порой накатывают такие приступы одиночества, которые потом преодолеваешь с большим трудом.

– Зато так спокойнее, – едва слышно пробормотала я, прежде чем подумать.

– Спокойнее, говорите вы? – Он бросил на меня удивленный взгляд. – Бог мой! Майя! Что вы такое несете? В моей жизни было полно страданий и боли, особенно после смерти жены. Но никогда – ей-богу! – я не стремился к тому, чтобы сделать свою жизнь «спокойной».

– Я не то хотела сказать, – мгновенно пошла я на попятную, снова заливаясь краской стыда.

– Нет, знаете ли, вы сказали *именно то*. Нельзя отгораживаться от жизни, прятаться в свою скорлупу. Такая тактика никогда не срабатывает. Тем более от себя ведь никуда не спрячешься. По крайней мере раз в день, каждое утро приходится лицезреть собственную физиономию в зеркале. По-моему, вы точно делаете ставку не на то число! – Видно, почувствовав мое внутреннее напряжение, Флориано решил разрядить обстановку и тут же сменил тему разговора: – Итак, каковы наши действия, когда мы приедем в монастырь? – Он слегка улыбнулся, искоса глянув на меня.

– А что предлагаете вы? – не очень уверенно спросила я, еще не вполне оправившись от его реакции на мою последнюю реплику.

– Для начала поинтересуемся, не поступила ли к ним ваша бабушка. А там посмотрим...

– Ладно.

Остаток пути мы проехали в полном молчании. Я всю дорогу продолжала жалеть о том, что сболтнула лишнее, чем вызвала законную отповедь со стороны Флориано. Я выглянула в окно автомобиля. Город уже остался позади, дорога пошла в гору.

Наконец мы съехали с шоссе на гравийную дорогу, петляющую среди полей, и, проехав еще немного, остановились перед большим мрачным зданием из серого камня. Монастырь Святого Себастьяна, покровителя города Рио-де-Жанейро, был воздвигнут двести лет тому назад и, судя по его внешнему виду, с тех пор в нем ничего не изменилось.

– Ну что? Дерзнем? – спросил у меня Флориано и слегка пожал мою руку, словно хотел приободрить.

– Дерзнем, – ответила я.

Мы вышли из машины и направились к входу.

Вошли внутрь и очутились в огромном холле, в котором гулким эхом отдавался каждый наш шаг. Вокруг ни души. Я бросила на Флориано вопросительный взгляд.

– Все же это прежде всего действующий монастырь, а не больница, – пояснил он. – Возможно, больничные палаты занимают отдельное крыло. А вот то, что нам надо! – Он указал на старомодный бакелитовый звонок, установленный на стене возле двери. Нажал, и мы услышали громкий звук где-то в глубине здания. Через какое-то время в холле появилась монахиня. Она сразу же направилась к нам.

– Что вам угодно?

– Пожалуйста, помогите нам прояснить одну ситуацию. Мы полагаем, что бабушка моей жены находится в вашем монастыре, – начал Флориано. – Мы никак не могли подумать, что ее переезд сюда будет таким скорым. Нас очень волнует состояние ее здоровья.

– Назовите, пожалуйста, имя больной.

– Сеньора Беатрис Карвальо. Она, скорее всего, приехала сюда в сопровождении своей служанки Яры.

Монахиня внимательно обозрела нас, потом кивнула головой.

– Да, и сеньора Карвальо, и ее служанка находятся здесь. Но сейчас приема посетителей нет. К тому же сеньора Карвальо настоятельно просила, чтобы ее не беспокоили. Вы же знаете, как она тяжело больна.

– Знаем, – немедленно подтвердил Флориано. – Мы и сами не хотим лишний раз беспокоить сеньору Карвальо. Но, быть может, вы разрешите нам поговорить с ее служанкой Ярой? Просто для того, чтобы поинтересоваться, не нужно ли что привезти из дома. Мы мигом обернемся туда и обратно и доставим все, что надо.

– Подождите здесь. А я пока пойду, поищу сеньора Кантерино.

Монахиня повернулась к нам спиной и ушла. Я в немом восхищении глянула на Флориано.

– Хорошо сработано! – воскликнула я.

– Подождите радоваться, – немедленно остудил мой пыл Флориано. – Еще посмотрим, захочет ли Яра разговаривать с нами и какова будет ее реакция на наш приезд. Лично я предпочту встретиться лицом к лицу с целой бандой вооруженных разбойников, чем иметь дело со стаей монахинь, ревностно стерегущих свою паству, особенно тех овечек, которые доживают последние дни на этом свете.

– Но мы уже хотя бы знаем, где сейчас находится сеньора Карвальо.

– Да, и все благодаря вам, Майя, – похвалил он меня. – Вот что значит – доверять собственным инстинктам. Они никогда не подведут.

Чтобы хоть как-то скоротать время ожидания, я вышла на улицу и уселась на скамью, откуда открывался просто потрясающий вид на Рио, раскинувшийся внизу. Вся городская суэта большого мегаполиса вдруг отступила куда-то прочь. Я предалась своим мыслям, но тут раздались звуки колокола, призывающего обитательниц монастыря к чтению молитвы Богородице. Значит, уже полдень. На меня вдруг снизошли умиротворение и покой, и я неожиданно подумала, что, наверное, тоже с радостью бы провела свои последние дни в такой атмосфере. Даже само расположение монастыря высоко в горах наводило на мысль о том, что он занял некое промежуточное место между грешной землей и небесами обетованными.

Кто-то осторожно тронул меня за плечо, и я мгновенно оторвалась от своих созерцательных размышлений. Оглянулась и увидела Флориано и Яру. Последняя была в крайне возбужденном состоянии.

– Оставлю вас, дамы, на какое-то время наедине друг с другом, – дипломатично сказал Флориано и направился по дорожке в глубь сада.

Я поднялась со скамейки.

– Добрый день, Яра. Спасибо за то, что согласились со мной встретиться.

– Как вы нас отыскали? – шепотом спросила меня Яра, словно опасаясь того, что ее хозяйка, упрятанная сейчас за толстенными монастырскими стенами, может услышать наш разговор. – Сеньора Карвальо будет очень раздосадована, если узнает, что вы были здесь.

– Присядьте, пожалуйста, Яра. – Я жестом указала на скамейку.

– Я не могу задерживаться надолго. Пару минут, не более того. Потому что если сеньора Карвальо узнает, что я беседовала с вами...

– Обещаю, мы незамедлительно оставим в покое вас обеих. Однако, Яра, вы должны понять и меня. После того как я прочитала те письма, которые вы мне дали, мне позарез необходимо переговорить с вами еще раз. И вы прекрасно знаете, почему у меня возникла такая потребность.

Какое-то время Яра молчала. Потом безвольно опустилась на скамейку и вздохнула.

– Понимаю, – наконец тихо проронила она и добавила: – Лучше бы я их вам не отдавала.

– Тогда зачем отдали?

– Потому что... потому... – Яра слегка повела своими костлявыми плечами. – Что-то подсказывало мне, что я должна так поступить. Хочу, чтобы вы знали. Сеньора Карвальо знает о прошлом своей матери очень мало. Ее отец всячески оберегал дочь после того, как...

Яра принялась нервно разглаживать юбку ладонями своих худых рук.

– После чего? – настойчиво переспросила я.

Яра покачала головой:

– Я не стану беседовать с вами здесь. Вы просто не понимаете... Сеньора Карвальо приехала сюда умирать. Она очень больна, и ей осталось совсем немного времени. Пожалуйста, оставьте ее в покое.

– Я все отлично понимаю. Но, пожалуйста, сеньора Яра, расскажите мне о том, что вы знаете. Что случилось с Изабеллой Бонифацио после ее возвращения из Парижа?

– Она вышла замуж за вашего прадедушку Густаво Айрис Кабрала.

– Это я знаю. А дальше? А Лорен Бройли? Мне известно, что он бывал в Бразилии. Своими глазами видела его фотографию, на которой он запечатлен рядом со статуей Христа. Я...

– Тише! – негромко прикрикнула на меня Яра и со страхом огляделась по сторонам. – Пожалуйста! Прошу вас! Не надо этих разговоров здесь.

– Тогда где? И когда? – надела я на нее, видя, что служанка буквально разрывается между чувством долга и верности по

отношению к своей старой хозяйке и желанием поделиться со мной всем тем, что ей известно. – Клянусь вам, Яра, я приехала сюда вовсе не за тем, чтобы создавать вам лишние проблемы. Я просто хочу знать, кто я и откуда родом. Вполне законное право каждого человека – знать свою родословную, не так ли? И если вам что-то известно, то умоляю вас, расскажите мне. Обещаю, после этого я уеду.

Яра уставилась вдаль, туда, где на горе Корковадо возвышалась статуя Христа. Его голова и руки терялись среди густых облаков.

– Хорошо, будь по-вашему. Но не здесь. Завтра мне нужно будет съездить на виллу, забрать кое-какие вещи для сеньоры Карвальо. Она сама попросила меня об этом. Завтра в два часа я жду вас на вилле Каса дас Оркуидеас. А сейчас прошу вас, уходите!

Яра поднялась со своего места, и я последовала ее примеру.

– Спасибо! – крикнула я ей вдогонку, глядя, как она быстрым шагом удаляется от меня в сторону монастыря. Еще немного, и она исчезла за дверьми.

Я увидела, что Флориано уже ждет меня, опершись на капот своего «Фиата», и направилась к нему.

– Успех? – первым делом спросил он у меня.

– Она назначила мне встречу завтра днем на вилле, – ответила я. Флориано открыл дверцу автомобиля, и я села на переднее сиденье рядом с ним.

– Так это же фантастика, Майя! – воскликнул он, включая двигатель и трогаясь с места.

Уже на подъезде к городу я внезапно почувствовала непреодолимое желание расплакаться.

– С вами все в порядке? – спросил у меня Флориано, когда мы уже подъехали к отелю.

– Да, все нормально, – поспешно ответила я, не добавив больше ни слова, ибо почувствовала, как предательски дрогнул мой голос. Еще немного, и я, чего доброго, разревусь прямо в машине.

– Может, вечером заглянете к нам на огонек? Валентина сегодня стряпает для меня ужин. С радостью примем вас в нашу компанию.

– Спасибо, но не стану надоедать.

– Никакого надоедания я тут не вижу, право же. Между прочим, у меня сегодня день рождения, – несколько смущенно добавил он. – В любом случае будем рады видеть вас у себя.

– Тогда с днем рождения, Флориано, – поздравила я его, чувствуя некую раздвоенность чувств. С одной стороны, вроде как бы я виновата в том, что не знала, а с другой – задело то, что Флориано ни словом не обмолвился об этом раньше. Иными словами, мгновенно расстроилась, сама не зная из-за чего.

– Спасибо. Если вы отказываетесь присоединиться к нашему ужину сегодня вечером, тогда что мы делаем завтра? Вас отвезти на виллу?

– Хватит, Флориано, услуг с вашей стороны. Вы и так сделали для меня слишком много. Я возьму такси.

– О чем речь, Майя? Мне в удовольствие сопровождать вас, – заверил он меня. – Вижу, вы чем-то расстроены. Не хотите поделиться?

– Нет. Отосплюсь хорошенько, и завтра все будет в порядке. – Я взялась за дверцу, чтобы открыть ее и выйти из машины. И в эту минуту Флориано ласково взял меня за запястье.

– Понимаю, у вас большое горе. Всего лишь каких-то пару недель тому назад вы потеряли отца. А потом эта... одиссея в собственное прошлое. Такое может кого угодно поставить на грань нервного срыва. Пожалейте себя, Майя, – мягко проговорил Флориано. – Если вам понадобится моя помощь, вы знаете, где меня искать.

– Спасибо, – поблагодарила я его еще раз, выбираясь из машины, и поспешно направилась в вестибюль гостиницы. А там сразу же села в лифт и поехала к себе на этаж. И только оказавшись у себя в номере, я наконец дала волю слезам. Хотя и сама не вполне понимала, *почему* плачу.

* * *

Выплакавшись всласть, я заснула и проснулась, почти успокоившись. Был уже пятый час вечера, и я снова отправилась на пляж, искупалась в бодрящих волнах Атлантики. Возвращаясь назад в отель, я вспомнила про Флориано и про то, что у него сегодня день рождения. Он проявил столько участия ко мне. Так почему бы мне не ответить ему признательностью? Заглянуть на ужин, прихватив с собой бутылку хорошего вина в качестве презента.

Моясь под душем, я представила себе, как шестилетняя Валентина готовит праздничный ужин для отца по случаю дня его рождения. Думать об этом без слез было невозможно. После смерти жены Флориано растит дочь практически в одиночку, хотя при желании мог бы отдать Валентину на воспитание ее дедушке и бабушке.

Я хорошо понимала, что именно расстроило меня в прошлый раз, когда я впервые увидела отца и дочь вместе. Их взаимная любовь и привязанность друг к другу сразу же бросались в глаза. А тут еще откровенные, бьющие прямо в цель, комментарии Флориано по поводу моей жизни, которые он обронил по пути в монастырь, они тоже вывели меня из себя.

«Майя, тебе уже давно пора научиться преодолевать себя», – стала я увещевать саму себя, стараясь проявить твердость духа. Пора научиться смотреть на мир шире. Ведь как-никак, а все то, что происходит со мной в последнее время, наглядно свидетельствует о том (и я это хорошо понимаю), что та скорлупа, в которой я жила все последние годы, медленно, но необратимо покрывается трещинами. Наружу выходит мое настоящее «я», ранимое и беззащитное. Вот и *надо начинать* справляться и с этим тоже.

Я оделась, взяла свой мобильник, к которому не прикасалась все последние три дня, и прослушала поступившие сообщения. Наверняка Ма уже сообщила Тигги и Алли о моем внезапном отъезде, и вот сейчас обе умоляют меня перезвонить им и хотя бы сказать, где именно я торчу в эту самую минуту. Что ж, я им обязательно перезвоню, но только завтра, после встречи с Ярой. Быть может, после разговора с нею у меня появятся все основания точно определить для себя, а потом сказать и им, на каком свете я все же нахожусь.

А пока я ограничилась коротенькими эсэмэсками. Дескать, со мной все в порядке, а вскоре я поделюсь с ними своими последними новостями. После чего еще раз обдумала принятое ранее решение и, выйдя из отеля, направилась в глубь Ипанемы в поисках какого-нибудь подходящего супермаркета. Нашла, купила две бутылки самого лучшего красного вина из того ассортимента, что у них имелся, и коробку шоколадных конфет для Валентины. Вокруг толпился народ. Площадь напротив супермаркета тоже кишела людьми, скорее всего, обитателями близлежащих жилых кварталов, которых манили к себе

огни ночного торгового центра. Кое-как я пробралась сквозь толпу и вышла на улицу, на которой жил Флориано.

Поднявшись на крыльцо уже знакомого мне дома, я увидела, что на входной двери вместо домофона пять звонков. Нажала на первый из них, никакого ответа. Потом на второй, на третий... И наконец на последний. Тоже молчание. Я уже приготовилась развернуться и направиться назад, в гостиницу, когда вдруг услышала, как кто-то громко окликает меня сверху:

– Привет, Майя! Нажмите самый верхний звонок, и я вам открою.

– Хорошо, – ответила я и через минуту уже стояла у распахнутой двери квартиры Флориано.

– Мы тут, на кухне, – прокричал он откуда-то из глубины квартиры, когда я переступила порог. – Поднимайтесь наверх, на террасу. Я поднимусь следом.

Я стала подниматься по лестнице, остро чувствуя запах чего-то горелого. Этим запахом уже успели пропахнуть все комнаты внизу. Подошла к краю террасы и стала любоваться последними всполохами заката. Солнце медленно садилось за склон горы, на котором примостилась фавела. Наконец появился растрепанный Флориано. Он даже вспотел немного.

– Прошу простить меня, – торопливо начал объяснять он. – Но Валентина категорически отказалась от помощи. Днем Петра помогла ей отварить макароны. Оставалось лишь заправить их и угостить меня ужином. Но, к сожалению, она включила газ на полную мощность, и все пригорело. Увы-увы! Вот такой пригорелый праздничный ужин у нас с ней получился. Сейчас она на кухне, раскладывает остатки того, что съедобно, по тарелкам, а меня попросила узнать, не хотите ли и вы отведать нашу пасту. Лично я постараюсь прожевать хотя бы пару ложек приготовленного угощения.

– Ну, если вы уверены, что хватит на всех, то я не против присоединиться.

– О, не волнуйтесь. Хватит на всех, и с лихвой, – заверил меня Флориано. И тут заметил вино и конфеты.

– Это мой скромный презент по случаю вашего дня рождения и в знак благодарности за ту помощь, которую вы мне оказали.

– Благодарю вас, Майя. Очень любезно с вашей стороны. Пойду, принесу еще один бокал, а заодно и посмотрю, как там наш повар

справляется. Сообщу, что у нас за ужином гость. Присаживайтесь, пожалуйста.

Флориано указал на стол, застланный белоснежной кружевной скатертью и красиво сервированный на двоих. В центре стола, на самом видном месте красовалась самодельная поздравительная открытка, на которой был нарисован человечек с ногами и руками-палочками, а сверху надпись: «*С днем рождения, папочка!*»

Флориано вернулся с подносом в руках, на котором стоял еще один бокал, приборы для меня и две тарелки с пастой.

– Валентина велела, чтобы мы приступали к трапезе, – сообщил он, выставляя все на стол, и стал открывать бутылку с вином, принесенную мной.

– Спасибо, – поблагодарила я его, когда он придвинул к столу третий стул. – Надеюсь, я не сильно вас побеспокоила. И Валентина не будет против, если я тоже полакомлюсь тем, что она приготовила на праздничный ужин для своего отца.

– О, совсем наоборот. Она на седьмом небе от счастья. Хотя вынужден предупредить. Дочка упорно называет вас моей «девушкой». Не обращайтесь на это внимания. Ребенок изо всех сил старается устроить личную жизнь своего драгоценного папочки. Ваше здоровье! – Флориано поднял свой бокал и чокнулся со мной.

– И ваше здоровье! Еще раз поздравляю с днем рождения и желаю всего наилучшего, – сказала я.

Но вот в дверях появилась Валентина с еще одной тарелкой пасты. Она стеснительно поставила тарелку передо мной.

– Здравствуйте. Папа сказал, что вас зовут Майя. Красивое имя. Вы и сама красивая. Правда, папа? – обратилась она к отцу, усаживаясь за стол между нами.

– Правда, доченька. Майя действительно очень красивая, – галантно подтвердил Флориано. – И паста выглядит очень аппетитно. Спасибо, моя голубка.

– Папочка, не притворяйся, пожалуйста. Мы же с тобой знаем, что она у меня подгорела. Думаю, вкус у нее ужасный. А потому я совсем не обижусь, если вы отправите свои порции в мусорное ведро. Будем лучше есть шоколадные конфеты, – рассудительно сказала Валентина, разглядывая коробку с конфетами, которую я принесла для нее. – Я еще пока не совсем хороший повар, это правда. – Девчушка стрельнула

в меня своими темными глазенками. – Вы замужем? – спросила она у меня, когда мы с Флориано поднесли свои вилки к тарелкам и стали нерешительно ковыряться в пасте.

– Нет, не замужем, Валентина, – ответила я, с трудом сдерживая улыбку. Прямолинейность девочки забавляла.

– А приятель у вас есть? – продолжила она свой допрос.

– На данный момент – нет.

– Тогда папа вполне может стать вашим приятелем, как думаете? – предложила она с надеждой в голосе и положила в рот немного макарон. Пожевала несколько секунд и выплюнула все на тарелку.

– Валентина! Так нельзя делать за столом! Безобразие! – принялся стыдить дочь Флориано.

– И то, что у меня тут, тоже безобразие, – немедленно нашлась Валентина, указывая на свою тарелку.

– А по мне, так очень даже неплохо. Я вообще люблю пищу, приготовленную на открытом огне, типа барбекю. – Я весело подмигнула девочке.

– Мне очень жаль, что все так получилось. Честное слово. Можете не есть это, вы оба. Но, кажется, пудинг получился то, что надо. А почему вы приехали в Рио, Майя? – на одном дыхании перескочила на другую тему Валентина. – Вы помогаете папе в его работе?

– Да. Я перевела книгу твоего папы на французский язык.

– По вашей речи не скажешь, что вы француженка. Да и выглядите вы как самая настоящая бразильянка. Правда, папа?

– Правда, милая, – снова согласился с ней Флориано.

– Вы живете в Париже? – последовал очередной вопрос.

– Нет, я живу в Швейцарии, на берегу огромного озера.

Валентина задумчиво подперла ладошками свой подбородок.

– А я вот дальше Бразилии нигде не была. Расскажите мне о том месте, где вы живете.

Я постаралась во всех подробностях живописать для нее все красоты Швейцарии. А когда я упомянула о том, какие снегопады случаются у нас зимой, то увидела, что в глазах девочки вспыхнул самый неподдельный интерес.

– Я еще никогда не видела снега, только на картинках. А можно я когда-нибудь приеду к вам в гости и тоже буду лепить снежных ангелочков, как это делали вы, когда были маленькой девочкой?

– Валентина, невежливо вот так напрашиваться к кому-то в гости, – тут же одернул ее отец и, кивнув на тарелки с недоеденной пастой, добавил: – По-моему, нам следует убрать со стола.

– Да, папочка, но ты не беспокойся. Я сама все уберу. А ты продолжай беседовать со своей подругой.

Она весело подмигнула нам обоим и, составив наши три тарелки на поднос, помчалась вниз по лестнице, отчаянно тарахтя посудой.

– Простите ее, ради бога, – сказал Флориано, поднимаясь из-за стола. Он подошел к краю террасы и закурил. – Но она у нас не по годам развита. Может быть, потому что растет в семье единственным ребенком.

– Вам нет нужды извиняться передо мной за свою дочь. Она задает вопросы, потому что растет смышленной девочкой и ее интересует все вокруг. К тому же совсем не обязательно быть единственным ребенком, чтобы вырасти такой любознательной. У нас в семье шестеро сестер, и самая младшая из нас даст фору по этой части всем остальным. Ваша Валентина – просто прелестный ребенок.

– А я вот постоянно боюсь, что слишком балую ее, уделяю ей слишком много внимания, словно пытаюсь таким образом компенсировать отсутствие у нее матери. – Флориано тяжело вздохнул. – Как бы там ни разглагольствовали все современные философы, специалисты по этике, на эту тему, а я думаю, что у мужчин попросту отсутствует тот материнский инстинкт, которым обладают женщины. Хотя я стараюсь изо всех сил, чтобы овладеть им, – добавил он в заключение.

– А я вот, наоборот, думаю, что нет никакой принципиальной разницы в том, кто растит ребенка, мужчина или женщина, и настоящие у него отец и мать или приемные. Главное, чтобы ребенка любили. Уж кто-кто, а я могу это утверждать, правда? – Я слегка повела плечами в его сторону.

– О да, – немедленно согласился со мной Флориано, – вы, Майя, можете. Вы действительно получили самое необычное воспитание. Если судить по тому, о чем вы только что рассказывали Валентине. Должно быть, у него были как свои плюсы, так и свои минусы.

– Безусловно, – грустно улыбнулась я.

– Мне бы очень хотелось узнать побольше о вашей прежней жизни. И особенно о вашем отце. По вашим рассказам, он был весьма

незаурядным человеком.

– Да, так оно и было.

– А теперь скажите мне, вы немного успокоились? Утром вы пребывали в чрезвычайно взвинченном состоянии, – с превеликой осторожностью поинтересовался Флориано.

– Да, пришла в себя. Вы абсолютно правы. Осознание потери человека, которого я любила больше всех на свете, лишь только-только начинает приходить ко мне. И здесь, в Рио, мне даже в какой-то мере проще, потому что на расстоянии я могу представить, что отец все еще жив и ждет меня дома. Но если честно, то у меня все внутри переворачивается при мысли о том, что вот я вернусь домой, а папы больше нет.

– Так задержитесь у нас подольше. Что мешает? – предложил мне Флориано.

– Подождем, что мне завтра скажет Яра, – отмахнулась я от его предложения. – Но если этот разговор ничего не даст, тогда я прекращу всяческие поиски и попытки докопаться до правды. В конце концов, сеньора Карвальо недвусмысленно дала понять, что не желает меня знать, кем бы я ей ни приходилась, внучкой или посторонним человеком.

– Майя, ваша позиция мне вполне понятна. Но не забывайте, вы ведь не знаете всего того, что случилось в прошлом и что, вполне возможно, и объясняет реакцию старой дамы на ваше появление в ее доме, – возразил Флориано. – Вы ничего не знаете и о том, каким был ее *собственный* ребенок.

– Майя! – Валентина просунула головку в полуоткрытую дверь. – Пожалуйста, спуститесь на кухню и помогите мне, – громким шепотом попросила она.

– Сию минуту. – Я поспешно поднялась из-за стола и спустилась вслед за девочкой на кухню. Там царил полнейший кавардак: груды обгорелых кастрюль и сковород, а посреди этого хаоса возвышался пирог со свечами. Валентина осторожно взяла его на руки.

– Пожалуйста, зажгите свечи. Папа не разрешает мне пользоваться спичками. Я вставила в пирог двадцать две свечи. Вообще-то я точно не знаю, сколько папе лет.

– Думаю, двадцать два года – это именно то, что надо, – улыбнулась я. – Но давай зажжем свечи уже наверху, прямо перед

дверью. Иначе они могут погаснуть, пока мы будем нести пирог по лестнице.

Так мы и сделали. Поднялись на лестничную площадку перед дверью, ведущей на террасу, и тут я принялась зажигать свечи, чувствуя на себе внимательный взгляд Валентины. Вот так же внимательно смотрит на меня порой и ее отец.

– Спасибо, Майя, – поблагодарила она меня, когда я зажгла последнюю свечу, и приготовилась торжественно внести пирог к столу. Но уже в дверях оглянулась на меня и сказала с улыбкой: – Я рада, что вы сегодня у нас.

– И я тоже очень рада, – ответила я, а про себя подумала: и ведь действительно рада.

* * *

Через полчаса, заметив, что Валентина уже начала зевать и канючить у отца, чтобы тот почитал ей сказку на ночь, я засобиралась к себе.

– Так мне подвезти вас завтра на виллу? Или хотите поехать туда одна? – спросил у меня Флориано, провожая к дверям.

– Пожалуй, с вами мне будет спокойнее, – честно призналась я. – Кожей чувствую, что мне понадобится ваша поддержка.

– Отлично! Тогда завтра в час дня я за вами заеду. – Флориано одарил меня на прощание дежурным поцелуем, расцеловав в обе щеки. – Доброй ночи, Майя.

Всю ночь я проспала безмятежным сном. Наконец-то мой организм полностью адаптировался к новой часовой зоне. Я проснулась в девять утра и тут же отправилась на пляж. Кажется, ежедневные омовения в океане уже вошли у меня в привычку. Затем я снова вернулась к себе в номер и уже в который раз заново перечитала письма, делая по ходу чтения пометки. Не забыть спросить Яру о том-то и том-то. Потом я поднялась в ресторан на террасе верхнего этажа, позавтракала и даже заказала себе бокал вина для храбрости, чтобы немного успокоить нервы. Я прекрасно понимала, что если Яра откажется сообщить мне какие-то подробности, касающиеся того, почему и как Па Солт решил удочерить меня, или, что еще хуже, если она и вовсе не в курсе всего случившегося, то идти мне больше некуда. Тайна так навсегда и останется тайной.

* * *

– Надеетесь? – спросил у меня Флориано, когда я села в его «Фиат».

– Да. Во всяком случае, стараюсь не терять надежды.

– Вот и молодец! Нужно верить до конца, что Яра вам поможет. Расстраиваться будем потом, если что-то не сложится.

– Беда в том, что я вдруг поняла, насколько это все важно для меня.

– Понимаю. Да и по вам это вижу.

Когда мы подъехали к вилле Каса дас Оркуидеас, то не без внутреннего облегчения обнаружили, что хотя ворота и закрыты, но замка больше нет.

– Уже неплохо, – обрадовался Флориано. – Я подожду вас в машине.

– Уверены? Я совсем не против, если мы пойдем туда вместе.

– Абсолютно уверен. Знаете, мне кажется, что такой чисто женский разговор будет гораздо продуктивнее. Удачи вам! – Он слегка

пожал мне руку перед тем, как я вышла из машины.

– Спасибо, – бросила я, сделав глубокий вдох, перешла дорогу и замерла перед воротами. Толкнула одну из створок, и она, издав жалобный звук, нехотя подалась назад, открывая мне проход. Уже за воротами я снова оглянулась. Флориано сидел в машине и внимательно наблюдал за мной. Я махнула ему рукой и побрела по дорожке к парадному крыльцу.

Дверь отворилась немедленно. Очевидно, Яра уже поджидала меня, притаившись за дверью. Она пропустила меня вперед, потом снова закрыла дверь и заперла ее на ключ.

– У меня совсем немного времени, – напряженно начала она, пока вела меня по темному коридору в ту самую комнату, в которой мы с Флориано беседовали с сеньорой Карвальо.

На сей раз все ставни в комнате были плотно закрыты. Горела лишь одна тусклая лампочка, отбрасывая причудливые тени на стены.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – пригласила меня Яра.

– Спасибо. – Я уселась на стул. Яра, заметно нервничая, пристроилась на другом стуле прямо напротив меня.

– Прошу простить, если мое неожиданное вторжение доставило вам и сеньоре Карвальо беспокойство, – начала я первой. – Но у меня сложилось впечатление, что вы имели какой-то свой умысел, отдавая мне эти письма. Наверняка вы понимали, что когда я их прочту, то захочу узнать больше.

– Да, да... – Яра сосредоточенно потерла свой лоб. – Сеньорита, вы, я надеюсь, понимаете, что ваша бабушка умирает. Сама не знаю, что со мной будет, когда она уйдет. Одному богу известно, оставила ли она мне хоть какие-то средства к существованию.

Наверное, Яра намекает, что готова поделиться информацией в обмен на деньги. Да, но насколько эта информация представляет интерес для меня? Видно, заметив выражение моего лица, старая служанка поспешила развеять мои подозрения.

– Не подумайте, я не прошу у вас денег. Просто говорю, что если хозяйка узнает о том, что я встречалась с вами, то немедленно лишит той пенсии, которую предполагала назначить мне после своей смерти.

– Но почему? – совершенно искренне удивилась я. – Что за страшную тайну она так тщательно скрывает от меня?

– Сеньорита Майя, речь идет о вашей матери Кристине. Она ушла из этого дома более тридцати четырех лет тому назад. Понимаете, я не хочу, чтобы в последние дни своей жизни сеньора Карвальо заново переживала все случившееся тогда.

– Я тоже этого не хочу, – поспешила я заверить старую служанку, чувствуя, как напряглась каждая клеточка моего тела при одном только упоминании о *моей матери*. – Но тогда почему вы отдали мне эти письма? Ведь они были написаны моей прабабушкой восемьдесят лет тому назад, задолго до того, как я появилась на свет.

– Потому что для того, чтобы понять, что случилось с вами, вы должны знать, что было до того. Конечно, я могу лишь повторить то, что рассказывала мне моя мать. Ведь я сама была грудным младенцем, когда сеньора Изабелла родила дочь, будущую сеньору Карвальо.

– Пожалуйста, Яра! Заклинаю вас. Расскажите мне все, что знаете. – Я понимала, драгоценна каждая секунда моего общения с нею. Ведь Яра может испугаться и передумать в любой момент. – Клянусь, сеньора Карвальо никогда не узнает о нашем с вами разговоре.

– Даже в том случае, если вы узнаете, что имеете все права унаследовать этот дом?

– Даже тогда. Меня удочерил очень богатый человек, и я не нуждаюсь в финансовой подпитке.

Какое-то время старуха смотрела на меня неподвижным взглядом, потом с тяжелым вздохом сдалась.

– Те письма, которые вы прочитали, были написаны сеньорой Изабеллой моей матери до ее возвращения из Парижа. Более поздних писем не было, верно?

– Да. Последнее письмо Изабелла отправила, когда их пароход сделал короткую остановку в Африке, – подтвердила я. – А потом она вернулась в Рио. Я видела их с Густаво свадебные фотографии. Они хранятся в архиве.

– Все так. А сейчас я перескажу вам со слов моей матери все то, что случилось с Изабеллой в течение последующих восемнадцати месяцев...

Изабелла

Рио-де-Жанейро
Октябрь 1928 года

– Изабелла! Моя ненаглядная доченька. Наконец-то ты снова с нами! Жива и здорова! – не переставал восклицать Антонио. Изабелла спустилась по сходням на берег, где тут же попала в крепкие отцовские объятия. Но вот он слегка ослабил хватку и отстранился от дочери, чтобы повнимательнее разглядеть ее. – Что такое? Худая, одни кости. Тебя что, не кормили там, в этой Европе? И такая бледненькая, моя принцесса. Наверное, тамошний климат не пошел тебе на пользу. Но ничего! Горячее бразильское солнце быстро вернет краски на твои щечки. Пошли же скорее. Наверняка твой багаж уже загрузили в нашу машину. Она тут припаркована в двух шагах на пристани.

– Как мама? – спросила у отца Изабелла, семеня рядом с ним. Серое неприветливое небо над головой, как это порой, хоть и редко, случается в октябре. А где же солнце? По крайней мере, хоть оно подняло бы немного настроение.

– Мама дома, отдыхает, – ответил отец. – Последнее время она что-то неважно себя чувствует.

– Ты ничего не писал мне об этом, – мгновенно встревожилась Изабелла, сосредоточенно нахмутив брови.

– Надеюсь, твое возвращение придаст ей силы, и дела у нас пойдут на поправку.

Антонио остановился возле серебристого лимузина внушительных размеров. Шофер услужливо распахнул перед Изабеллой заднюю дверцу, чтобы она вошла в салон.

– Ну, как тебе моя новая машинка? – поинтересовался Антонио у дочери, усаживаясь на мягкое сиденье, обтянутое светло-серой телячьей кожей. – Мне ее привезли из Америки. «Роллс-Ройс», модель «Фантом». Пожалуй, в Рио это первая машина такой марки. На ней я с гордостью повезу свою принцессу в кафедральный собор в день ее свадьбы.

– Красивая машина, – равнодушно ответила Изабелла. Все ее мысли были заняты матерью.

– Сейчас прокатимся вдоль побережья по нашим живописным местам. Хочу лишний раз напомнить своей принцессе все то, чего она

была лишена в Европе, – скомандовал Антонио своему водителю. – Нам столько всего нужно рассказать друг другу, доченька. Даже не знаю, с чего начать, – обратился он к Изабелле. – В том, что касается бизнеса, все распрекрасно. Цены на кофе растут день ото дня, главным образом потому что растет спрос на наш кофе в Америке. Я купил еще две новые фермы. Меня выдвинули в числе прочих возможных кандидатов на пост сенатора в Федеральном сенате, – добавил Антонио, не скрывая гордости. – Маурицио, отец Густаво, выдвинул именно мою кандидатуру. Недавно завершено строительство нового здания для сената на улице Монкорво Фильхо. Прекрасный получился дворец. Там даже паркетные полы и карнизы украшены кофейными зернами. И неудивительно! Вся мощь Бразилии сосредоточена в кофейном зерне.

– Я очень рада за тебя, папа, – рассеянно отвечала Изабелла, разглядывая в окно автомобиля знакомые улицы, по которым они ехали.

– Не сомневаюсь ни минуты, твоя свадьба станет самым грандиозным событием года. Таких свадебных торжеств Рио еще не видел. Я переговорил с Густаво и Маурицио касательно ремонта их фамильного особняка. Ведь именно там ты поселишься вместе с мужем после свадьбы. Конечно, это старинное здание очень красивое. Но такое ветхое, и снаружи, и внутри. Мы решили, что часть твоего приданого я вложу в реставрационные работы. И они, кстати, уже начались. Моя принцесса, когда все будет закончено и ты переедешь туда на правах хозяйки, это будет самый настоящий дворец!

– Спасибо, паи, – улыбнулась в ответ Изабелла, стараясь убедить его, а главным образом себя, что она действительно преисполнена благодарности за все его усилия и труды.

– Мы планируем свадьбу где-то после Нового года, до начала Карнавала. Три месяца на подготовку и на приведение в порядок твоего нового дома. Словом, у тебя, моя голубка, дел будет по горло.

Изабелла была почти уверена в том, что ее потащат под венец сразу же по возвращении в Рио. Ну, хоть что-то, подумала она, пока машина проезжала мимо «Дворца Копакабана». Океан волновался. Свинцовые волны с ревом накатывали на песок, обдавая его белой пеной. Небольшая, но все же отсрочка.

– Когда ты немножко отдохнешь с дороги, устроим для всех наших друзей парадный ужин, за которым ты поделишься с гостями своими впечатлениями от знакомства с культурными достопримечательностями Старого Света. Поразишь их, так сказать, своими познаниями.

– Я влюбилась в Париж, – призналась отцу Изабелла. – Такой красивый город. У профессора Ландовски, который делает макет статуи Христа для сеньора да Силва Коста, есть помощник. Он изваял мой скульптурный портрет.

– Что ж, если работа стоящая, мы с ним свяжемся. Я куплю эту скульптуру и перевезу ее в Бразилию.

– Сомневаюсь, что он делал ее для продажи, – задумчиво бросила Изабелла.

– Доченька моя, продается все. Вопрос лишь в цене, – уверенно заключил Антонио. – Ну, вот мы и приехали. Твоя мать наверняка поднялась с постели, чтобы поприветствовать тебя.

Если Антонио выразил озабоченность в самый первый момент встречи, увидев, как похудела и побледнела дочь после всех своих странствий по Европе, то потрясение самой Изабеллы при виде матери, вышедшей ей навстречу, не шло ни в какое сравнение с чувствами отца. Всегда цветущая, пышнотелая Карла за те восемь с половиной месяцев, что длилось путешествие Изабеллы, превратилась буквально в тень, потеряв половину своего веса.

– Мапочка! – воскликнула Изабелла, бросаясь ей на грудь и обнимая. – Что ты с собой сделала? Или ты села на какую-то особую диету?

Карла вымученно улыбнулась, а Изабелла заметила, какими огромными стали ее карие глаза на осунувшемся и исхудавшем лице.

– Вот шагаю в ногу с модой, хочу выглядеть достойно на свадьбе собственной дочери. – Карла попыталась превратить разговор в шутку. – Как думаешь, худоба мне идет?

Изабелла, привыкшая с раннего детства убаюкиваться на пышной маминой груди, окинула взглядом Карлу и с горечью подумала, что худоба сразу же состарила маму на много-много лет.

– Да, мамочка. Она тебе идет. Ты смотришься очень стильно.

– Вот и славно! – ответила Карла, беря дочь под руку, они вместе вошли в дом. – Мне так много нужно тебе сказать. Но вначале

передохни немного с дороги.

Никакой усталости Изабелла не испытывала. Напротив! Все те долгие дни, что длился ее вояж в Бразилию, она только и делала, что отдыхала, и сейчас ей не терпелось поговорить с мамой по душам. Но Карла бросила на нее выразительный взгляд, и Изабелла тотчас же поняла, что это не ей, а матери нужна небольшая передышка, чтобы собраться с силами.

– Конечно, мама, – тут же согласилась она. – Мы с тобой сейчас обе немного вздремнем, а потом уже будем разговоры разговаривать. – Изабелла увидела, как просветлело после ее слов лицо Карлы. Остановившись у дверей родительской спальни, она добавила: – У тебя, мамочка, очень усталый вид. Можно я помогу тебе снова лечь в кровать?

– Нет, – достаточно твердым голосом отказалась от услуг дочери Карла. – В спальне меня уже поджидает Габриела. Она поможет мне раздеться и лечь. А с тобой мы увидимся попозже.

Карла кивком головы попрощалась с дочерью, взялась за ручку двери и тут же исчезла в спальне, плотно притворив за собой дверь.

Изабелла бросилась на поиски отца и застала его в рабочем кабинете.

– Паи, скажи мне, пожалуйста, что с мамой? Какая у нее болезнь?

Антонио в очках, которых он до ее отъезда не носил, сидел, погруженный в свои бумаги. Но вот он отложил бумаги в сторону и взглянул на дочь.

– Девочка моя, твоя мать не хотела лишний раз расстраивать тебя, пока ты была далеко от нас. Вот мы тебе ничего и не писали. Месяц тому назад ей сделали операцию, удалили опухоль в груди. Операция прошла успешно, врачи настроены оптимистично и надеются на полное выздоровление. Все случившееся не прошло для Карлы бесследно. Она еще слишком слаба. Но как только у нее восстановятся силы, дело тут же пойдет на поправку.

– Паи, но выглядит она просто ужасно! Пожалуйста, скажи мне правду. Насколько серьезна ее болезнь? Не скрывай от меня ничего.

– Клянусь тебе, Изабелла, я ничего не скрываю. Все, что ей сейчас нужно, это покой и хорошая пища. Но, к сожалению, после операции аппетит у нее стал хуже некуда.

– Ты уверен, что мама поправится?

- Абсолютно уверен.
- Хорошо, что я вернулась домой, сразу же займусь ее выхаживанием.

* * *

Как ни странно, но именно то обстоятельство, что мама так серьезно больна и за ней требуется особый уход, сильно помогло Изабелле. Хлопоты вокруг матери отвлекали ее от печальных мыслей о собственных невзгодах. Все последующие дни она целиком и полностью сосредоточилась на матери и всем том, что связано с уходом за ней. Она лично контролировала на кухне, как готовится еда для Карлы. Все блюда должны быть питательными, но легко усвояемыми, чтобы Карла могла не только проглотить пищу, но и переварить ее. По утрам Изабелла часами просиживала у постели матери, стараясь с самым беззаботным видом щебетать о том, что она видела в Европе. Рассказывала Карле о профессоре Ландовски, о своих посещениях лекций в Высшей школе изящных искусств, о замечательном проекте по воздвижению статуи Христа, которым руководит сеньор да Силва Коста.

– Говорят, уже приступили к закладке фундамента на вершине горы Корковадо, – как-то в один из дней заметила Карла. – Хотела бы я подняться туда когда-нибудь и увидеть все своими глазами.

– Обязательно поднимемся! Вместе, – с энтузиазмом подхватила Изабелла, а в глубине души взмолилась, чтобы такая экскурсия стала возможной и чтобы мама окончательно поправилась.

– И пора нам уже начинать думать о твоей свадьбе, – заявила Карла, сказав, что сегодня она чувствует себя гораздо лучше и может даже немного посидеть в кресле на террасе, на которую есть выход прямо из спальни. – Надо многое обсудить.

– Всему, мамочка, свое время. Вот окрепнешь немного, тогда и начнем обсуждать, – непреклонно возразила Изабелла.

Спустя три дня после возвращения Изабеллы домой, когда они все трое ужинали вместе, Антонио, обращаясь к дочери, сказал, что ему только что звонил Густаво.

– Спрашивал, может ли он навестить нас, чтобы встретиться с тобой.

– Пусть мама немножко окрепнет, а уже потом... – робко предложила Изабелла.

– Изабелла, он не видел тебя целых девять месяцев. А потому я пригласил его к себе завтра, после обеда. Габриела посидит с мамой, пока ты будешь беседовать с Густаво. Иначе он может подумать, что ты вообще не желаешь его видеть.

– Хорошо, паи, – послушно согласилась Изабелла.

– Уверен, ты и сама с нетерпением ждешь этой встречи, правда?

– Конечно, паи.

* * *

Густаво появился в строго назначенное время. Карла настояла на том, чтобы для встречи с женихом Изабелла нарядилась в одну из своих обновок, привезенных из Парижа.

– Ты должна предстать перед ним еще более красивой, чем раньше, – особо подчеркнула Карла. – Разлука была долгой, а потому мы должны быть уверены в том, что ничего в его чувствах к тебе не поменялось. Особенно если учесть, что ты стала такой же тощей, как и я, – невесело пошутила она в заключение.

Лоен помогла Изабелле переодеться в новое платье и уложила волосы на голове в красивую прическу с шиньоном.

– Что вы чувствуете при мысли о предстоящей встрече с Густаво? – несколько напряженно поинтересовалась она у своей госпожи.

– Сама не знаю... Нервничаю немного, – честно призналась Изабелла.

– А тот... другой мужчина, о котором вы писали мне из Парижа? Сможете его забыть?

Изабелла глянула на свое отражение в зеркале.

– Никогда!

Она спустилась вниз и стала ждать Густаво в гостиной. Все внутри у нее обмерло, когда она услышала звонок в дверь и шаги Габриелы, торопившейся поскорее впустить гостя в дом. Но вот

послышался голос Густаво. Еще каких-то несколько секунд смятения, прежде чем Густаво появится на пороге гостиной, и она увидит его. «Боже, – мысленно взмолилась Изабелла, – помоги мне, сделай так, чтобы Густаво не заметил всего того, что творится сейчас у меня на душе».

– Изабелла! – воскликнул он, входя в комнату и протягивая к ней руки.

– Густаво. – Изабелла тоже подняла руки навстречу, и он крепко сжал их. После чего, как всегда, обвел ее восхищенным взглядом.

– Моя богиня! Полагаю, Европа пошла вам на пользу. Вы еще прекраснее, чем прежде. За минувшие месяцы вы повзрослели и превратились в прекрасную молодую женщину, – промолвил он, буквально пожирая глазами каждый сантиметр ее тела. – Как поездка? Какие впечатления? Понравилось?

– О да. Очень. – Изабелла сделала знак служанке, чтобы та подала кувшин свежего сока манго, и глазами указала Густаво на стул, приглашая сесть. – Особенно Париж.

– Да, Париж... город любви, – задумчиво бросил Густаво. – Как жаль, что меня не было рядом, чтобы разделить с вами все восторги и восхищение этим городом. Быть может, когда-нибудь, если Господь будет милостив к нам, мы сможем отправиться туда вместе. Так расскажите же мне, что вы успели посмотреть за время вашего путешествия.

Изабелла начала делиться своими впечатлениями, рассказывать Густаво, что ей удалось увидеть за те несколько месяцев, что ее не было дома. Она говорила, исподтишка разглядывая жениха, а про себя думала, что сегодня он показался ей еще непригляднее и невзрачнее, чем раньше. Чтобы ничем не выдать своего разочарования, она постаралась всецело сосредоточиться на его карих глазах. Они светились добротой и буквально излучали тепло.

– Да, судя по вашему рассказу, – заключил Густаво, отхлебнув немного сока, – вы действительно прекрасно провели время. А вот в письмах вы сообщали совсем немного подробностей. Я даже не был вполне уверен, что вам там нравится. Например, ни словом не обмолвились о том, что, когда вы были в Париже, один скульптор попросил вас позировать для него.

– А кто вам сказал? – спросила у него Изабелла, потрясенная тем, что Густаво в курсе.

– Ваш отец, конечно. Вчера во время телефонного разговора. Наверное, было интересно, да?

– Да, – едва слышно промямлила Изабелла.

– А знаете, недель шесть тому назад или чуть больше, непосредственно накануне вашего отъезда из Парижа, – Густаво с улыбкой глянул на свою невесту, – у меня вдруг возникло странное чувство, что вы не собираетесь возвращаться ко мне. Я даже созванивался с вашим отцом, чтобы удостовериться, что вы, как и планировалось, сели на пароход и отплыли в Бразилию. Разумеется, это были всего лишь мои необоснованные страхи. Потому что вы здесь, Изабелла, рядом со мной. Но эти страхи, надо сказать, меня сильно извели. – Густаво взял невесту за руку. – Скучали ли вы обо мне, Изабелла? Так же сильно, как скучал я?

– Да, очень скучала.

– Жаль, что мы не можем пожениться уже в ближайшее время. Но, само собой, надо дать вашей матери оправиться после болезни. Как она сейчас?

– Еще слаба, но состояние ее хоть и медленно, но улучшается, – ответила Изабелла. – Я до сих пор зла и на нее, и на отца, что никто из них ни словом не обмолвились мне в письмах о маминой болезни. Я бы вернулась гораздо раньше, если бы знала об этом.

– Знаете, Изабелла, существуют такие вещи, которыми лучше не делиться в письмах. Вам так не кажется?

Изабелла почувствовала, что краснеет под пристальным взглядом Густаво. Его пронизательное замечание словно говорило ей, что он знает, какую тайну она скрывает от него.

– Я понимаю, они хотели защитить меня, сделать как лучше, но все равно это неправильно. Они должны были сказать мне правду, – поспешила она отреагировать на последние слова Густаво.

– Но, слава богу, – Густаво опустил руку Изабеллы, – сейчас вы уже дома, в своей семье, рядом я, а ваша матушка идет на поправку. И это самое главное, верно? Кстати, моя мать тоже желает встретиться с вами, и как можно скорее. Ей нужно обсудить с вами некоторые моменты, касающиеся свадебных торжеств. Лишний раз беспокоить сеньору Карлу ей не хочется, а между тем есть ряд вопросов, которые

следует уточнить, не откладывая на потом. Скажем, есть ли у вас какие-то конкретные предложения по дате?

– Я бы предпочла, чтобы свадьба состоялась в конце января. Чтобы дать маме как можно больше времени на поправку.

– Хорошо. Надеюсь, в ближайшие несколько дней вы посетите мою мать у нас дома и обсудите вместе с ней все планы, касающиеся свадьбы. А заодно своими глазами увидите все то, что мы с вашим отцом успели, затеяв обновление дома. Строительные работы идут полным ходом. Вашему отцу удалось найти архитектора с очень современными взглядами на реставрацию нашего дома. Так, в частности, он предложил провести полную перепланировку верхних этажей, чтобы там можно было оборудовать отдельные ваннны комнаты, примыкающие к каждой спальне. Я надеюсь, вы сами займетесь оформлением интерьеров наших личных покоев. Ведь дамы всегда гораздо лучше мужчин разбираются во всех этих тонкостях внутреннего убранства помещений.

Сама мысль о декоре их будущей спальни, да еще и о *кровати* в ней, заставили Изабеллу мысленно содрогнуться. По спине пробежал холодок.

– Буду рада навестить вашу матушку в любое удобное для нее время, – вежливо ответила она.

– Тогда я предлагаю в следующую среду.

– Отлично.

– Вот и договорились. Надеюсь, вы позволите мне навещать вас? Скажем, завтра днем? – спросил Густаво, поднимаясь с места.

– Пожалуйста, я буду дома, – ответила Изабелла, тоже вставая.

– Тогда до завтра, Изабелла, – негромко пробормотал он, целуя ей руку. – С нетерпением жду того дня, когда больше не надо будет заранее договариваться о каждой новой встрече с вами.

После ухода Густаво Изабелла поднялась к себе. Нужно было привести в порядок свои растрепанные чувства, прежде чем идти к маме. Стоя возле окна, она еще раз тщательно прокрутила в голове весь свой разговор с Густаво. Он был очень мил, как всегда, предусмотрителен и любезен. Не его вина в том, что она никогда не полюбит его так, как он любит ее. И не его вина, что она уже полюбила совсем другого человека...

И тут же не без внутреннего содрогания Изабелла вдруг вспомнила все то, о чем предупреждал ее Лорен. Рано или поздно ее истинные чувства выдадут себя. Она ополоснула лицо холодной водой и поспешила в комнату матери.

* * *

Прошла неделя, и Изабелла с радостью отметила про себя, что, несмотря на то что Карла все еще очень слаба и по-прежнему страшно худа, в ее состоянии наметился явный прогресс.

Как-то в один из дней, слушая Изабеллу, которая читала ей вслух роман Гюстава Флобера «Мадам Бовари», прямо с листа переводя французский текст на португальский для того, чтобы мама смогла понять каждое слово, Карла вдруг неожиданно вздохнула и сказала:

– Ах, какая же у меня умная дочь! Кто бы мог подумать! – Она бросила на Изабеллу восхищенный взгляд и ласково погладила по щеке. – Я тобой горжусь, доченька.

– А я буду гордиться тобой еще больше, если сегодня ты съешь свой ужин до последней крошки, – ответила Изабелла.

Карла глянула в окно. Ярко светило солнце. Солнечные блики скользили по густой растительности и по тем представителям фауны, которые заселили их сад.

– Этот яркий солнечный день заставляет меня лишней раз взгрустнуть о моей любимой фазенде, – тихо промолвила она. – Чистый горный воздух всегда всем на пользу, да и атмосфера там совсем другая – тишина и покой.

– Ты хотела бы, мамочка, поехать на фазенду?

– О, я была бы счастлива, Изабелла. Но ты же знаешь, отец очень занят на работе. Вряд ли он согласится уехать из Рио.

– Главное, мамочка, это твое здоровье. Предоставь все мне, – решительно ответила Изабелла.

Вечером того же дня, за ужином с Антонио, Изабелла поделилась своими намерениями и вызвалась сопровождать мать на фазенду.

– Думаю, такая поездка поднимет ей настроение и хорошо скажется на ее самочувствии. Паи, отпусти нас с мамой на фазенду на

каких-то пару недель, пожалуйста. Здесь, в Рио, сейчас стоит такая жара.

– Изабелла! – недовольно нахмурился отец. – Не прошло и двух недель с того момента, как ты вернулась домой после долгого отсутствия, и вот ты снова торопишься уехать. Люди могут подумать, что тебе не нравится дома.

– Но это же совсем не так, паи! – горячо возразила Изабелла. – Как только мы с тобой почувствуем, что дела у мамы окончательно пошли на поправку, мы тут же назначим дату нашего с Густаво бракосочетания. Ты же знаешь, я не меньше твоего хочу, чтобы свадьба состоялась как можно скорее. А если время, проведенное на фазенде, поможет маме в ее выздоровлении, я буду только счастлива находиться рядом с ней.

– А меня здесь бросите одного, да? Ни жены, ни дочери, – пожаловался на свою судьбу Антонио.

– Но в выходные ты же сможешь навещать нас на фазенде. Правда ведь?

– Возможно. Только не меня тебе надо убеждать. Интересно, как отреагирует твой жених, если узнает, что ты снова хочешь исчезнуть из поля его зрения?

– Я переговорю с Густаво. Обязательно, – пообещала Изабелла отцу.

* * *

– Конечно, – согласно кивнул головой Густаво, когда Изабелла на следующий день посвятила его в свой план. – Я обеими руками голосую за все, что может приблизить день, когда мы с вами прошествуем к алтарю. Кстати, – поспешно добавил он, – думаю, это самым благотворным образом скажется и на здоровье вашей матушки. Однако до вашего отъезда нам предстоит кое-что решить.

Изабелла сообщила обрадованной Карле, что на следующей неделе они отправятся на фазенду. Кажется, ее мать была не единственным человеком в доме Бонифацио, кто возликовал при этой новости. Лицо Лоен тоже вспыхнуло от радости, когда Изабелла попросила ее сопровождать их в горы. И хотя с практической точки

зрения в услугах Лоен не было никакой необходимости, ибо Фабиана и Сандро отлично справлялись со своими обязанностями, вели все хозяйство на фазенде, а в случае чего, могли и прислужить, Изабелла отлично понимала: поездка на фазенду даст Лоен шанс снова повидаться со своим возлюбленным.

– Ах, сеньорита Изабелла! Как же я вам благодарна! – воскликнула Лоен, а глаза ее в это мгновение светились от счастья. – Не могу поверить, что снова увижу его! Он ведь у меня не умеет ни читать, ни писать. С нашей последней встречи от него ни единой весточки не было. Спасибо вам! Большое спасибо!

В порыве чувств Лоен заключила хозяйку в объятия и тут же вихрем выскочила из комнаты. А Изабелла подумала, коль скоро ей не суждено самой пережить воссоединение с любимым, пусть эту радость испытает хотя бы ее верная Лоен, пусть будет счастлива вместо нее.

На следующий день Изабелла отправилась с визитом в дом Айрис Кабралов повидаться с Густаво и его матерью для того, чтобы обсудить вместе с ними планы на предстоящую свадьбу.

– Остается лишь сожалеть, что болезнь вашей матери не позволяет ей лично участвовать в решении многих организационных вопросов в самые последние дни перед свадебными торжествами, – сухо обронила сеньора Луиза. – Придется управляться собственными силами, чтобы уложиться в намеченные сроки.

В эту минуту Изабелле страшно хотелось подойти к сеньоре Луизе и со всего размаха влечь ей пощечину, сбить спесь с этого надменного лица, но она уже хорошо научилась контролировать себя.

– Думаю, в ближайшие недели маме станет намного лучше, особенно после того, как она какое-то время проведет в горах и подышит тамошним свежим воздухом, – сдержанно ответила Изабелла.

– Что ж, когда мы назначим точную дату вашего бракосочетания, в Рио хоть перестанут думать, что мы ищем всяческие предлоги для того, чтобы бесконечно откладывать вашу свадьбу. Особенно если вспомнить, что вы и так почти год пробыли за границей. Итак, – сеньора Луиза нацепила на нос очки и внимательно изучила свой ежедневник. – Архиепископ любезно сообщил мне, какие дни января у него вакантны. Как вы понимаете, такие мероприятия планируются за месяцы вперед, с учетом огромной занятости его преосвященства.

Густаво сказал, что вы планируете свадьбу на конец января. Конечно, в пятницу, и только в пятницу. Свадьбы по выходным – это так вульгарно.

– Как скажете, – послушно согласилась с ней Изабелла.

– Да, о приеме после венчания. Ваш отец высказал пожелание устроить торжественный обед во «Дворце Копакабана». Лично я против того, чтобы собирать толпы народа. Явится всякий сброд, только и всего. Я бы с удовольствием собрала небольшой круг избранных гостей здесь, у себя дома, в полном соответствии с нашими семейными традициями. Но, поскольку ваш отец затеял грандиозную перестройку дома и уже вложил в ремонтные работы немало денег, пока нет никакой физической возможности устраивать что-то прямо здесь. Дом кишит строителями. А вдруг они не управятся со всеми работами до конца января? Нет, я не могу так рисковать. Следовательно, придется выбрать другой вариант.

– Заранее согласна с любым вашим решением, – снова повторила Изабелла, демонстрируя сговорчивость во всем.

– Что касается подружек невесты и маленьких пажей... Ваша мать уже предложила несколько имен ваших кузин и кузенов из Сан-Паулу. Всего восемь, – уточнила цифру сеньора Луиза. – С нашей стороны тоже достаточно кандидатов, не менее двенадцати. Все это наши крестники и крестницы. Детям отводится очень важная роль в предстоящей церемонии. Но максимальное число подружек и пажей не должно превышать восемь, иначе все тоже будет смотреться крайне безвкусно и аляповато. На ком из кандидатов с вашей стороны вы настаиваете конкретно? Чтобы мы сразу же включили их в наш короткий список.

Изабелла назвала имена двух девочек, дочерей маминой двоюродной сестры, и одного мальчика, уже со стороны отца.

– Вот, пожалуй, и все. Я совсем не против, если все остальные пажи и подружки будут со стороны ваших родственников.

Изабелла глянула на жениха, но тот лишь сочувственно улыбнулся ей.

В последующие два часа сеньора Луиза устроила Изабелле самый настоящий допрос, выясняя ее мнение обо всем, что связано с церемонией бракосочетания, вплоть до мельчайших подробностей. Впрочем, стоило невесте лишь робко предложить что-то свое, как это

«что-то» тут же отметалось в сторону. Будущая свекровь была преисполнена решимости все сделать по-своему.

Лишь по одному пункту переговорного процесса Изабелла вознамерилась стоять на своем до конца. После свадьбы Лоем переедет вместе с ней в новый дом на правах ее личной служанки.

Но не успела Изабелла озвучить это свое намерение, как сеньора Луиза слегка прищурилась и обдала ее ледяным взглядом, после чего сделала отрицательный жест рукой.

– Что за глупости! – изрекла она непререкаемым тоном. – В доме полно слуг, которые вполне могут позаботиться и о ваших нуждах.

– Но... – начала Изабелла, однако Густаво не дал ей закончить.

– Послушай, мама, – обратился он к матери, поспешив на помощь своей будущей жене. – Не вижу никакой проблемы в том, что Изабелла хочет привести с собой служанку, которую знает с детства. Раз ей так хочется, пусть приводит.

Сеньора Айрис Кабрал лишь недовольно вскинула брови, глянув на сына с нескрываемым раздражением.

– Хорошо, будь по-твоему, – отрывисто бросила она сыну, кивком головы подтвердив свое согласие, и тут же снова повернулась к Изабелле: – Что ж, сейчас, после нашего сегодняшнего разговора, у меня, по крайней мере, есть над чем поработать в ближайшие пару недель, пока вы будете прохлаждаться там у себя в горах. Должна заметить, вы так долго отсутствовали в Рио и снова куда-то уезжаете, что люди могут подумать, будто вы намеренно избегаете общества своего будущего мужа.

И снова выручил Густаво.

– Прошу тебя, мама. Не надо так. Ты несправедлива к Изабелле. Она просто пытается ускорить процесс выздоровления своей матери.

– Понятное дело! Я, кстати, собираюсь упомянуть сеньору Бонифацио в своих молитвах на завтрашней мессе. А покамест весь тяжкий груз подготовки к вашей свадьбе придется взвалить на свои плечи мне. Постараюсь держать все под контролем, хотя бы до тех пор, пока вы с матерью не вернетесь в Рио и не подставите мне свое плечо. – Сеньора Луиза бросила взгляд на часы, стоявшие на каминной полке. – Прошу простить. Но у меня в ближайшие полчаса заседание попечительского совета в сиротском приюте Сестер Милосердия. Надеюсь, Густаво, ты справишься со всем остальным сам.

Прогуляйтесь с Изабеллой по саду, а потом познакомьте ее с тем, как продвигаются реставрационные работы в доме. Всего вам доброго.

Изабелла молча проследила за тем, как будущая свекровь величаво выплыла из комнаты. Себе она в этот момент казалась похожей на чайник, который слишком долго держали на огне. Еще немного, и она взорвется и обдаст всех кипятком.

– Не обращайтесь на нее внимания, Изабелла. – Густаво подошел к невесте и слегка погладил ее по плечу, пытаясь успокоить. Он видел, что невеста уже на взводе. – Мама любит пожаловаться на то, как ей сейчас трудно, но на самом деле она просто купается в счастье, занимаясь предсвадебными хлопотами. За последние девять месяцев она только о свадьбе и говорит. А сейчас, позвольте, я покажу вам наш сад.

– Густаво, – вдруг спросила Изабелла у жениха, когда они вышли на улицу, – а ваши родители и после свадьбы продолжат жить вместе с нами в этом доме?

Вопрос застал Густаво врасплох, и он лишь удивленно вскинул брови.

– Конечно, они останутся жить здесь. А где же еще им жить?

* * *

На следующее утро Изабелла заботливо усадила мать на заднее сиденье «Роллс-Ройса» и сама устроилась рядом. Лоен заняла пассажирское место рядом с водителем. Впереди им предстояла пятичасовая дорога до маленького городка Пати-до-Альфферес, затерянного высоко в горах неподалеку от их фазенды. В течение более чем двух веков имение принадлежало семейству барона Пати до Альферес, португальскому дворянину, который, как сообщил Антонио, провожая жену и дочь в путь, приходится каким-то дальним родственником семейству Айрис Кабрал.

Дороги в этом горном регионе были просто отменными. Что и понятно. Богатым плантаторам нужны были хорошие дороги, по которым они не только могли бы мотаться в Рио и обратно, но и вывозить свои богатые урожаи кофе. Вот они и не жалели денег на

строительство дорог. Карла преспокойно проспала большую часть пути, и ничто ее не потревожило.

Изабелла неотрывно смотрела в окно автомобиля. Дорога подымалась все выше и выше в горы, пологие склоны которых терялись в долинах, раскинувшихся внизу. То тут, то там с узких расселин устремлялись вниз потоки чистой, прозрачной воды из ключей, бьющих где-то наверху, высоко в горах.

– Мама, вот мы и приехали, – сказала Изабелла, когда машину немного затрясло по ухабам проселочной дороги, ведущей к фазенде.

Машина остановилась, Карла немедленно пробудилась ото сна, а Изабелла выскочила из машины, с наслаждением вдыхая в себя свежайший горный воздух, которым всегда славился этот регион. Вечерело. В траве уже всюду звенели цикады. Ванила и Донна, две собаки, которых Изабелла подобрала когда-то бездомными голодными щенками, с радостным визгом носились вокруг ее ног.

– Наконец-то дома! – счастливо выдохнула Изабелла, увидев спешащих к ним навстречу Фабиану и Сандро. Эта семейная пара присматривала за домом в отсутствие хозяев.

– Сеньорита Изабелла! – Фабиана с радостью заключила Изабеллу в свои объятия. – А вы стали еще красивее с тех пор, как я видела вас в последний раз. Как самочувствие? Все в порядке?

– Да, спасибо. Со мной все хорошо, – ответила Изабелла и добавила, слегка понизив голос: – Думаю, вы будете потрясены, когда увидите маму. Постарайтесь сделать вид, что ничего не заметили, – предупредила она служанку.

Фабиана кивнула в ответ, наблюдая за тем, как шофер помогает Карле выйти из машины. Служанка ласково погладила Изабеллу по руке и пошла поздороваться с хозяйкой. Если кто и может помочь матери поправиться, подумала про себя Изабелла, так это только Фабиана. Уж она станет неистово молиться за нее в крохотной домовской церкви, оборудованной в алькове рядом с гостиной. Но не только! Она примется лечить Карлу всеми народными методами: в дело пойдут самые разнообразные сборы лечебных трав и цветов, которые в изобилии произрастают в здешних местах и уже давно снискали славу за свои целебные свойства.

Краем глаза Изабелла успела заметить Бруно, темноглазого сына Сандро и Фабианы. Он нерешительно топтался позади родителей.

Когда они все вместе направились к дому, Изабелла увидела, как Лоен застенчиво улыбнулась парню, а тот улыбнулся ей в ответ.

Изабелла вошла в дом вслед за Фабианой и Карлой. Экономка по-матерински обняла Карлу за плечи. Слава богу, с облегчением вздохнула Изабелла. В этом доме есть человек, который сможет позаботиться о ее матери как должно и со всей ответственностью. Вот и сейчас Фабиана направилась вместе с Карлой в спальню хозяйки, помочь распаковать вещи, уложить больную в кровать. Изабелла медленно прошла по широким половицам пола в гостиной, обставленной мебелью из красного и розового дерева. Потом открыла дверь в свою детскую.

Окна в деревянных переплетах были подняты вверх, наружные ставни распахнуты. Она оперлась локтями о подоконник, подставляя лицо прохладному ветерку, обдувающему ее со всех сторон, и невольно залюбовалась открывшимся взору знакомым пейзажем, который она обожала с самого раннего детства. На пастбище внизу паслись ее пони Лоти и жеребец отца по кличке Луппа, неспешно пощипывая траву под ногами. Чуть выше виднелся пологий склон горы, на котором кое-где еще торчали старые кофейные деревья, сумевшие чудом выжить и сохраниться, несмотря на то, что долгие годы они оставались без ухода. По склону горы рассыпалось стадо коров, левее – заброшенный пустырь, густо заросший травой, из-под которой местами проступает жирная красно-бурая земля.

Изабелла вернулась в гостиную, а потом направилась к парадной двери. По обе стороны крыльца возвышались две могучие старые пальмы. От них, кстати, и пошло название фазенды. Присев на каменную скамью на террасе, Изабелла с наслаждением втянула в себя сладковатый аромат цветущего гибискуса, которым зарос весь сад. Прямо за садом расположилось небольшое озерцо с пресной водой. В детстве Изабелла купалась там каждый день. Она прислушалась к ровному гулу кузнечиков, порхающих над цветочными клумбами. Две желтые бабочки стали медленно кружить в танце прямо у нее перед глазами. И Изабелла вдруг почувствовала, как спадает напряжение, в котором она пребывала все последние дни.

Лорену здесь наверняка понравилось бы, подумала она, несмотря на то, что уже дала себе слово больше не думать о нем, и в ту же минуту глаза ее наполнились слезами. Умом она понимала, что отказ

остаться с любимым в Париже означал конец их отношений, но девичьи фантазии уносили ее в этот благословенный город снова и снова. Интересно, размышляла она порой, предпримет ли Лорен попытку как-то связаться с нею. Каждое утро за завтраком, когда она разглядывала свежую почту, лежавшую на серебряном подносе рядом с местом отца, она вдруг начинала воображать, что среди вороха писем обязательно есть письмо и от Лорена, в котором он умоляет ее вернуться к нему, потому что он не может без нее жить.

Конечно, никаких писем от него не было. Шли недели, и Изабелла даже начала подумывать о том, что все его страстные признания в любви – не больше, чем пустые разглагольствования. Маргарита права. Все это лишь часть хитроумного плана, ставившего своей целью соблазнить ее. Да и вообще, помнит ли Лорен еще свою возлюбленную? Или тот короткий промежуток времени, что они провели вместе, уже давно превратился для него в прошлое? А воспоминания об их встречах выброшены из его памяти и сейчас носятся невзвесть где, подобно обломкам разбившегося корабля.

Но какая разница, что там на самом деле? В конце концов, она сама подвела жирную черту под их отношениями, когда решила вернуться в Бразилию и выйти замуж за Густаво. Артистическая атмосфера, царившая в кафе «Клозери де Лиля», вкус губ Лорена – сегодня это всего лишь приятные воспоминания о былом. Такой счастливый короткий миг соприкосновения совсем с другим миром, в котором она не захотела остаться. А сейчас судьба ее предрешена. Она сама выбрала себе такой путь. И никакие надежды, никакие желания тут ничего не изменят.

Париж, ноябрь 1928 года

– Итак, статуя готова! – Профессор Ландовски с чувством стукнул кулаком по рабочему столу. – А сейчас этот сумасшедший бразилец заставляет меня сделать полномасштабный слепок головы Христа и слепки его рук. Высота головы – четыре метра. Она едва-едва влезет в эту студию. Пальцы рук тоже достанут почти до самых стропил. Между прочим, все мы, кто будет трудиться в мастерской, очень скоро, в прямом смысле этого слова, ощутим на себе Божью длань, – пошутил Ландовски. – А еще месье да Силва Коста сказал мне, что как только я закончу с этой работой, он немедленно переправит готовые фрагменты статуи в Рио-де-Жанейро. Будет доставлять ее к себе на родину частями, словно говяжьей туши. Еще никогда мне не приходилось работать в таком авральном режиме, с такими экстремальными сроками, не говоря уже о таком неожиданном способе транспортировки. Но! – Скульптор тяжело вздохнул. – Приходится безоглядно верить себя этому безумцу.

– Да у вас и выбора иного нет, – сказал Лорен.

– Пожалуй. Но работа хорошо оплачивается, Бройли. Грех жаловаться. К тому же я не могу принимать никакие другие заказы до тех пор, пока голова и руки нашего Спасителя не покинут стены моей мастерской. Для других работ здесь просто не найдется свободного места. Итак, приступаем. Принеси-ка мне слепки с тех женских рук, которые ты сделал несколько недель тому назад. Надо же мне с чего-то начинать.

Лорен отправился в кладовку, снял с полки слепки рук, вернулся вместе с ними в мастерскую и положил их перед профессором. Скульпторы принялись вдвоем внимательно разглядывать их.

– У них у обеих красивые, чувственные пальцы, но нужно еще прикинуть, как эти пальцы будут смотреться уже в окончательном виде, когда каждая рука достигнет размера более трех метров, – задумчиво бросил Ландовски. – Бройли, у вас что, нет дома, куда можно удалиться после работы?

Лорен понял учителя с полуслова. Тот хочет побыть в одиночестве.

– Ухожу, профессор. Всего доброго и до завтра.

Выйдя из мастерской, он увидел маленького найденыша. Мальчуган сидел на террасе, устроившись на каменной скамье. Вечер был прохладным, но небо чистое. Высокий звездный шатер раскинулся у них над головами. Лорен сел рядом с мальчиком, который устремил свой пристальный взгляд куда-то в небеса.

– Нравится смотреть на звезды? – спросил он мальчика, не ожидая получить ответ.

Мальчик слегка улыбнулся и молча кивнул головой.

– Вон видишь? Это Пояс Ориона. – Лорен указал на созвездие. – А рядом – Плеяды, или Семь Сестер. Неподалеку их родители – Атлас и Плейона, которые сверху присматривают за своими дочерьми.

Лорен увидел, что мальчонка внимательно слушает, следя за движением его пальца.

– Мой отец увлекался астрономией. У него даже телескоп был. Его установили под самой крышей нашего замка. Специально оборудовали помещение в мансарде. Иногда в ясные звездные ночи отец брал меня с собой на крышу в обсерваторию и рассказывал о звездах. А однажды я увидел падающую звезду и подумал тогда, что ничего более волшебного и прекрасного я в своей жизни не видел. – Лорен взглянул на мальчика. – А у тебя есть родители?

Мальчишка сделал вид, что не слышит, и продолжил пялиться на звезды.

– Ну, мне пора. – Лорен ласково погладил мальчика по голове. – Доброй ночи.

Лорену повезло. Какую-то часть пути до Монпарнаса он преодолел, сидя за спиной у мотоциклиста, согласившегося подбросить его до города. Когда Лорен наконец переступил порог своей мансарды, то увидел какое-то скрюченное тело на своей постели. Еще одно бесформенное тело валялось на матрасе, брошенном прямо на пол. Что ж, вполне типичная картина, особенно сейчас, когда все знают, что он днюет и ночует в мастерской профессора Ландовски.

Обычно Лорен не будил своих непрошенных постояльцев сразу, давал им возможность поспать еще пару часиков, а сам отправлялся в

какой-нибудь близлежащий бар, где за стойкой толпилась куча его приятелей. Потом возвращался домой, спихивал с кровати бесчувственное тело и укладывался сам. Но сегодня Лорен чувствовал безмерную усталость, настроения толкаться среди людей не было никакого.

Да и вообще, с момента отплытия Изабеллы Бонифацио к себе на родину, в Бразилию, от его прежней жизнерадостности и веселости не осталось и следа.

Даже Ландовски заметил перемену, произошедшую в нем. Лорен постоянно пребывал погруженным в свои невеселые думы.

– Уж не заболели ли вы, Бройли? – как-то раз поинтересовался у него учитель. – Или просто чахнете от тоски? – Профессор глянул на своего ученика понимающим взглядом.

– Ничего я не чахну. И абсолютно здоров, – немедленно возмутился в ответ Лорен.

– Ну, какова бы ни была причина вашего недомогания, помните: и это пройдет.

Проницательность профессора и его мудрые слова немного утешили Лорена. Ему даже полегчало. А ведь он был уверен в том, что его наставник живет в своем мире и настолько поглощен собственным творчеством, что не замечает никого вокруг. В том числе и его, Лорена. Не говоря уже о состоянии его души. Все последнее время Лорен действительно чувствовал себя отвратительно. Будто кто-то взял и вырвал сердце из груди и швырнул его себе под ноги.

Лорен подошел к кровати и принялся трясти незнакомца, пытаюсь его разбудить, но тот лишь мычал что-то нечленораздельное в ответ, обдавая его сильным перегаром. Да и в воздухе все еще витали стойкие пары алкоголя. Лорен понял, что постояльца ему не разбудить. Он тяжело вздохнул, но решил дать пропойце еще пару часиков на сон, пока тот не очухается после своих возлияний. А сам он в это время сходит куда-нибудь поужинать.

Узенькие улочки Монпарнаса были, как всегда, запружены народом. Отовсюду доносился веселый гомон толпы. Люди вокруг просто радовались жизни. Несмотря на холод, все столики на тротуарах были переполнены, а из-за закрытых дверей кафе и баров доносилась музыка буквально на любой вкус. Лорена оглушила настоящая какофония звуков. Раньше бурная ночная жизнь

Монпарнаса всегда приятно бодрила его, но в последнее время все это веселье стало откровенно тяготить его и даже действовать на нервы. Как можно веселиться напропалую, размышлял он уныло, когда сам он пребывает в пучине отчаяния из-за своей несчастной любви?

Лорен даже стал обходить стороной свое любимое кафе «Клозери де Лиля». Там было слишком много знакомых лиц, приятели наверняка тут же втянули бы его во всякие пустые разговоры. Вот и сейчас он нашел себе местечко поспокойнее, уселся на высокий табурет возле стойки бара, заказал стаканчик абсента и тут же залпом осушил его. Потом окинул взором помещение, заметил жгучую брюнетку, которая была чем-то похожа на Изабеллу. Однако присмотревшись к девушке повнимательнее, Лорен увидел, что черты ее лица не столь совершенны, как у его возлюбленной, и взгляд тяжелый. Но так уж получалось все последние недели: куда бы он ни пошел, ему везде мерещилась Изабелла.

Лорен заказал еще одну порцию абсента и принялся размышлять над своей горькой участью. В недалеком прошлом у него была репутация Казановы. приятели завидовали своему красивому, обворожительному другу, который, как им казалось, мог легким движением ресниц уложить к себе в постель любую красотку. Да, собственно, он и укладывал их без счета, ибо любил женщин. И не только за красоту их тела. Ему нравились и их ум.

А что же до любви как таковой... Пару раз ему казалось, что он испытал чувства, подобные тем, что описывают великие писатели в своих произведениях или запечатлевают великие художники на своих холстах. Но всякий раз чувства улетучивались слишком быстро, и постепенно Лорен убедил себя, что ему не дано познать настоящей большой любви.

И вот появилась Изабелла...

Увидев ее впервые, он сразу же пустил в ход весь набор своих отработанных приемов, рассчитанных на соблазнение юной девы. Ему доставляло удовольствие наблюдать за тем, как она краснеет и смущается, как постепенно, но неуклонно подпадает под воздействие его чар. Конечно же, с его стороны это была чистая игра. Сколько раз он вот так же играл с красотками и в прошлом. Но стоило рыбку попасться на крючок и заглотить наживку, как очередная жертва тут же

становилась неинтересной ему, и он моментально охладевал, отправляясь на поиски новых впечатлений.

Но когда Лорен понял, что Изабелла скоро уедет, он вдруг впервые осознал, что это девушка для него не просто еще одно приключение. Нет, Изабелла неповторима. Более того, впервые в жизни он чистосердечно признался ей в любви и даже умолял остаться вместе с ним в Париже.

А она ответила отказом.

В самые первые дни после ее отъезда Лорен связал свое поистине безутешное горе с тем обстоятельством, что впервые в его жизни женщина не поддалась ему и не уступила его притязаниям. Недоступность Изабеллы, однако, лишь усилила его чувства к ней. Сама мысль о том, что сейчас она уже на пути домой, где ее ждет жених, мужчина, которого она не любит, но с которым в скором будущем навсегда соединится узами брака, лишь усугубляла отчаяние Лорена.

Шло время, но ничего в его настроениях не менялось. За минувшие восемь недель он, по своему обыкновению, уложил в постель не одну женщину. Не помогло. Потом напился вдрызг и подрых весь следующий день, не явившись в мастерскую, чем вызвал бешеную ярость профессора Ландовски. Но и спиртное тоже не помогло.

Каждое утро Лорен просыпался с мыслью об Изабелле. В мастерской он мог часами сидеть, пялясь в пустое пространство и вспоминая то время, когда она часами неподвижно просиживала перед ним, позируя для скульптуры, а он мог часами не сводить с нее глаз... Почему, *ну почему* он не ценил этого ранее так, как должен был ценить? Эта девушка была не похожа ни на одну из тех женщин, которые были у него раньше. Сама невинность и чистота. И тем не менее он, помнится, с удивлением обнаружил, что Изабелла страстно мечтает познать жизнь и окружающий ее мир таким, какой он есть на самом деле. А ее доброта... Разве можно забыть, с какой нежностью Изабелла в тот вечер несла на своих руках спящего мальчика? Она даже не стала обсуждать с ним, правильно или неправильно она поступила...

Лорен опрокинул порцию абсента и заказал еще. Нет, подумал он, все же Изабелла – это самая настоящая богиня, только в человеческом

обличье.

Часто по ночам, лежа в постели без сна, Лорен прокручивал в памяти их разговоры, горько укорял себя за то, что играл с ее чувствами, негодовал, всем сердцем желая забрать обратно все те ужасные *двусмысленности*, которыми он огорошил Изабеллу в самом начале их знакомства. Она, конечно же, не заслуживала такого фривольного обращения с собой.

С другой стороны, размышлял он мрачно, а что он может предложить такой девушке, как Изабелла? Грязную мансарду, которую делит вместе с другими обитателями Монпарнаса, где даже на собственную кровать не всегда удается попасть с первой попытки? Никакого стабильного источника доходов. Плюс репутация завязатого бабника. Наверняка Изабелла слышала о его похождениях, когда бывала на Монпарнасе. Он вспомнил, как всегда внимательно наблюдала за ним Маргариде Лопес де Алмейда. Ясное дело, думал Лорен, она откровенно поделилась с подругой тем, что она о нем думает.

Лорен заказал себе суп и отошел от стойки бара, пока абсент окончательно не затуманил ему мозги. Слегка охмелев от выпивки, он уже, наверное, в сотый раз принялся обдумывать свое намерение послать Изабелле письмо. С момента ее отъезда он мысленно сочинил уже целую кучу таких писем. Но он прекрасно понимал, что если отправит ей письмо, то велика вероятность того, что оно попадет в чужие руки и лишь скомпрометирует Изабеллу.

Особенно мучительно было осознавать, что, скорее всего, она уже вышла замуж, а значит, потеряна для него навсегда. Ему хотелось расспросить об этом Маргариду, но та перестала появляться в мастерской профессора Ландовски. Ее двухмесячная стажировка у маститого скульптора подошла к концу. Богемная публика на Монпарнасе поговаривала, что Маргариде вместе с матерью отбыла, спасаясь от холодной зимы, в теплые края, поближе к солнцу, в Сен-Поль-де-Ванс.

– Бройли, – окликнул его кто-то.

Он почувствовал чью-то руку у себя на плече и поднял налитые кровью глаза на звук голоса.

– Ну, как ты, дружище?

– Нормально, Морис. А ты?

– Как всегда: за душой ни гроша, уже успел надраться и срочно хочу женщину. А чем еще заняться? Пить будешь?

Морис придвинул свой табурет поближе к нему. Еще один непризнанный гений с Монпарнаса, подумал про себя Лорен, топит жизнь в дешевом алкоголе и сексе и предается мечтам о своем блистательном будущем. Но тут Лорен вспомнил того пьяницу, который все еще валяется на его кровати в грязной мансарде. А что, если и самому сейчас напиться так, чтобы, выбравшись из бара, заснуть где-нибудь прямо посреди улицы?

– Буду, – ответил Лорен и добавил, уже обращаясь к бармену: – Еще порцию абсента.

* * *

Все выходные Лорен заливал свое горе вином. Где, когда и с кем, он не помнил, но в понедельник появился в мастерскую Ландовски, все еще пошатываясь и со слезящимися глазами.

– Взгляни-ка, что за шелудивый кот притащился к нам, – коротко прокомментировал появление Лорена профессор, обращаясь к мальчику, который сидел на табуретке и с живым интересом наблюдал за работой скульптора.

– Бог мой! Профессор! – с неподдельным изумлением воскликнул Лорен. – Вы уже столько всего успели.

Лорен уставился на огромную руку Христа. Судя по всему, все последние сорок восемь часов профессор Ландовски трудился не покладая рук.

– Вас, Бройли, не было в мастерской целых пять дней. Надо же было кому-то работать все это время. Мы тут с мальчиком уже приготовились отправить на ваши поиски специальную спасательную команду, чтобы она прочесала все сточные канавы в окрестностях Монпарнаса и вытащила вас из какого-нибудь вонючего водостока.

– Неужели сегодня уже среда? – спросил у мастера шокированный его словами Лорен.

– Именно так. Среда, – подтвердил Ландовски, снова всецело сосредоточившись на огромной белой руке и с силой вонзая скальпель в еще влажный гипс. – А сейчас я займусь оформлением ногтей

нашего Спасителя, – обратился он к мальчику, поясняя ему сам процесс работы и намеренно игнорируя присутствие Лорена.

Когда Лорен вынырнул из кухни, где попытался привести себя в порядок – ополоснул лицо водой и выпил два стакана воды, чтобы хоть как-то разогнать алкогольные пары и уменьшить головную боль, Ландовски бросил на него внимательный взгляд.

– Как видите, я уже подыскал себе нового помощника. – Профессор весело подмигнул мальчугану. – По крайней мере, *он* не станет таскаться неизвестно где по пять суток, а потом являться в мастерскую, еще не успев протрезветь после минувшей ночи.

– Мои извинения, профессор. Я...

– Хватит! Хочу, чтобы вы поняли, Бройли. Впредь я не потерплю подобного разгильдяйства. Мне нужна была ваша помощь, чтобы справиться со всем этим, а вы изволили отсутствовать. А сейчас, прежде чем я позволю вам коснуться рук моего Христа, вот что. Ступайте к моей жене и скажите ей, что я велел вам проспаться, чтобы окончательно протрезветь.

– Да, профессор.

Пылая от стыда, Лорен покинул мастерскую. Он готов был разорвать себя на части за то, что поступил столь безответственным образом. Амелия, жена Ландовски, чуткая и все понимающая женщина, немедленно уложила молодого человека спать.

Лорен проспал целых четыре часа, затем принял холодный душ и вылебал полную миску супа, который налила ему Амелия. После чего вернулся в мастерскую в уже гораздо более собранном виде.

– Вот так-то лучше будет, – заметил профессор, окидывая взглядом своего ученика. – Сейчас вы более или менее пригодны для работы.

На гигантской руке появился еще один, на сей раз, указательный палец. Мальчишка продолжал сидеть на своем прежнем месте и, как зачарованный, следил за работой Ландовски.

– Итак, сейчас мы приступаем к безымянному пальцу. У меня есть слепок руки со всеми пальцами, и я работаю, опираясь на этот слепок. – Ландовски продемонстрировал мальчику один из слепков, которые Лорен в свое время снял с рук Маргариды и Изабеллы.

Он подошел ближе и глянул на слепок.

– На каком слепке вы, профессор, в итоге остановили свой выбор?

– Понятия не имею. Они же не подписаны. Но, наверное, так и должно быть. В конце концов, руки Христа – это только Его руки.

Лорен внимательно осмотрел слепок, пытаясь обнаружить тот крохотный скол на мизинце, который появился, когда он снимал гипс с руки мадемуазель Маргариды. Правда, потом Лорен все тщательно склеил. Но на этом слепке нет никаких следов скола или едва заметных глазу трещин.

Лорен почувствовал внутри волну радости. Сомнений не было. Для памятника Христу в Рио-де-Жанейро профессор Ландовски выбрал слепок с руки Изабеллы.

Пати-до-Альфферес, Бразилия, ноябрь 1928 года

Две недели пребывания на фазенде среди гор прибавили Карле сил. Что именно сыграло свою роль, Изабелла затруднялась сказать. Скорее всего, все вместе: и чистый горный воздух, и красота окружающих мест, и заботливый уход Фабианы. Но Карла не только немного прибавила в весе, но и окрепла настолько, что даже находила в себе силы без посторонней помощи совершать короткие прогулки по саду.

Питались они исключительно тем, что выращивалось на их ферме или на соседних фермах. Свое свежее мясо, свой сыр, козье молоко – стада коз паслись в долинах, свои овощи и фрукты, выращенные на здешних землях. Этот регион Бразилии всегда славился вкуснейшими помидорами, а Фабиана, свято верившая в целебные свойства томатов, крошила их в салаты, пропускала через мясорубку, протирала сквозь сито и добавляла везде, где только можно, готовя самые разнообразные блюда с томатами.

Сама Изабелла тоже постепенно стала приходить в себя, чувствуя, как с каждым днем, проведенным на фазенде, затягиваются ее душевные раны. Утром она, прихватив с собой купальник, отправлялась на озеро, чтобы успеть искупаться до завтрака. За завтраком Фабиана потчевала их вкуснейшим сдобным пирогом под названием «фунтовый пирог», потому что для его приготовления бралось по фунту сливочного масла, муки и сахара. Фабиана считала этот пирог тоже очень мощным терапевтическим средством. На их землях имелся живописный водопад. Потоки кристально чистой воды каскадами устремлялись вниз с горных вершин. Изабелла любила посидеть в тенечке под этим водопадом. Сидела, любовалась горным пейзажем, чувствуя, как ледяные струйки воды приятно массируют ей спину.

Днем, пока мама отдыхала у себя в спальне, Изабелла устраивалась на прохладной веранде, ложилась на кушетку и читала. Предпочтение отдавала серьезной литературе по философии и по истории искусства. Эти книги доставляли ей гораздо больше

удовольствия, чем любовные романы, которыми она увлекалась в былые годы, когда была еще совсем юной. Сегодня она уже хорошо понимала, что вся эта романтическая беллетристика имеет мало общего с реальной жизнью, где далеко не всякая любовь имеет счастливый конец.

Во второй половине дня Изабелла седлала Лоти, и они отправлялись на прогулку по горным тропинкам, взбирались на самый верх, и там, на самой вершине, и лошадка, и ее наездница устраивали себе короткую передышку, предавались созерцанию окружающих красот.

Вечерами они с Карлой играли в карты, а потом Изабелла шла к себе, укладывалась в постель и тут же засыпала. Но, прежде чем отойти ко сну, она всегда молилась. Просила Господа вернуть здоровье ее матери, помочь отцу успешно решать все свои дела, а Лорену, несмотря на то что сейчас он находился за тысячи миль отсюда, даровать счастье в его будущей жизни.

Это единственное, что она могла сейчас для него сделать – пожелать счастья. И она старалась молиться за него с тем же умиротворением в душе, что и за своих родителей, гоня прочь грустные мысли.

Правда, это давалось ей нелегко. Не помогало и то, что по вечерам она наблюдала за тем, как влюбленная парочка Лоен и Бруно отправлялись на прогулку, всецело занятые друг другом, не замечая никого и ничего вокруг. А однажды Изабелла даже подсмотрела, как они украдкой целовались на берегу озера, и в этот момент она вдруг испытала острейший укол зависти.

И в ту же минуту перенеслась мыслями в Париж, далеко от фазенды. Лежа ночью в своей постели, Изабелла заново переживала свои поцелуи с Лореном. Как же давно это было, и какими же далекими казались ей тогда и предстоящая свадьба с Густаво, и ее нынешняя жизнь в Рио. А сейчас такими же далекими ей кажутся лабиринты улочек Монпарнаса, по которым сегодня ходит Лорен...

* * *

Прошло уже три недели после их приезда на фазенду. На выходных Антонио навестил жену и дочь. И атмосфера в доме мгновенно стала иной. Фабиана выбивалась из сил, наводя порядок и чистоту во всех комнатах, ее муж с утра до вечера подстригал и так безукоризненно ровный газон и до блеска полировал и без того сверкающие украшения из меди, развешанные на стенах столовой.

– Ну, как она? – поинтересовался Антонио у дочери, появившись на фазенде уже ближе к вечеру, как раз тогда, когда Карла еще отдыхала.

– Значительно лучше, паи, – доложила ему Изабелла. – Думаю, через несколько недель она окрепнет настолько, что сможет вернуться в Рио. Фабиана очень хорошо заботится о ней.

– Что ж, увижу своими глазами, когда проснется. Но, Изабелла, уже совсем скоро декабрь. Твоя свадьба намечена на конец января, а еще столько всего нужно успеть сделать. Если, по твоим словам, Фабиана так замечательно справляется с уходом за Карлой, то, по моему мнению, тебе следует вернуться в Рио вместе со мной.

– Но папочка! Маме ведь гораздо приятнее, когда рядом с ней находится ее родная дочь.

– Уверен, твоя мать все поймет правильно. Невеста должна находиться в Рио и заниматься приготовлениями к свадьбе, – тут же возразил дочери Антонио. – Не говоря уже о том, что тебе и жениху пора показаться на глаза. Густаво и так проявляет поистине ангельское терпение в сложившихся обстоятельствах. А ведь вполне мог бы подумать, что его суженая при первой же возможности намеренно бежит от него прочь. Насколько я знаю, его родители крайне обеспокоены таким положением вещей. Да, признаться, и я тоже. А потому считаю вопрос закрытым. Ты возвращаешься в Рио вместе со мной, и это мое окончательное решение.

* * *

– Мамочка! – взмолилась Изабелла двумя днями позже, целуя на прощание Карлу. – Пожалуйста, если тебе вдруг понадобится моя помощь, немедленно дай знать, и я тут же вернусь. В деревне есть

телефон. Я попросила Фабиану, чтобы она регулярно звонила мне и сообщала о твоём самочувствии.

– Не волнуйся за меня, душенька. – Карла нежно погладила дочь по щеке. – Обещаю, в скором времени я окончательно поправлюсь. Передай мои извинения сеньоре Айрис Кабрал и скажи ей, что я надеюсь уже в ближайшие недели вернуться в Рио. А сейчас давай обнимемся еще раз.

Изабелла крепко обняла мать. Карла замерла на пороге, маша на прощание рукой мужу и дочери. Антонио запечатлел мимолетный поцелуй на щеке жены, и автомобиль тронулся с места.

– Сказать по правде, я очень рад, что она пошла на поправку, – неожиданно признался Антонио. – Потому что все эти месяцы я себе места не находил, все думал, как же я буду без нее.

Изабелла с изумлением прочитала в глазах отца искреннюю озабоченность здоровьем Карлы. А ведь все минувшие недели ей казалось, что Антонио вообще не замечал свою жену.

* * *

Весь декабрь Изабелла почти ежедневно посещала виллу Каса дас Оркуидеас, где встречалась с сеньорой Луизой, обговаривая с ней все мельчайшие детали предстоящего свадебного торжества. И, хотя Изабелла твердо вознамерилась, в случае чего, давать отпор надменной хозяйке виллы с ее покровительственной манерой вести себя, очень часто ей приходилось кусать губы, чтобы удержаться от дерзости.

Поначалу Изабелла даже пыталась что-то предлагать, например, говорила, какие гимны ей больше всего нравятся, какие фасоны нарядов лучше выбрать для подружек невесты, чтобы они дополняли и удачно оттеняли ее собственное шикарное подвенечное платье, какие блюда можно включить в меню свадебного обеда. Но каждое ее предложение сеньора Луиза встречала в штыки и тут же находила сто отговорок для того, чтобы посчитать его крайне неуместным. В конце концов Изабелла сдалась и пошла по пути наименьшего сопротивления, то есть соглашалась со всем, что предлагала ей будущая свекровь.

Иногда на этих переговорах, которые, как правило, велись в гостинной, присутствовал и Густаво. Прощаясь с невестой, он сочувственно жал ей руку и говорил:

– Спасибо, что проявила ангельское терпение в разговоре с моей матерью. Понимаю, она может быть очень деспотичной.

Домой Изабелла возвращалась без сил, с ужасной головной болью, почти в стрессовом состоянии от того, что ей нужно было изо дня в день подлаживаться под сеньору Луизу и постоянно уступать ей во всем. Уже, наверное, в сотый раз Изабелла задавалась одним и тем же вопросом. Как же она уживется с этой деспотичной и властной особой, когда поселится с ней под одной крышей?

Оказавшись в Рио в самый разгар лета, Изабелла вдруг обнаружила, что, оставшись в доме одна – мама на фазенде, отец с утра до позднего вечера торчит у себя в конторе, она обрела гораздо больше свободы, чем имела раньше. Вместе с Лоен, пребывавшей в крайне подавленных чувствах после возвращения в Рио и вынужденной разлуки с Бруно, который остался у себя на фазенде, Изабелла для поднятия настроения себе и служанке отправлялась с ней на маленькую станцию и оттуда поднималась на гору, чтобы своими глазами увидеть, как продвигаются работы по сооружению памятника Христу. Со специально оборудованной смотровой площадки было видно, что работа кипит вовсю. Большие куски железной арматуры поднимались вверх, крепились какие-то мощные железные балки, напоминая по своей форме очертания креста.

Эти поездки на Корковадо служили Изабелле своеобразным утешением. Время, проведенное на фазенде, не прошло для нее даром, и она хотя и с большим трудом, но обрела наконец некоторое душевное равновесие. Какая разница, в конце концов, думала она, помнит ли ее Лорен, любит ли он ее по-прежнему. Главное – она продолжает любить его, и бороться с этим чувством бессмысленно. А потому Изабелла сдалась, понимая, что любовь к Лорену она сбережет в своем сердце до конца дней.

Париж, декабрь 1928 года

– Итак, мы закончили. Сейчас все нужно будет распилить на отдельные фрагменты и доставить морем в эту великую кофейную державу под названием Бразилия, – заключил профессор Ландовски, внимательно обзрев голову и руки Христа, которые своими объемами заняли все помещение мастерской.

Скульптор обошел голову со всех сторон и еще раз оглядел ее.

– Меня подбородок беспокоит. На таком близком расстоянии он слишком выступает вперед, можно сказать, непозволительно выпячивается. Похож на этакую детскую горку для катания. Но этот сумасшедший бразилец уверяет меня, что это именно то, что ему нужно.

– Не забывайте, профессор, ведь вся композиция будет обзреваться с большого расстояния, – заметил Лорен.

– Что ж, остается лишь надеяться на то, что Бог Отец на небесах позаботится о том, чтобы мой шедевр благополучно прибыл в Рио-де-Жанейро, – пробурчал Ландовски. – Бразилец уже зафрахтовал для него место на грузовом судне. Будем молить Бога, чтобы море было спокойным, а случайный контейнер с другим грузом не врезался в мое произведение и не смял его в лепешку. Я бы и сам отправился сопровождать голову. Заодно бы проконтролировал процесс погрузки и разгрузки, поприсутствовал бы на начальных этапах воздвижения монумента. Но у меня просто нет для этого времени. Работа над проектом и так заняла вдвое больше времени, чем это планировалось изначально. А еще не закончен заказ на скульптуру Сунь Ятсена. По этой работе наметилось очень серьезное отставание. Что ж, – профессор Ландовски тяжело вздохнул. – Я сделал все, что смог. Дальнейшее уже не в моей власти.

Лорен слушал учителя, и крохотный лучик надежды затеплился в его душе. Но высказать свою идею вслух он пока не рискнул. Надо вначале все как следует обдумать.

На следующий день в мастерскую приехал Эйтор да Силва Коста и принялся вместе с Ландовски обсуждать, где и как разрезать голову

на части. Лорен молча слушал их разговор. Ландовски снова и снова выражал свою озабоченность сохранностью отдельных фрагментов скульптуры в процессе их транспортировки.

– Вы правы, – соглашался с ним сеньор да Силва Коста. – Нужен человек для сопровождения груза. Он бы регулярно проверял надежность креплений, но, к сожалению, я не могу выделить для этой цели никого из своих. Мои инженеры и чертежники еще не закончили здесь все расчеты и чертежи.

– Я могу поехать, – неожиданно вызвался Лорен, озвучив наконец ту идею, которая пришла ему в голову вчера.

Мужчины глянули на него с удивлением.

– Вы, Бройли? – переспросил у него Ландовски. – А я-то полагал, что вы настолько привязаны к Монпарнасу с его бурной ночной жизнью, что и шагу в сторону не сделаете.

– А почему бы и нет, профессор? Я еще нигде не бывал за пределами Франции, тем более за океаном. Несколько месяцев за границей, да еще в такой экзотической стране, как Бразилия, несомненно, расширят мои творческие горизонты. Вполне возможно, натолкнут на новые замыслы и идеи.

– Уж наверняка по возвращении из Бразилии вы изваяете огромную статую кофейного зерна, – шутливо подначил его профессор Ландовски.

– Сеньор Бройли, – немедленно ухватился за предложение Лорена сеньор да Силва Коста, – если вы говорите серьезно, то это замечательная идея. Вы ведь присутствовали при работе с самого начала, с момента рождения замысла. Если профессор согласится отпустить вас, то тогда вы сможете стать его глазами в Рио на всех этапах сооружения памятника.

– Да уж! Лично проследит за тем, чтобы палец случайно не привинтили к носу Спасителя, когда станут собирать всю конструкцию в целом, – пробормотал себе под нос Ландовски.

– Профессор, я с радостью отправлюсь в Бразилию, если вы пожелаете, – повторно озвучил свое намерение Лорен. – Когда намечено отплытие, месье да Силва Коста?

– Я зафрахтовал грузовое место на следующую неделю. Как раз хватит времени на то, чтобы разрезать голову на части и упаковать каждый фрагмент в отдельный контейнер. Чем быстрее груз прибывает

в Рио, тем лучше. А если все дойдет в целости и сохранности, без каких-либо повреждений, то я буду на седьмом небе от счастья. Вы сможете отправиться в путь так скоро, месье Бройли? – поинтересовался у него сеньор да Силва Коста.

– Полагаю, ему надо свериться со своим ежедневником, прикинуть, какие заказы можно сдвинуть по срокам, – неожиданно подал голос профессор Ландовски, бросив выразительный взгляд на своего ученика и призывая его молчать. – Как я понимаю, ему положена соответствующая финансовая компенсация за саму поездку туда и обратно плюс потерянное время. К примеру, на месте ему оплатят проживание в бразильской столице?

– Конечно-конечно! – торопливо закивал головой сеньор да Силва Коста. – Кстати, я тут кое-что вспомнил. Несколько дней тому назад мне звонил сеньор Густаво Айрис Кабрал, жених Изабеллы Бонифацио. Он узнал, что вы, сеньор Бройли, сделали ее скульптурный портрет. Густаво хотел бы преподнести эту скульптуру в качестве свадебного подарка своей будущей жене.

– Но я...

Лорен уже открыл рот, чтобы сказать, что ни при каких обстоятельствах он не станет продавать скульптуру своей драгоценной Изабеллы, тем более ее жениху, но Ландовски снова опередил его.

– Какая жалость, Бройли. Ведь, насколько я знаю, у вас уже нашелся богатый покупатель на эту работу. Вы согласились на его предложение?

Сбитый с толку Лорен лишь растерянно пробормотал:

– Нет, но я...

– И очень правильно. Вполне возможно, жених мадемуазель Бонифацио сделает вам более выгодное предложение, и тогда у вас будет выбор. Помнится, вы мне говорили, что тот человек предложил две тысячи франков. Я прав? – Ландовски бросил еще один выразительный взгляд на Лорена, призывая того подыграть ему.

– Да.

– Вот и отлично. Передайте месье Айрис Кабралу, сеньор да Силва Коста, что если он предложит более выгодную цену и покроет Бройли все его транспортные издержки на поездку в Рио, то тогда скульптура наверняка достанется ему.

– Передам, – пообещал сеньор да Силва Коста с отсутствующим выражением лица. Его явно не интересовала цена на работу молодого скульптура. Все его мысли сейчас были заняты исключительно статуей Христа. – Уверен, они сумеют сторговаться. Я загляну к вам завтра, посмотрю, как пойдет процесс распилки нашей головы. Всего доброго вам обоим. – Архитектор откланялся и покинул мастерскую.

– Профессор, что это было? – спросил удивленный Лорен у своего учителя. – У меня нет никакого покупателя на мою мадемуазель Изабеллу. И если честно, то я и продавать ее не собирался.

– Бройли! Ну, как вы не понимаете? Я оказал вам огромную честь, выступив в качестве вашего личного агента, – укоризненно заметил Ландовски. – И не пытайтесь провести меня. Уж я-то отлично понимаю, в чем именно кроется истинная причина вашего внезапно вспыхнувшего желания отправиться на другой конец света вместе с отдельными кусками статуи. А если вы вдруг решите остаться в Бразилии, то вам нужны будут деньги. Так какая вам там будет польза от вашей драгоценной скульптуры? Тем более что вы окажетесь рядом с ее живым оригиналом, рядом с девушкой, которая и вдохновила вас на создание портрета. Пусть жених владеет ее каменным изваянием и обожает ее внешнюю красоту. А вот душу ее, как мне кажется, он вряд ли когда-нибудь поймет, тем более так, как это удалось сделать вам. Так что я расцениваю свой вклад в вашу личную жизнь как весьма успешную сделку, – весело хохотнул Ландовски. – А сейчас за работу.

Ночью, ворочаясь на своем поддоне в мастерской, где он устроился на ночлег, втиснувшись в узкое пространство между огромным пальцем Христа и Его головой, Лорен размышлял над тем безумством, которое сам же и затеял.

Ведь Изабелла дала ему ясно понять, каким она видит свое будущее. Ее свадьба неотвратима, неизбежна, и, вполне возможно, она даже уже состоялась или состоится еще до его прибытия в Рио. Он и сам не понимал, на что надеется, отправляясь в столь долгое и далекое странствие.

Впрочем, как и все влюбленные, Лорен свято верил в судьбу. Глянув еще раз на огромную ладонь Христа перед тем, как закрыть глаза, он вдруг подумал: а что, если сам Господь протянет ему Свою спасительную длань?

Рио-де-Жанейро, январь 1929 года

В день бракосочетания Густаво Айрис Кабрал и Изабеллы Бонифацио уже с самого утра установилась жаркая солнечная погода. Небо, без единого облачка на нем, радовало глаз своей голубизной. Проснувшись, Изабелла неохотно поднялась в последний раз со своей девичьей постели. Было еще очень рано. Везде в доме царил тишина. Только из кухни доносилось негромкое позвякивание кастрюль.

На цыпочках она босиком спустилась по лестнице в гостиную, а оттуда зашла в небольшой альков, где располагалась их домашняя часовенка. Зажгла свечку у алтаря, потом преклонила колени на обтянутый красным бархатом аналой, закрыла глаза и молитвенно сложила руки.

– Пожалуйста, Святая Дева, в день моей свадьбы дай мне силы и крепости духа вступить в брак с чистым сердцем и стать хорошей и любящей женой своему мужу. А еще терпеливой и заботливой невесткой для его родителей, – добавила она с особым чувством. – Пошли мне здоровых деток, сделай так, чтобы я чувствовала Твое благословение и не ломала голову над своими проблемами. Пусть приумножаются богатства моего отца, а моя дорогая мамочка полностью оправится от своей болезни. Аминь.

Открыв глаза, Изабелла глянула на поблекший лик Мадонны и смахнула с глаз набежавшие слезы.

– Ты ведь женщина, Пречистая Дева, – прошептала она едва слышно. – Надеюсь, ты простишь мне те греховные мысли, что я храню глубоко в своем сердце.

Через пару минут она поднялась с колен и, сделав глубокий вдох, вышла из часовни. Впереди ее ждал день, который, по мнению всех окружающих, должен был стать самым счастливым днем в ее жизни.

Чисто технически нельзя было придаться ни к чему. Свадебные торжества прошли безупречно. Толпы людей на улицах наблюдали за прибытием Изабеллы и ее отца к кафедральному собору. А потом радостно приветствовали невесту, когда она вышла из шикарного «Роллс-Ройса» в ослепительно прекрасном подвенечном платье из кружева шантильи, которое специально для нее смоделировала известная парижская кутюрье Жанна Ланвин. Величественный собор был забит публикой до отказа. Антонио с гордым видом повел дочь по проходу к Густаво, поджидавшему их у алтаря. Изабелла сквозь тончайший газ фаты украдкой глянула на собравшихся. Много знакомых лиц. Все представители высшей знати тоже здесь.

Церемония венчания продлилась где-то около часа, а потом под колокольный перезвон Густаво вывел свою невесту на крыльцо, где их снова приветствовала восторженная толпа. Он усадил Изабеллу в конный экипаж, и карета направилась по городским улицам в сторону «Дворца Копаканы». А уже там молодые лично встречали более трехсот гостей, приглашенных на торжественный обед. Очень скоро гости заполнили все огромное пространство банкетного зала.

После нескольких смен блюд молодые удалились к себе, чтобы немного отдохнуть перед большим балом, который должен был состояться вечером.

Не успела за ними закрыться дверь, как Густаво тут же заключил молодую жену в свои объятия.

– Наконец-то! – промурлыкал он, зарываясь лицом ей в шею. – Вот сейчас я волен целовать тебя сколько моей душе угодно. Иди же сюда! – Он повернул ее голову к себе и впился жадным поцелуем изголодавшегося по ласкам мужчины, а руками принялся грубо мять округлости ее груди, выступавших сквозь кружевную ткань.

– Ой! – невольно воскликнула Изабелла. – Мне больно.

– Прости меня, дорогая, – тотчас же спохватился Густаво, разжимая кольцо своих рук и с видимым усилием обуздывая свою страсть. – Но ты должна понять меня. Я так долго ждал этого момента. Что ж, потерплю еще немного. – Он игриво подмигнул ей. – Еще каких-то несколько часов, а там я снова заключу тебя в свои объятия, но уже полностью обнаженной. Тебе принести чего-нибудь выпить? – Густаво отвернулся от жены, а она непроизвольно содрогнулась от слов мужа.

Изабелла молча проследила за тем, как Густаво подошел к приставному столику у стены, взял графин с бренди и плеснул себе в стакан изрядную порцию.

– Нет, спасибо, мне не надо.

– Наверное, это разумно. Не хочу, чтобы новобрачная ничего не почувствовала в свою первую ночь. – Он широко оскалился, глядя на Изабеллу. – Пью за свою прекрасную молодую жену! – И тут же залпом осушил стакан.

Изабелла уже и раньше успела заметить, появляясь вместе с женихом на всяких светских мероприятиях, что Густаво равнодушен к спиртному. Сегодня же он уже был в легком подпитии. А что будет к вечеру, когда завершится бал?

– Кстати, у меня для тебя приготовлен очень необычный свадебный подарок, – продолжил свои разглагольствования Густаво. – К сожалению, его еще не доставили. Но к тому моменту, как мы вернемся домой после медового месяца, он уже наверняка будет здесь. Тебе помочь снять платье? – предложил он. – Ложись, отдохни немного.

Изабелла с тоской глянула на огромную двуспальную кровать, чувствуя, как ее ноги буквально приросли к полу. В красивых атласных туфельках на высоких каблуках, да плюс еще тиара на голове, и волосы, собранные в высокую прическу, – у алтаря она смотрелась на полголовы выше своего жениха. Туфли ужасно жали, неудобный корсет, который сегодня утром ей туго-претуго зашнуровала Лоен, тоже давил на грудь. Но сама мысль о том, что вот сейчас Густаво примется расшнуровывать его своими бескровными тонкими пальцами, была невыносима.

– Я иду в ванную, – объявила она, вспыхнув от смущения.

Густаво молча кивнул головой, занятый выпивкой. Он только что налил себе очередную порцию бренди.

Изабелла вошла в просторную ванную комнату, стены которой были отделаны зеркалами, и с облегчением упала на стул, предавшись унылым размышлениям о том, что, оказывается, всего лишь кольцо на пальце и несколько слов, произнесенных возле алтаря, могут так круто и бесповоротно изменить всю ее дальнейшую жизнь.

Контраст между ее незамужней жизнью, когда ее невинность оберегалась всеми возможными способами от посягательств со

стороны хищных представителей мужского пола, и ее нынешним положением, спустя всего лишь несколько часов после венчания, когда она должна будет переступить порог спальни и остаться наедине с мужчиной, который вступит с ней в близость, этот контраст казался ей просто поразительным. Изабелла глянула на свое отражение в зеркало и тяжело вздохнула.

– Ведь он же мне совсем чужой человек, – прошептала она, вспомнив, о чем они говорили с мамой в ночь накануне ее свадьбы.

Карла, выглядевшая много лучше после нескольких недель, проведенных на фазенде, зашла к ней в комнату как раз в тот самый момент, когда Изабелла уже приготовилась выключить свет. Мама присела на кровать и взяла руки дочери в свои.

– Голубушка моя, – начала она осторожно. – Хочу поговорить с тобой о том, что произойдет с тобой следующей ночью.

– Не надо, мамочка! – Изабелла страшно смутилась при этих словах матери. – Думаю, я знаю.

По лицу Карлы стало понятно, что ответ дочери несколько успокоил ее, но все же она настаивала на продолжении разговора.

– Тогда ты, наверное, в курсе, что когда это случается в первый раз, то бывает немного... больно. И кровь появляется. Хотя иные утверждают, что если девушка много занимается верховой ездой, то ее девственная плева может быть уже порвана. А ты же много ездила верхом.

– А вот этого я не знала, – честно призналась матери Изабелла.

– Весь этот... процесс, к нему нужно просто немного привыкнуть. Но я думаю, что Густаво – уже опытный мужчина и станет обходиться с тобой бережно.

– Мамочка, а даме можно получать от этого удовольствие? – напряженно поинтересовалась Изабелла.

Карла издала короткий смешок.

– Конечно, милая. Ты ведь станешь замужней женщиной. А любой муж больше всего на свете желает, чтобы его жена была счастлива, оставаясь наедине с ним в спальне и деля все удовольствия супружеского ложа. Это, кстати, крепко привяжет твоего мужа к тебе. Как я в свое время привязала к себе Антонио. – Легкий румянец покрыл исхудалые щеки Карлы. – И помни, это занятие, угодное Богу. Ведь как еще зачать дитя? А это святой долг любых мужа и жены.

Спокойной ночи, Изабелла. Спи спокойно и ничего не бойся. Уверена, все будет намного лучше, чем ты предполагаешь.

И вот Изабелла вспомнила этот разговор и тут же подумала о том, что уже одно прикосновение руки Густаво к ее телу, тем более к интимным частям тела, на что мама лишь слегка намекнула, автоматически вызывает у нее отвращение. Она поднялась со стула, чтобы снова вернуться в комнату, надеясь в глубине души, что это все нервы, что такое с ней творится, потому что все для нее впервые. А вот завтра и потом все будет уже по-другому, как и рассказывала мама.

* * *

Восторженный гул прошелестел по огромному залу, когда туда вошла Изабелла в ослепительно-белом бальном платье от известного французского модельера Жана Пату, эффектно облежавшем ее точеную фигуру и оформленном огромным шлейфом, каскадами ниспадающим сзади.

Густаво обнял ее за талию, и зал взорвался аплодисментами, приветствуя первый танец молодых.

– Ты так прекрасна, дорогая, – прошептал Густаво ей на ухо. – Сегодня все мужчины в этом зале завидуют мне и тому, что именно я этой брачной ночью буду делить с тобой супружеское ложе.

После первого танца Изабелла потеряла Густаво из виду на целых три часа. Каждый из них отправился пообщаться со своими родственниками, потом она танцевала с бесчисленным количеством кавалеров, и каждый из них в обязательном порядке сообщал ей о том, как же повезло Густаво поймать на свой крючок такую золотую рыбку. Она почти ничего не пила, чувствуя, как напряжена каждая клеточка ее тела в ожидании всего того, что неотвратимо должно будет случиться потом. Страхи ее еще более усилились, когда гости начали собираться вокруг главной лестницы, чтобы проводить молодых в их опочивальню.

– Пора! – сказал невесть откуда возникший Густаво, обращаясь к Изабелле, и они вместе направились к поджидающим их гостям.

Густаво сделал знак, призывая к тишине.

– Мои дорогие сеньоры, дамы, сеньориты. Друзья. Позвольте выразить вам свою самую искреннюю благодарность за то, что вы отпраздновали вместе с нами этот знаменательный для нас обоих день – день нашей свадьбы. А сейчас настал час, когда я, взяв жену за руку, поведу ее наверх.

Последнюю реплику гости встретили веселым свистом, громкими восклицаниями. Послышались даже непристойные возгласы.

– Я желаю вам всем доброй ночи. Продолжайте веселиться. Пошли, Изабелла.

Густаво подал руку, Изабелла оперлась на нее, и они стали вместе подниматься вверх по лестнице.

На сей раз Густаво не проявил терпения. Едва за ними закрылась дверь, как он повалил Изабеллу на кровать и прижал руки к матрасу. А потом стал покрывать лицо и шею неистовыми поцелуями, ощупывая через платье ее тело.

– Подожди минутку, – прошептала она. – Я сейчас перевернусь на бок, и ты расстегнешь пуговицы на спине.

Хотя бы на мгновение увернуться от разящего от него перегара.

И в ту же минуту Изабелла почувствовала его руки на своей спине. Густаво стал неумело возиться с крохотными жемчужными пуговицами, которые никак ему не поддавались. Тогда он с досадой рванул материю по живому и оголил спину.

Сорвав остатки платья, он принялся за лифчик, затем перевернул Изабеллу на спину и стал ласкать губами ее соски. Рука его блуждала внизу, пробираясь все выше и выше по бедру, и наконец проникла внутрь, под треугольник шелковых трусиков, едва прикрывающих самую интимную часть ее тела.

И снова несколько секунд неумелой возни. Но вот и трусики сорваны и отброшены прочь. Густаво приподнялся на коленях, чтобы расстегнуть ширинку. И так, полностью одетым, стал заталкивать свой член в ее нежные промежности, рыча от нетерпения и злости, что не может сразу нащупать отверстие. Наконец нашел, снова помогая себе рукой, и тут же вошел в нее.

Изабелла лежала под ним, кусая губы от боли. Все потухло у нее перед глазами. Она лежала в кромешной тьме, стараясь дышать глубоко, чтобы совладать с охватившей ее паникой. К счастью, сам акт

соития продлился всего лишь несколько секунд. Густаво вдруг по-женски громко взвизгнул и рухнул на нее сверху.

Изабелла продолжала лежать неподвижно, прислушиваясь к тяжелому дыханию у себя над ухом. Его голова покоилась рядом с ее. Он лежал, уткнувшись лицом в покрывало, а ее колени были по-прежнему согнуты и свешивались с кровати. Наконец она слегка пошевелилась, чтобы хоть чуть-чуть высвободить себя из-под его тела. В ту же минуту Густаво приподнял голову и глянул на нее.

– Вот теперь ты моя уже по-настоящему. – Он улыбнулся и погладил ее по щеке. – Ступай, подмойся. Ты же понимаешь, когда это в первый раз...

– Я знаю, – поспешно проговорила она, подхватываясь с кровати, чтобы скрыться в ванной комнате, пока он снова не набросился на нее.

Изабелла была рада тому, что накануне свадьбы у нее состоялся откровенный разговор с матерью. Потому что, когда она начала подмываться, чувствуя нестерпимую боль внутри, никаких следов крови она не обнаружила. Она распустила волосы, переделась в ночную сорочку, сверху набросила пеньюар, который предусмотрительная горничная заблаговременно повесила на дверной крючок. Когда Изабелла снова вернулась в спальню, Густаво лежал на постели уже полностью раздетый. На его лице застыло недоуменное выражение.

– Я тут проверил, но не обнаружил никаких следов крови на покрывале. – Он уставился на Изабеллу. – Как так?

– Мама предупредила меня, что крови может и не быть. Ведь в детстве я много каталась верхом, когда мы жили на фазенде, – пояснила Изабелла. Ей стало неловко от той бесцеремонности, с которой Густаво задал свой вопрос.

– Ах, вот что... Тогда понятно. Но, надеюсь, ты все же была девственницей? Конечно...

– Густаво, ты оскорбляешь меня! – Изабелла почувствовала, как все внутри закипает от злости.

– Конечно, конечно. – Он разгладил рукой место рядом с собой. – Иди же сюда, ложись рядом со своим мужем.

Изабелла послушно улеглась в кровать. Подозрения Густаво болью отозвались в ее сердце.

Но вот он обнял ее одной рукой и привлек к себе, а второй нащупал выключатель и выключил в комнате свет.

– Вот сейчас мы уже с тобой по-настоящему муж и жена. Согласна?

– Да.

– Я люблю тебя, Изабелла. Эта ночь стала счастливейшей в моей жизни.

– И в моей тоже. – Кое-как Изабелла выдавила из себя слова, которых от нее ждали, хотя все в ее душе бурным протестом отозвалось на эту ложь.

Остаток ночи Изабелла провела без сна. А в это же самое время грузовое судно, на котором везли голову и руки Христа в сопровождении Лорена Бройли, пришвартовалось на одном из пирсов в окрестностях Рио-де-Жанейро.

После шести недель пребывания в открытом море Лорен наконец провел первую ночь на суше и утром проснулся весь в поту. Простыни тоже были влажными от пота. Жара, царившая в Рио, не шла ни в какое сравнение даже с самыми знойными и душными днями на Монпарнасе.

Шаткой походкой он приблизился к столу, на котором горничная оставила для него графин с водой, взял его и с жадностью осушил почти до самого дна, чувствуя, как жажда понемногу отступает. Потом направился в крохотную ванную комнату рядом с номером, включил душ и с наслаждением подставил голову под прохладные струи воды. После душа насухо растер тело полотенцем, чувствуя себя немного посвежевшим после сна. Снова вернулся в спальню и широко распахнул ставни на окнах.

Минувшей ночью, когда Лорен прибыл в отель, в котором ему порекомендовал остановиться сеньор да Силва Коста на то время, пока он не подыщет себе постоянного жилья, было уже очень поздно и слишком темно, чтобы начинать разглядывать окрестности. Но, когда Лорен укладывался в постель и потом, уже лежа в кровати, он явственно слышал шум прибоя. Следовательно, океан где-то совсем близко, рядом.

Зато утром... Какой потрясающей красоты вид предстал перед его взором сейчас! Внизу прямо через дорогу раскинулся великолепный пляж, которому, казалось, нет ни конца ни края. Никогда еще в своей жизни Лорен не видел подобной красоты. Растянувшаяся на много километров полоса чистейшего золотистого песка. В столь ранний час пляж был еще безлюден. Только двухметровые волны с ревом устремлялись к берегу, орошая его своей белоснежной пеной.

Зрелище завораживало и холодило кровь. В свое время Лорен с удовольствием плавал в Средиземном море, когда их семья переезжала в фамильную летнюю резиденцию неподалеку от Сент-Рафаэля. Ему и сейчас уже не терпелось выбежать из отеля, пересечь дорогу и очутиться на пляже, чтобы с головой окунуться в океан. Но вначале все же следует расспросить у местных, не опасны ли здешние воды для

купания. Вдруг тут водятся акулы или какие другие хищные рыбы, нападающие на людей? Недаром перед отъездом из Парижа все друзья в один голос предупреждали его, что в тропиках нужно быть особенно осторожным и предусмотрительным.

Даже сам здешний воздух показался ему необычным, насыщенным какими-то новыми для него экзотическими ароматами. Как и большинство его соотечественников-французов, Лорен никогда не испытывал особой тяги к дальним странствиям. А зачем? Французский климат с его плавным переходом от одного времени года к другому удовлетворял любые запросы. Тут тебе и заснеженные вершины Альп, от созерцания которых дух захватывает, и цветущие долины юга Франции с их живописными пейзажами и прочими красотами.

Но стоя сейчас у окна и созерцая все великолепие, представшее перед ним, Лорен впервые устыдил самого себя. Как можно быть таким самоуверенным, утверждая, что ни одна другая страна не может предложить ему ничего нового и интересного?

Нужно как можно быстрее начать знакомиться с Рио. Но вначале он должен встретиться с Эйтором Леви, который как главный прораб отвечает за сооружение памятника. Тот оставил для него записку внизу, в которой предупреждал, что приедет встретиться с ним в одиннадцать утра. Голову и руки Христа уже успели разгрузить еще вчера вечером, после чего грузовое судно отбуксировали в главный порт. А все фрагменты будущей статуи разместили на открытой площадке рядом с пирсом. На этих землях располагалась небольшая ферма месье Леви. Лорен надеялся, что все хрупкие детали сохранились в целостности, благополучно преодолев долгий вояж. На протяжении всего путешествия он четыре раза в день проверял прочность и надежность креплений. Сейчас оставалось лишь молиться и верить в то, что и разгрузку они тоже перенесли без потерь.

Лорен начал одеваться и тут же обнаружил, что все ноги сплошь покрыты небольшими покраснениями круглой формы. Да уж, подумал он, слегка почесывая укусы и натягивая на себя брюки, москиты славно постарались минувшей ночью. Попили его кровушки досыта.

Спустившись вниз, в ресторан, чтобы позавтракать, Лорен увидел целую выставку экзотических фруктов, выложенных на длинном столе для угощения гостей. Названий большинства фруктов он не знал, но

перепробовал все подряд, твердо вознамерившись приобщаться к новой для него культуре всеми возможными способами. Потом съел кусочек восхитительно пахнущего пирога, еще не успевшего остыть после печи. Официантка подала ему горячий крепкий кофе, и Лорен с наслаждением выпил его, искренне обрадовавшись тому, что хоть что-то в Бразилии такое же, как у него дома.

Ровно в одиннадцать часов он направился в вестибюль. Какой-то мужчина стоял у стола и смотрел на часы. Правильно предположив, что это не кто иной, как месье Леви, Лорен подошел к нему и представился.

– Добро пожаловать в Рио, сеньор Бройли, – обратился к нему мужчина на весьма приличном французском. – Как прошло плавание?

– Все было очень хорошо и удобно, благодарю вас. Освоил кучу карточных игр, а еще матросы научили меня всяким непристойным шуточкам и соленым анекдотам, – улыбнулся в ответ Лорен.

– Вот и отлично. Машина ждет нас на улице. Сейчас едем прямо ко мне на фазенду.

Проезжая по улицам города, Лорен с удивлением отметил про себя, что Рио-де-Жанейро производит впечатление вполне современного города. Напрасно учитель подшучивал над ним, плел всякие небылицы о Рио. Дескать, все жители Рио – это аборигены, которые бегают по улицам голышом, швыряются копьями и пожирают младенцев. Город как город, вполне себе цивилизованный и ничем не отличающийся от любого европейского города, к примеру, в той же Франции.

Правда, бросалась в глаза смуглолицесть местных жителей, зато они щеголяли в одежде, словно под копирку сделанной с фасонов французской моды. Ближе к окраинам города Лорен заметил справа от себя огромное скопление трущоб.

– Это наша фавела, – пояснил ему Леви, заметив, как Лорен пристально разглядывает трущобы. – К великому сожалению, народу здесь живет много.

А вот в Париже, подумал про себя Лорен, бедные практически не видны, там они искусно растворены в основной массе горожан. Не то что здесь, где богатые и бедняки отделены друг от друга, можно сказать, непроходимым рвом.

– Да, сеньор Бройли. – Леви словно прочитал его мысли. – У нас в Бразилии так: если ты богат, то очень богат, а если беден, то... умираешь с голоду.

– Вы португалец, месье Леви?

– Нет. Моя мать – итальянка, отец – из Германии, а фактически я – еврей. У нас здесь настоящий плавильный котел, в котором варятся люди самых разных национальностей. Впрочем, португальцы по-прежнему считают себя самыми истинными бразильцами. А вообще-то тут полно иммигрантов из Италии, Испании, конечно, из Африки. Когда-то португальцы привозили сюда большое количество рабов из Африки, чтобы те трудились на их кофейных плантациях. В наши дни усилился приток японцев в Рио. Каждый стремится в Бразилию в поисках счастья, мечтает откопать здесь свой горшок с золотом. Кому-то действительно везет, но большинству, к сожалению, нет. Многие из этих людей кончают свою жизнь в трущобах, в той самой фавеле, которую вы только что видели.

– Да, здесь многое не так, как у нас во Франции. Ведь большинство наших жителей – это коренные французы, они родились и выросли во Франции.

– Но это – Новый Свет, сеньор Бройли, – многозначительно заметил Леви. – И мы все вместе, все, кто тут живет, пытаемся обустроить его, независимо от того, где мы родились и кто мы по национальности.

* * *

Никогда, до конца своих дней, Лорен не забудет этого фантастического зрелища: огромная голова Христа посреди поля, вокруг топчутся куры с цыплятами, а большой проворный петушок даже успел взгромоздиться на нос.

– Сеньор да Силва Коста звонил мне сегодня утром. Беспокоится о сохранности груза. Уцелел ли его драгоценный Христос во время транспортировки по морю. Вот я и собрал все фрагменты воедино, чтобы убедиться, что ничего не пострадало, – пояснил Леви своему спутнику. – По-моему, все в полном порядке.

При виде этой головы, которую он видел в последний раз целиком в мастерской профессора Ландовски, здесь, в Рио, за тысячи миль от Парижа, Лорен почувствовал, что от волнения у него перехватило в горле.

– Кажется, долгую дорогу Он перенес благополучно. Видно, сами небеса оберегали Его путь, – прочувствованно сказал Леви, тоже явно растрогавшись увиденным. – Руки я пока еще не собирал, но, по моему, с ними тоже все в полном порядке. Ни единой царапины. Сейчас один из моих людей сфотографирует нас прямо здесь, запечатлеет, так сказать, на память. А я потом перешлю эти фотографии сеньору да Силва Коста и профессору Ландовски.

После того как их сфотографировали, Лорен еще раз внимательно оглядел голову и руки, убедившись, что Леви прав. Теперь он с легким сердцем мог отписать учителю, что все фрагменты скульптуры доставлены в Рио в целостности и сохранности, и поводов для беспокойства больше нет. Оставалось лишь надеяться, что такая же счастливая участь постигла и его собственную скульптуру – изваяние Изабеллы, которая сейчас томится в своем контейнере где-то в главном порту, в ожидании разгрузки.

Лорен все же прислушался к совету своего учителя и после долгих колебаний принял предложение сеньора Айрис Кабрала продать ему скульптуру за две с половиной тысячи франков. Конечно же, профессор Ландовски абсолютно прав. Для себя он всегда может сделать копию. А тут такое выгодное предложение, грех отказываться.

– Итак, ваша первоначальная миссия завершена успешно. Но я уверен, что вам уже не терпится взглянуть на самую строительную площадку, побывать на горе Корковадо, – сказал Леви. – Все это действительно стоит увидеть собственными глазами. Я там сейчас днюю и ночью, можно сказать, живу безвылазно вместе со своими рабочими. У нас осталось совсем мало времени до завершения всего проекта.

– С удовольствием поднимусь туда вместе с вами, – мгновенно согласился Лорен. – Я все это время пытался себе представить, каково это – воздвигать такой величественный памятник на вершине горы. Верилось с трудом.

– Нам тоже, – флегматично бросил в ответ Леви. – Но нашлись такие смельчаки, кто поверил в возможность осуществления столь

дерзкого проекта. И вот он осуществляется буквально на наших глазах. Кстати, сеньор да Силва Коста сообщил мне, что вам потребуется жилье, пока вы будете оставаться у нас. Он просил меня помочь вам подыскать что-то подходящее. Вы ведь, насколько я понимаю, не владеете португальским?

– Нет, месье Леви. Португальского я не знаю.

– Тогда вот что. Так уж получилось, что у меня есть квартира, которая в данный момент пустует. Она находится в районе Ипанема, недалеко от пляжа Копакабана. Вы там как раз сейчас и проживаете. Я приобрел эту квартиру еще холостяком, до женитьбы, и, если честно, даже став семейным человеком, не захотел избавляться от нее. Рад предложить вам ее в качестве подходящего варианта. Можете жить там все то время, что пробудете в Бразилии. Все расходы по проживанию берет на себя сеньор да Силва Коста, о чем вы с ним договорились еще во Франции. Думаю, квартира вам понравится. Светлая, просторная, чудесный вид на океан. Много света – это как раз то, что нужно вам, скульпторам.

– Спасибо, месье Леви. Я вам крайне признателен за гостеприимство.

– Тогда поехали и осмотрим ее прямо сейчас. И если жилье вас устроит, можете перебираться туда прямо сегодня.

Ближе к вечеру Лорен не без гордости почувствовал себя полноправным хозяином просторной, наполненной воздухом квартиры на третьем этаже красивого жилого дома почти рядом с пляжем Ипанема. Большие, элегантно обставленные комнаты с высокими потолками, а когда открываешь дверь на балкон с защитным козырьком, создающим тень, то отчетливо виден сам пляж. Теплый ветерок, влетающий в окна, безошибочно пахнет морем.

Леви оставил Лорена обживать на новом месте после того, как они вместе забрали его вещи из отеля и привезли на квартиру. Правда, он сказал, что заглянет еще раз, но попозже, чтобы познакомить постояльца со служанкой, которая будет ему готовить и прибираться по дому.

Оставшись один, Лорен стал обходить комнату за комнатой, не веря своим глазам. Неужели это шикарное жилье сейчас всецело в его распоряжении? И это после той жалкой мансарды, в которой он уютился на Монпарнасе... Да плюс еще служанка, которая будет

обихаживать его. Нет, в такое просто невозможно поверить. Он улегся на огромную кровать из красного дерева. Вентилятор, установленный на потолке, работал на полную мощь, обдувая его разгоряченное лицо приятным прохладным ветерком, легким, словно прикосновения крыльев птиц. Лорен издал удовлетворенный вздох и почти сразу же уснул.

Вечером Леви, как и обещал, привел с собой Монику, темнокожую женщину средних лет, чтобы та познакомилась с Лореном.

– Я предупредил ее, что вы не говорите на португальском. Но если вы не станете возражать, месье Бройли, то Моника будет убираться в квартире, покупать для вас продукты на местном рынке и готовить вам ужин. Если вам понадобится что-то еще, телефон в гостиной. Пожалуйста, звоните в любое время.

– У меня просто нет слов для того, чтобы выразить вам свою благодарность, месье Леви. Вы так добры, – прочувствованно поблагодарил его Лорен.

– Пустяки! Вы же у нас здесь, в Бразилии, на правах почетного гостя, сеньор Бройли. Вот мы и стараемся, чтобы у вас не возникло поводов описывать потом в письмах сеньору Ландовски или вашим парижским друзьям и знакомым, что мы тут, в Рио, влачим жалкое существование, словно варвары какие. – Леви улыбнулся, выразительно вскинув при этом бровь.

– Помилуйте, какие варвары? – воскликнул Лорен с неподдельным негодованием в голосе. – Из того, что я уже успел увидеть, у меня складывается впечатление, что жители Рио гораздо более цивилизованны, чем мы у себя в Париже.

– Кстати, а как ваша собственная скульптура? Благополучно перенесла путешествие? – поинтересовался у него Леви.

– Да, она сейчас в порту. Руководство порта заверило меня, что они незамедлительно свяжутся с покупателем и организуют доставку груза ему.

– Но молодые, насколько я знаю, сейчас отправились в медовый месяц. Их свадьба состоялась только вчера.

Потрясенный Лорен безмолвно уставился на Леви.

– Мадемуазель Изабелла вчера вышла замуж?

– Да. Сегодня их свадебные фотографии на первых полосах всех утренних газет. Невеста была ослепительно прекрасна. Их свадьба

действительно стала событием номер один в нашем великосветском обществе. Судя по всему, ваша модель крайне успешно устроила свою личную жизнь.

Лорен почувствовал невыразимую тяжесть при последних словах сеньора Леви. Надо же такому случиться! Прибыть в Рио в тот самый день, когда Изабелла вышла замуж. Нет, перенести такой удар свыше его сил.

– Мне уже пора уходить. Спокойной ночи, сеньор Бройли.

Леви откланялся, напомнив Лорену, что в понедельник в два часа дня он заедет за ним, и они вместе отправятся на стройплощадку на вершине Корковадо. Моника уже всюду звенела кастрюлями на кухне, и через какое-то время оттуда поплыли соблазнительные ароматы.

Лорену страшно захотелось выпить. Он достал из чемодана бутылку французского вина, откупорил ее и вышел на террасу, держа бутылку в руке. Усевшись в кресло и положив ноги на стол, он налил себе стакан вина и выпил. Знакомый запах сразу же напомнил ему о доме. Лорен стал наблюдать за тем, как солнце медленно садится за горы. На душе у него было тяжело.

– Изабелла! – едва слышно прошептал он. – Вот я здесь, приехал в твою прекрасную страну. Преодолею такой долгий путь, и все только за тем, чтобы найти тебя. А получается, что я уже опоздал.

Медовый месяц молодоженов продлился всего лишь одну неделю. Но Изабелла вернулась в Рио страшно уставшая и изможденная. Они с Густаво провели всю неделю в Минас Гераис, в старинном и некогда очень красивом доме, который принадлежал двоюродной бабке Густаво. Стояла жара, а в отсутствие морского бриза, да еще в низине, температура днем просто зашкаливала. Воздух раскалился до такой степени, что при дыхании обжигал ноздри. Изабелла стоически вынесла бесконечную череду официальных ужинов и обедов, на которых Густаво представлял молодую жену престарелым членам своего семейства, слишком немощным и слабым, чтобы почтить своим присутствием свадебные торжества в самом Рио. Впрочем, со всем этим можно было еще, худо-бедно, кое-как справиться, если бы не ночи.

Единственное, о чем мама предпочла умолчать во время их разговора, так это как часто полагается замужней женщине исполнять свой супружеский долг. Как казалось самой Изабелле, одного раза в неделю было бы более чем достаточно, но аппетиты Густаво были непомерны. Воистину, он был ненасытен. И, хотя Изабелла старалась из всех сил расслабиться и даже получить хоть какое-то удовольствие от всего того, что муж прodelывал с нею по ночам, о чем ей никто и никогда раньше не рассказывал и что вызывало краску стыда даже при одной только мысли обо всех этих его ласках, ничего у нее не получалось.

Каждую ночь, как только за ними закрывались двери спальни, Густаво тут же набрасывался на нее, срывал одежду, а пару раз даже не удосуживался сделать это и овладевал ею прямо как есть, в одежде. Изабелла неподвижно лежала под ним, пока он терзал ее израненную плоть, и молила лишь об одном, чтобы он побыстрее закончил.

Сразу же после соития муж отваливался от нее и тут же погружался в сон. Но иногда утром она просыпалась от того, что он снова искал руками ее тело, а уже в следующую секунду обрушивался сверху всей тяжестью.

Прошлой ночью Густаво попытался засунуть свой член ей в рот, и у нее тут же начались позывы к рвоте. А он лишь рассмеялся в ответ и сказал, что многие жены практикуют подобные вещи, стараясь ублажить своих мужей в постели, и ей тоже нечего стесняться.

Изабелла была в отчаянии, не зная, с кем можно посоветоваться, у кого расспросить, нормально ли все то, что выделяет с ней Густаво. Или ей придется терпеть все эти ужасы до конца своих дней? Где та нежность, то ласковое обращение с женой, о котором говорила ей мама, спрашивала себя всякий раз Изабелла, переступая порог своей заново отделанной и обставленной спальни на вилле Каса дас Оркуидеас, все больше напоминавшей ей камеру пыток. Вот и сейчас, безвольно присаживаясь на стул, она подумала, что стала очень похожей на такую тряпичную куклу, которую муж таскает и тягает по своему усмотрению.

В родительском доме у отца была отдельная гардеробная, расположенная рядом с супружеской спальней. Отец часто ночевал там, особенно когда задерживался на работе. Здесь же, к великому сожалению, у Изабеллы такой роскоши не было. Она вошла в сверкающую зеркалами ванную комнату по соседству со спальней и подумала, что, быть может, ей повезет в скором будущем забеременеть, и тогда Густаво хоть на время отстанет от нее.

Она пыталась утешить себя тем, что днем Густаво представлял совсем в другом обличье: любящий, заботливый и предусмотрительный супруг. Как говорится, о лучшем и мечтать не приходится. Постоянно держал ее за руку, обнимал за плечи, если они прогуливались где-то вместе, и не уставал повторять всем и вся, как он счастлив в браке. Если бы не эти ночные кошмары, уныло размышляла Изабелла, то наверняка она как-то приспособилась бы к своим новым жизненным обстоятельствам. Но пока каждое утро она просыпалась с тяжелым сердцем, полным страха и отчаяния.

– Ты очень бледна, моя дорогая, – прокомментировала как-то раз за ужином свекровь. – Быть может, ребеночек уже в пути, а? – Она бросила горделивый взгляд на сына.

– Все возможно, мама, – ответил Густаво. – Поживем – увидим.

– Думаю отправиться завтра навестить маму, – обронила Изабелла, не обращаясь ни к кому конкретно. – Хочу посмотреть, как она себя чувствует.

– Конечно, Изабелла, поезжай, – согласился Густаво. – Я тем временем съезжу к себе в клуб, заодно и подвезу тебя к родительскому дому, а позже заберу.

– Спасибо, – поблагодарила она мужа, когда они перешли в гостиную, чтобы выпить по чашечке кофе. Разговаривая со свекром, Изабелла краешком глаза заметила, что Густаво наливает себе еще одну большую порцию бренди.

– Изабелла, – подала голос сеньора Луиза, – хочу, чтобы ты подошла ко мне завтра утром в библиотеку. Нам надо обсудить домашние расходы. В родительском доме, как я понимаю, у тебя не было необходимости следить за тем, чтобы строго укладываться в бюджет, но мы тут на Каса дас Оркуидеас не приучены бросать деньги на ветер.

– Хорошо, сеньора Луиза, как скажете.

Изабелла с трудом удержалась от того, чтобы не напомнить свекрови, сколько средств вложил ее отец в обновление этого дома. К тому же, Изабелла это знала точно, в день их свадьбы с Густаво отец дал новобрачному солидную сумму денег наличными, чтобы покрыть все их будущие расходы, как на проживание, так и на ее гардероб.

– Пора в кровать, моя любовь, – нежнейшим голоском проворковал Густаво, и Изабелла тотчас же почувствовала сильнейшее сердцебиение. Перспективы, как всегда, были пугающими. К тому же тяжелая, пересоленная еда, которую приготовила им на ужин старуха-кухарка, давила своей тяжестью в желудке, однако Густаво жестом велел подниматься со своего места.

– Доброй ночи, мама, отец. – Он отвесил им легкий поклон. – Увидимся завтра утром за завтраком.

После чего взял жену за руку и повел по лестнице. Изабелла сделала глубокий вдох и, не проронив ни слова, молча последовала за мужем и так же молча переступила порог супружеской спальни.

* * *

– Голубка моя! – радостно приветствовала Карла, встречая Изабеллу на пороге дома. – Как же я по тебе соскучилась. Заходи

скорее в дом. Расскажи мне о своем медовом месяце. Все прошло чудесно, да?

При виде родного лица матери Изабелле захотелось броситься ей на грудь и выплакаться всласть на ее плече.

– Да, – тихо обронила она по пути в гостиную. – Родственники Густаво были очень добры ко мне.

– Замечательно, – обрадовалась Карла. Габриела подала им кофе. – А как Густаво? С ним все в порядке? Он счастлив?

– Да, с ним все в порядке. Вот сегодня отправился в свой клуб. По правде говоря, представления не имею, чем он там занимается.

– О, это такой чисто джентльменский досуг, – ответила Карла. – Впрочем, может, занят и каким делом. Например, проверяет котировки своих акций. Если у него имеются такие же акции, как у твоего отца, то тогда дела у него обстоят просто превосходно. В стране сейчас самый настоящий кофейный бум. Только на прошлой неделе твой отец купил еще две плантации. В один прекрасный день все это достанется тебе. Ну, и твоему мужу, конечно. Так расскажи мне, как твоя замужняя жизнь?

– Я... понемногу приспосабливаюсь.

– Приспосабливаешься? – нахмурилась в ответ Карла. – Изабелла, что это значит? Тебя не устраивает твое нынешнее положение?

– Мама! – Изабелла обратилась к ней так, как обращалась когда-то в детстве. – Я...

– Пожалуйста, Изабелла, не томи! Говори, что ты хочешь сказать.

– Я... то есть мне бы хотелось узнать, если... Словом, если Густаво каждую ночь проявляет в спальне активность, то это как?

Карла оглядела дочь внимательным взглядом и издала короткий смешок.

– Ах, вот оно что! Теперь мне понятно. То есть у твоего муженька бурлит кровь и ему все время хочется получать удовольствие со своей красавицей-женой. Изабелла, это очень хорошо. Это означает, что он любит тебя, что он желает тебя. Неужели сама не понимаешь?

Изабелле очень хотелось расспросить мать и о других вещах, которые вытворяет с ней Густаво, но она не решилась даже заговорить об этом вслух.

– Но я очень устаю, мамочка, – выдавила она из себя.

– Замужняя женщина не должна много спать, это тоже вполне естественно. – Судя по всему, Карла категорически не желала вникать в проблемы дочери или, по слепоте души своей, и вовсе не замечала их. – Я хорошо помню, доченька, то время, когда мы с твоим отцом только поженились. Все было точно так же. И в этом нет ничего необычного. Как и в том, что да, со временем страсть ослабевает, и мужчина немного успокаивается. Вполне возможно, такое произойдет, когда ты забеременеешь, а судя по твоим словам, это может случиться очень скоро. – Карла многозначительно улыбнулась. – Ах, я так мечтаю поскорее стать бабушкой.

– А я – матерью.

– Как тебе живется в твоём новом красивом доме? Сеньора Айрис Кабрал добра к тебе?

– Да, вполне, – коротко обронила Изабелла. – Правда, сегодня утром у нас с ней состоялся пространный разговор о счетах на ведение домашнего хозяйства. Они живут гораздо скромнее, чем мы.

– Очень надеюсь, что после того, как твой отец вручил Густаво такую крупную сумму денег, все изменится. Кстати, у нас для тебя есть еще одна новость. Но об этом чуть позже, когда вернется с работы отец, – таинственно сообщила дочери Карла.

– Как ты себя чувствуешь, мамочка? – спросила у нее Изабелла. Она уже поняла, что Карла попросту не желает вникать в те семейные проблемы, которые имелись у дочери. Но про себя Изабелла не преминула отметить, что Карла еще больше похудела и очень уж бледна.

– О, все хорошо. Я чувствую себя просто замечательно! – жизнерадостно воскликнула Карла. – Только вот в доме стало так неуютно без тебя. Когда ты была в Европе, я хоть знала, что рано или поздно ты вернешься домой. А сейчас совсем другое дело. Я понимаю, что ты уже никогда не вернешься сюда. Хорошо хоть, живешь неподалеку. Надеюсь, мы будем часто видеться.

– Конечно, мамочка. Обязательно будем.

Настроение у Изабеллы испортилось. У нее вдруг возникло странное чувство отчужденности от матери. словно какая-то невидимая стена выросла между ними. Такое впечатление, что Карла уже смирилась с тем, что дочь больше не принадлежит ей. Отныне Изабелла принадлежит своему мужу и является *частью его* семьи.

– А вот и отец приехал! Я ему сказала, что ты собираешься навестить нас, и он пообещал вернуться с работы пораньше, чтобы повидаться с тобой.

В гостиную вошел Антонио. Он, как всегда, пребывал в самом добродушном расположении духа. Обнял дочь, уселся напротив нее и взял ее руки в свои.

– Я хотел дождаться того момента, когда ты вернешься после своего свадебного путешествия, и уже тогда сообщить тебе, какой подарок мы с твоей матерью приготовили для тебя по случаю твоего бракосочетания. Вчера, Изабелла, я переоформил нашу фазенду Святой Терезы на твое имя.

– Папочка! – воскликнула Изабелла, не в силах сдержать эмоции. – Ты хочешь сказать, что отныне фазенда принадлежит мне? Только мне одной?

– Да, Изабелла, это так. Правда, есть небольшое «но», и ты должна быть в курсе этого. – Антонио замолчал и энергично потер подбородок, размышляя об этих дополнительных сложностях. – Ты ведь, наверное, знаешь, что, согласно бразильскому законодательству, у нас в Бразилии муж на вполне законных основаниях владеет всей той собственностью, которая принадлежит его жене. Но, поскольку твоя мать настаивала на том, чтобы фазенда принадлежала только тебе, я должен был проявить некоторую... скажем так, изобретательность. Я оформил на твое имя трастовый договор и заверил его нотариально. Согласно этому договору, ты получаешь право доверительного собственника, то есть можешь распоряжаться фазендой по доверенности. К тому же имеешь все права на доходы, которые приносит наше хозяйство на фазенде. Плюс право жить там вплоть до самой своей смерти. Будем надеяться, что к тому времени, как это случится, наши допотопные законы изменятся, и ты станешь полноправной хозяйкой фазенды уже напрямую, безо всяких там доверенностей. Кстати, в договоре имеется один пункт, согласно которому, в случае твоей смерти, доверенность автоматически переходит на твоих детей, которые на тот момент у тебя будут.

– Понятно, – тихо прошептала Изабелла, растроганная до такой степени, что она с трудом могла говорить. – Спасибо вам, паи, мамочка. Невозможно было осчастливить меня больше.

Изабелла поднялась со стула и обняла мать. Не приходилось сомневаться, что именно она и выступила инициатором такого замечательного подарка.

– Твой отец проявил просто невиданную щедрость по отношению к семье твоего мужа, – сказала Карла. – Если бы даже Густаво и узнал о еще одном нашем подарке тебе, чего он, надеюсь, не узнает, то ему грех жаловаться или обвинять Антонио в том, что он проявил подобную щедрость и по отношению к собственной дочери. В конце концов, отец всю жизнь работает как каторжный, чтобы обеспечить надлежащим образом свою семью и свою дочь.

В глазах Карлы промелькнуло легкое осуждение, и Изабелла мгновенно поняла, что в глубине души ее мама не вполне согласна с мужем, который осыпает такими щедротами семью, все представители которой не проработали ни единого дня в своей жизни.

– А сейчас, – Антонио достал пачку документов из конверта, который держал в руке, – подойди ко мне и подпиши эти бумаги. Поставь свою подпись рядом с моей. А свидетелями выступят твоя мать и Габриела.

Изабелла поставила свою подпись прямо под подписью отца, потом расписались Карла и Габриела. При мысли о том, что у нее появился собственный дом, что отныне она является законной владелицей своей любимой фазенды, настроение Изабеллы заметно улучшилось. Все ее дурные предчувствия, все ее нынешние опасения по поводу собственного брака на время отступили куда-то в сторону. Подарок родителей дал столь необходимое ей чувство уверенности в собственной безопасности.

– Ну вот! Дело сделано, – широко улыбнулся Антонио. Судя по всему, щедрый подарок дочери его радовал гораздо больше, чем те благодеяния, которыми он осыпал ее новых родственников. – А дальше я незамедлительно передам бумаги своему нотариусу. – Он снова сложил документы в конверт и направился к себе в кабинет, чтобы запереть бумаги в стол.

* * *

Где-то через час за ней заехал Густаво. Обменявшись формальными приветствиями с тестем и тещей, он тут же объявил, что им с Изабеллой пора ехать, чтобы не опоздать к семейному ужину.

– Я навещу тебя, мамочка, в ближайшие дни. Что, если мы вместе с тобой совершим экскурсию на гору Корковадо? Посмотрим там, как продвигаются работы по сооружению памятника Христу? – предложила Изабелла матери.

– О, с большим удовольствием, – немедленно согласилась Карла. – Как насчет четверга?

– Хорошо. Значит, в четверг. Договорились?

Изабелла послушно последовала за мужем к его машине.

Когда водитель тронул машину с места, Изабелла вдруг подумала, что не станет рассказывать мужу о том подарке, который только что преподнесли ей родители. Пусть это будет таким ее маленьким секретом, красивой тайной, которой будет владеть только она. Когда они проезжали по эстакаде, ведущей к Корковадо, она заметила, как из поезда, совершившего спуск с горы, на крохотную платформу выходят пассажиры. И буквально рядом, всего лишь в каких-то двух шагах от себя, она увидела... При виде этого человека сердце у нее екнуло. Но он слишком быстро зашагал прочь, вниз по улице, чтобы можно было хорошенько рассмотреть его.

Изабелла в смятении закрыла глаза и недоверчиво покачала головой. Конечно же, это был не Лорен. Какой-то другой мужчина, но очень похожий на него. Да и что Лорену делать здесь, в Бразилии?

– Завтра тебе привезут мой свадебный подарок, дорогая, – сказал Густаво, прервав размышления Изабеллы. Он положил свою ладонь на ее руку. – Я уже видел его. Очень красивый. Думаю, тебе он тоже понравится.

– Тогда буду с нетерпением ждать того момента, когда смогу увидеть твой подарок. – Изабелла постаралась вложить в свои интонации как можно больше радости.

Однако ближе к ночи, уже после ужина, она почувствовала себя очень неважно. Мимолетное видение, которое она приняла за Лорена, окончательно лишило ее душевного равновесия. К тому же что-то неладное творилось с животом: все время какие-то болезненные спазмы. Как только они с Густаво оказались в спальне, Изабелла тотчас же скрылась в ванной комнате, предусмотрительно заперев за

собой дверь. Переодевшись в ночную сорочку, она почистила зубы, потом расчесала волосы. После чего отомкнула дверь и вошла в спальню. Густаво уже разделся и лежал в кровати, поджидая жену. Но едва он сделал движение в ее сторону, как она тут же отодвинулась и покачала головой.

– Мне очень жаль, но сегодня не получится. У меня начались месячные.

Густаво понимающе кивнул головой и тут же сполз с кровати, накинув на себя халат.

– Тогда я отправляюсь спать в свою старую холостяцкую комнату, а ты пока отдохни. Спокойной ночи, дорогая.

Стоило двери закрыться за мужем, как Изабелла тут же подхватила и села на кровати, издав короткий смешок. Быстро же Густаво ретировался! Что ж, подумала она, зато теперь она точно знает: каждый месяц у нее есть хотя бы несколько дней, когда можно будет выспаться всласть в полном одиночестве.

* * *

Как и было договорено с Карлой, в четверг Изабелла снова направилась в родительский дом, чтобы забрать мать и повезти ее на экскурсию на гору Корковадо. Они сели в один из вагонов, но, как только состав стал подниматься вверх, Карла испуганно вцепилась в руку дочери.

– Это не опасно? Тут такой крутой склон... Как поезд сможет добраться до самой вершины?

– Не бойся, мамочка. Все будет хорошо. Зато какой чудесный вид открывается сверху. Поездка того стоит. Ты увидишь Рио во всей его красе.

Уже на вершине горы они стали медленно подниматься по ступенькам на самый верх, держа друг друга за руки. Карла то и дело останавливалась, давая себе короткую передышку, необходимую для восстановления дыхания. Очутившись на самом верху, Изабелла повела мать на смотровую площадку.

– Ты только взгляни, мама. Какая красота! – улыбнулась Изабелла. – Просто дух захватывает. А вон там, видишь, ведутся уже

строительные работы по сооружению памятника. Так странно осознавать, что я своими глазами наблюдала в мастерской профессора Ландовски, как создается макет этой статуи. Профессор даже сделал слепок с моих рук. Сказал, что это может пригодиться ему, когда он начнет работать над руками Христа...

Изабелла отвернулась от созерцания Рио, раскинувшегося внизу, и перевела взгляд на строительную площадку. Двое мужчин спускались оттуда, о чем-то увлеченно разговаривая друг с другом. Она смотрела на них, не веря своим глазам. Ей показалось, что сердце остановилось, когда он вдруг поднял голову и увидел ее.

Несколько секунд они молча таращились друг на друга, а потом он улыбнулся ей и тут же снова сосредоточил свое внимание на ступеньках, по которым спускался. Быстро догнал своего спутника, а вскоре и вовсе исчез из виду.

– Кто это был?

Карла с явным интересом рассматривала дочь.

– Я... Это сеньор Леви, главный прораб сооружаемого памятника.

– Да, я узнала его по снимкам в газетах. А тот, другой мужчина?

– Затрудняюсь сказать наверняка. Но, по-моему, это помощник профессора Ландовски.

– Понятно. Мне показалось, что он тебя знает.

– Ну да. Мы же с ним встречались в Париже, – ответила Изабелла, лихорадочно пытаясь привести себя в чувство. Каждый нерв, каждая клеточка тела молили ее сейчас лишь об одном: немедленно броситься вслед за Лореном по лестнице вниз, чтобы догнать и упасть ему на грудь. Потребовалась вся выдержка, которая у нее еще осталась, чтобы не поддаться столь непреодолимому порыву.

Когда же минут через пятнадцать Карла пожаловалась дочери, что уже умирает от жары, царящей наверху, и они медленно спустились вниз на платформу, устроившись на скамейке в ожидании поезда, ни Лорена, ни сеньора Леви нигде не было видно.

Вернувшись к себе, Карла поинтересовалась у дочери, не хочет ли та зайти в дом, выпить чего-нибудь холодненького или чашечку чая, но Изабелла отказалась и велела шоферу ехать напрямиком на виллу Каса дас Оркуидеас. Ей нужно было какое-то время побыть одной, чтобы прийти в себя. А в присутствии матери, и Изабелла это отлично понимала, она могла ненароком выдать себя.

Как он здесь оказался? Зачем приехал?

Как зачем? Она увидела Лорена вместе с сеньором Леви. Отсюда следует, что это профессор Ландовски послал Лорена в Рио, сделал его своим личным представителем, и тот будет наблюдать за продвижением работ по возведению памятника Христу и докладывать профессору о текущем состоянии дел.

Да, именно так все и обстоит, решила про себя Изабелла, выходя из машины и неохотно направляясь к парадному крыльцу дома. Словом, в самом факте появления Лорена в Рио нет ничего таинственного или сверхъестественного. Зайдя в дом, она поднялась прямо к себе в спальню, зная, что Густаво вернется из своего клуба уже ближе к вечеру, а значит, в ее распоряжении есть еще пара часов, которые она может провести в полном одиночестве, чтобы привести в порядок и себя, и свои расхоловавшиеся чувства. Что ж, небольшая, но отсрочка. Хоть какое-то облегчение.

Она улеглась в постель, сделала глубокий вдох и попыталась рассуждать логично. Скорее всего, больше Лорена она не увидит. Маловероятно, чтобы их пути снова пересеклись в таком большом городе, как Рио-де-Жанейро. Инженер Леви не входит в круг их знакомых, а сеньор Эйтор да Силва Коста со своим семейством все еще находится в Париже. Можно сказать, что их сегодняшняя встреча с Лореном – это такой жестокий укол судьбы. Хорошо бы, чтобы такой встречи и вовсе не было, чтобы она никогда больше не видела Лорена, сокрушенно подумала Изабелла и тут же вспомнила, как он улыбнулся ей в ту сотую долю секунды, когда они безмолвно разглядывали друг друга. О, какой же манящей была эта улыбка.

* * *

На следующий день Густаво вернулся из клуба неожиданно рано и попросил жену не появляться в гостиной, пока он не скажет, что уже можно. По выражению лица мужа Изабелла поняла, что ему самому подарок, который он ей приготовил, ужасно понравился. И она тоже приготовилась выразить свои восторги и слова благодарности, независимо от того, что за сюрприз ее ждет в гостиной.

– Твои родители тоже присоединятся к нам за ужином, – сказал Густаво. – И еще один весьма неожиданный гость. Так что надень свое самое красивое платье, ладно?

* * *

Неожиданная встреча с Изабеллой произвела и на Лорена сильнейшее впечатление. Мимолетный образ возлюбленной, стоявшей на смотровой площадке, был прекрасен. Было что-то ангельское во всей ее фигуре, подсвеченной со спины солнцем. Казалось, она вся светилась изнутри. Все те дни, что Лорен провел в Рио уже после того, как Леви сообщил ему о свадьбе Изабеллы, он почти физически ощущал себя полностью опустошенным. На смену воодушевлению, с которым он впервые вступал на землю Бразилии, пришли уныние и тоска. Лорен даже вознамерился в максимально сжатые сроки разделаться со всем, что удерживало его в Рио. Понаблюдает какое-то время за процессом монтажа статуи, чтобы было что рассказать учителю и заверить Ландовски, что с его скульптурой все в полном порядке, потом немного поедит по стране, в которую он так долго добирался, и назад, к себе домой, во Францию. Теперь, когда он знает наверняка, что Изабелла уже никогда не будет принадлежать ему, делать ему в Бразилии больше нечего. Лорен с трудом уговорил самого себя не бронировать себе место на пароходе прямо сейчас, немедленно. И остался. И даже прожил в Рио уже целый месяц, подпитываемый хилой надеждой на то, что Изабелла вернется из своего свадебного путешествия, а потом вдруг произойдет чудо, и они случайно встретятся.

Вчера месье Леви сказал ему, что звонил сеньор да Силва Коста, спрашивал номер телефона Лорена.

– У меня такое впечатление, что сеньор Густаво Айрис Кабрал хочет лично познакомиться со скульптором, изваявшим портрет его жены. Он приглашает вас в свой прекрасный дом завтра на ужин. Полагаю, заодно хочет и рассчитаться с вами, – добавил Леви. – Сеньор Айрис Кабрал сам перезвонит вам, чтобы обо всем договориться.

– Благодарю, – коротко ответил Лорен.

Поначалу он был настроен категорически против того, чтобы принимать приглашение Густаво отужинать в его доме. Нет, надо встретиться с ним в его клубе и там порешать все финансовые вопросы. Меньше всего на свете Лорену улыбалось завязывать приятельские отношения с мужем Изабеллы.

Но вчера днем он увидел ее...

После долгих и мучительных споров с самим собой Лорен решил так. Какое ему дело до мужа, есть он там или его нет, если он может провести целый вечер в обществе Изабеллы и снова любоваться ее прекрасным лицом. А потому, когда месье Айрис Кабрал позвонил, то Лорен с готовностью принял приглашение на ужин.

Такси везло его вначале по улочкам Ипанемы, потом по шумному центру города. Наконец они выехали на окраину Рио, а Лорен всю дорогу спрашивал себя, какого черта он тащится неизвестно куда и неизвестно к кому. Не самоубийство ли чистейшей воды желание провести несколько часов в обществе своей любимой? Ведь огонь любви вспыхнет в его сердце с новой силой. Однако дело сделано, подумал он, когда машина свернула на протяженную подъездную дорогу, ведущую к элегантному особняку в колониальном стиле. Он уже на месте, и надо постараться наилучшим образом воспользоваться представившейся ему возможностью.

Лорен вышел из такси, расплатился с водителем и замер от восторга, с восхищением обозревая фасад дома. Пожалуй, это одно из самых красивых зданий в Рио. Лорен поднялся по широким мраморным ступеням крыльца к величественной парадной двери и позвонил.

Дверь отворила служанка и провела в гостиную, где уже находились две супружеские пары средних лет. В углу комнаты, судя по знакомым очертаниям, стояла его скульптура, задрапированная скатертью.

– Ах, вот и вы! – обрадованно воскликнул тщедушный мужчина, чертами лица, смахивающий на грызуна, входя в комнату следом за Лореном. – Сам скульптор пожаловал к нам! – Густаво широко улыбнулся и протянул для рукопожатия свою худосочную руку. – Густаво Айрис Кабрал, к вашим услугам, – представился он. – А вы, должно быть, сеньор Лорен Бройли.

– Да. Рад познакомиться с вами, сеньор Густаво, – ответил Лорен, отметив про себя, что рукопожатие у хозяина дома вялое и что Густаво почти на целую голову ниже его самого. Неужели, думал Лорен, пока Густаво знакомил его с остальными присутствующими в комнате, этот некрасивый сухопарый субъект и есть молодой муж Изабеллы?

– Пожалуйста, шампанского, – предложила Лорену служанка, протягивая поднос с наполненными бокалами.

– Мерси, – поблагодарил Лорен, обмениваясь рукопожатиями с родителями Густаво, а потом и с родителями Изабеллы.

Антонио Бонифацио, высокий, привлекательный мужчина с темными волосами, уже тронутыми сединой, обменялся с ним энергичным рукопожатием, а Карла, его жена, одарила гостя приветливой улыбкой. Красивая женщина, подумал Лорен. Теперь понятно, от кого Изабелла унаследовала столь яркую и броскую внешность. Поскольку чета Бонифацио не говорила по-французски, переводчиком вызвался быть Густаво.

– Сеньор Бонифацио сказал, что Изабелла много рассказывала ему о профессоре Ландовски и о том времени, что она провела в его мастерской, позируя вам. Горит желанием своими глазами увидеть, получилось ли у вас в полной мере передать красоту его дочери.

– Могу лишь надеяться, что мне удалось воздать должное красоте вашей дочери, сеньор Антонио, – ответил Лорен, чувствуя на себе пристальный взгляд Карлы. Так вот кто была та женщина, вместе с которой Изабелла вчера поднялась на вершину Корковадо.

– Сеньора Карла говорит, – продолжил переводить Густаво, – что Изабелла и понятия не имеет о том, что скульптура уже находится в Бразилии, и о том, что вы сами приехали сюда. Наверняка это станет для нее большим сюрпризом, когда она спустится вниз и присоединится к нам.

– О да! Наверняка так оно и будет, – с чувством подтвердил Лорен.

* * *

– Готова? – спросил Густаво, входя в спальню. Изабелла сидела на кровати с видом человека, глубоко погруженного в свои мысли.

Она повернулась навстречу мужу и улыбнулась:

– Готова.

Густаво обозрел свою жену, облаченную в красивое платье из зеленого шелка. В ушах и на шее сверкали изумруды, подаренные отцом по случаю ее восемнадцатилетия.

– Ты выглядишь просто потрясающе, дорогая, – восхищенно воскликнул он, предлагая ей руку. – Так мы идем?

– Ума не приложу, кто там может быть внизу... Такие меры предосторожности... – обронила Изабелла с рассеянным видом, спускаясь вместе с мужем по лестнице.

– Скоро все увидишь сама, – удовлетворенно хмыкнул Густаво и слегка почесал переносицу, а потом открыл дверь в гостиную.

– А вот и наша молодая хозяйка, – объявил он во всеуслышание, обращаясь к собравшимся.

Изабелла улыбнулась при виде отца и матери, которые поспешили к ней, чтобы поздороваться. Но Густаво не дал им времени на разговоры и тут же подвел жену уже к своим родителям, которые беседовали о чем-то с еще одним гостем, стоявшим к ней спиной.

– Дорогая, вот первая часть моего сюрприза, которая поможет тебе догадаться, что за подарок я тебе приготовил. Позволь представить сеньора Лорена Бройли, приехавшего к нам из самого Парижа.

Мужчина развернулся лицом к Изабелле. Густаво, стоя между ними, блаженно улыбался, явно наслаждаясь произведенным эффектом. Ведь такая хитроумная затея.

Изабелла скользнула по Лорену равнодушным взглядом, стараясь ничем не выдать охватившего ее волнения. Она знала, все глаза устремлены сейчас на нее. Все ждут ее первой реакции на появление в их доме Лорена Бройли. Однако потрясение ее было столь сильным, что в первую минуту у нее даже не нашлось подходящих слов, чтобы хоть что-то сказать ему. Ей показалось, что гнетущая тишина, повисшая в гостиной, длится уже целую вечность.

Ситуацию спас Лорен.

– Мадам Айрис Кабрал, – начал он, беря ее руку, – для меня огромная честь и не менее огромное счастье снова иметь возможность увидеться с вами. – Он галантно поцеловал Изабелле руку и, оглядев ее, добавил: – Пару минут тому назад ваш отец спрашивал меня,

вполне ли я воздал должное вашей красоте в своей работе. И вот сейчас, глядя на вас, вынужден признаться: боюсь, эта задача оказалась мне не под силу.

– Я... – начала Изабелла и тут же усилием воли заставила себя напрячь мозги и переключиться на французский. – Сеньор Бройли, какой приятный сюрприз. Не ожидала увидеть вас в Рио.

– Да, вот такое удачное совпадение, – оповестил ее Густаво ликующим голосом. – Сеньор Бройли прибыл в Бразилию в связи с проектом памятника Христу. Наверняка, дорогая, ты уже догадалась, что за подарок я тебе приготовил.

Но мысли Изабеллы были настолько заняты Лореном, что она даже не подумала над тем, как следует увязать его появление в доме Кабралов с тем подарком, который приготовил для нее муж. К счастью, она не успела ответить. Потому что Густаво подвел ее к некоему предмету, задрапированному скатертью. Все остальные встали полукругом позади них.

– Снимаю, да? – обратился он к жене.

– Да, – выдохнула в ответ Изабелла. До нее наконец дошло, что за подарок ее ждет.

Как только перед всеми предстала скульптура Лорена, раздались возгласы восхищения. А Изабелле лишь оставалось благодарить Бога за то, что Лорен запечатлел ее в образе целомудренной юной девы. Никто из собравшихся, разглядывая скульптуру, не смог бы придаться к ваятелю или упрекнуть его в излишней откровенности в трактовке образа.

– И как вам? – Густаво, торжествуя, обвел глазами родных в ожидании их мнения.

Первым заговорил Антонио:

– Просто поразительное сходство. Вы очень хорошо уловили суть характера моей дочери, сеньор Бройли.

– О да! – одобрительно подхватила Карла. – Точный портрет нашей дочери.

Густаво перевел реплики родителей Изабеллы на французский язык, и Лорен тут же отвесил им обоим благодарный поклон.

– Не уверена, что вы в точности сумели воспроизвести ее губы, – заметила на французском сеньора Луиза, привыкшая, по своему

обыкновению, всегда оставлять последнее слово за собой, чтобы иметь возможность прицепиться хоть к чему-нибудь.

– Вы правы, сеньора Луиза, – немедленно согласился с ней Лорен. – С момента нашей последней встречи с вашей невесткой могу сказать лишь одно: она буквально расцвела после замужества. Что свидетельствует лишь о том, что все прелести супружеской жизни пошли ей явно на пользу.

Изабелла едва не задохнулась от последних слов Лорена, которыми он отреагировал на критическое замечание сеньоры Айрис Кабрал. Все очень вежливо и пристойно, но косвенный выпад не остался незамеченным присутствующими, а сама сеньора Луиза даже слегка покраснела.

– Ну, как тебе мой подарок, Изабелла? – Густаво по-хозяйски обнял жену за талию.

– Боюсь, что мои суждения о самой скульптуре могут показаться невежественными и в какой-то степени даже заносчивыми. Ведь речь идет об изображении меня самой. Но твой подарок, Густаво, мне очень по душе. Можно сказать, ты осчастливил меня.

Последние слова Изабелла произнесла уже на автомате, после чего запечатлела легкий поцелуй на щеке мужа. И в эту же самую минуту почувствовала, или ей показалось, что она чувствует, пронзительный взгляд Лорена, который буквально прожег ее насквозь.

В гостиной появился старый дворецкий и объявил, что ужин подан. За столом Изабелла облегченно перевела дух, когда увидела, что Лорена усадили между Карлой и Луизой. Сама же она расположилась между свекром и отцом. Густаво на правах молодого хозяина дома уселся во главе стола. К несчастью, место Лорена оказалось как раз напротив Изабеллы. Стоило ей только поднять глаза, и она тут же встречалась взглядом с ним. Получилась такая своеобразная пародия на те времена, когда, сидя в мастерской Ландовски и позируя Лорену, они вот так же часами могли смотреть друг на друга.

Чтобы слегка успокоить расхолодившиеся нервы, Изабелла сделала большой глоток вина. После чего повернулась вправо и заговорила с Маурицио о первом, что пришло ей в голову. Антонио, услышав, что они начали обсуждать цены на кофе, немедленно подключился к их разговору. И очень скоро мужчины принялись выражать свою

обоюдную озабоченность тем, что в Бразилии на сегодняшний день наблюдается переизбыток запасов кофейных зерен, а в результате цены на кофе пошли вниз.

– Мои друзья в сенате уже поговаривают о том, что пора приступать к созданию резервного фонда, – обронил Маурицио.

– Очень разумная идея, – похвалил Антонио. – Именно этим я и собираюсь заняться на своих плантациях. За последний месяц цены резко упали, а вместе с ними рухнула и прибыльность кофейного бизнеса.

Словом, разговор о делах продолжился уже без ее участия. Изабелла даже вынуждена была слегка откинуться на спинку стула, чтобы не мешать Антонио и Маурицио разговаривать напрямую. А ей оставалось лишь сидеть и смотреть на Лорена.

Изредка их взгляды встречались, и тогда оба понимали, что ничего в их чувствах друг к другу не поменялось.

Когда все снова перешли в гостиную, куда подали кофе, завязался уже разговор между нею, Густаво и Лореном.

– Когда вы намереваетесь возвращаться в Париж? – поинтересовался у Лорена ее муж.

– Пока я еще не принял окончательного решения, – ответил тот. – Все зависит от того, как сложатся обстоятельства. Вполне вероятно, что здесь передо мной откроются какие-то новые возможности. – Лорен мельком глянул на Изабеллу. – Ваша матушка, месье Густаво, любезно предложила познакомить меня с некоторыми потенциальными клиентами, которых, быть может, тоже заинтересует моя работа и они захотят изваять скульптурные портреты своих близких. А почему бы и нет? Кто знает. – Лорен слегка улыбнулся. – Я уже успел влюбиться в вашу прекрасную страну. Совсем не исключено, что мне захочется остаться здесь навсегда.

– Что ж, если моя мать вознамерится взять вас под свое крыло и оказать вам покровительство, то, заверяю вас, уже в самом ближайшем будущем у вас появится обширная клиентура, – заметил Густаво, поднимаясь с дивана, на котором он сидел рядом с Изабеллой. – Еще бренди?

– Нет, спасибо, сеньор Густаво. С меня уже достаточно, – вежливо поблагодарил его Лорен.

Густаво отошел к столику со спиртным. Впервые за весь вечер Лорен и Изабелла остались наедине.

– Ну, как ты, Изабелла? – тут же поинтересовался у нее Лорен.

Изабелла скользнула взглядом по журнальному столику, потом перевела глаза вниз и стала разглядывать узор наборного паркета. Все, что угодно, только бы не встречаться с Лореном глазами. Ей так о многом хотелось поведать ему, но она с трудом выдавила из себя всего лишь пару слов.

– Я... замужем.

Она подняла на него глаза, желая прочесть его реакцию, и увидела, что Лорен лихорадочно оглядывает комнату, чтобы убедиться, что за ними не наблюдают.

– Послушай, Изабелла, – прошептал он, подаваясь из своего кресла слегка вперед, навстречу ей, насколько это позволяли приличия. – Хочу, чтобы ты знала, что я приехал сюда только ради тебя. Ты *должна* это знать. Если ты пожелаешь, чтобы я уехал, исчез из твоей жизни навсегда, скажи одно слово. Я тут же сяду на ближайший пароход и уплыву во Францию. Но я хочу услышать это из твоих уст. Прямо сейчас. Ну же! – торопил ее Лорен, наблюдая за тем, как Густаво наполняет свой стакан очередной порцией бренди. – Скажи мне, ты счастлива со своим мужем?

У нее не нашлось подходящих слов. К тому же она увидела, что Густаво уже заткнул графин пробкой и вот-вот вернется на свое место.

– Я не могу, – прошептала она в отчаянии, понимая, что истекают последние секунды их с Лореном общения наедине.

– Тогда я спрошу по-другому. Ты все еще любишь меня?

– Да.

Изабелла увидела, как Густаво склонился над своей матерью и что-то негромко сказал ей на ухо.

– Тогда приходи ко мне завтра, во второй половине дня. Улица Висконде де Пирайя. Это в районе Ипанема. Многоквартирный жилой дом. У меня квартира номер шесть, на самом верхнем этаже.

Адрес мгновенно запечатлелся в памяти Изабеллы. Но вот перед ними снова замаячила фигура Густаво. По выражению лица Лорена Изабелла поняла, что тот заметил, насколько пьян ее муж. Она невольно содрогнулась, когда Густаво снова уселся рядом с ней, крепко обхватил ее за плечи и притянул к себе, чтобы поцеловать.

– Скажите, разве моя жена не красавица? – с пьяной ухмылкой на лице спросил он у Лорена.

– О да, месье Айрис Кабрал, ваша жена – настоящая красавица.

– Порой у меня даже возникает чувство, что я ее не достоин, – обронил Густаво, снова прикладываясь к стакану с бренди. – Как вы, наверное, догадываетесь, я получаю огромное удовольствие от первых недель нашей с ней совместной жизни.

– Могу себе представить, – коротко бросил в ответ Лорен и резко поднялся с кресла. – Боюсь, мне уже пора.

Он отошел от них, чтобы попрощаться с остальными.

– Ты уже чистая? – прошептал ей на ухо Густаво. Изабелла увидела, как Лорен целует руку ее матери.

– К сожалению, еще нет. Наверное, завтра.

– Как же не везет, – горестно пожаловался Густаво. – Мне так не терпелось уже сегодня ночью заняться любовью со своей прекрасной женой.

Лорен снова подошел к ним.

– Позвольте откланяться и пожелать вам обоим доброй ночи. Большое спасибо за гостеприимство.

Густаво и Изабелла поднялись со своих мест. Лорен пожал руку ему, потом взял ее руку и запечатлел на ней мимолетный поцелуй.

– Всего доброго, мадам Айрис Кабрал, – проговорил он, обращаясь к ней на французском.

– Доброй ночи, сеньор Бройли, – ответила она ему тоже на французском.

После ухода Лорена засобирались домой и ее родители.

– Спокойной ночи, родная моя, – попрощалась с ней Карла, уже стоя в дверях. – Навести меня днями, ладно? – добавила она, бросив на дочь заинтригованный взгляд, и заторопилась вслед за Антонио к машине.

Наверху, уже у дверей спальни, Густаво вдруг стал страстно целовать Изабеллу.

– Не могу дождаться завтрашнего вечера, – прошептал он разгоряченно.

Изабелла закрыла за собой дверь, разделась и легла в кровать. «Слава богу, – подумала она, – хоть эту ночь я проведу одна».

На следующее утро Изабелла проснулась с ощущением, что вчера слишком много выпила. Или ей просто кровь ударила в голову? А чем еще можно объяснить такое безрассудство – согласиться встретиться с Лореном у него на квартире сегодня после обеда?

Изабелла перевернулась на живот и издала протяжный стон. Всю минувшую ночь она, лежа в постели, снова и снова мысленно прокручивала в голове каждый эпизод вчерашней встречи с Лореном, каждый его испепеляющий взгляд, каждое слово, которым они обменялись. Однако утром мысли ее приняли уже другое направление, и она со всей очевидностью представила себе все ужасные последствия присутствия Лорена рядом с ней здесь, в Рио.

Не прошло еще и месяца с момента их свадьбы с Густаво, а она уже открыто призналась Лорену, что несчастна в браке и что по-прежнему любит *его, и только его...*

Что за помрачение рассудка нашло на нее?

Или это любовь сводит ее с ума?

Но каковы бы ни были предпосылки, последствия могут быть самыми ужасными. Даже страшно подумать, что сделает с ней Густаво, если узнает, что их отношения с Лореном начались еще в Париже. И уж тем более он не пощадит жену, если до него дойдут слухи о том, что эти отношения возобновились уже здесь, в Рио-де-Жанейро.

Изабелла поднялась с постели и направилась в ванную комнату. Уставившись в собственное отражение в зеркале, она снова и снова спрашивала себя, что ей делать. Самое разумное – проигнорировать приглашение Лорена и не поехать к нему. Наверняка он все поймет правильно и более не будет докучать ей своим присутствием.

Но вдруг в зеркале она вместо своих глаз увидела глаза Лорена, живые, манящие, наполненные страстью и так много обещающие, и тут же почувствовала сладостную судорогу во всем теле.

Когда она вернулась из ванной комнаты к себе в спальню, то обнаружила там Лоен.

– Как вы себя чувствуете, сеньора Изабелла? – спросила у нее служанка, вешая на плечики красивое шелковое платье, которое вчера вечером Изабелла сбросила с себя прямо на пол.

– Я... немного устала, – призналась Изабелла.

– Он ведь был вчера здесь, да? Ваш скульптор, – между делом поинтересовалась у нее Лоен, прибираясь в комнате.

– Да, был. Я... Ах, Лоен! – Изабелла безвольно опустилась на постель и, обхватив голову обеими руками, залилась слезами.

Лоен подбежала к хозяйке, уселась рядом с ней и принялась гладить ее руку.

– Пожалуйста, не надо плакать. Ведь хоть капельку, но вы счастливы, что он приехал в Бразилию. Правда?

– Да... но... Я сморозила большую глупость, Лоен, – Изабелла взглянула на свою верную подружку. – Я пообещала, что приеду к нему на квартиру в Ипанеме сегодня после обеда.

– Понятно, – коротко кивнула головой Лоен. – Поедете?

– Как я могу? Я же замужняя женщина и... тут же соглашаюсь на встречу с другим мужчиной. Немыслимо! Скажи мне, Лоен, что бы ты сделала на моем месте? Пожалуйста!

– Сама не знаю, – тяжело вздохнула в ответ Лоен. – Я уже приготовилась сказать вам, что вы поступаете неправильно и что вам нельзя ехать туда. Но если бы на месте вашего Лорена был мой Бруно, едва бы я устояла. Особенно зная, что он пробудет здесь совсем недолго.

– Иными словами, ты подталкиваешь меня, да? – Изабелла окинула свою служанку внимательным взглядом. – А ведь должна говорить мне, что это безумие, полнейшее безрассудство и прочее.

– Так оно и есть, – немедленно согласилась с ней Лоен. – Но вы это все понимаете не хуже меня. С другой стороны, все может обернуться даже к лучшему, если вы с ним встретитесь еще разок. Поставьте, так сказать, финальную точку в ваших отношениях, а ему скажете, что больше вы с ним видеться не сможете.

– Да, но как мне все это устроить? Сеньора Айрис Кабрал контролирует буквально каждый мой шаг.

– У вас же как раз сегодня назначена на два часа примерка у мадам Дюшан. А это, между прочим, в Ипанеме. Нужно будет перемерить кучу новых платьев к началу сезона. Вот мы и отправимся к мадам Дюшан, а там вы сошлетесь на плохое самочувствие и попросите перенести примерку на другой день. В итоге у вас появятся пара свободных часов для встречи с вашим скульптором.

– Лоен, на что ты меня толкаешь? – воскликнула Изабелла с отчаянием в голосе, хотя хорошо понимала, что план, предложенный служанкой, прост и легко осуществим.

– Не забывайте, сеньора Изабелла, я вам верный друг, как и вы мне. С самого первого дня вашего замужества я вижу, читаю по вашим глазам, как вы несчастны. А мне хочется, чтобы вы были счастливы. Жизнь такая короткая, а брак с нелюбимым тянется так долго. А потому думайте сами. – Лоен поднялась с кровати. – И если что надумаете, знайте, я всегда готова помочь вам.

– Спасибо, – прошептала Изабелла. – Я подумаю.

* * *

– Доброе утро, – приветствовала ее свекровь за завтраком. – Хорошо спали, дорогая?

– Да, спасибо.

– Сегодня утром я получила коротенькое письмецо от одной своей приятельницы. Им нужны молодые дамы для одной работы. Они собираются в церкви Игрейя де Носа-Сеньора да Глория до Оутейро. Что, кстати, совсем рядом с домом ваших родителей. Сеньор да Силва Коста, отвечающий за проект памятника Христу, решил декорировать статую мозаикой из мыльного камня. Ему нужны добровольцы, много свободных рук. Работа предстоит кропотливая. Надо будет закреплять кусочки мыльного камня на специальной сетке, укладывать треугольник за треугольником, подгоняя их вплотную друг к другу. Это займет много времени, но приятельница сказала, что к работе будут привлекаться только женщины из высших слоев общества. У меня сложилось впечатление, что у вас, Изабелла, не так-то много подруг в Рио. Вот вам отличная возможность обзавестись новыми друзьями.

– Конечно, я буду только рада помочь, тем более в таком святом деле. Я уже давно прикипела душой к этому монументу.

– Тогда я отпишу ей, что вы согласны. Полагаю, приступить к работе можно будет уже завтра.

– Хорошо, – согласилась Изабелла, принимая из рук служанки чашку с кофе.

После завтрака Изабелла прогулялась по саду, погруженная в свои мысли. Что ж, думала она, работа над мозаикой – это хоть что-то дельное, на что она может потратить свое время. В доме мужа, и это стало очевидным с самых первых дней проживания здесь, ей никогда не стать полноправной хозяйкой. Правда, сеньора Луиза бросила ей небольшую кость, поделилась с ней тем, как оплачиваются счета и на что расходуются деньги при ведении домашнего хозяйства, но само хозяйство она по-прежнему крепко держала в своих руках. Если Изабелла вносила какие-то свои предложения по меню очередного ужина, они тут же отвергались. А когда вчера она спросила у свекрови, почему для сервировки стола не используется французский фарфор из Лиможа, а все подается в несколько более грубоватой посуде из веджвудского фарфора, сеньора Луиза ответила ей, что лиможский фарфор выставляется на стол в исключительных случаях: семейные торжества, юбилеи, дни рождения.

Каждый день Густаво сразу же после ленча отправлялся в свой клуб. Так что всю вторую половину дня Изабелла обычно коротала в одиночестве. Внезапно она почувствовала неприятную пустоту в желудке. Да, но как насчет дня *сегодняшнего*?

К полудню Изабелла уже была близка к тихому помешательству. В половине второго она велела подавать машину.

– Сеньора Луиза, – оповестила она свекровь, обнаружив ее в гостиной, где та строчила кому-то очередное письмо, – я уезжаю в город, к мадам Дюшан. Лоен будет сопровождать меня. Боюсь, примерка затянется, так как речь идет о полной смене зимнего гардероба.

– Про эту портниху мне говорили, что берет она дорого, а вот работы ее далеко не всегда безупречны. Порой проскакивает откровенная неряшливость. Могу порекомендовать тебе другую швею, не такую дорогостоящую и более аккуратную.

– Лично мне мадам Дюшан не испортила еще ни одного платья, – возразила Изабелла. – Пока я ею вполне довольна. Увидимся за ужином, сеньора Луиза.

Изабелла не стала дожидаться ответной реакции свекрови на ее выпад. Как-никак, а она впервые решилась поставить под сомнение ее рекомендации. Изабелла поспешно вышла в холл и пришпилила шляпку на голове.

Лоен уже поджидала ее.

– Ну? – спросила она шепотом у своей хозяйки, пока они обе направлялись к машине.

– Сама не знаю, – простонала та в ответ.

– Тогда едем к мадам Дюшан. Если вы все же решитесь сымитировать головную боль, то я вам подыграю во всем остальном, – обронила Лоен, когда они усаживались в машину. Шофер тронул машину с места, Изабелла бездумно пялилась в окно, ничего не видя вокруг. Сердце колотилось как бешеное, казалось, еще немного, и оно разорвет грудную клетку и вырвется наружу.

Машина остановилась возле ателье мадам Дюшан. Изабелла и Лоен вышли из машины.

– Можешь ехать, Хорхе, – обратилась Изабелла к шоферу. – Ждать меня не стоит. Примерка наверняка затянется. Заберешь меня в шесть часов вечера.

– Хорошо, сеньора.

Изабелла проследила за тем, как автомобиль отъехал от стоянки, а потом вошла в салон в сопровождении Лоен.

А уже через десять минут она стояла перед большим зеркалом и тупо пялилась на собственное отражение, по-прежнему пребывая в полном смятении чувств. Мадам Дюшан хлопотала вокруг нее с сантиметром в одной руке и с булавками – в другой. Изабелла все еще не приняла окончательного решения. У нее даже живот свело от переживаний. Но если она не решит ничего прямо сейчас, то потом будет уже поздно.

Мадам Дюшан распрямилась и, пристроившись за спиной у Изабеллы, оглядела через плечо заказчицы плоды своих портняжных усилий. Но вот она глянула на лицо Изабеллы и тут же нахмурилась.

– У вас сегодня нездоровый вид, сеньора Изабелла. Какая-то вы бледненькая. Что-то болит?

– Чувствую слабость во всем теле, – согласилась с ней Изабелла.

– Тогда давайте перенесем примерку на другой день. А сегодня поезжайте домой и отдохните. – Портниха украдкой осмотрела в зеркале живот своей клиентки.

Изабелла встретилась взглядом с Лоен. Вот так все разрешилось как бы само собой, без ее непосредственного участия.

– Наверное, вы правы. Я перезвоню вам завтра, и мы договоримся о следующей встрече. Пошли, Лоен, – добавила она, обращаясь к служанке. – На сегодня примерка закончена.

Они вышли на улицу. Изабелла повернулась лицом к Лоен:

– Видишь, все получилось как по маслу. Должно быть, я сошла с ума, но я иду к нему. Пожелай мне удачи.

– Удачи! Только не забудьте вернуться сюда к шести часам, за нами приедет машина. И вот еще что, сеньора Изабелла, – мягко добавила Лоен. – Даже если вы решите больше с ним не встречаться, все равно сегодня вы поступили правильно, что согласились на эту встречу.

– Спасибо.

Изабелла торопливо зашагала по улочкам Ипанемы, торопясь попасть на улицу Висконде де Пирайя. Дважды она останавливалась в нерешительности, готовая повернуть обратно, но потом все же продолжала свой путь, пока наконец не остановилась перед многоквартирным жилым домом, в котором обитал Лорен.

«Да, – еще раз подтвердила она самой себе. – Сейчас я войду к нему в квартиру и скажу ему прямо в лицо, что больше я с ним встречаться не могу. Об этом я предупреждала его еще в Париже и сейчас повторю снова. А потом развернусь и уйду».

Изабелла вошла в подъезд и стала подниматься по лестнице, читая номера квартир на дверях.

А вот и квартира номер шесть. Какое-то время Изабелла помялась на пороге, затем закрыла глаза, мысленно вознесла коротенькую молитву и постучала в дверь.

Услышала шаги по деревянным половицам. Кто-то торопился к двери. Но вот дверь отворилась, и Изабелла увидела перед собой Лорена.

– Бонжур, мадам Айрис Кабрал. Пожалуйста, проходите.

Он улыбнулся, слегка придерживая открытую дверь, чтобы Изабелла могла беспрепятственно переступить порог. Потом закрыл дверь и запер ее ключом на два оборота. На тот случай, если сюда вдруг неожиданно нагрянет его служанка Моника. Наконец-то он получил возможность встретиться с Изабеллой наедине, и ничто не должно было помешать этой встрече.

– Какой у вас прекрасный вид из окон, – сказала Изабелла, заметно нервничая.

– Да, действительно, вид потрясающий.

– Лорен...

– Изабелла...

Оба заговорили одновременно и тут же улыбнулись своей синхронности.

– Может, присядем? – предложила Изабелла, после чего подошла к креслу и уселась в него, тщетно пытаясь успокоиться и начать дышать ровно.

Лорен взял стул и сел напротив нее.

– Так о чем будем говорить?

– Я... – Она в отчаянии покачала головой и вздохнула. – Не надо было мне сюда приходить. Ничем хорошим это не закончится.

– Мне тоже не надо было сюда приезжать, – согласился Лорен. – Но вот, поди ж ты... Несмотря на всю нашу решимость не делать этого, мы оба здесь.

– Это правда. – Изабелла сделала глубокий вдох. – Я пришла, чтобы сказать тебе, что мы не сможем более встречаться.

– Ты уже говорила мне то же самое в парке, там, в Париже. И посмотри, к чему это все привело.

– Я не просила тебя приезжать сюда, в Рио.

– Не просила, это точно. Ты недовольна?

– Да... то есть нет... – Изабелла издала вздох отчаяния.

– Ты уже замужняя дама, – обронил он.

– Да. И потому сама эта ситуация делает наши дальнейшие встречи невозможными.

– Изабелла! – Лорен подхватился со своего стула, стремительно приблизился к ней, опустился на колени и взял ее руки в свои. – Вчера вечером я спросил тебя, счастлива ли ты в браке, и ты ответила мне – нет.

– Но...

– А потом я спросил тебя, любишь ли ты меня, и ты сказала – да, любишь.

– Я...

– Пожалуйста, позволь мне закончить. Я вполне понимаю твое положение, как и то, что мой приезд сюда был крайне несвоевременным. И я обещаю тебе, что, если прямо сейчас ты, глядя мне в глаза, попросишь меня уехать, оставить тебя в покое, как ты просила о том в Париже, клянусь, я покину Бразилию на первом же пароходе, на который мне удастся зарезервировать каюту. Ты должна сказать мне в лицо, чего ты хочешь. Потому что я свои желания обозначил довольно открыто.

– Ты хочешь стать моим любовником? – Изабелла глянула на Лорена. – Ведь ничего другого я не смогу тебе предложить. Но разве ты достоин такой участи? – в смятении добавила она.

– Чего я достоин, а чего не достоин, не об этом сейчас речь. Так уж распорядилась судьба. Ты именно та женщина, которая мне нужна. Верь мне, я старался, как мог, прогнать тебя из моего сердца, и ничего у меня не получилось. Я не могу жить без тебя. В идеале, самое лучшее для нас обоих – это прямо сейчас взять и похитить тебя, упаковать в свой чемодан и увезти во Францию, где мы смогли бы прожить вместе до конца наших дней. Но я готов и к компромиссам. А ты? – Лорен впился в Изабеллу грустным взглядом, пытаясь прочесть ответ на свой вопрос по выражению ее лица.

Изабелла тоже взглянула сверху на его страдающее лицо. И как можно было усомниться в искренности его чувств к ней? Он бросил во Франции все, оставил свою прежнюю жизнь и ринулся за ней в Рио, можно сказать, на другой конец света, безо всякой гарантии, что сумеет отыскать ее. И вот она, ирония судьбы. Ее бедный муж непреднамеренно снова свел их вместе. Мысль о Густаво сразу же отрезвила Изабеллу.

– Что было, то было. Было и прошло, – заявила она как можно тверже. – Нечестно с твоей стороны заставлять меня вспоминать былое. А ведь я распрощалась с тобой в Париже навсегда и даже постаралась забыть тебя. Я... – На ее глазах выступили слезы, а голос предательски дрогнул.

– Шерри, прости меня! Меньше всего на свете я хочу, чтобы ты плакала. Да, ты права. Абсолютно права, – поспешил согласиться с ней Лорен. – Ты действительно сказала мне тогда, чтобы я ушел, но, как видишь, я не послушался. Так что вся вина лежит исключительно на мне, и ты ни в чем не виновата.

– Скажи, где мне взять силы, чтобы снова сказать тебе «прощай»? – Изабелла разрыдалась, и Лорен тотчас же обнял ее.

– Ну, так и не говори мне *этого*. Скажи, что ты хочешь, чтобы я остался. И я останусь.

– Я...

Лорен наклонил голову и стал целовать ее в шею. Его прикосновения были так нежны и мимолетны, словно бабочка касалась ее своим легким крылом. Изабелла издала протяжный стон.

– Пожалуйста, пожалуйста... Умоляю тебя! Не усложняй все еще больше.

– Изабелла, перестань изводить себя. Давай будем вместе, пока у нас есть такой шанс. Я люблю тебя, шерри, очень люблю. – Он прошелся пальцами по ее лицу, нежно касаясь каждой черточки.

Она схватила его руку и крепко сжала в своей.

– Если бы ты только знал, как я тосковала по тебе, – проговорила она, всхлипывая.

– А я по тебе. – Он придвинулся к ней еще ближе и поцеловал ее в губы.

И в ту же минуту Изабелла почувствовала, что все барьеры рухнули, что у нее нет больше сил сопротивляться.

– Шерри, – возбужденно пробормотал он, отрываясь от ее уст. – Позволь мне перенести тебя в кровать. Я соглашусь на самую малость – просто полежать рядом, поддержать тебя в своих объятиях.

Не дожидаясь ответа, он схватил ее на руки и понес в спальню, а там осторожно положил на постель.

Изабелла уже мысленно приготовилась к леденящему акту насилия, которые постоянно учинял над ней Густаво. Ничего подобного! Вместо того чтобы наброситься на нее с остервенением изголодавшегося зверя, Лорен просто лег рядом и обвил ее руками. Потом снова принялся целовать, нежно скользя пальцами через материю платья по контурам груди, по талии, по бедрам, пока она уже

сама не могла думать ни о чем ином, как о его обнаженном теле, лежащем на ней.

– Позволь мне раздеть тебя, – прошептал он ей на ухо. – Ты хочешь этого?

Изабелла с готовностью подставила свою спину, чтобы он расстегнул платье. Лорен расстегивал медленно, пуговичку за пуговичкой, нежно целую каждый новый клочок обнаженного тела. Потом высвободил ее руки из рукавов платья и принялся за бюстгальтер. Но вот и он полетел на пол следом за платьем. Лорен перевернул ее на спину, притянул к себе и внимательно посмотрел на нее.

– Ты так прекрасна, – прошептал он, чувствуя, как она вся изгибается под его телом, как жаждет его прикосновений и ласк. Вот он осторожно поцеловал ее соски, и из ее груди вырвался сладостный стон.

Потом рука его медленно двинулась вниз, погладила ее плоский, совершенной формы живот. Еще один взгляд, умоляющий разрешить ему двинуться дальше. И она, тоже взглядом, позволила. Тогда Лорен начал медленно снимать с нее чулки вместе с подвязками. И каждое новое прикосновение его пальцев к обнаженному телу было подобно электрическому разряду. Изабелла почувствовала, как в ней нарастает желание, страстное, непреодолимое. И вот она лежит перед ним совершенно нагая.

Тяжело дыша, Лорен все еще медлит, обзревая ее тело.

– Прости, но как бы я хотел начать ваять твой образ прямо сейчас.

– Нет, я...

Лорен закрыл ей рот поцелуем.

– Прости, что слегка подшучиваю над тобой, моя прекрасная Изабелла. Потому что больше всего на свете мне в эту минуту хочется заняться с тобой любовью.

В мгновение ока Лорен скинул с себя всю одежду. Изабелла украдкой бросила стеснительный взгляд на его красивую фигуру. Красив, словно бог, подумала она. Вот он лег на нее сверху и, убедившись, что она готова к соитию, вошел в нее. Ее тело приняло его в себя с радостью и наслаждением. То был настоящий экстаз, и впервые в жизни Изабелла поняла: так вот о каком наслаждении рассказывала ей в свое время мать.

Потом какое-то время они просто лежали в объятиях друг друга, блаженно наслаждаясь близостью. У Изабеллы вдруг возникло страстное желание прикоснуться к Лорену, изучить каждый сантиметр его тела, на ощупь прочувствовать всю его плоть. Она и сама снова с готовностью отдалась его ласкам.

Через какое-то время Лорен задремал, а Изабелла, лежа рядом, думала о том, как разительно отличается все то, что она только что испытала, от тех ужасов, что регулярно учиняет над ней Густаво. Как может быть, размышляла она, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить Лорена, что, по сути, один и тот же половой акт вызывал в ней, в ее голове, в ее теле, такие совершенно разные эмоции и переживания.

Со всей очевидностью вдруг стало понятно, что Лорен был абсолютно прав, когда предупреждал, что ей нельзя выходить замуж за Густаво. Но она его тогда не послушала. А ведь она не любит своего мужа и никогда не полюбит так, как он любит ее.

То физическое отвращение, которое она к нему чувствует... Разве он виноват? Ведь в сущности, Густаво – неплохой человек, он не тиран. Он заботливый и любящий муж. А свою любовь к ней он проявляет лишь одним-единственным доступным ему способом... Так, как он это сам понимает.

– О чем задумалась?

Лорен проснулся и теперь смотрел на нее пристальным взглядом.

– Вот лежу и думаю о Густаво.

– Пожалуйста, не надо, Изабелла. Ничего путного из твоих размышлений не получится.

– Нет, ты меня не понимаешь, – тяжело вздохнула она и слегка отстранилась от Лорена, откатываясь на свою половину кровати. Почувствовала его руку на своем бедре, потом он погладил ложбинку на спине и снова привлек к себе так, что контуры их тел слились в единое целое.

– Знаю, дорогая, знаю... Все это ужасно, ужасно и еще раз ужасно. Мы оба должны максимально постараться, чтобы защитить твоего мужа от всяческих неприятностей.

Но вот его рука стала гладить ее грудь, Изабелла издала еще один сладостный стон и с готовностью прижалась к нему. В ту же самую

минуту, как Лорен снова стал заниматься с ней любовью, мысли о муже были немедленно выброшены вон из головы. Изабеллу снова накрыла волна удовольствия, которого она никогда ранее не испытывала.

После она тоже немного вздремнула, чувствуя себя абсолютно удовлетворенной, но быстро проснулась и взглянула на часы.

– Бог мой! Мне пора бежать, – воскликнула она в панике, спрыгивая с кровати. – Наш водитель будет ждать меня возле ателье мадам Дюшан.

Она быстро собрала в охапку всю свою одежду: часть вещей валялась на полу, другая – затерялась среди измятых простыней.

– Когда я увижу тебя снова? – спросил Лорен.

– Только не завтра. Мне нужно появиться в церкви, где занимаются изготовлением мозаики для покрытия статуи Христа. Может, в понедельник? – нерешительно бросила она, на ходу причесывая волосы и прищипывая шляпку.

Лорен вскочил с постели, в два прыжка оказался рядом и снова крепко обнял ее.

– Я буду скучать. Буду думать о тебе каждую секунду.

Изабелла сладостно содрогнулась, почувствовав близость его обнаженного тела.

– И я тоже.

– Тогда до встречи, шерри. Я люблю тебя.

Изабелла глянула на Лорена в последний раз и тут же скрылась за дверь.

Все последующие несколько месяцев Изабелла постоянно пребывала в состоянии радостного возбуждения. Ей казалось, что всей ее предыдущей жизни до того момента, как в один февральский день она переступила порог квартиры Лорена, как бы и не было вовсе, что она не жила, влачила какое-то жалкое, скучное и абсолютно бессмысленное существование. А сейчас каждое утро первая мысль ее была о Лорене, и тут же кровь начинала радостно бурлить во всем теле. И все вокруг было прекрасным и необыкновенным. Голубое небо над головой удивляло своей необычно яркой лазурью, а цветы в саду сливались перед ее взором в один роскошный калейдоскоп ароматов и красок.

Каждый день, спускаясь вниз к завтраку и усаживаясь за стол напротив чопорной и вечно всем недовольной свекрови, Изабелла тут же мысленно переключалась на Лорена, и по ее губам начинала скользить легкая таинственная улыбка. Больше ничто ее не задевало, никто не мог обидеть ее. Она чувствовала себя защищенной, как никогда ранее. Неоскверненной и недоступной ни для кого другого, кроме Лорена. Вот что сделала с ней их взаимная любовь.

Если ей не удавалось вырваться к возлюбленному в течение нескольких дней, она тут же погружалась в пучину отчаяния и начинала изводить себя всякими дурными мыслями. Где он? Что с ним? С кем сейчас коротает свое время? Холодный страх при одной только мысли, что она может потерять его, заползал в душу, леденил кровь, заставляя содрогаться от мрачных предчувствий, несмотря на жару, царящую на улице, и на испарину, выступающую на лбу. Ведь Лорен – человек свободный и волен любить, кого захочет. В отличие от нее самой.

– Боже мой, дорогая, – вздыхал Лорен, лежа с ней в обнимку на широкой кровати из красного дерева несколько дней спустя. – С каждым днем мне все труднее, все невыносимее делить тебя с твоим мужем. Сама мысль о том, что *он касается* твоего тела, уже приводит меня в неистовство. – Он нежно примял пальцами ее обнаженную грудь. – Давай убежим, Изабелла. Давай вернемся в Париж. Не надо

будет ни от кого прятаться, бесконечные дни, наполненные хорошим вином, хорошей едой, разговорами, любовью...

Голос его перешел на шепот. Он нащупал губами ее губы.

К счастью, в самом начале их любовного романа именно свекровь, сама о том не подозревая, поспособствовала тому, чтобы любовник Изабеллы находился как можно ближе к ней. Сеньора Луиза выполнила обещание и представила Лорена многим своим приятельницам и знакомым. А те, собственными глазами увидев скульптурное изображение Изабеллы, немедленно изъявили желание запечатлеть в камне кого-то из своих близких. И не только людей. Так, в настоящий момент Лорен работал над заказом по увековечиванию образа чихуа-хуа, любимца одной богатой четы. В сущности, свекровь стала для Лорена своеобразным агентом, и Изабелла отлично понимала всю абсурдность сложившейся ситуации.

– Конечно, собачки – это совсем не та работа, о которой я мечтаю, – обронил он как-то раз в разговоре с нею. – Но, во всяком случае, есть чем занять себя, пока тебя нет рядом.

В один из дней, когда Изабелле не удалось ускользнуть на свидание с Лореном, он занял себя тем, что начал откалывать небольшие кусочки мыльного камня от большой глыбы, которую сеньора Луиза специально раздобыла для него у одного из своих родственников, владеющих карьерами по добыче мыльного камня. Предложение свекрови лично поучаствовать в изготовлении мозаичных покрытий из сотен тысяч кусочков мыльного камня для будущей статуи Христа обеспечило Изабелле идеальное алиби. Теперь она могла смело отлучаться из дома в любой день. И всякий раз, беря в руки крохотный треугольник мыльного камня, который Лорен наколот для нужд всех, кто трудился вместе с ней, она испытывала радость от соприкосновения с предметом, все еще хранящим теплоту его рук.

Единственным человеком в доме, постоянно следящим за всеми отлучками Изабеллы, была ее свекровь. Что же до мужа, то Густаво все больше и больше времени проводил в клубе. Домой возвращался перед самым ужином, и от него вечно разило алкоголем. И уж совсем редко он интересовался у Изабеллы, чем она занималась днем.

Одевая шляпку перед тем, как выйти из дома, Изабелла вдруг подумала, что Густаво вообще перестал замечать ее в последнее время. За минувшие несколько месяцев, с тех самых пор, как начался ее

роман с Лореном, сексуальные домогательства мужа, столь интенсивные в первые недели после бракосочетания, можно сказать, сошли на нет. Всякий раз, ложась в постель вместе с Густаво, Изабелла уже заранее испытывала страх и неприязнь, но все как-то обходилось. Да, изредка он предпринимал попытки заняться с ней любовью, но чаще всего усилия Густаво заканчивались ничем. У него просто ничего не получалось. Изабелла объясняла это тем, что в постель муж валился уже пьяным в стельку, едва держась на ногах. Стоило ли удивляться, что пару раз ему и вовсе не удалось войти в нее. Она сбрасывала с себя бездвижное тело Густаво и вслушивалась в его пьяный храп, молча лежа рядом. Ее воротило от перегара, которым постоянно несло от мужа. Казалось, вся их спальня пропиталась этими отвратительными запахами. По утрам она всегда поднималась первой. Одевалась и шла завтракать, а Густаво в это время все еще продолжал дрыхнуть.

Если его родители и замечали усилившееся пристрастие их сына к алкоголю, то вслух они предпочитали никак не комментировать его поведение. Единственный раз сеньора Луиза позволила себе заговорить с невесткой о ее супружеской жизни и напрямую поинтересовалась, не ожидается ли в их семье прибавление. Получив отрицательный ответ, она недовольно фыркнула.

Страсть, которой полнились их отношения с Лореном, заставили Изабеллу начать внимательнее прислушиваться к собственному телу. Почему оно никак не отреагировало на первоначальные попытки Густаво, довольно неумелые и даже отталкивающие, произвести на свет наследника? И почему это же самое тело буквально вибрирует от одного лишь прикосновения Лорена? Собственно, именно он, заметив однажды, как нахмурилось чело возлюбленной, погруженной в какие-то невеселые размышления, и объяснил Изабелле во всех подробностях, как можно избежать зачатия ребенка. Он подробно описал, как функционирует женское тело, чего никогда не объясняла ей мама, как правильно высчитывать дни, наиболее благоприятные для зачатия.

– Конечно, стопроцентной гарантии того, что можно избежать беременности, если воздержаться от секса в эти дни, нет. Наверное, именно этим и объясняется тот факт, почему у нас, у католиков, по-прежнему такие большие семьи. – Лорен слегка улыбнулся. – Но

существуют и другие способы предохранения, которые практикуют уже мужчины, когда у их женщин наступают опасные дни.

Изабелла глянула на него в изумлении.

– И откуда ты только все это знаешь?

– На Монпарнасе полно таких же, как я, вольных художников. И все хотят порезвиться, но, по возможности, без последствий. Желаящих нарваться на неприятности с женщиной, которая бы подзалетела и стала потом, направо и налево, объявлять всем, что она ждет от тебя ребенка, мало. – Увидев растерянное лицо Изабеллы, Лорен тут же обнял ее и привлек к своей груди. – Понимаю, шерри, для нас с тобой все сейчас очень непросто. Мне бы не хотелось, чтобы ты шла на какие-то компромиссы. Как не хотелось бы и того, чтобы ребенка, которого ты можешь зачать от меня, воспитывал потом этот человек, именуемый твоим мужем. А потому, – добавил в конце, – мы оба должны быть очень осторожны.

Изабелла уселась в машину и, пока Хорхе вез ее к родительскому дому, расположенному совсем недалеко от их виллы, молча разглядывала в окно проносящиеся мимо улицы. Вот уже больше месяца она не навещала родителей, ибо каждую свободную минутку, которую ей удавалось выкроить, чтобы улизнуть из дома, она посвящала Лорену. Но вчера вечером Лорен спросила ее уже напрямую, когда она собирается проведать мать.

– О, скоро, совсем скоро, – откликнулась Изабелла, мгновенно почувствовав себя виноватой из-за собственной беспечности.

– Понимаю, вы теперь... заняты. И все же, мне кажется, вам следует повидаться с ней как можно скорее, – многозначительно сказала служанка, помогая управиться с платьем. – Моя мама очень за нее волнуется.

– Она заболела?

– Не знаю, если честно, – вяло ответила Лорен.

– Тогда я поеду к маме завтра же, чтобы своими глазами убедиться, что с ней все в порядке.

Машина наконец остановилась напротив родительской виллы «Дворец Принцессы». Прежде чем отпустить Хорхе восвояси, Изабелла попросила его забрать ее сегодня в половине седьмого от «Дворца Копаканы».

Утром она предупредила Луизу, что после того, как проведает мать, поедет на встречу со своей новой приятельницей Элоизой. Она познакомилась с ней в церкви, где обе занимались изготовлением мозаичных покрытий для статуи Христа и сидели рядом. А на сегодня приятельницы якобы договорились посидеть и поболтать немного за чашечкой чая во «Дворце Копакабана». Изабелла знала, что свекровь не станет возражать против этого свидания. Ведь она сама побуждала Изабеллу обзавестись подругами, подобающими ее новому статусу замужней дамы. А Элоиза происходит из одной из наиболее аристократических семей Бразилии. Поскольку сама сеньора Луиза категорически не воспринимала кричащую роскошь отеля и даже называла «Дворец» пошлым и безвкусным, то Изабелла все рассчитала правильно. Свекровь не увяжется за ней следом в попытке составить им с подругой компанию.

Поднимаясь по ступенькам крыльца родительского дома, Изабелла чувствовала угрызения совести. А вдруг ее обман вскроется? От одной этой мысли у нее тут же свело живот. А с другой стороны, какой еще у нее есть выбор? Печально, но приходилось признаться самой себе, что за последние пару месяцев она превратилась, сама того не желая, в весьма искусную лгунью.

Дверь открыла Габриела. При виде Изабеллы ее лицо тут же осветилось радостью.

– Сеньора Изабелла, как же я рада вас видеть. Ваша матушка пока отдыхает, но она велела разбудить ее, как только вы приедете.

– Ей нездоровится? – озабоченно спросила Изабелла у служанки, входя в гостиную. – Лоен сказала мне, что что-то в ее состоянии тебя тревожит.

– Я... – Габриела немного помолчала. – Сама не знаю, больна она или нет. Но она очень сильно устает в последнее время.

– Но ты же не думаешь, – Изабелла даже замерла на месте, с трудом закончив свою мысль, – что ее прежние проблемы снова дадут о себе знать. Ведь так?

– Сеньора Изабелла, я ничего не знаю. Вам лучше самой расспросить ее обо всем. А заодно убедите ее показаться врачу. Что вам подать освежиться?

Габриела отправилась за апельсиновым соком, а потом пошла будить Карлу. Оставшись одна, Изабелла стала нетерпеливо

прохаживаться по такой до боли знакомой гостинной. Наконец появилась Карла. Изабелла моментально увидела, что у матери не только очень усталый вид, но и нездоровая бледность и худоба. Кожа на ее лице приобрела какой-то желтоватый оттенок. Все эти неутешительные перемены произошли с Карлой всего лишь за тот короткий месяц, что они не виделись.

– Мамочка, прости, что я так долго не появлялась у вас. Как ты? – спросила Изабелла, подходя к матери, чтобы поцеловать ее, и старательно загоняя поглубже собственные страхи и острое чувство вины. Как-никак, а она не переступала порог родительского дома уже больше месяца.

– Со мной все в порядке. А как ты?

– Тоже. Мама...

– Давай присядем. – Карла тяжело опустилась на стул со страдальческим видом человека, которого ноги больше не держат.

– Мамочка, по-моему, ты не вполне здорова. Что-то болит?

– Немного побаливает, но ничего страшного. Я...

– Нет, пожалуйста! Не надо этих отговорок. Что значит, *ничего страшного*? Разве папа не заметил, что тебе стало хуже?

– У твоего отца сейчас полно других дел, – тяжело вздохнула Карла. – Кофейные плантации перестали приносить ту прибыль, которую они давали раньше. Правда, правительство предлагает создать резервный фонд, в котором можно будет заморозить излишки урожая кофе, но пока все эти меры не сильно помогают.

– Не думаю, что для отца его бизнес важнее здоровья жены, – невольно возмутилась Изабелла.

– Дорогая, твой отец все последнее время на нервах. Не хочу нагружать его еще и своими проблемами.

На глаза Изабеллы навернулись слезы.

– Понимаю. Может, для папы сейчас действительно не самое подходящее время. Но как ты не понимаешь, что для нас с ним нет ничего важнее твоего здоровья? Или ты просто боишься худшего?

– Это мое тело, дочка, и я живу с ним, я понимаю его и чувствую, что с ним происходит, – неожиданно решительно перебила ее Карла. – Я действительно не хочу подвергать себя новой угнетающей процедуре лечения, заранее зная, чем все закончится. И вас с отцом тоже не хочу привлекать к этому.

– Мама! – Изабелла почувствовала, как у нее перехватило горло от переполнявших эмоций. – Прошу тебя о самой малости. Пожалуйста, позволь мне договориться о визите к доктору, у которого ты наблюдалась в последний раз. Насколько я помню, ты относилась к нему с доверием.

– Да. Как мне кажется, он лучший специалист у нас, в Рио. Но говорю же тебе, Изабелла, не в его силах помочь мне.

– Не говори так, мама! Ты нужна мне живой. И папе тоже.

– Возможно, – хмуро улыбнулась Карла. – Но я ведь не кофейное зерно и даже не *денежная банкнота*. А только эти две вещи заставляют сердце твоего отца биться сильнее. Они – его настоящая любовь и страсть.

– Ты ошибаешься, мамочка! Очень сильно ошибаешься. Возможно, ты не замечаешь того, что со стороны видно твоей дочери. Папа любит тебя. Ты для него все в этой жизни, а с твоим уходом жизнь потеряет для него всякий смысл.

Какое-то время обе женщины сидели молча. Наконец Карла нарушила тишину.

– Если это сделает тебя, Изабелла, хоть капельку счастливее, договаривайся с доктором, и поедem на прием к нему вместе. Уверена, он слово в слово повторит тебе все то, что только что сказала я. Но у меня лишь одна просьба к тебе.

– Какая?

– Пока ничего не говори отцу. Не хочу доставлять ему дополнительных переживаний.

* * *

Спустя приблизительно полчаса Изабелла покинула родительский дом. Карла, сославшись на общую слабость, сказала, что ей надо прилечь в постель. Изабелла уехала на машине отца, велев шоферу отвезти ее в район Ипанемы. Настроение было подавленное. Изабелла все еще никак не могла оправиться от пережитого шока. Но что, если мама просто преувеличивает симптомы собственного недомогания, цеплялась она за последнюю надежду.

Изабелла вышла из машины за два квартала до дома Лорена и почти бегом направилась туда. Вот единственный человек на свете, кто сумеет ее успокоить и умственно, и физически.

– Дорогая! Я уже подумал, что ты сегодня не придешь, – воскликнул Лорен, встречая ее у порога, и тут же заключил в свои объятия. – Бог мой! Что случилось? Почему у тебя такой расстроенный вид?

– Мама! – громко всхлипнула в ответ Изабелла. – Она решила, что умирает. – Она уткнулась ему в плечо и зарыдала.

– Что? Это доктор ей так сказал?

– Нет. Но год тому назад она перенесла операцию. Удаляли раковую опухоль. Мама считает, что болезнь вернулась. И для нее это означает конец. Но беспокоить отца она не хочет. У того в последнее время возникло много проблем с бизнесом. Конечно, я ей и раньше говорила, что она должна наблюдаться у врача постоянно. Но за тот месяц... что мы не виделись с ней, она страшно изменилась в худшую сторону. – Изабелла с мольбой глянула в глаза Лорена. – А вдруг интуиция не обманывает маму и все действительно очень плохо? Я так боюсь этого.

– Послушай меня, Изабелла. – Лорен взял ее дрожащие руки в свои, подвел к тахте и усадил рядом с собой. – Само собой, вам надо немедленно показать ее профессиональному врачу и выслушать его вердикт. Человек может нафантазировать что угодно, особенно если уже перенес нечто подобное в прошлом. А потом оказывается, что дела обстоят совсем не так уж и плохо. Твоя мать говорит, что у отца возникли финансовые проблемы? – уточнил Лорен. – Но я слышал, что он богат, как Крез.

– Богат, это правда. Я уверена, что он несколько драматизирует серьезность возникших у него проблем. Ну а как ты, Лорен? Как у тебя дела? – Изабелла изо всех сил старалась взять себя в руки.

– Все хорошо, шерри. Но к чему все эти формальные вопросы? Мне кажется, мы уже благополучно миновали этот этап. Если честно, страшно скучал по тебе все последние дни.

– Я тоже, – призналась Изабелла, прижимаясь головой к его груди, желая хоть как-то приглушить боль от всего того, что обрушилось на нее за минувшие два часа.

Лорен ласково погладил ее по волосам, старательно придумывая новую тему для разговора, чтобы хоть немного отвлечь Изабеллу от ее горя.

– Все утро я проторчал дома, соображал, чем стану заниматься, когда разделюсь с этой псиной. И представляешь? Раздается звонок в дверь, и на пороге появляется мадам Сильвейра вместе со своей дочерью Алессандрой. Мать просит меня сделать скульптурный портрет ее дочери. Хочет преподнести ей его в дар по случаю ее двадцатиодноголетия.

– Алессандра Сильвейра? Я ее знаю, – несколько натянуто откликнулась Изабелла. – Это семейство состоит в каком-то дальнем родстве с Айрис Кабралами. Она была на моей свадьбе. Мне она тогда показалась очень красивой.

– Вне всякого сомнения, она гораздо привлекательнее этой уже изрядно поднадоевшей мне чихуа-хуа, – миролюбиво улыбнулся в ответ Лорен. – Хоть поговорить есть с кем. Кстати, сегодня она беседовала со мной на весьма приличном французском.

– Насколько я помню, она еще не замужем, – напряженно обронила Изабелла, чувствуя, как в душу закрадывается новый страх.

– Да, не замужем, – подтвердил Лорен, продолжая гладить Изабеллу по голове. – Возможно, ее родители надеются, что моя скульптура станет своеобразной рекламой ее красоты и обаяния и тем самым поможет ей найти себе подходящего мужа.

– А может, их вполне устроит в качестве соискателя ее руки и молодой, талантливый скульптор из Франции, – колко заметила Изабелла, немного отстраняясь от возлюбленного. Она обхватила себя обеими руками, словно отгораживаясь от него.

– Изабелла! Уж не ревнуешь ли ты меня? – пошутил Лорен, бросив на нее внимательный взгляд.

– Конечно, нет. С чего ты взял? – Изабелла больно прикусила нижнюю губу. Сама мысль о том, что сейчас какая-то другая женщина станет изо дня в день просиживать часами перед ее Лореном, как когда-то она сама позировала ему в мастерской профессора Ландовски, вызвала непроизвольную зависть. – Но ты же не станешь отрицать того, что в последнее время тебя постоянно приглашают на всякие светские суаре. Ты прямо нарасхват. Я права?

– Права. Но я и подумать не мог, что меня могут рассматривать в качестве подходящего кандидата на роль мужа для всех этих юных сеньорит. Просто в Рио появился новый человек. Этим я и интересен всем.

– Поверь мне, Лорен. Уже одно то, что ты француз, что ты приехал в Рио из Европы, да плюс еще покровительство, оказываемое тебе как скульптору моей свекровью, все это делает тебя у нас в городе не просто знаменитостью номер один, – бескомпромиссно возразила Изабелла.

Лорен откинул голову назад и весело рассмеялся.

– Что ж, если это так, то я только рад такому удачному раскладу. Ведь у нас во Франции я и мне подобные представители богемы воспринимаются в приличных домах как самые настоящие отбросы общества. Я уже как-то раз говорил тебе, что французские мамы скорее предпочтут, чтобы их дочери умерли в раннем детстве, чем связали свою жизнь с нищим, голодным и бездомным художником.

– Тогда тебе следует понять, что у нас в Бразилии все по-другому, – с вызовом бросила в ответ Изабелла, понимая, что срывается на грубость.

Лорен склонил голову набок и внимательно обозрел ее.

– Я понимаю, ты сейчас страшно расстроена, дорогая. Все эти ужасные новости о твоей матери... Но разве ты сама не видишь, что ведешь себя сейчас по-детски вздорно? В конце концов, это не я убегаю отсюда вечерами к своему мужу, если нам в кои-то веки удастся встретиться. Заметь, это не я делю каждую ночь постель с другим мужчиной. Наконец, это не я категорически отказываюсь даже обсудить возможность того, что всю ситуацию, в которую мы сами себя загнали, можно хоть как-то изменить. Нет! Но зато это на мою долю выпали все эти страдания. Да у *меня* все внутри переворачивается всякий раз, когда я думаю о том, как твой муж занимается с тобой любовью. Это я вынужден подлаживаться под тебя, бежать к тебе по первому же твоему зову, когда у тебя выпадает случай встретиться со мной. И это *мне*, а не тебе, надо постоянно придумывать себе занятия, чтобы заполнить долгие часы одиночества и не сойти с ума, постоянно думая о тебе.

Изабелла уткнула голову в колени. Впервые Лорен заговорил об их отношениях так прямолинейно и открыто. Судя по всему, она

рассердила его не на шутку. Как было бы здорово, если бы можно было взять и вырвать все его жесткие слова и из сердца, и из памяти. Но этого нельзя сделать, потому что все, что он только что высказал ей в порыве гнева, все это – правда.

Какое-то время они сидели молча. Вдруг Изабелла почувствовала его руку на своем плече.

– Дорогая, я понимаю, сейчас не время обсуждать все наши проблемы. Давай примем все как есть. Я еще пока в Бразилии, из всех сил стараюсь заполнить чем-то свое праздное существование. И делаю все это с одной-единственной целью. Ради тебя, и только ради тебя.

– Прости меня, Лорен! – пробормотала Изабелла, не отрывая голову от колен. – Ты прав, сегодня я сама не своя от горя. Что же нам делать?

– Повторяю, давай отложим обсуждение наших проблем до следующего раза. Сейчас для тебя главное – твоя мать и ее здоровье. Мне очень жаль, но вынужден напомнить тебе, что уже половина шестого. Немедленно хватай такси и мчись во «Дворец Копакабана». Тебе нужно выйти именно из него, чтобы ваш водитель действительно поверил в то, что ты пила чай с подружкой в тамошнем ресторане.

– Господи! Совсем забыла! – Изабелла подскочила с дивана как ужаленная и ринулась к дверям, но Лорен схватил ее за руку и притянул к себе.

– Изабелла! – Он ласково погладил ее по щеке. – Помни. Я люблю только тебя, и только ты мне нужна. – Он нежно поцеловал ее в губы, а ее глаза моментально наполнились слезами. – А сейчас беги, пока я не передумал и не запер дверь на три замка, чтобы ты осталась здесь навсегда.

Спустя два дня Изабелла вышла из центрального входа в больницу в полном одиночестве. Врач настоял на том, чтобы Карла немедленно сдала все анализы. Изабелла должна была забрать мать в шесть часов вечера.

Свекровь и муж были в курсе того, что она сопровождает мать в больницу. В принципе, ничто не мешало заполнить неожиданную «форточку» чем-то приятным, например, коротая время в объятиях Лорена. Но Изабелла не смогла решиться на подобный шаг. Она продолжала остро чувствовать собственную вину. Ведь, по сути, она пренебрегла мамой и ее здоровьем ради Лорена. А потому она просто уселась на скамейку во дворе и стала ждать, тупо наблюдая за потоком людей, устремляющихся в больницу и обратно, на улицу. Сколько трагедий и горя скрывается почти за каждым визитом сюда.

В шесть часов вечера она, как и было велено, подошла к палате, в которую положили ее мать на время проведения анализов.

– Доктор попросил вас зайти к нему, когда вы появитесь, – сказала Изабелле сестра, выходя из палаты. – Пожалуйста, следуйте за мной.

– Как она? – спросила Изабелла у медсестры, поспешая за ней по длинному коридору.

– Сидит на стуле и пьет чай, – сухо бросила та на ходу и постучала в кабинет врача.

Изабелла вошла в кабинет, и врач знаком пригласил ее сесть на стул напротив его письменного стола.

* * *

Через пятнадцать минут все было кончено. Изабелла вышла из кабинета и шаткой походкой направилась в обратный путь по тому же коридору к той же палате, чтобы забрать мать. Доктор подтвердил худшие опасения Карлы. Раковые клетки уже распространились на печень, наверняка затронуты и другие органы. Предчувствия не обманули Карлу. Надежды на выздоровление больше не было.

Тем не менее домой Карла возвращалась с легкой душой, явно довольная тем, что покидает больницу. Дорогой она даже пыталась шутить, что было особенно невыносимо для Изабеллы. Потом переключилась на дела домашние, выразив надежду, что повариха не забыла о том, что сегодня на ужин Антонио попросил приготовить рыбу. Когда они подъехали к дому, Карла повернулась к дочери и сжала ее руки в своих.

– Не переживай о том, что будет, доченька. Я знаю, ты встречалась с врачом. Знаю, о чем он тебе рассказал. То же самое он сказал и мне перед тем, как встретиться с тобой. Я согласилась поехать в больницу только для того, чтобы убедить тебя в том, что я права в своих худших подозрениях. Как видишь, убедила. Но давай договоримся, больше мы на эту тему разговаривать не будем. Ни с кем. Особенно с твоим отцом.

Изабеллу обжег горячий взгляд матери. Ее глаза были полны отчаяния.

– Но ведь...

– Когда придет время, мы скажем ему, – на полуслове прервала ее Карла.

По выражению лица матери Изабелла поняла, что это ее окончательное решение, и за сим точка.

Вечером Изабелла вернулась домой в крайне подавленном настроении. Ей казалось, что мир вокруг рухнул. Впервые в жизни Изабелла задумалась над тем, что ее мать, оказывается, существо смертное, как и все остальные люди. Между прочим, как и она сама. За ужином, усевшись за стол рядом с Густаво, она украдкой глянула на мужа, потом перевела взгляд на Маурицио, сидевшего напротив, и на Луизу. И муж, и свекровь были прекрасно осведомлены, где она провела всю вторую половину дня. Однако никто из них и не подумал поинтересоваться состоянием здоровья Карлы, расспросить, что и как происходило на приеме у врача. Густаво уже был накачан спиртным и практически не мог поддерживать связную беседу. Ну а свекровь, по видимому, решила, что разговор на неприятные темы дурно скажется на ее пищеварении. Что было и понятно, хотя бы отчасти. Ибо говядина, которую им подали на ужин, была такой жесткой, что разделаться с отбивной было под силу разве что какому каннибалу.

После ужина и бесконечного числа сыгранных партий в карты, сопровождающихся постоянным прикладыванием Густаво к

очередному стакану с бренди, Изабелла повела мужа наверх.

– Укладываемся в постельку, дорогая? – пьяным голосом поинтересовался у нее Густаво, срывая с себя одежду и падая в изнеможении на кровать.

– Да, – ответила Изабелла. – Я сейчас, – добавила она, направляясь в ванную комнату.

Плотно прикрыв за собой дверь, она уселась на краешек ванны и, обхватив голову руками, взмолилась лишь об одном. Чтобы муж поскорее уснул, чтобы к тому моменту, когда она выйдет из ванной комнаты, он уже храпел беспробудным пьяным сном. Так она сидела в полном отчаянии, вспоминая слова матери, которая рассказывала ей накануне свадьбы о своем замужестве, о том, как она в свое время тоже постепенно привыкала к Антонио и училась любить его.

Но сколько бы Изабелла внутренне ни сопротивлялась, отказываясь принимать слова Карлы на веру, вспоминая о ее полнейшей и безропотной покорности мужу, сейчас, оглядываясь в прошлое, она даже недоумевала. Как могла мама столько лет терпеть заносчивость Антонио, его высокомерие, его постоянное навязчивое желание поскорее пробиться наверх и приобщиться к сливкам общества? А ведь терпела же. И до Изабеллы, быть может, впервые в жизни дошло, как же сильно любит ее мать своего мужа.

И это вызвало в душе Изабеллы новый прилив восхищения собственной матерью.

* * *

– Ну, как она? – прямо с порога озабоченно поинтересовался у Изабеллы Лорен, когда спустя пару дней ей удалось заскочить к нему.

– Мама умирает. Так что все, что она говорила мне раньше, правда.

– Сочувствую твоему горю, милая. Что собираетесь делать? – задал свой следующий вопрос Лорен, сопровождая ее в гостиную.

– Сама... не знаю. Мама категорически против того, чтобы сообщить об этом отцу. – Изабелла тяжело опустилась на стул.

– Моя дорогая Изабелла, как же тебе сейчас трудно. Ты еще так молода, тебе нет и двадцати, а ты уже взвалила на свои плечи всю

тяжесть этого мира. Наверняка все эти печальные новости заставят тебя по-новому взглянуть и на собственную жизнь.

Изабелла не вполне поняла, что именно пытается донести до нее Лорен. Такой своеобразный способ утешения? Но тон слишком уж покровительственный, словно ее не утешают, а опекают.

– Ты прав, – коротко обронила она. – Придется многое пересмотреть.

– Полагаю, ты сейчас мучаешься угрызениями совести из-за того, что случилось с твоей матерью. Терзаешься, не знаешь, на что решиться. Быть верной женой и любящей дочерью и забыть меня или оставить все по-прежнему. Но одновременно страшная новость о смертельной болезни твоей матери лишней раз подтверждает, как скоротечна человеческая жизнь. Так почему бы, спрашиваю я тебя, не прожить ее в согласии с собственным сердцем, сполна воспользоваться отпущенным временем и всеми теми возможностями, которые дарит тебе судьба?

Изабелла уставилась на Лорена в немом изумлении.

– Откуда ты знаешь, о чем я думаю? Однако ты все описал очень точно.

– Знаю, потому что я тоже живой человек и мне не чужды те же переживания. – Лорен слегка пожал плечами. – Силы небесные подбрасывают нам порой такие неразрешимые проблемы с одной-единственной целью. Чтобы мы сами наконец разобрались и в самих себе, и в том, что нам делать в сложившейся ситуации. Ведь в конечном счете решение все равно придется принимать *нам*.

– Ты прямо мудрец, – сдержанно прокомментировала Изабелла последние слова Лорена.

– Нет, я просто живой человек. К тому же не забывай, я на несколько лет старше тебя. И в прошлом мне тоже не раз приходилось задавать себе аналогичные вопросы и принимать весьма непростые решения. А потому я прекрасно понимаю, в каком положении ты сейчас находишься, и я не стану никоим образом влиять на тебя, склонять к тому или иному решению. Выбор исключительно за тобой. Заверяю тебя лишь в одном. Хочешь, чтобы я остался в Бразилии, был рядом с тобой в эти трудные времена, я весь в твоём распоряжении. Потому что я люблю тебя и готов остаться здесь только ради тебя. Должен признаться, что любовь к тебе преобразила и меня самого. Я

стал гораздо лучше, чем был когда-то. Получается, что и меня жизнь кое-чему научила, преподала, так сказать, свой урок. – Лорен невесело улыбнулся, глянув на Изабеллу. – Впрочем, я пока еще очень далек от того, что называют *полным самопожертвованием*. А потому если я останусь, то прошу тебя вот о чем. Обещай мне, что когда ситуация... с твоей матерью подойдет к своему логическому завершению, мы с тобой наконец примем решение и совместно определимся с нашим будущим. Но это все потом... А пока иди ко мне. Я хочу обнять тебя.

Лорен открыл свои объятия. Изабелла медленно поднялась со стула и направилась к нему.

– Я люблю тебя, моя Изабелла. – Лорен нежно погладил ее по волосам. – Если я тебе нужен, я всегда буду рядом с тобой.

– Спасибо тебе, – тихо прошептала она, прижимаясь к его груди. – Спасибо.

* * *

На смену июню пришел июль. Изабелла продолжала исправно трудиться над мозаиками в церкви Игрейя де Носа-Сеньора да Глория до Оутейро. В один из дней, вернувшись домой после обеда, она увидела в холле поджидавшую ее Лоен. Та прямо с порога сообщила, что к ним приехал Антонио и сейчас он поджидает ее в гостиной.

– Как он? – спросила Изабелла у Лоен, торопливо снимая шляпку и передавая ее служанке.

– По-моему, он сильно похудел, – осторожно заметила служанка. – Но сами все увидите.

Сделав глубокий вдох, Изабелла открыла дверь в гостиную и увидела, что отец нервно расхаживает по комнате. Заметив дочь, он повернулся к ней лицом, и Изабелла увидела, что отец действительно сильно сдал. Не только худоба бросалась в глаза. Его красивое лицо заострилось и покрылось сеткой мелких морщин. Черные вьющиеся волосы, некогда посеребренные лишь на висках, сейчас стали почти полностью седыми. С тех пор, как Изабелла видела отца в последний раз, он постарел на добрый десяток лет.

– Принцесса моя! – негромко воскликнул он, заключая дочь в свои объятия. – Мы так давно с тобой не виделись.

– Да, наверное, месяца три, если не больше, – подтвердила Изабелла.

– Конечно, ты теперь замужняя женщина, у тебя своя жизнь. Где тебе взять время еще и на старика-отца? – невесело пошутил он.

– Я много раз бывала дома, навещала маму, – возразила Изабелла. – Только всякий раз ты отсутствовал. Получается, паи, что это у тебя не хватает времени на нас с мамой.

– Ты права, милая, абсолютно права. Я страшно занят все последнее время. Наверняка свекор говорил тебе, что дела сейчас в кофейном бизнесе идут из рук вон плохо.

– Хорошо, хоть сегодня улучил минутку, чтобы проведать меня. Пожалуйста, присаживайся. – Изабелла жестом указала на стул. – А я распорядюсь, чтобы нам подали прохладительные напитки.

– Нет-нет, лично мне ничего не надо, – отказался Антонио, садясь на предложенный стул. – Изабелла, что не так с твоей матерью? В воскресенье она почти весь день пролежала в постели. Сослалась на то, что у нее мигрень. Последние несколько месяцев она постоянно жалуется на эти головные боли.

– Паи, я...

– Как я понимаю, у нее рецидив, да? Сегодня утром я заметил, что кожа на ее лице стала совсем желтой. И она ни к чему не притронулась за завтраком.

Изабелла внимательно взглянула на отца.

– То есть ты хочешь сказать, что раньше ты всего этого не замечал?

– Все последние месяцы я крутился на работе как белка в колесе. Уходил из дому засветло, еще до того, как твоя мать поднималась с постели, а возвращался поздно, когда она уже спала. Но да... Я понимаю... – Антонио сокрушенно покачал головой. – Наверное, мне следовало быть более внимательным, но я предпочитал ничего не замечать. Итак, – начал он с отчаянной решимостью в голосе, – хочу спросить у тебя. Ты ведь знаешь, насколько серьезно положение твоей матери, так?

– Да, паи, я знаю.

– Так это... Так это...

Антонио так и не смог заставить себя произнести вслух все остальные слова. Он лишь подхватился с места и хлопнул ладонью по

виску.

– Боже мой! Как же я мог не замечать этого? Что я за человек? И что за муж?

– Паи, мне понятно твое чувство вины перед мамой. Но, с другой стороны, она сама была категорически против того, чтобы втягивать тебя в свои проблемы. Говорила, что у тебя сейчас и своих предостаточно. Так что частично и она тоже несет ответственность за то, что ты оказался не в курсе всего происходящего.

– Ах, разве мои деловые проблемы можно сравнить с этим? Здоровье моей жены – вот что самое главное. Или она считает меня каким-то монстром, коль скоро предпочла скрывать от меня правду? Но почему ты, Изабелла, тоже ничего мне не говорила? Почему?! – крикнул он со злостью, повернувшись лицом к дочери.

– Потому что я обещала маме молчать, – твердо ответила Изабелла. – Она была непреклонна в своем желании. Говорила, что сама скажет тебе все, когда придет время.

– Вот оно и пришло, это время. Но, по крайней мере, сейчас, когда я все знаю... – Антонио сделал слабую попытку взять себя в руки и хоть немного успокоиться. – Мы отыщем лучших докторов, хирургов, всех, кто ей потребуется для поправки здоровья.

– Паи, я уже говорила тебе. Мама встречалась со своим лечащим врачом. Я ее сопровождала на прием, а потом отдельно побеседовала с ним. Надежды нет, вот его слова. Как ни горько, но нам придется принять правду такой, какая она есть.

Антонио устался на дочь в немом оцепенении. Целая гамма чувств отразилась на его лице: недоверие, гнев, отчаяние, полнейшая опустошенность.

– То есть ты хочешь сказать, что Карла умирает? – прохрипел он полусшепотом.

– Да, паи. Как ни страшно повторять это вслух.

Антонио упал на стул и громко зарыдал, обхватив голову руками.

– Нет... нет... Этого не может быть... только не моя Карла. *Господи*, кто угодно, но только не моя Карла.

Изабелла поднялась со своего места и подошла к отцу, чтобы успокоить его. Она положила руку на его согбенные плечи. Обоих трясло от переизбытка чувств.

– Как мне дальше жить, зная, что она тащила весь этот непосильный груз на себе и даже не захотела довериться мне?

– Паи, клянусь тебе, даже если бы она рассказала тебе все как есть на самом деле, все равно ничего уже нельзя было поделать, – возразила отцу Изабелла. – Пойми, мама так решила сама. Она сознательно отказалась от дальнейшего лечения. Говорит, что сейчас пребывает в мире и полной гармонии с собой и принимает свою участь как должное. И я ей верю. Пожалуйста, – взмолилась она, обращаясь к Антонио. – Отнесись с уважением к ее последней воле... ради нее самой же. Сейчас и ты наконец прозрел и увидел, как она больна. А потому мы оба должны просто любить ее и поддерживать во всем.

Антонио взглянул на дочь. Глаза его были полны невыразимого страдания.

– Что бы вы там обе ни думали обо мне, и ты, и твоя мать, но знай, что Карла для меня – все. Не представляю, как я буду жить без нее.

Изабелла беспомощно смотрела, как отец поднялся со стула, молча развернулся и вышел из комнаты, даже не попрощавшись.

– Что с тобой творится в последнее время? – недовольно пробурчал Густаво, когда Изабелла появилась из ванной комнаты уже в ночной сорочке. – За ужином сидишь молча. Да и со мной, когда мы остаемся наедине, редко заговариваешь, если вообще заговариваешь.

Он проследил взглядом, как она молча забралась на кровать и улеглась рядом с ним.

Прошла уже неделя после того визита отца, когда он ушел отсюда, раздавленный ужасной новостью. На следующий день Изабелла поехала навестить мать и нашла Антонио сидящим в кресле возле ее изголовья. Он держал жену за руку и беззвучно плакал.

Карла слабо улыбнулась при виде дочери и показала на мужа.

– Вот. Говорю ему, чтобы ехал на работу. Габриела поможет мне со всем, что будет нужно. А он ни в какую! Квохчет вокруг меня, словно курица-наседка над своими цыплятами.

Но, несмотря на слова матери, Изабелла поняла, что той приятно присутствие мужа и она благодарна ему за внимание. Вид у Карлы был просто ужасный. Изабелла подумала, что отец со своим запоздалым участием все же успел как раз вовремя. Обе они кое-как убедили Антонио отлучиться к себе в контору хотя бы на пару часиков, дав им возможность побыть какое-то время наедине. Когда Антонио наконец ушел, Карла тихо обратилась к дочери:

– Итак, Антонио все знает... А сейчас я хочу рассказать тебе о том, что хотела бы сделать в отпущенное мне время...

Несколько дней после этого разговора с матерью Изабелла собиралась с духом для того, чтобы поговорить с Густаво и сообщить ему о том, где именно Карла хочет провести свои последние дни. Потому что, само собой, сопровождать мать должна будет Изабелла. А ее муж вряд ли придет в восторг от такой перспективы.

Она медленно опустилась на краешек кровати и взглянула на Густаво. Покрасневшие глаза, неестественно расширенные от постоянной выпивки зрачки.

– Густаво, – начала она осторожно, – моя мать умирает.

– Что? – Он резко повернул голову к ней. – Впервые об этом слышу. Как давно это стало тебе известно?

– Несколько недель тому назад, но мама попросила меня пока никому не говорить.

– Даже своему мужу?

– Да, до тех пор, пока она не сообщит об этом своему мужу.

– Понятно. Как я полагаю, рак вернулся?

– Да.

– Сколько ей осталось?

– Совсем немного... – Голос Изабеллы предательски дрогнул. Ее поразило безразличие мужа. Но все же она нашла в себе силы продолжить и обратиться к Густаво с просьбой позволить ей сопровождать мать в горы, на ее любимую фазенду, где она хочет провести остаток дней. – Ты не станешь возражать, Густаво, если я отправлюсь туда вместе с ней?

Он посмотрел на нее стеклянными глазами.

– Как долго ты собираешься там пробыть?

– Сама не знаю. Несколько недель, возможно... Или пару месяцев, если Бог даст.

– Ты вернешься домой к началу сезона?

– Я... – растерялась от неожиданности Изабелла. Как может она планировать сроки ухода матери из жизни, подгоняя их под желания своего мужа или под расписание светской жизни? – Думаю, что да, – выдавила она наконец.

– Что ж, в сложившихся обстоятельствах разве я могу ответить тебе отказом? Хотя, конечно, я бы предпочел, чтобы ты оставалась рядом со мной. Особенно учитывая тот факт, что появление на свет наследника снова откладывается на неопределенный срок. У моей матери вообще возникли серьезные подозрения, уж не бесплодна ли ты, – добавил он с неожиданной жестокостью.

– Прошу простить меня за это. – Изабелла покорно опустила глаза. Хотя в этот момент ей хотелось возразить мужу, крикнуть ему прямо в лицо, что в том, что она до сих пор не может забеременеть, нет *ее вины*. Последний раз, когда у Густаво получилось заняться с ней любовью по-настоящему, случился аж два месяца тому назад. Впрочем, едва ли сам Густаво помнил обо всех остальных своих безуспешных попытках.

– Что ж, постараемся наверстать упущенное сегодня ночью.

Густаво грубо схватил ее и повалил на постель. В мгновение ока вскочил на нее и задрал вверх ночную сорочку. Потом какое-то время пыхтел, по своему обыкновению, занятый поиском того места, которое ему было нужно, но все никак не мог попасть в цель. Он прижался губами к ее губам, продолжая энергично двигаться, скользил по ее телу, думая, что член уже внутри нее. Но вот раздался привычный стон, и Густаво обрушился на нее всей тяжестью своего тела и тут же скатился на постель. Она почувствовала, как по внутренней поверхности ее бедер растекается что-то вязкое и липкое, и молча глянула на мужа, испытывая одновременно отвращение и жалость к нему.

– Надеюсь, сегодня наконец нам удалось сделать ребеночка, – пьяно пошутил он и тут же захрапел, явно довольный собой.

Изабелла тихонько поднялась с постели и направилась в ванную комнату, смыть со своей кожи сперму Густаво. И как можно думать, что такое слабое подобие соития может завершиться зачатием ребенка? Правда, вслух она бы никогда не рискнула задать подобный вопрос. Все более чем скромные возможности мужа в качестве любовника, которые он пытался продемонстрировать ей в самом начале их супружеских отношений, были безвозвратно утрачены, утоплены в угаре беспробудного пьянства. Да и сам Густаво едва ли помнил о том, что было в их отношениях когда-то.

Однако, думала она, возвращаясь в постель, если с ее стороны нужна жертва для того, чтобы получить разрешение покинуть Рио, сопровождать мать на фазенду и оставаться с ней там вплоть до ее кончины, что ж, она с готовностью принесла эту жертву только что.

* * *

Когда на следующее утро Изабелла спустилась к завтраку, Густаво еще спал. Луиза и Маурицио уже сидели за столом.

– Доброе утро, Изабелла, – поздоровалась с ней свекровь.

– Доброе утро, – вежливо ответила Изабелла, садясь на свое место.

– Густаво присоединится к нам?

– Да, он скоро спустится. – «Надо же, – подумала она про себя, – мне еще придется выгораживать Густаво, защищать его от его собственной матери».

– Хорошо спала?

– Да, очень.

И так каждое утро. Один и тот же стандартный набор фраз для начала разговора и его завершения. Затем молчание на протяжении всего завтрака, прерываемое разве что довольным или недовольным ворчанием Маурицио, погруженного в чтение последних новостей, которые он поглощал, отгородившись ото всех остальных газетой.

– Сеньора Луиза, вынуждена сообщить вам, что моя мать находится в крайне тяжелом состоянии, – начала Изабелла, слегка помешивая кофе в своей чашке.

– Мне очень жаль, Изабелла, – последовал короткий ответ. Лишь слегка вскинутая бровь явила собой физическую реакцию на эту новость. – Как-то все уж очень внезапно. Ты вполне уверена?

– К несчастью, да. Я уже какое-то время была в курсе всего. Но мама попросила меня никому ничего не говорить, пока она сама не сочтет это нужным. И вот это время настало. Она озвучила свою последнюю волю. Попросила отвезти ее на нашу фазенду. Это, как вы знаете, в пяти часах езды от Рио. А еще она попросила меня сопровождать ее в этой поездке и оставаться вместе с ней, помогать медсестре в уходе за ней. Словом, побыть рядом... вплоть до ее кончины. Вчера вечером мы поговорили с Густаво, и он согласился с тем, что мне нужно ехать.

– Вот как? – Луиза недовольно поджала тонкие губы. – Благородный жест с его стороны. И как долго это может продлиться? – спросила она, почти дословно повторив вопрос собственного сына.

– Я... – начала Изабелла, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Сколько продлится, столько и продлится, дорогая, – перебил ее Маурицио, откладывая на время газету в сторону. Потом сочувственно кивнул головой Изабелле. – Передай, милая, мои наилучшие пожелания своей матушке.

– Спасибо, – прошептала Изабелла, тронутая внезапным желанием свекра встать на сторону невестки и поддержать ее. Она достала носовой платок и украдкой осушила глаза.

– Надеюсь, ты сообщишь нам, когда уезжаешь? – требовательно спросила свекровь.

– В конце этой недели, – ответила Изабелла. – Отец отвезет нас туда и сам побудет вместе с нами несколько дней. А потом вернется назад в Рио. У него тут полно работы.

– Да, – мрачно подтвердил Маурицио последние слова Изабеллы. – Времена сейчас для твоего отца настали очень трудные. Как, впрочем, и для нас, всех остальных.

* * *

Минуло два дня. Изабелла сидела за столом в церкви Игрейя де Носа-Сеньора да Глория до Оутейро рядом с другими женщинами, прикрепляя небольшие треугольники мыльного камня к сетчатому полотну. Она вдруг подумала, что эти часы, проведенные в холодном церковном помещении, действуют на нее крайне благотворно, позволяя о многом поразмышлять в тишине и покое. Женщины, трудившиеся рядом с нею, хотя и оставались *женщинами*, то есть большими любительницами поболтать, но здесь они работали молча и сосредоточенно, обмениваясь лишь редкими словами, и то исключительно по делу. Совместное занятие не только сплавивало всех их, но и создавало особую атмосферу умиротворения, взаимной гармонии и покоя.

Элоиза, та самая подруга, именем которой Изабелла когда-то воспользовалась, чтобы обеспечить себе алиби и получить возможность сбежать на свидание с Лореном, сидела рядом с ней за грубо сколоченным столом. Она что-то прилежно писала на оборотной стороне очередного треугольника. Изабелла слегка наклонилась в ее сторону.

– Что ты делаешь? – любопытствовала она.

– Записываю имена членов своей семьи. И имя своего возлюбленного. Пусть они тоже поднимутся на вершину горы Корковадо и навечно станут частью статуи Христа. Здесь многие женщины так делают. Разве ты не знала, Изабелла?

– Какая красивая идея, – с грустью вздохнула Изабелла, мельком взглянув на имена близких, которые написала Элоиза. Отец, мать,

братья и сестры, и, наконец, имя ее возлюбленного. Потом Изабелла перевела взгляд на свой камешек. Она уже приготовилась нанести на него клей, но тут глаза непроизвольно наполнились слезами. Какое горе, что мама скоро покинет эту землю и никогда не увидит статую Христа в ее законченном виде.

– Коль скоро ты уже записала имена всех, кого хотела, позволь мне позаимствовать у тебя ручку, – попросила Изабелла подругу.

– Пожалуйста.

Элоиза отдала ей свою ручку, и Изабелла нацарапала на обороте мыльного камешка имя любимой мамочки, потом отца, потом свое имя. Перо на какое-то время зависло в воздухе, но она так и не заставила себя написать ниже имя мужа.

Убедившись, что чернила высохли, она намазала треугольник толстым слоем клея и прижала его к сетке. И в этот момент старшая объявила о начале перерыва. Женщины стали одна за другой подниматься со своих рабочих мест. Неожиданно для себя самой, Изабелла схватила кусочек мыльного камня из той груды, что лежала посреди стола, и украдкой положила его себе в сумочку. А потом тоже поднялась с места и присоединилась к остальным женщинам. Они, сгрудившись в дальнем углу церкви, пили кофе.

Но Изабелла знаком отказалась от чашки с кофе, который предложила ей служка, и повернулась к старшей:

– Прошу прощения, сеньора, но, боюсь, мне сейчас нужно покинуть вас.

– Конечно-конечно. Члены комитета благодарны всем, кто вызвался добровольно помочь нам. Благодарим всех, независимо от того, кто и как может. И вам, сеньора Айрис Кабрал, я тоже выражаю свою самую искреннюю благодарность. Пожалуйста, пометьте в расписании, когда вы сможете появиться у нас в следующий раз.

– К большому сожалению, какое-то время, сеньора, я не смогу бывать здесь. Моя мать серьезно больна. В ее последние дни я должна быть рядом с нею.

– Понимаю. Примите мои соболезнования, пожалуйста. – Женщина ласково дотронулась до ее плеча.

– Спасибо.

Изабелла вышла из церкви и заторопилась к Хорхе, который поджидал ее на улице, сидя в машине. Забравшись на заднее сиденье,

она продиктовала ему адрес салона мадам Дюшан в Ипанеме.

Через пятнадцать минут она была уже на месте. Она попросила Хорхе забрать ее, как всегда, в шесть часов вечера и заторопилась к дверям в салон. Она даже сделала вид, что нажимает на кнопку звонка, а сама украдкой, скосив голову набок, наблюдала за тем, как Хорхе отъезжает от стоянки. Потом еще пару минут проторчала на крыльце, словно поджидая кого-то, после чего сбежала по ступенькам и бросилась вниз по улице, к дому Лорена.

Сегодня, думала Изабелла, она встречается с Лореном в последний раз перед разлукой, которая может затянуться надолго, возможно, на пару месяцев. Зачем же она станет тратить столь драгоценное время на обсуждение со своей портнихой фасонов новых платьев к предстоящему сезону? Поднимаясь по высокому крыльцу, ведущему к подъезду, она вполне отдавала себе отчет в том, что алиби на сегодняшнее свидание с Лореном у нее нет. Но, кажется, впервые это ее ни капельки не волновало.

– Шерри! Ты сегодня такая бледненькая! Проходи же. Сейчас приготовлю тебе что-нибудь выпить, – этими словами ее встретил Лорен, открывая входную дверь. Изабелла стояла на пороге, все еще задыхаясь от быстрого бега. Нервы у нее тоже были на пределе. Она позволила ему проводить себя в гостиную и усадить на диван.

– Пожалуйста, воды, – прошептала она едва слышно, чувствуя, что еще немного, и она лишится чувств. Лорен побежал на кухню за водой, а она уронила голову на колени, пытаясь побороть головокружение.

– Тебе плохо? – Лорен снова возник перед ней.

– Нет-нет... Я в полном порядке... Сейчас все пройдет, – ответила она, взяла у него стакан с водой и жадно выпила до дна.

– Изабелла, дорогая, что случилось? – Лорен сел рядом с Изабеллой и взял ее за руки.

– Я... Мне надо кое-что сообщить тебе.

– Что именно?

– Мама попросила меня сопроводить ее в горы на нашу фазенду, где она хочет провести последние дни своей жизни. Я должна быть рядом с ней, – выпалила она почти на одном дыхании. Все напряжение, в котором она жила последние несколько недель, вдруг сбилось в один огромный ком, под тяжестью которого она

разрыдалась. – Прости меня, Лорен, но у меня просто нет иного выбора. Я нужна маме как никогда. Надеюсь, ты понимаешь, что за причины толкают меня на время покинуть Рио.

– Изабелла, за кого ты меня принимаешь? Или я, по-твоему, чудовище какое? *Конечно*, ты должна ехать с матерью на фазенду и оставаться при ней. С чего ты вдруг решила, что я стану злиться? – ласково спросил он.

– Ну, потому... потому, что ты торчишь здесь, в Рио, только ради меня. Ты ведь сам так говорил, – пробормотала Изабелла.

– Ясное дело, разлука с тобой не очень радует. Но если хочешь знать правду, то твой отъезд меня даже в чем-то устраивает. По крайней мере, знать, что ты больше не делишь постель со своим мужем, – это тоже дорогого стоит. Ради этого я даже готов на какое-то время лишиться возможности видеть тебя. К тому же мне будет приятно осознавать, что все это время ты будешь принадлежать мне и только мне. И потом, кто сказал, что мы не можем переписываться? Я стану писать тебе на фазенду, а письма буду адресовать твоей служанке. Чем не выход из положения?

– Ты прав, хороший выход, – согласилась с Лореном Изабелла, высморкавшись в носовой платок, который он ей протянул. – Прости меня, Лорен. Я расстроилась из-за того, как отреагировали на мои новости свекровь и Густаво. Остались равнодушными, будто ничего и не случилось. Я подумала, что и тебе это тоже будет безразлично.

– Воздержусь от комментариев в адрес твоей свекрови и мужа. Что же до меня лично, то заверяю, что я сострадаю тебе всем сердцем и душой. А уж если говорить о нашей разлуке, – веселые чертики забегали вдруг в его глазах, и он широко улыбнулся, – не забывай, что у меня сейчас имеется отличная компаньонка в лице роскошной Алесандры Сильвейра. Думаю, ей вполне по силам скрасить мое одиночество до момента твоего возвращения.

– Лорен, прошу тебя...

– Да шучу я, Изабелла, шучу! Внешне эта девушка действительно привлекательна, но вот внутренне... Порой мне кажется, что она сделана из того же камня, из которого я ее сейчас и ваяю. – Лорен издал ироничный смешок.

– На днях я видела твою фотографию в газете. Ты присутствуешь на благотворительном вечере в Парке Энрике Лаге, который устроила

известная всем Габриела Безанцонни, – кисло заметила Изабелла.

– Да, в Рио я сегодня буквально нарасхват. Но ты же понимаешь, что для меня это ничего не значит. Тем более без тебя, шерри. Полагаю, что и твоя жизнь без меня тоже пуста.

– О да! – с жаром воскликнула Изабелла.

– А как твой отец?

– Сломлен. – Изабелла с грустью покачала головой. – Это, кстати, тоже одна из причин, по которой мама так рвется поскорее переехать на фазенду. Не хочет, чтобы отец страдал еще больше, наблюдая за тем, как она медленно угасает. Он сможет навещать нас на фазенде, когда получится вырваться из Рио. Знаешь, на маминем месте я поступила бы точно так же. Мужчины всегда тяжело переносят болезни. В том числе и чужие. Проку от них в этой ситуации мало.

– Быть может, от большинства из них – да. Но не стоит всех мести под одну гребенку, – не согласился с ней Лорен. – Если бы на месте матери оказалась ты, думаю, я был бы рядом с тобой до последнего. Мы еще увидимся до твоего отъезда?

– Боюсь, нет. Прости, Лорен. Столько дел. Мне еще надо встретиться с маминим лечащим врачом, чтобы он дал мне все необходимые таблетки и немного морфия на самый крайний случай.

– Так что же мы попусту тратим наше драгоценное время? – воскликнул Лорен. – Давай посвятим эти последние несколько часов перед разлукой только друг другу и никому больше.

Лорен поднялся с дивана, подхватил Изабеллу на руки и понес ее в спальню.

Изабелла остро ощутила неизбежность финала, наблюдая за тем, как отец помогает ослабевшей маме устраиваться на заднем сиденье «Роллс-Ройса». Он сам сел за руль, рядом с ним устроилась Лоен. Изабелла села рядом с матерью, обложив ее со всех сторон подушками, чтобы придать больше устойчивости ее хрупкому телу. Когда Антонио включил двигатель и тронулся со двора, Изабелла заметила, как мама слегка повернула шею и оглянулась назад, на свой дом. Изабелла поняла, что в этот момент Карла навсегда попрощалась с их виллой «Принцесса», которую ей больше не суждено увидеть.

На фазенде их встречала Фабиана. Она изо всех сил изобразила на своем лице лучезарную улыбку, приветствуя изможденную хозяйку. Долгая дорога утомила Карлу, она едва держалась на ногах, когда Антонио помог ей выбраться из машины. После чего подхватил жену на руки и понес в дом.

Все последующие дни Изабелла даже чувствовала себя лишней, потому что отец, понимая, что ему в скором времени придется покинуть жену и вернуться в Рио из-за неотложности тяжелых проблем, свалившихся на его бизнес, почти безвылазно сидел возле Карлы. То, как бережно и с какой любовью он ухаживал за ней, невольно вызывало слезы на глазах Изабеллы и Фабианы. Они вместе коротали время на кухне, пока в их услугах не нуждались ни сама больная, ни ее преданная сиделка, в которую на время превратился Антонио.

– Никогда бы не подумала, что в вашем отце скрывается столько доброты, – уже, наверное, в сотый раз повторила Фабиана, вытирая глаза. – Такая любовь к жене... Это разбивает мне сердце.

– Да, – вздохнула Изабелла. – И мне тоже.

Единственным по-настоящему счастливым обитателем дома была Лоен. Правда, учитывая все обстоятельства, она старательно прятала от окружающих свое счастье. Но как было не радоваться? Ведь она снова воссоединилась со своим Бруно. Изабелла даже дала служанке несколько выходных. Все равно, пока отец так ревностно ухаживает за больной женой, для Лоен работы в доме было мало. Потом, конечно,

по мере приближения развязки, потребность в ее услугах несомненно возрастет, но пока пусть милуется со своим ненаглядным Бруно.

Что не мешало Изабелле с откровенной завистью наблюдать за тем, как Лоен и Бруно буквально ловят каждую свободную минутку, чтобы побыть вместе. Глядя на чужую любовь, она одновременно размышляла о том, как же многое изменилось в ее жизни с тех пор, как она была на фазенде в последний раз. Свободное время она тратила на письма Лорену. Строчила ему длиннющие послания, изливалась в любви к нему, потом украдкой передавала письма Лоен. И та во время очередной прогулки с Бруно в близлежащую деревню отправляла их оттуда по почте. Лорен тоже писал ей регулярно, адресуя свои послания на имя Лоен, как они о том и условились с Изабеллой перед ее отъездом. Изабелла по многу раз перечитывала его письма. Еще никогда она так сильно не скучала по Лорену.

О ком она старалась вообще не думать, так это о собственном муже. Несмотря на всю безысходность и тяжесть всего того, что происходило сейчас на фазенде, Изабелла все равно была рада, что хоть на время вырвалась из удушливой и гнетущей атмосферы, царившей в Каса дас Оркуидеас. К тому же сейчас она уже в полной мере осознавала, что вышла замуж за человека, которого откровенно презирает.

Спустя десять дней Антонио, постаревший и сильно сдавший за последние дни, отбыл назад, в Рио. Обнимаясь с дочерью на прощание, он едва сдерживал слезы. Расцеловал ее в обе щеки и сказал:

– Приеду в следующую пятницу. Но прошу тебя, Изабелла, ради всех святых, звони мне каждый день. Чтобы я был в курсе того, как она. Надо будет приехать сюда пораньше, только дай мне знать. И пожалуйста, отныне больше никаких секретов от меня, ладно?

– Хорошо, паи. Но, как мне кажется, мама довольна тем, что она здесь.

Антонио молча кивнул и полез в машину. «Роллс-ройс» медленно тронулся по гравийной дороге. Из-под колес столбом поднялась пыль и посыпались в разные стороны мелкие камешки.

Густаво, по своему обыкновению, коротал время в клубе за чтением газет. Сегодня библиотека была практически пуста. Очевидно, президент Вашингтон Луис собрал ведущих производителей кофе на экстренную встречу, чтобы обсудить с ними рухнувшие цены на кофе. И в ресторане, несмотря на обеденное время, посетителей тоже было мало.

Осушив третий стакан виски, Густаво вдруг вспомнил свою жену. Какой бледной и уставшей она ему показалась, когда прощалась с ним три недели тому назад. Он страшно скучал по ней. Казалось, после ее отъезда сам дом сжался в своих размерах и снова стал таким же унылым и бездушным, каким был до их свадьбы с Изабеллой.

Сейчас, в отсутствие жены, Густаво все чаще стал замечать, что мать по-прежнему обращается с ним словно с маленьким капризным мальчишкой, постоянно диктует, указывает, что и как делать. Отец, уже давно смирившийся с тем, что наследник не силен в финансовых вопросах, отмахивался от сына как от назойливой мухи, если Густаво позволял себе осторожно поинтересоваться состоянием дел на их кофейных плантациях.

Заказав себе очередную порцию виски, Густаво недовольно поморщился, вспомнив о том, как холодно он отреагировал на новость о прогрессирующей болезни тещи. А ведь он всегда гордился тем, что по натуре был человеком жалостливым. Помнится, в детстве мать лишь недовольно фыркала, когда заставляла своего маленького сына в саду, плачущим над мертвой птичкой.

– Ты слишком чувствительный, – корила его мать. – А ты ведь мальчик, Густаво. Не забывай об этом. Учись не выставлять свои чувства напоказ.

И вот результат. Ему стало легче *скрывать* свои чувства именно тогда, когда он напивался вдрызг. Когда-то Густаво надеялся, что женитьба на Изабелле многое изменит в его жизни, поможет ему стать более значительным человеком, пусть даже только в собственных глазах. Однако после свадьбы его самооценка упала ниже некуда. А это, в свою очередь, привело к тому, что он стал выпивать с завидной регулярностью, часто и помногу.

Густаво тяжело вздохнул. Хотя он и раньше понимал, что Изабелла не любит его и никогда не полюбит так, как он сам любил ее, все же он надеялся, что после того, как они поженятся, ее

привязанность к нему хоть немного окрепнет. Но вместо этого он постоянно чувствовал ее все более возрастающую отчужденность, особенно когда они занимались любовью. И так было всегда, с самого начала. А в последнее время он все чаще ловил на себе ее взгляд, в котором странным образом уживались жалость к нему и нечто, похожее на откровенную неприязнь. Мысль о том, что он для своей жены стал таким же сплошным разочарованием, как и для родителей, угнетала Густаво и еще более укрепляла в нем комплекс неполноценности.

А то обстоятельство, что Изабелла до сих пор так и не смогла забеременеть, лишь усиливало его упаднические настроения. Кругом неудачник. Вот и в глазах матери он читал насмешливое осуждение. Слабак. Не способен даже исполнить подобающим образом свой супружеский долг. То есть, и как мужчина, он тоже ни на что не годен. Хотя с момента вступления в брак Густаво считался официальным *хозяином дома*, а его жена Изабелла такой же полноценной хозяйкой, он понимал, что, по сути, он так ничего и не сделал для того, чтобы реализовать свои полномочия на практике. Во всяком случае, не смог обуздать свою мать, и та продолжала, как и раньше, все в доме держать под своим неусыпным контролем.

Мимо прошел официант с подносом. Увидел, что стакан пуст, и забрал его.

– Вам повторить, сеньор? – спросил он автоматически, ожидая увидеть обычный согласный кивок. Официант даже приготовился отойти, чтобы подать новую порцию виски, но в этот момент Густаво с большим усилием выдавил из себя:

– Нет, спасибо. Если можно, кофе.

– Сей момент, сеньор.

Глотая горячую, обжигающую жидкость, он продолжал размышлять о своей пока еще не очень продолжительной супружеской жизни. И впервые был вынужден признаться самому себе, что за тот короткий промежуток времени, что они с Изабеллой вместе, их отношения заметно ухудшились. Спустя всего лишь полгода после свадьбы они уже, можно сказать, ведут раздельное существование. И в этом виноват прежде всего он сам. Постоянно торчит в клубе, пытаюсь утопить все свои комплексы в спиртном.

С пугающей ясностью Густаво вдруг увидел, как и почему от него отвернулась жена.

Неудивительно, что она так несчастна. С одной стороны – ледяная враждебность свекрови, с другой – муж, не просыхающий от пьянства, поглощенный жалостью к самому себе. И что может чувствовать в подобной ситуации Изабелла? Только то, что она совершила ужасную ошибку, выйдя за него замуж.

– Но ведь я люблю ее, – едва слышно прошептал Густаво, уставившись на дно кофейной чашки.

Неужели уже поздно начать заново налаживать их отношения? Ведь можно же постараться и вернуть хотя бы ту взаимную симпатию, чувство общности духовных интересов, которое было у них до свадьбы. Разве нет? Он точно помнил, что тогда Изабелла питала к нему явную приязнь.

«Я возьму все под свой контроль», – пообещал он себе, выписывая чек. После чего вышел на улицу и направился к поджидавшей его машине. Вот сейчас вернется домой и поговорит с родителями так, как должно. Он понимал, что если не сделает этого сейчас, то потеряет свою жену навсегда.

* * *

Последние две недели Фабиана, Изабелла и Лоен ни на минуту не оставляли Карлу одну. Они дежурили у ее постели по очереди, сменяя друг друга. Однажды вечером, выдавшимся на редкость спокойным, Карла слегка пошевелила ослабевшей рукой, чтобы коснуться руки дочери.

– Детка моя, хочу поговорить с тобой кое о чем, пока у меня остались еще силы, – еле слышно прошептала она. Изабелла наклонилась к ней совсем близко, чтобы расслышать слова. – Понимаю, супружеская жизнь началась для тебя непросто. И я чувствую себя обязанной дать тебе несколько наставлений на будущее...

– Мамочка, не надо, пожалуйста, – с отчаянием в голосе взмолилась Изабелла. – Да, в наших отношениях с Густаво есть

проблемы, впрочем, как и у всех супружеских пар. Но ничего такого, из-за чего тебе стоило бы волноваться прямо сейчас.

– Может, и так, – упрямо продолжила гнуть свою линию Карла. – Но ты – моя дочь, и я знаю тебя гораздо лучше, чем ты это себе представляешь. От меня не укрылось то, что у тебя возникла некая... привязанность к одному человеку. И этот человек вовсе не твой муж. Я все хорошо поняла в тот вечер у вас на вилле, когда он снял покрывало со своей скульптуры.

– Мамочка, на самом деле у нас ничего нет. Он мне просто... друг, – возразила Изабелла, пораженная тем, как верно уловила мать сущность их с Лореном отношений.

– Сомневаюсь! – невесело усмехнулась Карла. – Вспомни вашу случайную встречу на горе Корковадо. Я ведь заметила тогда, какими взглядами вы обменялись. Ты притворилась, что не знаешь его, но я сразу же поняла, что это не так. Ты знаешь его, более того, знаешь очень хорошо. Должна предупредить тебя заранее, что если ты вступишь на путь адюльтера, то ничем хорошим это не закончится. Ничего, кроме неприятностей и сердечных переживаний, никто из вас троих, вовлеченных в эту ситуацию, не получит. Заклинаю тебя, Изабелла. Ты еще так недавно замужем. Дай Густаво шанс сделать тебя счастливой.

Не желая расстраивать мать еще больше, Изабелла кивнула головой в знак согласия.

– Хорошо, мамочка. Я обещаю.

* * *

Спустя два дня на рассвете в комнату Изабеллы вошла Фабиана.

– Сеньора Изабелла, думаю, пора звонить вашему отцу.

Антонио приехал незамедлительно и последние часы жизни своей жены провел рядом с ней. Карла отошла спокойно, без мук. Антонио и Изабелла стояли, обнявшись, у ее ног и тихо плакали.

После похорон они вернулись в Рио вместе. Согласно последней воле усопшей, ее похоронили на небольшом деревенском кладбище в Пати-де-Альфферес. И отец, и дочь чувствовали себя осиротевшими и покинутыми.

– Паи, пожалуйста, – обратилась Изабелла к отцу, когда они приехали домой и она уже приготовилась ехать на виллу Каса дас Оркуидеас. – Если тебе что-то потребуется, незамедлительно обращайся ко мне. Можно я приеду к тебе завтра? Посмотрю, как ты... Думаю, Густаво не станет возражать, если я поживу пару дней у тебя.

– Нет, нет, доченька. У тебя своя жизнь. А я... Что я? – Антонио обвел невидящим взглядом пустую гостиную, в которой он провел столько незабываемых часов вместе со своей женой. – Моя жизнь кончена. У меня больше ничего не осталось.

– Не говори так, папа. Не надо. Ты же знаешь, последним желанием мамы было, чтобы ты снова смог обрести счастье.

– Знаю, моя принцесса, знаю. Обещаю, я буду пытаться. Но пока мне просто невыносимо находиться в этом опустевшем доме.

Увидев в окно, что Хорхе уже подъехал, чтобы забрать ее и отвезти на виллу, Изабелла подошла к отцу и крепко обняла его.

– Помни, у тебя все еще есть я. Я люблю тебя, паи.

Она вышла в холл. Там о чем-то тихо шептались Габриела и Лоен.

– Лоен, за нами приехал Хорхе. Нам пора. – Потом Изабелла повернулась к Габриеле: – Ты видишь, в каком ужасном состоянии находится мой отец, – беспомощно проговорила она.

– Сеньора Изабелла, я сделаю все, что только можно, чтобы окружить его заботой и вниманием. Надеюсь, с Божьей помощью, он постепенно оправится от своего горя. Не забывайте, время – лучший лекарь.

– Спасибо. Я завтра навещу его, посмотрю сама, как он. Пошли, Лоен.

Изабелла, стоя в сторонке, наблюдала, как мать и дочь с нежностью прощались друг с другом. И это лишь еще усилило в ней осознание собственной необратимой потери.

* * *

Интересно, какая встреча ждет ее на вилле, размышляла всю непродолжительную дорогу Изабелла. Все минувшие недели она старательно игнорировала частые телефонные звонки Густаво на фазенду. Просила Фабиану говорить мужу, что она безотлучно

находится при матери. А сама брала телефонную трубку только в случае крайней необходимости, когда ей действительно было нужно переговорить с ним. Изабелла была удивлена неожиданной реакцией мужа, когда она сообщила ему о смерти матери. Он не только выразил ей свое сочувствие, но и сам голос его звучал взволнованно и трезво. Когда она убедила Густаво не приезжать на похороны, потому что Карла попросила, чтобы на церемонии прощания с ней присутствовали только самые близкие члены семьи, то он ответил, что ему вполне понятно это предсмертное желание ее матери и что сам он с нетерпением ждет возвращения Изабеллы домой.

Пребывая в странной сумятице чувств и переживаний, вызываемых приближением смерти, Изабелла не задумывалась о том, что ждет ее потом, в будущем. У нее для этого попросту не было времени. Но уже на подъезде к дому мужа она поняла, что пора подумать о своем будущем безотлагательно и всерьез. Особенно с учетом одной детали, которую они с Лоен обсуждали на прошлой неделе. Впрочем, та заверила ее, что такое может быть результатом переживаемого стресса. Изабелла охотно согласилась с объяснением своей служанки. Она была просто не в состоянии размышлять о другой возможности. Слишком много горя было вокруг.

Изабелла вошла в дом, как всегда, отметив про себя неожиданно резкий переход от жары, царящей на улице, к холодной, почти зябкой атмосфере внутри дома. И что сейчас делать, растерянно подумала Изабелла. Подниматься прямо к себе наверх? Или все же поискать мужа и его родителей? Конечно, она и не надеялась, что ее будет встречать у порога хор опечаленных родственников.

– Я отнесу ваш чемодан наверх, в вашу комнату, сеньора Изабелла, – обратилась к ней Лоен. – Распакую его, а потом приготовлю вам ванну. – Служанка уловила нервозность хозяйки и, насколько смогла, подставила ей свое плечо. После чего стала подниматься по лестнице.

– Кто дома? – громко выкрикнула Изабелла в пустой холл.

Ответа не последовало. Она позвала еще раз, и снова безответно. Наконец решила последовать примеру Лоен и подняться к себе.

Но тут неожиданно из гостиной вынырнула какая-то фигура.

– Вернулась, наконец.

– Да, сеньора Луиза.

– Прими наши соболезнования в связи с твоей утратой. От меня и от моего мужа.

– Спасибо.

– Ужин как обычно.

– Тогда я поднимусь к себе наверх и переоденусь.

Свекровь лишь коротко кивнула в ответ, не проронив больше ни слова. Изабелла стала взбираться по лестнице, чувствуя под собой каждую ступеньку. Ноги двигались послушно, словно автоматы. Она вошла к себе в спальню. Слава богу, подумала она, хоть присутствие Лоен, родного и близкого ей человека, скрасит самые первые унылые часы возвращения к прежней жизни. Лоен помогла ей раздеться. На фазенде все эти формальности были отброшены и начисто забыты. Слишком много хлопот было вокруг Карлы. Но сейчас Изабелла перехватила удивленное выражение на лице Лоен, когда та стала разглядывать ее голое тело.

– Что-то не так?

Лоен перевела взгляд на ее живот.

– Ничего. Я... нет, ничего, сеньора Изабелла. Ванна уже готова. Ступайте, полежите немного, пока вода не остыла.

Изабелла послушно проследовала в ванную комнату и улеглась в воду. И здесь, впервые оглядев себя внимательным взглядом, тут же отметила, как изменились за последнее время привычные контуры собственного тела. На фазенде не было ванной комнаты. Нагревались на солнце емкости с водой, и перед сном Изабелла обдавала себя ведром такой теплой воды. Да и времени на то, чтобы разглядывать свою фигуру в зеркале, все минувшие недели у нее тоже не было.

– Боже мой! – вполголоса воскликнула Изабелла, осторожно пощупав свой заметно округлившийся живот, который раньше всегда был плоским. А сейчас он вздулся и торчит бугорком, словно только что взбитое суфле. И груди у нее стали полнее и как-то потяжелели.

– У меня ребенок, – прошептала она, чувствуя, как лихорадочно забилось сердце.

Но размышлять над своим открытием и дальше времени не было. Как и упрекать себя за то, что слепо приняла на веру объяснение Лоен. Та сказала ей, что отсутствие месячных может быть следствием стресса, в котором Изабелла пребывает все последние недели. Однако сейчас не до того. Она услышала за дверью голос Густаво. Он о чем-то

разговаривал со служанкой. Изабелла быстро ополоснулась и вышла из ванной, набросила на себя халат, завязала его как можно свободнее, чтобы муж не обнаружил наметившиеся перемены в ее фигуре, после чего открыла дверь в спальню.

Густаво стоял посреди комнаты. Выражение его лица было утомленным и несколько растерянным.

– Спасибо, Лоен. Ступайте к себе, – распорядился он, заметив жену.

Лоен поспешно ретировалась, а Изабелла застыла на месте, ожидая, когда первым заговорит муж.

– Глубоко сочувствую твоему горю, Изабелла. Прими мои соболезнования, – повторил он словно попугай слова своей матери.

– Спасибо. Это было действительно тяжело.

– Мне тоже было нелегко без тебя, поверь.

– Верю. Прости, что так получилось.

– Пожалуйста, не надо никаких извинений, – торопливо перебил он. – Я счастлив, что ты наконец вернулась. – Он робко улыбнулся. – Я скучал по тебе, Изабелла, сильно скучал.

– Спасибо, Густаво. А сейчас мне надо переодеться к ужину. Кстати, тебе тоже.

Он молча кивнул и проследовал в ванную комнату, прикрыв за собой дверь.

Изабелла подошла к окну и увидела, как изменилось все вокруг. Прибавилось света и тепла. Был уже восьмой час вечера, а солнце еще только-только начинало клониться к горизонту. Середина октября. В Рио – это самый разгар весны. Изабелла отвернулась от окна и глянула на кровать. Она все еще пребывала под впечатлением только что сделанного ею открытия. На постели лежало платье, приготовленное для нее Лоен: летящий крой, свободный фасон. Изабелла редко надевала это платье именно из-за его фасона. Густаво предпочитал, чтобы его жена носила платья, облегаящие ее совершенную фигуру. От такой ненавязчивой предусмотрительности Лоен у Изабеллы даже слезы выступили на глазах. Она оделась и спустилась вниз, в гостиную, оставив Густаво наверху, предпочитая пока не оставаться с ним наедине. Спустившись в холл, она ненароком глянула на входную дверь. О, как ей хотелось сейчас бросить все, распахнуть эту дверь и

убежать к Лорену. Она не сомневалась ни секунды: ребенок, которого она носит под сердцем, это ребенок Лорена.

* * *

За ужином Изабелла поняла, как мало изменилось в этом доме за время ее отсутствия. Свекровь была по-прежнему холодна и высокомерна, не проронив более ни слова сочувствия. Маурицио был настроен более благожелательно, но весь вечер только и говорил, что о финансовых проблемах Уолл-стрит, горячо обсуждал с Густаво падение какого-то индекса Доу – Джонса, что привело в минувшую среду к обвальной продаже акций на фондовой бирже.

– Слава богу, что я решил избавиться от своих акций еще в прошлом месяце и продал их все до единой. Надеюсь, твой отец поступил так же, – обратился Маурицио к Изабелле. – К счастью, у меня их и было немного. Никогда не доверял этим янки. Сейчас они пытаются обуздать свой рынок, надеются, что все как-то утрясется ближе к выходным. В чем я сильно сомневаюсь. По-моему, худшее еще впереди. И продлится эта катавасия долго. Одно скажу. Если рынок все же рухнет, то это приведет к колоссальным потерям для нашей кофейной индустрии. Ведь кризис в самой Америке, которая является главным покупателем нашего кофе, обернется тем, что спрос на него упадет почти до нулевой отметки. И это на фоне того, что в Бразилии и так последние несколько лет наблюдалось перепроизводство кофе, причем в больших объемах.

– Какое счастье, что наша семья сумела вовремя освободиться от зависимости от американских рынков, – заметила Луиза, метнув многозначительный взгляд на Изабеллу. – А все эти выскочки и прочие корыстолюбивые личности рано или поздно получают по заслугам.

Изабелла украдкой глянула на мужа. Он неожиданно для нее сочувственно улыбнулся, дав понять, что выпад матери не остался незамеченным.

– Да, мы больше не богаты, дорогая. Но, по крайней мере, у нас стабильное положение, – уклончиво откликнулся свекор на реплику жены.

Поднимаясь вместе с Густаво наверх, в спальню, Изабелла спросила у него:

– Насколько угрожающа ситуация в Америке? Ты имеешь представление? Я начинаю всерьез волноваться за отца. Ведь всю минувшую неделю его не было в Рио. Вполне возможно, он и не курсе того, что там творится.

– Ты же знаешь, – ответил Густаво, открывая дверь, – сам я не очень отслеживал все то, что творится на тамошних рынках. Но с учетом того, что говорит мой отец, плюс другая поступающая информация, в которую я тоже начал постепенно вникать, все очень и очень серьезно, к большому сожалению.

Изабелла пошла в ванную. Мысли ее снова закружились вокруг тех перемен, что случились в ней самой. Она разделась и опять пристально оглядела себя в зеркале. Небольшой, но уже вполне заметный бугорок на животе никуда не делся, не рассосался сам собой, как она на то надеялась, думая, что просто ошиблась. Натягивая на себя ночную сорочку, Изабелла пребывала в полнейшей растерянности. И что ей теперь делать? Но одно она знала *точно*. Сегодня ночью она не сможет вынести приставаний мужа. Она замешкалась в ванной, тянула время до последнего, надеялась, что к моменту возвращения в спальню Густаво уже будет крепко спать. Но он не спал, лежал на кровати и молча наблюдал за нею.

Она вскарабкалась на постель и тихонько улеглась рядом с ним. Миллион предлогов промелькнул у нее в голове, и ни одного стоящего для того, чтобы отказать собственному мужу, который провел без жены два последних месяца.

В какой-то момент она поняла, что Густаво все еще смотрит на нее.

– Изабелла, у тебя такой испуганный вид. Это ты меня так боишься?

– Нет-нет... конечно же, нет.

– Дорогая, я все понимаю. У тебя горе. Тебе нужно время, чтобы хоть немного успокоиться и прийти в себя. Позволь, я просто обниму тебя и подержу немного в своих руках.

Слова Густаво оказались для Изабеллы полной неожиданностью. Все как-то сошлось воедино. Смерть матери, осознание того, что она беременна, плюс те невеселые новости о ситуации в Америке, про

которые она услышала сегодня за ужином, и, наконец, неожиданное сочувствие со стороны мужа. Слезы снова навернулись на глаза.

– Пожалуйста, Изабелла, не надо меня бояться. Обещаю, я лишь приласкаю тебя, и только, – снова повторил Густаво, выключая свет.

Она молча позволила ему обнять себя и прижать к груди. Так она и лежала на груди мужа, широко открыв глаза и вглядываясь в темноту. А он ласково гладил ее по волосам, и что-то невольно дрогнуло в душе Изабеллы. Она даже почувствовала нечто, отдаленно похожее на угрызения совести.

– Пока тебя не было дома, у меня было время подумать обо всем, в том числе и о нашей с тобой семейной жизни, – негромко обронил Густаво. – Я вспомнил, какими мы были в самом начале нашего знакомства, как много беседовали тогда об искусстве, о культуре, смеялись. Но вот когда мы поженились, я сразу почувствовал, что мы стали отдаляться друг от друга. Конечно, виноват кругом я один. Пропадал днями в клубе. Частично и потому, признаюсь, как на духу, чтобы просто уйти из этого дома. Мы оба с тобой понимаем, домашняя атмосфера у нас тут более чем... аскетичная.

Изабелла слушала мужа молча, не решаясь перебивать его. Пусть выговорится, подумала она.

– И снова в этом повинен я. Мне следовало сразу же после женитьбы проявить больше твердости в отношениях с матерью. Сказать ей напрямую, что отныне ты – хозяйка дома, а ей следует достойно уступить тебе эту роль и отойти в тень. Прости меня, Изабелла. Я смалодушничал, не смог защитить тебя. Да и себя самого тоже, когда в этом возникла потребность.

– Тут нет твоей вины, Густаво. Просто твоя мать не любит меня.

– Да не *тебя* она не любит! – воскликнул он с горечью. – Она встретила бы в штывы любую женщину, кто посмел бы посягнуть на ее главенствующую роль хозяйки дома. Знаешь, она мне даже предлагала такое... Поскольку ты все никак не можешь забеременеть, она готова переговорить с епископом, чтобы аннулировать наш брак. На том только основании, что, по ее мнению, у нас не складываются или даже вовсе отсутствуют интимные отношения.

Изабелла не смогла сдержаться от испуганного возгласа, ведь она уже носит под сердцем ребенка. Но муж отнес ее реакцию всецело на ужасное поведение своей матери, готовой на все. Даже на то, чтобы

пожертвовать их браком. А потому лишь крепче прижал Изабеллу к себе.

– Конечно, я пришел в бешенство и сказал ей прямо в лицо, что если она еще раз посмеет озвучить вслух свои угрозы, то на улице окажется не моя жена, а *она сама*. И вот после этой стычки я решил действовать. Для начала попросил отца перевести этот дом на мое имя. Конечно, следовало бы сделать это сразу же после нашей свадьбы. Тут нет ничего экстраординарного, обычная юридическая процедура. Кстати, он согласился сразу же, а в ближайшее время отец готов передать мне и все рычаги управления нашими семейными финансами. Правда, для этого мне еще нужно будет хорошенько подучиться, набраться опыта. В ближайшие несколько недель намереваюсь под руководством отца вникнуть во все эти финансовые хитросплетения. Готов просиживать вместе с ним с утра и до позднего вечера вместо того, чтобы торчать днями напролет в клубе. Как только я официально вступлю в свои права, все дела, связанные с ведением домашнего хозяйства, будут переданы тебе. У моей матери просто не будет иного выхода, как сдаться и уступить.

– Понятно, – тихо обронила она, с невольным уважением отметив про себя, что голос Густаво звучит по-мужски решительно. О, если бы все эти грядущие перемены помогли ей почувствовать хоть капельку удовлетворения.

– Словом, хоть и не с самого начала, но все же мы наконец станем полноправными хозяевами в своем доме. Что же до моего пристрастия к спиртному, понимаю, я изрядно злоупотреблял им в последнее время... Но, клянусь тебе, Изабелла, последние несколько недель я вообще не притрагивался к стакану. Разве что немного вина за ужином, и на этом все. Прости, что не смог сделать этого раньше. Вполне отдаю себе отчет, какими кошмарными стали для тебя те месяцы, что мы прожили вместе. Но, как видишь, я преисполнен решимости начать все сначала. Надеюсь, ты тоже. Ведь я так люблю тебя.

– Да... конечно... Я прощаю тебя... – начала она, спотыкаясь на каждом слове, не в силах найти подходящий ответ на горячие, идущие из самой глубины души, слова мужа.

– И вот еще что. Отныне и впредь никакой... – Густаво задумался в поиске подходящих слов, – принудилочки в том, что касается постели. Если ты скажешь, что не желаешь заниматься со мной

любовью, я приму твой отказ как должное и не стану настаивать. Надеюсь лишь, что когда-нибудь в будущем, когда ты сама убедишься в том, сколь необратимы все перемены, произошедшие во мне, ты все же передумаешь и снова захочешь близости со мной. Вот все, что я хотел сказать тебе. А сейчас, дорогая, после всех этих тяжелых недель, проведенных у постели умирающей матери, постарайся заснуть, а я буду просто держать тебя в своих руках.

Спустя несколько минут Изабелла услышала ровное сопение Густаво. Он уже уснул. Она осторожно высвободилась из его объятий и сползла на свою половину кровати. Глухо стучало сердце, неприятная пустота царила в желудке, а она лежала без сна и обдумывала сложившуюся ситуацию. А вдруг она все же носит под сердцем ребенка Густаво? Она стала лихорадочно вспоминать, когда они в последний раз по-настоящему занимались любовью. Нет, вероятность того, что она зачала от Густаво, равна нулю.

Всю ночь Изабелла промучилась без сна, металась на постели из стороны в сторону, с ужасом понимая, что надо что-то решать, причем незамедлительно. Скорее всего, Лорен тоже не обрадуется, когда она сообщит ему, что забеременела и что ребенок его. Ведь они никогда не планировали обзаводиться детьми. Поэтому Лорен тщательно предпринимал все меры предосторожности, чтобы этого не случилось. Изабелла вдруг вспомнила то, что когда-то говорила ей Маргарита. Мужчины такого типа, как Лорен, ни за что на свете не захотят связывать себя с кем бы то ни было постоянными узами.

Сквозь закрытые ставни просочились первые всполохи наступающего рассвета, а Изабелла все никак не могла определиться с тем, что и как сказать Лорену. Давние опасения на его счет проснулись в ней с новой силой. Нет, нужно срочно повидаться с ним. Во что бы то ни стало.

– Какие планы на сегодня, любовь моя? – поинтересовался Густаво за завтраком и приветливо улыбнулся жене, подливая себе новую порцию кофе из серебряного кофейника.

– Сегодня у меня заключительная примерка у мадам Дюшан, последняя перед открытием сезона. – Изабелла тоже лучезарно улыбнулась в ответ. – Думаю, к концу недели все наряды будут готовы, и их можно будет забрать.

– Хорошо, хорошо, – одобрительно кивнул головой муж.

– Боюсь, обед мне придется пропустить. Хочу заскочить к отцу. Я звонила ему еще до завтрака, но Габриела сказала мне, что он даже не одевался. Сидит у себя в комнате и не думает ехать ни на какую работу. – Изабелла озабоченно нахмурилась. – Меня очень беспокоит его душевное состояние.

– Конечно, навести, обязательно, – согласился с ней Густаво. – Сам я собираюсь сейчас вместе с отцом в сенат. Президент Вашингтон Луис собирает у себя экстренное совещание. Приглашает на встречу всех кофейных баронов, чтобы вместе обсудить продолжающийся в Америке кризис.

– Но ведь у твоего отца, насколько я слышала, больше нет своих интересов в кофейном бизнесе? – осторожно поинтересовалась у мужа Изабелла.

– Да, кофейных плантаций у него практически не осталось, но он по-прежнему остается одним из наиболее влиятельных членов общества здесь, в Рио. А потому президент пригласил и его поучаствовать в этом совещании.

– Наверняка моего отца тоже пригласили?

– Думаю, да. Ситуация ухудшается с каждым днем. Но в любом случае скажи ему, что я буду рад поделиться с ним той информацией, которую получу в ходе этого совещания. Увидимся за ужином, дорогая. – Густаво нежно поцеловал ее в щеку и поднялся из-за стола.

И вот Густаво вместе с отцом отбыл в сенат. Свекровь торчит на кухне, обсуждает с поварихой меню на следующую неделю. Изабелла поспешила к себе в комнату, чтобы взять записную книжку. Схватила,

бегом спустилась вниз. Руки дрожали от волнения. Она подошла к телефону, стоявшему в холле, и сняла трубку. Набрала через коммутатор номер, который ей дал Лорен.

– Только бы он был дома, – взмолилась она шепотом, вслушиваясь в гудки на другом конце линии.

– Лорен Бройли на проводе.

Знакомый голос вызвал немедленные спазмы в желудке. И одновременно накрыла волна радостных предчувствий.

– Говорит Изабелла Айрис Кабрал, – начала она официальным тоном на тот случай, если в холле вдруг неожиданно возникнет свекровь. – Могу я зарезервировать встречу сегодня на два часа дня?

Последовала короткая пауза, после которой Лорен ответил:

– Думаю, да, мадам. Вы придете сюда?

– Да.

– Тогда с нетерпением буду ждать нашей встречи.

Изабелле показалось, что она даже уловила легкую насмешку в голосе Лорена, охотно подыгравшего ей.

– Тогда до встречи.

– До скорого, шерри, – прошептал он на французском, и Изабелла резким движением повесила трубку.

Какое-то время она колебалась, стоя у телефона, а не позвонить ли ей еще и мадам Дюшан, чтобы договориться с ней об очередной примерке в качестве подходящего алиби. Но потом передумала. Она еще пока не готова к встрече с портнихой. Та своим пронизательным взглядом сразу же приметит округлившийся живот и тотчас же разболтает об этом всему свету. Изабелла все же позвонила и договорилась о примерке, но только через два дня. После чего схватила шляпку, уже на ходу проинформировала свекровь, что отправляется навестить отца, а затем едет на примерку к мадам Дюшан, вышла во двор, уселась в машину и попросила Хорхе отвезти ее на виллу «Дворец принцессы».

Габриела уже поджидала ее на входе, даже не дожидаясь, когда она позвонит в дверь. Вид у служанки был озабоченный.

– Ну как он? – первым делом спросила Изабелла, входя в дом.

– Еще в кровати. Говорит, нет сил, чтобы подняться с постели. Доложить, что вы приехали, сеньора Изабелла?

– Нет, не надо. Я сама к нему зайду.

Изабелла осторожно постучала в дверь отцовской спальни и, не получив ответа, вошла в комнату. Несмотря на полдень, ставни на окнах были плотно закрыты, не пропуская яркого солнечного света. В спальне царил полумрак, она с трудом различила контуры тела, свернувшегося клубком под одеялом.

– Паи, это я, Изабелла. Ты заболел?

Послышалось недовольное ворчание, и больше никакой реакции.

– Сейчас я распахну ставни, чтобы посмотреть на тебя. – Изабелла поочередно стала подходить к каждому окну и широко распахивать его. Повернулась и увидела, что отец притворился спящим. Она подошла к кровати и села на постель.

– Паи, скажи мне, что с тобой не так?

– Не могу жить без нее, – простонал в ответ Антонио. – Зачем мне жить, если ее больше нет?

– Папочка! Ты же обещал маме на ее смертном одре, что ты со всем справишься. Вот сейчас, в эту самую минуту, она, быть может, смотрит на тебя с небес и кричит, чтобы ты поднимался с постели.

– Не верю я во все эти небеса. И в Бога тоже не верю, – угрюмо огрызнулся Антонио. – Разве Бог, если бы Он был, забрал у меня мою дорогую Карлу? Эту святую женщину, которая за всю свою жизнь никому не причинила зла и не сделала ничего плохого...

– Зато в Бога *верила* мама. И я тоже верю, – упрямо возразила отцу Изабелла. – Мы ведь с тобой оба понимаем. Не стоит искать разумных причин в том, что касается смерти. Лучше подумай о другом. Вы с мамой прожили вместе двадцать два замечательных года. Разве ты не благодарен за них Всевышнему? Так постарайся же исполнить ее последнее желание, хотя бы в память о ней.

Отец продолжал молчать. Тогда Изабелла попыталась разговорить отца, зайдя с другой стороны.

– Паи, ты ведь знаешь, что сегодня творится в Америке? Вчера за ужином Маурицио сказал, что на Уолл-стрит может в любой момент случиться новый крах. Сейчас в сенате проходит экстренное совещание. Обсуждают, каковы могут быть последствия американского кризиса для Бразилии. Они собрали всех ведущих производителей кофе. Наверняка ты тоже должен был присутствовать, да?

– Нет, Изабелла, сейчас уже слишком поздно, – вздохнул в ответ Антонио. – Я не продал вовремя свои акции, а должен был. Но посчитал, что ничего страшного, люди просто паникуют. Вчера, после того как ты уехала, мне позвонил мой биржевой маклер. Он сказал, что рынок рухнул, и все мои акции больше ничего не стоят. А сегодня, по его словам, ожидается еще худшее. Большая часть наших денег, Изабелла, вложена в бумаги Уолл-стрит. Иными словами, я потерял все.

– Так не может быть, папа. Пускай пропали все твои акции, но ведь остаются же еще кофейные плантации. Они тоже стоят денег, много денег. Да, сейчас спрос на кофе упал ниже некуда, пусть даже и в будущем он не будет продаваться так успешно, как раньше, но плантации – это все же недвижимость, которая всегда в цене. Или я не права?

– Не пытайся, Изабелла, вникнуть во все тонкости бизнеса, – снова вздохнул Антонио. – Ведь для того, чтобы приобрести все эти кофейные плантации, я занимал деньги в банках. И те с готовностью шли мне навстречу и давали деньги, потому что производство кофе было прибыльным занятием и цены на кофе держались высокими. Но когда цены упали, у меня сразу же возникли проблемы с возвратом займов и выплатой процентов по ним. Банкам нужны были твердые гарантии, желательно в виде недвижимости. Тогда я отдал им этот дом в качестве дополнительного обеспечения на случай возможного дефолта. Понимаешь меня, Изабелла? То есть сейчас они заберут у меня все, чем я владею, чтобы погасить мои долги. А если мои американские акции тоже превратились в пыль, то тогда я действительно гол как сокол. Даже крыши над головой у меня больше нет.

Изабелла слушала отца с ужасом. Какая жалость, думала она, что она так плохо разбирается во всех этих хитрых финансовых вопросах. Ведь если бы она понимала хоть самую малость, то, возможно, могла бы насоветовать отцу что-то дельное, что-то такое, что вселило бы в него крупицу надежды.

– Папочка, но тогда у тебя еще больше оснований поучаствовать в этом совещании, которое они сейчас проводят в сенате. Не ты же один оказался в столь отчаянном положении. Ты сам говорил мне, что вся

экономика Бразилии базируется главным образом на кофе. Неужели правительство позволит допустить такой коллапс?

– Все просто, родная моя. Все просто, как дважды два. Если у людей нет денег покупать наш кофе, то *ни одно* правительство в мире не спасет ситуацию. А я заверяю тебя, что сегодня американцы озабочены только тем, как им выжить. А о такой роскоши, как чашечка кофе по утрам, они и думать забыли. – Антонио возбужденно потер лоб рукой. – Конечно, сенат будет стараться, будет делать вид, что они что-то там предпринимают, борются с кризисом. Но все они как один прекрасно понимают: поздно, поезд уже ушел. Так что спасибо, что рассказала мне об этом совещании, но повторяю еще раз: сегодня это уже бесполезная затея.

– Хорошо. Тогда я попрошу Маурицио рассказать тебе, что там было, – решительно заявила отцу Изабелла. – К тому же хочу напомнить. Коль скоро, по твоим словам, у тебя ничего не осталось, не забывай, что у меня есть фазенда. Так что без крова над головой ты, папочка, в любом случае не останешься. К тому же ты дал Густаво такую щедрую сумму в день нашей свадьбы. Наверняка он тоже позаботится о том, чтобы ты не голодал.

– И что я там буду делать один-одинешенек, на этой фазенде? – с горечью спросил у нее Антонио. – Без дела, которым можно заняться... Без моей дорогой жены...

– Паи, хватит ныть! Ты сам сказал, от этого кризиса пострадают многие, не ты один. А некоторые и правда лишатся всяких средств к существованию. Можешь считать, что тебе еще повезло. Ты точно не станешь нищим. Тебе всего лишь сорок восемь лет. Впереди еще куча времени, чтобы начать все сначала.

– Изабелла, моя деловая репутация загублена безвозвратно и навсегда. Даже если бы я захотел начать все сначала, то ни один банк в Бразилии не ссудил бы мне на это средств. Нет, для меня все кончено.

Антонио снова закрыл глаза. Глядя на отца, Изабелла с некоторым удивлением подумала: неужели это тот самый гордый, уверенный в себе мужчина, который всего лишь несколько месяцев тому назад с таким достоинством вел ее к алтарю? И хотя ей всегда претила та вульгарность, с которой отец кичился своим недавно сколоченным богатством, но сейчас она отдала бы себя всю без остатка, лишь бы вернуть отцу его прежнее состояние. До нее наконец дошла очевидная

истина: именно на заработанных деньгах и базировалась вся репутация Антонио и его самоуважение. И вот теперь богатства больше нет. Любимая жена тоже ушла из жизни. Можно понять отца. У него действительно ничего не осталось.

– Не забывай, папа. У тебя есть я, – тихо промолвила Изабелла. – И ты мне нужен. Мне все равно, поверь, богат ты или у тебя ничего нет. Я все равно люблю и уважаю тебя, потому что ты мой отец.

Антонио снова раскрыл глаза, и Изабелла впервые за все время разговора увидела в них едва заметную усмешку.

– Ты права, моя принцесса. И я верю тебе. Ты – мое единственное достижение в этой жизни, и я горжусь тобой всем сердцем и душой.

– Тогда прислушайся к моим словам. А я повторяю тебе снова и снова, как повторяла бы и мама, если бы она была жива, ты не побит. Вставай, папа. Вместе подумаем, как и с чего начинать. Я помогу тебе, чем смогу. У меня есть свои драгоценности, плюс те, что оставила мне мама. Наверняка если мы продадим их, то сможем выручить кругленькую сумму, которую можно будет пустить на твой бизнес. Я права?

– Да, если мы только отыщем такого дурака, который решится хоть что-то покупать за наличные в разгар финансового коллапса, – грубовато заметил Антонио. – А сейчас, Изабелла, вот что. Спасибо за то, что навестила меня. Мне неловко, что ты застала меня в таком неподобающем виде. Обещаю, как только ты уйдешь, я поднимусь с постели. Ступай! Мне надо побыть немного одному и все обдумать.

– Обещаешь, паи? Предупреждаю, вечером я позвоню Габриеле, узнаю, насколько ты держишь свое слово. А завтра снова навещу тебя, посмотрю, как идут дела.

Изабелла наклонилась и поцеловала отца, а тот улыбнулся ей на прощание.

– Спасибо тебе, моя принцесса. До завтра.

Изабелла перебросилась парой слов с Габриелой, сказала, что перезвонит ей позднее, после чего села в машину и продиктовала Хорхе адрес салона мадам Дюшан в Ипанеме. Договорилась с ним, чтобы он, как всегда, забрал ее в шесть вечера. Переждала несколько неловких мгновений, пока машина отъедет, потом сбежала с крыльца и опрометью бросилась к дому Лорена.

– Шерри! – пробормотал Лорен, уже у порога заключая Изабеллу в свои объятия, и стал покрывать страстными поцелуями ее лицо и шею. – Как же я по тебе истосковался!

Изабелла мгновенно растаяла, буквально растворилась в своем возлюбленном. Она не стала протестовать, когда он подхватил ее на руки и понес в спальню. На какое-то время все, что отравляло ей жизнь в последние дни, все эти страшные, пугающие новости, отступили куда-то прочь. Ее снова накрыла с головой волна экстаза. Лорен рядом, и они с ним одно целое.

Потом они лежали в изнеможении среди скомканных простыней, и Изабелла отвечала Лорену на его очень бережные вопросы, рассказывала о последних неделях жизни матери.

– А как жил ты, Лорен, все это время? – Наступил ее черед задавать вопросы. – Было чем заняться?

– К великому сожалению, после Алессандры Сильвейра заказов больше нет. Здесь все пребывают в крайнем волнении из-за падения спроса на бразильский кофе и из-за тех проблем, что возникли на Нью-Йоркской фондовой бирже. Короче, никто больше не желает тратить деньги на такие безделицы, как скульптура. А потому весь прошлый месяц я только и делал, что ел, пил и купался в море. Изабелла! – Лицо Лорена стало серьезным. – Помимо того, что ситуация в Бразилии ухудшается с каждым днем, у меня такое чувство, что я задержался у вас слишком долго. И тянуть с отъездом больше не могу. Я скучаю по Франции, по своей работе. Прости, дорогая, но мне пора возвращаться домой. – Лорен взял ее руку и поцеловал. – Весь вопрос лишь в том, поедешь ли ты со мной.

Изабелла растерялась, не зная, что ответить. Она лежала в его объятиях, закрыв глаза, чувствуя, что все в ее жизни достигло пика своего напряжения. Совершенно невыносимое состояние.

– Сеньор да Силва Коста забронировал мне каюту на пароход, который отплывает в пятницу. – В голосе Лорена послышались нотки нетерпения. – Я должен воспользоваться этой возможностью. Ведь многие пароходные компании принадлежат американцам. Если финансовая ситуация станет еще более угрожающей, то в Рио просто не останется судов, способных выйти в открытое море. И такое положение может затянуться на долгие месяцы.

Слушая Лорена, Изабелла все сильнее осознавала, каким же глубоким оказался этот кризис в Америке.

– Ты говоришь, в пятницу? То есть через три дня? – прошептала она наконец.

– Да, умоляю тебя, любовь моя, поехать вместе со мной. Думаю, сейчас ты сможешь это *сделать*, – торопил с ответом Лорен. – Как бы сильно я ни любил тебя, но здесь у меня нет будущего. Никакой жизни, ни творческой, ни иной, учитывая все наши с тобой обстоятельства. Чувствую себя виноватым, что заставляю торопиться с решением, когда твоя матушка, можно сказать, еще не остыла в могиле. Но надеюсь, ты понимаешь, мне пора уезжать. – Лорен принялся внимательно разглядывать ее лицо, словно ища на нем ответа.

– Все верно, ты и так ждал меня чересчур долго. – Изабелла приподнялась и села на кровати, прикрыв простыней обнаженную грудь. – Лорен, я должна кое-что сказать тебе...

* * *

Густаво с некоторым облегчением покинул кишасий людьми сенат. Атмосфера внутри царила напряженная. Зашкаливала не только температура. Перепуганные кофейные бароны требовали от правительства прямых ответов. Что именно те собираются предпринимать, чтобы спасти их? Некоторые даже начали скандалить. Вроде бы все цивилизованные люди, но вдруг впавшие в неистовство от одной только мысли, что за одну ночь все их состояние может превратиться в пыль.

Густаво терпел сколько мог. Он искренне хотел помочь всем этим людям или, уж по крайней мере, продемонстрировать, что он на их стороне. Но что можно предложить дельного в подобной ситуации? Что посоветовать? Больше всего ему в эту минуту хотелось выпить. Он свернул в сторону клуба, но, сделав несколько шагов, остановился.

Нет! Никакого спиртного. Иначе все вернется на круги своя. А ведь только вчера ночью он клятвенно заверил Изабеллу, что навсегда завязал с выпивкой и стал другим человеком.

Тут он вспомнил, что за завтраком жена сказала ему, что собирается на примерку к своей портнихе в Ипанеме. Салон мадам

Дюшан всего лишь в десяти минутах ходьбы отсюда. А что, если нагрнуть туда прямо сейчас? Устроить Изабелле такой приятный сюрприз? А потом они вместе просто прогуляются по приморскому бульвару, посидят в каком-нибудь открытом кафе, понаблюдают за тем, как течет жизнь вокруг. Вполне подходящее занятие для супругов, наслаждающихся обществом друг друга, ведь так?

Он свернул влево и направился в сторону Ипанемы.

Пятнадцатью минутами позже Густаво вышел из салона мадам Дюшан в полном замешательстве. Он готов был поклясться в том, что Изабелла сказала ему, что после того, как навестит отца, она тут же отправится на примерку к мадам Дюшан. Но портниха заверила его, что никакой предварительной договоренности о примерке на сегодня у нее с его женой не было. Густаво побрел в полном недоумении по улице, потом поймал такси и попросил отвезти его домой.

* * *

Лорен был шокирован...

– А ты уверена, что ребенок мой?

– Я уже сто раз прокрутила в голове все варианты того, что забеременела от Густаво... Но ты же сам говорил мне, что если нет... надлежащего *проникновения внутрь*, то ребенка зачать невозможно. – Изабелла невольно покрылась краской стыда. Ей было неловко обсуждать вслух столь интимные подробности своей жизни с мужем. – А за те два месяца, что предшествовали моему отъезду на фазенду вместе с мамой, такого... не случилось ни разу. Впрочем, он едва ли обращал внимание на подобные мелочи, – сбивчиво добавила она.

– То есть ты полагаешь, что срок беременности порядка трех месяцев?

– Или даже чуть больше. Сама не знаю. Прежде чем идти к врачу, я хотела поговорить с тобой.

– Можно взглянуть на твой живот?

– Да, но там еще мало что заметно.

Лорен стянул простыню с ее нагого тела и осторожно положил руку на бугорок, торчащий посреди живота. Но вот он перестал

разглядывать живот, снова перевел глаза на лицо Изабеллы и заглянул ей прямо в глаза.

– Так ты уверена на все сто, что ребенок мой?

Изабелла выдержала этот взгляд.

– Я не сомневаюсь в этом, Лорен. Скажу более. Если бы у меня были сомнения подобного рода, то я бы просто не приехала к тебе.

– Хорошо... Тогда, – он вздохнул, – вернемся к тому, с чего начали. С учетом этой новости твой отъезд в Париж вместе со мной почти неминуем. Он просто крайне необходим.

– То есть ты говоришь, что хочешь этого ребенка?

– Я говорю, что хочу *тебя*, моя дорогая Изабелла. А вот это, – он указал на бугорок, – это часть меня и тебя. Да, немного все неожиданно. Но коль скоро так случилось, то да, я хочу этого ребенка.

Глаза Изабеллы наполнились слезами.

– А я думала, что ты не захочешь. И уже приготовилась к худшему.

– Ну, кое-какие сомнения всегда остаются. Нельзя исключать и такого варианта: дитя появится на свет и будет вылитый хорек, как твой муж. Но, конечно, я тебе верю Изабелла. Да и с чего тебе лгать мне? Разве я могу обеспечить нашему ребенку жизнь, сопоставимую с той, что может дать ему Густаво? – Лорен отвел глаза от Изабеллы и тяжело вздохнул. – Надеюсь, ты понимаешь, что пока я ума не приложу, как мы станем выживать. Мой чердак на Монпарнасе – не самое подходящее место для ребенка. Да и для тебя тоже.

– У меня есть драгоценности, которые я могу продать, – уже второй раз за день предложила Изабелла. – Есть небольшая сумма для начала.

Лорен бросил на возлюбленную изумленный взгляд.

– А! Так ты все-таки размышляла на эту тему.

– Я думала об этом каждую минуту, как только поняла, что беременна, – призналась Изабелла. – Но...

– У тебя всегда находится какое-нибудь «но». – Лорен недовольно округлил глаза. – Что на сей раз?

– Я была сегодня у отца... перед тем, как ехать к тебе. Валяется в кровати, не хочет вставать с постели. Пребывает в полнейшей депрессии. Он признался мне, что потерял все свои сбережения из-за

финансового кризиса, случившегося в Америке. Сгорели все его акции. И это сломило его окончательно.

– Итак, ты больше не чувствуешь себя виноватой перед мужем. Сейчас ты уже боишься бросить отца. Я верно понял?

– Боюсь, – согласилась с ним Изабелла, немного раздосадованная тем, что Лорен никак не хочет понять, какой груз ответственности лежит на ней и как трудно будет ей принимать окончательное решение. – Если я уеду вместе с тобой, то папа и правда будет думать, что потерял все на свете.

– А если не поедешь, тогда наш ребенок лишится своего родного отца. А мы, ты и я, потеряем друг друга, – живо возразил ей Лорен. – Дорогая, я не могу заставить тебя решать так, как мне того бы хотелось. Скажу лишь одно. Я проехал полсвета, чтобы оказаться рядом с тобой, и торчал в этой квартире целых девять месяцев, опять же только ради тех редких мгновений, когда мы могли быть вместе. Разумеется, я вполне пойму тебя, если ты решишь остаться. Но у меня складывается такое впечатление, что у тебя всякий раз отыскивается подходящий предлог, ради которого ты жертвуешь нашим счастьем.

– Я очень любила свою маму. И отца я тоже люблю. Пожалуйста, не забывай, не из-за Густаво я вернулась тогда в Рио, оставила Париж. – У Изабеллы защипало в глазах от подступивших слез. – Как я могла разбить сердца своим родителям?

– Давай отложим этот разговор. Подумай, Изабелла. – Лорен бережно взял ее за подбородок, притянул к себе и запечатлел легкий поцелуй на ее губах. – Но помни, как только ты примешь какое-то решение, то или другое, все пути к отступлению будут отрезаны. Обратной дороги нет.

– Признаюсь честно, в настоящий момент я не уверена, какой именно путь мне избрать.

– К сожалению, для принятия столь серьезного решения едва ли такой момент наступит и в обозримом будущем. Такого не случится. Однако, – он снова вздохнул, – договоримся так. Давай встретимся здесь в ближайшие два дня. И ты мне сообщишь свое окончательное решение. Тогда можно будет что-то планировать.

Изабелла уже поднялась с кровати и начала одеваться. Пришпиливая булавками шляпку, она лишь молча кивнула в ответ.

– Чтобы ни случилось, дорогая, я буду ждать тебя здесь в два часа дня в среду.

* * *

Вернувшись домой, Изабелла позвонила Габриеле, узнать, как отец. Служанка сообщила, что Антонио поднялся с постели и ушел из дома. Сказал, что направляется к себе в контору. Изабелла обрадованно перевела дыхание. Она решила не подниматься прямо сейчас к себе в комнату, а посидеть немного на террасе, насладиться мягким вечерним солнцем. Сейчас попросит Лоен принести ей свежего сока манго прямо на террасу.

– Больше ничего не надо, сеньора Изабелла? – поинтересовалась у нее Лоен, выставляя перед своей хозяйкой кувшин с соком и стакан.

Изабелле очень хотелось поделиться со своей давней подружкой всеми теми неприятными осложнениями, в которых она оказалась. Но, как ни близки они были с Лоен, она все же не рискнула рассказать ей все начистоту. Не стоит грузить верную Лоен своими проблемами, решила Изабелла.

– Нет, больше ничего не надо. Спасибо. Приготовь мне только ванну. Минут через десять я поднимусь к себе.

Изабелла молча проследила за тем, как служанка обогнула угол дома и исчезла в кухне. Итак, мамы больше рядом нет. Отныне все решения ей придется принимать самостоятельно. Изабелла медленно тянула сок из стакана и пыталась систематизировать все те факты, которыми она располагает. Хотя последние сутки Густаво вел себя не в пример лучше, чем в предыдущие месяцы, зная слабохарактерность мужа, она не верила, что его хватит надолго. Что бы он там ни обещал ей, кишка у него тонка выступить с открытым забралом против собственной матери.

Но самое главное, она по-прежнему не испытывает к мужу никаких чувств. Даже чувства вины или раскаяния. Что ж, если она все же *бросит* его, сеньора Луиза снова на законных основаниях займет свое главенствующее место в доме. Само собой, брак будет расторгнут, и Густаво получит возможность начать поиски более подходящей жены. И уж не придется сомневаться в том, что на сей раз

процессом поисков будет руководить лично сеньора Луиза. Она и подберет стоящую невесту для своего сына.

А вот ее отец – это уже совсем другое дело. Изабелла отлично понимала: мама никогда не простит ей, если она бросит отца в такой трудный для него период жизни. Она хорошо помнила последний разговор с матерью незадолго до ее кончины. Карла тогда предупредила дочь, что ничем хорошим ее увлечение Лореном закончиться не может. Эта любовь принесет ей одни несчастья.

Сейчас к тому же надо принимать в расчет и еще одну жизнь, жизнь того малыша, который растет в ней. Что лучше для будущего ребенка? Если она останется с Густаво, то ребенок получит законное имя, что обезопасит его на всю оставшуюся жизнь. Можно представить, как обрадуется ее отец, когда она сообщит ему о скором появлении на свет его первого внука. Уже только одно это известие вдохнет в него силы, придаст новый смысл его жизни.

Но разве она хочет, чтобы рожденный ею ребенок воспитывался под крышей холодного и угрюмого дома, принадлежащего семейству Кабрал? А что она сама? Привязанная к мужу рождением наследника, не станет ли она потом жалеть всю оставшуюся жизнь о принятом решении остаться с Густаво? Не будет ли втайне мечтать о той, другой жизни, так опрометчиво отвергнутой ради отца ребенка, который фактически и не является его отцом?

Отчаянное положение. Изабелла тяжело вздохнула. Куда ни поверни, везде проблемы. После мучительных раздумий она так и не пришла к однозначному решению.

– Добрый вечер, Изабелла, – поздоровался с ней Густаво, неожиданно возникнув на террасе. – Что делаешь?

– Вот сижу и наслаждаюсь вечерней прохладой, – коротко бросила она в ответ, чувствуя, что невольно краснеет от тех мыслей, которые вертятся сейчас у нее в голове.

– Да, вечер действительно хороший, – согласился с ней муж, присаживаясь рядом. – А вот в сенате сегодня было жарко. На Уолл-стрит сегодня случилось то, что они уже окрестили «Черным вторником». Индекс Доу – Джонса потерял еще тридцать пунктов, по сравнению с вчерашними торгами. Семейство Рокфеллеров приступило к массовой покупке акций, чтобы хоть как-то утихомирить разбушевавшийся рынок. Маловероятно, что это сработает. Впрочем,

весь объем потерь раньше завтрашнего дня мы едва ли узнаем. В любом случае отец, в отличие от многих других, принял за последние месяцы несколько очень разумных решений. А как твой отец?

– Ужасно. Он как раз и входит в число тех, кого ты назвал «многими другими». Поставил все на кон и все потерял.

– Ну, винить себя ему за это не стоит. Не он один такой. Кто же знал, что все так получится? Никто не знал.

Изабелла невольно бросила на мужа уважительный взгляд. Его слова были не просто здравы, они были мудры.

– Что, если тебе встретиться с моим отцом? Поговори с ним, повтори ему все, что только что сказал мне.

– Конечно.

– О, уже скоро семь. Пойду, приму ванну, пока она совсем не остыла. – Изабелла поднялась со скамейки. – Спасибо тебе, Густаво.

– За что?

– За понимание.

Изабелла уже почти скрылась за углом дома, когда Густаво вдруг окликнул ее.

– Кстати, а как прошла твоя примерка у портнихи? – поинтересовался он, наблюдая за тем, как жена замерла на месте, но так и не повернулась к нему лицом.

– О, все превосходно. Спасибо, что поинтересовался. – Она все же повернулась и улыбнулась ему, а потом исчезла из виду.

Изабелла провела еще одну бессонную ночь и заснула лишь на рассвете. Проснулась с тяжелой головой и совершенно без сил. Место рядом с ней, на котором обычно спал Густаво, было пусто. Она отправилась в ванную комнату озадаченная. Обычно муж никогда не просыпался раньше нее. Наверное, он все же действительно решил начать жизнь с чистого листа. Спустившись вниз к завтраку, она застала за столом только свекровь.

– Наши мужья уже уединились в кабинете, просматривают утренние газеты. Густаво, наверное, уже рассказывал тебе вчера о том, что творится. Судя по всему, на Уолл-стрит случился еще один обвал. Они сейчас снова едут в сенат. Будут обсуждать, как спасти кофейную индустрию перед лицом такого бедствия. Ты собираешься сегодня в церковь Игрейя да Глория? – невозмутимо переключилась на другое сеньора Луиза. Как будто со вчерашнего дня все в мире осталось по-прежнему.

– Нет. Мне нужно навестить отца. Как вы понимаете, он сейчас пребывает... он очень расстроен, – ответила Изабелла, тоже стараясь отвечать нейтральным тоном.

– Само собой. Но, как говорится, что посеешь, то и пожнешь. – Свекровь поднялась из-за стола. – Что ж, тогда я вместо тебя займусь исполнением нашего семейного долга.

Изабелла молча проследила за тем, как Луиза выплыла из комнаты. Надо же, подумала она с негодованием, какая черствость. И при этом такая черная неблагодарность. Судя по всему, свекровь уже предпочла забыть, что своим нынешним прочным финансовым положением, включая и полномасштабный ремонт этого дома, ее семья в немалой степени обязана тем щедрым вливаниям, которые сделал Антонио, оплативший все строительные работы. А знает ли она, как тяжело работал отец, чтобы заработать все эти деньги?

Изабелла взяла из вазы апельсин и со злостью швырнула его в стену. В этот момент в столовой появился Густаво.

Он лишь удивленно вскинул брови, увидев, что апельсин отскочил от стены и полетел под стол.

– Доброе утро, Изабелла. – Густаво нагнулся, чтобы поднять фрукт с пола и положить его обратно в вазу. – Отрабатываешь подачу при игре в теннис?

– Прости, Густаво. Вывела из себя очередная бесчувственная тирада твоей матушки.

– А, вот оно в чем дело. Что ж, тому есть свои объяснения. Сегодня утром, еще до завтрака, отец уведомил ее, что впредь всеми счетами на ведение домашнего хозяйства будешь распоряжаться ты. Как ты догадываешься, эта новость не вызвала у нее восторга. Придется тебе какое-то время просто не обращать внимания на все ее выпады и колкости.

– Постараюсь, – пообещала Изабелла мужу. – Слышала, вы снова собираетесь в сенат?

– Да, новости из Нью-Йорка поступают неутешительные. Очевидно, вчера там было сильное кровопускание. – Густаво сокрушенно вздохнул. – Говорят, люди выбрасывались прямо из окон банков на Уолл-стрит. Все акции обесценились как минимум на тридцать миллиардов долларов. За несколько часов цена на фунт кофе тоже рухнула ниже некуда.

– Значит, мой отец был прав, когда сказал, что для него все кончено?

– Конечно, это мощнейший удар по всем производителям кофе. Более того, это удар по всей бразильской экономике в целом. Как ты смотришь, если мы пригласим сегодня твоего отца на ужин? Вполне возможно, я сумею как-то помочь ему. В крайнем случае, расскажем ему вместе с моим отцом, что думает по этому поводу наше правительство, если он сам не желает показываться в сенате.

– Очень любезно с твоей стороны, Густаво, – поблагодарила Изабелла. – В течение дня я собираюсь навестить отца. Обязательно передам ему твое приглашение.

– Хорошо. А я попутно замечу, что ты сегодня необыкновенно красива. – Густаво нежно поцеловал жену в макушку. – Увидимся за обедом.

Изабелла позвонила Габриеле, и та сообщила ей, что Антонио уже уехал к себе в контору. Тогда она велела передать ему, что сегодня вечером он приглашен к ним на ужин. Поднимаясь к себе по лестнице, она увидела в окно, как вернулся домой Хорхе, отвозивший Густаво и

Маурицио в сенат. Через двадцать минут машина снова отъехала от крыльца, повезла в церковь Луизу.

Изабелла спустилась вниз, обрадованная тем, что хоть какое-то время весь дом будет в ее распоряжении. На серебряном подносе лежало письмо, адресованное ей. Она взяла конверт, открыла парадную дверь и, обогнув дом, снова устроилась на террасе и приступила к чтению письма.

*Номер 4
48, Авеню де Мариньи
Париж
Франция*

5 октября 1929 года

Моя дорогая Изабелла!

Не верится, что прошло уже больше года с тех пор, как ты покинула Париж и я видела тебя в последний раз. Пишу, чтобы сообщить тебе, что мы уже тоже готовимся к возвращению домой, в Рио. Папа наконец завершил здесь работы, связанные с расчетом всех параметров памятника, и сейчас хочет лично присутствовать на завершающих этапах возведения монумента Христу. К тому времени, как это письмо дойдет до тебя, мы будем плыть где-нибудь посреди Атлантического океана. Наверное, тебя порадует, если я сообщу, что сейчас уже смогу, более или менее сносно, разговаривать с тобой по-французски. Занятия языком не прошли бесследно. Да и работа в больнице тоже сыграла свою роль. Словом, мой французский на сегодняшний день если и не совсем свободный, то вполне приличный. Я покидаю Париж со смешанными чувствами. Ты ведь помнишь, что поначалу, в самые первые месяцы после приезда в Париж, я почти боялась этого города. Но сегодня, честно признаюсь, я буду скучать по Парижу во всем его многообразии и многоликости. Наверное, в Рио я начну задыхаться. Ведь он такой маленький, в сравнении с Парижем. Но все равно с

нетерпением жду своего возвращения домой. Как и встречи с тобой, моя дорогая подруга.

Как здоровье твоей мамы? В своем последнем письме ты выражала озабоченность ее нынешним состоянием. Искренне надеюсь, что она уже поправилась. Коль скоро мы заговорили о здоровье, то сообщаю тебе, что я обратилась в больницу Санта Каса де Мизерикордиа и получила от них уведомление о том, что меня включили в программу по подготовке медсестер для их больницы. Приступлю к обучению сразу же по возвращении. Постоянная занятость, думаю, не даст мне предаваться невеселым мыслям. Докладываю тебе с печалью: французского графа я тут так и не встретила. Да и вообще, никто из мужчин не проявил ко мне особого интереса. Вот я и решила, что пока всецело сосредоточусь на своей работе.

Как Густаво? Скоро ли мы услышим новости о том, что крохотные ножки уже топаят по комнатам вашего дома? Должно быть, тебе не терпится поскорее стать матерью. Признаюсь, эта сторона брака меня тоже очень прельщает.

Наш пароход прибывает в Рио где-то в середине ноября. Сразу же позвоню тебе по возвращении, и тогда мы договоримся о встрече.

Маргарита тоже шлет тебе свои приветы и наилучшие пожелания. Она все еще в Париже, продолжает совершенствовать свои художественные таланты. Она говорила, что профессор Ландовски расспрашивал о тебе. Кстати, по ее словам, месье Бройли сейчас в Рио. Также принимает участие в работах по сооружению монумента. Ты с ним виделась?

С пожеланиями всего наилучшего,

Твоя подруга

Мария Элиза.

Изабелле невольно взгрустнулось, когда она вспомнила, какой безоблачной и счастливой была ее жизнь всего лишь каких-то восемнадцать месяцев тому назад, накануне отъезда в Париж. Родители были живы-здоровы и радовались жизни. Ее собственное будущее тоже уже было спланировано, хотя она и не питала особых чувств к своему будущему мужу. И вот она спустя полтора года. Замужем за одним мужчиной, любовница другого, мама умерла, отец разорен, сломлен душевно. И она носит под сердцем дитя, которого обязана защитить любой ценой. Вот так все в этой жизни перепутано, радость и боль уживаются рядом. Ни один день не похож на другой, и никогда не знаешь, что тебя ждет завтра.

Изабелла снова предалась мрачным мыслям о том, что творится в мире. Еще каких-то несколько дней тому назад тысячи, миллионы людей чувствовали себя счастливыми, обеспеченными, прочно стоящими на земле. А сегодня утром проснулись и поняли, что в одночасье потеряли все.

Но сама она сидит в красивом доме, рядом муж, пусть и не прекрасный принц на белом коне, о каком грезилось в юности, но человек, который может обеспечить ее всем, что ей захочется. Так как же она может жаловаться на свою судьбу? И как ей только в голову могла прийти *мысль* о том, чтобы бросить несчастного отца, когда именно он своим упорным, тяжелейшим трудом обеспечил ей то место, которое она сейчас занимает?

А ее будущий ребенок? Насколько же она эгоистична в своей слепой любви к Лорену, если может всерьез думать о том, чтобы бежать вместе со своим возлюбленным в Париж, где ее ждет полнейшая неопределенность во всем. Как можно уже заранее подвергать ребенка нищете, когда здесь у него будет все?

Как ни тяжело далось Изабелле ее решение, но она заставила себя принять второй вариант: остаться там, где она есть. Хотя она и была уверена, что отец ребенка не Густаво, но у нее имелось несколько аргументов, с помощью которых не составит труда доказать обратное. Изабелла представила себе лицо мужа, когда она сообщит ему о своей беременности. Само собой, эта новость еще больше укрепит его в намерении начать свою жизнь сначала, о чем он говорил ей вчера. А в результате свекрови наконец тоже будет указано на место, раз и навсегда.

Изабелла отрешенно уставилась вдаль. Конечно, такое решение дастся ей нелегко. Ведь она добровольно отказывается от человека, которого любит больше всего на свете... отказывается от счастья, о котором они оба так мечтали. Но разве личное счастье – это главное в жизни? Да и сумеет ли она быть счастливой, зная, что бросила своего вдового отца в тот самый момент, когда ему отчаянно нужна была помощь? Нет и еще раз нет. Изабелла знала, что она никогда не простит себя за подобный поступок.

– Сеньора Изабелла, вам подать прохладительный напиток? – спросила у нее Лоен, появившись на террасе. – Солнце сегодня печет прямо с самого утра.

– Спасибо, Лоен. Разве что стакан воды.

– Сию минуту, сеньора. С вами все в порядке?

Изабелла немного помолчала, прежде чем ответить.

– Со мной все будет в полном порядке, Лоен. Вот увидишь.

* * *

Вечером на ужин пришел Антонио. Мужчины немедленно заперлись в кабинете Маурицио, где в течение часа что-то обсуждали. Антонио вышел из кабинета заметно прибодрившийся. Следом шел Густаво.

– Твой муж чрезвычайно добр ко мне. Он даже предложил мне свою помощь. И у него есть кое-какие идеи на будущее. Это возможность нового старта для меня, Изабелла, – сообщил ей отец. Потом повернулся к Густаво и слегка поклонился ему: – Я вам очень признателен, сеньор Густаво.

– Пустяки, сеньор Антонио. В конце концов, мы же одна семья.

Изабелла сделала глубокий вдох. Нужно сообщить мужу прямо сейчас. Иначе ей может не хватить решимости, и она передумает.

– Густаво, мне надо переговорить с тобой до начала ужина.

– Конечно, дорогая.

Маурицио и Антонио проследовали в столовую, а Изабелла повела мужа в гостиную и плотно закрыла за собой дверь.

– Что случилось? – встревоженно нахмурился Густаво.

– Пожалуйста, не пугайся, – поторопилась успокоить его Изабелла. – На самом деле, ничего страшного. Как раз напротив. У меня для тебя хорошие новости. Думаю, мы можем объявить эту новость прямо за ужином. Густаво, я жду ребенка.

Изабелла увидела, как мгновенно просветлело лицо мужа, как радостно заблестели его глаза.

– То есть ты беременна, Изабелла, да?

– Да.

– Боже мой! Я не верю своему счастью! Какая же ты у меня умница! – воскликнул Густаво, подошел к жене и крепко обнял ее. – Вот теперь моя мать утихомирится наконец навсегда.

– А ее сын, я надеюсь, будет счастлив, – улыбнулась в ответ Изабелла.

– Еще как буду счастлив, моя родная, – расплылся в улыбке Густаво. – Еще никогда я не чувствовал себя таким счастливым. Как своевременно все случилось... Представляю, как обрадуются все наши. Какое это счастье для тебя самой, Изабелла. Ведь ты только что пережила такую утрату. И для твоего отца, разумеется, тоже. Мы с моим отцом думаем, что сможем помочь ему. Во всяком случае, я настаиваю на этом, – уточнил он. – Так будет правильно во всех смыслах. Ведь твой отец был необыкновенно щедр к нам в прошлом. Но ты абсолютно уверена в том, что беременна, Изабелла?

– Да. Врач тоже подтвердил. Я вчера была у него, а сегодня он мне перезвонил.

– Ах, вот как? Ну, тогда это все объясняет! – воскликнул Густаво, и лицо его разгладилось. – Дело в том, что вчера после обеда я решил забрать тебя из ателье, сразу после заседания в сенате. Заглянул к мадам Дюшан, но она сказала мне, что никакой договоренности о примерке у вас с ней не было и что ты не появлялась у нее в салоне в течение всего дня. Сейчас понятно. Ты ходила к своему врачу, так?

– Да, – ответила Изабелла, чувствуя, как сердце сжалось от страха.

– А я еще, выйдя на улицу, размышлял какое-то время о том, почему ты мне солгала. Даже подумал, что ты обзавелась любовником. – Густаво издал короткий смешок и поцеловал жену в лоб. – Как же я ошибался! Ты уже знаешь сроки появления младенца на свет?

– Приблизительно через шесть месяцев.

– О, значит, самый опасный период уже позади. Тогда, конечно, мы должны объявить эту радостную новость всем нашим. Немедленно! – Густаво готов был бежать вприпрыжку, словно расшалившийся ребенок. Он схватил жену за руку и повел ее к дверям. – Ах, моя прекрасная Изабелла! Ты сделала меня счастливейшим из смертных. Клянусь, я сделаю все от меня зависящее, чтобы стать достойным отцом для нашего ребенка. Ступай в столовую, а я спущусь в погреб и открою бутылку нашего лучшего шампанского.

Густаво послал жене воздушный поцелуй и скрылся. Какое-то время Изабелла молча топталась на месте. «Ну вот, – думала она, – я выбрала свой путь и теперь до самой смерти буду мучиться, осознавая собственную двуличность».

* * *

За ужином начались взаимные поздравления. Изабелла увидела, как обрадовался отец, когда Густаво объявил за столом их новость. И это лишний раз доказывало, что она приняла правильное решение. Луиза выглядела немного растерянной, но Изабелле это даже доставило некоторое удовольствие. После ужина Густаво повернулся к ней:

– Уже половина одиннадцатого, дорогая. Ты, должно быть, устала. Идем. – Он слегка подвинул ее стул, помогая подняться с места. – Я проведу тебя наверх.

– Вообще-то, – смутилась Изабелла, – я чувствую себя отменно.

– Не имеет значения. И ты, и наше дитя пережили несколько очень трудных недель. Сейчас мы все должны максимально оберегать тебя, – добавил Густаво, бросив при этом выразительный взгляд на мать.

Изабелла пожелала доброй ночи всем присутствующим, а потом, обойдя вокруг стола, крепко обняла отца, проигнорировав принятый в доме этикет.

– Доброй ночи, паи.

– И тебе сладких снов, Изабелла. Обещаю, твой малыш еще будет гордиться своим дедушкой, – прошептал он, указывая на ее живот. –

Навести меня в ближайшие дни.

– Обязательно, паи.

Наверху Густаво сопровождал жену до спальни и в нерешительности остановился посреди комнаты.

– Послушай, Изабелла, сейчас, когда ты... в положении, скажи, может ты предпочитаешь до рождения ребенка спать одна? Насколько мне известно, все супружеские пары так делают в подобных обстоятельствах.

– Если ты считаешь, что так будет лучше, то я согласна.

– И отныне ты должна как можно больше отдыхать. Не изнуряй себя.

– Постараюсь, Густаво. Но заметь, я ведь не больна. Просто беременна. А потому хочу продолжать жить своей обычной жизнью. Вот, к примеру, завтра после обеда мне действительно надо к мадам Дюшан. Хочу попросить ее кое-что переделать в моем гардеробе с учетом растущих форм.

– Конечно, что за разговоры. Тогда, – Густаво подошел к жене и расцеловал ее в обе щеки, – я желаю тебе доброй ночи.

– Доброй ночи, Густаво.

Густаво улыбнулся на прощание и вышел из спальни. Изабелла устало опустилась на край кровати. Самые разные чувства бурлили сейчас в ее душе. Первая мысль о Лорене, о том, что завтра после обеда он будет ждать ее у себя. Изабелла поднялась с постели и, подойдя к окну, уставилась на звезды. И сразу же вспомнила те вечера, когда вот так же ярко в ночном небе светили звезды над мастерской профессора Ландовски в Болонье-Бийанкур. Потом вдруг вспомнила тот вечер, когда она обнаружила спящего мальчика в зарослях сада. Ведь именно страдания этого малыша стали своеобразным катализатором, ускорившим начало их романа с Лореном.

– Я всегда буду любить тебя, – прошептала она, обращаясь к звездам.

Она уже приготовилась лечь в постель, но в последнюю минуту передумала и подошла к бюро, стоявшему у окна. Итак, вчера Густаво последовал за ней к мадам Дюшан. Конечно, он руководствовался исключительно любовными мотивами, никаких подозрений, но все же... Она не может больше рисковать и встречаться с Лореном у него на квартире. А поступит она следующим образом. Отправится завтра

на примерку к своей портнихе, а вместо себя отправит на квартиру Лоен с письмом для Лорена, которое она сейчас напишет.

Она достала из ящика лист бумаги и ручку, потом долго глядела на звездное небо, словно вопрошая небеса, какие слова ей подобрать для того, чтобы попрощаться с Лореном. На сей раз навсегда.

Спустя два часа она перечитала письмо в последний раз.

Дорогой,

Уже одно то, что Лоен вручит тебе этот конверт, подскажет тебе и все остальное. Я не могу уехать вместе с тобой в Париж. И хотя сейчас, когда я пишу эти строки, сердце мое разрывается от боли, я вполне отдаю себе отчет и понимаю, в чем состоит мой долг. При всей моей любви к тебе, я не могу поступиться им. Остается лишь надеяться, и я всей душой молю за это, чтобы ты понял, чем именно я руководствовалась при принятии окончательного решения. Речь не идет о каком-то умалении моей любви к тебе. Я по-прежнему люблю тебя, страстно желаю быть рядом с тобой до конца своих дней. Вот я сижу сейчас и смотрю на звездное небо. И сожалею лишь об одном: что мы встретились не в то время. Потому что, случись наша встреча в другое, более подходящее, время, мы бы сейчас были вместе. Не сомневаюсь в этом ни минуты.

Но не судьба. Надеюсь, ты тоже, как и я, смиришься и примешь ее такой, какая она есть. Будь уверен, до конца своих дней я стану просыпаться с мыслями о тебе. Я буду молиться за тебя и буду продолжать любить всем сердцем и душой.

А больше всего на свете я боюсь вот чего. Что те чувства, которые ты испытываешь ко мне сейчас, могут превратиться в ненависть за то, что я предала твою любовь. Умоляю тебя, Лорен. Не надо ненависти. Сохрани все то, что было у нас, в своем сердце и иди вперед, в будущее. Надеюсь, в этом будущем ты обретешь и счастье, и новые радости.

Оревуар, моя любовь.

Твоя Изабелла.

Изабелла свернула письмо и вложила его в конверт. Заклеила, но ничего не написала на самом конверте. Никакого имени. А вдруг его ненароком обнаружат? Она снова открыла ящик и спрятала письмо под стопку чистых конвертов.

Закрыла ящик, и тут глаз ее упал на маленький треугольник мыльного камня, который она использовала в качестве подставки под чернильницу.

Она взяла камень в руку и осторожно прошлась ладонью по его гладкой поверхности. И вдруг неожиданно для себя самой перевернула его на другую сторону, снова окунула ручку в чернильницу и написала:

*30 октября 1929 года
Изабелла Айрис Кабрал
Лорен Бройли.*

Чуть ниже, под их с Лореном именами, старательно вывела одну из своих любимых цитат из притчей Гилберта Паркера.

Когда чернила высохли, она спрятала камень туда же, под стопку чистых конвертов. Утром, когда Лорен придет помочь ей одеться, она попросит служанку отнести и то, и другое туда, куда надо. Коль скоро этот камешек не пошел на отделку статуи Христа, пусть останется на память Лорену. Будет служить ему напоминанием о том незабываемом времени, что они провели вместе.

Изабелла медленно поднялась из-за бюро и легла в кровать. Свернулась клубком, почти как тот плод, который она носит сейчас под сердцем, и обхватила себя руками, словно пытаясь удержать в груди разбитое вдребезги сердце.

– Разве Изабелла сегодня не завтракает вместе с нами? – поинтересовалась Луиза у сына.

– Нет, я попросил Лоен отнести ей завтрак наверх, – ответил Густаво, присаживаясь к столу.

– Ей что, нездоровится?

– Нет, все хорошо, мама. Но последние два месяца она, бедняжка, возилась с матерью сутками напролет. Как ты догадываешься, все это не могло не сказаться на ее общем самочувствии.

– Надеюсь, она не станет носиться со своей беременностью, как курица с яйцом, – сухо обронила Луиза. – Я, во всяком случае, так себя не вела.

– В самом деле? А вот отец рассказывал мне только вчера вечером, что ты неделями боролась со всевозможными недомоганиями, пока носила меня, и вообще редко вставала с кровати, – возразил Густаво, подливая себе кофе. – В любом случае это долгожданная для тебя новость, не так ли? Думаю, тебя сейчас переполняет чувство радости.

– Все так, но...

Луиза велела служанке удалиться.

– И закрой за собой дверь, пожалуйста, – попросила она ее.

– Что еще, мама? Что на сей раз? – тяжело вздохнул Густаво.

– Я долго молилась сегодня утром в нашей часовне. Просила Бога помочь мне решить, рассказывать ли тебе все то, что мне известно, или нет.

– Что ж, раз ты попросила служанку удалиться, полагаю, решение принято. И, конечно, речь пойдет о каком-нибудь очередном проступке, который якобы совершила моя жена. Я прав?

На лице матери отразилось смятение.

– К сожалению, да, ты прав.

– Ну, так приступай! Излагай поскорее! У меня впереди очень трудный день.

– У меня есть все основания полагать, что твоя жена не... верна тебе.

– Что?! – возмущенно воскликнул Густаво. – Мама, полагаю, что это чудовищный обман с твоей стороны. У тебя что, есть доказательства ее измены?

– Густаво, понимаю, ты взбешен, ты не веришь мне. Но я не обманываю тебя. И у меня есть доказательства.

– Неужели? И какие же?

– Наш шофер Хорхе, который, как тебе известно, работает на нашу семью уже много лет, видел, как Изабелла входила в дом, в котором живет один молодой... – Луиза презрительно фыркнула при последних словах, – господин.

– Пока не понимаю. Предположим, Хорхе отвозил Изабеллу куда-то в город на встречу с подругой, что вполне возможно. А ты уже готова из этого раздуть целый скандал, выдвинуть против нее самые нелепые обвинения, – возразил Густаво, поднимаясь из-за стола. – Слушать больше не желаю подобные сплетни. Чего ты добиваешься, мама?

– Подожди, Густаво. Прошу тебя. Сядь и выслушай меня до конца, – почти взмолилась Луиза. – Все дело в том, что Изабелла никогда не просила Хорхе отвозить ее именно по тому адресу, где живет этот молодой человек. Он всегда подвозил ее только до салона мадам Дюшан. Но однажды Хорхе застрял и увидел, что Изабелла покинула салон спустя всего лишь несколько минут после того, как он привез ее туда, и устремилась в глубь Ипанемы.

Густаво тяжело опустился на стул.

– И потом он по доброй воле пришел к тебе, чтобы поделиться этой информацией. Так?

– Нет, – коротко обронила Луиза. – У меня возникли подозрения еще раньше. Однажды, еще в мае, я поехала в церковь Игрейя да Глория. Часом ранее твоя жена покинула дом, уведомив меня, что она тоже собирается поработать в церкви. Но ее там не было. Тогда вечером того же дня я поинтересовалась у Хорхе, откуда он забирал Изабеллу, чтобы привезти ее домой. И он сказал, что ему было велено подъехать к салону мадам Дюшан. А потом рассказал и все остальное. Тогда я попросила его в следующий раз, когда он повезет Изабеллу к портнихе, проследить за ней и выяснить, куда она пойдет потом.

– То есть ты попросила Хорхе шпионить за моей женой?

– Если тебе нравятся подобные выражения, то да. Хотя на самом деле я пыталась всеми силами защитить тебя и твое доброе имя, мой дорогой сын. Ты должен признать, что намерения у меня были самые благородные. Тем более что кое-что меня беспокоило с самого начала вашего брака.

– И что же это?

– Я... – Луиза сделала вид, что слегка покраснела от показного смущения. – Видишь ли, я твоя мать. И как всякой матери, мне хотелось получить достоверную информацию о том, что твоя первая брачная ночь увенчалась успехом. Я попросила сообщить об этом горничную, которая прибиралась в вашем номере во «Дворце Копакабана».

– Что ты *попросила*? – Густаво вскочил со стула и, обежав вокруг стола, замер перед матерью. В его глазах сверкала ярость.

– Прошу тебя, Густаво! – Луиза инстинктивно закрыла себя руками. – Твоя жена почти год провела в Париже. И я посчитала своим долгом проверить, осталась ли она после этого... девственницей. Горничная сказала мне, что она не обнаружила никаких следов крови ни на простынях, ни на покрывале.

– Ты подкупила служанку, чтобы та доложила тебе, была ли девственницей моя жена? Немыслимо! – Густаво энергично тряхнул головой, видно, для того чтобы сдержать себя и не обрушить всю свою ярость на мать. Хотя какая-то часть его в этот момент напомнила, что Луиза говорит правду об их первой брачной ночи с Изабеллой.

– Вот я и спрашиваю тебя, – Луиза обозрела сына пристальным взглядом, – простыни были перепачканы?

– Как ты смеешь задавать мне подобные вопросы? – взорвался Густаво. – Все это касается только меня и моей жены!

– Значит, не были, – констатировала Луиза, и в ее голосе послышалось откровенное удовлетворение. – Ты хочешь, чтобы я продолжила, Густаво? Ты возбужден, ты вне себя. Может, оставим эту тему?

– Нет, мама! Ты зашла слишком далеко. А потому договаривай до конца. Уверен, тебе уже не терпится сообщить мне, что Изабелла с кем-то тайно встречается.

– Уверяю тебя, я не испытываю никакого удовольствия сообщать подобные вещи сыну. – Однако торжествующий огонек в глазах Луизы

свидетельствовал об обратном. – Но да, встречается. И человек этот... мы все его прекрасно знаем.

– Кто же это?

– Тот молодой господин, который воспользовался гостеприимством нашего дома. Тот человек, которому ты отвалил целую кучу денег, потому что, видите ли, захотел сделать своей жене необыкновенный свадебный подарок. Так вот, в квартире, которую Изабелла регулярно посещала все последние месяцы, проживает не кто иной, как сеньор Лорен Бройли собственной персоной. Известный нам скульптор.

Густаво открыл рот, чтобы заговорить, и тут же снова закрыл его. У него не было слов.

– Понимаю, для тебя это ужасный удар, Густаво. Но с учетом того, что твоя жена в положении, и это после того, как она безуспешно пыталась забеременеть на протяжении нескольких месяцев, я пришла к выводу, что обязана раскрыть тебе глаза.

– Достаточно! – воскликнул Густаво. – Не буду отрицать. Вполне возможно, Изабелла и встречалась с этим человеком, навещала его, коль скоро он оказался в Бразилии. В конце концов, они подружились еще в Париже. Между прочим, ты сама отправила к этому Бройли Алессандру Сильвейра, чтобы он изваял ее бюст. И при всем своем желании, мама, ты не можешь заявить, что была вместе с ними в спальне. А уж объявить о том, что ребенок, которого носит моя жена, незаконный, это и вообще верх непристойности.

– Твоя реакция мне абсолютно понятна, – спокойно ответила Луиза. – Но если я права, то это действительно верх непристойности.

Густаво принялся нервно расхаживать по комнате, пытаясь успокоиться и взять себя в руки.

– Тогда скажи мне, мама, *почему* ты оказывала покровительство человеку, в котором с самого начала подозревала любовника моей жены? Ведь это же *ты* ввела его в высшее общество Рио, помогала ему своими рекомендациями получать заказы. И если я правильно помню, то даже снабдила его целым валуном мыльного камня из наших рудников, чтобы обеспечить материалом для продолжения работы. Разве не так? *Ты* потворствовала тому, чтобы он подольше задержался в Рио. Какого черта, спрашиваю я, коль скоро ты подозревала его в любовной связи с Изабеллой? – Густаво злобно

сверкнул глазами на мать. – А делала ты это потому, мама, что хотела публично обесчестить мою жену. Ты ее невзлюбила с самого начала. Днями напролет шпыняла ее, поучала, обращалась с ней как с какой-то докучливой собачонкой. Пугается тут у тебя под ногами и раздражает своим постоянным присутствием. Я совсем не удивлюсь, мама, если вдруг обнаружится, что ты с первого же дня ее появления в нашем доме хотела, чтобы наш брак распался, еще даже не успев начаться по-настоящему! – Густаво уже не говорил, он кричал на мать, стоя напротив нее по другую сторону стола. – Больше я ничего не желаю слушать на эту тему. Скажу больше. Сделаю все от себя зависящее, чтобы Изабелла как можно скорее вступила в права законной хозяйки этого дома. А если ты и впредь будешь вмешиваться в наши с ней супружеские отношения, я выставлю тебя вон. С этим все понятно?

– Понятно, – ответила Луиза без тени эмоций на лице или в голосе. – Что же до сеньора Бройли, то можешь более не беспокоиться о нем. Завтра он отплывает на родину, во Францию.

– Ты продолжаешь шпионить за ним? – снова взъерепенился Густаво.

– Вовсе нет. Он лишился моего покровительства, как только твоя жена отбыла на фазенду вместе со своей матерью. А без заказов и без твоей жены под боком, что ему тут еще было делать в Рио? Вот он и засобирался домой. Пару дней тому назад я получила от него письмо, в котором он сообщил мне о своем отъезде. Благодарил за содействие и помощь. Вот! – Луиза протянула сыну конверт. – Можешь прочитать сам. Кстати, обрати внимание на адрес, указанный на конверте. Ипанема.

Густаво выхватил конверт из рук матери и бросил на нее испепеляющий взгляд. От возбуждения у него так сильно тряслись руки, что он не сразу смог запихнуть конверт в карман своих брюк.

– Хотя ты и пытаешься меня уверить, что делала все это исключительно из любви ко мне, я тебе не верю. Не верю ни единому твоему слову. Впредь более ни звука на эту тему. Я ясно выразился?

– Да.

Луиза исподтишка улыбнулась, наблюдая за тем, как сын скрылся за дверью столовой.

Густаво как-то удалось собраться с духом и сохранить внешнее спокойствие, когда Изабелла вместе со своей служанкой Лоен отбыла к мадам Дюшан. Наблюдая в окно за тем, как машина отъезжает от дома, он вдруг подумал, что единственный способ проверить, есть ли хоть крупица правды в словах матери, это немедленно расспросить обо всем Хорхе. Но шофер работает на Луизу уже более тридцати лет, едва ли он скажет ему правду. Густаво вошел в гостиную и хотел было схватить бутылку с виски. Но сдержался, зная, что если сделает только глоток, то одного стакана ему будет мало. А сейчас, как никогда, нужна ясная голова, чтобы все хорошенько обдумать.

Он мерил комнату шагами и поражался тому, как быстро радость и воодушевление, с которыми он проснулся, сменились злобой и полной неопределенностью во всем. Он пытался рассуждать логически, обдумывая все то, что сообщила ему мать. Предположим, какое-то зерно правды в ее рассказах есть. Но обвинять Изабеллу в том, что она пытается выдать ребенка, которого зачала от другого мужчины, за его ребенка – это же чистой воды безумие. В конце концов, у многих замужних женщин есть поклонники. Не дурак же он, в самом деле, думать, что у его красавицы-жены таких нет. Вполне возможно, Бройли влюбился в нее еще в Париже, когда она позировала ему. Быть может, он даже снова попросил ее попозировать ему здесь, в Рио. Но поверить в то, что Изабелла отдалась этому человеку, Густаво никак не мог.

Единственное, что задело его за живое из всего того, что *наболтала* мать, так это отсутствие крови на простынях, когда они с Изабеллой занялись любовью в их первую брачную ночь. Густаво плохо разбирался в физиологии. Вполне возможно, Изабелла тогда сказала ему правду, но...

Густаво устало опустил в кресло, обхватив голову руками.

Неужели Изабелла лгала ему все это время? Такая степень вероломства. Это не вмещалось в его голове. Ведь он же сам, по доброй воле, движимый самыми благими побуждениями, подталкивал невесту к этому путешествию в Европу. Потому что любил ее и всецело доверял.

Наверняка, размышлял он над сложившейся ситуацией, самое лучшее – это оставить все как есть. Уж слишком все грязно и непристойно. В конце концов, как следует из письма Бройли к его

матери, которое он прочитал, тот завтра благополучно отплывает к себе на родину. Что бы там ни было между этими двумя, все кончено, не так ли?

Так мысленно ответил сам себе Густаво и решительным шагом направился в отцовский кабинет, чтобы ознакомиться со свежими газетами. Надо немедленно выбросить из головы всю эту чушь, которую поведала ему мать, приказал он сам себе. Но как он ни вчитывался в газетные строки, как ни пытался сосредоточиться на той финансовой резне, которая развернулась сейчас и в Бразилии, и в Америке, все было тщетно. Слова матери уже посеяли зерна сомнения в его душе. Луиза предвидела это. Она прекрасно понимала, что делает. Нет, пока он не узнает все как есть, он не успокоится. Увидев, что Хорхе вернулся из города, Густаво схватил шляпу и, усевшись в машину, отправился вслед за ней.

* * *

Изабелла стояла перед зеркалом, а мадам Дюшан осыпала ее поздравлениями и повторяла снова и снова, что ей не составит никакого труда подогнать одежду будущей мамы под ее увеличивающиеся с каждым месяцем формы.

– Я всегда считала, – щебетала она, суетясь вокруг Изабеллы, не замечая того, как Изабелла слегка кивнула головой Лоен, обменявшись с ней многозначительным взглядом, – что фигура беременной женщины – это уже само по себе самое настоящее чудо.

Лоен поднялась со стула и подошла к Изабелле.

– Сеньора Изабелла, мне нужно сходить в аптеку, забрать ту тонизирующую микстуру, которую прописал вам доктор. Аптека тут недалеко, за углом. Я мигом обернусь.

Изабелла с трудом удержалась от улыбки, слушая, как служанка словно попугай повторяет заученную фразу, которую она для нее придумала.

– Ступай, – милостиво разрешила она. – В надежных руках мадам Дюшан я чувствую себя в полной безопасности.

– Так оно и есть! – расплылась мадам Дюшан в признательной улыбке.

Лоен молча кивнула головой и покинула салон. Изабелла заметила, что глаза у служанки расширены от волнения. Конечно, не стоило втягивать в это дело прислугу, но разве у нее был иной выбор?

«Бог тебе в помощь», – мысленно сказала она вслед Лоен, сделала глубокий вдох и снова повернулась к зеркалу.

* * *

Густаво приказал Хорхе отвезти его в клуб. Он располагался всего лишь в нескольких минутах ходьбы от салона мадам Дюшан и недалеко от квартиры, в которой предположительно жил Бройли. Густаво покинул клуб и быстрым шагом направился вдоль улицы. Итак, он оказался тут где-то минут через двадцать после того, как сюда приехала Изабелла. Следовательно, можно идти прямо на квартиру Бройли. Но в самый последний момент Густаво передумал и, заметив кафе на другой стороне улицы, направился туда, незаметно уселся за столик в самом дальнем углу уличной террасы и для пущей конспирации прикрылся газетой, хоть и чувствовал себя в этот момент по-дурацки. Поверх газеты он принялся нервно стрелять глазами, отслеживая запруженную народом улицу. Подошла официантка, и он, не отрываясь от своего занятия, заказал чашечку кофе.

Прошло минут двадцать, но жена так и не появилась из дверей салона, чтобы бежать на свидание со своим предполагаемым любовником. Все в душе Густаво сопротивлялось этой нелепой слежке. Надо немедленно встать и уйти, думал он, уйти и все забыть. Но тут он прикинул, что, вполне возможно, Изабелла действительно сейчас на примерке. Чем не удобное алиби для любовного свидания? Густаво стиснул зубы и заставил себя остаться на месте.

И совсем скоро он выхватил взглядом в толпе прохожих знакомое лицо. Нет, не жены. Ее служанка Лоен быстро бежала по улице. Густаво рывком поднялся из-за стола, опрокинув почти не начатую чашку кофе, швырнул несколько монеток на стол и почти бегом устремился на улицу. Лавируя в потоке транспорта, перебежал на другую сторону и зашагал вслед за Лоен, держась от нее на некотором расстоянии. Служанка несколько раз останавливалась в нерешительности, словно не зная, что ей делать или куда идти дальше.

Воспользовавшись ситуацией, Густаво укрылся в соседнем подъезде, рядом с тем, в котором находилась квартира Бройли.

Господи, пусть это будет обычное совпадение, взмолился он мысленно, но через пару секунд Лоен замерла у двери именно этого подъезда, всего лишь в паре метров от Густаво. Она уже приготовилась войти внутрь, и тут навстречу ей вышел Густаво.

– Привет, Лоен, – проговорил он как можно любезнее. – Куда так торопишься?

Если Густаво и нужны были доказательства вины, то они отразились в том ужасе, который застыл на лице служанки, когда она безмолвно воззрилась на него.

– Я...

– Слушаю тебя. – Густаво скрестил руки в ожидании развернутого ответа.

– Я...

Тут он заметил, что одной рукой служанка придерживает карман своего фартука. Судя по тому, что он несколько оттопыривался, там явно лежал конверт.

– Что-то относишь для своей хозяйки?

– Сеньор Густаво, я перепутала этот дом с аптекой. Я... мне дали не тот адрес. Простите меня...

– Вот как? То есть у тебя есть рецепт на лекарство для моей жены?

– Да. – В глазах Лоен мелькнуло облегчение, что все обошлось и что хозяин сам нашел всему разумное объяснение. – Наверное, аптека чуть дальше.

– Я точно знаю, где она. Давай мне рецепт, и я сам схожу туда.

– Сеньор Густаво, сеньора Изабелла взяла с меня слово, что я сама... отнесу рецепт в аптеку.

– Но я же ее муж. Уверен, жена посчитает, что *в моих руках* рецепт тоже в полной безопасности.

– Да... конечно, – нехотя промямлила Лоен, опуская глаза.

Густаво протянул раскрытую ладонь, а Лоен извлекла из кармана конверт с письмом и отдала ему. В ее глазах застыли страх и мольба.

– Спасибо, – Густаво небрежно положил конверт в карман пиджака. – Обещаю, я обязательно доставлю его получателю. А сейчас

возвращайся к своей хозяйке. Иначе она начнет волноваться, куда ты запропастилась.

– Сеньор Густаво, пожалуйста...

Решительным взмахом руки Густаво оборвал все дальнейшие протесты и мольбы.

– Вот что, сеньорита. Если вы не хотите, чтобы вас вышвырнули на улицу в ту самую минуту, когда я переступлю порог своего дома, причем без какой бы то ни было рекомендации, предлагаю вам следующее. С моей женой эту встречу не обсуждать. Ясно? Несмотря на всю твою преданность хозяйке, Лоен, предлагаю держать язык за зубами. В конце концов, это я решаю, кого мы нанимаем в качестве прислуги к себе в дом. Я понятно выражаюсь?

– Да, сеньор.

Голос у Лоен дрожал, глаза были полны слез.

– А сейчас возвращайся к мадам Дюшан. Только не забудь забрать по дороге то лекарство из аптеки. Она ведь по соседству с ателье. Вот и будет у тебя хорошее алиби.

– Да, сеньор.

Лоен сделала неловкий реверанс и повернулась, чтобы идти обратно.

А Густаво тут же поймал такси и приказал отвезти его в клуб. Он хорошо понимал, что вскрыть конверт он решится, лишь приняв на грудь изрядную порцию виски.

* * *

Лоен спряталась за углом. Она едва стояла на ногах. Ее шатало, словно молоденькое деревце в ураган. Она обессиленно опустилась на ступеньку крыльца, и тут прямо перед ней проехало такси с Густаво на заднем сиденье.

Лоен опустила голову и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь привести в порядок свои мысли после того шока, который только что пережила, встретив хозяина на подходе к дому Лорена. Хотя она и не знала наверняка, что именно находится в конверте, но догадаться было не трудно. И что делать? Ах, какая жалость, что

рядом с ней сейчас нет Бруно. Тот бы точно насоветовал что-нибудь дельное.

У Лоен тоже имелись свои проблемы, о которых она до поры до времени предпочитала не заговаривать с Изабеллой. Та только что пережила потерю матери, а тут еще беременность прибавилась.

Но сеньора Изабелла была не единственной обитательницей виллы, кого постигла подобная участь. Сама Лоен отлично знала, что вот уже скоро три месяца, как она носит под сердцем ребеночка. Она успела сообщить эту новость Бруно еще до отъезда с фазенды, и тот взял с нее слово, что она обязательно поговорит со своей хозяйкой. Лоен намеревалась просить Изабеллу отпустить ее на фазенду на постоянное местожительство. Будет там работать, они с Бруно поженятся и заживут своей семьей, станут растить ребенка вместе.

Лоен и понятия не имела, кому принадлежит фазенда сейчас, но здраво рассудила, что обычно после брака муж владеет всем, что принадлежит его жене. А значит, Густаво вполне может сделать так, что ни она, ни Бруно более никогда не будут работать на семью Кабралов. И тогда все их планы на будущее развеются как дым. Они рискуют превратиться в еще одну нищую пару чернокожих, кого хозяева попросту вышвырнули на улицу. И она, беременная, без единого гроша за душой, пополнит ряды тех, кто обитает в фавеле, где и без нее хватает нищих и голодных.

И все это может случиться... *если* она расскажет хозяйке о том, что только что произошло.

Но вот Лоен задышала ровнее, и мысли в ее голове тоже прояснились. Она непроизвольно коснулась пальцами своего живота, где уже зрела новая жизнь. Подобно Изабелле, ей тоже нужно принимать решение, причем быстро. Хозяин велел ей молчать, что, по сути, означало предать свою хозяйку, которая всегда ей доверяла. В любых других обстоятельствах Лоен никогда не согласилась бы на условия хозяина, чего бы это ей ни стоило. Она бы тут же побежала к мадам Дюшан, попросила бы сеньору Изабеллу выйти вместе с ней на улицу, якобы немного подышать свежим воздухом, и рассказала бы ей обо всем, чтобы хозяйка смогла подготовиться к тому, что ждет ее по возвращении домой.

В конце концов, они с сеньорой Изабеллой вместе выросли, знают друг друга с детства. Всем, что у нее есть, Лоен, как и ее мать, обязана

семейству Бонифацио.

Но сейчас Лоен понимала: ей прежде всего надо подумать о самой себе. Она снова погладила рукой живот, а вторую руку сунула в карман фартука. Пальцы сразу же нащупали что-то гладкое. Мыльный камень! Что ж, быть может, ложь хозяйке дастся легче, если она выполнит хотя бы часть ее поручения.

Итак, решение принято. Наверняка сеньор Густаво не вернется сюда в ближайшие несколько минут, коль скоро его куда-то увезло такси. Лоен поднялась со своего места и опрометью, не разбирая дороги, бросилась в сторону дома Лорена Бройли.

Через несколько минут она, запыхавшись, уже стояла под дверью его квартиры. Громко постучала.

Дверь отворилась мгновенно, и пара рук протянулись ей навстречу.

– Дорогая, я уже начал волноваться, но...

Лоен увидела, что, как только до Лорена Бройли дошло, что перед ним стоит не его возлюбленная, радостное выражение на его лице мгновенно сменилось маской отчаяния. Он все понял.

– Это она прислала вас? От своего имени? – спросил он. Его повело в сторону, и он вынужден был ухватиться за дверной косяк, чтобы не упасть.

– Да.

– Значит, она не придет?

– Нет, сеньор. Мне очень жаль. Она попросила кое-что передать вам.

Лоен протянула ему крохотный треугольник мыльного камня.

– Там кое-что написано на обороте, – прошептала она едва слышно.

Лорен взял камень и медленно перевернул его. Прочитал надпись, потом взглянул на Лоен. В его глазах заблестели слезы.

– Мерси... То есть я хочу сказать «спасибо».

И тут же захлопнул дверь прямо у нее перед носом.

* * *

Густаво уединился в библиотеке, нашел там укромный уголок, благо с тех пор как на Уолл-стрит разразился кризис, библиотека почти всегда была пуста. Ему отчаянно хотелось выпить, и он заказал себе порцию виски, разглядывая конверт, который положил перед собой. Залпом осушил стакан до дна и тут же заказал новую порцию. Ему принесли и поставили рядом. Густаво сделал глубокий вдох и вскрыл конверт.

Несколько минут спустя он попросил официанта подать третий стакан виски. Так он сидел, пребывая в полнейшем ступоре, отрешенно вглядываясь в пустое пространство перед собой.

Что бы там ни доказывало это письмо или, наоборот, опровергало все инсинуации, выдвинутые его матерью против Изабеллы, ясно было одно. Его жена страстно влюблена в другого мужчину. Более того, она влюблена в него до такой степени, что даже планировала сбежать вместе с ним в Париж.

Уже одно это было достаточно унижительно. Но между строк Густаво прочитал и другое. Если Изабелла всерьез обдумывала возможность побега с Бройли, то, значит, любовник был в курсе ее нынешнего состояния. Из чего сам собой напрашивается следующий вывод: ребенок, которого сейчас носит жена, это не ребенок Густаво. Это ребенок ее любовника...

Потом Густаво снова перечитал письмо и ухватился уже за другую мысль. Ведь его содержание возможно интерпретировать и иначе. Как попытку освободиться от Бройли раз и навсегда, не выставляя их связь на всеобщее обозрение и осуждение. Предположим, Бройли сообщают, что будут любить его вечно, но в сложившейся ситуации будущего у них нет. И тогда пылкий ухажер немного усмирится, то есть успокаивается настолько, что готов по своей воле без лишнего шума покинуть страну, ибо тоже прозревает и начинает понимать, что дальнейшая связь с Изабеллой невозможна.

Густаво тяжело вздохнул, понимая, что гадает на кофейной гуще. Точнее, хватается за любую соломинку. Он мысленно представил себе Бройли: красивые галльские черты, завидная стать. В такого мужчину любая женщина влюбится сразу же. А плюс еще и талантлив, что тоже чертовски возбуждает. Изабелла часами просиживала в его студии в Париже... Одному богу известно, что там между ними было, пока они общались наедине.

Но Густаво ведь сам отпустил ее в этот Париж, отправил словно невинного ягненка в пасть крокодила. Вот и случилось все то, что его мать подозревала с самого начала.

В течение последующего получаса Густаво опрокинул еще несколько стаканов виски и пережил самую разную гамму чувств и эмоций. Сожаление, отчаяние, наконец, дикая злоба при мысли о том, что жена сделала из него рогоносца. Он отлично понимал, что вправе, вернувшись домой, показать письмо Изабелле и тут же вышвырнуть ее вон, на улицу. Пусть убирается на все четыре стороны. А он еще старался, предложил тестю приличную сумму денег, чтобы тот снова смог встать на ноги, погасить хотя бы часть своих долгов и получить шанс бороться за свое будущее. Имея на руках такую мощную улику, как это письмо, Густаво может в два счета уничтожить репутацию своей жены и ее отца, причем навсегда. А заодно и потребовать развод, обвинив Изабеллу в супружеской неверности.

Да, все это он может проделать с легкостью, размышлял Густаво, и все в нем кипело от злости. Нет, больше он не будет вести себя как испуганный маленький мальчик, робкий и покорный, каким его сделала собственная мать.

И тут Густаво представил себе физиономию матери, мину полнейшего удовлетворения на лице Луизы, которую та скорчит, когда он сообщит ей о том, что ее подозрения насчет Изабеллы полностью подтвердились. Вот этого он уже точно не вынесет...

Можно пойти к Бройли и поговорить с ним напрямую. Сейчас Густаво знает, где тот живет. Наверное, пристрели он негодя на месте, немногие осудили бы его за это. Но хотя бы потребовать от него, пусть скажет правду. И Густаво добился бы от него правды, а почему нет? Бройли уже больше нечего терять, и от его признания ничего не изменится. Ведь Изабелла все равно остается со своим мужем.

«Она остается со мной...»

Эта мысль привела Густаво в чувство. Несмотря на то что его жена призналась в своей огромной любви к Бройли, она не пошла на поводу у своих чувств и не собирается сбегать вместе со своим любовником в Париж. Вполне возможно, Бройли и *не знает*, что Изабелла беременна. Ведь если бы она была твердо уверена в том, что отцом ребенка является Бройли, она бы *уехала* вместе с ним, несмотря на все последствия такого шага.

Густаво проторчал в клубе еще где-то около часа, в течение которого он почти убедил себя в том, что, какие бы отношения у его жены ни были с этим скульптором, в итоге она выбрала из них двоих *его*, своего законного мужа. А Бройли уже завтра отправится к себе на родину и навсегда исчезнет из их жизни.

Пошатываясь, он спустился по ступенькам клубного крыльца и медленно побрел по улице в сторону пляжа. Надо немного протрезветь и еще раз все хорошенько обдумать. Густаво понимал, он должен прийти к какому-то решению уже сегодня, прямо сейчас.

Предположим, его жена кругом виновата. Но, независимо от того, что она там натворила, сам он тоже окажется в крайне невыгодном положении, если публично объявит об ее адюльтере и вышвырнет ее из дома. Вот тогда она уже наверняка двинется в Париж к своему Бройли, что будет означать конец его брака.

У многих светских дам были и есть любовные романы, прикидывал он по пути к морю. *Да и у мужчин тоже...* Густаво вдруг вспомнил забавный эпизод, касающийся его отца. Оказывается, за Маурицио тоже водились грешки. Так, однажды Густаво столкнулся с ним на каком-то благотворительном балу в обществе женщины, которая всем своим видом откровенно демонстрировала окружающим, что их двоих связывают отнюдь не просто дружеские отношения.

Прикинув все за и против, Густаво пришел к выводу, что получит больше удовлетворения, если по возвращении домой объявит матери, что он провел собственное расследование и установил, что все ее подозрения беспочвенны, чем если пойдет на открытое столкновение с Изабеллой, предъявив ей письмо.

Волны без устали набегали на берег одна за другой, ударяясь о мягкий песок на пляже. Густаво еще раз вздохнул, покоряясь судьбе.

Как бы Изабелла ни была виновата перед ним, он все еще любил ее.

Густаво извлек из кармана письмо и, подойдя к самой кромке воды, разорвал его на мелкие клочки и подбросил их в воздух. Бумажки легко взметнулись вверх, словно крохотные воздушные змеи, а потом снова устремились вниз и тут же исчезли среди океанских волн.

Париж, декабрь 1929 года

– Итак, Бройли, вы снова с нами. Прибыли живым, в целости и сохранности. – Профессор Ландовски внимательно обозрел своего ученика, переступившего порог его мастерской. – А я уже было навсегда вычеркнул ваше имя из своих записных книжек. Решил, что вы присоединились к какому-нибудь дикому племени в джунглях Амазонки и женились на дочери вождя.

– Как видите, вернулся назад. Местечко для меня отыщется?

Ландовски оторвал свой взгляд от огромной каменной головы Сунь Ятсена и еще раз пристально оглядел своего бывшего помощника.

– Может, и отыщется, – проронил он, глянув на мальчика, который с тех пор, как Лорен видел его в последний раз, заметно подрос и окреп. – Как думаешь? – обратился профессор к нему. – Для него у нас есть работа?

Мальчишка устремил свои глаза на Лорена, потом повернулся к профессору и улыбнулся, кивнув головой в знак согласия.

– Ну вот, парень подтверждает, что работа есть. А глядя на твои теперешние мощи, понимаю, что сейчас уже твоя очередь подсесть на наши харчи, чтобы привести себя в норму. Одна кожа да кости остались. Это что? Дизентерия случилась? Или все же любовь? – поинтересовался Ландовски у Лорена.

Тот лишь растерянно пожал плечами.

– Полагаю, твой рабочий халат все еще болтается на том крючке, где ты его повесил. Ступай, переоденься. И можешь приступать к работе. Закончишь с глазами. Ты же так усердно трудился над ними перед тем, как отправиться в джунгли.

– Хорошо, профессор. – Лорен повернулся к дверям, возле которых на крючках висела рабочая одежда.

– Бройли, – окликнул его Ландовски.

– Слушаю вас, профессор.

– Уверен, вам сейчас вполне под силу вложить весь приобретенный вами опыт, как хороший, так и плохой, в ваши

скульптуры. Вы покидали мою мастерскую технически подкованным скульптором. А сейчас уже способны стать мастером. Чтобы добиться величия, нужно страдать, мой друг. Вы понимаете, о чем я? – негромко спросил у него Ландовски.

– Понимаю, профессор, – так же тихо ответил Лорен, и голос у него дрогнул. – Очень хорошо понимаю.

* * *

Поздно вечером Лорен наконец со вздохом вытер перепачканные глиной руки о халат. Ландовски уже давно покинул мастерскую, ушел к себе домой, к жене и детям. Освещая дорогу свечой, Лорен направился на кухню, чтобы смыть глину с рук. И вдруг неожиданно для самого себя замер на месте. Откуда-то долетали негромкие звуки скрипки. Приятная такая и немного печальная мелодия. Лорен прислушался и узнал мелодию. Скрипач играл первые такты «Умиряющего лебедя» Сен-Санса.

Лорен безвольно подставил руки под кран. В глазах защипало от подступивших слез, и Лорен расплакался. Он плакал в той же самой крохотной кухоньке, в которой когда-то наблюдал за тем, как Изабелла бережно ухаживает за раненым мальчиком. Ведь именно в ту минуту Лорен понял, что любит ее. И вот сейчас он горько оплакивал и себя, и ее, и все то, что могло быть в их жизни, но так и не случилось.

Зазвучали пронзительные финальные аккорды. Лорен быстро осушил глаза салфеткой и, выйдя из кухни, отправился на поиски музыканта, которому удалось наконец растопить тяжесть, свинцовым грузом лежавшую у него на сердце с того самого момента, как Лорен вручила ему кусочек мыльного камня в память об Изабелле.

Но вот зазвучала новая мелодия. На сей раз довольно часто исполняемая пьеса Эдварда Грига «Утреннее настроение». Всякий раз, когда Лорен слышал эту пьесу, она тотчас же ассоциировалась у него с началом нового дня, а если шире, то с началом новой жизни. Музыка успокаивала и утешала одновременно. Он взял свечу и отправился в сад на поиски скрипача. Нашел и приподнял свечу вверх, чтобы осветить лицо исполнителя.

Мальчик сидел на скамейке рядом с мастерской. В руках он держал старенькую скрипку. Впрочем, звуки, которые исторгал из себя этот инструмент, никак не вязались с его общей ветхостью. У скрипки был чистый, нежный и самобытный голос.

– Где ты научился так здорово играть? – поинтересовался Лорен у мальчика, когда он закончил пьесу.

В ответ, как обычно, лишь пронзительный взгляд живых глаз.

– Кто дал тебе эту скрипку? Ландовски?

На сей раз последовал кивок.

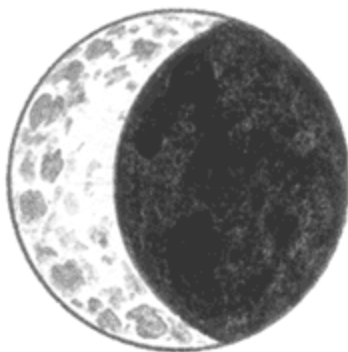
Вспомнив слова Ландовски, Лорен окинул мальчика внимательным взглядом.

– Понимаю, – тихо обронил он. – Как всякий художник, ты предпочитаешь выражать себя через искусство. Но у тебя действительно есть талант. Береги его, ладно?

Мальчик снова кивнул в знак согласия. Внезапно его лицо озарилось благодарной улыбкой. Лорен ласково потрепал его по плечу, потом слегка взмахнул рукой в знак прощания и отправился домой, топить свое горе в барах Монпарнаса.

Майя

Июль 2007 года



Последняя четверть луны
16; 54; 44

Я молча смотрела на Яру. Та тоже замолчала, затем взглянула на портрет Изабеллы, висевший на стене над камином, видно, размышляя над последствиями того ужасного решения, которое когда-то была вынуждена принять моя прабабушка. Впрочем, а что бы я сама сделала, оказавшись на ее месте? Понятия не имею. Несмотря на то что я выросла и живу совсем в другое время и в иной культурной среде, все глубинные проблемы остались прежними, особенно для женщин...

– Густаво когда-нибудь обмолвился Изабелле о том, что он знает? – спросила я у Яры.

– Нет, никогда. Но моя мама всегда повторяла, что хотя он и не высказался ни разу о том, что было, она часто замечала боль в его глазах. Особенно когда он смотрел на свою дочь.

– Это на сеньору Карвальо? Кажется, ее зовут Беатрис?

– Да. Помню, как-то раз сеньор Густаво зашел в гостиную, где мы с ней сидели вдвоем. Нам было тогда лет десять или одиннадцать. Он долго-долго смотрел на свою дочь, словно перед ним был незнакомый ребенок. Я мало что соображала в то время, а сейчас вот думаю, что он тогда пытался отыскать в ее чертах свою кровь. Сеньора Беатрис родилась зеленоглазой. Моя мама однажды заметила, что у сеньора Лорена глаза тоже были зелеными.

– То есть она предполагала, что он настоящий отец девочки?

– Она поведала мне всю эту историю незадолго до смерти и тогда же сказала, что у нее нет и тени сомнений на этот счет. По ее словам, Беатрис была вылитая копия сеньора Бройли. К тому же она унаследовала его художественные таланты. Еще будучи подростком, она нарисовала портрет Изабеллы. – Яра указала на живописное полотно. – Помню, она тогда сказала, что хочет нарисовать этот портрет в память о своей бедной покойной матери.

– Изабелла умерла, когда Беатрис была еще ребенком?

– Да, – кивнула головой Яра. – Нам с Беатрис было по полтора года, когда это случилось. В 1931 году. Как раз происходило торжественное открытие и освящение статуи Христа на горе

Корковадо. И в это же самое время в Рио произошла вспышка желтой лихорадки. Нас с сеньорой Беатрис держали взаперти, в доме. А вот сеньора Изабелла настояла на том, чтобы лично присутствовать на церемонии открытия. Что и понятно. С этим памятником у нее было связано столько воспоминаний. Спустя три дня у нее начался жар, и она так и не оправилась от болезни. А ведь ей был всего лишь двадцать один год.

Сердце у меня сжалось при этих словах Яры. Хотя Флориано и показывал мне даты рождения и смерти Изабеллы, указанные в выписке, которую он сделал из метрической книги, но как-то в тот момент я не придавала особого значения этим цифрам.

– Надо же. Уйти из жизни такой молодой и после стольких трагедий и потрясений, – обронила я, и голос мой дрогнул.

– Да. Но... Прости, Господи, за то, что говорю такое... – Яра истово перекрестилась. – Было кое-что и хорошее. Сеньора Луиза тоже скончалась от желтой лихорадки тремя днями позже. Их обеих упокоили вместе в семейном склепе. И похороны тоже были общими.

– Господи! Подумать только... Бедняжке Изабелле было предначертано упокоиться рядом с этой женщиной навечно, – растерянно пробормотала я.

– И осиротить свою маленькую дочь. Оставить жить без матери в окружении одних мужчин, – подхватила мою мысль Яра. – Можете себе представить, в каком отчаянии находился тогда сеньор Густаво. Ведь он все еще любил сеньору Изабеллу, несмотря ни на что. Как вы понимаете, после смерти жены сеньор Густаво снова пристрастился к бутылке, все больше и больше замыкаясь в себе. Внучкой занимался исключительно сеньор Маурицио, он вообще был по натуре добрым человеком, а овдовев, всю свою любовь сосредоточил на Беатрис. Именно он, а не ее отец, позаботился о том, чтобы на дом приходил учитель и давал ей уроки.

– А вы жили в это время на вилле?

– Да. Когда моя мать сообщила сеньоре Изабелле, что тоже беременна, и попросила отпустить ее на фазенду к моему отцу, Изабелла не согласилась расстаться с ней. Она приложила все усилия, чтобы перетащить Бруно, моего отца, сюда. Он переехал и стал выполнять всякие разовые работы по дому, помогал Хорхе водить машину, ибо тот уже был стар и готовился уйти на покой. Так что,

можно сказать, что мое детство прошло здесь. – Яра задумчиво покачала головой. – Думаю, оно было более счастливым, чем детские годы моей госпожи.

– Удивительно, что Густаво согласился на просьбу Изабеллы и оставил Лоен в доме. Ведь она же – единственный человек, кроме него самого, разумеется, кто знал всю правду, – заметила я.

– Наверное, он чувствовал, что *обязан* согласиться. – В глазах Яры мелькнуло понимание. – Ведь у них был один секрет на двоих, и в какой-то степени каждый мог оказать давление на другого, несмотря на то, что один – хозяин дома, а вторая – всего лишь служанка.

– Так вы росли вместе с Беатрис?

– Да. Точнее будет сказать, она росла вместе со мной в нашей семье. Большую часть времени она проводила в нашем крохотном домике. Сеньора Изабелла настояла на том, чтобы нам построили этот домик в самом дальнем конце сада. А на самой вилле Беатрис появлялась очень редко. Мои родители и я стали для нее самыми близкими людьми на свете. Такая она была славная девочка, добрая, сердечная, ласковая. А ее отец, – печально продолжила Яра, – вечно пьяный. Он ее даже не замечал. А может, игнорировал, потому что она стала для него постоянным напоминанием о прошлом, снова и снова будила в его душе сомнения насчет покойной жены. Счастье, что он умер, когда сеньоре Беатрис исполнилось семнадцать лет. Она унаследовала дом и все фамильное состояние, акции, облигации и прочее. При жизни сеньор Густаво запрещал ей заниматься художествами, но после его смерти уже ничто не могло остановить ее.

– Я могу понять, почему сеньор Густаво не поощрял ее художественные таланты. Это ведь все равно, что сыпать соль на рану. По правде говоря, Яра, я не могу не испытывать к нему сострадания.

– Да, он был неплохим человеком, сеньорита Майя, – согласилась со мной Яра. – Просто очень уж слабохарактерный. Словом, когда Беатрис исполнилось восемнадцать, она объявила дедушке, что едет поступать в Национальную высшую школу изящных искусств в Париже. Она знала, что ее покойная мать в свое время посещала лекции в этой школе. Беатрис провела в Париже более пяти лет и вернулась в Рио только тогда, когда узнала о смерти Маурицио, ее дедушки. Думаю, она неплохо провела там время, – грустно улыбнулась Яра. – А я была только рада за нее.

Образ женщины, которую я впервые увидела пять дней тому назад здесь, в саду, и который рисовала мне Яра, кардинально отличался от того образа, который уже успел сложиться в моей голове. В моем представлении сеньора Карвальо больше смахивала на свою покойную бабушку Луизу. Но, наверное, свою роль сыграло то, что она уже очень старая. К тому же категорически отказалась признать меня.

– А что случилось с Антонио? – спросила я.

– О, он таки сумел подняться и снова встать на ноги, как и предвидела моя мама. – Яра улыбнулась. – Он переехал жить на фазенду Святой Терезы. Имея на руках небольшую сумму денег, которую ему дал Густаво, он начал развивать уже новый для себя бизнес. Занялся разведением томатов. Купил себе ферму, где стал выращивать помидоры. По-моему, я уже говорила вам о том, что в тамошних местах выращивание томатов – это самый прибыльный бизнес. А поскольку мозги у Антонио всегда были повернуты на бизнес в правильном направлении, то к тому моменту, как он отошел в мир иной, он успел сколотить самую настоящую помидорную империю, если так можно выразиться. Во всяком случае, большинство местных ферм вокруг фазенды перешли в его собственность. Припоминаю, что сеньора Беатрис, как и ее покойница-мать, очень любила бывать на фазенде. А уж Антонио души не чаял в своей внучке. Научил ее плавать, скакать верхом. Он оставил все фермы ей. Они-то потом, после смерти ее мужа, и стали для нее основным источником дохода. Суммы небольшие, но достаточные для того, чтобы оплатить все счета за содержание виллы.

– А кто мой дедушка, муж Беатрис?

– Эвандро Карвальо, очень талантливый пианист. Он был хорошим человеком, сеньорита Майя. Это был счастливый союз, заключенный по взаимной любви. Мы все не могли нарадоваться, глядя на то, как счастлива Беатрис. Особенно после такого тяжелого и безрадостного детства. На вилле снова забурлила жизнь. Беатрис и Эвандро постоянно устраивали здесь всяческие суаре, приемы, вечера для творческой интеллигенции Рио. Они проводили разные благотворительные акции для сбора средств в пользу обитателей фавелы. Уверяю вас, сеньорита Майя, сеньора Беатрис была очень красивой женщиной. Это потом возраст и болезнь наложили свой отпечаток на ее облик. А так, все, кто знал, любили и уважали ее.

– Как жаль, что я уже никогда не увижу ее такой, – задумчиво произнесла я.

– К сожалению, – тяжело вздохнула в ответ Яра. – Но смерть, знаете ли, рано или поздно приходит ко всем нам.

– И... – Я замолчала, собираясь с духом, чтобы задать вопрос, который вертелся на кончике моего языка последние минут десять. – У Беатрис и Эвандро был ребенок, не так ли?

Я увидела, как глаза Яры стали беспокойно метаться по комнате.

– Да.

– Один?

– Был еще один. Мальчик, но он умер в младенчестве. Так что получается, да, один.

– Девочка?

– Да.

– Ее звали Кристина?

– Да, сеньорита Майя. Я помогала растить ее.

Я замолчала, обдумывая, что сказать далее. Речи, которые на протяжении всего часа лились из Яры, подобно стремительному ручейку, вдруг мгновенно иссякли. Я бросила на нее выжидательный взгляд, надеясь, что она продолжит свой рассказ.

– Сеньорита Майя, не думаю, что я причинила кому-то вред, рассказав вам о прошлом, но... – Она тяжело вздохнула. – Не мое это дело – рассказывать все остальное. Эта история меня уже не касается.

– А кого же она тогда касается? – почти взмолилась я.

– Сеньоры Беатрис, – последовал короткий ответ.

Все мои попытки разговаривать старуху не увенчались успехом. Она стала бросать тревожные взгляды на часы, мерно тикающие на стене.

– У меня для вас кое-что есть, – промолвила она, запуская руку в свой объемный карман и извлекая оттуда четыре конверта, которые вручила мне. Своеобразное предложение о мире, подумала я. Просьба о прощении за то, что не может рассказать мне больше. – Это те письма, которые сеньор Лорен посылал сеньоре Изабелле через мою мать на фазенду, когда она ухаживала там за умирающей матерью. Они лучше всяких моих слов расскажут вам о том, как сильно эти двое любили друг друга.

– Спасибо, – поблагодарила я, наблюдая за тем, как Яра поднимается со своего места. Я с трудом подавила в себе желание броситься к ней и крепко обнять. Так велика была моя благодарность за то, что она приоткрыла завесу над прошлым моей семьи и всеми теми трагическими событиями, которые случились в те далекие годы, когда никого из нас еще не было на свете.

– Мне пора возвращаться к сеньоре Беатрис, – сказала Яра.

– Конечно. – Я тоже встала, чувствуя некоторое онемение во всем теле от той напряженной позы, в которой я просидела весь минувший час, боясь упустить хотя бы слово из того, о чем рассказывала мне Яра.

– Я провожу вас, сеньорита, – сказала она.

– Нам не составит труда подбросить вас назад до монастыря, – предложила я, пока мы шли по коридору, направляясь к выходу. Яра открыла входную дверь. – Машина ждет меня на улице.

– Спасибо, но мне еще нужно кое-что сделать.

Яра бросила на меня выжидательный взгляд, а я продолжала нерешительно топтаться у порога.

– Спасибо за все, что вы мне рассказали. Но можно я задам вам еще один вопрос? Последний...

– Все зависит от того, что это будет за вопрос, – ответила Яра. В ее глазах я прочитала откровенное нетерпение. По всему было видно, что ей очень хотелось, чтобы я поскорее переступила порог дома и ушла.

– Моя мать еще жива?

– Не знаю, сеньора Майя. – Яра вздохнула. – И это чистая правда.

Я поняла, что она подвела черту под нашим разговором и больше не проронит ни слова.

– До свидания, Яра. – Я неохотно стала спускаться по ступенькам крыльца. – Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания сеньоре Карвальо.

Ответа не последовало. И лишь когда я миновала полуразрушенный фонтан, я услышала голос Яры:

– Я поговорю с ней, сеньорита. До свидания.

Я услышала, как за мной захлопнулась входная дверь, а потом ее заперли на засов. Я проследовала по подъездной дороге к воротам. Взялась руками за ржавые железные прутья, успевшие нагреться на солнце, распахнула ворота, а потом снова закрыла их за собой.

Пересекла проезжую часть, глянув в небо. Небо было обложено темными свинцовыми тучами, предвещавшими скорую грозу.

– Ну, как все прошло? – поинтересовался у меня Флориано. Он устроился прямо на траве в тенечке. Рядом с ним валялась куча окурков.

– Я много чего узнала, – коротко обронила я, наблюдая за тем, как он поднимается с земли и отпирает машину.

– Вот и хорошо, – так же коротко ответил он, когда мы уже уселись в машину и он включил двигатель.

Больше никаких вопросов Флориано не стал задавать, и всю обратную дорогу до Ипанемы мы проехали молча. Наверное, он почувствовал, что мне необходимо какое-то время, чтобы вернуться из прошлого в настоящее. Я же снова и снова вспоминала все то, что услышала от Яры. Флориано подвез меня прямо к центральному входу в гостиницу, остановил машину и повернулся ко мне:

– Думаю, вы изрядно устали, Майя, и теперь вам хочется побыть одной. Вы знаете, где меня найти. Захотите поужинать в моей компании, милости просим. Обещаю, сегодня стряпней на кухне займусь я сам, а не моя дочь, – пошутил он на прощание и улыбнулся.

– Спасибо, – поблагодарила я его, выбираясь из машины. – Спасибо за все, – уточнила я так, на всякий случай.

Флориано лишь молча кивнул в ответ и, повернув машину, вырулил на проезжую часть. Я направилась ко входу в отель, недоумевая по пути, почему едва переставляю ноги. Каждый новый шаг давался мне с трудом, будто ноги мои вросли в землю, подобно стволам деревьев, и всякий раз их приходится буквально выкорчевывать оттуда. Я медленно пересекла вестибюль и поехала на лифте к себе наверх. Шатаясь словно пьяная, подошла к своему номеру. Собрав последние остатки сил, открыла дверной замок, вошла в комнату, спотыкаясь, приблизилась к кровати и рухнула на нее, в чем стояла. И тут же отключилась.

* * *

Я проснулась часа через два. Голова раскалывалась от боли, общее состояние такое, как с сильного похмелья. Я взяла таблетку

ибупрофена и запила ее большой кружкой воды. Лежа в кровати, я прислушивалась к дальним раскатам грома, свидетельствующим о скором приближении грозы. Тучи слились в единый свинцовый кулак, который застыл в ожидании начала. Чувствуя безмерную усталость во всем теле, я снова погрузилась в сон и проснулась через час. Успела как раз к началу ненастья. Зигзагообразные молнии рассекали потемневшее небо, внизу бушевали океанские волны, раскаты грома сотрясали все вокруг. Никогда не слышала подобного грохота. У меня даже уши заложило от этого рева и свиста.

Но вот первые капли дождя застучали по узкому подоконнику снаружи. Я глянула на часы. Почти семь вечера. Потом я подтянула кресло прямо к окну и уселась в него, чтобы понаблюдать за бушующей грозой. Дождь почти сразу же превратился в сильнейший ливень. Тяжелые капли отвесно падали на землю. Очень скоро все дороги и тротуары внизу превратились в бурные потоки воды. Я слегка приоткрыла окно и высунула голову наружу. Прохладные капли чистой воды тотчас же намочили волосы и струйками побежали по плечам вниз.

Внезапно я рассмеялась, громко, во весь голос. Меня охватила самая настоящая эйфория при виде столь великолепного разгула стихии. В этот момент я почувствовала себя частицей бешеного вихря, закрутившего все вокруг и соединившего воедино небеса и землю. Невозможно понять, кто, какое чудо, сотворило эту силу и повелевает ею, но так приятно осознавать себя ее частицей.

Поняв, что еще немного, и я вымокну насквозь, если тотчас же не закрою окно, я снова втянула себя в комнату и побежала в ванную, разбрызгивая по пути капли дождя на ковер. Приняв душ, я почувствовала новый прилив энергии. Головная боль прошла. Во всем теле ощущалась такая же свежесть, как и в воздухе после грозы. Улегшись на кровати, я глянула на письма, которые отдала мне Яра, а заодно и попыталась снова систематизировать все то, что она рассказала мне. Потом мои мысли переключались на Флориано. Как терпеливо он ждал, пока я закончу беседовать с Ярой. Да и потом проявил полное понимание, был, что говорится, сама предусмотрительность. И тут я поняла, что мне хочется, *действительно хочется* поделиться содержанием этих писем с ним,

что бы они ни несли в себе. Я схватила мобильник и, прокрутив в памяти все номера телефонов, нашла номер Флориано.

– Добрый вечер, Флориано. Майя беспокоит, – проговорила я в трубку, услышав его голос на другом конце линии.

– Как самочувствие, Майя? Чем занимались?

– Наблюдала за грозой. Никогда не видела ничего подобного.

– О, это одна из немногих вещей, которая у нас, *кариока*, жителей Рио-де-Жанейро, получается особенно хорошо. Грозы – почти наше национальное достояние, – согласился он со мной. – Хотите присоединиться ко мне и поужинать? Угощение самое простое, но я буду очень рад.

– Если дождь прекратится, то я с удовольствием приду к вам.

– Глядя на небо, могу твердо пообещать вам, что он не продлится более девяти минут. Так что я жду вас ровно в восемь, хорошо?

– Да, спасибо, Флориано.

– Приятной прогулки по лужам. – Я услышала усмешку в его голосе. – Чао!

Ровно через девять минут я спустилась вниз и вышла на улицу. И тут же погрузилась по самые щиколотки в воду, сплошным потоком стекающую по тротуару и устремляющуюся к водостокам, явно не справляющимся с таким количеством воды. В воздухе витала удивительная свежесть. Я шла по тротуару и видела, как все больше и больше прохожих появляется на улице.

– Входите! – приветствовал меня Флориано, когда я нажала нужную кнопку домофона.

Он подждал меня, стоя на верху лестницы и приложив палец к губам.

– Я только что уложил Валентину спать. Если она узнает, что вы здесь, то немедленно поднимется, – сказал он мне шепотом.

Я понимающе кивнула в ответ и стала тихо подниматься вслед за ним на террасу под крышей. Как ни странно, но после такого ливня там было сухо и уютно.

– Наливайте себе вино, а я спущусь на кухню и займусь ужином.

Я налила небольшой бокал красного вина, чувствуя неловкость за то, что заявила в гости без ничего. Надо будет обязательно пригласить Флориано на ужин куда-нибудь в ресторан, чтобы отплатить за его гостеприимство. На столе стояли горящие свечи,

весьма кстати, потому что на улице уже было совсем темно. Негромко звучала джазовая мелодия, доносящаяся откуда-то сверху, по-видимому, из-под карниза, где были установлены невидимые глазу динамики. Вокруг витала атмосфера тишины и покоя, что было уже само по себе удивительно. Ведь дом Флориано расположен в самом центре огромного, бурлящего жизнью города, не засыпающего и ночью.

– Сегодня у нас на ужин энчилада, – объявил Флориано, появившись на террасе с подносом в руках. – Это такие блинчики с острой мясной начинкой. Едят с самыми разными соусами и добавками. Несколько лет тому назад я был в Мексике и буквально влюбился в тамошнюю кухню.

Я поднялась из-за стола и стала помогать ему разгружать поднос: тарелки с дымящимися, с пылу с жару, блинчиками, миски с соусом гуакамоле из авокадо и томатов, сметана, сальса. Глядя на все это изобилие, я невольно поразились. Неужели Флориано каждый вечер съедает столько всего?

– Пожалуйста, угощайтесь, – пригласил он меня к трапезе.

Я с жадностью набросилась на еду, искренне восхищаясь его кулинарными талантами. Не думаю, что мне удалось бы с такой же легкостью приготовить ужин, даже такой непритязательный, как этот. Да и кого я в последний раз угощала ужином, сокрушенно подумала я про себя. С тех пор, как тринадцать лет тому назад я перебралась в свой Павильон на берегу Женевского озера, никого.

– Итак, – промолвил Флориано, когда мы насытились и он закурил сигарету. – Сегодня вы узнали все, что хотели. Или нет?

– Узнала многое, но, к великому сожалению, не узнала того, ради чего, собственно, и отправилась в Бразилию.

– Вы имеете в виду свою мать, как я понимаю?

– Да. Яра категорически отказалась рассказывать мне о ней, сказала, что это уже не ее дело.

– И, в общем-то, она права. Особенно если ваша мать все еще жива, – заметил Флориано.

– Когда я задала этот вопрос Яре, она ответила, что не знает. И я ей почему-то поверила.

– Ну и... – Флориано бросил на меня заинтригованный взгляд. – И куда же вы двинетесь дальше?

– Понятия не имею. Помнится, вы говорили, что поищете дату смерти Кристины в метрических книгах.

– Ничего не нашел. Все, что нам известно, она покинула Бразилию и уехала куда-то за границу. Майя, вам не трудно будет повторить мне все то, что рассказала вам сегодня Яра? – попросил меня Флориано. – Я уже настолько сам погрузился в эти поиски, что сейчас горю желанием узнать и все остальное.

– Только пообещайте мне не описывать всю эту историю в своих романах, – сказала я полушутя, полусерьезно.

– Я пишу беллетристику, Майя. А ваша история – это реальная жизнь. Но даю вам слово, что не стану этого делать.

В течение получаса я пересказывала Флориано все то, что запомнила из рассказа Яры. Затем протянула руку к своей сумочке и извлекла оттуда четыре конверта с письмами, которые она отдала мне при прощании.

– Я их еще не читала. Возможно, потому что нервничаю. Почти как Густаво, когда он забрал у Лоен письмо Изабеллы, адресованное Лорену, – призналась я, вручая письма Флориано. – Яра сказала, что эти письма были написаны Лореном в те дни, когда Изабелла на фазенде ухаживала за умирающей матерью. Хочу, чтобы вы прочитали их первым.

– С радостью. – Я увидела, как загорелись глаза Флориано. Сама я тоже почти не сомневалась, что в них содержатся новые весомые факты, которые помогут собрать воедино эту старую семейную головоломку.

Я молча смотрела, как он достал из первого конверта пожелтевший от времени листок бумаги и погрузился в чтение. Но вот Флориано оторвался от чтения и взглянул на меня. Лицо его приобрело растроганное выражение.

– Да, месье Бройли, скорее всего, был талантливым скульптором, но, судя по этим строкам, литературный дар тоже был ему не чужд. – Флориано слегка склонил голову набок. – И почему это все, написанное на французском, сразу же приобретает некий особый поэтический флер? Вот. – Он протянул письмо мне. – Теперь читайте вы. А я постараюсь с моими школьными знаниями французского разобраться во втором письме.

– Боже мой! – воскликнул он спустя несколько минут и повторил вслух мои собственные мысли. – От этих писем слезы наворачиваются на глаза даже у такого старого циника, как я.

– Согласна. Одно дело – слушать, как рассказывает Яра о любви Изабеллы и Лорена, и совсем другое – читать настоящие письма, как бы снова возвращающие всю эту историю в реальную жизнь, – прошептала я. – Знаете, хотя любовная история Изабеллы завершилась такой трагедией, я все равно завидую ей. – Я подлила себе вина.

– А вы сами были когда-нибудь влюблены? – в своей прямолинейной манере поинтересовался у меня Флориано.

– Однажды. По-моему, я уже упоминала об этом, – поспешноотреагировала я на его вопрос. – И тогда же сказала вам, что ничего хорошего из моей любви не получилось.

– Да, припоминаю. И этот один-единственный опыт запугал вас на всю оставшуюся жизнь. Выходит, так?

– Там было все гораздо сложнее, – обиженно возразила я.

– Все любовные ситуации всегда сложны. Взгляните на ситуацию, в которой оказались Изабелла и Лорен. Когда читаешь письма, то на первый взгляд видишь перед собой только влюбленных друг в друга мужчину и женщину.

– Мой любовный роман начинался приблизительно так же. Но закончился совсем по-другому.

Я зябко поежилась, наблюдая за тем, как Флориано раскуривает очередную сигарету.

– Можно мне тоже? – неожиданно попросила я у него.

– Пожалуйста! – Он протянул мне пачку.

Я закурила и с наслаждением сделала глубокую затяжку, потом с улыбкой взглянула на Флориано.

– Не курила со студенческих времен.

– Вот бы и мне проявить такую же силу воли. Увы! Валентина все старается убедить меня завязать с курением. Может быть, в один прекрасный день я так и сделаю. – Он тоже глубоко затянулся. – Так тот человек... ваш возлюбленный, который разбил вам сердце... Не хотите рассказать мне свою историю поподробнее?

Четырнадцать лет я хранила молчание, делала все возможное и невозможное, чтобы избежать разговоров на эту тему. И вот, нате вам! Сидя на террасе под крышей в обществе мужчины, которого я почти не

знаю, я вдруг почувствовала, что почти готова исповедоваться перед ним. Какого черта?

– Если не хотите, Майя, то и не надо, – тут же пошел на попятную Флориано, видно, заметив страх в моих глазах.

Однако инстинктивно я вдруг поняла, зачем пришла к нему сегодня вечером. За тем, чтобы наконец выговориться сполна. Семейная история, которая открылась мне за последние несколько дней, смерть Па Солта, все это вместе взятое, словно выпустило наружу ту боль и то чувство вины за содеянное, которые мучили меня все эти годы. А тут рядом Флориано, непростая жизнь которого зеркально и одновременно непредвзято отражает мое одинокое и никчемное существование.

– Нет, я расскажу вам все как было, – выпалила я на одном дыхании, боясь передумать. – В мою бытность в университете я познакомилась с одним человеком. Он был на пару лет старше меня. У меня подходил к концу второй семестр второго курса, а он учился уже на последнем курсе, готовился к выпускным экзаменам. Я влюбилась в него без памяти и повела себя очень безрассудно и глупо. Когда я приехала домой на летние каникулы, то поняла, что беременна. И уже поздно что-либо делать. И тогда, – я вздохнула, понимая, что должна закончить свой рассказ как можно скорее, пока не сломаюсь и не разрыдаюсь, – Марина, это та женщина, которая воспитала всех нас шестерых, я вам о ней рассказывала, помогла мне все устроить. Я уехала в другое место и там родила. А потом... – я собрала в кулак все свое мужество, чтобы произнести вслух то, что собиралась сказать, – когда малыш появился на свет, я тут же отдала его на усыновление.

Я сделала большой глоток вина и стала энергично тереть глаза кулаками, пытаюсь поставить барьер на пути водопада из слез, который вот-вот готов был политься из моих глаз.

– Майя, все нормально. Поплачьте, если вам так будет легче. Я все понимаю, – ласково проговорил Флориано.

– Такое... Я никому и никогда не рассказывала об этом, – призналась я, чувствуя, как трепещет сердце в моей груди. – И мне так стыдно... так стыдно...

Слезы брызнули из глаз, хотя я из последних сил старалась не расплакаться. Флориано подошел ко мне, уселся рядом на диване и полуобнял за плечи. Он гладил мои волосы, а я в это время бормотала

что-то бессвязное о том, что нужно было проявить твердость характера и оставить ребенка, несмотря ни на что. А еще о том, что минуло уже столько лет, но не проходит и дня, чтобы я ни вспомнила тот страшный момент в моей жизни, когда спустя всего лишь несколько минут после рождения ребенка его тут же забрали у меня.

– Они даже не позволили мне взглянуть на его личико, – рыдала я навзрыд. – Сказали, что так будет лучше для меня.

Флориано молчал, не делая никаких попыток высказать мне свое сочувствие или просто сказать в качестве утешения какую-то банальность. Но вот мало-помалу рыдания стали утихать. Волна отчаяния спала с меня вместе с громким всхлипом, будто последний воздух вышел со свистком из проколотого шарика. Тело обмякло, все члены стали вялыми. Я молча лежала на груди Флориано, мысленно прикидывая, что же в итоге побудило меня поделиться с ним своей самой страшной тайной.

Флориано продолжал хранить молчание. Наконец я не выдержала и заговорила первой. Спросила с отчаянием в голосе:

– Вы шокированы?

– Нет, конечно же, нет. С какой такой стати?

– Но почему *нет*?

– Потому что, – он тяжело вздохнул, – на тот момент вы сделали то, что считали правильным. Так уж сложились ваши обстоятельства. В самом этом поступке нет преступления.

– По-вашему, и убийцы тоже думают, что поступают правильно, да? – угрюмо возразила я.

– Майя, вы были еще совсем юной и сильно испугались. Очень сильно. Полагаю, отец вашего ребенка не был рядом с вами, не поддержал вас, не помог поступить в этой ситуации так, как поступают нормальные порядочные женщины.

– Боже мой, конечно, нет! – Я невольно содрогнулась, припомнив свой последний разговор с Зедом уже в самом конце учебного года. – Для него все это было обыкновенной мимолетной интрижкой. Он уже расправлял свои крылышки, готовился выпорхнуть из университета и устремиться в будущее. Сказал, что не сильно верит в крепость чувств на расстоянии. Дескать, все, что было между нами, это мило и приятно, но самое время поставить в наших отношениях точку. Так

будет лучше для всех. При этом мы с ним остались в приятельских отношениях, – издала я нервный смешок.

– То есть вы ни словом не обмолвились ему о том, что беременны?

– Во-первых, на тот момент я не была уверена в том, что беременна. Все выяснилось уже после того, как я приехала домой. Марина только взглянула на меня и тут же потащила к доктору. Срок оказался большой. Иного выхода, кроме как рожать, не было. Ах, я тогда была такой наивной дурочкой! – воскликнула я, негодуя о собственной глупости. – Я готова была делать все, о чем он попросит меня.

– То есть, как я понимаю, не отравляли ему удовольствие излишней заботой о контрацептивах?

– Да. – Я покраснела и спрятала лицо в его рубашку. – Но я должна была... *могла* позаботиться о себе и самостоятельно. Более тщательно предохраняться самой... В конце концов, я была уже не маленькой. Но, наверное, просто наивно полагала, что со мной такое не случится.

– Многие юные и неопытные девушки так считают, Майя. Не вы одна. Особенно на фоне первой любви. А со своим отцом вы беседовали на эту тему? – поинтересовался Флориано. – По вашим рассказам я сделал вывод, что вы были очень близки с ним.

– Были, но *не до такой степени*. Мне трудно объяснить вам все это. Я была его первым приемным ребенком, первой дочерью. Он возлагал на меня такие огромные надежды. Меня отправили учиться в Сорбонну, ибо я должна была получить самое первоклассное образование. Если честно, я бы скорее умерла, чем призналась отцу во всем.

– А что Марина? Она не пыталась убедить вас в том, что надо поговорить с отцом?

– Пыталась. Но я упорно стояла на своем. Не могу, и все тут. Я точно знала, мое признание разобьет ему сердце.

– И тогда вы решили разбить свое, – грустно заметил Флориано.

– На тот момент иного выхода у меня не было.

– Понимаю.

Какое-то время мы сидели молча. Я смотрела, как ровно горит язычок свечи в темноте и заново переживала ту боль, которой

обернулось для меня принятое когда-то решение.

– А вы разве забыли о том, что ваш отец удочерил целых шесть девочек и воспитал их как своих родных дочерей? – внезапно заговорил Флориано. – Быть может, он, как никто другой, понял бы всю сложность той ситуации, в которой вы оказались.

– В то время такая мысль не пришла мне в голову. – Я опустила плечи в новом приступе отчаяния. – Но потом, уже после его смерти, я много размышляла на эту тему. Даже если бы я тогда и задумалась об этом... Мне все равно очень трудно объяснить вам, кем для меня был Па Солт. Воистину, я его обожествляла. Он был для меня идолом. Мне всегда хотелось, чтобы отец одобрительно относился ко всему, что я делаю. Его похвала и одобрение были для меня важнее всего...

– Даже важнее помощи, – уточнил Флориано.

– Но тут нет *его вины*. Виновата я сама, – призналась я, приготовившись произнести самые жестокие слова. – При всем своем обожании и любви к отцу я не вполне доверяла ему и не до конца верила в то, что он любит меня. Зато сейчас я отлично понимаю, что, если бы я *рассказала* ему тогда всю правду, он бы мне помог... Обязательно помог бы...

У меня снова сорвался голос, и из глаз опять полились слезы.

– Вот я смотрю на вашу семью, на вас с Валентиной... Ведь во многом наши жизненные обстоятельства сходны. Я смотрю и думаю, что такой же осмысленной могла бы быть и моя собственная жизнь, прояви я хоть немного твердости духа. Но кишка у меня оказалась тонка, вот и все. А сейчас сокрушаюсь, в какой кошмар превратилось мое существование.

– Каждый из нас, Майя, совершает поступки, о которых потом жалеет, – грустно отозвался Флориано. – Я вот, к примеру, жалею, что не проявил должной настойчивости, общаясь с докторами, когда они велели мне забирать жену из больницы. Не настоял на том, чтобы продолжить ее лечение в больничных условиях, хотя и понимал умом, что жена очень серьезно больна. А прояви я тогда характер, и у моей дочери была бы сегодня мать, а у меня самого – жена. Но куда могут привести нас все эти угрызения совести? – Он вздохнул. – Да никуда.

– И все же отказаться от собственного ребенка, особенно зная, что основным мотивом этого поступка был исключительно мой эгоизм, а

не какая-то там бедность или военное лихолетье, по-моему, это самое тяжкое преступление из всех.

– Нам всем кажется, что ошибки, которые мы совершаем, самые страшные и ужасные. Потому что это *мы* их совершили. И все мы, Майя, живем с чувством собственной вины за те или иные наши поступки. Иногда даже сознательно заостряем это чувство. Особенно если загоняем собственные переживания внутрь себя и делаем это в течение многих лет, как в вашем случае, предпочитаем молчать, таить все в себе, никому не рассказывать о том, что было. Вот я сижу рядом с вами, и, поверьте мне, у меня нет желания осудить вас, я не испытываю порицания или какого-то злорадства. Мне просто жаль вас, очень жаль, только и всего. Уверен, любой, с кем бы вы ни поделились своей историей, сказал бы вам то же самое. А вы все продолжаете и продолжаете заниматься самоедством и винить во всем себя. Неужели не понятно?

– Наверное, вы правы. Но что же мне делать?

– Простить себя наконец. Как видите, все очень просто. Простить себя и двигаться дальше. Иначе жизни у вас не будет. Я знаю... мне самому пришлось побывать в подобной ситуации.

– Но я не перестаю каждый день думать о своем сыне. Где он? Что с ним? Счастлив ли он? Любят ли его приемные родители? Иногда я вижу во сне, как он зовет меня. Хотя и знаю, что мне его ни за что не отыскать...

– Я вас прекрасно понимаю, но хочу еще раз напомнить, дорогая Майя, что вы сами тоже приемный ребенок. И что, вы много страдали из-за того, что ваш отец вам не родной? – спросил у меня Флориано.

– Совсем не страдала. Но я ведь не знала другой жизни.

– Вот именно! Вы только что сами ответили на все свои вопросы. Помнится, вы мне однажды сказали, не важно, кто воспитывает ребенка. Главное – чтобы его любили. Это же верно и применительно к вашему сыну, где бы он сейчас ни находился. Готов побиться об заклад, что в вашей невеселой истории основная страдальца – это вы сами. А сейчас, думаю, нам самое время сделать по глотку бренди. – Флориано разомкнул свои объятия, поднялся с дивана и подошел к узкой полке. Снял с нее бутылку. – Составите мне компанию? – спросил он у меня, наливая себе бренди на дно стакана.

– Нет, спасибо, – отказалась я.

Флориано принялся расхаживать по террасе, снова закурил, потом подошел к краю террасы и устался в темноту. Чувствуя собственную беспомощность, я поплелась за ним следом, словно инстинктивно стремясь под его защиту.

– Вам не кажется, – начал он, медленно подбирая слова, когда я подошла ближе и встала рядом с ним, – что все наши с вами изыскания, все эти копания в прошлом вашей семьи заставили вас с новой силой начать думать о своем сыне, заново испытать всю ту боль, что вы пережили когда-то?

– Вы правы, – согласилась я с Флориано. – Но, с другой стороны, отец сам дал возможность всем приемным дочерям узнать при желании о своем происхождении. А разве у моего ребенка не должно быть такой возможности?

– Во всяком случае, он должен иметь *право выбора*, если пожелает предпринять какие-то шаги в этом направлении, – несколько скорректировал мои последние слова Флориано. – Вы, помните, рассказывали мне, что поначалу отнеслись крайне сдержанно к идее покопаться в собственном прошлом. Но есть одно существенное «но». Вы изначально знали, что вы не родная, а приемная дочь. Вполне возможно, вашему сыну такой информации никто не сообщал. Скорее всего, он даже не знает, что не является родным сыном.

– Хоть бы мне один-единственный разок увидеть его собственными глазами, узнать, что он в порядке, что он счастлив... что ему ничто не угрожает...

– Понимаю вас. Но подумайте и о нем. Насколько это хорошо и желательно уже для самого ребенка? – промолвил он тихо и тут же добавил, переключившись на день сегодняшней: – Между прочим, уже второй час ночи. А мне нужно завтра с самого раннего утра быть в форме ради той маленькой сеньориты, что спит внизу.

– Конечно-конечно! – Я поспешно отошла от Флориано и взяла со стола свою сумочку. – Уже ухожу.

– Знаете, Майя, я хотел предложить вам остаться и переночевать здесь. Не думаю, что вам будет так уж приятно коротать остаток ночи в полном одиночестве.

– Со мной все будет в полном порядке, не волнуйтесь, – ответила я, направляясь к дверям. Неожиданное предложение Флориано вызвало у меня внутреннюю панику.

– Да постоит же! – Флориано издал короткий смешок и схватил меня за руку. – Я вовсе не имел в виду, чтобы вы остались здесь *со мной*. Вы вполне можете переночевать в комнате Петры. Она как раз отсутствует. Уехала на недельку навестить своих родных в Сальвадоре. Пожалуйста, останьтесь. Иначе я буду волноваться за вас.

– Хорошо, – уступила я, чувствуя, что у меня нет сил спорить. – Спасибо вам.

Флориано задул свечи, выключил свой компьютер, потом мы спустились вниз, и он указал мне на комнату Петры.

– Сообщаю вам, что я поменял постельное белье и все пропылесосил после того, как она уехала. Так что там все вполне пристойно. Ванная комната рядом, по правую сторону. Дамы идут первыми. Доброй ночи, Майя. – Флориано подошел ко мне и запечатлел на лбу легкий поцелуй. – Сладких снов.

Быстрый взмах руки на прощание, и Флориано исчез наверху, а я направилась в ванную. Спустя несколько минут я зашла в комнату Петры. На самодельных полках над письменным столом – учебники по биологии, на туалетном столике – ворох косметики, джинсы, небрежно брошенные на спинку стула. Я сняла с себя спортивную майку и залезла на узенькую кровать. И вдруг подумала: вот и я когда-то была такой же беззаботной студенткой, у которой еще целая жизнь впереди. Словно такое чистое полотно, на котором художнику еще только предстояло нарисовать мой портрет. Да, все было так здорово, пока... пока я не поняла, что беременна.

И с этой мыслью я заснула.

Я проснулась от того, что кто-то открыл дверь, и тотчас же поняла, что я в комнате не одна. Я открыла глаза. Так и есть. В ногах стояла Валентина и внимательно разглядывала меня.

– Уже почти десять утра. Мы с папой испекли сдобный пирог. Может, вы нам поможете съесть его?

– С удовольствием, – немедленно согласилась я, все еще приходя в себя после сна. Кажется, я действительно проспала всю ночь беспробудным сном. Валентина обрадованно кивнула головой и выбежала из комнаты. А я кубарем скатилась с кровати и быстро оделась. Уже по дороге на террасу я в полной мере вдохнула в себя вкуснейшие ароматы, витавшие, судя по всему, не только в коридоре, но и во всех остальных комнатах. Запах свежей выпечки моментально напомнил мне такие же знакомые ароматы на кухне Клавдии в Атлантисе. Поднимаясь по лестнице, я услышала веселый щебет Валентины. Отец и дочь сидели за столом и с наслаждением лакомились свежеиспеченным пирогом. Сам пирог круглой формы горделиво возвышался по центру стола.

– Доброе утро, Майя? Как спалось? – спросил у меня Флориано, смахивая салфеткой крошки со рта и придвигая ко мне шаткий деревянный стул.

– Отлично выспалась, – улыбнулась я в ответ. Флориано между тем отрезал мне кусок пирога и покрыл его сверху щедрым слоем масла.

– Кофе? – предложил он.

– О да, пожалуйста, – ответила я, вонзая зубы в еще теплое тесто. – Неужели вы каждое утро уплетаете на завтрак такие вкуснейшие пироги, Валентина? – поинтересовалась я у девочки. – Не то что я! Опостылевшая каша и тост. Никакого сравнения с вашим пиршеством.

– Мы тоже не каждое утро едим пироги, – со вздохом ответила мне малышка. – Только сегодня. Думаю, это папа ради вас так старается, – безмятежно добавила она.

Флориано лишь округлил глаза, услышав последнюю реплику девочки. Хотя мне показалось, что он даже слегка покраснел.

– А мы тут с Валентиной все прикидывали, как и чем вас развлечь в Рио. Решили, что вам не помешает сходить куда-нибудь повеселиться.

– Да, Майя, – перебила его Валентина. – Если мой папочка умрет и переселится на небеса, мне тоже будет очень грустно. И мне тоже захочется, чтобы меня развлекали.

– Скажу по секрету, у нас уже имеется готовый план увеселительных мероприятий, – вставил словечко Флориано.

– Нет, папочка, это *твой* план. – Валентина слегка нахмурилась. – Я предлагала вначале отправиться в парк развлечений с разными аттракционами, а потом пойти смотреть мультики Диснея, но папа сказал «нет». Поэтому вы будете заниматься вместе с ним всякой скукотищей. – Она подперла личико своими крохотными ладошками и снова вздохнула: – Но я тут совсем не виновата.

– А что, если нам попытаться объединить скучное и веселое? – заняла я позицию третейского судьи. – Лично я очень люблю диснеевские фильмы.

– К сожалению, у меня уже не получится пойти вместе с вами. Папа завтра улетает в Париж со своей книгой, а у него тут еще полно работы, которую нужно успеть доделать до отлета. Поэтому меня сегодня отправляют к бабушке и дедушке.

– Так вы улетаете в Париж? – удивленно спросила я у Флориано, внезапно ощутив непонятный прилив страха при этой новости.

– Да. Помните, пару недель тому назад я вам отправил письмо по электронной почте? Приглашал и вас поучаствовать в презентации. – Он взглянул на меня с улыбкой.

– Да, конечно, – ответила я, припоминая его письмо.

– А меня вот папа не пригласил. – Валентина слегка надула губки. – Говорит, что я там буду не к месту.

– Не так, мое солнышко. Я сказал, что тебе там будет скучно. Вспомни, как тебе не нравится присутствовать на моих авторских вечерах здесь, в Рио, когда мне приходится раздавать десятки автографов, подписывать свои книги и все такое. Стоит нам только приехать, и ты тут же начинаешь дергать меня за рукав и спрашивать, когда же мы наконец вернемся домой.

– Ну, так это же *здесь*, а не в Париже, – тотчас же возразила девочка и мечтательно добавила: – Я бы хотела поехать в Париж.

– В один прекрасный день, – Флориано ласково привлек к себе дочь и поцеловал ее в темноволосую макушку, – я обязательно возьму тебя в Париж. Обещаю. А сейчас, – он взглянул на часы, – бабушка с дедушкой должны приехать за тобой с минуты на минуту. Ты уже упаковала свои вещи?

– Да, папочка, – послушно кивнула головой Валентина.

– Майя, пока я тут буду прибирать со стола, не возражаете, если я попрошу вас пройти вместе с Валентиной к ней в комнату и проверить, достаточно ли она берет с собой одежды. И не забудьте про зубную щетку. Валентина у нас пока еще немного... рассеянна в том, что касается сбора вещей.

– Конечно, проверю, – согласилась я и проследовала вслед за Валентиной в ее крохотную спальню. Все в этой комнате было выдержано в розовых тонах: стены, пуховое одеяло, даже игрушечные мишки, выстроившиеся на полу рядом с кроватью, все как один были розовыми. Валентина жестом предложила мне садиться, а сама водрузила на кровать чемодан и открыла его, чтобы я могла удостовериться в том, что все упаковано правильно. Я мысленно улыбнулась от обилия розового цвета вокруг себя. Такое вполне стандартное клише для девочек. Впрочем, девочкам розовое к лицу. Когда-то я и сама отдавала предпочтение именно этому цвету.

– Все, что мне нужно, здесь, уверяю вас, – с некоторым вызовом в голосе сказала Валентина и сложила руки на груди.

Я открыла крышку. Куклы Барби, диски, раскраски, груда разноцветных фломастеров, брошенных в чемодан как попало. И только одна майка, одни джинсы и несколько пар спортивных штанишек.

– Может, стоит положить немного белья? – осторожно предложила я.

– Да. Совсем забыла. – Валентина ринулась к комоду.

– А что насчет пижамки? – Я подняла с пола пижамку, которую Валентина, видно, сбросила впопыхах, одеваясь утром. – И, быть может, еще кое-что из одежды?

Минут через десять раздался звонок домофона. Флориано устремился вниз открывать дверь.

– Приехали! Надеюсь, ты уже готова, Валентина? – окликнул он дочь.

– Не хочу никуда уезжать. – Валентина оторвалась от раскраски, которую показывала мне.

Я непроизвольно обняла ее за худенькие плечики.

– Уверена, у бабушки с дедушкой тебе будет весело. Уж они тебя вконец разбалуют, готова поспорить.

– Баловать они меня будут, это да. Но все равно я буду очень скучать по папе.

– Еще бы! Помню, я и сама ненавидела, когда папа куда-то уезжал. А он часто отлучался из дома.

– Но у вас была целая куча сестер. Было с кем поиграть. А у меня никого нет.

Валентина сокрушенно вздохнула и поднялась со своего места. Я закрыла чемодан и застегнула на нем молнию. Потом сняла чемодан с кровати, отрегулировала ручку и покатила его к дверям.

– Ну вот, по-моему, ты вполне готова к отъезду.

– А мы еще увидимся, Майя, когда я снова вернусь домой? – жалобно спросила меня девочка. – С вами мне гораздо приятнее, чем с Петрой. Та только то и делает, что целыми днями напролет болтает со своим дружкой.

– Обязательно увидимся, милая, – твердо пообещала я, целуя Валентину. – А сейчас ступай и постарайся весело провести время.

– Постараюсь! – ответила девочка и, взявшись за ручку чемодана, направилась к дверям. – Знаете, а вы очень нравитесь папе.

– Неужели? – улыбнулась я.

– Да, он мне сам говорил. Бай-бай, Майя.

Я молча проследила за тем, как Валентина вышла из спальни, и подумала, что она в этот момент очень смахивает на современную беженку. Не желая помешать отцу и дочери прощаться или тем более ставить Флориано в неловкое положение перед родителями его покойной жены, я снова уселась на кровать, сложив руки на коленях. И опять представила, как же непросто этим двоим шагать по жизни. Флориано, разрывающий свою жизнь между дочерью и работой, действительно достоин самого высокого восхищения. Странно, но слова Валентины о том, что я нравлюсь ее отцу, были мне приятны. Наверное, отчасти и потому, что мне самой очень нравился Флориано.

Спустя несколько минут Флориано негромко постучал в дверь и просунул голову в комнату.

– Все в порядке, можно выходить. Я думал, вы выйдете вместе с Валентиной, чтобы познакомиться с Джованни и Ливией, но вы так и не показались. Но в любом случае, – Флориано взял меня за руку и поднял с кровати, – полагаю, что вам сейчас самое время немного развлечься. Надеюсь, вы помните, что это такое.

– Конечно, помню! – возмутилась я в ответ.

– Вот и прекрасно. Расскажите мне по пути туда, куда я вас повезу, когда и где вы веселились в последний раз.

– Флориано! Оставьте свой покровительственный тон, – слегка вспыхнула я, проследовав за ним из спальни Валентины. Он остановился и резко повернулся ко мне, так неожиданно, что мы едва не стукнулись лбами.

– Майя, приободритесь. Выше голову. Я же просто подшучиваю над вами. Даже я, при всей своей склонности к пространным размышлениям, понимаю, что нельзя постоянно воспринимать себя серьезно. Вы слишком долго прожили в одиночестве. В этом, наверное, все дело. У меня хоть рядом есть дочь. Она все время дергает меня, постоянно отвлекает от всяких невеселых мыслей. Но сегодня я хочу, чтобы вы тоже отбросили прочь, хоть на время, все свои печали и *зажили настоящей жизнью*. Хорошо?

Я опустила голову. Мне было неловко и стыдно. Давно никто не читал мне мораль о том, как следует себя вести.

– Сегодня я хочу показать вам *свой* Рио. И сделаю это, несмотря на то, что времени у меня в обрез, как и у вас, – добавил Флориано, открывая входную дверь. Мы вместе вышли на улицу.

– Хорошо, – согласилась я без раздумий.

– Вот и отлично. – Он быстро сбежал по лестнице, направляясь к выходу из подъезда. Уже возле парадных дверей картинным движением предложил мне свою полусогнутую руку.

– Тогда вперед?

– Да.

Мы вышли из дома и зашагали по улицам Ипанемы, направляясь в близлежащее кафе. Оно уже кишело посетителями из местных, любителями выпить пивка.

Флориано поздоровался с барменом, который, судя по всему, был ему знаком, и заказал нам обоим по стакану «Кайпириньи». Я удивленно округлила глаза.

– Но еще же только половина двенадцатого утра! – воскликнула я с деланным возмущением, когда он протянул мне стакан.

– Знаю. Но мы же собираемся расслабиться по полной. Так будем веселиться на полную катушку. – Он поднял свой стакан и чокнулся со мной. – Будем! И до дна!

Мы выпили. Горько-сладкая жидкость обожгла горло и тут же докатилась до желудка. Какое счастье, подумала я, что я уже успела закинуть туда кусок пирога, который впитает в себя хотя бы часть алкоголя. Флориано расплатился за коктейли и потащил меня прочь от стойки бара.

– В путь!

Взмахом руки он остановил такси, мы сели.

– И куда сейчас? – поинтересовалась я у него.

– Сейчас я познакомлю вас с одним моим приятелем, – таинственно сказал он. – Покажу вам нечто такое, что вы должны обязательно увидеть, прежде чем уедете из Рио.

Машина понеслась по улицам на выезд из города. Спустя двадцать минут мы вышли, как я сразу же догадалась, у входа в фавелу.

– Не беспокойтесь, – сказал Флориано, расплачиваясь с водителем. – Никто вас тут не пристрелит. А какой-нибудь местный наркобарон не станет вам тут же всучивать грамм кокаина. – Он положил руку мне на плечо, и мы начали свое долгое восхождение по ступенькам, чтобы войти в деревню. – Да, и вот еще что. Мой приятель Рамон – вполне цивилизованный человек, такой же, как мы с вами.

Едва мы вскарабкались на самый верх и вошли на территорию фавелы, как слух мой тут же различил едва слышимый перестук барабанов сурдо. Улочки здесь были такими узенькими, что, расставив руки в разные стороны, можно было коснуться стен домов по обе стороны. Внизу царил полумрак, я задрала голову вверх, чтобы получше разглядеть причудливое скопление строений, которые громоздились прямо на крышах домов, построенных на земле.

Флориано перехватил мой взгляд и понимающе кивнул головой.

– Хозяева первых этажей, если так можно выразиться, – пояснил он мне, пока мы петляли по лабиринтам улочек, поднимаясь все выше и выше, – продают свободное пространство на своих крышах другим обитателям фавелы, чтобы они тоже могли построить себе жилище, уже прямо у них над головой.

Даже я, всегда гордившаяся тем, что умею переносить жару, не потея при этом, почувствовала, что уже вся покрылась потом. Слегка закружилась голова от духоты и тесноты, царящей внизу. Флориано мгновенно уловил мое состояние, остановился на углу и вошел в темную дверь. За которой, как оказалось, размещалась крохотная лавчонка, в которой торговали всем, чем попало. Небольшой такой загончик из бетона с несколькими полками в углу, на которых были выставлены консервы, бутылки, банки-склянки со всевозможными прохладительными напитками. Тут же примостился и холодильник. Флориано купил мне бутылку воды, которую я с жадностью выпила, не отходя от прилавка. После чего мы продолжили свой подъем, пока не уперлись в дверь, выкрашенную в ярко-голубой цвет. Флориано постучал. Дверь отворил темнокожий мужчина. Они с Флориано обнялись. Начались традиционные похлопывания по спине и шуточные толчки руками. Наконец мы вошли в дом. К своему удивлению, я обнаружила в углу узкой комнатки работающий компьютер, а на стене – большой телевизионный экран. Мебели в комнате почти не было, зато было очень чисто.

– Майя, это Рамон. Он живет в фавеле со дня своего рождения. Сейчас он работает на правительство в качестве... – Флориано взглянул на приятеля, чтобы тот подсказал ему нужное слово, – в качестве такого миротворца.

Услышав столь своеобразное определение, Рамон весело расхохотался, обнажив два ряда великолепных белоснежных зубов.

– Друг мой, – начал он густым красивым баритоном. – Сразу видно, что ты писатель. Сеньорита, – он протянул мне руку, – рад познакомиться с вами.

Следующие два часа мы просто бродили по фавеле и знакомились с жизнью ее обитателей. Перекусили и выпили пива в каком-то допотопном кафе, которое предприимчивый обитатель дома соорудил на крохотном клочке принадлежащей ему земли. Жизнь фавелы открылась мне с совершенно незнакомой стороны.

– В Рио множество фавел, – принялся объяснять мне Рамон. – И на улицах каждой из них полно нищеты и преступлений. А есть и такие места, куда даже я не рискую совать свой нос. Но тем не менее у меня есть все основания полагать, что ситуация в целом улучшается. К сожалению, не так быстро, как хотелось бы. Во всяком случае, сегодня каждый обитатель фавелы имеет возможность получить образование, что придает человеку некоторую уверенность в себе и определенное чувство самоуважения. Лично я очень надеюсь на то, что у моих внуков будет более счастливое детство, чем у меня самого.

– А как вы познакомились друг с другом? – полюбопытствовала я, уже просто изнемогая от удушающей жары.

– Рамон выиграл грант на обучение в моем университете, – пояснил Флориано. – Изучал всякие социальные науки, но и к истории проявлял большой интерес. Он у нас очень умный, гораздо умнее меня. Я все время говорю ему, чтобы он написал книгу о своей жизни.

– Ты же не хуже меня понимаешь, – мгновенно посерьезнел Рамон, – что, даже если я напишу такую книгу, никто в Бразилии не возьмется ее напечатать. Но, вполне возможно, когда-нибудь в старости, когда политическая ситуация в стране станет иной, я возьмусь за написание такой книги. А пока хочу продемонстрировать вам свой излюбленный проект.

Мы снова устремились вслед за Рамоном по бесконечному лабиринту улочек и переулков. По пути Флориано вполголоса рассказывал мне историю жизни своего друга. Отец заставлял мать заниматься проституцией, а сам он, известный наркобарон, сейчас отбывает пожизненный срок за двойное убийство.

– На руках у Рамона осталось шестеро младших братьев и сестреноч, когда его мать умерла от передозировки героина. Это удивительный человек. Такие, как он, невольно внушают веру в доброе начало, заложенное в каждом человеке, – задумчиво бросил Флориано. – Вот и сейчас Рамон работает, не щадя своих сил, на благо обитателей фавелы, добивается для них хотя бы самого элементарного медицинского обслуживания, лучших условий для подрастающей детворы. Словом, Рамон посвятил всю свою жизнь фавеле, – закончил свой рассказ Флориано и взял меня за руку, чтобы помочь спуститься по неровным каменным ступенькам.

Откуда-то из глубины доносилась веселая барабанная дробь, на сей раз громче и отчетливее. Звуки буквально пульсировали по всему моему телу, пока мы продолжали свой спуск. Я видела, как уважительно и с любовью приветствуют Рамона из каждой двери по обе стороны узеньких улочек. Но вот наконец мы спустились вниз, и Рамон провел нас через деревянную дверь на небольшую площадку, огороженную со всех сторон высокими стенами. Мое уважение к этому человеку за время блужданий по фавеле уже успело возрасти многократно. Я думала о том, каким благородством души надо обладать, чтобы посвятить свою жизнь, несмотря на все ее ужасные условия и обстоятельства, тому, чтобы улучшить жизнь другим обитателям этих трущоб. Такая целеустремленность, такая сила характера. На его фоне я снова почувствовала себя жалкой и никчемной.

Во дворике, куда мы вошли, я увидела множество ребятишек. Человек двадцать, если не больше. Некоторые детки даже младше Валентины. И все они самозабвенно танцевали под зажигательный ритм барабанов. Рамон незаметно провел нас вдоль стены в тень, которую отбрасывала возвышающаяся рядом лачуга. Потом он кивком головы показал на детей.

– Готовятся к нашему знаменитому Карнавалу. Вы же, наверное, знаете, что именно в фавелах он и зародился, – промолвил он шепотом и подвинул мне деформированный пластиковый стул, чтобы я могла присесть и понаблюдать за разворачивающимся передо мной действием уже сидя.

Хрупкие тельца детишек, казалось, двигались сами собой, ритмично повторяя движениями барабанную дробь. У всех были какие-то по-особенному восторженные лица, многие танцевали с закрытыми глазами, просто двигаясь в такт музыке.

– Они сейчас разучивают танец, который мы называем «самба но пе». Если дословно, то «самба на стопах». Именно этот танец спас мне жизнь, когда я был совсем ребенком, – наклонился ко мне Рамон и сказал на ухо: – Эти дети, танцуя, тоже спасают свои жизни.

Впоследствии я не раз пожалела о том, что не захватила с собой фотоаппарат, чтобы запечатлеть все происходящее на пленку. Но, наверное, ни одна пленка в мире не в силах была бы передать то выражение блаженного экстаза, застывшего на лицах маленьких

танцоров. Я смотрела на них и понимала, что запомню этот чудный танец на всю оставшуюся жизнь.

Но вот Рамон сделал знак, что пора уходить. Я неохотно поднялась со стула. Мы помахали на прощание детишкам и вышли на улицу через те же деревянные двери.

– С вами все в порядке? – спросил у меня Флориано, приобняв за плечи.

– Да, – ответила я дрогнувшим от переизбытка эмоций голосом. – Это – лучшее из того, что я видела в своей жизни.

* * *

Мы покинули территорию фавелы, поймали такси и направились снова в город. В ушах моих, в сердце продолжала звучать жизнерадостная барабанная дробь, перед глазами стояло веселое самозабвенное выступление юных танцоров.

– Все же, Майя, с вами все в порядке? – повторно спросил у меня Флориано и заботливо взял за руку.

– Да, – снова подтвердила я. – Честно, я в полном порядке.

– Вам понравилась самба?

– Не то слово! Я в восторге.

– Отлично! Потому что именно танцами *мы и займемся* вечером.

Я бросила на него взгляд, исполненный ужаса.

– Флориано! Вы с ума сошли! Я же не умею танцевать.

– Конечно же умеете, Майя. Все умеют. Особенно те, кто родился в Рио. Танцы у нас, кариока, в крови. А сейчас, – Флориано попросил шофера притормозить такси на площади Ипанемы, всей сплошь в торговых павильонах, – поищем вам кое-что подходящее из одежды. Ах да! И еще пару туфель для самбы.

Я покорно последовала за ним в супермаркет. Флориано деловито прошелся по вешалкам с одеждой и наконец выбрал то, что показалось ему наиболее подходящим.

– Думаю, цвет персика будет вам к лицу. Он хорошо гармонирует с вашей кожей. – Он протянул мне облегающую фигуру платье из мягкого шелка с широким запахом.

Я недовольно нахмурилась. Вот такой фасон я бы уж точно никогда не выбрала сама. Слишком он откровенный.

– Ну же, Майя, не упрямитесь! Вы ведь сами пообещали мне раскрепоститься сегодня по полной. А в настоящий момент на вас платье, точь-в-точь как у моей мамы, – снова незлобиво подначил меня Флориано.

– Спасибо! – коротко поблагодарила я, когда он настоял на том, что сам расплатится за покупку, и выложил на прилавок несколько реалов.

– Так, с платьем покончено. Теперь туфли, – скомандовал он и, взяв меня за руку, потащил дальше по улицам Ипанемы, пока не остановился возле крохотного обувного магазина, более похожего на обычную сапожную мастерскую.

Десять минут спустя я вышла из магазина с парой кожаных туфелек с прямым наборным каблуком средней высоты и ремешком через щиколотку, который застегивался на пуговичку.

– Пожалуй, от таких туфель *не отказалась бы* и Марина, – заметила я, заявив Флориано, что на сей раз за покупку платить буду сама. Туфли-то ведь дорожные. Но Флориано был непреклонен и расплатился сам. Потом остановился возле киоска с мороженым. На витрине были выставлены самые разнообразные сорта.

– Какое мороженое предпочитаете? – поинтересовался у меня Флориано. – Заранее предупреждаю, здесь торгуют самым лучшим мороженым в Рио.

– Тогда на ваш вкус, – ответила я.

Взяв в руки по конусу с мороженым, мы перешли на другую сторону дороги и уселись на скамейке с видом на пляж и на океан. Сидели и просто наслаждались поеданием действительно вкуснейшего мороженого. Лизали, как дети, не давая ему таять.

– Вкусно! – констатировал Флориано, вытирая салфеткой слипшийся от сладкого рот. – Уже половина седьмого. Предлагаю вам отправиться сейчас к себе в отель и подготовиться к танцевальному дебюту, который состоится вечером. А я пока сгоняю домой, отправлю несколько писем по электронке и упакую вещи к завтрашнему отлету в Париж. В половине девятого буду ждать вас внизу, как обычно, в вестибюле отеля.

– Хорошо! И спасибо за прекрасный день, – поблагодарила я уже вдогонку, так как Флориано тут же заторопился прочь. Я тоже пересекла улицу и направилась к себе в отель.

– День еще не закончен, Майя, – крикнул мне в ответ Флориано и, повернувшись, широко улыбнулся.

На ресепшен, куда я подошла за ключами от своего номера, меня встретила озабоченная администратор.

– Сеньорита Деплеси, мы уже стали волноваться. Вас не было минувшей ночью.

– Да, я переночевала у своих знакомых.

– Понятно. Тут вам звонили днем. Поскольку оператор не смогла выйти с вами на связь, то звонившая продиктовала свое сообщение. Она сказала, что это срочно. – Администратор вручила мне конверт.

– Спасибо, – поблагодарила я, забирая конверт.

– И на будущее... Если вы еще когда-нибудь решите переночевать в другом месте, пожалуйста, не забудьте поставить нас в известность. Рио ведь может быть очень опасным городом, особенно для иностранцев. Вот и с вами... Мы уже были готовы обращаться за помощью в полицию.

– Обязательно, – пообещала я, несколько смущенная тем, что мое отсутствие стало поводом для беспокойства служащих отеля. Я села в кабинку лифта и поехала к себе на этаж, размышляя по пути, что для иностранцев Рио, возможно, и опасный город. Но я же коренная, а потому чувствую себя здесь в полной безопасности.

У себя в номере я первым делом вскрыла конверт. Интересно, кому понадобилось отправлять мне экстренное сообщение? Прочитала напечатанный текст.

*Дорогая сеньорита Майя,
Сеньора Беатрис сказала, что желает встретиться с
Вами. Она слабеет с каждым днем, а потому постарайтесь
прийти на встречу с ней как можно скорее. Завтра в десять
утра будет самое подходящее время.*

Яра Кантерино

На протяжении всего этого чудесного дня у меня полностью вылетело из головы все то, что связано с моим неизвестным прошлым и с таким неопределенным будущим. Пришлось включить мозги, чтобы вникнуть в смысл послания. Впрочем, времени на раздумья не было. Я побежала в душ. Стоя под струями теплой воды, обдававшей тело со всех сторон и каскадами ниспадающей вниз, я решила, что каким бы ни выдался завтрашний день и что бы он ни принес мне, я подумаю обо всем этом после, потом... Но не сегодня вечером.

Потом я облачилась в платье, которое купил мне Флориано, уже заранее настроившись на то, что вид у меня в нем будет ужасный. Но, когда я обула туфельки и глянула на себя в зеркало, то была искренне ошеломлена результатом. Облегающий лиф с перекрещенным на груди корсажем удачно подчеркивал мою пышную грудь и тонкую талию. Юбка с широким запахом свободно ниспадала и красиво фалдила внизу, открывая взору ноги чуть выше колена, а изящные каблочки опять же удачно подчеркивали их длину.

За те несколько дней, что я провела в Рио, кожа у меня на лице посвежела и заиграла живыми красками. Я быстро высушила голову феном и собрала волосы, заколов их высоко на затылке. Потом подвела глаза, слегка припудрила носик и наредила губы ярко-красной помадой, которую когда-то купила, поддавшись сиюминутному соблазну, и которой так и не рискнула воспользоваться до сего дня. Разглядывая себя в зеркале, я издала короткий смешок. Мои сестрички сейчас точно не узнали бы меня. Шутливая реплика Флориано касательно моей подчеркнута старушечьей манеры одеваться, не скрою, задела за живое. Но, с другой стороны, я отлично понимала, Флориано сказал чистую правду. Весь мой гардероб состоит сплошь из унылых и неприметных вещей, в которых можно легко затеряться в любой толпе. Здесь, в Рио, насколько я уже успела заметить, женщины любят выставлять напоказ свою чувственность и подчеркивать сексуальность, то есть все то, что я так тщательно прятала ото всех на протяжении многих лет.

За полчаса, оставшиеся до назначенной встречи с Флориано, я настроила кучу электронных посланий своим сестрам. Рассказала им о том, как замечательно провожу время в Рио и что сейчас чувствую себя гораздо, гораздо лучше. Потом достала из мини-бара бутылку с вином, отхлебнула прямо из горлышка и с удивлением подумала, что

ведь действительно я не покривила душой, рассказывая о том, как мне здесь хорошо. Такое чувство, будто наконец-то с плеч моих свалился тяжеленный груз и я ощутила себя легкой как пушинка. Наверное, сыграло свою роль и то, что я излила душу Флориано. Но внутренний голос тут же подсказал мне, что не только в этом дело.

Дело и в нем тоже.

Энергичность Флориано, его позитивный настрой, его практицизм, в хорошем смысле этого слова, и здравый смысл, уже не говоря о том, как умело он обращается с маленькой дочерью, как ловко и споро управляет с домашним хозяйством, все это стало для меня хорошим жизненным уроком, который стоило запомнить и усвоить. Флориано как бы стал для меня наглядным примером того, к чему я и сама втайне страстно стремилась. В сопоставлении с его жизнью, моя жизнь была похожа на такую серую, унылую ксерокопию. А еще до меня дошло, хоть и с некоторым опозданием, чего так настойчиво добивался Флориано своими комментариями, порой весьма болезненными. Он всего лишь хотел, чтобы я наконец осознала одну простую вещь: я не живу, а *выживаю*.

Не знаю, как так случилось, но этот город и этот мужчина, объединившись друг с другом, взяли и раскололи ту не видимую глазу защитную скорлупу, в которой я пряталась столько лет. Аналогия показалась мне смешной, и я издала короткий смешок. А ведь действительно, чувствую себя словно только что вылупившийся на свет цыпленок.

И, надо признаться, я все же немножко *влюблена* в этого мужчину. Глянув на часы, я поняла, что мне уже пора спешить вниз. Что ж, даже если мне больше не суждено встретиться с Флориано, я обязана ему многим. Ведь, по сути, он вернул меня к жизни. Вот свое второе рождение я и отпраздную сегодня вечером, не страшась ничего и не заботясь о том, что будет завтра.

* * *

– Вау! – издал восхищенный возглас Флориано, увидев меня в вестибюле, и воззрился в немом восторге. – Настоящая птица феникс, восставшая из пепла.

Я не стала краснеть и отбиваться от его комплиментов, а просто тепло улыбнулась в ответ.

– Еще раз спасибо за платье. Вы оказались правы. Оно мне действительно к лицу.

– Майя, выглядите просто потрясающе, поверьте мне на слово. – Он взял меня за руку, и мы вышли на улицу. – А моя заслуга тут крайне невелика. Я лишь захотел подчеркнуть все то, что вы так упорно скрывали от посторонних глаз. – Остановившись на верхней ступеньке, Флориано еще раз обозрел меня. – Значит, идем танцевать?

– Да.

Мы поймали такси, и Флориано назвал водителю район Лапа, а мне пояснил, что это один из старейших кварталов Рио, где обычно тусуется богемная публика.

– Впрочем, одной здесь появляться небезопасно, имейте это в виду, – предупредил он, когда мы вышли из машины и ступили на мощенную булыжником мостовую. Вдоль проезжей части по обе стороны улицы тянулись старинные кирпичные здания. – Сегодня вечером в роли вашего защитника выступаю я, – продолжил Флориано, а я, уже давно отвыкшая от каблуков, немедленно схватила его за руку, чтобы не споткнуться на неровной мостовой. Шла медленно и все время смотрела себе под ноги. Уличные кафе кишели посетителями, одни потягивали спиртное, другие ужинали, наслаждаясь вечерней прохладой. Но вот мы свернули с основной улицы в какой-то переулок, и Флориано осторожно повел меня по лестнице в полуподвальное помещение.

– Это старейший в Рио клуб самбы. Обычно туристов здесь не бывает. Только коренные уроженцы Рио, которые приходят сюда, чтобы потанцевать под лучшую музыку самбы в городе.

Официантка приветливо улыбнулась Флориано и расцеловала его как старого знакомого в обе щеки. Потом провела нас в отдельную кабинку, обитую кожей, расположенную в самом углу зала. Флориано заказал два пива, а когда официантка протянула ему меню, с ходу объявил, что такое вино пить невозможно.

– Позвольте сегодня за ужин расплатиться мне, – вовремя спохватилась я, вспомнив о своем давнем намерении. Я глянула на танцпол. Оркестр уже был на месте. Музыканты настраивали свои инструменты.

– Благодарю вас, – любезно согласился он с моей инициативой. – Между прочим, если у вас есть что сказать мне, то говорите прямо сейчас. В нашем распоряжении на разговоры осталось не больше часа. А потом здесь такой тарарам воцарится, что не расслышишь и слова.

Мы сделали заказ – фирменные блюда, которые порекомендовал Флориано. Подали пиво, и Флориано весело чокнулся своей бутылкой с моей.

– Майя, проводить время в вашем обществе было для меня одним сплошным удовольствием. Жаль, что завтра я улетаю в Париж и время нашего общения подходит к концу.

– Я тоже хочу поблагодарить вас, Флориано, за все, что вы для меня сделали. Вы и вправду сделали для меня необыкновенно много.

– Значит, вы уже заранее согласны взяться за следующий перевод моей очередной книги? – пошутил он в ответ.

– Я бы восприняла как оскорбление, если бы вы обратились за помощью к другому переводчику. Между прочим, должна вам доложить. – Официантка поставила перед нами тарелки с рагу из фасоли с мясом. – Яра оставила мне сообщение в отеле. Мне его передали, когда я вернулась. Уведомляет меня, что сеньора Беатрис желает встретиться со мной завтра утром. – Я старалась говорить максимально обыденным тоном, не акцентируя важности предстоящей встречи.

– Вот как? – отреагировал Флориано, с аппетитом налегая на рагу. – И что вы думаете по этому поводу?

– Пока ничего. Вы же сами приказали мне сегодня только веселиться, – резонно напомнила я. – Так что я все свои мысли по этому поводу отложила на потом.

– Замечательно. И все же жаль, что я не смогу отправиться на эту встречу вместе с вами. Хотя бы в качестве вашего личного шофера. Мы с вами изрядно поколесили за последние несколько дней. И вы как пассажирка мне очень подходите. Обещайте, что потом расскажете мне все подробности разговора с сеньорой Беатрис.

– Обязательно. Я все подробно опишу в письме по электронной почте.

Внезапно между нами возникла некая неловкая пауза, которую мы заполнили тем, что доели вкуснейшее фасолевое рагу, каждый свою порцию. Флориано заказал еще пива у официантки, которая – сама

предусмотрительность! – ни на шаг не отходила от нашего столика. А я от пива воздержалась и заказала себе бокал того вина, которое, по словам Флориано, «невозможно пить». В глубине зала уже зазвучала томная мелодия, и несколько пар сразу же устремились на паркет. Я сосредоточила свое внимание на том, как они танцуют. Их выверенные движения совпадали, как ни странно, с тем приятным напряжением, которое внезапно возникло между мною и Флориано.

Танцоров на паркете прибывало с каждой минутой.

– Итак, – сказала я, протягивая Флориано руку, – вы беретесь за мое обучение? Научите меня танцевать самбу?

Он молча кивнул в ответ. Не говоря более ни слова, мы оба поднялись из-за стола и смешались с толпой танцующих.

Флориано обнял меня одной рукой за талию, а в другую заключил пальцы моей руки и тихо прошептал на ухо:

– Просто прислушайтесь к себе, Майя, и почувствуйте, как этот ритм пронзает вас насквозь. Больше ничего делать не надо.

Я прислушалась к себе. Мое тело действительно уже начало пульсировать. Бедрa сами собой закачались в такт с движением его бедер, и ноги тоже сами пошли в пляс. Поначалу мои движения были немного скованными, в сравнении с тем, как выплясывал Флориано и другие танцоры вокруг меня. Но вскоре я раскрепостилась и задвигалась свободно и легко в унисон с движениями его тела.

Не знаю, как долго мы танцевали той ночью. Чем больше танцоров присоединялось к исполнению самбы, тем сильнее во мне росло ощущение того, что все мы,двигающиеся в такт музыке на этом танцполе, превращаемся в единое целое, в некий единый живой организм. Сиюминутно возникшая общность людей, которые просто радуются жизни и наслаждаются ею. Наверняка для тех, кто наблюдал за моим исполнением самбы со стороны, особенно для профессионалов, мой танец мог показаться любительским, с массой огрехов и ошибок. Но впервые в жизни мне было глубоко наплевать на то, кто и что думает о том, как я танцую. Флориано вел меня железной рукой, вертел в разные стороны, потом тесно прижимал к себе, а я лишь громко смеялась в ответ, пребывая в эйфории от всего того, что происходило в этот момент.

Наконец, когда мы оба уже изрядно вспотели от танцев, он свел меня с танцпола, схватил с нашего столика бутылку с водой и потащил

на улицу глотнуть немного свежего воздуха. Который, впрочем, тут же отравил, закурив очередную сигарету.

– Видит бог, Майя! Для начинающей вы сегодня были великолепны! Нет слов... Вы – истинная *кариока*.

– Да, сегодня вечером я и сама почувствовала это. А все благодаря вам. – Я протянула пальцы, чтобы взять из его рта сигарету, и сделала глубокую затяжку. Флориано молча наблюдал за моими действиями.

– Вы и представить себе не можете, как прекрасны в эту самую минуту, – тихо пробормотал он. – Гораздо прекраснее своей прабабушки. Вы вся буквально светитесь изнутри.

– Да. И снова благодаря вам, Флориано.

– Поверьте, Майя, я ничего такого не сделал. Просто вы сами захотели снова начать жить.

Внезапно он привлек меня к себе и, не успела я опомниться, стал целовать. И я со всей страстью ответила на его поцелуи.

– Пожалуйста, – прошептал он, когда мы слегка отстранились друг от друга, чтобы вдохнуть немного воздуха, – поедem сегодня ко мне.

* * *

Мы покинули клуб и направились к Флориано. И не успели взобраться по лестнице в его квартирку, как он сорвал с меня платье и овладел мною прямо в узеньком коридорчике под музыку самбы, которая все еще продолжала звучать в моих ушах. Но наконец мы добрались до его кровати и снова занялись любовью, на сей раз медленнее, но все с той же ненасытной страстью.

Потом Флориано откинулся в сторону и, подперев голову рукой, принялся разглядывать меня уже знакомым пристальным взглядом.

– Как же ты переменилась за эти дни, – негромко обронил он. – Когда я увидел тебя впервые, то тут же заметил, как ты красива, впрочем, как и любой другой мужчина на моем месте. Но ты была так замкнута, так напряжена. А посмотреть на тебя сейчас! – Он поцеловал ямочку на моей шее и стал ласкать грудь. – Ты... такая аппетитная. И вот беда! После стольких месяцев воздержания завтра мне надо улетать в Париж. В нашем распоряжении осталось всего

лишь несколько часов, и я хочу провести их рядом с тобой, Майя. Я тебя обожаю. – Он навалился на меня всем телом, давая почувствовать всю силу его плоти, и снова посмотрел на меня с мольбой в глазах. – Поехали со мной в Париж, Майя. Прошу тебя! – почти взмолился он.

– Флориано, сегодняшняя ночь принадлежит нам, – прошептала я в ответ. – Не ты ли сам учил меня, что надо сполна пользоваться каждым мгновением жизни? К тому же ты не хуже меня понимаешь, я не могу.

– Хорошо! Согласен! Не завтра! Но потом, когда ты поговоришь с сеньорой Беатрис, садись на самолет и присоединяйся ко мне. Как замечательно мы бы провели там вместе несколько дней. Сполна бы воспользовались всеми теми мгновениями, которыми одарила нас жизнь, – стал уговаривать он меня с новой силой.

Я ничего не ответила. Мне даже думать в эту минуту не хотелось о том, что будет завтра. Наконец Флориано уснул рядом со мной. Я смотрела на него, купающегося в лунном свете, который широкими потоками лился в окно. Потом нежно прошлась пальцами по его щеке.

– Спасибо тебе, – прошептала я. – Спасибо.

К превеликому моему изумлению, несмотря на то что последние четырнадцать лет я ни с кем не делила свою кровать, спала я в эту ночь как убитая. Даже не пошевелилась, пока кто-то осторожно не тронул меня за плечо. Открыла глаза и увидела перед собой Флориано. Он уже стоял одетый.

– Я принес тебе кофе. – Он жестом показал на кружку, которую пристроил на прикроватной тумбочке рядом со мной.

– Спасибо, – отозвалась я сонным голосом. – А который сейчас час?

– Половина девятого, Майя. И мне пора в аэропорт. Через три часа мой рейс на Париж.

– А мне надо бежать в гостиницу, успеть переодеться. – Я кубарем скатилась с кровати. – Ровно в десять мне уже нужно быть в монастыре.

Флориано положил руку мне на плечо, приостановив на мгновенье.

– Послушай, Майя, я понятия не имею, каковы твои дальнейшие планы после встречи с сеньорой Беатрис, но хочу повторить еще раз все то, что говорил минувшей ночью. Прилетай в Париж, дорогая. Я буду счастлив. Обещаешь подумать над моим предложением?

– Да, обещаю, – клятвенно заверила я его.

– Хорошо. – Флориано слегка почесал переносицу. По его устам скользнула задумчивая улыбка. – Не хочу никаких преувеличений и ложных ассоциаций, но у меня такое чувство, что тени Изабеллы и Лорена сейчас незримо витают рядом с нами, словно участвуют в нашем с тобой разговоре. Остается лишь надеяться, что у нашего романа будет более счастливая развязка. – Он протянул руку к моему лицу и бережно отбросил со лба прядь волос, а потом наклонился и нежно поцеловал в это место. – *До скорого*, – проговорил он на французском. – Удачного тебе дня. А сейчас мне действительно пора.

– И тебе счастливого пути, – ответила я, наблюдая за тем, как он направляется к входным дверям.

– Спасибо. Когда будешь уходить, просто захлопни за собой дверь. Петра вернется через пару дней. До свидания, дорогая.

Несколько секунд спустя хлопнула входная дверь. Я тоже быстро оделась и почти бегом устремилась по улицам Ипанемы к себе в гостиницу. С высоко поднятой головой подошла к стойке администратора и затребовала ключ от своего номера, проигнорировав удивленное выражение на лице администраторши, которая, окинув меня взглядом, сразу же отметила мой расхристанный вид. Ну и плевать! Я попросила ее предупредить Педро, чтобы тот был наготове и через двадцать минут отвез меня в монастырь.

Оказавшись у себя в номере, я на скорую руку ополоснулась под душем, хотя какая-то часть моего «я» отчаянно сопротивлялась тому, чтобы окончательно уничтожить запах Флориано на своем теле. Потом торопливо напялила на себя одежды, более приличествующие случаю, и уже через пятнадцать минут снова спустилась вниз. Увидела через окно вестибюля, что Педро уже ждет меня. Я заторопилась к машине. Педро встретил меня улыбкой.

– Как поживаете, сеньорита Деплеси? Не видел вас несколько дней. Мы сейчас в монастырскую больницу, да?

– Да, – подтвердила я правильность маршрута. Машина тронулась с места, а я впервые наконец сосредоточилась на предстоящей встрече, приводя в порядок свои хаотичные мысли.

Яра, заметно нервничая, уже поджидала нас снаружи. Но вот машина остановилась. Я вышла из нее.

– Доброе утро, сеньорита Майя. Спасибо, что приехали.

– Спасибо вам, что устроили мне эту встречу.

– Если честно, моей заслуги в том нет. Сеньора Беатрис сама, безо всяких подсказок с моей стороны, попросила связаться с вами. Она прекрасно понимает, что время ее уже на исходе. Вы готовы? – Я заметила сочувствие в глазах Яры.

Я кивнула, и она повела меня широкими полутемными коридорами в то крыло здания, где располагалась больница. Широко распахнула двойные двери, и мы переступили порог. В нос ударила смесь дезинфицирующих средств с каким-то еще непонятным, но устойчивым запахом, который присутствует во всех лечебных учреждениях.

– Сеньора Беатрис находится здесь. – Яра указала на дверь в конце коридора. – Пойду, взгляну, готова ли она к встрече.

Я присела на скамью, стоящую у стены. Что бы ни собиралась сейчас сообщить мне сеньора Беатрис, думала я, это меня не сильно заденет. И уж точно не сломит. Прошрое есть прошрое, а я со вчерашнего дня начала наконец задумываться и о собственном будущем.

Но вот отворилась дверь, ведущая в комнату Беатрис, и Яра жестом пригласила меня войти.

– Сеньора Беатрис очень возбуждена сегодня. Она попросила сестру не давать ей обезболивающих, пока она не поговорит с вами. Хочет, чтобы ум ее оставался ясным. В вашем распоряжении где-то час, потом боль может стать слишком нестерпимой.

Яра ввела меня в комнату, большую, светлую, наполненную чистым воздухом, с красивым видом на горы и на море. Кровать Беатрис была типичной койкой больничного образца. А вот все остальное убранство комнаты напоминало обычную спальню.

– Доброе утро, Майя.

Сеньора Беатрис сидела в кресле возле окна. Она приветствовала меня с неожиданной теплотой.

– Спасибо, что пришли. Пожалуйста, присаживайтесь. – Она знаком указала мне на деревянный стул напротив кресла. – Яра, оставь нас пока одних.

– Слушаюсь, сеньора. Если вам что-нибудь вдруг понадобится, нажмите на кнопку. – Яра вышла из комнаты.

Пока хозяйка и служанка обменивались короткими репликами, у меня появилась возможность разглядеть свою собеседницу получше. После всего того, что Яра рассказала мне о сеньоре Беатрис, я вдруг увидела ее в совершенно новом свете. Конечно, чисто внешне она мало походила на Изабеллу, свою мать. Более светлые, европейские черты лица, вне всякого сомнения, делали ее похожей на отца. Впервые я обратила внимание и на ее зеленые глаза, по-прежнему живые и кажущиеся такими огромными на изможденном, исхудалом лице.

– Во-первых, Майя, хочу попросить у вас прощения. Увидев вас впервые, похожую как две капли воды на мою мать, я испытала самый настоящий шок. Конечно, эта цепочка с кулоном, которая была у вас тогда на шее... Я, как и Яра, сразу же узнала ее. Это украшение мне

оставила моя мать, а я, в свою очередь, подарила его дочери на восемнадцатилетие. – Внезапно глаза старой женщины затуманились, то ли от приступа боли, то ли от переизбытка чувств. Трудно было определить на глаз. – Прости меня, Майя, но мне потребовалось некоторое время, чтобы решить, как наилучшим образом отреагировать на твое неожиданное появление, так близко совпавшее по времени с моим... уходом.

– Сеньора Беатрис, я снова повторяю, я разыскивала вас не ради денег, или наследства, или...

Трясущейся рукой Беатрис велела мне замолчать.

– Во-первых, называй меня просто Беатрис. К сожалению, переходить на «бабушку» уже немного поздно. Как думаешь? А во-вторых, несмотря на то что я продолжаю считать, что твой приезд сюда едва ли может быть обычным совпадением, меня все это совершенно не волнует. Сама знаешь, в наше время, в случае необходимости, можно провести кучу тестов, чтобы доказать свое родство с кем-то. Наша же с тобой родственная связь прослеживается в каждой черте твоего лица. Нет! – Она вздохнула. – Сомнения у меня вызвало другое.

– Что именно?

– Майя, каждый ребенок, которого усыновили или который слишком рано потерял своего отца или мать, может потом, с годами, с легкостью возвести своего родителя на этакий пьедестал божества. Помню, именно так и случилось с моим отношением к матери. В моем воображении Изабелла превратилась почти в Мадонну, такую совершенную женщину без единого изъяна. Хотя уверена, в реальной жизни, у нее были свои недостатки, как и у каждого из нас.

– Наверное, вы правы, – согласилась я с Беатрис.

Какое-то время старуха молчала, внимательно изучая мое лицо.

– И вот когда я увидела, с каким совершенно непонятным мне упорством ты пытаешься узнать информацию уже о *своей матери*, а заодно и те причины, по которым она отдала дочь в чужие руки, то поняла, что если соглашусь ответить на твои вопросы, то не смогу лгать. А если расскажу тебе правду, то, как ни печально, разрушу тот благостный образ, который ты, скорее всего, уже успела сотворить в своем воображении.

– Да, дилемма не простая. Я только-только начинаю понимать ее, – откликнулась я, желая как-то подбодрить Беатрис. – Но, наверное, вам будет интересно узнать, что вплоть до самой смерти моего приемного отца я редко задумывалась над тем, кем была моя настоящая мать. У меня было очень счастливое детство. Я обожала своего отца, обожала Марину, ту женщину, которая занималась нашим с сестрами воспитанием. Она была мне как мать. Трудно представить себе более заботливую и любящую женщину. Такой она остается и сегодня, – поспешила уточнить я.

– Что ж, это несколько упрощает мою задачу, – согласилась со мной Беатрис. – Потому что, боюсь, вся история, приведшая к тому, что тебя удочерил посторонний человек, очень неприглядная. Для любой матери ужасно признаться самой себе, что ей с большим трудом удастся полюбить собственное дитя. Увы-увы! Но именно таким было мое отношение к Кристине, твоей матери. Прости, Майя. Меньше всего на свете я хочу доставить тебе еще какие-то дополнительные страдания и печали. Их и так в последнее время было у тебя с лихвой. Но ты производишь впечатление умной молодой женщины, а потому с моей стороны было бы недостойно лгать тебе или отмахиваться от твоих вопросов какими-то банальностями. Ты бы сразу же разобралась, что к чему, уверена в этом. Но ты должна помнить и другое. Как родители не выбирают себе детей, так и дети не могут выбрать родителей.

Я отлично поняла, что именно хотела донести до меня Беатрис. Какое-то время я колебалась в нерешительности. Что лучше? Быть может, действительно лучше остаться в неведении и ничего не знать. Но, с другой стороны, я проделала такой долгий путь сюда... И потом, ради *блага* самой Беатрис, надо дать ей шанс выговориться и все объяснить. Я сделала глубокий вдох и тихо сказала:

– Так расскажите мне о Кристине.

По выражению моего лица Беатрис поняла, что я сделала свой выбор.

– Хорошо, пусть будет так. Яра сказала, что она уже успела кое-что рассказать тебе о моей жизни. Мой муж... твой дедушка... мы с ним были очень счастливой парой. Ну а вишенкой на торте стала для нас новость о том, что я беременна. Наш первый ребенок, мальчик, умер спустя несколько недель после рождения. А потому, когда через

несколько лет я родила Кристину, то счастью моему не было предела. Она стала для нас с мужем настоящим сокровищем.

Я снова сделала глубокий вдох. Мысли сами собой переключались уже на моего сына, которого я тоже потеряла.

– После всех тех сложностей, которыми наполнилось мое собственное детство, – продолжила Беатрис, – я твердо вознамерилась сделать все от меня зависящее, чтобы моя дочь росла в атмосфере родительской любви и внимания. Но если откровенно, Майя, то Кристина была сложным ребенком, причем с первых же минут своего появления на свет. Ночами она почти не спала, а когда немного подросла, то стала постоянно закатывать нам скандалы. Эти вспышки раздражения могли длиться часами, и ее никак нельзя было унять. Когда она пошла в школу, то забот только прибавилось. Учителя постоянно присылали нам с мужем письма, в которых уведомляли о том, что наша дочь обижает других девочек, шпыняет их, доводит до слез. Страшно признать такое, – голос Беатрис дрогнул, видно, от тех давних болезненных воспоминаний, – но Кристине, судя по всему, было неведомо чувство жалости и сострадания. Она делала людям больно и ни капельки не раскаивалась в содеянном. – Беатрис подняла на меня глаза, полные смятения. – Майя, дорогая, скажи мне, может, ты уже хочешь закончить этот неприятный разговор?

– Нет, продолжайте, – ответила я, пребывая в некотором оцепенении от услышанного.

– А потом начался подростковый возраст. Это были самые трудные годы. Мы с мужем уже отчаялись увидеть, чтобы наша дочь стала наконец относиться с должным уважением к старшим, не важно, кто перед нею, ее родители или те люди, с которыми ей приходилось иметь дело. Но главная трагедия заключалась в том, что при всех своих изъянах она была очень незаурядной, способной девочкой, о чем твердили в один голос все ее учителя. Ее IQ был гораздо выше среднего еще в начальных классах школы. За последние несколько лет медицина серьезно продвинулась в том, что связано со всякими умственными и душевными отклонениями. Врачи и психиатры стали более тщательно анализировать все симптомы. Я и сама читала множество статей, в которых описывается синдром Аспергера. Слышала о таком?

– Да, слышала.

– Так вот, люди, страдающие этим синдромом, почти всегда имеют высокий интеллект, но у них возникают серьезные проблемы в том, что касается социального взаимодействия с другими людьми. Они не испытывают к людям ни жалости, ни сочувствия. И это еще самое лучшее из того, что я могу сказать про твою мать. Впрочем, мать Яры, Лоен, всегда говорила мне, что Кристина напоминает ей мою бабушку Луизу, которую я совсем не помню. Она умерла, когда мне не было еще и двух лет, почти одновременно с мамой.

– Да, Яра рассказывала мне.

– Трудно сказать, в чем причина. Генетического ли она свойства, есть ли тут элемент наследственности или это просто синдром... Или и то, и другое вместе взятое. Но как бы то ни было, а Кристина стала неуправляемой, с ней невозможно было сладить, найти общий язык. Никто из специалистов, к которым мы обращались, не мог посоветовать нам ничего дельного. – Беатрис сокрушенно покачала головой. – Когда дочери исполнилось шестнадцать лет, она стала постоянно отлучаться из дома, коротала время во всяких убогих забегаловках и барах, связалась с дурной компанией. А в Рио, как ты понимаешь, это крайне опасно, тем более полвека тому назад. Несколько раз домой ее доставляла полиция, пьяную и в самом непотребном виде. Ей даже угрожали судебным преследованием за распитие спиртного в несовершеннолетнем возрасте. Угрозы полиции возымели свое действие, и на какое-то время она немного успокоилась. Но потом нам сообщили, что Кристина перестала посещать школу. А вместо школы встречается со своими приятелями и подружками, многие из которых жили в фавеле. Вот и она торчала там вместе с ними целыми днями.

Беатрис замолчала на какое-то время, уставившись в окно на горы, возвышающиеся на горизонте. Потом снова повернулась ко мне:

– В конце концов из школы ее исключили. У них просто не было иного выхода. Ее поймали с бутылкой рома, которым она щедро угощала других девочек. И те все явились на занятия в пьяном виде. Какое-то время мы с мужем нанимали ей репетиторов, чтобы она, по крайней мере, хотя бы сдала выпускные экзамены. Да и присматривать за ней дома было проще. Порой мы даже были вынуждены запирать дочь на ключ, чтобы она не убежала на ночь глядя к своим друзьям. Можешь себе представить, сколь велика была ее ярость в этих случаях

и какие скандалы она нам тут закатывала. К несчастью, ей всегда удавалось каким-то образом улизнуть из дома. Короче говоря, мы полностью утратили над ней контроль. Дорогая, подай мне воды, если можно. От столь долгого разговора у меня пересохло во рту.

– Сейчас, – метнулся я к тумбочке, взяла стакан с водой и соломинку и подала ей. Я заметила, как сильно дрожат у нее руки, она с трудом ухватила за стакан. Тогда я поднесла соломинку к ее рту и держала так, пока она пила воду.

– Спасибо, – поблагодарила она меня и снова бросила на меня вопросительный взгляд. Ее зеленые глаза были полны скорби. – Уверена, что хочешь слушать и дальше, Майя?

– Да, – коротко ответила я, забирая у нее кружку. Потом я снова уселась на свой стул.

– Что ж, слушай. В один прекрасный день я обнаружила, что драгоценности моей матери, изумрудные серьги и кольцо, которые родители подарили ей на восемнадцатилетие и которые стоили целое состояние, исчезли из шкатулки, где я хранила свои украшения. Поскольку больше в доме ничего не пропало, то едва ли можно было говорить о том, что на вилле побывали грабители. К тому времени Кристина уже днями пропадала в фавеле. Мы с мужем решили, что наверняка в этом деле замешан какой-то мужчина. К тому же я все чаще стала замечать, каким остекленевшим бывает ее взгляд и зрачки расширены... Я проконсультировалась с одним знакомым врачом, и тот заявил, что, скорее всего, Кристина уже подсела на какие-то наркотики. – При этих словах тщедушное тело Беатрис содрогнулось. – А когда он сказал мне, сколько стоят все эти снадобья, то стало понятным, куда и почему исчезли изумруды. Кристина попросту украли их, а потом продала, чтобы купить себе новые порции дурмана. К этому моменту мы с ее отцом были практически на грани развода. Эвандро уже устал бороться. Надо было предпринимать что-то кардинальное. Пару месяцев назад Кристине исполнилось восемнадцать. Помню так ясно и отчетливо, словно это было вчера. Я подарила ей мамину цепочку и кулон из лунного камня. И помню, какое разочарование мгновенно разлилось по лицу дочери. Потому что она сразу поняла, что цена этому украшению невелика. И это стало самым ужасным, – впервые на протяжении всего монолога на глазах Беатрис выступили слезы, – из того, что она сделала. Ведь речь шла о

самом дорогом моему сердцу украшении. Когда-то мой отец подарил его моей матери, а после ее смерти передал лунный камень мне. И вот я, в свою очередь, преподнесла его в качестве подарка уже своей дочери, которая тут же стала прикидывать, на сколько реалов потянет эта вещица в какой-нибудь второсортной скупке ювелирных изделий и хватит ли вырученных средств на новую порцию наркотиков. Прости меня, Майя. Прости, дорогая. – Беатрис стала лихорадочно шарить рукой в кармане своего халата в поисках носового платка.

– Пожалуйста, не надо извиняться, – попыталась я успокоить ее, стараясь говорить ласково. – Понимаю, как тяжело делиться подобными вещами. Но постарайтесь помнить, вы рассказываете о совершенно незнакомом мне человеке. Я не знаю, какой была эта женщина, хорошей или плохой. У меня нет к ней никаких чувств и уж тем более нет любви, потому что я ее никогда не знала.

– Тогда продолжаю. Посоветовавшись с мужем, мы решили, что единственный выход противостоять Кристине – это открыто предупредить ее о том, что, если она не перестанет воровать вещи из дома и употреблять наркотики, мы будем вынуждены выставить ее вон, потребуем, чтобы она покинула виллу. Но если она одумается и станет вести нормальный образ жизни, тогда мы приложим все усилия, чтобы помочь ей, и, если надо, поддержим материально. Но к тому времени она уже была завзятым наркоманом. Да и жизнь ее протекала совсем в другом месте, в фавеле, среди тамошних ее друзей и приятелей. Одним словом, мы упаковали ее чемодан и попросили покинуть дом.

– Беатрис, я вам глубоко сочувствую. Представляю, как вам было тогда невыносимо тяжело. – Я слегка придвинулась к ней и осторожно пожала ее руку, пытаюсь утешить.

– Да, было тяжело, – со вздохом согласилась Беатрис. – Но мы еще раз подчеркнули на прощание, что, если она одумается, завяжет с наркотиками и захочет вернуться к нам, мы встретим ее с распростертыми объятиями. Помню, как она спускалась по лестнице с чемоданом в руках, а я стояла у входной двери. Она прошла мимо, даже не глянув в мою сторону. А потом отвернулась на какую-то долю секунды и посмотрела на меня с такой ненавистью и злобой... Этот ее взгляд преследует меня до сих пор. – Слезы текли по щекам Беатрис, и

она больше не скрывала их. – Пожалуй, все. С того самого раза я дочери больше не видела.

Какое-то время мы сидели молча, каждая погруженная в свои мысли. Хотя я и заверяла Беатрис, что не стану расстраиваться из-за того, что она сообщит о моей матери, но история, которую она только что поведала, оказалась слишком тяжелой. Ведь как ни верти, а в моих венах течет кровь Кристины. А что, если ее пороки передались по наследству и мне?

– Майя, знаю, о чем ты сейчас думаешь, – внезапно снова заговорила Беатрис. Она вытерла слезы с глаз и окинула меня взглядом. – Позволь заверить тебя, что из того, что я успела заметить, общаясь с тобой, да и по рассказам Яры, в тебе нет ни йоты того, что напомнило бы мне мою дочь. Говорят, гены имеют обыкновение перепрыгивать через поколение или через два. Вот и ты... живой образ Изабеллы, моей матери. А из того, что мне рассказывали о ней, вижу, и по характеру вы очень схожи.

Я понимала, что Беатрис, по мере сил, старается быть доброй по отношению ко мне. Но с другой стороны, я же с самого начала, с того момента, как услышала о своей прабабушке, увидела, как мы с ней похожи чисто внешне, *испытывала* какую-то непреодолимую тягу и симпатию к этой женщине. Впрочем, это никак не влияет на все остальное. Моя родная мать оказалась такой, какой оказалась.

– Но если вы больше никогда не видели Кристину, то как узнали, что у нее появилась я? – ухватилась я за последнюю соломинку в надежде пролить свет на дальнейшую судьбу матери. И на свою тоже. А вдруг произошла какая-то ошибка, и я не имею никакого отношения к этой семье? И моя мать – совсем другая женщина.

– Я бы и не узнала, дорогая Майя, если бы не одна моя приятельница. Она трудилась волонтером в одном из сиротских приютов, которых в те годы в Рио было великое множество. Огромное число младенцев привозили из фавел. И вот так получилось, что моя подруга оказалась в приюте в тот самый день, когда туда заявила Кристина. Она не назвалась. Просто бросила ребенка и убежала. Так многие мамы поступали. Моя приятельница не сразу узнала Кристину. Ей потребовалось пару дней, чтобы понять, что та беззубая, болезненно худая женщина, принесшая ребенка, была Кристина. – Голос Беатрис снова предательски дрогнул от охватившего ее

волнения. – Но, как только подруга все поняла, она тут же примчалась ко мне. Она сказала, что младенца-девочку оставили с кулоном из лунного камня на шее. Она подробно описала украшение, и я поняла, что это именно тот самый кулон, что я подарила дочери. Вместе с Эвандро мы немедленно отправились в приют, чтобы забрать тебя на правах родственников. Это случилось где-то через неделю после того, как тебя туда привезли. Но когда мы приехали, оказалось, что тебя уже забрали. Помнится, подруга тогда очень удивлялась, потому что, по ее словам, в приюте было полно других младенцев. Ведь иногда проходит несколько недель, прежде чем находится приемная семья для ребенка. А некоторые детки так и вырастают круглыми сиротами. Но с тобой, как видишь, все случилось очень быстро. Наверное, потому что ты была очень красивым ребеночком, – с улыбкой добавила Беатрис.

– Значит ли это, – начала я дрожащим голосом, понимая, что мне обязательно нужно задать вопрос, который уже давно вертелся на кончике моего языка, – что ваша подруга видела моего приемного отца?

– Видела, – подтвердила Беатрис. – И ту женщину, которая приехала вместе с ним забирать тебя. По ее словам, они оба показались ей очень добрыми и сердечными людьми. Мы с Эвандро буквально умоляли ее сказать нам, куда тебя забрали. Но она ведь была всего лишь волонтером и не владела такой конфиденциальной информацией.

– Понятно.

– Но есть одна вещь, которую она нам *отдала*. Посмотри в том ящике, Майя. – Беатрис показала рукой, где именно надо смотреть. – Там лежит конверт. Дело в том, что в приюте фотографируют всех поступающих к ним младенцев, а потом эти фотографии подшивают в их личные дела. Но, поскольку тебя забрали и твое личное дело подлежало уничтожению, подруга попросила директора приюта разрешить ей забрать фотографию и отдать нам на память. Взгляни на себя малышкой.

Я извлекла из ящика конверт и достала из него фотографию. Размытое черно-белое изображение младенца с копной темных густых волос на головке и с огромными испуганными глазами. Дома в Атлантисе у нас куча фотографий, на которых я запечатлена младенцем, безмятежно покоящимся на руках Марины. Или когда меня

убаюкивает Па Солт. А потому стоило мне лишь мельком взглянуть на снимок, и я тут же определила, что это моя фотография.

– Так вы никогда и не узнали, кто удочерил меня?

– Увы, нет. Хотя можешь поверить мне на слово, мы бросили все силы на твои поиски. Мы объяснили директору, что являемся твоими родными бабушкой и дедушкой, что намереваемся забрать тебя в семью и воспитывать как свою родную дочь. Тогда она спросила, имеются ли у нас какие-либо вещественные доказательства того, что девочка приходится нам внучкой. К сожалению, таких доказательств у нас не было. – Беатрис тяжело вздохнула. – Родная мать девочки отказалась назвать свое имя. И даже когда я показала директрисе фотографию, на которой я запечатлена с этим лунным камнем на шее, она сказала, что в глазах закона кулон едва ли сочтут весомым доказательством. Тогда я стала просить ее, даже *умолять*, дать мне координаты семьи, которая забрала тебя, чтобы связаться с ними напрямую. Но она отказалась наотрез. Сказала, что в прошлом было несколько случаев, когда родные семьи отыскивали приемных родителей, но ничем хорошим такие контакты, как правило, не заканчивались. И сейчас политика властей в этом вопросе тверда и однозначна: никаких контактов. Вот так, моя дорогая, – последовал еще один вздох. – Несмотря на все наши усилия, нам так и не удалось найти тебя.

– Спасибо за то, что, хотя бы попытались, – прошептала я в ответ.

– Поверь мне, Майя, что если бы твой приемный отец не появился в приюте так скоро, наши жизни, и твоя, и моя, сложились бы совсем иначе.

Я сунула фотографию обратно в конверт, чтобы сконцентрировать свое внимание хоть на чем-то. Потом поднялась со своего места, чтобы положить конверт в ящик, и уже даже сделала шаг в ту сторону, но была остановлена.

– Нет, дорогая, оставь эту фотографию себе. Мне она более не нужна. Ведь сейчас передо мной стоит настоящая, живая, взрослая внучка.

Лицо Беатрис исказила гримаса боли, и я поняла, что пора заканчивать разговор.

– Так вы и не узнали, кто был моим настоящим отцом? – задала я свой предпоследний вопрос.

– Нет.

– А Кристина? Что стало с ней?

– Увы, не знаю. С тех самых пор, как мы выставили ее из дома, я ее больше не видела. Даже не знаю, жива она еще или ее уже нет в живых. После того как она сдала тебя в приют, она буквально растворилась в воздухе. Ну, в те дни множество людей в Рио пропадали бесследно. – Беатрис вздохнула. – Если захочешь продолжить свои поиски и дальше, может, тебе повезет. В наши дни, насколько мне известно, официальные представители власти более охотно идут на контакт с теми, кто ищет своих давно потерянных родителей. Но материнский инстинкт почему-то упорно подсказывает мне, что Кристины больше нет в живых. Те, кто вознамерился целенаправленно разрушить себя, обычно добиваются поставленной цели и уходят из жизни молодыми. Но все равно, у меня сердце разрывается от боли, когда я думаю о ней.

– И вас можно понять, – ответила я тихо. Мне ведь и самой хорошо знакома боль утраты собственного ребенка. – И все же, какое счастье, Беатрис, что, покидая родной дом, она взяла с собой эту цепочку с лунным камнем. А потом надела ее на шею мне. Должно быть, ей была очень важна эта вещь, как напоминание и о вас, и обо всем том, что было раньше. Вполне возможно, это косвенное подтверждение того, что Кристина продолжала любить вас, несмотря ни на что.

– Возможно, – слегка кивнула головой Беатрис, и легкая улыбка тронула ее губы. – А сейчас, дорогая Майя, прошу тебя, вызови ко мне медсестру. Боюсь, терпение мое уже на исходе. Нужно срочно принять эти гадкие пилюли, которые полностью вышибают меня из седла. Но зато хоть боль делается терпимее.

– Сию минуту. – Я нажала на кнопку вызова.

Беатрис протянула мне свою ослабевшую руку.

– Майя, дай мне слово, что история, которую я тебе рассказала, никак не скажется на твоём будущем. Пусть твои родители, и отец, и мать, оказались не такими, какими должны были быть. Но ты должна знать, что мы с твоей дедушкой постоянно думали о тебе и любили тебя. И то, что ты снова возникла в моей жизни, стало для меня большим облегчением. Ибо теперь я могу уйти в мир иной со спокойной душой.

Я подошла и обняла ее. Впервые в жизни я обнимала свою родную плоть и кровь. Оставалось лишь молиться о том, чтобы мы провели еще хоть чуточку времени вместе.

– Спасибо, что приняли меня. Пусть я не нашла свою мать, зато сейчас у меня есть вы. И мне этого достаточно, – взволнованно сказала я.

В комнату вошла медсестра.

– Майя, ты завтра еще будешь в Рио? – неожиданно спросила у меня Беатрис.

– Скорее всего, да.

– Тогда приезжай ко мне еще и завтра. Сегодня мы с тобой говорили главным образом о плохом. Но, если у тебя отыщется пара часов свободного времени, давай используем их на то, чтобы лучше познакомиться друг с другом. Ты и представить себе не можешь, как мне хочется познакомиться с тобой поближе.

Я увидела, как Беатрис послушно открыла рот и проглотила таблетки, которые дала ей сестра.

– Хорошо, я приеду завтра в это же время, – пообещала я.

Беатрис сделала слабый взмах рукой, прощаясь со мной, и я вышла из комнаты.

Вернувшись к себе в отель, я улеглась на кровать, свернувшись калачиком и тут же уснула. Когда я проснулась, то первая мысль моя была о Беатрис. Я лежала на постели, вспоминала все то, что она рассказывала мне, пытаюсь прочувствовать и понять собственную эмоциональную реакцию на новые сведения. К своему удивлению, я обнаружила, что вся эта, в общем-то, страшная, по обычным человеческим меркам, история, рассказанная бабушкой, почти совсем не тронула меня, не вызвав никакой сердечной боли.

Потом я стала думать о тех ребятах, которых видела вчера в фавеле. Их самозабвенный танец потряс меня. Они действительно танцевали, чтобы жить. Наверное, столь острая моя реакция на увиденное и есть следствие каких-то глубинных связей, которые существуют между мной и этими детьми. Но вчера я не увидела эти связи и даже не подозревала об их существовании. Зато сегодня я была почти уверена в том, что тоже появилась на свет в фавеле. Поступок моей матери, какими бы мотивами она ни руководствовалась, отдавая меня в приют, так или иначе, спас мне жизнь, уберег от весьма неопределенного будущего. И потом, кем бы ни были мои родные отец и мать, благодаря своим поискам я обрела родную бабушку, которой, судя по всему, я совсем не безразлична.

Потом я стала размышлять о том, стоит ли мне продолжать поиски матери. И решила, что не стану этого делать. Из того, что рассказывала мне Беатрис, сам собой напрашивался вывод: я в ее жизни стала таким побочным биологическим продуктом, то есть с самого начала была нежеланным и ненужным ребенком. Хотя подобные мысли неизбежно заставляли вспомнить, что и сама я поступила точно так же, но уже по отношению к *своему собственному* ребенку. Так имею ли я право осуждать свою мать? Обвинять ее в том, что она никогда не любила меня, не зная всех тогдашних ее жизненных обстоятельств?

Однако после всего, что я пережила за сегодняшний день, я наконец в полной мере осознала, что именно так страстно хотела сделать для своего сына. Оставить ему что-то такое, что бы объяснило

ему причины того, почему я поступила так, а не иначе. Но, к сожалению, в его случае нет ни цепочки с лунным камнем, ни бабушки с дедушкой, которые бы озаботились его поисками. Никаких зацепок, которые могли бы пролить свет на то, кто он такой и откуда родом. К тому же, как правильно заметил Флориано, велика вероятность того, что приемные родители не стали посвящать мальчика в историю его рождения. А вдруг рассказали? А вдруг когда-нибудь в будущем он тоже захочет заняться поисками настоящих родителей? Надо же дать ему какой-то след, хотя бы указать направление поисков.

Как это сделал Па Солт для всех своих шести дочерей.

Сейчас я поняла, почему координаты, указанные отцом, привели меня не в сиротский приют, а на виллу Каса дас Оркуидеас. Хотя я родилась в другом месте, не на вилле, он понимал, что этот след выведет меня на Беатрис, что я познакомлюсь со своей родной бабушкой, единственным человеком, родным мне по крови, который в свое время озаботился моими поисками.

Да, но что делал Па Солт в Рио в то самое время, когда я появилась на свет? И *почему* из всех младенцев, имевшихся на тот момент в приюте, он выбрал именно меня? Беатрис ни словом не обмолвилась о мыльном камешке. Значит, когда Кристина отдавала меня в приют, его при мне не было. Тогда как, каким образом этот камень попал к отцу?

Вот еще одна головоломка, которую, судя по всему, мне никогда не разрешить. А может, хватит этих «почему» и «как»? Пора перестать изводить себя вопросами и принять как данность то, что у меня есть. Ведь мне несказанно повезло: иметь такого любящего отца и такого мудрого наставника, человека, который всегда был рядом. Пора наконец начать доверять людям и видеть все то хорошее, что есть в другом человеке. Последнее соображение сразу же заставило меня вспомнить о Флориано.

Я машинально глянула в окно, потом перевела взгляд на небо. В этот момент он уже наверняка летит где-нибудь над Атлантикой. Как странно, размышляла я, целых четырнадцать лет я просуществовала словно в вакууме. Никаких желаний, никаких эмоций. А тут сразу свалилось все, и всего так много. Мои чувства к Флориано возникли спонтанно и даже неожиданно. Так бывает, когда упругий бутон розы вдруг за одну ночь превращается в роскошный благоухающий цветок.

Сегодня чувства к Флориано переполняют меня и одновременно кажутся мне такими естественными, как нечто само собой разумеющееся.

Едва проводив Флориано, я уже скучаю без него, и вовсе не потому, что снедаема какой-то временной страстью. Отнюдь. Мое чувство к нему не страстное увлечение, а спокойное признание того, что отныне Флориано стал частью меня и моей жизни. В глубине души я догадывалась, что и он воспринимает меня как часть себя. Между нами возникло действительно что-то очень серьезное, не похожее на минутное помутнение разума. Впрочем, чувства все равно нужно подпитывать, чтобы они не увяли и постепенно не сошли на нет.

Я схватила свой ноутбук, открыла его и тут же настроила пространное письмо Флориано. В сжатой форме изложила все, что рассказала мне Беатрис. Сообщила, что завтра я снова собираюсь наведаться в монастырь, чтобы встретиться с ней еще раз.

Обычно у меня всегда возникают проблемы с заключительными строками письма, но тут я не стала предаваться излишним размышлениям, а написала то, что подсказывало мне сердце, после чего сразу же нажала на клавишу отправки корреспонденции, даже не перечитав письмо. После чего вышла из номера, спустилась вниз и направилась на пляж, чтобы окунуться в бодрящие волны океана, набегающие на прибрежную полосу Ипанемы.

* * *

На следующее утро Яра снова встретила меня у входа в монастырь, как и вчера. Она приветствовала меня жизнерадостной улыбкой и даже стеснительно протянула руку для рукопожатия.

– Большое вам спасибо, сеньорита.

– За что? – поинтересовалась я.

– За то, что вернули свет в глаза сеньоры Беатрис. Пусть и на очень короткое время. А как вы? С вами все в порядке после того, что она вам рассказала?

– Если честно, Яра, то я не ожидала услышать такое. Но я как-то справляюсь.

– Да, она не заслужила иметь такую дочь. Да и вы не заслужили иметь такую мать, – тихо пробормотала Яра.

– Так часто бывает в жизни. Мы не всегда получаем то, чего заслуживаем. Но будем надеяться, что будущее окажется ко всем нам более приветливым, – негромко откликнулась я, скорее размышляя вслух, чем отвечая на реплику Яры, пока она вела меня уже знакомым коридором к комнате Беатрис.

– Сеньора Беатрис лежит, но все равно настаивает на встрече с вами. Так мы идем? – спросила у меня Яра уже у самых дверей.

– Да.

Сегодня мы с Ярой впервые вошли в комнату вместе. Яре уже не нужно было подготавливать свою хозяйку ко встрече со мной. Беатрис лежала на постели, вид у нее был очень слабый, но все равно, увидев меня, она заулыбалась.

– Майя! – Она велела Яре поставить стул возле кровати. – Проходи же, садись. Как самочувствие, милая? Я вчера за тебя волновалась. Ведь мой рассказ стал для тебя самым настоящим шоком.

– Все в порядке, Беатрис. В полном порядке, честное слово, – ответила я, присаживаясь на стул. После чего осторожно погладила ее руку.

– Я рада. Ты – сильный человек, и я восхищаюсь тобой. А сейчас хватит о прошлом. Давай лучше поговорим о тебе. Расскажи мне о своей жизни, Майя. Где ты живешь? Ты замужем? Дети есть? Кто ты по профессии?

Следующие полчаса я подробно живописала бабушке всю свою жизнь. Все, что смогла вспомнить. Рассказала ей об отце, о своих сестрах. Описала наш красивый дом на берегу Женевского озера. Потом стала рассказывать о своей переводческой работе. И уже почти приготовилась исповедаться перед ней и о романе с Зедом, и о своей беременности, и о том, что после родов я тоже отказалась от своего ребенка и его усыновили другие люди. Но инстинктивно почувствовала, что бабушке важно лишь то, что подтверждает ее ожидания: я счастлива, и у меня все в порядке. А потому я не стала касаться этой запретной темы.

– А что в будущем? Расскажи мне поподробнее об этом весьма привлекательном мужчине, вместе с которым ты приходила ко мне на виллу. Здесь, в Рио, он довольно известная личность. Он тебе кто?

Только друг? – Она бросила на меня застенчивый взгляд и добавила: – Что-то подсказывает мне, что не только.

– Да, он мне нравится, – призналась я.

– Вот с этого места, пожалуйста, поподробнее, Майя. Так ты вернешься к себе в Женеву? Или останешься вместе с ним в Рио?

– На данный момент его здесь нет. Вчера утром он улетел в Париж.

– Ах, Париж! – с чувством всплеснула руками Беатрис. – Один из самых счастливых периодов в моей жизни. Ты ведь знаешь, что твоя прабабушка тоже бывала в Париже, еще до своего замужества. Надеюсь, ты видела ту скульптуру у нас в саду. Это ее изображение. Мой отец специально организовал доставку скульптуры из Парижа в качестве свадебного подарка своей жене.

– Да, видела, – живо откликнулась я, с некоторым напряжением ожидая того, куда может вырлиться наш дальнейший разговор.

– В Париже я какое-то время занималась в Школе изящных искусств. Так вот, одним из моих профессоров был тот самый скульптор, который изваял маму. После одной из лекций я сама подошла к нему, представилась и сказала, что я дочь той самой Изабеллы, которую он когда-то лепил. К моему удивлению, профессор Бройли ответил, что прекрасно помнит мою маму. А когда я сообщила ему о ее смерти, то он был просто потрясен этим известием. После нашего с ним разговора у меня сложилось впечатление, что он как бы взял меня под свое крыло. Или, уж во всяком случае, стал проявлять ко мне повышенный интерес. Даже пригласил в свой красивый дом на Монпарнасе, а потом сводил пообедать в кафе «Клозери де Лила». Сказал мне, что когда-то в этом кафе у него случилась незабываемая встреча с моей мамой. Он даже свозил меня в мастерскую профессора Поля Ландовски и познакомил с этим выдающимся скульптором. Разумеется, в те годы профессор Ландовски был уже очень стар и не занимался скульптурой. Но он показал мне фотографии, относящиеся к тому периоду, когда он работал над отливками для статуи Христа. Все формы лепились прямо в его мастерской. Очевидно, мама как раз именно тогда и посещала мастерскую профессора Ландовски, когда он со своим учеником Лореном Бройли занимался всеми этими работами. Ландовски даже отыскал в одном из шкафов слепки, которые были сделаны когда-то с рук моей матери. Он хотел потом воспользоваться

ими для лепки рук Христа. – Беатрис невольно улыбнулась, вспоминая все эти приятные и дорогие ее сердцу мгновения. – Воистину, профессор Бройли не жалел для меня ни своего времени, ни внимания. Потом мы долгие годы состояли с ним в переписке, вплоть до самой его смерти, последовавшей в 1965 году. Такую доброту проявили ко мне все эти иностранцы, – задумчиво заключила Беатрис и добавила: – Словом, дорогая Майя, ты собираешься последовать примеру своей бабки и прабабки и тоже совершить путешествие из Рио в Париж? Что ж, сегодня туда добраться значительно проще, чем в былые времена. Нам с твоей прабабушкой потребовалось целых шесть недель, чтобы попасть во Францию, а уже потом в Париж. В наши дни все иначе. Уже завтра ты можешь сидеть в «Клозери де Лиля» и потягивать абсент. Майя, дорогая, ты меня слышишь?

Я растерянно молчала. Из того, что я только что услышала из уст Беатрис, сам собой напрашивался вывод: моя бабушка и понятия не имеет о том, кто был ее настоящий отец. Недаром Яра так неохотно согласилась на то, чтобы рассказать о прошлом моей семьи.

– Да, скорее всего, я тоже отправлюсь в Париж, – ответила я наконец, очнувшись от своих мыслей.

– Вот и хорошо! – Кажется, мой ответ вполне удовлетворил бабушку. – У меня к тебе, Майя, еще несколько серьезных дел. Сегодня днем ко мне должен приехать нотариус. Я собираюсь переписать свое завещание и оставить большую часть того, чем я владею, тебе как своей внучке. К сожалению, мое состояние не так уж велико. Только дом, который разрушается буквально на глазах. Чтобы его отреставрировать и привести в порядок, потребуются сотни тысяч реалов. А таких денег у тебя наверняка нет. Если ты захочешь продать виллу, знай, я ни в коей мере не возражаю против такого решения. Разве что ставлю одно условие. Хочу, чтобы ты позволила Яре дожить в этом доме до самой ее смерти. Я знаю, как она страшится будущего. Хочу быть уверенной в том, что на улицу ее никто не вышвырнет. Ведь вилла Каса дас Оркуидеас – это в такой же мере ее дом, как и мой. Ей будет завещана определенная сумма денег, которых должно хватить на весь остаток ее жизни. Ты же понимаешь, она моя ближайшая подруга. Мы росли вместе, как родные сестры.

– Конечно, я сделаю все как положено, – ответила я, с трудом сдерживая слезы.

– У меня еще есть кое-какие драгоценности, мои и те, что достались мне от мамы. А еще фазенда Святой Терезы, где прошли детские годы твоей прабабушки. В свое время я учредила скромный благотворительный фонд помощи женщинам из фавел. Так вот, сегодня на фазенде, согласно уставу этого фонда, находят себе приют многие из тех несчастных, кто нуждается в убежище. Если ты сможешь продолжить эту работу, буду только счастлива.

– Обязательно продолжу, Беатрис, – заверила я шепотом, потому что у меня перехватило горло от ее слов. – Но, мне кажется, я не заслуживаю всех этих щедрот. Ведь у вас же наверняка есть друзья, родня...

– Как ты можешь говорить такое, Майя! – возмутилась Беатрис. В ее голосе зазвучало откровенное негодование. – Твоя мать отдала тебя в сиротский приют, лишила семьи. А ведь твое происхождение, смею тебя заверить, когда-то чего-то да стоило здесь, в Рио. Не забывай, ты же представительница старинного рода Айрис Кабрал. Конечно, не все, что тебе пришлось пережить, можно компенсировать деньгами. Но это – то небольшое, что я могу для тебя сейчас сделать. И обязательно сделаю! – безапелляционно подчеркнула она.

– Спасибо, Беатрис, – коротко поблагодарила я, заметив, как она беспокойно заерзала по постели. Видно, боли опять сделались нестерпимыми. А я не хотела лишний раз расстраивать ее.

– Мне позвать сестру?

– Да, но только через пару минут. Опережая тебя, Майя, скажу вот что. Если ты сейчас собираешься сообщить мне, что хочешь остаться со мной до конца, то я со всей твердостью заявляю: больше ко мне не приходи. Я знаю, что мне уготовано, и не хочу, чтобы ты стала свидетелем моих последних минут. Тем более что ты еще не вполне оправилась от предыдущей потери, ухода из жизни твоего приемного отца. Со мной останется Яра, а больше мне никто не нужен.

– Но, Беатрис...

– Никаких «но», Майя. Боли и сейчас уже стали невыносимыми, хотя я сопротивлялась им из последних сил. Но сегодня попрошу сестру увеличить мне дозу морфия. А там вскоре последует и развязка. Итак... – Беатрис с трудом улыбнулась. – Повторю еще раз: я счастлива, что последние мгновения моей жизни, когда я еще пребывала в здравом уме и светлой памяти, я провела в обществе моей

красавицы внучки. Ты действительно *очень красива*, моя дорогая Майя. Желаю тебе всего самого доброго в будущем. Но главное – желаю тебе обрести любовь. Потому что любовь, пожалуй, единственное, что позволяет нам вынести любую боль, пока мы живы. Пожалуйста, запомни это. А сейчас позови сестру.

Спустя пару минут я обняла Беатрис, и мы попрощались с ней навсегда. Покидая комнату, я увидела, как мгновенно отяжелели ее веки и глаза закрылись сами собой. Когда я была уже у дверей, она лишь слабо взмахнула рукой. Я вышла в коридор, опустилась на скамью, стоящую возле стены, обхватила голову руками и горько расплакалась. Чья-то рука обняла меня за плечи. Я подняла глаза и увидела Яру, которая присела рядом со мной.

– Выходит, она не знала, что Лорен Бройли ее родной отец?

– Нет, сеньорита Майя, не знала.

Яра взяла меня за руку, и какое-то время мы сидели молча, каждая по-своему переживая весь трагизм ситуации.

Потом я написала на листке бумаги, который дала мне Яра, свой домашний адрес, номер телефона, адрес электронной почты. Затем она проводила меня до поджидавшего такси.

– Всего доброго, сеньорита. Я рада, что между вами и сеньорой Беатрис все разрешилось, и как раз вовремя, еще до того, как...

– Это все благодаря вам, Яра. Беатрис очень повезло, что рядом с ней была такая помощница.

– А мне повезло с ней, – коротко бросила в ответ Яра.

– Пожалуйста, дайте мне знать, когда... – Я так и не смогла заставить себя произнести вслух оставшиеся слова.

– Обязательно. А вы уезжайте и живите своей жизнью, сеньорита Майя. Возможно, узнав историю своей семьи, вы стали лучше понимать, что каждое мгновение на этой земле бесценно и им надо дорожить.

* * *

Вернувшись к себе в отель, я тут же стала проверять электронную почту. Сейчас у меня были весомые причины для нетерпения. Яра права: каждое мгновение бесценно. Увидев ответное письмо

Флориано, я не смогла сдержать радостной улыбки. Париж великолепен, сообщил он мне в своем послании, но ему позарез нужен переводчик, чтобы справиться с его никудышным французским.

«А еще я тут кое-что обнаружил, Майя. Ты должна увидеть это собственными глазами.

Пожалуйста, сообщи, когда ты приедешь».

Я невольно рассмеялась, прочитав эти строки. Ведь он не спрашивал меня, *приеду ли я*. Вопрос ставился однозначно: когда приеду. Я позвонила на ресепшен и попросила узнать, есть ли билеты на завтрашний рейс из Рио в Париж. Они перезвонили мне минут через десять и сообщили, что осталось только одно место в первом классе. Я не удержалась от короткого восклицания, когда мне сообщили стоимость, но все же попросила их зарезервировать билет. И почувствовала в этот момент, что и отец, и Изабелла, и Беатрис, все они рады, что я поступила именно так.

Потом я прогулялась по Ипанеме. Снова вернулась в супермаркет и купила себе несколько платьев, совершенно «не подходящих» для меня, прежней. Раньше бы Майя просто пришла в ужас при виде этих нарядов. Но новая Майя, верящая в глубине души, что она любима, захотела порадовать своего мужчину. Пусть он увидит ее в наилучшем виде.

Больше я не стану прятаться от жизни, твердо пообещала я себе и прикупила две пары туфель на высоких каблуках. Потом зашла в отдел парфюмерии, чтобы подобрать соответствующие духи, которыми не пользовалась уже сто лет. А заодно купила и новую яркую помаду.

Вечером я поднялась в ресторан под крышей отеля и, устроившись на террасе, в последний раз глянула на статую Христа, купающуюся в сиянии заходящего солнца. Потягивая охлажденное белое вино, я вознесла мысленную молитву небесам, поблагодарила Христа за то, что Он помог мне вернуться к себе самой.

Рано утром Педро повез меня в аэропорт, и я опять оглянулась на статую, возвышающуюся на горе Корковадо. И у меня вдруг возникло странное чувство, почти уверенность, что очень скоро я снова вернусь сюда и Он снова заключит меня в свои объятия.

– Алло? – услышала я в трубке знакомый голос.

– Ма, это я, Майя.

– Майя! Как дела, дорогая? Целую вечность от тебя не было никаких известий. – В голосе Марины послышался явный упрек.

– Да, виновата, Ма. Редко выходила на связь. Но я была... я была очень занята. – Я с трудом удержалась, чтобы не хихикнуть прямо в трубку от того, как щекотно скользила рука по моему обнаженному животу. – Вот сообщаю тебе, что завтра часам к пяти буду дома. И... – Я сглотнула слюну, прежде чем продолжить. – И не одна. Со мной гость.

– Мне подготовить комнату в доме? Или она остановится у тебя, в Павильоне?

– У меня, в Павильоне. – Я взглянула на Флориано и улыбнулась ему.

– Замечательно, – жизнерадостно согласилась со мной Марина. – Что насчет ужина?

– Пожалуйста, не беспокойся. Завтра я тебе перезвоню и сообщу, когда точно Кристиан должен встретить нас.

– Хорошо. Тогда до связи, дорогая. Всего тебе хорошего.

– До свидания. – Я положила трубку на рычаг телефона, стоявшего на прикроватной тумбочке, и снова поспешила в объятия Флориано, мысленно прикидывая, какое впечатление может произвести на него дом моего детства.

– Пожалуйста, не удивляйся, – заранее предупредила я его. – И не думай, что я какая-то важная персона или что-то в этом роде. Просто так сложилась моя жизнь.

– Голубка моя, – ответил он, прижимая меня к себе. – Конечно, мне интересно посмотреть, где и как ты живешь. Но, помни, я хорошо знаю, где твои корни. Итак, сегодня наш последний день в Париже, и я собираюсь показать тебе нечто особенное.

– Так нам уже надо идти? – поинтересовалась я, вальяжно потянувшись под грузом его тела.

– Думаю, надо, – ответил Флориано. – Но не сейчас...

Спустя пару часов мы оделись, вышли из отеля, и Флориано тут же поймал такси. Он даже умудрился продиктовать шоферу адрес на вполне связном французском.

– Это где-то в районе Елисейских Полей? – уточнила я на всякий случай, и для шофера, и для собственного успокоения.

– Да. Сомневаешься в моих способностях все точно объяснить на моем любимом языке? – улыбнулся Флориано.

– С чего это мне сомневаться? – возразила я. – Но ты уверен, что нам нужен именно парк?

– Тише, Майя, – приложил он палец к губам. – Успокойся и всецело доверься мне.

Мы остановились возле чугунной решетки ворот в небольшой сквер. Такой крохотный зеленый островок рядом с Авеню де Мариньи. Флориано рассчитался с таксистом, потом взял меня за руку и повел к воротам в парк. Мы пошли по дорожке к центру. Там возвышался красивый фонтан. Струи воды играли на солнце, переливаясь всеми цветами радуги. Флориано указал мне на бронзовую статую полулежащей обнаженной женщины, установленную на постаменте в верхней части фонтана. Однако кого в Париже удивишь статуями обнаженных фигур? Я бросила на Флориано непонимающий взгляд.

– Присмотришься повнимательнее к этой женщине, Майя, и скажи мне, кого она тебе напоминает.

Я стала вглядываться в бронзовую фигуру и неожиданно увидела Изабеллу, мою прабабушку. Обнаженная, чувственная, она полулежала, слегка откинувшись назад. На ее лице, устремленном ввысь, застыло выражение полнейшего блаженства. Руки раскинуты в разные стороны, ладонями к небесам.

– Узнаешь?

– Да, узнаю, – едва слышно прошептала я.

– Надеюсь, ты не удивишься, когда узнаешь, кто автор этой скульптуры. Я уже выяснил. Сам профессор Лорен Бройли, твой прадедушка. Полагаю, это его молчаливое доказательство любви к твоей прабабушке. А сейчас, Майя, взгляни на ее руки.

Я взглянула на ладони, на руки с тонкими изящными пальцами. О да, я все поняла.

– Конечно, эти руки небольшие, в соответствии с размерами самой статуи. Но я уже сравнил их с руками статуи Христа. Сомнений нет, это одни и те же руки. Чуть позже я покажу тебе фотографии, они доказывают правомерность моих выводов. Но и без всяких доказательств я не сомневаюсь, что прав. И символично, что статуя установлена в том самом сквере, где, по словам Лоен, Изабелла в последний раз встретила Лорена в Париже.

Я посмотрела на статую Изабеллы и подумала о том, как бы она сама отнеслась к тому, что ее дважды увековечили в скульптуре. В первый раз в образе невинной юной девушки, но все равно чувственной и прекрасной. Именно такой ее увидел скульптор, мужчина, который любил ее по-настоящему. По воле судьбы, этот человек все же узнал, что стал отцом их совместной дочери. Более того, он даже видел собственную дочь и успел полюбить ее.

Флориано обнял меня за плечи, и мы медленно побрели обратно к воротам.

– Майя, – тихо обронил Флориано. – Надеюсь, для нас этот сквер не станет местом прощания, как это случилось когда-то с Изабеллой и Лореном. Поверь мне, мы с тобой никогда не расстанемся. Ты понимаешь, о чем я?

– Да.

– Тогда можно уезжать из Парижа. Когда-нибудь, – прошептал Флориано мне на ухо, – я напишу красивую книгу, которая станет уже моим доказательством любви *к тебе*.

* * *

Я исподтишка разглядывала лицо Флориано, пока мы мчались на катере по Женевскому озеру, направляясь к моему родному дому. Я возвращалась домой с таким чувством, будто отсутствовала здесь вечность, хотя на самом деле минуло всего лишь три недели. Озеро кишело крохотными суденышками и яхтами. Их паруса, надуваемые легким ветерком, трепетали в воздухе, словно крылья ангелов. Было еще очень тепло, несмотря на то что уже наступил вечер. И солнце продолжало ярко светить в безоблачно голубом небе. Разглядев издали знакомую стену из могучих деревьев, я еще раз подумала о том, что

прожила целую жизнь с тех пор, как покинула Атлантис. Другую жизнь, совсем не похожую на прежнюю.

Кристиан пришвартовался у пирса, закрепил катер, а потом помог нам выбраться на причал. Я увидела, как Флориано потянулся за нашими чемоданами, но Кристиан остановил его.

– Не надо, месье. Я сам отнесу ваши вещи в дом.

– Бог мой! – шутливо прокомментировал увиденное Флориано, пока мы пересекали лужайку, направляясь к дому. – Да ты самая настоящая принцесса, которая возвращается в свой замок.

Мы сразу зашли в главный дом, и я представила Флориано Марине. Та с трудом скрыла свое удивление при виде гостя. Видно, никак не ожидала, что гостем оказался «он», а не «она». Затем я провела Флориано по всему дому, показала наш сад. И уже его глазами заново увидела знакомые места, лишний раз осознав, как здесь красиво.

Солнце уже клонилось к горизонту, медленно опускаясь за горы на другом конце озера. Мы взяли стакан белого вина для меня и банку пива для Флориано, и я повела его в тайный уголок, который специально обустроил себе Па Солт в саду у самой кромки воды. Все разноцветье июля предстало перед нами во всей красе. Каждое растение, каждый цветок, казалось, достигли пика своей красоты. Я невольно вспомнила, как когда-то, давным-давно, вместе с Дженни и ее родителями я посетила сад где-то на юге Англии. Там тоже все поражало своим совершенством: красивые замысловатые партеры перемежались с безупречно подстриженными деревьями и кустарниками, которым садовники придали самую разнообразную форму.

Мы уселись в беседке, увитой цветущими розами, огромными, благоуханными, божественно прекрасными в своем великолепии, и посмотрели на воду. Сколько раз я заставляла отца на этом самом месте, в этой самой беседке, погруженным в глубокие раздумья. Мы с Флориано чокнулись и выпили.

– Здесь пройдет твоя последняя ночь в Европе, – сказала я, обращаясь к Флориано, и голос мой слегка дрогнул. – Пью за успех твоей книги. Она уже и так в списке бестселлеров на шестом месте. И это всего лишь за первую неделю продаж во Франции. Думаю, очень скоро книга выйдет на первое место.

– Кто знает, кто знает. – Флориано с рассеянным видом пожал плечами в ответ на мою реплику, хотя я прекрасно понимала, что в глубине души он очень взволнован и обрадован исключительно теплой реакцией французской прессы на его роман и обнадеживающими новостями, поступающими из книжных магазинов. – Думаю, это все благодаря прекрасному переводу. А что там? – Он указал на террасу.

– Это – армиллярная сфера, – пояснила я. – Помнится, я говорила тебе, что она появилась на этом месте вскоре после смерти Па Солта. На ней выгравированы все наши имена, а рядом с ними указаны координаты поиска для каждой из сестер. А еще там имеются надписи, сделанные на греческом.

Флориано поднялся со скамьи и направился к террасе, чтобы лучше рассмотреть армиллярную сферу.

– А вот и твое имя! Нашел. – Он показал на одну из полосок. – И что там написано для тебя?

– *«Никогда не позволяй страху властвовать над своей судьбой»*, – с ироничной улыбкой ответила я.

– Думаю, твой отец прекрасно понимал тебя, – откликнулся Флориано и снова сосредоточился на разглядывании армиллярной сферы. – А что вот эта полоска? На ней ничего нет.

– Папа назвал всех нас, девочек, в честь звезд, входящих в созвездие Плеяд. Как помнишь, там семь звезд. Потому это созвездие называют еще Семь Сестер. Все мы ожидали появления седьмой сестрички, но она так и не появилась.

– Красивый прощальный подарок он сделал своим дочерям. Судя по всему, твой отец был очень интересным человеком, – заметил Флориано, снова присаживаясь рядом со мной.

– Это правда. Хотя после его смерти до меня вдруг дошло, что я и мои сестры очень мало знаем о нем. Он был и остался для нас загадкой. – Я слегка пожалала плечами. – Вот сейчас, к примеру, я все время задаюсь вопросом: а что он делал в Бразилии в тот самый момент, когда я появилась на свет? И почему *именно меня* выбрал из всех младенцев?

– Знаешь, есть вопросы, на которые нет ответов. Это все равно что спрашивать, почему душа выбирает себе этих родителей, а не тех. Или почему ты взялась за перевод моей книги, с чего, собственно, все у нас

и началось. Жизнь, Майя, это такая лотерея. В ней полно случайностей.

– Наверное, ты прав! Но сам-то ты веришь в судьбу?

– Пожалуй, месяц тому назад я бы точно ответил тебе, что не верю. Но сейчас открою тебе одну маленькую тайну. – Флориано взял меня за руку. – Незадолго до встречи с тобой была очередная годовщина смерти моей жены. Настроение у меня было хуже некуда. Я ведь, как и ты, долгое время пребывал в одиночестве. И вот я стоял на своей террасе, смотрел на статую Христа, на звезды над нею. И тогда я мысленно обратился к своей покойной жене, попросил ее, чтобы она послала мне кого-нибудь, кто бы наполнил мою жизнь новым смыслом, чтобы жить и двигаться дальше. И ровно через день издатель пересылает мне твое электронное письмо и просит позаботиться о тебе, пока ты будешь находиться в Рио. Поэтому да, Майя, я верю, что ты мне *послана свыше*. Как и я тебе. – Флориано крепко сжал мою руку, как делал всегда, когда говорил что-то серьезное, и тут же, по своему обыкновению, разрядил обстановку, пошутив: – Но сейчас, увидев, в каких хоромах ты обитаешь, я сильно сомневаюсь в том, что тебе захочется возвращаться в мои скромные апартаменты.

Мы побрели обратно к дому. Хотя я и просила Марину не беспокоиться насчет ужина, та перехватила нас уже на подступах к Павильону.

– Клавдия приготовила на ужин рыбу, тушенную в вине. Она на плите, еще теплая. Так что, если вы оба проголодались, марш на кухню.

– Я очень проголодался, – обрадовался Флориано. – Спасибо, Марина. А вы составите нам компанию? – спросил он на немного высокопарном французском.

– Нет, благодарю вас, Флориано, за приглашение, но я уже отужинала.

Мы вдвоем устроились на кухне и стали с аппетитом уплетать вкуснейшую рыбу в винном соусе. И вдруг оба поняли, что сегодня наша последняя совместная трапеза. Флориано и так задержался в Европе дольше, чем планировал. Хорошо, что родители его покойной жены не возражали, любезно согласившись поддержать у себя Валентину еще немного. Словом, ему пора домой, назад к дочери. А я... Я и сама не знаю, что будет со мной дальше.

После ужина я повела Флориано в кабинет отца. Показала ему фотографию, на мой взгляд, лучшую, запечатлевшую Па Солта в окружении нас, шести девочек. Назвала всех своих сестер по именам.

– Вы все такие разные, – проронил Флориано, разглядывая снимок. – А ваш отец был тоже очень красивым мужчиной, правда? – Флориано осторожно поставил фотографию на полку. Но тут его внимание что-то привлекло. Некоторое время он молча разглядывал предмет. – Майя, ты видела это? – спросил он у меня, указывая пальцем на статуэтку, стоявшую на полке среди других памятных вещей, дорогих сердцу Па Солта.

Я глянула на статуэтку, понимая, почему она заинтересовала Флориано.

– Да, много раз. Это ведь копия статуи Христа.

– Я не вполне уверен, но... Можно мне перевернуть ее?

– Конечно, – ответила я, заинтригованная его неожиданным интересом к этой безделушке. Такие поделки тысячами штук продаются во всех сувенирных лавках Рио, и цена им не больше нескольких реалов.

– Ты только полюбуйся, какая это ювелирная работа. – Флориано бережно прошелся пальцами по складкам ризы Христа. – А теперь взгляни сюда. Он указал на основание статуэтки, на которой было написано.

Ландовски

– Майя! – взволнованно воскликнул Флориано, а глаза его радостно вспыхнули в предчувствии нового открытия. – Это ведь не какая-то там старая безделушка серийного производства. Помнишь, в одном из своих писем Изабелла рассказывала Лоем, что у Эйтора да Силва Коста было несколько миниатюрных копий статуи, которые изваял для него профессор Ландовски, прежде чем они окончательно согласовали всю композицию памятника в целом? Вот одна из них!

Флориано вручил мне статуэтку. Я осторожно взяла ее в руки, поразившись, какая она неожиданно тяжелая. Потом тоже прошлась пальцами по лицу Христа и Его рукам. Да, Флориано прав. Сразу же чувствуется рука настоящего мастера.

– Но как... Каким образом эта статуэтка оказалась у папы? Может, он приобрел ее на аукционе? Или ему подарил ее кто-то из друзей? Или... Понятия не имею! – воскликнула я и замолчала, охваченная непонятным волнением.

– Вариантов множество, ты права. На сегодняшний день, насколько мне известно, помимо тех статуэток, которыми владеет семейство Ландовски, еще две находятся в частной коллекции семьи да Силва Коста. Конечно, подлинность работы еще надо будет подтвердить. Но какова находка!

Глаза Флориано горели от возбуждения. Понятное дело. Ведь он смотрит на эту вещицу глазами историка. А меня занимает совсем другое. Каким образом статуэтка попала в руки отца?

– Прости, Майя. Я чересчур увлекся, – повинился передо мной Флориано. – В любом случае, уверен, вы захотите сохранить статуэтку как память об отце. Но ты не возражаешь, если мы возьмем ее на один вечер с собой в Павильон? Хочу получить такую привилегию: полюбоваться ею еще немного.

– Конечно, забираем. Все в этом доме принадлежит нам, всем сестрам. А они, я думаю, не стали бы возражать.

– Тогда пошли в кровать, – прошептал Флориано и нежно погладил мою щеку.

* * *

В эту ночь я спала плохо. Мысль о предстоящем отъезде Флориано, уже совсем скоро, уже завтра, была сама по себе невыносима. Хотя я сто раз давала себе слово воспринимать наши с ним отношения такими, какими они складываются на данный момент, но чем меньше часов оставалось до наступления утра, тем отчетливее я понимала, что не могу этого сделать. Я повернулась на бок и стала разглядывать Флориано, мирно посапывающего во сне рядом со мной. Но стоило мне подумать о том, что скоро он покинет Атлантис, а моя жизнь потечет своим прежним чередом, такая же унылая и бессмысленная, какой она была до моей поездки в Рио, как открывающаяся перспектива ужасала своей безысходностью.

Мы с Флориано редко говорили о будущем и уж тем более не строили никаких конкретных планов. Хотя я прекрасно понимала: у него *есть, есть* ко мне чувства. Да он и сам об этом постоянно твердил, особенно на заре наших с ним отношений, и потом, когда мы занимались с ним любовью. Но, учитывая то обстоятельство, что живем мы по разные стороны света, приходилось принимать как данность то, что никакой перспективы у нашего романа нет, и со временем он превратится просто в приятное воспоминание.

Я с облегчением вздохнула, когда зазвенел будильник. Слава богу, наконец-то эта ночь подошла к концу. Быстро вскочила с постели и побежала в душ, пока Флориано продолжал дремать. Сама мысль о том, что вот сейчас он проснется и станет говорить мне всякие бессмысленные слова, пытаюсь успокоить, утешить, при этом не хуже меня понимая, что совсем скоро наши пути разойдутся навсегда, пугала и приводила в душевный трепет. Я торопливо оделась, объявила ему, что иду на кухню готовить завтрак, а Кристиан будет ждать нас на пристани через двадцать минут. Но, когда Флориано возник через пару минут на кухне, я тут же выдумала, что мне надо срочно в главный дом, и убежала из кухни, сказав, что встречаемся прямо на пирсе через десять минут.

– Майя, пожалуйста... – крикнул мне вслед Флориано, но я уже была на крыльце и торопливо зашагала в сторону отцовского дома. А там, стараясь не попадаться на глаза ни Марине, ни Клавдии, я попросту закрылась в кладовке на первом этаже и стала считать минуты, оставив себе на дорогу до пристани буквально несколько секунд. Когда подошло время, я открыла кладовку, выскользнула из дома и побежала напрямик через лужайку к пирсу. Флориано уже был там. Он о чем-то разговаривал с Мариной.

– Куда ты запропастилась, милая? Твой друг должен немедленно отправляться в путь. Иначе он рискует опоздать на свой самолет, – бросила на меня удивленный взгляд Марина и снова переключила свое внимание на Флориано. – Рада была познакомиться с вами, месье Флориано. Надеюсь, мы еще увидим вас в Атлантиде, и совсем скоро. А теперь оставляю вас попрощаться друг с другом.

– Майя, – обратился ко мне Флориано, когда Марина ушла. – Что случилось? Что не так?

– Ничего не случилось. Все в порядке... Послушай, тебе пора. Кристиан уже ждет.

Флориано открыл рот, чтобы что-то сказать, но я резко отвернулась от него и пошла к катеру первой. Флориано ничего не оставалось, как молча последовать за мной. Кристиан подал ему руку, помогая запрыгнуть на катер, и тут же включил мотор.

– Адью, Майя, – коротко обронил Флориано. Глаза его были печальны. Лодка начала свое движение, послышался ровный гул работающих двигателей.

– Я напишу тебе! – крикнул он, стараясь перекричать рев моторов. Потом сказал что-то еще, но я уже не расслышала. Катер стремительно удалялся от Атлантиды. И от меня.

Я с несчастным видом поплелась домой, ругая себя за то, что повела себя так по-детски глупо. Взрослая ведь женщина. Пора бы уже научиться справляться с сердечными проблемами. Ведь я же с самого начала знала о том, что наше расставание неизбежно. Умом я понимала: все это мое глупое дерганье и увиливание – это такая своеобразная реакция на прошлое. Боль от расставания с Зедом, несмотря на все минувшие годы, все еще продолжала жить и выжигать в моей душе, подобно лазеру, все новые и новые зоны.

Марина поджидала меня возле Павильона, скрестив руки на груди. Выражение лица у нее было крайне недовольное.

– Как это следует понимать, Майя? Вы что, поссорились? Флориано показался мне таким приятным молодым человеком. А ты даже толком не попрощалась с ним. И никто из нас не знал, куда ты пропала.

– У меня... у меня были неотложные дела. Прости, что так вышло. – На мгновение я почувствовала себя непослушным подростком, которому выговаривают за плохие манеры. – Кстати, я собираюсь в Женеву. Мне надо встретиться с Георгом Гофманом. Тебе что-нибудь нужно в городе? – спросила я, намеренно переводя разговор на другое.

Марина посмотрела на меня долгим взглядом. В ее глазах промелькнуло нечто, отдаленно похожее на отчаяние.

– Нет, спасибо, милая. Мне ничего не надо.

После чего она повернулась и пошла прочь, оставив меня размышлять о том, как же по-дурацки я повела себя сегодня.

Контора Георга Гофмана располагалась в деловом квартале Женевы, почти рядом с Рю Жан-Петито. И само здание, и помещения в нем – все ультрасовременное, сплошной модерн и глянец. Через огромные окна в пол открывается великолепная перспектива на виднеющийся вдали залив.

При виде меня Гофман поднялся из-за стола, чтобы поприветствовать.

– Какая приятная неожиданность, Майя, – воскликнул он с улыбкой, провожая меня к роскошному дивану из черной кожи, на который мы и уселись вдвоем. – Слышал, вы были в отъезде?

– Да. А кто вам сказал?

– Марина, кто же еще? Итак, чем я могу быть вам полезен?

– Видите ли, – я слегка откашлялась, – меня интересуют две вещи.

– Прекрасно! – Гофман сложил веером пальцы обеих рук. – Тогда приступим.

– Известно ли вам хоть что-то о том, как Па Солт выбрал меня для удочерения?

– Мой бог, Майя, откуда? – На лице Гофмана отразилось неподдельное удивление. – Я ведь был у вашего отца нотариусом, но никак не исповедником или поверенным в его сердечных делах.

– Но мне казалось, вы были друзьями?

– Были. Во всяком случае, я точно считал его своим другом. Но вы же не хуже меня знаете, ваш отец был очень замкнутым человеком. И хотя мне хотелось думать о себе как о его доверенном лице в полном смысле этого слова, на самом деле я до самых последних дней оставался для него в первую очередь работником по найму. Таковым я и был на самом деле. Какое же право я имел задавать ему вопросы личного характера? Впервые я услышал о вас, когда он обратился ко мне с просьбой узаконить ваше удочерение уже в соответствии со швейцарским законодательством. Заполнить все необходимые бланки, чтобы вам выдали ваш первый паспорт.

– Так вы и понятия не имеете, каким образом Па Солт был связан с Бразилией? – упорствовала я в своем любопытстве.

– Ни о каких его личных контактах я ничего не знаю. Хотя, что касается бизнеса, деловые интересы у него, разумеется, в Бразилии

были. Впрочем, подобные интересы у него были в самых разных частях света. Боюсь, я вряд ли сумею помочь вам разобраться в этом вопросе.

Ответ Георга вызвал у меня разочарование, хотя приблизительно такого ответа я и ожидала. Тогда я перешла к следующему вопросу.

– В Бразилии, куда я попала благодаря тем подсказкам, которые оставил мне отец, я познакомилась со своей родной бабушкой. К сожалению, всего лишь несколько дней тому назад она тоже ушла из жизни. Она рассказала мне, что он приехал за мной в приют не один. Его сопровождала какая-то женщина. В приюте решили, что это была его жена. Отец был женат?

– Никогда, насколько мне известно.

– Могла ли эта женщина быть его любовницей?

– Майя, простите меня еще раз. Но я действительно ничего не знаю о личной жизни вашего отца. Мне искренне жаль, но помочь вам в этих изысканиях я не смогу. Примите это как данность. У вас было еще какое-то дело ко мне? Слушаю вас.

Итак, я не продвинулась ни на шаг. Приходится смириться с тем, что мне никогда не узнать всех обстоятельств, связанных с моим удочерением. Я сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить.

– Как я вам уже сказала, моя бабушка по линии матери умерла совсем недавно. Согласно завещанию, она оставила мне свою недвижимость в Бразилии, два объекта, и небольшую сумму денег.

– Понимаю. То есть вы хотите, чтобы я выступил вашим поверенным во время процедуры судебного подтверждения ваших прав на завещание?

– Да... Но еще важнее для меня другое. Я тоже хочу сделать завещание... Оставить всю недвижимость... одному моему родственнику.

– Очень правильное решение. С этим тоже не будет особых проблем. Кстати, я всегда рекомендую своим клиентам писать завещания, независимо от их возраста. Составьте мне список тех лиц, кому вы хотели бы завещать свое имущество, включая небольшие пожертвования для друзей, близких и прочее, а я потом на основе этого списка составлю уже полноценное и юридически правомочное завещание.

– Спасибо. – Какое-то время я мялась в нерешительности, прикидывая, как мне лучше сформулировать все то, о чем я хотела спросить Гофмана далее. – Мне также хотелось бы узнать, насколько трудно настоящим родителям, которые когда-то отдали своего ребенка на усыновление, отследить его дальнейшую судьбу.

Какое-то время Гофман внимательно разглядывал меня. Но, судя по всему, мой вопрос не сильно удивил его, если удивил вообще.

– Очень трудно. Практически невозможно, – коротко пояснил он. – Как вы понимаете, если ребенка усыновляют еще в очень маленьком возрасте, то соблюдаются все меры предосторожности, чтобы не повредить малышу в будущем и обеспечить его безопасность. Чиновники, занимающиеся вопросами опеки и усыновления, строго следят за тем, чтобы настоящие родители ребенка не предъявили потом права на него, пожалев о своем необдуманном решении, принятом когда-то. Ведь последствия тут могут быть самыми разрушительными, в том числе и для самого ребенка. Да и для его приемных родителей тоже. Они растят ребенка, любят его, как родного, а тут вдруг возникает, видите ли, его родная мать или отец. Ничего хорошего от таких контактов ждать не приходится. А потому они и не допускаются, если только это не оговорено отдельно, еще на момент усыновления. Однако ваш случай – это несколько другая история. Вы сами, будучи приемным ребенком, решили разыскать своих настоящих родителей. Что ж, имеете полное юридическое право.

Я внимательно выслушала все, что сообщил мне Георг Гофман, и задала свой следующий вопрос:

– Положим, приемный ребенок *действительно хочет* отыскать свою родную мать или отца. И куда ему обращаться за помощью?

– В органы опеки. В наше время, по крайней мере, здесь, в Швейцарии, все случаи усыновления тщательно задокументированы. Вот туда он и должен обращаться. То есть я хочу сказать, – тут же поправил себя Гофман, – что любой приемный ребенок должен начинать с этого.

Гофман слегка покраснел. Его обычно бледное лицо вдруг покрылось легким румянцем, и в ту же минуту я поняла, что он все знает.

– А вот если, к примеру, настоящий отец или мать захотят завещать что-то своему ребенку, которого они когда-то отдали на

усыновление, что будет?

Гофман погрузился в размышления, видно, тщательно обдумывая свой ответ. Наконец он заговорил:

– Любой адвокат пойдет тем же путем, что и приемный ребенок. Тоже обратится в органы опеки, где объяснит сложившуюся ситуацию. И тогда они, при условии, что ребенку уже исполнилось шестнадцать лет, свяжутся с ним.

– А если ребенку еще нет шестнадцати?

– В этом случае власти будут связываться с приемными родителями ребенка, и они уже будут решать, ставить ли его в известность о существовании такого завещания.

– Понятно, – кивнула я в ответ. У меня вдруг возникло странное чувство, что меня держат на контроле. – Но если, скажем, органы опеки не в состоянии отследить дальнейшую судьбу конкретного младенца, то может ли адвокат использовать уже... *не вполне официальные* способы поиска этого ребенка? Насколько это просто?

Георг посмотрел на меня долгим-долгим взглядом. И этот взгляд красноречивее всяких слов сообщил мне все то, что он не мог сказать вслух.

– Для опытного квалифицированного юриста, Майя, это не составит большого труда. На самом деле, все очень просто.

* * *

Я рассказала Георгу о том, что собираюсь предпринять. Потом мы обсудили мое завещание и даже набросали приблизительный текст. Я пообещала, что пришлю ему письмо с указанием точной даты рождения, с которым можно будет обратиться в любое агентство по усыновлению для наведения справок. После чего покинула его офис.

Я решила не возвращаться домой прямо сейчас, а где-нибудь посидеть и переварить всю ту информацию, которую только что сообщил мне Гофман. Я устроилась за столиком в небольшом кафе с видом на озеро и заказала себе пиво. Но стоило мне поднести бутылку ко рту (я намеренно отказалась от стакана, который принесла официантка), как вкус пива тут же напомнил мне Рио. И мне стало хорошо.

Итак, если Георг знает о существовании моего сына, то, значит, Па Солт тоже знал. В памяти вдруг всплыли те слова из его прощального письма ко мне, которые расстроили меня больше всего.

«Пожалуйста, поверь мне, семья – это главное. А любовь отца или матери к своему ребенку – это самая мощная сила на земле».

Сидя на солнышке, я потягивала пиво, убеждая себя в том, что вполне готова снова вернуться в офис Георга Гофмана, предстать перед ним и напрямую спросить, кто конкретно усыновил моего сына и где он находится сейчас. Но тут я вспомнила Флориано, который советовал мне не терять головы. Как бы я сегодня ни сгорала от желания рассказать своему дорогому сыну, почему я его бросила, чтобы хоть как-то оправдаться хотя бы в собственных глазах, сам по себе этот порыв продиктован исключительно моим же эгоизмом, и только.

Внезапно меня охватила злость к отцу. Его невидимая и всевластная рука, судя по всему, продолжала контролировать мою жизнь даже сейчас, уже из могилы. Вполне возможно, точно так же она контролирует и судьбу моего сына.

Почему он знал обо мне такие вещи, которых даже *я сама* не знала?

Но одновременно я, как и все прочие смертные, кто молится и поклоняется невидимой божественной силе, кто слепо верит, полагаясь лишь на свои инстинкты, не имея на то никаких фактических доказательств, так вот, я тоже испытывала некоторое внутреннее удовлетворение при мысли о всемогуществе Па Солта. Если мой отец все знал, а чувство вины, промелькнувшее во взгляде Георга Гофмана, когда он случайно оговорился, подтверждает это, то можно не сомневаться ни минуты. Мой мальчик сейчас живет в каком-то уголке земного шара, окруженный любовью и заботой.

Беда не в том, что отец не доверял мне. Это я не доверяла ему. Я со всей ясностью увидела, что отец отлично понимал, что именно побудило меня поступить так, а не иначе, по каким причинам я решила не доверять ему свою тайну. Более того, он принял мой поступок как должное и смирился с ним. Ведь он сам предоставил мне свободу выбора, а я распорядилась этой свободой уже по собственному

усмотрению. Если посмотреть правде в глаза, то получается, что я боялась не только и не столько реакции отца на то, что со мной случилось. Еще больше я боялась самой себя. Девятнадцать лет, впервые в жизни вырвалась на свободу из родного дома, впереди блестящие перспективы и прекрасное будущее, в чем я была абсолютно уверена, а тут какой-то ребенок. Меньше всего на свете на тот момент я хотела взваливать на свои плечи ответственность за воспитание ребенка, да еще в качестве матери-одиночки. Но, вполне возможно, стала я мысленно прикидывать альтернативные варианты, если бы тогда я все же *пошла* к отцу и призналась ему во всем, обсудила бы вместе с ним все возможные пути выхода из сложившегося положения, я все равно пришла бы к тем же самым выводам.

Я стала думать о своей матери. Тот же возраст, та же, в сущности, дилемма, стоявшая перед ней. Все то же самое, разве что время было другое.

– Я тебя прощаю, – неожиданно произнесла я вслух и добавила: – Спасибо тебе.

Какова бы ни была ее мотивация, подумала я, *лично для меня*, ее дочери, это решение оказалось правильным.

И снова мои мысли переключались на Па Солта. Я даже издала короткий смешок при мысли о том, что готова побиться об заклад: уж наверняка он имел пространное собеседование с потенциальными приемными родителями моего сына.

Впрочем, было такое собеседование или нет, я, сидя в кафе с бутылкой пива, впервые за тринадцать лет, прошедшие с момента рождения ребенка, почувствовала умиротворение и покой.

А заодно... поняла, что оставляя подсказки, которые бы облегчили мне поиски своего прошлого, отец, скорее всего, подсказывал и то, как следует правильно распорядиться будущим. Меня тут же охватил страх, когда я вспомнила, как по-дурацки обошлась с Флориано сегодня утром.

«*Майя, что ты наделала?*»

Я позвонила Кристиану и попросила его встретить меня возле понтонной переправы через пятнадцать минут. Торопясь к месту по хаотичным, узеньким улочкам Женевы, я снова вспомнила Рио. Мне так не хватает здесь расслабленной атмосферы этого города. Люди

работают, развлекаются... А еще они уважительно относятся к тому, чего не в силах изменить или понять. А что я? Если я сейчас собственными руками загублю свое будущее, то и виновата в этом буду только сама.

Взбираясь на борт катера, я продолжала думать о том, что, хотя вся моя жизнь – это цепь чистых случайностей, мне не подвластных, реагировать на эти случайности я тем не менее могу. Ведь *это я* принимала решения. Вот и доигралась.

* * *

Кристиан пришвартовался на пирсе Атлантида, а там меня уже поджидала знакомая фигура. Вот уж никак не ожидала увидеть ее.

– Устроила тебе сюрприз! – воскликнула она, раскрывая мне объятия, пока я выбиралась из катера.

– Алли! Что ты здесь делаешь?

– Что за странный вопрос, в самом деле! Или ты уже забыла, что этот дом принадлежит и мне? – рассмеялась она в ответ, и, взявшись за руки, мы направились к дому.

– Почему это я забыла? Просто не ожидала увидеть тебя так скоро.

– У меня тут образовался небольшой перерыв в тренировках. Вот я и решила подскочить домой и посмотреть, как здесь Ма, пока ты в отъезде. Ей ведь тоже после смерти отца приходится несладко, я думаю.

Я тут же почувствовала себя виноватой. Все мой проклятый эгоизм, мысленно укорила я себя. Ведь пока была в Рио, я даже не соизволила позвонить Марине. Ни разу! Да и вернувшись вчера домой, тоже не поговорила с ней толком, ограничившись лишь обычным приветствием.

– Прекрасно выглядишь, Майя. Говорят, ты вся в делах, – слегка подначила меня сестра с нескрываемой любовью в голосе. – Ма сказала, у тебя был гость. Кто он?

– Один человек. Я познакомилась с ним в Рио.

– Давай выпьем чего-нибудь холодненького, а ты пока расскажешь мне о нем.

Мы устроились за столом на террасе, наслаждаясь солнцем и теплом. Я после нескольких минут, проведенных в обществе моей «совершенной» красавицы-сестры, успела уже раскрепоститься, а потому с легкостью пустилась в рассказ о том, чем занималась в Бразилии.

– Вау! – коротко прокомментировала она услышанное, когда я сделала короткую передышку, чтобы промочить горло домашним лимонадом, который специально приготовила нам Клавдия, зная, как мы обе любим его. – Да у тебя случилось самое настоящее приключение. Молодец! Отчаянная голова... Не побоялась отправиться на другой конец света и разузнать там все о своем прошлом. У меня бы духу не хватило на такое. Сама еще пока не знаю, так ли уж я горю желанием узнать причины, по которым от меня отказались настоящие родители. К тому же мне повезло иметь такого отца, как Па Солт, и таких сестер... Тебе было больно, да, когда бабушка рассказала всю правду о твоей матери? – поинтересовалась у меня Алли.

– Да, было не очень приятно. Но я все поняла. Алли, у меня есть еще кое-что, чем я хочу поделиться с тобой. Наверное, мне нужно было сделать это уже давным-давно...

Я рассказала сестре о своем сыне, о том, как приняла страшное решение отказаться от него сразу же после рождения. Мой рассказ произвел на Алли тяжелое впечатление. У нее даже слезы на глазах выступили.

– Майя, как ужасно, что все эти годы ты хранила такую страшную тайну в себе. Представляю, через какие душевные муки тебе пришлось пройти... Одной... Но почему... почему ты ничего не рассказала мне? Ведь я же твоя сестра! А я всегда считала, что мы с тобой близки и что у нас нет тайн друг от друга. Ведь я бы точно тогда была бы рядом. Правда!

– Знаю, Алли, знаю. Но на тот момент тебе было всего лишь шестнадцать. К тому же мне было просто стыдно.

– Какой же тяжеленный груз ты волочила на своих плечах все эти годы, – тяжело вздохнула она. – Прости за любопытство, но кто отец ребенка?

– О, ты его не знаешь. Один мой приятель по университету. Его звали Зед.

– Зед Эсзу?

– Да. В последнее время это имя часто мелькает в новостях. Его отец, финансовый магнат, покончил жизнь самоубийством.

– Это их яхта была пришвартована рядом с яхтой папы в тот самый ужасный день, когда я узнала о его смерти. Помнишь, я тебе об этом рассказывала? – Алли невольно передернуло.

– Конечно, помню, – с готовностью подтвердила я, хотя в круговерти событий последних трех недель начисто забыла об этом эпизоде. – Между прочим, по иронии судьбы именно Зед и спровоцировал меня сесть на самолет и улететь в Рио, потому что я еще колебалась, ехать мне туда или нет. Но вот после четырнадцати лет молчания он вдруг снова свалился мне на голову: позвонил, оставил голосовое сообщение, сказал, что находится сейчас в Швейцарии и хотел бы встретиться со мной.

Алли посмотрела на меня как-то странно.

– Он хотел встретиться *с тобой*?

– Да. Сказал, что узнал о смерти папы, и даже предложил поплакаться друг у друга на плече. Веселенькая перспектива, да? Вот тут уж я вымелась из родного дома в два счета. Лучшего ускорителя и не придумаешь.

– А Зед в курсе, что у вас с ним был ребенок?

– Нет. Но, думаю, он бы не сильно озаботился своим отцовством, если бы даже и знал.

– Уверена, ты поступила наилучшим образом, развязавшись с ним, – многозначительно заметила Алли.

– Так ты его все же знаешь?

– Лично – нет. Но у меня есть... одна приятельница. Та знает его хорошо. В любом случае, – тут же переключилась она на другое, – выходит, что твоя поездка в Рио оказалась исключительно удачной. Лучшее, что ты сделала в своей жизни. Так расскажи мне наконец, кто тот шикарный бразилец, которого ты вчера прибуксировала в Атлантис? По-моему, Ма просто запала на него. Она только о нем и говорит с тех самых пор, как я приехала. Он кто, писатель?

– Да. Я переводила его последний роман. Книга на прошлой неделе вышла в свет во Франции и имеет очень хорошую прессу.

– Ты была в Париже вместе с ним?

– Да.

– И?

– И я... люблю его. Сильно люблю...

– Марина говорит, что он тебя тоже любит. Сильно! – Алли сделала ударение на последнем слове. – И что дальше? Куда вы теперь вдвоем поплывете?

– Понятия не имею. Мы с ним вообще-то не строили никаких планов на будущее. У него шестилетняя дочь на руках. Живет он в Рио, я здесь... Ладно, давай лучше поговорим о тебе, Алли. Как твои дела? – спросила я у сестры, не желая и далее обсуждать Флориано.

– Последние гонки прошли нормально. Меня даже пригласили поучаствовать в регате Фастнет, которая состоится в следующем месяце. Главный тренер нашей национальной сборной хочет, чтобы я приняла участие в отборочных соревнованиях перед Олимпиадой. А это означает непрерывные тренировки, начиная с осени и все первые четыре месяца следующего года, вплоть до самого начала Олимпиады в Пекине.

– Алли! Но это же фантастика! Обязательно сообщи мне, как будут развиваться события. Договорились?

– Конечно, сообщу.

Я уже приготовилась задать свой следующий вопрос, но тут на террасе появилась Марина.

– Майя, дорогая. Я и не знала, что ты уже вернулась, пока Клавдия не сообщила мне об этом. Кристиан отдал мне днем. Но тут неожиданно приехала Алли. Я закрутилась и совершенно забыла обо всем. Забыла отдать тебе. – Марина вручила мне конверт. Я взглянула на почерк и моментально узнала руку Флориано.

– Спасибо, Ма.

– Вы собираетесь ужинать, девочки? – спросила она у нас с Алли.

– Если ужин уже готов, то я с радостью, – тут же откликнулась Алли и взглянула на меня. – А ты, Майя? Составь мне компанию. Не так уж часто мы в последнее время собираемся за одним столом.

– Конечно, составлю. – Я поднялась со своего места. – Но не возражаете, если я на пару минут отлучусь к себе в Павильон?

Обе понимающе закивали головами, глянув на меня и на письмо в моей руке.

– Тогда до встречи, милая. Ждем тебя, – сказала Марина.

У себя в Павильоне я трясущимися пальцами вскрыла конверт и вытащила оттуда немного влажноватый листок бумаги, явно вырванный впопыхах из записной книжки.

*С борта катера
Женевское озеро
13 июля 2007 года*

Мон амур Майя,

Обращаюсь к тебе на своем скверном французском. И хотя я не смогу достичь на этом языке тех поэтических вершин, которыми изобилуют письма Лорена Бройли к Изабелле, знай, что чувства мои к тебе, невзирая на слова, точно такие же. (Отдельно прошу прощения за плохой почерк, качка на воде, хоть и не очень большая, но все же есть.) Шерри, я вполне понимаю, почему сегодня утром ты была сама не своя. Мне хотелось успокоить тебя как-то, но ты, наверное, все еще не вполне доверяешь мне, и от этого в твоей душе царит такая сумятица. А потому я уже в письменной форме повторяю еще раз: я люблю тебя. Мы провели вместе не так много времени, но ведь наша история еще только начинается. Если бы ты не убежала от меня сегодня утром, якобы по делам, я бы обязательно сказал тебе, что больше всего на свете хочу, чтобы ты приехала ко мне в Рио и осталась вместе со мной. И мы бы вместе наслаждались поеданием фасолевого рагу, запивая его вином, которое «невозможно пить», а потом танцевали бы самбу до самого утра. И так каждую ночь, до конца наших дней. Понимаю, я прошу слишком многого. Тебе ведь не так-то просто расстаться со своей привычной жизнью в Женеве и переехать ко мне. Но у меня, как и у Изабеллы, есть ребенок, о котором я обязан думать. А Валентине очень нужна полноценная семья. И чтобы кто-то из близких постоянно был рядом с ней. Во всяком случае, сейчас.

Подумай хорошенько над моим предложением. Ведь тебе предстоит принять непростое решение. Но, пожалуйста, буду очень тебе признателен, если ты как

можно скорее вытащишь меня из моего нынешнего состояния меланхолии и удрученности. Мне не терпится дождаться твоего ответа, но потерплю, с учетом всех складывающихся обстоятельств.

Я также кладу в конверт твой мыльный камешек. Мой приятель из музея все же сумел расшифровать ту надпись, которую сделала Изабелла на память Лорену. Вот она.

*Любовь не знает расстояний,
Для нее не существует континентов,
Ибо ее взор всегда устремлен к звездам.*

Говорю «до свидания» в надежде услышать тебя в скором времени.

Флориано.

Алли

Июль 2007 года



Новолуние
12; 04; 53

Мы с Мариной долго махали руками и посылали воздушные поцелуи, наблюдая за тем, как Майя уплывает от нас на катере. В двух чемоданах, забитых под самую завязку, она увозила с собой самые дорогие ее сердцу сокровища. *И, само собой*, триста пакетиков растворимого чая «Английский завтрак». По ее словам, в Рио она такого не нашла. Хотя она и заверила нас, что вскоре вернется, мы с Мариной обе отлично понимали, что едва ли такое случится в обозримом будущем. А потому были взволнованны и растроганны до слез при виде моей старшей сестры, уплывающей от нас, чтобы начать новую жизнь. Еще немного, и Майя исчезла из виду.

– Я так рада за нее, – промолвила Марина, украдкой смахивая слезы с глаз, когда мы уже возвращались домой. – Флориано – чудесный человек, такой милый. Красавец к тому же. По словам Майи, и его маленькая дочка тоже очень красивая.

– Повезло Майе! – отозвалась я. – Сразу получит готовую семью. Быть может, этот ребенок хоть как-то компенсирует ей ту утрату, которую она понесла когда-то.

Марина бросила на меня выразительный взгляд.

– Майя рассказала тебе?

– Да, вчера. Честно говоря, я была шокирована. И даже не столько тем, что тогда случилось, сколько ее колоссальной выдержкой. Надо же! Столько лет держать все это в себе. Между прочим, – добавила я тоном завязтой эгоистки, – меня немного задело и даже обидело, что она не захотела довериться мне и поделиться своей тайной. Но ты-то уж наверняка все знала? – спросила я у Ма, проходя вслед за ней на кухню.

– Да, милая, знала. Именно я и помогала ей тогда. В любом случае что сделано, то сделано. А Майя, слава богу, наконец снова обрела желание жить. А ведь признаться честно, – Марина включила плиту и поставила чайник на огонь, – я порой думала, что она никогда не оправится от своей душевной травмы.

– Мы все переживали за нее, хотя и не знали причин. Я помню, какой жизнерадостной она была в юности. Можно сказать, вся

светилась от счастья. А потом переменялась буквально за одну ночь. Помню, я поехала в Париж навестить ее, когда она снова приступила к своим занятиям на третьем курсе Сорбонны. Она показалась мне тогда такой тихой... и замкнутой. Вся ушла в себя. – Я вздохнула. – Помню, я проскучала всю неделю. Майя никуда не хотела ходить со мной. А я ведь впервые оказалась в Париже, и мне в ту пору было всего лишь шестнадцать. Сейчас-то я понимаю, чем именно было вызвано ее такое странное поведение. Но тогда... Ты же знаешь, в ранней юности я обожала Майю, можно сказать, она была моим идолом. Вот почему меня так сильно расстроило то, что она так и не посчитала возможным открыться мне и все рассказать.

– Думаю, она обошлась так не только с тобой. Она спряталась в свою скорлупу от всех нас, – попыталась утешить меня Марина. – Если кто и сумеет снова вернуть ее к жизни, научит доверять людям, так это тот молодой человек, с которым она познакомилась в Рио. Что будешь? Чай или что-то попрохладнее?

– Спасибо, достаточно просто стакана воды. По правде говоря, Марина, мне кажется, что ты сама не на шутку влюбилась в этого Флориано! – пошутила я, принимая из рук Марины стакан с водой.

– Он действительно очень красивый, – бесхитростно призналась Марина.

– Тогда я просто сгораю от нетерпения побыстрее познакомиться с ним. Но вот Майя уехала. Чем сама станешь заниматься?

– О, за меня можешь не волноваться. У меня тут куча дел. Скучать без работы точно не буду. Просто чудо какое-то, что вы, девочки, вдруг так зачастили сюда, в свой родной дом. И просто так, безо всякого предупреждения. – Марина глянула на меня с улыбкой. – Между прочим, на прошлой неделе меня навещала Стар.

– Правда? Одна? Без Сиси?

– Одна, – коротко ответила Марина, как всегда, тактично уклонившись от дальнейших комментариев. – Для меня всегда счастье, когда кто-то из вас приезжает сюда, в Атлантис.

– Но без папы здесь все стало другим, – неожиданно сказала я.

– Конечно, – охотно согласилась со мной Марина. – Хотя, с другой стороны, ты только представь себе, как бы он сейчас гордился тобой, зная, что тебя ждет в ближайшем будущем. Ты же знаешь, как он сам обожал парусный спорт.

– Все так, – грустно улыбнулась я. – Но, возвращаясь к прежней теме, ты же знаешь, что отцом ребенка Майи был Зед, сын Крига Эсзу?

– Знаю. Пойду, попрошу Клавдию приготовить нам ужин к семи вечера, – резко перевела она разговор на другое. – Ведь ты же завтра уезжаешь с самого утра?

– Да. А я тем временем проверю свою электронную почту. Можно я воспользуюсь папиным кабинетом?

– Конечно, можно. Запомни, Алли, отныне весь этот дом принадлежит тебе и твоим сестрам, – ответила Марина, терпеливо втолковывая мне эту непреложную истину.

Я поднялась к себе в спальню, взяла ноутбук, снова спустилась вниз и направилась в кабинет отца. Впервые в жизни уселась за его письменный стол, осторожно пристроившись на его рабочем кресле. Потом включила компьютер и стала ждать, пока он загрузится, вперив взор в пустой экран. Лениво скользнула взглядом по нагромождению предметов, которые папа хранил на своих полках.

Компьютер сообщил мне, что, не успев открыться, уже отключается, чтобы осуществить перезагрузку. Я встала с кресла и подошла к папиному проигрывателю CD-дисков. Все мы уже давно уговаривали его отказаться от этого старья и перейти на айпад, но отец, несмотря на то что его кабинет был забит новейшими компьютерными системами и самым сложным электронным оборудованием, упорно твердил нам в ответ, что он уже слишком стар, чтобы гоняться за новинками, и предпочитает «видеть» ту музыку, которую хочет прослушать. Я включила проигрыватель. Интересно, какую музыку слушал Па Солт в последний раз? Комната сразу же наполнилась начальными аккордами пьесы Эдварда Грига «Утреннее настроение» из его сюиты «Пер Гюнт».

Я замерла на месте, охваченная внезапной волной воспоминаний. Это была любимая мелодия папы, и он часто просил меня наиграть ему вступительные аккорды на флейте. Эта музыкальная тема, в сущности, стала лейтмотивом моего детства. Она напомнила мне те счастливые мгновения, когда мы с отцом рано утром, еще на восходе солнца, уходили под парусом в плавание по озеру, и отец терпеливо учил меня, как надо правильно обращаться с парусом.

Как же мне его не хватает. Как я тоскую о нем.

И еще об одном человеке.

Музыка лилась из скрытых динамиков, величественные, прекрасные звуки наполнили все свободное пространство вокруг меня. Поддаваясь внезапному порыву, я схватила трубку телефона, стоявшего на письменном столе, чтобы позвонить.

Приложив трубку к уху, стала набирать номер и тут же поняла, что на линии есть кто-то еще. Знакомый голос, привычные с детских лет интонации заставили меня вздрогнуть.

– Алло! – крикнула я в трубку и тут же отключила проигрыватель, чтобы окончательно убедиться в том, что это был его голос.

Но вместо голоса я услышала в трубке лишь длинные гудки и поняла, что он ушел.

Примечание автора

Роман «Семь сестер» в своей основе опирается на ту мифологию, которая сложилась вокруг хорошо известного созвездия Плеяд, его называют еще Семь Сестер, оно расположено в непосредственной близости от пояса Ориона. Во всех древних культурах, начиная от народа майя, древних греков и кончая аборигенами Австралии, обязательно упоминаются Семь Сестер, они встречаются во многих памятниках письменности, на наскальных надписях и в стихах. Тысячи лет тому назад мореплаватели ориентировались по этим звездам, отправляясь в очередное плавание. И даже известная марка японских автомобилей «Субару» тоже названа в честь *шести* звезд из этого созвездия...

Многие имена персонажей в этой серии романов являются анаграммами имен популярных героев из известных легенд. Отсюда множество соответствующих отсылок к этим легендам, много аллегории. Но чтобы получить удовольствие от чтения романа, вовсе не обязательно знать все эти древние легенды и сказания. Однако, если вы захотите и дальше проследить за судьбой Па Солта, Майи и ее сестер, милости просим, заходите на мой веб-сайт www.lucindariley.com, где вы найдете и легенды, и другие занимательные истории.

Благодарность

В первую очередь я хочу поблагодарить Миллу и Фернандо Барачинни и их сына Ги. Потому что именно сидя за обеденным столом в их доме в бразильском городе Рибейран-Прету, штат Сан-Паулу, я вдруг вознамерилась написать роман, действие которого разворачивается в Бразилии. Отдельная благодарность чудесной женщине по имени Мария Изабель Сеабра де Норонья, правнучке Эйтора да Силва Коста, архитектора и автора проекта монумента «Христос Искупитель». Она щедро поделилась со мной и своим временем, и знаниями, а также документальной книгой «С широко распахнутыми руками». А потом еще нашла время, чтобы ознакомиться с рукописью моего романа и убедиться в том, что все детали в нем изложены точно и правильно. Однако стоит помнить, что речь все же идет о романе, то есть о произведении художественном, хотя действие в нем разворачивается вокруг реальных исторических лиц. Так, воссоздавая образы Поля Ландовски и членов семьи да Силва Коста, я опиралась скорее на собственное воображение, чем на факты. Огромное спасибо Валерии и Луису Августо Рибейро за то, что для работы над книгой они предоставили в мое распоряжение свою фазенду, расположенную высоко в горах, неподалеку от Рио, откуда мне просто не хотелось никуда уезжать. Благодарности от меня достаиваются Ваниа и Ивонна Силва за их вкуснейшие сдобные пироги и за многое другое. Сюзанна Перл, мой терпеливый гид по Рио, познакомившая меня с историей этого города, Педро и Эдуардо, мои замечательные водители, Карла Ортелли, проявившая великолепные организаторские способности, а потому за все время пребывания в Бразилии у меня не возникло ни единой проблемы, Андреа Феррейра, всегда бывшая со мной на связи, если у меня возникали проблемы с переводом, вам всем я тоже говорю свое «спасибо».

Я также хочу поблагодарить своих издателей по всему миру за их поддержку после того, как я объявила им, что собираюсь написать целую серию романов из семи книг, посвященную Семи Сестрам из Плеяд. Особенно Джеза Треватана и Кэтрин Ричардс, Георга Рючлейна

и Клавдию Негеле, Питера Борланда и Джудит Керр, Кнута Горвелла, Джорид Матиасе и Пип Холен.

Спасибо Валери Брошан, моей соседке на юге Франции. Она любезно сопровождала меня в музей Поля Ландовски в Булонь-Бийанкуре и сделала там сотни фотографий. Спасибо Адриане Гюнтер, которая перевела для меня обширную биографию Поля Ландовски и обобщила наиболее важные факты из нее. Дэвид Гарбер и его сотрудники тоже получают от меня благодарность за то, что познакомили меня с принципом работы армиллярной сферы.

Мое спасибо маме Джанет, которая всегда поддерживает меня во всех моих начинаниях, сестре Джорджии и ее сыну Рейфу, который в свои девять лет – подумать только! – взял для школьного чтения роман «Полуночная роза». Благодарю Риту Калагейт, которая буквально настояла на том, чтобы я *отправилась* в Бразилию. Спасибо Изабель Лэттер за то, что она принимала меня в Норфолке, терпеливо выслушивала мои бесконечные разговоры о книге и при этом бережно приводила в порядок мое ноющее тело, уставшее от бесконечных перелетов по всему свету или от изматывающего сидения за рукописью по двадцать четыре часа в сутки всю неделю без выходных.

Благодарю Сьюзен Мосс, мою лучшую подругу с незапамятных времен, а теперь еще и соучастника «преступления» в том, что касается проработки всех подробностей романа, Жаклин Хеслоп, мою вторую «сестру» в новой жизни, и моего личного ассистента Оливию Райли, которая не только чудесным образом умудрялась разобраться в моих каракулях и прочитала их, но и толково объяснила мне, что такое армиллярная сфера.

Была замечательно красивая звездная ночь в самом начале января 2013 года, когда мне впервые пришла в голову идея написать в аллегорической форме цикл романов о семи мифологических сестрах. Я собрала всю свою семью, усадила их возле камина и принялась сбивчиво излагать им (потому что страшно волновалась) свой замысел. Надо отдать должное моим домашним: никто из них не сказал мне тогда, что я сошла с ума. Хотя, наверное, выглядела я в тот момент немного чокнутой. И вот именно им, своим близким, я выражаю самую большую свою благодарность за то, что случилось потом. Вместе со своим мужем и одновременно моим литературным агентом мы в минувшем году совершили просто фантастическое путешествие,

во время которого оба узнали так много нового для себя. Благодарю своих замечательных детей: Гарри, который делает все мои прекрасные фильмы; Леонору, которая подарила мне первую анаграмму «Па Солт»; Кита, моего младшенького, который всегда умеет рассмешить меня; и наконец Изабеллу Роуз, мое восхитительное чадо восемнадцати лет, «ребенок-искра», которой, собственно, и посвящена эта книга.